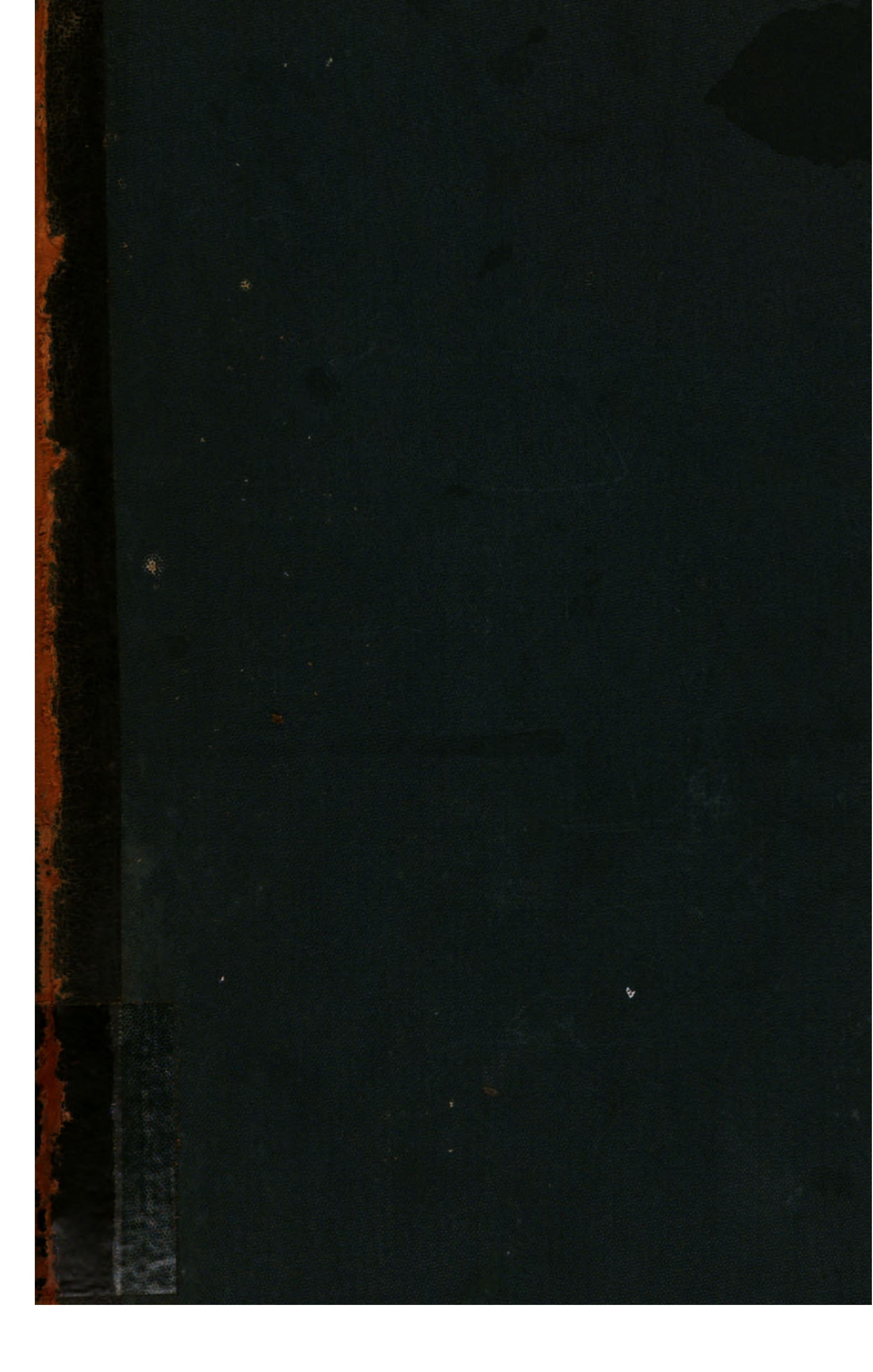
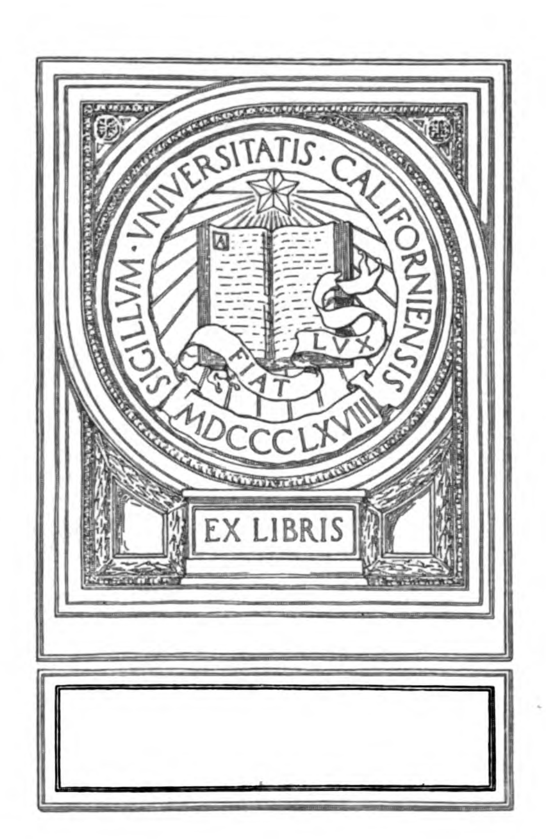



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

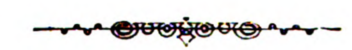
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1898 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ VII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

Дозволено цензурою 25-го іюля 1898 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ СТАРОЙ ФРАНЦІИ.

(историческій очеркъ).

I.

Эпиграфомъ къ своимъ поразительно художественнымъ «Замогильнымъ Запискамъ» Шатобріанъ выбралъ латинскій стихъ: Sicut nubes... quasi naves... velut umbra. Когда онъ перебиралъ въ своей головѣ и заносилъ на бумагу воспоминанія о пережитомъ, передуманномъ и перечувствованномъ, ему приходилось испытывать смутныя и неясныя впечатлѣнія человѣка, устремляющаго взоръ въ далекое море и еле различающаго тамъ «какъ будто облака... не то корабли, не то игру свѣта и тѣней». Для отживавшаго вѣкъ восьмидесятилѣтняго старика представлялись окутанными туманомъ всѣ грандіозныя событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ своей жизни; тѣ «дуновенія бурь земныхъ», о которыхъ говоритъ нашъ поэтъ, казались автору «Mémoires d'outre-tombe» сказочными по своей непреодолимой силѣ. Многіе современники и потомки Шатобріана раздѣляютъ съ нимъ это чувство нѣкоторой подавленности передъ размѣрами и характеромъ историческихъ явленій конца XVIII и начала XIX столѣтія, многіе историки революціи и имперіи, писавшіе въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, отчасти какъ очевидцы, отчасти по устнымъ разсказамъ, останавливались въ недоумѣніи передъ колоссальностью внѣшнихъ фактовъ и, не рѣдко впадая въ мистическія преувеличенія, прибѣгали къ совершенно ненаучнымъ объясненіямъ и выводамъ. Есть такіе мемуаристы и историки упомянутой эпохи, къ произведеніямъ которыхъ можно было бы съ полнымъ правомъ примѣнить слова, служившія заглавіемъ одной средневѣковой французской хроники «Gesta Dei per Francos»: Дѣла божьи, совершенныя черезъ французовъ.

И если спокойствія и самообладанія не хватало у людей, только писавшихъ объ этихъ событіяхъ, то отъ лицъ, которыя ихъ переживали и, главное, принимали въ нихъ участіе, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ напрасно стали бы ожидать вполнѣ трезвой оцѣнки и безпристрастныхъ квалификацій дѣятелей и фактовъ упомянутой эпохи. Въ особенности не скоро дождались всеобщаго признанія тѣ принципы, во

имя которыхъ начался переворотъ 1789 г. Не только главные враги не хотѣли примириться съ тѣми идеями, которымъ традиція приписывала всѣ бѣдствія, постигшія Францію, но и прежніе сторонники новыхъ доктринъ не рѣшались весьма долго провозглашать ихъ съ былою силой и увѣренностью. Голоса людей, не отступившихъ отъ своихъ убѣжденій, продолжавшихъ громко и безстрашно отстаивать ихъ, были наперечетъ въ тѣ времена, которыя непосредственно слѣдовали послѣ 1815 г.; и, если коренные принципы названнаго переворота получили всемірно-историческое значеніе, то дѣятельность людей, сохранившихъ эти принципы, защищавшихъ ихъ въ трудные года отъ враговъ,—представляетъ особый интересъ теперь, когда, наконецъ, можно оцѣнить эту дѣятельность съ объективной, исторической точки зрѣнія. Слишкомъ мало было такихъ дѣятелей, слишкомъ немногіе съумѣли тотчасъ же послѣ пережитыхъ грандіозныхъ событій различить среди улегающейся бури ту «путеводную звѣзду» *), которая не переставала свѣтить имъ и отъ которой, по ихъ мнѣнію, только и можно было ожидать спасенія; и такъ какъ этихъ людей было мало, то личная роль ихъ является еще значительнѣе, дѣятельность каждаго изъ нихъ еще интереснѣе. Біографіи человѣка, вписавшаго свое имя въ исторію въ качествѣ одного изъ самыхъ сильныхъ защитниковъ новыхъ ученій, и посвящется настоящій этюдъ.

II.

При жизни Ройе-Колларъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ парламентскихъ кругахъ и въ обществѣ; его рѣчи являлись просто политическими событіями, его слова ловились и повторялись, къ нему обращались за поддержкой могущественныя партіи и министерскіе кабинеты. Но когда онъ умеръ въ 1845 г., послѣ пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ деревнѣ въ полномъ отчужденіи отъ общественныхъ дѣлъ, — его смерть прошла незамѣченной, не вызвала даже сколько-нибудь значительной некрологической литературы. Другіе вопросы и другіе интересы волновали и раздѣляли Францію, и фигура стараго парламентариста уже давно, задолго до смерти, не привлекала къ себѣ вниманія. Ройе-Колларъ почти ничего не писалъ и не оставилъ послѣ себя совсѣмъ литературнаго наслѣдія. Это также способствовало тому, что о немъ мало помнили. Всѣ его рѣчи писались имъ цѣликомъ до произнесенія ихъ съ трибуны, но долгое время эти бумаги не были обнародованы. Только въ 1861 году другъ Ройе-Коллара Барантъ издалъ полностью всѣ рѣчи, всѣ докладныя записки, и вообще, всѣ документы, имѣющіе политическое значеніе и найденные въ кабинетѣ

*) Выраженіе Бенжамена Констана.

покойнаго. Это изданіе *), состоящее изъ двухъ большихъ томовъ (больше тысячи страницъ), и служитъ главнымъ и непосредственнымъ источникомъ для изученія политическихъ доктринъ Ройе-Коллара. Біографическихъ работъ о немъ вплоть до самаго послѣдняго времени не появлялось, если не считать нѣсколькихъ большихъ замѣтокъ, не претендующихъ на особую освѣдомленность. Недавно, правда, въ Парижѣ вышла въ свѣтъ книга Спюллера **) о Ройе-Колларѣ, содержащая довольно подробное его жизнеописаніе, но этотъ трудъ, удѣляя много мѣста личной жизни своего героя, совершенно не касается происхожденія и эволюціи его идей. Эта до сихъ поръ не выполненная задача тѣмъ больше заслуживаетъ вниманія, что правильное ея разрѣшеніе помогло бы выяснить, какимъ образомъ и до какой степени XVIII вѣкъ вліялъ на XIX-ый въ такой важной категоріи идей, какъ политическія теоріи.

Ройе-Колларъ не только по своимъ ученіямъ, но и по личнымъ связямъ, и даже по возрасту принадлежитъ къ концу прошлаго и началу настоящаго вѣка; предварительное разсмотрѣніе біографическихъ фактовъ прямо приведетъ насъ къ анализу его воззрѣній и нѣсколько поможетъ разобраться въ нихъ.

Пьеръ-Поль Ройе-Колларъ родился въ 1763 г. въ деревнѣ Сомпюи, въ Шампаніи. Его мать была Анжелика Колларъ, а отецъ—Антуанъ Ройе: дѣти этой четы носили двойное имя. И отецъ, и мать будущаго дѣятеля принадлежали къ типичнымъ сельскимъ дворянскимъ семьямъ старой Франціи. Цѣлыя поколѣнія этихъ семей жили и умирали въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, занимаясь хозяйствомъ и охотами, а также усердно посѣщая церковь и читая книги духовнаго содержанія. И Ройе, и Коллары принадлежали къ янсенистскому толку; католическій піэтизмъ смѣшивался у нихъ съ чисто сектантскою суровостью морали и ригористичнымъ исполненіемъ ритуаловъ. Вообще, янсенизмъ пустилъ въ Шампаніи глубокіе корни; не только помѣщики, но и крестьяне склонялись къ нему. Досуги въ этой странѣ посвящались религіозному чтенію, совмѣстнымъ толкованіямъ трудныхъ мѣстъ Св. Писанія; крестьяне и слуги собирались по зимнимъ вечерамъ въ комнатахъ господъ, и хозяйка читала вслухъ Библію или Евангеліе, а собравшіеся благоговѣйно слушали. До какой степени набожность здѣсь была велика, указываетъ тотъ фактъ, что даже крестьянскія женщины, отправляясь на работу, брали съ собою Библію, чтобы почитать ее въ свободную минуту. Въ домѣ Ройе-Коллара была служанка, имѣвшая собственную библіотеку изъ 600—700 книгъ духовнаго содержанія; звали ее Маріей Жераръ. Мать Ройе-Коллара совершенно подходила по своему харак-

*) «La vie politique de M. Royer Collard: ses discours et ses écrits par» M.de Barante Paris. 1861. 2 vol).

**) Spuller: «Royer Collard» (Paris 1895. 1 vol.): этюды Philippe'a и воспоминанія Сентъ-Бёва послужили Spuller'у источниками.

теру и образу мыслей къ пуританской и нѣсколько ханжеской атмосферѣ, царившей вокругъ. Она была женщиной жесткаго, сухого нрава, къ дѣтямъ особой любви не выказывала, и если любила ихъ, то поразительно искусно умѣла скрывать свои чувства; она зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы семья въ положенные дни постилась, и вѣчно приставала къ своимъ сыновьямъ съ приглашеніями читать тѣ или другія благочестивыя произведенія янсенистскихъ первоучителей. Какъ относились прочія дѣти къ ея заботамъ объ ихъ душѣ—мы не знаемъ, но Пьеръ не разъ сознавался впослѣдствіи, что духовно-просвѣтительное чтеніе надоѣдало ему до невозможности, и что онъ даже поднималъ по этому поводу противъ матери знамя возстанія. Такой отзывъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что онъ всегда отзывался о своихъ родителяхъ съ большимъ уваженіемъ. Подъ домашнимъ кровомъ у него выработался твердый характеръ, сложились ригористическія моральныя правила и навсегда окрѣпло религіозное чувство: онъ не былъ правовѣрнымъ католикомъ, но всю жизнь вѣрилъ въ существованіе Бога; той же семейной обстановкѣ, вѣроятно, онъ обязанъ нѣкоторыми непріятными сторонами своей натуры: весьма можетъ быть, что онъ не сдѣлался бы такимъ педантомъ, такимъ требовательнымъ человѣкомъ, если бы съ самаго дѣтства педантизмъ постоянно не превозносился передъ нимъ всѣми окружающими и если бы выполненіе щепетильныхъ и мелочныхъ требованій не ставилось на высоту вѣнца добродѣтелей.

Когда онъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, его отправили въ Шомонъ, въ коллегію; курсъ, начатый въ Шомонѣ, онъ кончилъ въ Сентъ-Омерѣ. Будучи въ коллегіи, онъ съ жаромъ занимался изученіемъ французской литературы и, въ особенности, ея классиковъ: Боссюэтъ, Паскаль не сходили съ его стола такъ же, какъ римскіе и греческіе историки и поэты, которыми онъ занимался, можетъ быть, не такъ усердно, но которые до конца жизни не переставали интересовать его. У него была привычка читать понравившееся произведеніе по десяти, пятнадцати разъ, и Расинъ, Корнель были изучены имъ почти на память. Современные писатели, наполнявшіе тогда своей славой всю Европу, не пользовались его расположеніемъ; правда, онъ любилъ и уважалъ Монтескье, но другимъ дѣятелямъ просвѣтительной литературы онъ не могъ простить ихъ вольнаго отношенія къ объектамъ религіозныхъ вѣрованій. Въ особенности онъ ненавидѣлъ Вольтера; этотъ блестящій талантъ поражалъ и противъ воли привлекалъ его, заставлялъ любоваться собою, онъ читалъ всѣ сочиненія Вольтера отъ альфы до омеги, но никогда не поддавался этому вліянію и постоянно искалъ случая выразить свое отвращеніе къ гонителю infâme.

Еще, когда онъ начиналъ прохожденіе курса коллегіи, родители Пьера объявили ему, что желали бы видѣть его священникомъ. При всей своей набожности молодой человѣкъ сознавалъ въ себѣ слишкомъ независимую натуру и слишкомъ широкій полетъ мысли, чтобы съ удо-

вольствіемъ думать о стѣсненномъ поприщѣ католическаго духовнаго лица; онъ объявилъ родителямъ, когда, по окончаніи курса, они повторили свое предложеніе, что въ священники идти не желаетъ и что поищетъ себѣ заработка, занимаясь юриспруденціей. Вскорѣ послѣ того онъ отправился въ Парижъ и, чтобы подготовиться къ самостоятельной адвокатской дѣятельности и на практикѣ изучить судебную процедуру, поступилъ клеркомъ въ канцелярію одного парламентскаго прокурора, приходившагося ему дальнимъ родственникомъ.

Интересное время переживалъ тогда Парижъ; конецъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія оставилъ въ умахъ разныхъ людей различныя, но всегда странныя впечатлѣнія и воспоминанія. Многіе вмѣстѣ съ Талейраномъ говорили впослѣдствіи, что кто не жилъ до революціи, тотъ не знаетъ, что такое счастье; что никогда не дышалось такъ привольно и радостно, какъ тогда. Другіе описывали это время, какъ эпоху высшаго проявленія всѣхъ безобразій стараго режима. Третьи утверждали, что тревога и ожиданіе владѣли тогда всѣмъ существомъ человѣка, что гроза уже носилась въ воздухѣ. «Часто я вглядывался въ ликующихъ нарядныхъ красавицъ, порхавшихъ по бальнымъ заламъ Тріанона, часто не могъ я отвести глазъ отъ ихъ веселыхъ кавалеровъ, и мнѣ казалось, что на ихъ лица уже легла смертная тѣнь», писалъ въ 30-хъ годахъ одинъ старый придворный Маріи-Антуанетты.

Тотъ кругъ парламентскихъ законниковъ и крупныхъ буржуа, въ который попалъ Ройе-Колларъ по пріѣздѣ въ Парижъ, являлся оппозиціоннымъ слоемъ общества. Извѣстна роль, которую играли старые французскіе парламенты въ революціонную эпоху: они были очагомъ легальной оппозиціи, единственнымъ учрежденіемъ, которое хоть косвенно, хоть весьма слабо могло заявлять свое неудовольствіе, свой протестъ противъ дѣйствій правительства. Если вообще броженіе расло, если многіе уже были на готовѣ и на сторожѣ, то парламентъ одинъ имѣлъ физическую возможность начать борьбу съ правительствомъ; естественно, что популярность этого учрежденія была необычайна во всей Франціи. Молодой клеркъ всей душой былъ на сторонѣ недовольныхъ и уже черезъ много лѣтъ не находилъ словъ, чтобы выразить свое восхищеніе поведеніемъ парламента передъ революціей. Его плѣняло тутъ все: и важныя традиціонныя формы, и величавая сдержанность рѣчи и поступковъ, и непоколебимая стойкость политики, и, наконецъ, умѣренность и законность требованій. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что никогда уже никакое политическое собраніе не было такъ по сердцу Ройе-Коллару, какъ старое судебное учрежденіе дореволюціонной Франціи. Сложились ли у него къ тому времени вполнѣ опредѣленныя политическія убѣжденія, мы не знаемъ; насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ, въ его тогдашнемъ міросозерцаніи господствовалъ лишь отрицательный взглядъ на современный государ-

ственный строй, но каковы были его положительныя воззрѣнія, сказать трудно. Подобно всей оппозиціонной буржуазіи, которой принадлежитъ дебютъ въ великой революціи, Ройе-Колларъ стоялъ за уничтоженіе привилегій дворянства и духовенства и за ограниченіе королевской власти; но ошибочно было бы думать, что исключительно классовое раздраженіе говорило въ немъ: опять-таки, подобно почти всему среднему сословію въ эти годы, онъ совершенно безкорыстно желалъ всеобщаго равенства для французскаго народа. «Мы всѣ были патріотами, это было время патріотизма», говаривалъ онъ часто въ старости. Въ его положеніи въ эту эпоху можно замѣтить извѣстную двойственность: по своимъ общественнымъ взглядамъ онъ примыкалъ къ широкому кругу либеральной буржуазіи, но по религіознымъ воззрѣніямъ рѣзко отдѣлялся отъ этой группы. Онъ оставался вѣрующимъ христіаниномъ; нужно перенестись въ то время, чтобы понять, какимъ образомъ такая интимная сторона душевной жизни, какъ вѣра, могла создавать нѣкоторую неопредѣленность въ положеніи молодого человѣка: тогда религіозное отрицаніе или индифферентизмъ являлись въ глазахъ многихъ боевымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ привилегированнаго сословія «монаховъ и священниковъ». Посѣщеніе церкви, сдержанные отзывы о духовенствѣ, наличность католическихъ идей,— все это считалось не только отсталостью въ интеллектуальномъ отношеніи, но и признакомъ политическаго оппортюнизма. Конечно, знавшіе его люди, хорошо понимали, чему сочувствуетъ Ройе-Колларъ—новой или старой Франціи, но пользоваться вліяніемъ въ широкихъ кругахъ либеральной молодежи онъ не могъ уже, вслѣдствіе отсутствія требовавшагося тогда вполнѣ однороднаго политическаго символа вѣры.

Стоя въ принципѣ за представительный образъ правленія, онъ однако, не склонялся на сторону парламентскихъ учрежденій Великобританіи; отъ тогдашнихъ англомановъ его отдѣляло глубокое отвращеніе къ аристократическимъ привилегіямъ и ко всему, что, такъ или иначе, напоминало олигархію. Но его не смущало отсутствіе вполнѣ выработаннаго положительнаго идеала: отрицательный былъ за то ему слишкомъ ясенъ, и вся душевная энергія вкладывалась цѣликомъ въ стремленіе разрушить старый строй. Когда, наконецъ, были созваны генеральные штаты, Ройе-Колларъ былъ весь поглощенъ вниманіемъ къ тому, что происходило на засѣданіяхъ представителей; онъ слѣдилъ за тѣми двумя потоками, на которые сначала разбилось революціонное теченіе: бурныя дебаты въ собраніи занимали его такъ же живо, какъ поднимавшаяся гроза среди парижскаго народа. Онъ вовсе не желалъ, чтобы движеніе приняло исключительно парламентскія формы; онъ понималъ, что старая власть все еще остается во главѣ правленія, что безъ внѣшней поддержки собраніе не будетъ дѣйствовать такъ увѣренно, какъ ему бы хотѣлось. Народъ казался ему главнымъ героемъ начинавшейся трагедіи, и его потянуло къ сближенію съ низшими

слоями парижскаго народонаселенія. Онъ жилъ на одной изъ улицъ проходящихъ около самой рѣки. Эти улицы были тогда заселены по большей части мелкимй ремесленниками и торговцами, рыбаками, поденщиками, работавшими на пристани и т. п. Ройе-Колларъ сразу вошелъ въ довѣріе къ своимъ сосѣдямъ; ежедневно можно было видѣть его окруженнаго толпой рыбаковъ, матросовъ и рабочихъ и разсказывающаго имъ новости дня самымъ оживленнымъ образомъ. Нечего и говорить, что тема этихъ бесѣдъ всегда была одна и та же: борьба между собраніемъ и королемъ занимала всѣ умы. Простой народъ, на девять десятыхъ безграмотный, зналъ въ самыхъ общихъ чертахъ о ходѣ событій; до генеральныхъ штатовъ (а потомъ конституанты) ему было первое время довольно мало дѣла. Заполнить ненормальную и даже опасную пропасть, существовавшую между народомъ и представителями трехъ сословій могло только лишь политическое воспитаніе, и если событія не по днямъ, а по часамъ усиливали всеобщій интересъ къ текущимъ дѣламъ, то люди, подобные Ройе-Коллару, старались пользоваться этимъ съ той цѣлью, чтобы направить силу народа на поддержку собранія. Онъ объяснялъ своимъ собесѣдникамъ положеніе и роль отдѣльныхъ группъ въ собраніи, давалъ характеристику дѣятелей, уже начинавшихъ привлекать къ себѣ вниманіе Франціи, излагалъ передъ ними ходъ каждаго засѣданія, передавалъ рѣчи ораторовъ. Роль ментора, политическаго воспитателя, всегда прекрасно удавалась Ройе-Коллару, и, видно, онъ умѣлъ понравиться своимъ слушателямъ, потому что, когда нужно было избирать коммунальный совѣтъ и Парижъ былъ раздѣленъ на избирательные округи,—молодой, никому изъ вліятельныхъ лицъ невѣдомый, юристъ былъ избранъ депутатомъ отъ того округа, гдѣ онъ жилъ.

Этотъ первый коммунальный совѣтъ города Парижа состоялъ, по большей части, изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ и радикаловъ. Въ его составъ входили, между прочимъ, Кондорсэ и астрономъ Бальи, бывшій мэромъ Парижа. Ройе-Колларъ понравился своимъ товарищамъ и вскорѣ они его выбрали секретаремъ совѣта. Кондорсэ полюбилъ его, но въ особенности онъ сошелся съ Бальи, астрономическіе трактаты котораго изучалъ еще въ коллегіи. Бальи сталъ другомъ и руководителемъ Ройе-Коллара, который всегда вспоминалъ о немъ съ грустью и любовью. Когда наступилъ терроръ, когда Кондорсэ и Бальи пали его жертвами, это причинило ихъ молодому другу тяжкое горе, которое не утихло съ годами. Тридцать пять лѣтъ спустя *), произнося рѣчь въ академіи, Ройе-Колларъ плакалъ, говоря о Бальи, и говорилъ, что это имя напоминаетъ ему самыя высокія и лучшія чувства, когда-либо владѣвшія имъ въ жизни. Кондорсэ, Бальи, а также Лафайетъ, котораго онъ глубоко уважалъ, имѣли на него большое вліяніе въ томъ

*) Spuller, 26.

отношеніи, что ввели его въ самую лабораторію тогдашней политической жизни и ярко освѣтили передъ нимъ путь, по которому шла Франція. Ройе-Колларъ въ это время сталъ задумываться надъ такими вопросами, которыхъ онъ раньше не задавалъ себѣ. По его мнѣнію, было достигнуто весьма многое, къ чему стремились съ начала переворота, а между тѣмъ общественное настроеніе какъ-то на его взглядъ странно не утихало. Наоборотъ, были симптомы, показывавшіе, что движеніе разростается и выходитъ изъ предѣловъ, гдѣ оно казалось нѣкоторое время заключеннымъ. Такое событіе, какъ ночь четвертаго августа,—правда, привело его въ восторгъ, окончательное крушеніе сословныхъ привилегій,—казалось ему величайшимъ подвигомъ собранія, но уже эта ночь навела его на раздумье, le fit réfléchir, какъ выражался онъ самъ. Онъ былъ того мнѣнія, что все начало дѣлаться какъ-то слишкомъ поспѣшно, лихорадочно быстро; какъ и многіе другіе, онъ не былъ въ состояніи сразу приноровиться къ быстрому ходу политической жизни; онъ все еще сердцемъ былъ на сторонѣ революціи, но умомъ не всегда успѣвалъ идти въ уровень съ событіями.

А новое настроеніе народа вскорѣ дало себя знать и въ выборѣ вліятельныхъ лицъ: Бальи былъ найденъ слишкомъ умѣреннымъ, и вмѣсто него мэромъ сдѣлали Петіона, убѣжденнаго и крайняго радикала. Ройе-Колларъ продолжалъ исполнять свои обязанности секретаря совѣта, хотя уже чужіе люди окружали его и другіе голоса ему приходилось слышать. Когда, наконецъ, десятаго августа 1792 г. монархія была низвергнута, когда крайніе элементы торжествовали на всѣхъ пунктахъ и власть перешла почти всецѣло въ ихъ руки, Ройе-Колларъ счелъ для себя немыслимымъ оставаться на своемъ посту и подалъ въ отставку. Вмѣсто него, секретаремъ коммунальнаго совѣта тотчасъ же былъ избранъ Тальенъ, вскорѣ прославившійся въ качествѣ одного изъ самыхъ ярыхъ террористовъ. Ройе-Колларъ въ положеніи частнаго лица продолжалъ дѣлать то же, что онъ дѣлалъ до своего избранія: бесѣда съ матросами, рыбаками и продавцами зельтерской воды продолжались по прежнему, но тонъ этихъ бесѣдъ былъ уже иной. Теперь Ройе-Колларъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы отвратить своихъ слушателей отъ террористической политики крайнихъ партій, политики, ставшей слишкомъ замѣтной послѣ казни короля. Просто поразительный успѣхъ увѣнчалъ его усилія: округъ Сенъ-Луи (въ которомъ онъ жилъ), уполномочилъ его явиться въ конвентъ въ маѣ 1793 года и просить верховное собраніе воздерживаться отъ тѣхъ страшныхъ мѣропріятій противъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ, отъ тѣхъ жестокостей, которыми конвентъ уже успѣлъ нагнать ужасъ даже на самыхъ искреннихъ республиканцевъ.

Какъ извѣстно, май мѣсяцъ 1793 года былъ временемъ послѣднихъ, рѣшительныхъ схватокъ между жирондистами и монтаньярами: Ройе-Колларъ горячо желалъ побѣды жирондистовъ и на свою делегацію

смотрѣлъ, какъ на средство подѣйствовать отъ имени общества въ пользу болѣе умѣренной партіи. Нужно замѣтить, что изъ могучихъ людей конвента онъ ни съ кѣмъ въ близкихъ отношеніяхъ не находился и поэтому могъ разсчитывать только лишь на поддержку жиронды. Любопытно, что Ройе-Колларъ былъ знакомъ съ Дантономъ; Дантонъ пытался даже привлечь его на свою сторону, но всѣ попытки были напрасны. «Переходите къ намъ,—сказалъ Дантонъ ему,—нужно съ волками по волчьи выть (il faut hurler avec les loups)». «Это позволительно только волкамъ», возразилъ Ройе-Колларъ. На этомъ они и покончили. Ройе-Колларъ высоко цѣнилъ личный характеръ Дантона, считалъ его великодушнымъ человѣкомъ, но сближеніе съ нимъ казалось ему немыслимымъ.

Итакъ, говоря съ якобинцами въ собраніи отъ имени своего округа, Ройе-Колларъ не имѣлъ подъ собою той почвы личной безопасности, которая въ эти времена была исключительнымъ удѣломъ людей, заявившихъ свою благонадежность, свой «civisme», передъ сильнымъ міра сего. Можно было ожидать робкихъ, нерѣшительныхъ фразъ, колебаній, оговорокъ; однако его рѣчь передъ конвентомъ полна спокойнаго достоинства и смѣлости. Нѣкоторыя выдержки изъ нея лучше всего характеризуютъ тогдашнія убѣжденія Ройе-Коллара. «Наступило время,—сказалъ онъ *),—когда намъ нужно прервать молчаніе и заявить наше желаніе. Мы знаемъ въ конвентѣ только конвентъ. Въ каждомъ изъ его членовъ мы будемъ защищать народное верховенство, представителями котораго всѣ они являются. Мы будемъ защищать его отъ всѣхъ, кто подъ маской патріотизма желаетъ убить свободу... Пусть окровавленный скипетръ анархіи будетъ сломанъ, пусть начнется царство законовъ»... Жирондисты встрѣтили эту рѣчь аплодисментами, а монтаньяры ее запомнили, такъ же какъ имя смѣльчака.

Произнести такую рѣчь передъ конвентомъ было почти равносильно тому, какъ если бы московскій бояринъ произнесъ передъ Іоанномъ Грознымъ филиппику противъ царской власти. Разница заключалась лишь въ томъ, что Ройе-Коллара не могла постигнуть кара сразу, такъ какъ, повторяемъ, еще шелъ послѣдній актъ борьбы монтаньяровъ за власть. Но финалъ не заставилъ себя долго ждать: черезъ нѣсколько дней послѣ рѣчи Ройе-Коллара, 31 мая, рѣшилось паденіе жиронды. Монтаньяры держали въ своихъ рукахъ Францію, разыскивали измѣнниковъ и сводили счеты со своими политическими антагонистами. Полиція уже искала Ройе-Коллара; чтобы спасти свою голову, ему нужно было бѣжать изъ Парижа, какъ можно поспѣшнѣе. Онъ успѣлъ прискакать въ Сомпюи, въ родную деревню, и явился къ матери (отецъ его умеръ незадолго до того). Трудное дѣло предстояло матери и

*) См. Barante I, 9; всѣ рѣчи и произведенія Ройе-Коллара я цитирую по единственному полному изданію Barante'а, заглавіе котораго приведено выше.

сыну: нужно было беречься, потому что, въ случаѣ доноса, спасенія ожидать нельзя было не только Ройе-Коллару, но и его матери за то, что не донесла и укрыла его. На слугъ и крестьянъ можно было положиться, въ особенности на нѣкоторыхъ. Г-жа Ройе попросила старую служанку (Жераръ) поселиться на самомъ верхнемъ этажѣ дома и наблюдать за окрестностями, чтобы всегда можно было знать о приближеніи опасности. Другому слугѣ она приказала всегда держать подъ сѣдломъ лошадь на случай, если нужно будетъ бѣжать. А сыну своему она посовѣтовала каждый день съ утра отправляться въ поле на работу и возвращаться поздно вечеромъ.

Конечно, такое положеніе дѣлъ долго длиться не могло; прежде всего, г-жа Ройе сама по себѣ казалась неблагонамѣренной, потому что было извѣстно, что она любитъ читать Евангеліе и что у нея часто собираются крестьяне для общей молитвы; кромѣ того, революціонная полиція была слишкомъ хорошо организована, чтобы бѣглецъ могъ долго скрываться отъ ея взоровъ. Въ одинъ прекрасный день въ домъ Ройе явился прокуроръ округа Витри-ле-Франсуа, нѣкто Гери. Войдя въ комнату хозяйки дома, онъ засталъ ее за рукодѣльемъ, окруженной служанками и читающей имъ книгу духовнаго содержанія. Стѣны комнаты были украшены двумя большими распятіями. Прежде чѣмъ заявить о цѣляхъ посѣщенія, гражданинъ Гери счелъ долгомъ возмутиться такой неблагонамѣренной обстановкой. «Какъ, милостивая государыня,—сказалъ онъ,—что это вы развѣсили по стѣнамъ? Неужели вы не знаете, что это анти-революціонно?» Бѣдная женщина отвѣчала, что она привыкла къ этимъ Распятіямъ, что это фамильные предметы. Гери прервалъ ее; какъ онъ впослѣдствіи самъ сознался, ему импонировало ея безстрашіе. «Дѣло не въ томъ: я пріѣхалъ по поводу вашего сына. У меня есть относительно него самыя строгія распоряженія, и я знаю, что онъ здѣсь, знаю, что онъ дѣлаетъ, въ какомъ часу отправляется на работу и когда возвращается. Я явился сюда, еще не зная, какъ съ нимъ поступить». (А не зналъ Гери, какъ поступить оттого, что прослышалъ о знакомствѣ съ преслѣдуемымъ самого Дантона и боялся излишней исполнительностью навлечь на себя неудовольствіе). «Вашъ сынъ сильно скомпрометтированъ,—продолжалъ онъ,—я не могу его скрывать или защищать; я могу развѣ только не замѣчать его. Я подожду его здѣсь и мы посмотримъ тогда, что дѣлать». Когда вечеромъ Ройе-Колларъ возвратился съ работы, Гери сказалъ ему: «Ты подвергаешься большой опасности и мнѣ нѣтъ охоты себя погубить изъ за тебя; но изъ уваженія къ твоей матери я тебя спасу, напишу въ Парижъ, что я тебя не нашелъ». Такъ онъ и написалъ; этому странному великодушію или нерѣшительности прокурора Ройе-Колларъ былъ обязанъ жизнью.

Молодой человѣкъ прожилъ еще нѣкоторое время, никуда уже не показываясь, въ домѣ своей матери; со дня на день онъ ожидалъ, что

за нимъ придутъ жандармы; но вмѣсто того явилось въ Сомпюи облетѣвшее всю Францію извѣстіе о переворотѣ 9-го термидора. Робеспьеръ палъ, терроръ окончился, десятки тысячъ людей выходили изъ тюремъ и казематовъ; Ройе-Колларъ находился внѣ опасности.

Возвращаться въ Парижъ ему все-таки не хотѣлось; группировка партій была слишкомъ неясной для него; общая политическая атмосфера казалась ему совсѣмъ новой и непонятной. Онъ остался въ Сомпюи. Здѣсь въ родной деревнѣ ему все-таки пришлось вскорѣ заняться политикой. Дѣло въ томъ, что директорія, смѣнившая конвентъ, на первыхъ порахъ часто подражала ему въ деспотическихъ замашкахъ и проявленіяхъ произвола, и ея чиновники нерѣдко представляли нѣчто среднее между недавними слугами террора и должностными лицами стараго порядка. Департаментскія власти (Марны) приказали жителямъ общины Сомпюи доставить подводы и провожатыхъ для перевозки военныхъ припасовъ въ Метцъ, а также требовали, чтобы община приняла на свой счетъ издержки, понесенныя правительствомъ на содержаніе войскъ, которыя нѣсколько раньше были употреблены для приведенія жителей Сомпюи въ надлежащую покорность. Итакъ, дѣло шло о двойной реквизиціи, казавшейся всѣмъ обитателямъ деревни мѣрою несправедливою и жестокою. Они рѣшили составить «протестацію», т. е. жалобу на дѣйствія департаментскихъ сановниковъ, и послать ее въ Парижъ. Редакцію этой жалобы они возложили на Ройе-Коллара. Онъ съ жаромъ принялся за дѣло, и вскорѣ бумага была готова. Она интересна не столько по своему значенію, сколько въ чисто біографическомъ отношеніи: врядъ ли какой другой политическій дѣятель обладалъ такой удивительной способностью восходить отъ конкретныхъ фактовъ общественной жизни къ общимъ принципамъ, высказывать по поводу самыхъ неважныхъ на первый взглядъ текущихъ дѣлъ — руководящія воззрѣнія и теоріи. Онъ настаиваетъ на томъ, что власти не имѣли права возлагать на жителей Сомпюи денежный штрафъ безъ приговора суда; напоминаетъ, что вообще реквизиціи это чисто революціонная мѣра, которую пора оставить.

Эта бумага должна была пройти черезъ руки администратора департамента Марны Бранжа и, конечно, она ему не понравилась. Онъ ее задержалъ и грозилъ преслѣдовать автора. Тогда Ройе-Колларъ написалъ и напечаталъ открытое письмо *) къ Бранжу; это письмо представляетъ настоящую публицистическую проповѣдь. Прежде всего Ройе-Колларъ проситъ Бранжа воздерживаться на будущее время отъ инсинуацій; онъ, Ройе-Колларъ, писалъ въ своей жалобѣ, что реквизиціи несправедливы, а администраторъ понялъ или притворился, что понялъ это дѣло такъ, будто жалобщикъ желалъ бы распущенія всей арміи. Зачѣмъ понадобился такой пріемъ? Затѣмъ, чтобы намекнуть на суще-

*) Barante I, 14.

ствующее, будто бы, единство мысли между Ройе-Колларомъ и врагами родины. Далѣе. Администраторъ не пропускалъ жалобу въ Парижъ потому, что онъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Ройе-Коллара обдуманное намѣреніе надоѣдать всякими пустяками законодательному корпусу и тѣмъ самымъ мѣшать его правильнымъ занятіямъ. По мнѣнію Ройе-Коллара, это также инсинуація, и весьма грубая. Шагъ за шагомъ доказываетъ онъ правоту своей жалобы и своихъ поступковъ и уличаетъ администратора въ незнаніи и неисполненіи законовъ. «Я знаю, милостивый государь,—пишетъ онъ въ концѣ,—что вы уже оклеветали мои намѣренія и мотивы; я думаю, что вы и дальше будете клеветать на нихъ. Можетъ быть, это вамъ и удастся; я—одинъ, я живу въ безвѣстномъ одиночествѣ, а вы располагаете всѣми силами администраціи, членомъ которой состоите. Отъ васъ зависятъ и съ вами такъ или иначе связаны весьма многіе люди, которые привыкли смотрѣть на все вашими глазами и ненавидѣть то, что вы ненавидите. Но общественное мнѣніе не принадлежитъ ни правительству, ни отдѣльнымъ партіямъ; рано или поздно, а истина и разумъ завоюютъ его. На меня меньше всего могутъ подѣйствовать ваши угрозы... Мысль нельзя сковать цѣпями, а дѣйствія людей должны сдерживаться рамками закона, но не предписаніями администраціи...»

Ройе-Колларъ всей душой ненавидѣлъ преданія конвента; ничто не могло возмутить его болѣе, нежели терростическія привычки сановныхъ лицъ, удержавшіяся отъ недавняго, но уже безвозвратно минувшаго прошлаго. Въ то время, какъ большинство не переставало называть свое время словомъ revolution, обозначая этимъ эпоху съ 1789 года, Ройе-Колларъ понималъ подъ этимъ выраженіемъ только мѣсяцы террора. Онъ всегда считалъ «революцію» чѣмъ то незаконнымъ, уродливымъ; взятіе Бастиліи, дѣйствія первыхъ двухъ собраній и даже дѣятельность конвента до паденія жиронды представлялись ему совершенно закономѣрными событіями. Къ несчастью, эти событія были насильственны, но насильственность была тутъ, по его мнѣнію, необходима и законна, за вычетомъ развѣ только казни Людовика XVI, которую онъ считалъ излишней. Что же касается до террора, то именно онъ и былъ временемъ беззаконій и разбоя, *революціей* противъ первыхъ основъ морали. Таково было убѣжденіе Ройе-Коллара, и онъ не переставалъ при каждомъ случаѣ подчеркивать разницу между «освободителями народа» 1789 г. и «убійцами» 1793 г. У него было весьма много единомышленниковъ во всей Франціи и въ его родномъ департаментѣ; со времени жалобы на реквизицію и печатной полемики съ администраторомъ, популярность Ройе-Коллара въ округѣ Марны возросла въ необычайной степени и имъ начало овладѣвать желаніе выступить на активную политическую арену.

Время тогда стояло интересное; директорія боролась на два фронта—съ роялистами, желавшими возвращенія на престолъ графа Прованс-

скаго, и съ якобинцами, мечтавшими объ учрежденіи новой единой палаты, новаго конвента. Наконецъ, были у директоріи еще странныя отношенія съ молодымъ генераломъ, который исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него порученія весьма хорошо, но какъ-то ужъ слишкомъ быстро и удачно... Впрочемъ, этого генерала удалось пока отправить въ другую часть свѣта. Позволительно давать самыя разнообразныя характеристики различнымъ режимамъ великой революціи, но врядъ ли можно какой-либо изъ нихъ назвать правительствомъ приключеній съ такой справедливостью, какъ режимъ директоріи. Вся безпринципность ея политики сказывается лучше всего въ тѣхъ союзахъ съ отдѣльными партіями, которые директорія послѣдовательно заключала. Она интриговала съ якобинцами противъ роялистовъ, соединялась съ роялистами противъ якобинцевъ, направляла совѣтъ 500 на совѣтъ старѣйшинъ, и наоборотъ; наконецъ, каждый изъ членовъ самой директоріи интриговалъ противъ четырехъ другихъ. Директорія жила изо дня въ день, но власти изъ своихъ рукъ не выпускала и правила всѣми дѣлами сама, сводя почти къ нулю значеніе обѣихъ частей законодательнаго корпуса, совѣтовъ старѣйшинъ и пятисотъ.

Вотъ въ такую то эпоху и задумалъ Ройе-Колларъ баллотироваться въ совѣтъ пятисотъ. Весною 1797 г. онъ былъ избранъ въ департаментѣ Марны и тотчасъ послѣ выборовъ онъ написалъ благодарственное письмо къ избирателямъ, въ которомъ между прочимъ заявлялъ, что онъ желаетъ возвращенія порядка, свободы и законности, возстановленія морали и нравственности на ея старыхъ основаніяхъ и полнаго и окончательнаго изгнанія революціоннаго призрака. Пріѣхавъ въ Парижъ, Ройе-Колларъ долгое время зондировалъ почву, знакомился съ политическими дѣятелями, изучалъ группировку партій. Убѣжденія у него были твердыя и онъ ихъ не измѣнилъ по пріѣздѣ въ столицу, но необходимо было ознакомиться съ боевыми парламентскими пріемами, съ конкретными партійными формулами, въ которыя было удобнѣе всего въ данную минуту облечь свои прицппы. Въ то время борьба между якобинцами и умѣреннымъ большинствомъ сосредоточивалась на вопросѣ о конституціи: крайніе желали возвращенія конституціи 1793 года, т. е. конвента, а умѣренные—сохраненія дѣйствующей конституціи 1795 года, т. е. директоріи. Издѣваясь надъ директоріей, указывая на ея стремленія подавить свободу печати, на ея пресмыкательство передъ военной силой, на законодательные совѣты, лишенные всякой иниціативы, и приглашая всѣхъ конспирировать противъ правительства, Сильвенъ Марешаль, поэтъ крайней партіи, писалъ *):

...Le directoire exécutif,
En vertu du droit plumitif,
Vous interdit d'écrire;

*) Эта пѣсня напечатана въ первый разъ въ книгѣ Advielle'я «Histoire du Gracchus Babeuf», I, 204. Она очень характерна и, къ сожалѣнію, никѣмъ изъ историковъ эпохи не приводится.

N'écrivons pas; mais que chacun
Tout bas, pour le bonheur commun,
En bon frère conspire.
Une double conseil sans talents,
Cinq directeurs toujours tremblants
Au nom seul d'une pique:
Le soldat choyé, caressé
Et le democrate écrasé:
Voilà la republique!

Выраженное въ этихъ куплетахъ чувство было обще всей группѣ бывшихъ членовъ конвента и ихъ приверженцевъ; справедливость требуетъ замѣтить, что характеристика, которую Сильвенъ Марешаль даетъ совѣтамъ пятисотъ и старѣйшинъ, совершенно правильна; если въ этихъ двухъ, поистинѣ, злосчастныхъ собраніяхъ и были люди, которымъ суждено было впослѣдствіи отличиться на парламентскомъ поприщѣ, прославиться въ качествѣ недюжинныхъ государственныхъ дѣятелей, то пока они засѣдали въ законодательномъ корпусѣ временъ директоріи, всѣ ихъ таланты какъ будто спали глубокимъ сномъ. Оба совѣта безпрекословно подчинялись всѣмъ повелѣніямъ и внушеніямъ директоровъ; своимъ раболѣпнымъ поведеніемъ передъ исполнительной властью они служатъ прообразомъ такъ называемыхъ конституціонныхъ учрежденій первой имперіи. Но при всѣхъ своихъ безчисленныхъ недостаткахъ правительство директоріи нравилось весьма многимъ людямъ, для которыхъ не только самовластіе директоровъ, а также единоличный деспотизмъ казался благомъ сравнительно съ ужасами террора. Эти люди поддерживали директорію потому только, что боялись, въ случаѣ ея низверженія, возврата дней конвента. Среди такихъ malgré eux защитниковъ господствующей формы правленія начинала поднимать голову роялистская партія, хранившая, по необходимости, гробовое молчаніе послѣ неудачъ первой коалиціи. Роялисты видѣли, что жажда покоя все больше и больше овладѣваетъ умами, что запросъ на сильное и авторитетное правительство высказывается гораздо замѣтнѣе, чѣмъ стремленіе сохранить республику. Этотъ запросъ дѣйствительно существовалъ, но только роялисты ошибались въ истинномъ характерѣ общественнаго настроенія: отъ революціонныхъ бурь Франція на самомъ дѣлѣ устала, но она желала также сохраненія всѣхъ пріобрѣтенныхъ переворотомъ духовныхъ и матеріальныхъ благъ. Приверженцы графа Прованскаго упустили изъ виду, что ядро населенія, крестьянство, пріобрѣвшее національныя имущества, страшится за свои новокупленные земельные участки и вполнѣ увѣрено, что если завтра будетъ возстановленъ королевскій тронъ, то послѣзавтра проданныя земли будутъ возвращены ихъ старымъ владѣльцамъ. Клерикальныя брошюрки, голословныя заявленія мало освѣдомленныхъ лицъ заставляли многихъ думать, что совершившійся экономическій coup d'état затронулъ интересы сравнительно небольшой кучки населенія и что для большинства во-

просъ о возвращеніи старой монархіи не связанъ съ опасностью разоренія. Что касается до новыхъ политическихъ привычекъ, то роялисты полагали, что съ этимъ не трудно будетъ справиться; впрочемъ, весьма многіе изъ нихъ были того мнѣнія, что конституція должна быть октроирована возвратившимся «Людовикомъ XVIII», какъ уже тогда начали называть графа Прованскаго.

Когда Ройе-Колларъ явился въ Парижъ, онъ здѣсь засталъ двѣ партіи—якобинцевъ и роялистовъ; людей, не желавшихъ ни террора, ни короля, было довольно много, но опредѣленной парламентской котеріи они не составляли. Они желали покоя, порядка и умѣренной свободы; предѣлы этой свободы варіировались до безконечности въ умахъ этихъ дѣятелей, большинство которыхъ примирилось потомъ со свободой временъ консульства и имперіи. Ройе-Колларъ, какъ намъ извѣстно, еще въ благодарственномъ письмѣ къ избирателямъ намекалъ, что будетъ бороться съ якобинцами, но во имя чего? Къ роялистамъ онъ особыхъ симпатій не чувствовалъ и хлопотать о возвращеніи графа Прованскаго не находилъ пока нужнымъ. Примкнуть къ правительству стало для него невозможнымъ, какъ только онъ приглядѣлся поближе къ положенію дѣлъ. «Слова: «республика, свобода, равенство, братство» были написаны на всѣхъ стѣнахъ, но вещей, которыя обозначаются этими словами, нигдѣ не было видно», пишетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ и остроумныхъ политическихъ наблюдателей эпохи *). Случайный, часто нелѣпый произволъ, напоминавшій худшія времена стараго режима, царилъ среди администраціи отъ высшихъ лицъ до мелкихъ исполнителей. Аресты, ночные обыски, перехватыванія писемъ, сажанье въ тюрьму безъ всякаго видимаго повода,—всѣ эти черты правительственной политики, сдѣлавшія директорію вскорѣ и ненавистной, и презираемой, могли только навсегда отпугнуть и отвратить отъ нея Ройе-Коллара. Итакъ, онъ не примкнулъ ни къ одной изъ выдѣлившихся партій, ни къ правительству. Прямо не заявляя своихъ положительныхъ политическихъ убѣжденій, онъ сталъ въ оппозицію къ директоріи, строго осуждая всѣ ея незаконныя дѣйствія и понемногу, на почвѣ общаго недовольства существующимъ порядкомъ, сближаясь съ умѣренными роялистами. Сильно способствовало этому сближенію одно обстоятельство, послужившее также началомъ карьеры Ройе-Коллара, какъ оратора и парламентскаго дѣятеля.

Правительству директоріи приходилось считаться съ цѣлой массой требованій, направленныхъ къ тому, чтобы по возможности совершенно изгладить изъ памяти французскаго народа воспоминанія о временахъ разгара революціи. Изъ такихъ требованій выдавалось по своему значенію настойчивое домогательство умѣренныхъ партій о возстановленіи

---

*) «Mémoires du prince de Talleyrand» (Paris, 1891), T. I, 257. «Tout était violent,—добавляетъ онъ,—et par conséquent rien ne pouvait être durable».

католическаго культа на прежнихъ основаніяхъ, о прекращеніи преслѣдованій противъ священниковъ, не присягнувшихъ революціоннымъ конституціямъ, наконецъ, о провозглашеніи полной свободы вѣроисповѣданій. Нельзя себѣ и представить вопроса, который могъ бы живѣе заинтересовать Ройе Коллара въ описываемое время. Прежде всего онъ былъ принципіально защитникомъ свободы вѣры и, если бы даже относился къ католицизму совершенно равнодушно, то все равно, былъ бы въ данномъ случаѣ за него. Далѣе: мы знаемъ, какого рода воспитаніе онъ получилъ и какія религіозныя убѣжденія сложились у него еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ; эти убѣжденія остались тѣми же и черезъ 10 лѣтъ. Наконецъ, преслѣдованіе католическаго культа являлось однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій государственнаго міровоззрѣнія и практики конвентскаго большинства, и уже потому Ройе-Колларъ могъ бы стать его противникомъ. Подъ вліяніемъ этихъ стимуловъ, онъ объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ дѣйствующаго религіознаго законодательства и вошелъ въ близкія сношенія со всѣми защитниками католицизма, т. е. съ клерикалами и роялистами, такъ какъ люди, желавшіе порядка и свободы, бывшіе также врагами террора, но не имѣвшіе спеціальныхъ религіозныхъ тенденцій, относились къ разбираемому вопросу довольно равнодушно.

Въ совѣтѣ старѣйшинъ за отмѣну законовъ противъ католицизма высказался Порталисъ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, завѣдывавшій духовнымъ вѣдомствомъ при Наполеонѣ; въ совѣтѣ пятисотъ выступилъ Камиллъ Жорданъ. Патетическая рѣчь Жордана многимъ не понравилась; она казалась слишкомъ контръ-революціонной. Послѣ Жордана говорилъ Ройе-Колларъ; эта первая его политическая рѣчь заслуживаетъ въ литературномъ отношеніи и въ смыслѣ содержанія—полнаго вниманія: ея авторъ рѣдко когда говорилъ съ большимъ чувствомъ и выражалъ свои мысли съ большей свободой. Дѣйствующая конституція гласила *): «Никому нельзя мѣшать исповѣдывать избранную религію, примѣняясь къ общимъ законамъ. Никого нельзя заставлять платить въ пользу другого культа». Ройе-Колларъ заявлялъ въ своей рѣчи, что онъ совершенно согласенъ съ принципомъ государственнаго невмѣшательства въ церковныя дѣла, но что онъ желаетъ лишь широкаго примѣненія конституціи, распространенія ея и на католическую религію, которая de facto остается столь же притѣсняемой, какъ и во времена конвента. Онъ высказывалъ убѣжденіе, что его слушатели всѣ станутъ на его сторону, какъ только внимательно приглядятся къ положенію дѣлъ во Франціи. По мнѣнію оратора, при разсмотрѣніи дебатируемаго вопроса, прежде всего необходимо отрѣшиться отъ «философіи», отъ

*) Конст. III-го г., ст. 354: Nul ne peut être empêché d'exercer, en se conformant aux lois, le culte qu'il s'est choisi; nul ne peut être forcé de contribuer aux dépenses d'aucun culte.

тѣхъ убійственныхъ ученій, которыя могутъ ввести законодателя въ заблужденіе. Умозрѣнія здѣсь непригодны, потому что сидящіе въ совѣтѣ пятисотъ—являются законодателями Франціи, а не вселенной. Во Франціи католики составляютъ 7/8 всего населенія, а мѣшать большинству народа спокойно молиться Богу — не только деспотично, но прямо нелѣпо. Религіозное чувство на лицо; безъ удовлетворенія оно остаться не можетъ; значитъ, для гонителей католицизма мыслимъ лишь другой исходъ—замѣна его новой религіей. Это исходъ логическій, но возможенъ ли онъ въ дѣйствительности? «О вы, желающіе въ своемъ глубокомъ безуміи замѣнить какими-нибудь пустыми философскими разглагольствіями наставленія религіи, которая существуетъ уже восемнадцать вѣковъ,—знаете ли вы, что такое вѣра?--восклицаетъ Ройе-Колларъ *):—пересчитали ли вы, по великолѣпному выраженію Монтескье, тѣ безчисленныя нити, которыя насъ къ ней привязываютъ?» Не довольствуясь указаніями на моральную невозможность введенія новой религіи, ораторъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что такое безумное предпріятіе погубитъ ихъ самихъ прежде всего. Начиная съ этого мѣста рѣчи, можно, мнѣ кажется, въ точности прослѣдить, какъ Ройе-Колларъ пользуется мыслями Монтескье, облекая ихъ въ приличныя случаю формы. Какъ уже было замѣчено, Монтескье всегда былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей Ройе-Коллара; онъ читалъ и перечитывалъ его произведенія, и если, сравнительно весьма рѣдко цитируетъ «Esprit de lois», то мало-мальски внимательное изученіе его рѣчей можетъ съ очевидностью показать, что Ройе-Колларъ всегда былъ вѣрнымъ послѣдователемъ главы политическихъ философовъ прошлаго вѣка. Имъ, и только имъ однимъ, вдохновлялся нашъ парламентаристъ; онъ такъ хорошо усвоилъ идеи Монтескье, что имѣлъ полное право не приводить на каждомъ шагу имени своего учителя, но не замѣчать истинной природы отношеній между философомъ и его послѣдователемъ могутъ только слишкомъ благоговѣйные біографы послѣдняго.

Говоря объ опасности для правителей вводить новую религію, Ройе-Колларъ повторяетъ мысль, высказанную авторомъ «Духа законовъ», и повторяетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ **). Далѣе, онъ совѣтуетъ правительству упрочить католицизмъ, какъ можно сильнѣе, уже по-

---

*) Barante, I, 32, 33 и сл.

**) *Barante*, I, 33:

Une nation n'est pas impunément troublée offensée dans ses opinions religieuses... il est impossible que ce ressort ne réagisse avec plus de force contre le gouvernement compresseur... toutes les foudres des gouvernements despotiques sont alors impuissantes.

Ouevres complètes de Montesquieu (Paris 1877) T. V, chapitre XI: Du changement de religion.

Un prince qui entreprend dans son état de détruire ou de changer la réligion dominante, s'éxpose beaucoup. Si son gouvernement est despotique il court plus de risque de voir une revolution que par quelque tyrannie que ce soit.

тому, что религія, въ свою очередь, дастъ незыблемый фундаментъ для новой, республиканской формы правленія. Основные законы государства еще слабы, еще нуждаются въ поддержкѣ и нельзя отказываться отъ возможности пріобрѣсти въ религіи могущественнаго союзника. Совершенно очевидно, что, высказывая эту мысль, Ройе-Колларъ опять вспомнилъ философа, за сорокъ лѣтъ до него говорившаго, что «религія можетъ поддержать государственный строй, когда законы безсильны» *). Опираясь на приведенные аргументы, Ройе-Колларъ просилъ распространить свободу вѣры и на католицизмъ, умолялъ сдѣлать это во имя справедливости и блага Франціи, настаивалъ на томъ, что католическій клиръ теперь уже не тотъ, что былъ до революціи, что онъ будетъ теперь заботиться только о самозащитѣ и не подумаетъ никогда о нетерпимости къ другимъ религіямъ. Рѣчь кончилась призывомъ противопоставить демагогическому лозунгу «l'audace et puis l'audace et encore l'audace»—принципъ справедливости и милосердія. Совѣтъ рѣшилъ, выслушавъ эту рѣчь, принять проектъ коммиссіи, разсматривавшей законы о духовенствѣ, проектъ, благопріятный для католиковъ. Но впослѣдствіи было рѣшено нѣсколько измѣнить принятый проектъ къ явному ущербу для клира. Духовныя дѣла оставались въ хаотическомъ состояніи до знаменитаго наполеоновскаго конкордата.

III.

Пренія по поводу возстановленія католическаго культа сблизили Ройе-Коллара съ роялистами, но полнаго согласія между ними быть не могло. Большинство роялистовъ смотрѣло на все, что произошло съ 1789 года, какъ на преступленіе, совершенное Франціей; они полагали, что это преступленіе можетъ быть только искуплено призваніемъ королевской семьи и реставраціей стараго режима. Ройе-Колларъ, который по собственному признанію считалъ начало революціи лучшимъ временемъ своей жизни, не могъ, конечно, сойтись съ такими людьми совершенно; однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ чувствовалъ себя ближе къ нимъ, чѣмъ къ любой политической партіи. Сблизившись съ роялистами, онъ сталъ оказывать на нихъ сильное вліяніе, выразившееся вскорѣ въ томъ, что котерія уже окончательно и формально разбилась на два лагеря: крайнихъ роялистовъ и умѣренныхъ, желавшихъ для Франціи конституціоннаго режима съ наслѣдственнымъ королемъ во главѣ. Умѣренные тѣсно сблизились съ Ройе-Колларомъ, который только тѣмъ отличался отъ нихъ, что все еще пока стоялъ за республику. Но это продолжалось не долго. Директорія, которая весь свой короткій вѣкъ провела въ выслѣживаніи

*) См. Montesquieu, «De l'esprit des lois», указ. изд.; p. 140: la réligion peut soutenir l'état politique, lorsque les lois se trouvent dans l'impuissance.

враговъ и въ политическихъ репрессіяхъ всякаго рода, съ 1796 года внимательно слѣдила за роялистами. Въ этомъ году былъ открытъ обширный заговоръ Бабёфа, носившій наполовину якобинскій, наполовину коммунистскій характеръ. Вожди заговора погибли на плахѣ, масса лицъ радикальнаго образа мыслей, подозрѣвавшихся въ конспиративномъ соучастіи,—а иногда и не подозрѣвавшихся, но просто неугодныхъ правительству,—была отправлена въ ссылку и въ тюрьмы. Съ революціонной партіей, какъ директоріи казалось, на долго было покончено послѣ этой расправы. Сведя счеты съ однимъ врагомъ, директорія начала подготовлять смертельный ударъ другому. Роялизмъ былъ директоріи еще болѣе ненавистенъ, чѣмъ революціонныя крайности; борьба съ нимъ была легче, чѣмъ борьба съ якобинцами, потому что большинство Франціи одобрило бы всякія жестокости по отношенію къ ненавистнымъ «шуанамъ», а также и потому, что роялисты, какъ это было извѣстно черезъ шпіоновъ, не имѣли сильной боевой организаціи и не могли оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. А между тѣмъ, не имѣя за собою, дѣйствительно, никакой силы, не пользуясь ни малѣйшимъ расположеніемъ большинства народа, роялисты усвоили себѣ понемногу тонъ, который могъ только раздражать, а не пугать правительство. Директорія знала, что, сокрушая приверженцевъ графа Прованскаго, она, во-первыхъ, избавляется отъ враговъ, а во-вторыхъ, нѣсколько поднимаетъ свой престижъ въ населеніи, которое, повторяемъ, ничего такъ не боялось тогда, какъ возстановленія старой монархіи. Что же касается до средства побѣды, то правительство не привыкло долго думать надъ подобными вопросами.

Въ ночь на 3-е сентября 1797 г. (18-го фруктидора) войска окружили зданіе Тюльерійскаго дворца. Одновременно начались аресты, продолжавшіеся затѣмъ цѣлый день. Пятьдесятъ членовъ изъ совѣтовъ «пятисотъ» и старѣйшинъ были арестованы и тотчасъ отправлены въ ссылку на поселеніе въ Кайенну, гдѣ многіе вскорѣ умерли отъ изнурительныхъ лихорадокъ; аресту подверглись и литературные дѣятели, редакторы сорока двухъ газетъ и вліятельнѣйшіе ихъ сотрудники; преслѣдованія противъ клира возобновились съ страшной силой; свобода прессы была уничтожена и директорія объявила, что съ этихъ поръ она своею дискреціонною властью будетъ закрывать тѣ періодическія изданія, которыя того заслужатъ. Переворотъ 18 фруктидора ясно показалъ, на какой путь вступила Франція; весьма многіе начали понимать, что наступилъ періодъ военныхъ coups d'état и что о политической свободѣ, даже самой умѣренной мечтать трудно.

Въ жизни Ройе-Коллара 18 фруктидора съиграло рѣшительную роль; при своей глубокой честности и политической неопытности объ былъ просто подавленъ совершившимся и чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Послѣ конвента, послѣ ужасовъ террора онъ не терялъ надежды на прочное установленіе республики; всѣ жестокости Робеспьера

казались ему преходящимъ, временнымъ явленіемъ, ошибкою народа. Теперь же, когда его друзья (вродѣ Камилла Жордана), люди, рѣшительно ни въ чемъ неповинные, были преданы квалифицированной смертной казни въ болотахъ Кайенны, когда директорія, никого не спрашивая, не справляясь съ настроеніемъ народа, творила при помощи солдатъ все, что ей было угодно, молодому дѣятелю будущее родной страны представлялось мрачной тайной, господствующая республиканская форма правленія казалась осужденной на неминуемую гибель. Онъ всей душой стоялъ всегда за *правовой* порядокъ, который опредѣлялся имъ, какъ «благородная принадлежность человѣческаго рода»; безъ твердо установленныхъ политическихъ правъ, по его мнѣнію, «земная жизнь лишена достоинства». 18-е фруктидора обнаружило всю шаткость правового порядка при республикѣ, и Ройе-Колларъ навсегда порвалъ всякія связи съ республиканцами и началъ искать новаго общественнаго идеала. Чѣмъ больше онъ думалъ о роялистахъ и о графѣ Провансскомъ, тѣмъ больше склонялся онъ на ихъ сторону и тѣмъ сильнѣе начинали въ немъ говорить старыя чувства конституціоналиста 1789 года. Онъ не видѣлъ другого исхода изъ критическаго положенія государства; король, окруженный широко либеральными конституціонными учрежденіями, былъ единственнымъ, лицомъ, способнымъ, какъ онъ думалъ, спасти страну отъ анархіи или деспотизма. Въ какой формѣ послѣдній проявится, останется ли деспотомъ директорія, или ее кто-нибудь замѣнитъ, было для Ройе-Коллара все равно. Его отличительной чертой, какъ политическаго теоретика и практика нужно признать глубокое равнодушіе къ словамъ и внѣшнимъ терминамъ. Итакъ, онъ окончательно сошелся съ умѣренными роялистами; конечно, тотчасъ онъ принялся вплотную за политическое воспитаніе своихъ новыхъ единомышленниковъ. Онъ постарался внушить имъ мысль, что не Франція виновата передъ Бурбонами, а Бурбоны передъ Франціей, что, возвратившись, они должны стать на совсѣмъ иную точку зрѣнія, нежели прежде, что, словомъ, они должны быть «новыми монархами обновленной страны». Но разъ фамилія Бурбоновъ являлась по необходимости одной изъ важнѣйшихъ частей новой программы Ройе-Коллара, то, естественно, ему захотѣлось ближе ознакомиться съ этимъ семействомъ, въ особенности съ двумя братьями, стоявшими во главѣ фамиліи—графомъ Провансскимъ и графомъ Артуа. На первыхъ порахъ впечатлѣнія Ройе-Коллара были очень неутѣшительны. Уже восемь лѣтъ жизнь братьевъ казненнаго короля проходила въ тревогѣ, бѣдности, униженіяхъ и лишеніяхъ всякаго рода. Въ первое время послѣ того, какъ они бѣжали изъ Франціи, они были полны жажды мести, вѣры въ свою побѣду и воинственнаго пыла. Цвѣтъ аристократіи былъ возлѣ нихъ; Пруссія и Австрія поднимались войной противъ Франціи; Англія готовилась къ нападенію на западные берега; въ Вандеѣ кипѣла страшная борьба роялистскихъ крестьянъ съ войсками революціи. Были моменты, когда

не только принцамъ, но и постороннимъ безучастнымъ зрителямъ казалось, что полная гибель республики несомнѣнна, что часъ возвращенія монархіи недалекъ. На дѣлѣ вышло не такъ. Пруссія была разбита войсками конвента, Австрія—также, Англія ограничилась однѣми угрозами, Людовикъ XVI былъ казненъ, Вандея послѣ страшныхъ казней, нерѣдко поголовнаго истребленія цѣлыхъ деревень, была усмирена, и конвентъ сталъ полнымъ властелиномъ страны, грознымъ и для внутреннихъ, и для внѣшнихъ своихъ враговъ. Съ этихъ поръ принцы перестали надѣяться на иноземную помощь: правда, они еще слишкомъ мало знали неистощимыя, по истинѣ колоссальныя силы и средства Франціи, но уже послѣ побѣдъ революціи при Вальми и Жемаппѣ, они поняли, что это государство недосягаемо для иностранныхъ войскъ. Имъ оставалось вспомнить слова русской императрицы Екатерины, что Бурбоновъ можетъ возстановить не иностранная армія, а только самъ же французскій народъ, если захочетъ это сдѣлать. Въ 1794 и 1795 гг. графъ Провансскій еще пытался путемъ вербованія приверженцевъ, попытокъ къ устройству военныхъ заговоровъ, путемъ разсылки эмиссаровъ облегчить себѣ путь къ престолу, но всѣ усилія не приводили рѣшительно ни къ какимъ результатамъ и только ярче обнаруживали всю слабость роялизма. Со второй половины 90-хъ годовъ между роялистами проявляется впервые расколъ, которому суждено было раздѣлять приверженцевъ легитимной монархіи до самыхъ іюльскихъ дней; этотъ расколъ тѣсно связанъ съ несогласіями, разъединявшими обоихъ братьевъ.

Графъ Провансскій былъ человѣкъ спокойнаго, уравновѣшеннаго темперамента; онъ не былъ созданъ для тревожной жизни конспирирующаго эмигранта; въ первые дни эмиграціи онъ, правда, волновался, надѣялся, но событія скоро отрезвили его. Если онъ не имѣлъ таланта предвидѣнія, если онъ не предусматривалъ конца начинаемаго предпріятія, зато онъ умѣлъ всегда «уступать не споря», мириться съ ударами судьбы и оставлять разстроенные планы. Съ 1796 г. графъ Провансскій принялся упорно и сосредоточенно ждать; онъ не отказался отъ своихъ притязаній, сохранилъ принятый имъ со смерти племянника титулъ короля Людовика XVIII, но прекратилъ всякія попытки достигнуть престола какимъ-либо неожиданнымъ, быстрымъ переворотомъ; онъ ограничивался тѣмъ, что велъ переписку со своими приверженцами во Франціи и слѣдилъ внимательно за политическимъ барометромъ.

Но не таковъ былъ младшій братъ названнаго короля — Карлъ Артуа. Если графъ Провансскій менѣе всего былъ склоненъ къ авантюрамъ и рискованнымъ похожденіямъ и приключеніямъ, то графъ Артуа, казалось, былъ созданъ для нихъ. Это былъ вѣчно бодрый, жизнерадостный человѣкъ, видѣвшій на своемъ вѣку очень много, но имѣвшій способность изъ громаднаго житейскаго опыта своего выбирать и усваивать только то, что подходило къ его излюбленнымъ воззрѣніямъ, что льстило его страстямъ и не разрушало его фантазій. А

фантазій у «Monsieur» была громадная масса. Самые счастливые, свѣтлые дни его молодости прошли при дворѣ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты. Красота, положеніе королевскаго брата, веселый, общительный и, въ сущности, добрый характеръ сдѣлали его юные годы дѣйствительно сплошнымъ праздникомъ. Когда разразились надъ его семьей страшные удары, когда эта счастливая жизнь сразу оборвалась, какъ сонъ, и братъ французскаго государя принужденъ былъ начать безконечныя скитанія и поочередно пользоваться милостями то прусскаго короля, то австрійскаго императора, то Павла Петровича, всѣ эти нежданныя бѣды графъ Артуа приписалъ шайкѣ негодяевъ, которая путемъ насилія погубила его родныхъ и его самого. Эта фикція повлекла за собою, конечно, массу другихъ, логически съ нею связанныхъ: разъ революція дѣло рукъ нѣсколькихъ извергowъ, значитъ, нужно только постараться возбудить противъ нихъ войско, или западныя провинціи, или сельскихъ дворянъ,—переловить преступниковъ и торжественно вступить въ Парижъ. Что въ сущности страна вся на сторонѣ Бурбоновъ, въ этомъ графъ не сомнѣвался. Но если преступленіе будетъ наказано, то зачѣмъ оставлять во Франціи его плоды? Зачѣмъ конституція, гарантіи, правовой порядокъ, когда всѣхъ этихъ вещей не было въ счастливые старые годы? Вслѣдствіе исключительнаго счастія, какимъ наслаждался принцъ при старомъ режимѣ, весь погибшій строй являлся этому впечатлительному и часто нелогичному человѣку въ лучезарномъ сіяніи. Братъ его, графъ Прованскій, наученный опытомъ, уже началъ привыкать къ мысли, что, во-первыхъ, на скорое возвращеніе надежды пока нѣтъ и, во-вторыхъ, въ случаѣ реставраціи необходимо будетъ дать конституцію; что же касается до него, графа Артуа, то ничѣмъ не наученный, онъ продолжалъ надѣяться на какой-нибудь удачный случай, который не сегодня, завтра приведетъ его въ Парижъ, и не уставалъ повторять, что никакихъ уступокъ въ случаѣ возвращенія не надо дѣлать всей этой провинившейся передъ нимъ и его семьею революціонной canaille, какъ любилъ выражаться энергичный графъ.

Это несогласіе въ мнѣніяхъ вскорѣ привело къ неудовольствіямъ между братьями; графъ Артуа дѣятельно интриговалъ, впутывалъ свое имя въ сумасбродные заговоры и доставлялъ этимъ нескончаемыя непріятности главѣ семьи. Мало того, роялистскій лагерь вскорѣ почти весь перешелъ на сторону Карла; Людовика начали втихомолку называть трусомъ, предателемъ, который еще желаетъ какъ-то считаться съ «цареубійцами», вмѣсто того, чтобы просто ихъ перевѣшать въ случаѣ своего торжества. Эмигранты, не имѣвшіе никакого понятія о новой Франціи, разумѣется, въ полномъ составѣ были на сторонѣ младшаго принца; если графъ Прованскій имѣлъ гдѣ приверженцевъ, то лишь между роялистами, жившими во Франціи, видѣвшими дѣйствительность и относившимися недовѣрчиво къ утопіямъ. Когда послѣ 18 фруктидора, Ройе-Колларъ сблизился съ роялистами, онъ, конечно, при-

соединился къ умѣреннымъ приверженцамъ Людовика и сдѣлалъ ихъ, если можно такъ выразиться, еще умѣреннѣе въ роялистскихъ тенденціяхъ: понемногу и они начали смотрѣть на Бурбоновъ, какъ на цементъ, нужный для прочности конституціоннаго образа правленія, а не какъ на необходимѣйшій элементъ міропорядка. Ройе-Колларъ, принадлежа по положенію къ сельскимъ дворянамъ, въ сущности всегда оставался истымъ дѣятелемъ tiers état; не говоря уже объ его убѣжденіяхъ, никогда онъ не питалъ къ королевской семьѣ особенно нѣжныхъ чувствъ. Ларошфуко, Монморанси, Полиньяки смотрѣли на изгнаніе Бурбоновъ, какъ на смертный грѣхъ, и желали «возвратить имъ Францію»; Ройе-Колларъ, только взвѣсивши чисто разсудочнымъ образомъ, что Бурбоны—меньшее изъ всѣхъ грозящихъ Франціи золъ, перешелъ на ихъ сторону. Ознакомившись съ роялистами, онъ сталъ приглядываться къ двумъ братьямъ и оба они ему не понравились. Нѣтъ нужды распространяться, почему Ройе-Коллару не пришелся по вкусу графъ Артуа: онъ сразу увидѣлъ въ младшемъ принцѣ сумасброднаго утописта и авантюриста. Но и графъ Прованскій не привелъ Ройе-Коллара въ особенный восторгъ. Для нашего дѣятеля было мало, что Людовикъ не повторяетъ безумныхъ выходокъ и не соглашается съ нелѣпыми планами своего брата; онъ скоро увидѣлъ, что старшій претендентъ тоже въ сущности совсѣмъ политически не развитъ, что онъ не знаетъ своей страны и соглашается, въ видѣ великой милости, на такія уступки, безъ которыхъ онъ одного мѣсяца не просидѣлъ бы въ Парижѣ, если бы ему удалось туда вернуться. Скрѣпя сердце приходилось все-таки предпочесть сдержаннаго, тихаго, нѣсколько меланхоличнаго Людовика, тѣмъ болѣе, что, все равно, онъ являлся «безспорнымъ», «incontesté», какъ тогда выражались, главою семьи.

Сдѣлавшись роялистомъ, Ройе-Колларъ, конечно, сразу обратилъ на себя вниманіе всей партіи и самого графа Прованскаго. По его мысли, умѣренные приверженцы Людовика образовали въ Парижѣ тайный «королевскій совѣтъ», съ цѣлью наблюдать сообща за настроеніемъ народа и правящихъ классовъ, заводить желательныя сношенія съ выдающимися и вліятельными людьми, давать регулярные отчеты «королю» о всемъ, чтò творится въ политическомъ мірѣ, и способствовать, такимъ образомъ, Бурбонамъ знакомиться съ Франціей, о которой пока они не имѣли представленія. Дѣйствительно, значитъ, вѣрно замѣчаніе одного современнаго писателя объ эпохѣ директоріи: «tout le monde conspirait alors», если даже такіе люди, какъ Ройе-Колларъ, кончали тѣмъ, что вступали въ нелегальныя организаціи. Въ *первый* и въ *послѣдній* разъ въ своей жизни онъ сталъ заговорщикомъ, и то неудачно. Прежде всего, беря на себя иниціативу устройства «королевскаго совѣта», Ройе-Колларъ поставилъ Людовику два непремѣнныхъ условія: во-первыхъ, чтобы графъ Артуа и его единомышленники не знали даже о существованіи этой организаціи, и, во-вторыхъ, чтобы «совѣту» никогда

не приходилось принимать участія въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ, которыя клонились бы къ иноземному вмѣшательству во французскія дѣла. Послѣднее условіе ярко характеризуетъ глубокій и искренній патріотизмъ Ройе-Коллара въ самомъ высокомъ значеніи этого теперь страшно испошленнаго слова; что касается до перваго условія, то оно весьма понятно: если бы «совѣтъ» былъ открытъ полиціей, его членамъ грозила смерть на эшафотѣ или въ Кайеннѣ, а полагаться на сдержанность и конспиративное молчаніе ультра-роялистовъ, не было никакого основанія. Сторонники графа Артуа такъ часто попадали въ руки тайной полиціи и такъ безтолково губили себя и своихъ товарищей, что Ройе-Коллару казалось просто опаснымъ имѣть съ ними какое-либо дѣло, не говоря уже о томъ, что разница въ убѣжденіяхъ сильно затрудняла бы общія дѣйствія.

Въ составъ совѣта вошли 19 членовъ; кромѣ учредителя, Ройе-Коллара, тамъ былъ аббатъ Монтескіу, Клермонъ-Галлерандъ, Бекэ и нѣкоторыя другія лица, игравшія впослѣдствіи видную роль при реставраціи. Съ конца 1798 г., совѣтъ уже правильно функціонировалъ, посылая Людовику донесенія о ходѣ политическихъ дѣлъ. Члены «совѣта» вовсе не задавались цѣлью ласкать воображеніе графа Прованскаго иллюзіями; они правильно говорили Людовику, что директорія все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ ея гибели, но постоянно прибавляли въ своихъ рапортахъ, что о скоромъ возвращеніи монархіи нечего и думать. Этотъ правдивый пессимизмъ вскорѣ пересталъ нравиться графу Прованскому; къ тому же, графъ Артуа, по условію, не знавшій о существованіи «совѣта», видѣлъ тѣмъ не менѣе, что его братъ свелъ знакомство съ какими-то новыми людьми и начиналъ кое-что подозрѣвать. Онъ всегда недовѣрчиво относился къ лицамъ, не получившимъ «крещенія эмиграціей», къ тѣмъ дѣятелямъ, у которыхъ не хватило настолько преданности, чтобы покинуть Францію изъ за Бурбоновъ. Всѣ члены совѣта съ Ройе-Колларомъ во главѣ не были эмигрантами, и графъ Артуа при всякомъ удобномъ случаѣ старался отвратить своего старшаго брата отъ этихъ новыхъ либеральныхъ друзей. Мало-по-малу графъ Прованскій охладѣлъ къ своему парижскому совѣту и, не прерывая сношеній съ нимъ, завелъ новыя связи и наиболѣе важныя порученія давалъ другимъ лицамъ. Каждый разъ, когда одинъ революціонный режимъ готовъ былъ смѣниться другимъ, роялисты начинали особенно волноваться и надѣяться; видя очищающееся мѣсто, они всегда склонны были думать, что это мѣсто ждетъ именно ихъ. Такъ было и въ 1799 г., въ послѣдніе дни директоріи. Людовикъ жилъ тогда въ Митавѣ и дѣятельно переписывался съ Парижемъ; объ истинномъ положеніи дѣлъ онъ узнавалъ отъ «совѣта», потому что всегда глубоко вѣрилъ правдивости и уму Ройе-Коллара и его товарищей, но планами будущихъ дѣйствій дѣлился съ людьми другого закала, съ пріятелями графа Артуа и имъ подобными

Конечно, согласно съ основными свойствами своей натуры и памятуя недавнее прошлое, онъ не пускался уже въ воинственныя предпріятія, не формировалъ по примѣру брата заговоровъ, но все больше и больше привязывался мыслью къ совершенно новой политической программѣ.

До сихъ поръ онъ считалъ узурпаторскими всѣ, безъ исключенія, республиканскія правительства Франціи; теперь онъ съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдилъ за карьерой человѣка, который, правда, еще не былъ правителемъ, но собирался сдѣлаться имъ. Генералъ Бонопартъ уже успѣлъ прогремѣть на всю Европу своей итальянской кампаніей и египетскимъ походомъ; въ концѣ 1799 г. онъ жилъ въ Парижѣ и дѣятельно готовился къ захвату государственной власти при помощи преданной ему арміи. Людовику почему-то казалось, что Бонапарту суждено съиграть во французской исторіи роль Монка, возвратившаго корону изгнаннымъ Стюартамъ. Нужно замѣтить, что, вообще, стремленіе проводить историческія параллели являлось характеристичною чертою тогдашней политической романтики, и одинъ изъ близкихъ друзей графа Артуа былъ истымъ сыномъ своего вѣка, когда писалъ объ «историческихъ воспоминаніяхъ, которыми долженъ былъ руководствоваться Бонопартъ *)», но которыя, какъ извѣстно, не пришли ему въ голову. Когда до графа Прованскаго дошла вѣсть о совершившемся, наконецъ, переворотѣ, о гибели директоріи, онъ встрѣтилъ эту новость съ удовольствіемъ; послѣ 18-го брюмера Франція была въ рукахъ Бонапарта, слѣдовательно, воображаемый Монкъ сдѣлался сильнѣе и могъ скорѣе произвести реставрацію. Людовикъ рѣшилъ пойти на встрѣчу новому правительству. Очевидно, онъ самъ сознавалъ, что затѣваетъ нѣчто экстравагантное, обращаясь къ первому консулу, такъ какъ не сообщилъ ничего Ройе-Коллару и «совѣту» о своемъ новомъ планѣ. Правда, Монтескіу и Клермонъ-Галлерандъ знали объ этомъ, но не какъ члены совѣта, а какъ частныя лица. Людовикъ написалъ Наполеону письмо, которое черезъ маркизу Шансенэ и Жозефину Бонапартъ было передано первому консулу. Вотъ что писалъ Людовикъ: «Давно уже, генералъ, я глубоко уважаю васъ, вы должны это знать. Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, опредѣляйте сами свое положеніе (въ случаѣ реставраціи), говорите, чего желаете для своихъ друзей. Что касается до моихъ принциповъ, то я—французъ и мягокъ по характеру, и буду еще мягче вслѣдствіе требованій благоразумія. Нѣтъ, побѣдитель при Кастильоне и Арколе, завоеватель Италіи не можетъ предпочесть пустую извѣстность истинной славѣ. Въ нашихъ рукахъ судьба Франціи; я говорю «въ нашихъ», такъ какъ Бонапартъ будетъ нуждаться во мнѣ, а я въ Бонапартѣ. Генералъ, Европа смо-

*) См. «Mêmoires de M. le vicomte de Larochfoucaud, aide-de-camp du feu roi Charles X», T. I, p. 4 (Paris 1837): *«on voulait espérer qu'il joueraît le rôle que semblaient lui indiquer les souvenirs de l'histoire*. Mais la Providence ne le réservait qu'à punir l'ingratitude etc. Эти забытые мемуары весьма интересны и содержательны.

тритъ на васъ, слава ожидаетъ васъ, а я горю нетерпѣніемъ подарить миръ моей странѣ».

Наполеонъ отвѣтилъ на эту выходку молчаніемъ. Онъ считалъ себя и такъ необиженнымъ судьбою и не простиралъ своего честолюбія настолько, чтобы мечтать о положеніи любимаго придворнаго при королѣ Людовикѣ. Графъ Провансскій былъ горько разочарованъ; Наполеонъ разомъ палъ въ его глазахъ, превратился изъ доблестнаго Монка въ узурпатора Кромвеля, и новое правительство стало такъ же ненавистно «королю», какъ и прежнія. Даже болѣе того: прежде конвентъ, директорія являлись безличными многоголовыми чудовищами, а теперь узурпація совершенно очевидно персонифицировалась въ Наполеонѣ. Ненависть Людовика къ этому человѣку была такъ сильна, что онъ сталъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ относиться къ своимъ умѣреннымъ друзьямъ и съ сочувствіемъ выслушивать планы и предложенія своего брата. Приверженцы графа Артуа уже съ начала 1800 г., т. е. послѣ 3—4 мѣсяцевъ консульства, остановились на планѣ убить Наполеона. «Королевскій совѣтъ» вскорѣ узналъ объ этомъ, и съ гнѣвомъ и отвращеніемъ Ройе-Колларъ и его товарищи отшатнулись отъ новой программы дѣйствій. И когда, какъ разъ въ это время графъ Провансскій, подъ вліяніемъ своего разочарованія и обиды, предложилъ своему совѣту прямо дѣйствовать во всемъ заодно съ агентами Карла Артуа, Ройе-Колларъ, не задумываясь, рѣшилъ выйти изъ состава совѣта. Остальные члены организаціи послѣдовали его примѣру и поручили ему отъ ихъ имени написать письмо «королю», въ видѣ мотивированной отставки.

Ройе-Колларъ написалъ къ Людовику немедленно *). Онъ напомнилъ графу, что роль совѣта по условію должна была только заключаться въ наблюденіи и сообщеніи королю всего, что дѣлается въ странѣ; что Карлъ Артуа и его сообщники не должны даже были знать о существованіи совѣта. Ройе-Колларъ заявлялъ Людовику, что ничего общаго съ графомъ Артуа онъ имѣть не желаетъ. «Если агенты Monsieur— тѣ самые люди, которые недавно попали и еще попадутъ въ руки полиціи вмѣстѣ со своею корреспонденціей, то суровость, съ которой ихъ осудило общество, ихъ неопытность, неосторожность, экстравагантность (extravagance) ихъ плановъ, забвеніе ими національныхъ интересовъ, предпочтеніе, отдаваемое ими интригамъ, шпіонству и разбою, тысячи другихъ соображеній, воздвигаютъ непроходимую преграду между ними и слугами короля», писалъ Ройе-Колларъ. Не довольствуясь этими жестокими словами, онъ обращался съ укоризненными совѣтами къ самому Артуа, указывалъ ему на то, что списываться съ мелкими интриганами еще не значитъ слѣдить за политическимъ состояніемъ страны; что пускаться въ рискованныя авантюры, значитъ только подрывать свой

*) Письмо это напечатано у Barante'a, 59, I.

престижъ и доставлять практику для дѣятельности сыскной полиціи и жандармеріи. «Такъ какъ сила событій произвела революцію и повела Францію по революціонному пути, то исключительно та же сила событій можетъ остановить или уничтожить революціонный порядокъ вещей. Всякіе планы, которые не опираются на эту силу, являются лишь безплодными интригами», — такими словами Ройе-Колларъ заканчивалъ свое письмо. Онъ положительно заявлялъ «королю», что остается, по прежнему, вѣрнымъ роялистомъ, такъ же какъ его товарищи, но что пока они прекращаютъ свою дѣятельность.

Такъ закончилась конспираторская карьера Ройе-Коллара. Съ этихъ поръ на долгое время прерывается его политическая жизнь. Ультрароялисты продолжали дѣйствовать, произвели нѣсколько неудачныхъ покушеній на жизнь Наполеона, многіе изъ нихъ были казнены и сосланы, и роялизмъ вскорѣ совсѣмъ замолчалъ. Какія бы то ни было сношенія съ претендентомъ сдѣлались и трудными, и безполезными; начиналась эпоха общеевропейскихъ войнъ, побѣдъ Наполеона надъ всѣми врагами, эпоха военной диктатуры, желѣзную руку которой должна была чувствовать не одна Франція, а вся Европа. О конституціонной жизни не было и помину, легальная оппозиція сдѣлалась невозможной, нелегальная безполезной, всякая умственная жизнь была придавлена. Ройе-Коллару оставалось удалиться въ тихую частную жизнь.

IV.

Таллейранъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ о временахъ имперіи: «Въ эту эпоху мирная и спокойная *внутренняя* жизнь существовала только для весьма немногихъ людей. Наполеонъ просто не позволялъ предаваться ей... Увлекаемый быстрой смѣной событій, честолюбіемъ, ежедневными интересами, живя среди атмосферы войны и политическихъ движеній, каждый человѣкъ съ трудомъ только могъ внимательно относиться къ личной своей жизни» *). Ройе-Колларъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которымъ удалось совершенно отстраниться отъ большой политической арены и спокойно пережить всѣ бури, волновавшія пятнадцать лѣтъ Францію и Европу. Время первой имперіи для Ройе-Коллара было временемъ полнѣйшаго покоя и отдыха.

Еще въ 1799 году онъ женился; исторія этой женитьбы довольно любопытна: одна богатая красавица, вдова банкира, погибшаго въ эпоху террора, влюбилась въ Ройе-Коллара и предложила ему соединиться узами брака. Ройе-Колларъ не прочь былъ это сдѣлать, но его стѣсняла слишкомъ большая разница между собственнымъ состояніемъ и состояніемъ этой дамы. Ему не хотѣлось быть слишкомъ обязаннымъ своей будущей женѣ, и поэтому онъ отклонилъ ея предложеніе. Послѣ

*) «Mémoires du prince de Talleyrand» (Paris 1891), II, p. 3... Mais à l'époque dont je parle cette vie intérieure douce et calme n'existait que pour bien peu de gens. Napoléon ne permettait guère de s'y attacher... etc.

18 фруктидора, когда опала постигла близкихъ друзей Ройе-Коллара и самъ онъ не чувствовалъ себя въ безопасности, вдова опять повторила свое предложеніе, но онъ опять отказался, исключительно вслѣдствіе того, что эта партія казалась ему уже слишкомъ блестящей. Тогда вдова махнула рукой на свой матримоніальный планъ; однако Ройе-Колларъ такъ ей нравился, что она не рѣшилась оставить его на произволъ судьбы, не женивъ, по крайней мѣрѣ, на комъ-нибудь изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Она разсказала Ройе-Коллару, что у нея есть подруга—Марія де-Шатобренъ, дѣвушка двадцати восьми лѣтъ, замѣчательно набожная и вообще очень хорошая, что недурно ему хоть на этой особѣ жениться, тѣмъ болѣе, что она совсѣмъ не богата. Ройе-Колларъ сразу не рѣшился согласиться, не смотря на то, что непреодолимыхъ препятствій для этой партіи онъ не видѣлъ. Онъ познакомился съ m-elle Шатобренъ и она ему очень понравилась, но онъ сказалъ своему другу-вдовѣ, что вообще какъ-то боится жениться и «дать себѣ господина», какъ онъ выразился. Вдова объявила, что все это пустяки, и настояла, чтобы онъ поскорѣе сдѣлалъ предложеніе. Ройе-Колларъ такъ и поступилъ. Раскаиваться ему не пришлось; его жена всегда ему нравилась, а въ концѣ концовъ онъ ее даже полюбилъ.

Женившись, Ройе-Колларъ зажилъ тихою семейною жизнью; онъ поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ въ Сомпюи и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Парижъ или гостилъ у кого-нибудь изъ своихъ друзей; особенно полюбилъ онъ Катрмэръ-де-Кэнси, умѣреннаго роялиста, который, хотя гораздо болѣе былъ преданъ Бурбонамъ, нежели Ройе-Колларъ, цѣнилъ въ нашемъ дѣятелѣ ту глубокую преданность принципамъ 1789 года, которую ничто не могло истребить или поколебать. Немногіе друзья и ихъ семейства составляли единственное общество Ройе-Коллара въ теченіе многихъ лѣтъ. Этотъ человѣкъ, въ сущности очень добрый, казался нерѣдко тяжелымъ и раздражительнымъ чудакомъ и тѣмъ отталкивалъ отъ себя людей. Стоило комунибудь, кто желалъ войти къ нему въ довѣріе, хоть разъ поддѣлаться подъ его тонъ, какъ уже Ройе-Колларъ замѣчалъ это и навсегда отворачивался отъ такого лица. Но если его знакомый, не заботясь о томъ, чтобы понравиться, оставался самимъ собою, угрюмый обитатель Сомпюи сразу шелъ къ нему на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Ничего такъ не цѣнилъ въ людяхъ Ройе-Колларъ, какъ искренность и правдивость во всемъ, даже въ мелочахъ. Правда, онъ дѣйствительно былъ большимъ оригиналомъ, но въ значительной степени его репутація чудака объясняется полнымъ отсутствіемъ Konventionelle Gesellschaftslüge, условной житейской лжи, которая бы скрашивала всѣ его угловатости. Онъ и дѣлалъ все, и говорилъ не такъ, какъ другіе. Никто такъ не заслуживалъ названія, даннаго впослѣдствіи его единомышленникамъ, какъ именно онъ самъ: онъ всегда и во всемъ оставался истымъ *доктринеромъ*, человѣкомъ, составляющимъ теорію для еже-

дневной житейской практики. Мы уже видѣли, какъ онъ женился: онъ составилъ себѣ опредѣленный идеалъ будущей жены; вдова банкира всѣмъ бы хороша была, но расходилась съ идеаломъ въ томъ, что обладала слишкомъ большимъ состояніемъ, и, скрѣпя сердце, Ройе-Колларъ отклонилъ ея лестное предложеніе. Нашлась другая дѣвушка, которая, можетъ быть, меньше ему нравилась, но не такъ замѣтно расходилась съ идеаломъ, и онъ сдѣлалъ ее своею женою. Такъ точно онъ поступалъ и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни.

Двое первыхъ дѣтей Ройе-Коллара умерли вскорѣ послѣ рожденія; заботу о воспитаніи двухъ другихъ онъ всецѣло принялъ на себя, такъ какъ слабое здоровье жены не позволяло ей наблюдать за этимъ труднымъ дѣломъ. Прежде всего Ройе-Колларъ опредѣлилъ гувернанткой къ своимъ дочерямъ старую служанку Марію Жераръ, которая, какъ уже упоминалось, была настоящей начетчицей янсенитскаго толка, имѣла библіотеку изъ 600 слишкомъ духовныхъ книгъ и отличалась преданностью семьѣ Ройе-Колларовъ; когда Пьеру пришлось во времена террора спасаться въ домѣ матери, Жераръ поселилась на верхнемъ этажѣ, чтобы предупредить объ опасности въ случаѣ нужды. Семья не имѣла отъ нея никакихъ тайнъ. Эта особа, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отличалахъ безумнымъ религіознымъ фанатизмомъ и, несомнѣнно, способна была не на шутку разстроить нервы своихъ воспитанницъ. Она заставляла ихъ строго соблюдать посты, внушала имъ ежечасно: «mortifiez la chair!», требовала отъ маленькихъ дѣвочекъ, чтобы онѣ нарочно причиняли себѣ различныя непріятныя ощущенія; она водила ихъ къ умирающимъ крестьянамъ и пріучала ихъ къ виду агоніи. Но всѣмъ этимъ затѣямъ Марія Жераръ всегда старалась придать филантропическій характеръ; она говорила, что дѣвочки должны привыкать съ дѣтства къ созерцанію людского горя, чтобы потомъ безбоязненно и безъ брезгливости помогать всѣмъ страждущимъ. Ройе-Колларъ просто не могъ нахвалиться такой женщиной; онъ страшно любилъ дочерей, но былъ помѣшанъ на мысли закалить ихъ характеръ, и этой идеѣ онъ не рѣдко приносилъ въ жертву дѣтскія удовольствія и комфортъ. Съ своей стороны, онъ старался внушить дочерямъ мысль, что на свѣтѣ человѣка часто постигаютъ незаслуженныя несчастія и что нужно умѣть переносить ихъ; слѣдуетъ сказать, что вообще Ройе-Колларъ придерживался довольно пессимистическаго взгляда на жизнь; практика жизни ему казалась темною ночью, и единственнымъ путеводителемъ среди этой темноты являлись, по его мнѣнію, твердо обоснованные взгляды и убѣжденія. И въ частной, и въ общественной жизни, полагалъ онъ, легко заблудиться и погибнуть, или, что еще хуже, погубить другихъ, если не имѣть опредѣленныхъ навсегда принциповъ и идеаловъ. Вотъ почему его всегда гораздо болѣе занимали доктрины различныхъ партій, нежели ихъ дѣйствія. Онъ никогда не боролся противъ отдѣльныхъ личностей, но всегда противъ теорій; никто

не имѣлъ такъ много права, какъ Ройе-Коллоръ, примѣнять къ себѣ извѣстныя слова Ж.-Ж. Руссо: «je hais les mauvaises maximes encore plus que les mauvaises action». При подобномъ воззрѣніи на роль принциповъ въ человѣческой жизни, онъ поступалъ вполнѣ послѣдовательно, желая съ дѣтства всѣми мѣрами внушить своимъ дочерямъ ученія самоотреченія и аскетизма. Эти ученія должны были, по его мысли, сдѣлать ихъ добродѣтельными и счастливыми, несмотря ни на какія обстоятельства жизни.

Воспитаніе дочерей не поглощало всѣхъ его досуговъ; онъ очень много читалъ и, по обыкновенію, перечитывалъ. Монтескье не сходилъ съ его письменнаго стола; но, кромѣ политической философіи, онъ въ это время заинтересовался метафизическими системами. Онъ старательно изучалъ сенсуалистовъ и ихъ противниковъ; нѣкоторыми своими сторонами сенсуализмъ Кондильяка нравился ему, но примириться съ скептическими выводами сенсуалистовъ Ройе-Колларъ не хотѣлъ. Гораздо болѣе плѣнила его шотландская школа Рида, который въ главныхъ основахъ своей философіи прямо противорѣчилъ сенсуализму. По мнѣнію Рида *), въ нашемъ сознаніи существуютъ самоочевидныя системы (self-evident truths), которыя нѣтъ нужды доказывать: въ эти истины просто необходимо повѣрить, чтобы имѣть точку опоры для дальнѣйшаго философскаго познаванія. Здравый смыслъ, common sense, требуетъ допущенія этихъ истинъ и воспрещаетъ сомнѣваться въ нихъ. Ройе-Колларъ сразу увлекся ученіемъ Рида. Для него былъ особенно дорогъ самый принципъ допущенія очевидныхъ истинъ, а ужъ какія это будутъ истины, тѣ ли, о которыхъ говоритъ шотландскій философъ, или другія, онъ считалъ вопросомъ особымъ. Ридъ могъ называть такими истинами существованіе Бога, реальное бытіе внѣшняго міра, а Ройе-Колларъ считалъ себя вправѣ прибавить къ числу самоочевидныхъ истинъ благость политическаго порядка и политической свободы и т. д. Ученіе Рида казалось ему могучимъ оружіемъ, направленнымъ какъ противъ скептицизма и безвѣрія, такъ и противъ политическаго индифферентизма и испорченности, и нѣкоторое время онъ былъ просто поглощенъ изученіемъ шотландской доктрины. Начавъ заниматься философіей, онъ имѣлъ въ виду только расширеніе собственныхъ познаній, но, оказалось, что эти занятія сослужили ему непосредственную, практическую службу. Въ 1811 году Фонтанъ, завѣдывавшій тогда учебною частью въ университетѣ, обратился къ Ройе-Коллару съ предложеніемъ читать философскія лекціи въ Сорбоннѣ. Чѣмъ объяснить такое предложеніе, мы не знаемъ. Ройе-Колларъ ни одной строчки по философіи не написалъ; занимался этой наукой, хотя и серьезно, однако, врядъ ли настолько, чтобы слава о томъ успѣла разнестить

*) Ридъ (1710—1796) не имѣлъ нигдѣ сколько-нибудь выдающихся послѣдователей. Кромѣ Ройе-Коллара, «Philosophy of common sense» обратила на себя вниманіе Дугальда Стюарта, Томаса Броуна, Джемса Макинтоша.

по Франціи. Вѣрнѣе всего, некѣмъ было замѣстить вакантную каѳедру, такъ какъ могло не оказаться подходящаго по благонамѣренности профессора; Фонтанъ вспомнилъ о Ройе-Колларѣ, который пока въ глазахъ администраціи не былъ скомпрометтированъ и, случайно зная о философскихъ занятіяхъ нашего политика, grand-maître университета счелъ его лицомъ, вполнѣ пригоднымъ для чтенія лекцій. Конечно, тутъ большое вліяніе оказала протекція Пасторэ, друга Ройе-Коллара, который, уходя изъ университета, указалъ Фонтану на Ройе-Коллара, какъ на своего замѣстителя по каѳедрѣ.

Ройе-Колларъ долго колебался, не рѣшаясь принять назначенія, но Фонтанъ настаивалъ и кончилъ тѣмъ, что, не дождавшись окончательнаго согласія, заявилъ, кому слѣдуетъ, что Ройе-Колларъ назначенъ профессоромъ и начнетъ читать лекціи. Тогда только онъ volens-nolens согласился. Такимъ образомъ послѣ 10-ти лѣтъ полнаго уединенія отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, онъ снова выступилъ на арену дѣятельности. Но тутъ на первыхъ же порахъ возникло затрудненіе: дѣло въ томъ, что во времена наполеоновскаго владычества, всякій профессоръ, начиная читать въ университетѣ, обязанъ былъ во вступительной лекціи, хотя бы это была лекція по минералогіи,—вставить «éloge», нѣсколько прочувствованныхъ словъ о величіи побѣдоноснаго французскаго государя. Фонтанъ предупредилъ Ройе-Коллара, чтобы онъ не забылъ это сдѣлать, прибавляя, что иначе его императорское величество разсердится. Ройе-Колларъ заявилъ наотрѣзъ, что хотя императоръ и владыка міра, но это обстоятельство къ философіи не относится, и что онъ, Ройе-Колларъ, ни однимъ звукомъ не потревожитъ имени его величества. Долго спорилъ Фонтанъ, но ничего подѣлать не могъ. Вступительная лекція Ройе-Коллара была напечатана и, какъ это всегда дѣлалось, представлена Наполеону. Императоръ, не смотря на либеральное умолчаніе, остался доволенъ новымъ профессоромъ. Относясь къ философіи съ точки зрѣнія категорій благонадежности и неблагонадежности, Наполеонъ уже давно замѣтилъ, что сенсуализмъ есть ученіе довольно подозрительное. Узнавъ изъ лекціи, что Ройе-Колларъ намѣренъ бороться съ послѣдователями Кондильяка, императоръ былъ очень радъ. «Меня очень радуетъ,—сказалъ онъ Таллейрану,—что у насъ, во Франціи, теперь возникаетъ новая философія; вѣдь она можетъ *убить идеологовъ наповалъ* и освободить отъ нихъ государство».

Къ счастью для Ройе-Коллара, Наполеонъ не предугадалъ, что новый профессоръ намѣренъ стрѣлять не только въ идеологовъ, но и въ другихъ, болѣе важныхъ людей. Характеръ тогдашней государственной политики сдѣлалъ то, что философія и литературная критика стали единственными убѣжищами независимой мысли. Конституціонныхъ преній не было; политической независимой прессы не существовало; издатели газетъ и журналовъ могли имѣть редакторовъ только по выбору полиціи; число періодическихъ изданій было строго ограничено.

Всѣ статьи должны были представляться не только въ цензуру, но еще и на просмотръ министру полиціи. Извѣстны слова Наполеона, сказанныя имъ Фуше: «передайте редакторамъ, что я ихъ буду судить *не за то дурное, которое они будутъ говорить, а за то хорошее, о чемъ они будутъ молчать»*. Какъ разъ въ то время, какъ Ройе-Колларъ выступалъ на профессорское поприще, строгости относительно прессы усилились; правительство готовилось запретить *всѣ* газеты и оставить одну казенную «Moniteur». Всякая политическая мысль при такихъ условіяхъ замерла въ періодической печати. Оставались иносказанія; въ области философіи и литературной критики поднялись вдругъ горячіе споры, дебаты, началось увлеченіе абстрактными темами; нечего и говорить, что философія и критика служили только прикрытіемъ для политики. Отъ критиковъ, отъ профессоровъ философіи требовались такіе намеки, такіе выводы, которые могли бы указать ищущимъ просвѣта читателямъ и слушателямъ, гдѣ и въ чемъ искать здоровыхъ общественныхъ идеаловъ. Ройе-Колларъ былъ именно такимъ философомъ, какого требовала тогда оппозиціонная часть общества. Онъ былъ чистѣйшимъ политикомъ по всему строю своего мышленія, и его философскіе курсы, которые онъ читалъ 2¹/₂ года, служили для него главнымъ образомъ лишь средствомъ для политическаго воспитанія слушателей.

Положеніе Ройе-Коллара было довольно трудное; онъ былъ принципіальнымъ противникомъ сенсуализма и скептицизма XVIII вѣка и во всякое другое время не преминулъ бы критиковать съ каѳедры эти непріятныя ему доктрины совершенно свободно; но теперь, когда онѣ были не въ милости, онъ затруднялся бороться съ ними. Ройе-Колларъ полагалъ, что, рѣзко осуждая сенсуализмъ, онъ, такъ или иначе, играетъ на руку администраціи и господствующему порядку вещей; по его мнѣнію, никакими софизмами нельзя было оправдать такого ложнаго шага, никакіе толки о различіи сферъ политической и философской мысли не могли бы успокоить его совѣсти, разъ онъ сознавалъ бы, что сдѣлался, даже случайно, союзникомъ реакціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенсуалистическая философія являлась чуть ли не господствовавшей въ умахъ молодежи; признавая ея ошибочность, Ройе-Колларъ не могъ не бороться съ нею. Новый сорбонскій профессоръ поступилъ очень находчиво: онъ не искалъ себѣ дешевыхъ лавровъ и дешевой извѣстности одобряемаго новатора—вышучиваніемъ сенсуализма, какъ это дѣлали въ то время нѣкоторые его коллеги, а ограничился популяризаціей ученій Рида, стараясь привести своихъ слушателей самихъ къ выводамъ, отрицающимъ заключенія сенсуалистовъ. Онъ повелъ дѣло такъ искусно и тактично, что потомъ уже могъ открыто нападать на Кондильяка, на Локка, не опасаясь сбить съ толку своихъ юныхъ учениковъ; оставаясь въ сущности дилеттантомъ, не переставая быть политикомъ на философской каѳедрѣ, онъ, говоря о различныхъ философскихъ системахъ, попутно развивалъ свои излюбленныя идея о право-

вомъ устройствѣ общества, объ осуществленіи соціальной справедливости. Поразительно ясный стиль, отчетливое выраженіе самыхъ сложныхъ мыслей, новизна доктрины Рида во Франціи—все это возбуждало въ студентахъ и въ обществѣ большой интересъ къ новымъ курсамъ. Историки французской философіи склонны иногда приписывать Ройе-Коллару значеніе возстановителя спиритуализма во Франціи *); важность его преподавательской дѣятельности для политическаго воспитанія молодежи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можетъ быть, слишкомъ моралистическое направленіе мысли вредило поискамъ чистой философской истины, но что касается общественнаго значенія лекцій, то этотъ морализмъ весьма многое освѣщалъ въ сознаніи слушателей. Не мало политическихъ дѣятелей 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ говорили, что въ Сорбоннѣ, на лекціяхъ Ройе-Коллара много имъ запало въ душу такого, что потомъ сдѣлалось основою ихъ общественныхъ убѣжденій. Но дѣятельность этого человѣка, давшая ему историческое имя, была еще впереди, и разсказанная до сихъ поръ пятидесятилѣтняя жизнь его оказалась лишь долгой подготовкой къ той роли, которую ему суждено было съиграть.

Когда Ройе-Колларъ поздней осенью 1811 г. вступалъ въ Сорбонну, Парижъ, Франція и вся Европа говорили о томъ, что императоръ намѣренъ начать грандіозную войну съ Россіей. Слухи эти, перемежаясь, не прекращались, не смотря на всѣ увѣренія французскаго правительства и не смотря на всю уступчивость русскаго. Лѣтомъ 1812 г. началась русская кампанія; въ декабрѣ того же года Наполеонъ, погубивъ полумилліонную армію, вернулся въ Парижъ.

Евг. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) *Слова Тэна: M. Royer-Collard se mit en campangne et le spiritualisme commença.*

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Цвѣтокъ я люблю. Я люблю, но не знаю
Его, и томлюсь, и грущу,
Съ тревогой я каждый цвѣтокъ вопрошаю
И сердца, все сердца ищу.

Дрожатъ, благовонны въ вечернемъ сіяньи
Цвѣты, и поетъ соловей;
Я сердца ищу, мнѣ родного въ страданьи,
Прекраснаго въ скорби своей.

Поетъ соловей... Онѣ полны значенья—
Печальныя пѣсни твои;
Обоимъ близка намъ и сладость томленья,
И грусть безконечной любви.

Вл. Ладыженскій.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава VIII.

Она сидѣла рядомъ съ нимъ и то съ видомъ необычайной серьезности, то вдругъ заливаясь смѣхомъ, разсказывала, какъ все это случилось.

— Какъ хорошо! Какъ дивно!—по временамъ перебивала она сама себя:—мы не только вдвоемъ, мы оторваны отъ всѣхъ, отъ всего... Отъ всего того, что въ нашей жизни лишнее, ненужное, тяжкое! Мы и только мы! Я и ты, подъ нами земля, надъ нами небо, а это—этотъ вагонъ, эти диваны, эти люди, это только для того, чтобы отвезти насъ подальше отъ всего того...

Были протесты со стороны Поликарпа Антоновича и въ особенности Марьи Ивановны. Почему? Съ какой стати? Она ѣдетъ съ Бертышевымъ, Богъ знаетъ, чтò можно подумать, и Богъ знаетъ, что будутъ говорить! Она возражала: ѣдетъ Иванъ Семеновичъ, почтенный старикъ! Но протесты продолжались. Она говорила: я хозяйка, я хочу тоже осмотрѣть этотъ лѣсъ! Ей отвѣчали, что это пустяки, такъ какъ она, все равно, ничего не понимаетъ. Тогда она восклицала свой послѣдній доводъ: наконецъ, я хочу этого, я съ ума сойду, если не воспользуюсь этимъ случаемъ и не прокачусь! Я засидѣлась, мнѣ надоѣло это, я толстѣю отъ этого!

И тогда, по обыкновенію, на нее махнули рукой: ну, дѣлай, какъ знаешь!

А вещи уже были уложены, потому что она, когда раздавались протесты, знала, что будетъ такъ, какъ она хочетъ.

— Какъ жаль,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—что твое волшебство простирается на такой ограниченный кругъ и нельзя,

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

чтобы все, на что ты ни взглянешь, шло такъ, какъ ты хочешь, или чтобы ты передала мнѣ свою волшебную силу...

Она посмотрѣла на него, у него были грустные глаза. Она приложила къ его губамъ свою ладонь.

— Ни слова о земномъ! Мы на небѣ!—сказала она.—Неужели ты не радъ, что мы такъ неожиданно очутились вмѣстѣ?

— И радъ, и не радъ!..

— Что? что? что? Какъ ты смѣешь!?

— Надо все смѣть. Тѣмъ болѣе, что я оправдаюсь. Радъ потому, что ты сидишь рядомъ со мной и, правда, при такой обстановкѣ, какой мы лишены. Радъ потому, почему всегда бываю радъ тебѣ. А не радъ вотъ почему... Если позволено будетъ мнѣ говорить все, хотя бы пришлось на время спуститься на землю.

— Ужъ ты задѣлъ мое любопытство. Говори.

— Видишь ли, я въ послѣднее время страшно запутался... Ну, какъ тебѣ это объяснить... Запутался я собственно съ той минуты, когда началось мое чувство къ тебѣ. Мы съ тобой были не равны. Ты—свободная, вольная распорядиться собой, своей душой, какъ тебѣ вздумается, я—связанный тысячью нравственныхъ обязательствъ... Каждое новое обязательство, каждая клятва, которую я тебѣ давалъ, были воровствомъ,—я кралъ ихъ у другихъ, которымъ отдалъ раньше и не могъ исполнить. Потомъ я пересталъ красть, потому что этого не выносила моя природа, и сталъ грабить среди бѣла дня. Это выходило немного благороднѣе...

— Владиміръ!

— Постой! Мы теперь свободны, какъ никогда еще не были, и я чувствую это, и чувствую, что скажу тебѣ все, что только есть у меня на душѣ, тамъ не останется ничего... И ты должна проникнуться этой свободой и выслушать все до послѣдняго слова... А потомъ... Потомъ и у тебя навѣрно найдется кое-что такое, что давно надо было сказать мнѣ, но ты не говорила потому, что у насъ было мало свободы.

— Какой ты вдругъ сталъ удивительный!—воскликнула Вѣра Поликарповна.—Но это мнѣ нравится...

— Да, это должно тебѣ нравиться, потому что въ душѣ твоей есть потребность правдивости. Ну, вотъ и слушай. Я запутался. Наши отношенія тянутся вотъ уже полгода и все-таки до сихъ поръ ни ты, ни я не можемъ дать имъ названія...

— Они безъ названія... Нѣтъ, постой, я не такъ выразилась. Имъ, конечно, есть названіе, но мы его не знаемъ, мы не нашли его, потому что мы не изобрѣтательны, а тѣ названія, какія есть, для нихъ не годятся...

— Ахъ, Вѣра, вѣдь это только прекрасныя слова! Тебѣ

пріятно думать, что мы чувствуемъ какъ-то не такъ, какъ всѣ другіе. Это самообманъ... Воспользуемся нашей вольностью для того, чтобы разсѣять всѣ обманы и стать прямо предъ лицомъ правды. Когда мы въ первый разъ назвали другъ другу свое чувство, вѣдь мы выразили его этимъ словомъ: люблю, и что съ нами было и всякій разъ бываетъ, когда мы наединѣ, это бываетъ со всѣми людьми, когда они любятъ. Вотъ и теперь—и у меня, и у тебя сердце бьется неистово, наши руки дрожатъ, когда мы соединяемъ ихъ, намъ хочется быть поближе, хочется прижаться другъ къ другу, и тогда то, что мы называемъ нравственной стороной чувства, единеніе душъ, становится полнѣе... Вѣдь это такъ? Ну, значитъ, мы любимъ, любимъ, какъ два молодыхъ звѣрька, переполненныхъ жизненными силами. любимъ, какъ любятъ всѣ, не лучше, не хуже...

— Пусть такъ...

— Нѣтъ, не пусть такъ, а просто: такъ!

— Такъ!—повторила она, прижимаясь къ нему:—приходится разстаться съ горделивымъ заблужденіемъ.

— Ну, вотъ слава Богу! По крайней мѣрѣ хоть одно доброе дѣло сдѣлано!

— Продолжай!—со вздохомъ покорности сказала Вѣра Поликарповна.

— Я и продолжаю. Итакъ, насъ связала любовь. Это вполнѣ естественно, что между нами, молодыми, симпатизирующими другъ другу, возникла любовь, это естественно. Но вѣдь мы не только молодые звѣрьки, а еще и люди, отличающіеся отъ звѣрьковъ способностью руководить своими чувствами и поступками...

— Такъ, такъ, руководи!..

— Я хочу сказать, что человѣкъ уже не довольствуется тѣмъ, чтобы въ его жизни было все естественно. Онъ создалъ себѣ коечто повыше этого...

— Что же это?

— Двѣ вещи: разумность и справедливость.

— Остановимся на первой!—чуть-чуть иронически сказала Вѣра Поликарповна.

— Да, на первой, а потомъ перейдемъ и ко второй. Думаешь ли ты, что любовь есть главная задача, какую долженъ рѣшить человѣкъ на землѣ? Или ты полагаешь, что у него есть что-нибудь поважнѣе?

— Я думаю, что задача человѣка заключается въ томъ, чтобы какъ можно счастливѣе прожить жизнь на землѣ!..—сказала Вѣра Поликарповна.

— Это ничего не рѣшаетъ. Весь вопросъ въ содержаніи счастья. Одинъ почитаетъ себя счастливымъ, проводя жизнь въ скотскихъ

удовольствіяхъ, другому для счастья необходимо удовлетвореніе умственныхъ и нравственныхъ стремленій. Но не будемъ уклоняться въ сторону. По моему, любовь не можетъ составлять главной задачи жизни, а значитъ и счастья, но она важный элементъ счастья и ей мы должны дать почтенное мѣсто въ нашей жизни.

— Слава Богу!

— Погоди... Однако же при условіи, что она подчинится законамъ разумности и справедливости. Вторично оговариваюсь: всѣ эти разсужденія касаются только меня. До тебя они не относятся, потому что любовь застала тебя свободнымъ человѣкомъ...

— Я тебя перебью: скажи, въ этихъ разсужденіяхъ будетъ что-нибудь новое, такое, что не говорилось раньше?

— Не знаю. Вѣдь пойми, что я распутываюсь. Я дѣлаю это вслухъ, въ надеждѣ, что ты поможешь мнѣ...

— Плохого ты выбралъ помощника, Владиміръ!

— Ничего. Итакъ, сперва — разумность. Любовь — чувство свободное. Всякое препятствіе, задержка, тормазъ—въ ней страданіе, какъ страданіе причиняетъ глазу ничтожнѣйшая соринка, попавшая въ него. Я полюбилъ тебя, будучи связанъ съ другой женщиной, которая не причинила мнѣ никакого зла и этимъ лишила меня пріятной, въ данномъ случаѣ, возможности питать къ ней вражду. Я не говорю здѣсь о дѣтяхъ, которыя составляютъ особый міръ съ особыми правами на меня. Я только о женщинѣ. Я зналъ, что моя любовь къ тебѣ причинитъ ей горе, что въ большей или меньшей свободѣ отношеній моихъ къ тебѣ я долженъ принимать въ разсчетъ ее, ея положеніе въ обществѣ, состояніе ея души и проч. Значитъ, я зналъ, что любовь моя къ тебѣ будетъ на каждомъ шагу встрѣчать препятствія, задержки, тормазы, которые будутъ причинять мнѣ страданія. Значитъ, я поступалъ, какъ человѣкъ, который, зажегши костеръ и подкладывая въ него дрова, вмѣстѣ съ тѣмъ подливалъ бы въ огонь понемногу воды... Значитъ, это противорѣчило разумности. Далѣе: мы съ тобой уже рѣшили, что любовь не представляетъ главной задачи въ жизни человѣка. Безъ нея можно прожить; люди, не знавшіе любви, свершали великія дѣла, благодѣтельствовали человѣчество. Но я, кромѣ того, зналъ уже любовь, я однажды пережилъ всѣ ея прелести, изъ нея вытекла семья, у меня есть дѣти, которыя явились результатомъ не случайности, а любви. Значитъ, если и есть такая задача передъ природой, то я однажды въ своей жизни уже рѣшилъ ее и въ этомъ отношеніи уже ничего не долженъ природѣ. Такимъ образомъ, поднять на себя новую любовь человѣку, уже разъ испытавшему ее и не имѣющему оправданія въ новизнѣ, неизвѣданности чувства, при условіяхъ ежеминутныхъ

препятствій, возставляющихъ страданія, которыя часто такъ велики, что перевѣшиваютъ наслажденія,—неразумно. И это еще не все по части неразумности.

— Боже! Какъ ты тяжело вооруженъ сегодня!

— Да, я же сказалъ тебѣ, что согласился на эту поѣздку съ намѣреніемъ распутаться...

— И когда ты распутаешься, ты уйдешь отъ меня?

— Если будетъ доказано, что этого требуетъ разумность и справедливость...

— Посмотримъ!..

— Посмотримъ. Любовь нельзя сравнить съ драгоцѣннымъ сокровищемъ, которое тѣмъ лучше и дольше сохраняется, чѣмъ дальше и надежнѣе его спрятали. Подальше отъ пыли и отъ вліянія стихій,—вотъ все, что нужно, чтобы оно сохранялось вѣчно. Любовь не такова; она, какъ живое существо, имѣетъ свою жизненную задачу, свою цѣль, къ которой неугомонно стремится. Цѣль любви—соединеніе двухъ жизней въ одну, соединеніе полное—нравственное и физическое, выражающееся однимъ словомъ—семья. Любовь, которая не стремится къ этому, безцѣльна; любовь, которая стремится безъ всякихъ шансовъ достигнуть, безсмысленна. Мы, если ты не забыла, въ началѣ нашихъ отношеній, дали слово довольствоваться какимъ-то условнымъ единеніемъ душъ и никогда не думать о томъ, что можетъ омрачить наше чувство. Это было предусмотрительно, но этого не могло хватить надолго, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Отдѣльно отъ тебя моя любовь переживала свойственное ей развитіе; сдерживаемая изо всѣхъ силъ крѣпкими поводьями, она, тѣмъ не менѣе, стремительно шла къ своей цѣли, и я говорю тебѣ это прямо: я не могу смотрѣть на тебя, быть близко съ тобою, безъ шансовъ обладать тобой...

— Какъ и я—быть твоей!..—закрывъ глаза и положивъ руку ему на плечо, тихо сказала она.

— Ну, вотъ... Мы и пришли къ тому, что намъ надо!.. Теперь посмотримъ, доступна ли намъ эта цѣль въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ее взять можемъ. Единственная форма, это—если бы мы съ тобой составили семью. Но я уже составляю часть семьи. Этого отрицать не пытайся, потому что это фактъ, противъ котораго словами ничего не подѣлаешь. Эта семья—больная, да, но это я сдѣлалъ ее больной, я внесъ въ нее худосочіе и, можетъ быть, разложеніе... Но отъ этого не перестаетъ быть фактомъ то, что я уже часть семьи. Нельзя быть частью двухъ семей въ одно и то же время и при томъ еще частью такой, на которой она зиждется. И я не могу перестать быть частью той семьи...

— Ты считаешь это невозможнымъ?—спросила Вѣра.

— Вѣра, ты должна помнить, что, когда я сказалъ моей женѣ

все и нанесъ ей этимъ страшный ударъ, который грозилъ разрушить мою семью, а значитъ разбить жизнь моихъ дѣтей, то семья моя уцѣлѣла только благодаря честному слову, которое я далъ женѣ: все, что угодно и что бы то ни было, но я остаюсь членомъ той семьи. Значитъ нельзя...

— Да, нельзя... Это все?—спросила Вѣра Поликарповна, какъ казалось, вполнѣ спокойно.

— Нѣтъ, еще осталась справедливость...

— О, это такая строгая дама... Я всегда передъ нею пасую!

— Да, и она такъ проста, что съ нею долго не придется разговаривать. Когда люди заключаютъ брачный союзъ, то они обѣщаютъ другъ другу многое такое, чего не называютъ, но это само собою разумѣется, это какъ бы символизируется самимъ брачнымъ союзомъ. Эти обѣщанія, вотъ они: жить общимъ домомъ, дѣлить все пополамъ, воспитывать дѣтей общимъ вліяніемъ и многія другія, не столь важныя. Что при этомъ обѣщается еще вѣчное единеніе душъ, вѣчная вѣрность, я объ этомъ не говорю. Это, въ большинствѣ случаевъ, искренній самообманъ и въ этомъ люди не всегда вольны. Ясно, что уйти мнѣ изъ общаго дома, перестать дѣлить все пополамъ, лишить дѣтей своего вліянія,—противно справедливости. Далѣе: есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, о которомъ женщины молчатъ развѣ только изъ самолюбія, но которое онѣ, если бы захотѣли, могли бы сдѣлать предметомъ иска. Женщина сходится съ мужчиной—молодая, свѣжая, здоровая; форма ея тѣла, цвѣтъ лица, гладкость кожи, стройность стана, фигура,—все это въ такомъ состояніи, что, не случись этой встрѣчи, всякая другая вызвала бы романъ и могла кончиться союзомъ. Но вотъ она родила своему мужу дѣтей, потеряла массу здоровья. Заботы, материнскія муки изсушили ея грудь, лишили свѣжести ея лицо, покрыли морщинами ея кожу, согнули ее, лишили ее фигуры, словомъ, безконечно уменьшили ея шансы такъ же легко, какъ прежде, при встрѣчѣ съ нимъ,—побѣдить, овладѣть сердцемъ мужчины. А мужчина никакихъ такихъ потерь не понесъ, остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, исключая развѣ естественное вліяніе времени. При томъ же отъ него и не требуется никакихъ внѣшнихъ прелестей. И вотъ въ это-то время онъ говоритъ женщинѣ: я люблю другую. Я хочу образовать съ ней новую семью, а ты будь, какъ хочешь! До какой степени неравны ихъ положенія и до какой степени этотъ эгоистическій поступокъ далекъ отъ справедливости! Онъ лишилъ ее всѣхъ орудій, которыми женщина ведетъ борьбу за существованіе и тогда говоритъ: ты свободна, иди!.. А я нашелъ себѣ другую! Это все равно, какъ если бы дѣти поймали птицу, выщипали ей для своей забавы перья и пустили бы ее на волю: иди, летай! Итакъ, ты видишь, что

моя любовь къ тебѣ, какъ на нее ни посмотри, противна справедливости!

— Выводъ, скорѣе выводъ!—промолвила Вѣра Поликарповна страннымъ тономъ, въ которомъ слышалась какая-то безшабашность.

— Выводъ ясенъ, хотя и тяжелъ страшно: я долженъ отойти отъ тебя добровольно, а ты должна помочь мнѣ въ этомъ. Мы обязаны разойтись навсегда!..

— Такова логика вещей!—тѣмъ же тономъ сказала Вѣра.

— Да, такова логика вещей... Развѣ ты не согласна съ этимъ?

— О, да, согласна, согласна!—говорила Вѣра и при этомъ, прижавшись къ нему близко-близко, крѣпко охватила его шею обѣими руками.—Это ясно, какъ день. Такова логика вещей!..

— Вѣра!

— Ну, что же? Что?

— Какъ же быть? — взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Какъ быть?.. Какъ быть?.. Какъ хочешь!..—говорила она прерывающимся голосомъ, слегка приподнялась и вся прильнула къ нему, а губы ея какъ бы безсознательно произносили слова:— Ночь... Тускло горитъ свѣча въ фонарѣ... Этой маленькой дверью мы отрѣзаны отъ всего міра... Мы вдвоемъ... Мы свободны!.. Поѣздъ мчится, разсѣкая ночной воздухъ... На землѣ мы или надъ облаками, кто знаетъ? Я съ тобой... Я приросла къ тебѣ всѣмъ тѣломъ... Сердца наши стучатъ, какъ молоты... Разумность, логика, справедливость... О, они нужны тамъ, на твердой землѣ, въ городѣ, въ домахъ, гдѣ люди... А здѣсь, здѣсь мы только двое... Только двое... Здѣсь мы любимъ... Милый Владиміръ, твои глаза пылаютъ... Ты весь въ огнѣ, какъ и я... Такъ сгоримъ же, сгоримъ въ этомъ огнѣ и пусть съ нами вмѣстѣ сгорятъ разумность, логика и справедливость... Не будемъ ничего обѣщать другъ другу... Мы свободны... Цѣлая жизнь не стоитъ одной этой минуты... Прижми меня до боли... Вотъ мое тѣло... смотри... Цѣлуй его... Видишь, какъ вздымается грудь... Хочу быть вся твоя... Вся, вся...

— Вѣра, Вѣра!..

— Молчи... ни слова... Знаю, что̀ скажешь... Что будетъ потомъ?.. Мнѣ нѣтъ дѣла!.. Никакихъ обѣщаній... Никакихъ клятвъ!..

Онъ съ усиліемъ провелъ рукой по лбу, какъ бы этимъ движеніемъ желая разогнать туманъ, застилавшій ему глаза; потомъ бережно взялъ ее на руки и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Слушай, Вѣра... Сиди такъ, смирно... Вотъ такъ. Это правда, что мы въ огнѣ, и огонь этотъ не будемъ гасить. Пусть онъ перегоритъ... Но сжечь себя мы не дадимъ ему. Нѣтъ, нѣтъ... Тутъ не разумность, не логика, не справедливость... совсѣмъ другое.

Потомъ, когда ты очнешься отъ кашмара, ты скажешь, что я спасъ наше прекрасное чувство, не далъ ему перейти ту грань, за которой оно походило бы на чувство всѣхъ и каждаго...

Онъ нѣжно гладилъ ее по волосамъ, и она поддавалось этимъ движеніямъ, и глаза ея становились яснѣе и спокойнѣе. Потомъ онъ посадилъ ее рядомъ съ собой.

— Ты хочешь уйти?—съ испугомъ спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я только закурю папиросу и открою окно. Намъ нуженъ свѣжій воздухъ...

Онъ это сдѣлалъ и въ купэ ворвалась струя прохладнаго ночного воздуха.

— Теперь давай сидѣть вотъ такъ рядомъ и смотрѣть въ темноту ночи... Что жъ ты не говоришь мнѣ спасибо?

— Спасибо!—съ тихой улыбкой промолвила она и поднесла къ своимъ губамъ его руку.—Теперь ты уже не смѣешь меня покинуть, потому что я еще больше люблю тебя... Ты привязалъ меня этимъ... Этимъ подвигомъ...

— Молчи. Мы проведемъ съ тобой чудную недѣлю!..

— Благодаря тебѣ!..

— Въ особенности въ лѣсу будетъ хорошо... Я спасъ для насъ всю поэзію лѣса...

— Да, да... Это правда!

— Какъ жаль, что я не взялъ съ собой красокъ... Что-нибудь записалъ бы.

Было уже больше трехъ часовъ ночи. Появились первые предвѣстники утра. Вѣтеръ сталъ крѣпче, кое-гдѣ потухали слабые огоньки звѣздъ.

— Ну, теперь спи!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ, цѣлуя ее въ голову и вмѣстѣ пожимая ея руку.

— Я буду отлично спать!—отвѣтила Вѣра и посмотрѣла на него безконечно благодарными глазами.

Онъ оставилъ ее, прошелъ черезъ рядъ вагоновъ, гдѣ всюду лежали спящіе пассажиры, отыскалъ свое кресло, которое было превращено уже въ кровать, и, не раздѣваясь, улегся. Но спать онъ не могъ. То, что случилось, перевернуло всѣ его планы. Вѣра казалась ему холодной, въ ея любви онъ находилъ гораздо больше теоріи, чѣмъ горячей крови. Нерѣдко она придавала слишкомъ много значенія красивому положенію, даже красивой фразѣ, не видя изъ-за нея сущности дѣла. Иногда ему казалось, что многое въ ихъ отношеніяхъ забавляетъ ее. И вдругъ она оказывается способной на такой пылъ, который затмеваетъ разумъ и всѣ соображенія, обыкновенно сдерживающія людей въ самую опасную минуту. Да, она не такова, какъ онъ думалъ... Но онъ! Онъ не находилъ словъ, чтобы достаточно похвалить свою сдержанность,

свой характеръ, который, какъ уже принято думать, въ немъ присутствуетъ въ самой слабой мѣрѣ.

Теперь онъ не ясно представлялъ себѣ, какую новизну внесетъ въ ихъ отношенія этотъ нежданный эпизодъ, но зато въ какихъ ужасныхъ краскахъ рисовалось ему возможное будущее, котораго онъ избѣжалъ. Если теперь нравственная отвѣтственность давитъ его со всѣхъ сторонъ, спутываетъ его дѣйствія, что было бы тогда? Тогда пришлось бы взять топоръ и разрубить всѣ успѣвшіе завязаться узлы—тамъ или здѣсь, все равно—и тамъ и здѣсь полилась бы кровь...

А утро надвигалось. Клинъ — послѣдняя остановка передъ Москвой. Онъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Онъ вышелъ изъ вагона освѣжиться, завернулъ въ буфетъ и, такъ какъ кое-кто изъ рано проснувшихся пассажировъ пилъ чай, то и онъ сдѣлалъ тоже, безъ особеннаго желанія. Случайно взглянувъ на противоположную сторону стола, онъ увидалъ Ивана Семеновича, который, усмѣхаясь ему, тянулъ чай изъ блюдечка.

— Раненько встали, Владиміръ Николаевичъ!—сказалъ онъ.

— Всю ночь не спалось!—отвѣтилъ Бертышевъ.

— А я вчера послѣ Любани заходилъ въ вашъ вагонъ пожелать вамъ спокойной ночи, да васъ не нашелъ. Думалъ, заговорились съ какимъ-нибудь знакомымъ въ другомъ вагонѣ...

— А, да! Это правда! Но знаете, кто этотъ знакомый? Вѣра Поликарповна!

— Поликарпа Антоновича дочка? Неужто? Должно быть, въ Москву ѣдутъ!

— Въ Москву и дальше. Она воспользовалась случаемъ, что мы ѣдемъ, и захотѣла проѣхаться... Будетъ съ нами лѣсъ смотрѣть. И горничная съ нею...

— А, то-то мнѣ показалось, что въ Любани вижу знакомую женщину... Такъ это ихъ старая няня... Такъ, такъ! Что жъ, имъ можно исполнять все, что вздумается, потому у папаши много денегъ. Такъ вотъ съ кѣмъ вы были!..

Третій звонокъ заставилъ ихъ быстро вернуться къ своимъ мѣстамъ. Но Владиміръ Николаевичъ нарочно прошелъ мимо вагона, гдѣ ѣхала Вѣра Поликарповна. На всѣхъ окнахъ были спущены занавѣски. „Значитъ, спитъ еще!“ подумалъ онъ.

Поѣздъ двинулся. За полчаса до Москвы онъ разыскалъ въ поѣздѣ старую няню Вѣры Поликарповны и послалъ ее разбудить барышню. Скоро они всѣ четверо встрѣтились на платформѣ.

Глава IX.

Въ Москвѣ приходилось ждать часовъ семь и они рѣшили было провести ихъ вмѣстѣ, но тутъ обнаружилось различіе вкусовъ,

которое на первые два-три часа раздѣлило общество. Владиміръ Николаевичъ предложилъ взять ландо, усѣсться всѣмъ четверымъ и осмотрѣть все, что есть интереснаго въ Москвѣ. Онъ хотѣлъ проѣхать въ Кремль, потомъ поѣздить по окрестностямъ, а затѣмъ осмотрѣть третьяковскую галлерею и завершить все обѣдомъ гдѣ-нибудь въ загородномъ саду.

Но Иванъ Семеновичъ и няня, хотя и не возражали, однако видно было, что имъ это не совсѣмъ по душѣ и у нихъ въ головахъ роятся другія мысли. Бертышевъ замѣтилъ это.

— Вамъ, кажется, хотѣлось бы иначе провести время!—сказалъ онъ, обращаясь къ Ивану Семеновичу.

— Нѣтъ, не то что бы... Отчего жъ? Можно и такъ!..—неопредѣленно отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ.

— Нѣтъ, ужъ вы говорите прямо. Какъ кому нравится, такъ тотъ и поступитъ.

— Да оно правильнѣе побывать бы у святынь!..—признался, наконецъ, Иванъ Семеновичъ.

— И я такъ думаю!—присоединилась няня.

— Такъ и прекрасно. Мы отвеземъ васъ въ Кремль, тамъ вы останетесь. А оттуда можете взять извозчика, если захотите еще что-нибудь осмотрѣть. Мы же поѣдемъ въ окрестности, а въ три часа опять заглянемъ въ Кремль и тамъ около царя-колокола найдемъ васъ.

— Ну, вотъ спасибо!

Они поручили свои вещи посыльному, который долженъ былъ перевезти ихъ на другой вокзалъ, сѣли въ ландо и поѣхали. Въ Кремлѣ они оставили стариковъ въ Успенскомъ соборѣ, а сами поѣхали за городъ.

День стоялъ пасмурный, но не было никакихъ опасеній, что пойдетъ дождь. Владиміръ Николаевичъ не разъ уже проѣзжалъ черезъ Москву, но никогда не осматривалъ ее. Она ему нравилась своей разбросанностью, неправильностью своего плана, неожиданностями поворотовъ, странностью архитектуры, отсутствіемъ того единообразія, которое кладетъ такой отпечатокъ казенности на Петербургъ. Вѣрѣ Поликарповнѣ городъ не понравился.

— Это большая деревня!—сказала она.—То, что здѣсь оригинально,—дико, оно и есть остатокъ дикихъ временъ. А ужъ то, что напоминаетъ о дикости и варварствѣ, мнѣ не можетъ понравиться.

Они долго спорили о церкви Василія Блаженнаго. Владиміръ Николаевичъ находилъ въ ней „кудрявый замыселъ“, а Вѣра Поликарповна нашла, что это напоминаетъ поставленный вверхъ дномъ ящикъ, на которомъ наставили разной величины графиновъ и бутылокъ.

— Ничего грандіознаго. Все какъ будто строили не люди съ широкимъ полетомъ творческой фантазіи, а муравьи...—говорила Вѣра Поликарповна.

Въ Москвѣ у нихъ обоихъ не было знакомыхъ ни души, поэтому они, ѣдучи въ коляскѣ вдвоемъ, чувствовали себя привольно.

— Вотъ видишь, ты хотѣлъ бранить меня за то, что я навязалась тебѣ въ спутницы, а развѣ намъ не хорошо?

— Хорошо, хорошо, послѣ того...

— Послѣ того, какъ ты спасъ наше чувство отъ гибели... Знаю, знаю, нечего хвастаться! Однимъ словомъ—хорошо. Ахъ, мой другъ, прекрасныхъ минутъ такъ мало, что надо ихъ цѣнить! А развѣ въ Петербургѣ мы могли бы при какихъ бы то ни было условіяхъ пережить такія минуты, какъ сейчасъ?.. А впереди—лѣсъ, ѣзда на перекладныхъ!.. Ты, пожалуйста, не вздумай тамъ посадить въ одинъ экипажъ съ нами Ивана Семеновича и няню... Я уважаю ихъ почтенную старость, но не хочу подарить имъ ни одного прекраснаго мгновенія... Подумай, какъ это практично: ты прекрасно проведешь время и кромѣ того... я же не помѣшала тебѣ „распутаться"... Вѣдь ты распутался? а?

— Ты это находишь?

Она разсмѣялась.

— Тутъ гораздо интереснѣе—находишь ли это ты?..

— Мнѣ кажется, что я выпутался изъ тонкихъ сѣтей, которыя уже начинали разрываться, и тотчасъ же завернулся съ головой въ другія, потолще и попрочнѣе...

— О, такъ и этому очень рада!..

— Это не по товарищески!

— Я и не товарищъ!

— А что же ты?

— Я врагъ, я непріятель твой!..

— Вотъ какъ!

— Конечно, такъ! Ты хочешь бѣжать отъ меня! Ты мой плѣнникъ, я держу тебя въ золотой клѣткѣ, но ты пробилъ въ ней брешь и уже готовъ былъ выскользнуть. А я поверхъ той клѣтки построила другую—помассивнѣе... Развѣ это не война?

— Война сладкимъ оружіемъ!

— Это все равно. Мнѣ лишь бы удержать плѣнника въ клѣткѣ. Да, я не даромъ такъ неудержимо захотѣла ѣхать съ тобой. Въ моей душѣ шевелилось что-то тревожное. И оказалось, что ты замыслилъ это „распутываніе"... Хорошимъ же ты вернулся бы ко мнѣ, если бы я не случилась здѣсь... Ты пришелъ бы ко мнѣ со своими—разумностью, логикой и справедливостью, ко мнѣ, которой ничего этого отъ тебя не нужно, а нужна только любовь... Да, да, я это чувствовала; мною руководило вдохновеніе...

Они довѣрились кучеру, который возилъ ихъ, куда хотѣлъ и, такъ какъ имъ было хорошо, то они не замѣчали сѣрой пыли, которой были покрыты деревья, окружавшіе Москву, и все находили превосходнымъ. Къ тремъ часамъ, какъ было условлено, они явились въ Кремль и тамъ около царя-колокола нашли блуждающихъ Ивана Семеновича и няню. Старики изрядно утомились. проголодались и были очень рады ихъ появленію. Они забрали ихъ въ экипажъ и повезли въ Славянскій базаръ.

Залъ ресторана произвелъ сильное впечатлѣніе на обоихъ стариковъ, въ особенности на Ивана Семеновича, который, можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ только что осмотрѣнныхъ имъ церквей, отнесся къ нему неодобрительно.

— Палата такая, какъ въ храмѣ. Пригоже ли подъ такими сводами трактиру быть?

Они усѣлись за столъ и стали обѣдать. Няня все стѣснялась. Ей казалось, что ея присутствіе за однимъ столомъ съ госпожей Спонтанѣевой и главнымъ правителемъ дѣлъ Поликарпа Антоновича должно обращать на себя общее вниманіе и вызывать неодобреніе. Это, по всей вѣроятности, такъ и было бы въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, гдѣ иной купчина въ мѣщанскомъ кафтанѣ, въ фуражкѣ охотнорядской, въ высокихъ сапогахъ, считается въ нѣскольвихъ милліонахъ и подъ веселую руку пьетъ шампанское не хуже инженера и оставляетъ въ ресторанѣ сотни рублей, а то и тысячи, гдѣ иная купчиха въ ситцевомъ платьѣ, монашескаго покроя, съ головой, повязанной росписнымъ платкомъ, трудится надъ двадцатой чашкой чая, прикусывая сахаръ и обливаясь потомъ, даетъ половому двѣ копѣйки на чай, а всѣмъ извѣстно, что она стоитъ во главѣ милліонной фирмы „вдова такая-то и сыновья“, — внѣшности не придаютъ значенія. Отсюда они поѣхали прямо на вокзалъ и скоро поѣздъ повезъ ихъ дальше. Здѣсь они размѣстились, какъ и на Николаевской дорогѣ, по рангамъ. Вѣрѣ Поликарповнѣ было взято купэ, туда же помѣстился Владиміръ Николаевичъ. Иванъ Семенычъ и няня сѣли во второмъ классѣ.

Они ѣхали весело, ни разу не останавливаясь на вопросахъ, которые могли бы хотя бы только тѣнью печали омрачить прелесть путешествія. Иногда въ глазахъ Владиміра Николаевича появлялось какъ бы уныніе, тогда она начинала смѣяться, разсказывать что-нибудь веселое и отгоняла отъ него мрачную мысль. Часа два онъ проспалъ, растянувшись на диванѣ и она въ это время сидѣла спокойно и не мѣшала ему.

Уже стемнѣло, когда въ Тулѣ имъ пришлось пересаживаться въ другой поѣздъ. Няня хлопотала, чтобы у Вѣры Поликарповны было совершенно отдѣльное купэ, поэтому Иванъ Семеновичъ отыскалъ Бертышеву особое мѣсто.

— А я вамъ постельку сдѣлаю. Часика три уснете!—сказала няня Вѣрѣ Поликарповнѣ.

— Боже сохрани, няня! Я ни за что не могу спать, да и Владиміръ Николаевичъ, надѣюсь, тоже!—возразила Вѣра Поликарповна.

— Я хорошо выспался днемъ, благодарю вашей снисходительности!—отвѣтилъ Бертышевъ.

И они опять помѣстились въ одномъ купэ.

— Не знаю, какъ ты,—сказала Вѣра Поликарпова,—а я готова совсѣмъ отказаться отъ сна. Каждая минута нашей свободы драгоцѣнна!

— Я не отказываюсь совсѣмъ, но готовъ сократить до минимума...

— А замѣчаешь, какъ мы стали скромны! Мы даже не сидимъ рядомъ, а vis-à-vis!

— Это случайно...

— Нѣтъ, кажется, мы немножко побаиваемся другъ друга!..

— Можетъ быть... Но не будемъ разоблачать нашихъ тайнъ. Тебѣ хорошо?

— Дивно! Посмотри, какое удивительное небо! Въ Петербургѣ никогда такого не бываетъ!

— Въ Петербургѣ никто не смотритъ на небо! Тамъ все лучшее—на землѣ...

— Можетъ быть, и такъ. Но нѣтъ, все-таки... Это уже калужская земля?

— О, мнѣ, право, рѣшительно все равно, какая подъ нами земля. Вѣдь мы съ тобой на небѣ.

— Вотъ какъ! Ты, наконецъ, сталъ способенъ къ поэтическому экстазу, по крайней мѣрѣ, на словахъ...

— Я всегда былъ способенъ къ нему и часто впадаю въ него, но не люблю переводить его на слова... Получается тоже, какъ... Ну, вотъ когда бездарный человѣкъ переводитъ съ чужого языка дивное поэтическое произведеніе. Слова въ поэзіи вообще играютъ дурную роль. Слова всегда грубѣе настроенія. Они или слишкомъ блѣдны, или слишкомъ тяжелы...

Еще не было никакихъ признаковъ утра, когда они на небольшой станціи оставили поѣздъ, чтобы ѣхать дальше на лошадяхъ. Сонный буфетчикъ принялся разводить самоваръ и угощать ихъ чаемъ, пока Иванъ Семеновичъ хлопоталъ по части лошадей. Передъ этимъ онъ совѣтовался съ Владиміромъ Николаевичемъ и тотъ очень опредѣленно выразилъ мысль о двухъ экипажахъ.

Черезъ полчаса ямщики были уже на станціонномъ дворѣ и неровно позванивали колокольчики, подвязанные къ дугамъ.

— Хороша ли дорога?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Какъ же не хороша? Все лѣсомъ да лѣсомъ!.. Какъ не быть ей хорошей!—былъ отвѣтъ.

— Какъ дивно!—воскликнула Вѣра Поликарповна.—А волки есть?—спросила она у ямщиковъ.

— Для чего имъ не быть? Въ лѣсу, извѣстно, всякій звѣрь водится... Только намъ что? Мы не дадимся!

— Чѣмъ же?

— А вотъ чѣмъ? Слышь, звонитъ, какъ на церковной колокольнѣ!

Ямщикъ шевельнулъ возжи, лошади дрогнули и зычно прозвонилъ колокольчикъ.

— Развѣ боятся?

— Какъ огня! Здѣшніе волки пріучены. Ежели съ колокольчикомъ, такъ ужъ они знаютъ, что исправникъ ѣдетъ... Ну, значитъ, начальство, нельзя...

Ямщикъ, очевидно, былъ веселый и Вѣра Поликарповна выбрала его экипажъ. Они сѣли. Иванъ Семенычъ съ няней поѣхали впередъ.

Это былъ странный экипажъ, съ приставнымъ верхомъ, узкій, такъ что едва могли усѣсться двое, безъ рессоръ, подскакивавшій на каждой канавкѣ, на каждой кочкѣ.

Скоро они въѣхали въ лѣсъ и началась безконечная, дѣйствительно дивная дорога, съ обѣихъ сторонъ окаймленная высокими соснами. Ямщикъ свисталъ, говорилъ прибаутки, пѣлъ пѣсни. Начало свѣтать и съ первыми проблесками утра лѣсъ сталъ еще красивѣе. Потомъ вдругъ лѣсъ озарился красноватымъ свѣтомъ восходящаго солнца и разомъ все ожило, заговорило, задвигалось.

— Боже! Какое очарованіе!—восклицала Вѣра Поликарповна, крѣпче прижимаясь къ своему спутнику.

Встрѣтили большое село и сдѣлали въ немъ привалъ. Лошади были вольной почты, ихъ не мѣняли, но требовался имъ отдыхъ часа два. Достали молока, творогу, яицъ и устроили походный завтракъ. Потомъ ходили по окрестностямъ села, чтобы расправить засидѣвшіяся ноги. А когда опять запрягли лошадей и поѣхали дальше, солнце уже палило изо всей силы.

Но лѣсъ, двумя зелеными высокими стѣнами, защищалъ ихъ отъ зноя. Иногда они выѣзжали изъ лѣсу и тогда тянулись длинныя пространства скошенныхъ нивъ. Кое-гдѣ шла уборка хлѣба, въ мелькавшихъ по пути хуторкахъ стучали цѣпы, шла спѣшная молотьба.

— Какъ все это для меня ново!—говорила Вѣра Поликарповна, съ изумленіемъ осматриваясь кругомъ.

— Для тебя новы самыя простыя вещи, а къ тому, что не просто, ты привыкла съ дѣтства! И не правда ли, тебѣ кажется, что ты могла бы жить въ этой простой обстановкѣ десятки лѣтъ!

— О, да! Мнѣ это кажется! Мнѣ кажется, что только здѣсь можно найти счастье!

— Но попробуй, и ты не проживешь здѣсь и десяти дней. Тебя такъ потянетъ прочь отъ этой простоты, отъ этого приволья въ душный городъ, подъ тяжелую крышу большого надежнаго дома, къ жизни искусственной...

Они пріѣхали въ небольшой уѣздный городъ, который былъ назначенъ, какъ пунктъ сообщенія съ Поликарпомъ Антоновичемъ. Здѣсь они должны были освѣдомиться на телеграфѣ, нѣтъ ли какихъ распоряженій. Но ничего не оказалось. Они отыскали нѣмца, который завѣдывалъ лѣсомъ, находившимся верстахъ въ пяти отъ города. И вмѣстѣ съ нимъ назначили поѣздку въ лѣсъ. Гостинницы въ городѣ не нашлось, но нѣмецъ предложилъ Вѣрѣ Поликарповнѣ помѣщеніе у себя въ домишкѣ, даже весь свой домъ, такъ какъ онъ былъ одинокъ, а домъ состоялъ всего изъ двухъ комнатъ; Владиміръ Николаевичъ съ Иваномъ Семенычемъ рѣшили остановиться на постояломъ дворѣ.

Пообѣдавъ, они взяли въ городѣ экипажи, оставивъ своихъ ямщиковъ съ лошадьми основательно отдыхать. Дорога отъ города къ лѣсу была отвратительна. Толстѣйшій слой пыли отъ малѣйшаго прикосновенія къ нему конскихъ ногъ и колесъ, знаменательно взвивался кверху и густымъ облакомъ леталъ надъ ними, окутывая ихъ со всѣхъ сторонъ. Ни говорить, ни смотрѣть не было возможности.

Зато самый лѣсъ оказался прелестнымъ. Вѣковыя деревья давали густую тѣнь, густая зелень мѣшала ходить, воздухъ пропитанъ ароматомъ сосны и лѣсныхъ травъ.

Владиміръ Николаевичъ все время шелъ рядомъ съ Иваномъ Семеновичемъ и внимательно выслушивалъ его замѣчанія. А тотъ какимъ-то особеннымъ взглядомъ лѣсоторговца осматривалъ каждое дерево и „видѣлъ его насквозь“.

— Оно и высокое, и толстое, — говорилъ онъ про иное дерево, — да толку въ немъ мало. Очень ужъ старо... Пользы отъ него мало.

Передъ другимъ онъ останавливался въ умиленіи, любовно стучалъ по немъ палкой и говорилъ:

— Вотъ это дерево! Его пускай куда хочешь, оно на все идетъ! Съ него и доска хорошая, и топка теплая! Это дерево!

Они осмотрѣли пятую часть продаваемаго лѣса. Уже наступили сумерки, когда они вернулись въ городъ. Иванъ Семеновичъ отправился вторично на телеграфъ узнать, нѣтъ ли чего изъ Петербурга. Остальные были на постояломъ дворѣ. Было предположено остаться въ городѣ дня три, чтобы осмотрѣть весь лѣсъ.

Иванъ Семеновичъ, вернувшись съ телеграфа, пріотворилъ

дверь комнаты, гдѣ сидѣли Бертышевъ, Вѣра Поликарповна и няня, и сказалъ страннымъ голосомъ, какого отъ него прежде не слыхали:

— Владиміръ Николаевичъ! Пожалуйте сюда на минутку!

— А вы отчего не войдете?—спросилъ Бертышевъ.

— Нѣтъ, пожалуйте на минутку!

— Что за таинственность!—промолвила Вѣра Поликарповна.

Владиміръ Николаевичъ вышелъ. Они остановились во дворѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Просто бѣда... Ужъ и не знаю... Такая депеша!..

— Отъ кого?

— Отъ Марьи Ивановны...

— Спонтанѣевой?

— Да, отъ нихъ... Вамъ...—Онъ досталъ изъ бокового кармана телеграмму и подалъ ее Владиміру Николаевичу, прибавивъ:—выходитъ, не въ добрый часъ мы поѣхали.

Владиміръ Николаевичъ, страшно напрягая зрѣніе въ сумеркахъ, читалъ: „Отцу очень плохо. Новый ударъ. Выѣзжайте немедленно. Торопитесь. Боимся самаго худшаго. Марія Спонтанѣева".

— Плохо!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Нехорошо!—согласился Иванъ Семеновичъ.—Что жъ дѣлать-то?

— Переговорите съ ямщиками, поѣдутъ ли они сейчасъ... Пообѣщайте хорошо на водку. Я скажу Вѣрѣ Поликарповнѣ!

Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ уже зажгли свѣчи.

— Что тамъ оказалось?—спросила Вѣра Поликарповна.

— Только не тревожьтесь... Поликарпу Антоновичу стало хуже...

— Отцу?—воскликнула Вѣра и вскочила съ мѣста.—Ему худо? Ударъ?

— Да, не хорошо. Марья Ивановна телеграфируетъ, чтобы мы торопились обратно. Я распорядился ѣхать сегодня же, если ямщики согласятся...

— А если не согласятся, то взять другихъ, хотя бы пришлось заплатить состояніе!.. Конечно, конечно, сейчасъ ѣхать... Ахъ, можетъ быть, я никогда не прощу себѣ этого...

— Чего?

— Что вздумала уѣхать въ такое время...

— Вы не могли знать этого...

— Да, конечно... Ахъ, няня, не войте!.. Не къ чему оплакивать прежде времени!—крикнула она нянѣ, которая уже принялась хныкать.

Вѣра Поликарповна шагала по комнатѣ, страшно взволнованная, а Владиміръ Николаевичъ не пробовалъ успокаивать ее.

Какъ можно успокоить человѣка, получившаго извѣстіе о близкой смерти отца? Утѣшительныя слова въ такихъ случаяхъ звучатъ пошло.

Да и самъ онъ былъ взволнованъ немного меньше ея. Трудно было сообразить все вдругъ, но чувствовалось, что надвигается что-то важное и рѣшительное. Новый ударъ у Поликарпа Антоновича—не шутка. Онъ, конечно, можетъ оказаться не смертельнымъ, но до этого ужъ слишкомъ будетъ недалеко. Но тонъ и слова, какіе употребила Марья Ивановна въ телеграммѣ, внушаютъ большія опасенія.

Между тѣмъ Иванъ Семеновичъ орудовалъ во дворѣ. Ямщики ломались, ссылались на усталость лошадей, упоминали хозяина, который ихъ „заругаетъ", но обѣщаніе щедро дать на водку сломило ихъ упорство.

Скоро зазвенѣли во дворѣ колокольчики. Послали за нѣмцемъ и объяснили ему, почему такъ скоро уѣзжаютъ. Нѣмецъ былъ опечаленъ.

Предстояло ночное путешествіе на лошадяхъ лѣсомъ. Съ непривычки становилось жутко. Но ни передъ чѣмъ нельзя было останавливаться. Разсчитали, что при хорошей и безостановочной ѣздѣ поспѣли бы къ раннему поѣзду, который привезетъ ихъ въ Москву къ почтовому, чтобы на третій день утромъ быть въ Петербургѣ.

Наконецъ, все было готово. Они усѣлись, выѣхали со двора. Скоро кончились городскія строенія. Ямщики ударили по лошадямъ, гикнули и лошади понесли, что было духу.

Глава X.

Обратное путешествіе совсѣмъ не походило на первое. Вслѣдствіе торопливости, имъ приходилось ѣхать въ какихъ попало поѣздахъ. До Тулы ихъ везъ медленный товаро-пассажирскій поѣздъ, а отъ Тулы—пассажирскій, который былъ не лучше того, мучительно тихо шелъ и подолгу останавливался на каждой станціи. Въ сущности это не имѣло значенія, такъ какъ, все равно, онъ долженъ былъ поспѣть въ Москву къ почтовому и, еслибы они ѣхали быстрѣе, то имъ пришлось бы ждать въ Москвѣ. Но когда есть важная причина торопиться, медленность невыносима и причиняетъ физическую боль.

Вѣра Поликарповна была все время въ странномъ молчаливомъ настроеніи. Она неохотно отвѣчала даже на вопросы Владиміра Николаевича. Онъ спрашивалъ ее:

— Ты такъ сильно любишь своего отца?

— Я не знаю этого... Но... но онъ страстно любитъ меня и

я чувствую, какое это мученіе для него, если ему придется умереть безъ меня... Онъ такъ убѣдительно отговаривалъ меня ѣхать...

И въ самомъ дѣлѣ, сильно ли любила она отца, или нѣтъ, этого вопроса у нея не возникало. Она думала не о томъ положеніи, какое создается его смертью, а о самой смерти, о его послѣднихъ минутахъ. Кто будетъ близъ него? Мать, которая будетъ надрывать его своими слезами, которая теряется и ослабѣваетъ при малѣйшей неудачѣ, существо, которое по уму и характеру неизмѣримо ниже его и къ которому онъ давно уже относится съ тѣмъ формальнымъ уваженіемъ, какое оказываютъ людямъ, прежде случайно оказавшимъ услуги, но давно уже ставшимъ безполезными. Если онъ захочетъ высказать свои мысли, свою волю, она не пойметъ его и онъ будетъ это видѣть, что она его не понимаетъ. Еще есть у нея братъ, но этотъ человѣкъ едва ли способенъ серьезно отнестись даже къ смерти. У него будетъ скучающій видъ, на лицѣ его умирающій прочитаетъ одно желаніе, чтобы скорѣе все кончилось и его избавили бы отъ скучныхъ хлопотъ. Къ тому же, онъ способенъ на какую-нибудь безтактную выходку, которая можетъ отравить послѣднія минуты отца.

Наконецъ, дядя Авксентій Антоновичъ, — глубокій эгоистъ, всю жизнь работавшій на себя одного, любившій только себя и вдобавокъ недружелюбно настроенный противъ брата. Въ особенности охладѣли ихъ отношенія съ того времени, какъ отецъ заболѣлъ и Авксентій, помнившій старую обиду, когда отецъ поступилъ съ нимъ сурово, отказался выручить его изъ безпомощнаго положенія и пришлось поручить дѣла постороннему человѣку.

Пожалуй, онъ еще вздумаетъ сводить счеты въ минуту смерти. Только она одна умѣла понимать мысли отца, умѣла даже читать ихъ въ глазахъ его. Только она была способна смягчить всѣ жестокости, какія произойдутъ изъ взаимныхъ родственныхъ отношеній. И вотъ ея-то и нѣтъ тамъ, она уѣхала изъ-за каприза и противъ его желанія. Все это страшно тяготило ее и она думала только объ одномъ: чтобы застать отца въ живыхъ. Только это могло бы примирить ее съ самой собою.

Ея первное настроеніе выражалось въ молчаливости. На вопросы Владиміра Николаевича она отвѣчала неохотно и коротко и при этомъ бросала на него такіе холодные взгляды, что онъ счелъ за лучшее отъ Москвы пересѣсть на отдѣльное мѣсто въ томъ же вагонѣ и только изрѣдка приходилъ къ ней узнать, не нужно ли ей чего.

На большихъ станціяхъ онъ встрѣчался съ Иваномъ Семеновичемъ, который какъ-то неспокойно теребилъ свою длинную бороду и говорилъ:

— Большія перемѣны будутъ, Владиміръ Николаевичъ, ежели Поликарпъ Антоновичъ помрутъ! Все вверхъ дномъ пойдетъ!..

— Но вѣдь семья-то его, надѣюсь, будетъ обезпечена?—спрашивалъ Бертышевъ, вѣря въ опытность старика и его основательное знаніе спонтанѣевскихъ дѣлъ.

— Какъ сказать? Вамъ самимъ извѣстно, Владиміръ Николаевичъ, что почти всѣ капиталы впущены въ дѣло. Слѣдовательно, вся обезпеченность въ дѣлѣ и лежитъ. Пока дѣло на ходу, оно —большое дѣло и доходъ отъ него большой, а ежели разомъ распустить, такъ все за грошь пойдетъ. Этакое дѣло, ежели кончать, такъ надо потихоньку, чтобы и не видно было, что его кончаютъ. Словомъ сказать вамъ, Владиміръ Николаевичъ, не во время вздумали умирать Поликарпъ Антоновичъ. Имъ бы еще пожить годика три-четыре да, по случаю приближенія смертнаго часа, дѣло направить къ обращенію его въ денежный капиталъ, вотъ тогда и обезпеченность была бы...

Этотъ разговоръ и Владиміра Николаевича настроилъ мрачно. Собственно до „обращенія спонтанѣевскаго дѣла въ денежный капиталъ“ ему не было никакого дѣла. Но были два пункта, которые его пугали. При дѣлѣ состояло множество рабочаго люда, интересы котораго онъ какъ бы взялся блюсти. Они вдругъ могутъ оказаться безъ работы и заработка. Мелькала у него мысль и о томъ, что Вѣра Поликарповна можетъ очутиться въ положеніи человѣка, упавшаго съ неба на землю. Избалованная, привыкшая удовлетворять всѣ свои капризы, она и въ сравнительно обезпеченномъ положеніи будетъ чувствовать себя нищей, а значитъ и несчастной.

Всѣ они провели мучительную ночь по дорогѣ отъ Москвы до Петербурга, а когда поѣздъ, наконецъ, подошелъ къ Николаевскому вокзалу, у Владиміра Николаевича явилась новая забота. Естественнѣе всего ему было прежде всего поѣхать къ себѣ домой и, по крайней мѣрѣ, сообщить Вѣрѣ Петровнѣ о своемъ внезапномъ возвращеніи. Съ другой стороны тамъ въ Царскомъ можетъ понадобиться его присутствіе. Онъ не зналъ, на что рѣшиться.

На вокзалѣ встрѣтилъ ихъ густой холодный дождь. Владиміръ Николаевичъ хотѣлъ поговорить о своихъ сомнѣніяхъ съ Вѣрой Поликарповной, но вопросъ рѣшился самъ собой. Какъ только они вышли съ платформы въ помѣщеніе для встрѣчающей публики, онъ увидѣлъ студенческую шинель молодого Спонтанѣева.

Спонтанѣевъ подошелъ къ сестрѣ и хотя не сказалъ ни одного слова упрека, но во взглядѣ его и въ тонѣ было видно неодобреніе.

— Здѣсь экипажъ... — сказалъ онъ, — я тебя перевезу на Царскосельскій вокзалъ...

— Что отецъ? — спросила Вѣра Поликарповна, совсѣмъ не поздоровавшись съ нимъ.

— Очень плохъ... Ему, кажется, на этотъ разъ не сдобровать... Тамъ общая паника... Ѣдемъ, чтобъ поспѣть на первый поѣздъ.

Въ это время онъ замѣтилъ Бертышева и, небрежно кивнувъ ему головой, тотчасъ отвернулся.

— Владиміръ Николаевичъ, вы, надѣюсь, къ намъ?—сказала Вѣра Поликарповна.

— Я пріѣду часа черезъ три.

Она посмотрѣла на него съ ужасомъ и вмѣстѣ изумленіемъ.

— Вы не можете поѣхать съ нами?

— Зачѣмъ же господину Бертышеву стѣсняться? — сказалъ Спонтанѣевъ.—У него, вѣроятно, есть свои дѣла...

— Я постараюсь пріѣхать какъ можно скорѣе! — отвѣчалъ Владиміръ Николаевичъ, обратившись къ ней, и сдѣлалъ видъ, что до него не относится замѣчаніе Спонтанѣева.

— Значитъ, не можете?—опять спросила Вѣра Поликарповна.

— Нѣтъ, не могу! — почти холодно отвѣтилъ Бертышевъ и при этомъ выразительно взглянулъ на Спонтанѣева.

Вѣра Поликарповаа замѣтила этотъ взглядъ, что онъ просто не хочетъ ѣхать въ одномъ поѣздѣ съ ея братомъ. Она больше не просила его объ этомъ.

Они простились. Вѣра Поликарповна съ братомъ и няней сѣли въ экипажъ. Владиміръ Николаевичъ взялъ извозчика и предложилъ подвезти Ивана Семеновича, который хотѣлъ идти пѣшкомъ.

Ссадивъ своего спутника по дорогѣ, онъ погналъ извозчика на Васильевскій островъ. Дома онъ позвонилъ и былъ чрезвычайно изумленъ, когда ему отперъ Матвѣй Ивановичъ Скорбянскій. Онъ даже отступилъ на шагъ отъ двери.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ. Но удивленіе его возрасло, когда онъ увидѣлъ, что Матвѣй Ивановичъ одѣтъ въ лѣтнее пальто безъ пиджака, а на ногахъ—калоши на босую ногу.

Скорбянскій, вмѣсто отвѣта, громко расхохотался.

— Вхожу въ твою голову и переживаю вмѣстѣ съ тобой изумленіе! — говорилъ онъ, когда Владиміръ Николаевичъ вошелъ въ домъ и, снявъ измокшее пальто, повѣсилъ его на колышекъ вѣшалки. — Но дѣло очень просто. Вѣра Петровна вчера была вызвана въ Старый Петергофъ къ своей подругѣ... Знаешь, у васъ есть тутъ какіе-то земляки... Такой плюгавенькій господинъ. Такъ женѣ его плохо. Никакъ родить не можетъ. Мужъ прислалъ ей отчаянное письмо, а она ко мнѣ. Ну, жена не могла пріѣхать, потому что ребята безъ нея поотрываютъ другъ другу руки и ноги. Такъ и вызвали. И Митя со мной...

Въ это время Митя вышелъ изъ сосѣдней комнаты. Онъ былъ въ бѣлье и у него было заспанное лицо.

— Значитъ, Вѣра не ночевала дома?—спросилъ съ удивленіемъ Владиміръ Николаевичъ, не думавшій, что Вѣра Петровна рѣшится на такой подвигъ.

— Очевидно. Я пишу, видишь ли, повѣсть, такъ мнѣ все равно, гдѣ сидѣть... Вотъ и сочиненіе, а Митя мой—въ родѣ гувернера при твоихъ дѣтяхъ.

Владиміръ Николаевичъ прошелъ въ спальню, поздоровался съ дѣтьми и узналъ, что они здоровы и отлично спали. Только почему-то проснулись поздно и были еще не одѣты. По всей вѣроятности, Матвѣй Ивановичъ, по мягкости характера, вчера позволилъ имъ поздно шалить.

— Но ты почему столь внезапно вернулся?—спросилъ Скорбянскій.

— По весьма уважительной причинѣ. Спонтанѣева хватилъ новый ударъ и, кажется, ему приходится плохо.

— Батюшки! Этакая-то махина умираетъ! Что же намъ-то остается? Ты тамъ былъ?

— Нѣтъ, я прямо съ поѣзда. Сейчасъ ѣду туда, если ты согласишься остаться?

— А мнѣ что? Я обѣщалъ Вѣрѣ Петровнѣ сидѣть до ея возвращенія. Насчетъ моего прокормленія распоряженія сдѣланы. Мнѣ больше ничего не надо! Поѣзжай, да, въ случаѣ, если тебя привлекутъ къ составленію духовнаго завѣщанія, шепни ему, чтобы мнѣ тысячъ двѣсти отписалъ... Впрочемъ, мнѣ не надо, чортъ съ нимъ! А вотъ, если бы онъ про вольтовское предпріятіе вспомнилъ, хорошо было бы... А что? Не вспомнитъ? Почемъ знать? Умирающему человѣку всякая дурь въ голову приходитъ...

— Такъ я пойду.

— Ты бы хоть дождю далъ перейти!..

— Нѣтъ, лучше поѣду. Тамъ всѣ растерялись...

— А ты... Ты обладаешь способностью водворять порядокъ?

— Нѣтъ, не то... Тутъ совершенно особенныя отношенія. Я завѣдую дѣломъ, отъ котораго зависитъ судьба всего семейства и главное—множество рабочихъ, состоящихъ при дѣлѣ. Кромѣ меня и Спонтанѣева, никто изъ нихъ не знаетъ дѣла. Даже опытнѣйшій старый приказчикъ Иванъ Семеновичъ знаетъ его только эмпирически... Но всей сути схватить не можетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ ты такой мастеръ?

— Да, оказалось, что это не такъ ужъ трудно.

— Ну, поѣзжай! Верши дѣла! Да о Вольтовѣ не позабудь. Если будетъ случай, тисни...

— Едва ли представится такой случай. Да не знаю, застану ли его въ живыхъ...

— А ты постарайся!—смѣясь сказалъ Скорбянскій.—Ну,—прибавилъ онъ,—завтра куплю газеты и буду читать всѣ некрологи. То-то распишутъ! „Самородокъ-меценатъ“! Любилъ искусство до самопожертвованія! И проч. и проч. Знаемъ мы, какъ онъ любилъ искусство!

Владиміръ Николаевичъ поѣхалъ прямо на Царскосельскій вокзалъ и едва захватилъ поѣздъ, который чуть не ушелъ передъ самымъ его носомъ.

Въ Царскомъ его ждалъ экипажъ. Вѣра Поликарповна сдѣлала распоряженіе, чтобы его ждали тамъ на всѣхъ поѣздахъ.

— А что? Какъ Поликарпъ Антоновичъ? — спросилъ у кучера Бертышевъ.

— А Богъ ихъ знаетъ!—сказываютъ, помирать собирается...

— Но еще живъ?

— Не слыхалъ, чтобы померли... Дочку ждали все... Вотъ и дождались...

Въ домѣ была тишина. Только проходя черезъ переднюю внизу, Владиміръ Николаевичъ услышалъ что-то, похожее на женскій плачъ гдѣ-то въ дальней комнатѣ. Онъ быстро поднялся наверхъ. Но передъ дверью, которая вела въ комнаты Вѣры Поликарповны, невольно остановился. Онъ явственно разслышалъ голоса и узналъ, что разговоръ шелъ между Вѣрой Поликарповной и ея братомъ.

— Дмитрій! Оставь меня... Это пошло... Это невыносимо пошло... Это граничитъ съ подлостью...—говорила, задыхаясь, Вѣра Поликарповна.

— Мнѣ рѣшительно безразлично, съ чѣмъ это граничитъ... Я знаю только свои права и больше ничего знать не хочу... Ничего и никого... Никакихъ этихъ вашихъ главныхъ управляющихъ...

— Я не могу съ тобой говорить... Ты слышалъ волю отца? Это слышала мать и няня и другіе слуги...

— Это былъ какой-то бредъ!..

— Я не могу съ тобой говорить! Оставь меня!..

Владиміръ Николаевичъ, уже почти понявшій навѣрно, что все кончено, съ минуту колебался, но затѣмъ, устыдившись своей нерѣшительности, вошелъ. Вѣра Поликарповна металась по комнатѣ, а братъ ея сидѣлъ въ креслѣ и курилъ папиросу.

— Ахъ! Вы!—воскликнула Вѣра Поликарповна и бросилась къ нему.—Ради, Бога защитите меня отъ нахальства моего брата!..

— Успокойтесь, Вѣра Поликарповна... Вы, вѣроятно, оба взволнованы... Поликарпъ Антоновичъ...

— Умеръ... Папа умеръ черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда... Я васъ прошу, защитите меня...

Она схватила его руки. Молодой Спонтанѣевъ поднялся.

— Ну, вы будете здѣсь защищать ее... Такъ я уйду!—презрительно сказалъ онъ и вышелъ.

Владиміръ Николаевичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Потомъ онъ довелъ шатающуюся Вѣру Поликарповну до кресла и усадилъ ее.

— Что здѣсь произошло, кромѣ самаго главнаго? — спросилъ онъ.

— Боже!—воскликнула она, ломая руки.—Если бы ты видѣлъ! Онъ жилъ одной только силой воли, однимъ страстнымъ желаніемъ увидѣть, дождаться меня... Мнѣ докторъ сказалъ, что изумленъ, откуда у него взялись силы. Онъ долженъ былъ умереть вчера... И сколько силъ! Онъ едва владѣлъ языкомъ. Онъ сказалъ мнѣ одной: „Хотѣлъ бы тебѣ въ мужья такого человѣка, какъ Бертышевъ“... Потомъ онъ позвалъ всѣхъ и въ присутствіи матери, всей прислуги и этого негодяя, сказалъ: „въ дѣлахъ никто ни одного распоряженія не смѣетъ сдѣлать безъ Владиміра Николаевича Бертышева“. Онъ сказалъ это ясно, насколько могъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ. Теперь этотъ господинъ, мой братъ, хочетъ взять все въ свои руки...

— Вѣра! Неужели можно думать и говорить о дѣлахъ, когда отецъ еще не похороненъ?.. Я этого не понимаю...

— Но вѣдь я и не думаю о нихъ... Мнѣ, право, было бы все равно, если бы здѣсь не было замѣшано твое имя. Онъ уже и матери наговорилъ дерзостей... Притомъ, здѣсь дядя Авксентій, который, кажется, руководитъ имъ. Мама боится ихъ обоихъ...

— Авксентій Антоновичъ? Онъ здѣсь?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ, которому въ первую минуту показалось это страннымъ, но затѣмъ онъ тотчасъ же сообразилъ, что иначе не могло быть.

— Да, онъ здѣсь уже три дня... Ахъ, если бы ты зналъ, какъ это все было тяжело. Мнѣ мать разсказала. Какъ они, братья, одинъ умирающій, а другой жадный, играли другъ передъ другомъ комедію. Отецъ почему-то оказывалъ дядѣ почтительность, но когда дѣлалъ распоряженія, ни однимъ словомъ не упомянулъ его, а все говорилъ о тебѣ, все на тебя взваливалъ. Даже такіе пустяки, какъ похороны... Братъ Дмитрій... Ты думаешь, почему онъ такой? Онъ оскорбленъ... Отецъ ему прямо сказалъ: тебѣ нужна опека. Безъ опеки ты все въ одинъ годъ промотаешь и мать, и сестру пустишь по міру. И вотъ онъ, еще не успѣлъ проститься съ покойникомъ, уже требуетъ, чтобъ ему дали распорядительство...

— Однако... Не можетъ быть, чтобы Поликарпъ Антоновичъ, такъ долго и опредѣленно ожидавшій смерти, не оставилъ духовнаго завѣщанія!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Я ничего этого не знаю! Я ничего не знаю. По крайней мѣрѣ, теперь это меня не интересуетъ...

Ихъ позвали внизъ. Тамъ, въ комнатѣ Поликарпа Антоновича, гдѣ онъ и умеръ, уже кончились всѣ приготовленія и покойника перенесли въ залъ. Марья Ивановна послала за духовенствомъ и готовились служить панихиду. Въ передней Марья Ивановна ждала Бертышева для какихъ-то совѣтовъ, а молодой Спонтанѣевъ дѣлалъ распоряженія лакею, громко ругалъ его за что-то болваномъ и просилъ его не разсуждать.

— Голубчикъ,—вся подавленная, несчастная, обливающаяся слезами, обратилась Марья Ивановна къ Владиміру Николаевичу,— надо бы похлопотать насчетъ похоронъ... Ужъ сдѣлайте милость, дорогой Владиміръ Николаевичъ...

Услышавъ эту просьбу, молодой Спонтанѣевъ подошелъ къ ней и очень рѣзко замѣтилъ:

— Мама, нѣтъ никакой надобности намъ обращаться къ постороннимъ... Я самъ обо всемъ распоряжусь...

— Голубчикъ, ты не съумѣешь... Гдѣ тебѣ?

— Я все съумѣю безъ посторонней помощи. Дядя Авксентій сегодня поѣдетъ въ Петербургъ и распорядится...

— Дядя Авксентій!..—и Марья Ивановна безпомощно махнула рукой.

Владиміръ Николаевичъ отошелъ въ сторону. Пришло духовенство, запахло ладономъ, явилось душъ двадцать постороннихъ лицъ, все это вошло въ залу и началась панихида. Марья Ивановна молилась и плакала, но не могла достоять до конца. Ей сдѣлалось дурно и пришлось увести ее. Вѣра Поликарповна не плакала, но стояла блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ. Минутъ черезъ пять горничная тихонько на цыпочкахъ подошла къ Владиміру Николаевичу и сказала ему на ухо:

— Васъ барыня къ себѣ просятъ!

Владиміръ Николаевичъ вышелъ изъ залы.

Марья Ивановна лежала на диванѣ съ головой, обвязанной мокрымъ полотенцемъ. Она извинилась и осталась въ прежней позѣ.

— Притворите двери, голубчикъ!—сказала она,—садитесь поближе... Громко я говорить боюсь... А должна вамъ что-то сказать. Покойникъ все говорилъ мнѣ: одинъ только и есть человѣкъ, которому довѣриться можно, это—Владиміръ Николаевичъ, ему и довѣряйся. А пуще всего берегись брата Авксентія. Онъ загребистый, все, что ни попадетъ на встрѣчу, себѣ загребетъ... Дмитрій—шалопай, все мимо рукъ пропуститъ, француженкамъ раздастъ... И ужъ не знаю, какъ и быть мнѣ...

— А что, Марья Ивановна? Что васъ затрудняетъ?

— Духовную онъ оставилъ, голубчикъ мой... Да только... Ужъ

и не знаю, какъ быть... Она-то у нотаріуса... Къ себѣ нотаріуса призывалъ, когда никого дома не было... А мнѣ копію далъ... Ужъ возьмите вы эту копію и прочитайте наединѣ, чтобы никто не видалъ, особенно братъ Авксентій... И посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать... Вонъ тамъ на комодѣ ключикъ, отворите ящикъ въ столѣ и возьмите...

Владиміръ Николаевичъ досталъ изъ ящика бумагу и положилъ ее въ карманъ.

— А теперь уходите да такъ, чтобы они не видѣли...

Владиміръ Николаевичъ вышелъ, противъ воли страшно заинтересованный содержаніемъ бумаги, которая была у него въ карманѣ. Онъ вернулся въ залъ и сталъ рядомъ съ Вѣрой Поликарповной, которая какъ-то разсѣянно смотрѣла и слушала все, происходившее передъ нею. Онъ улучилъ удобную минуту и сказалъ ей тихонько:

— Мнѣ надо говорить съ тобой... Есть интересныя вещи... Я приду наверхъ.

Она кивнула головой. Панихида кончилась. Посторонніе стали расходиться. Когда Владиміръ Николаевичъ выходилъ въ переднюю, то почти столкнулся въ дверяхъ съ Авксентіемъ Антоновичемъ, котораго до сихъ поръ ни разу не встрѣтилъ.

— Вы меня, кажется, не узнали... Помните, писали мой портретъ!..— сказалъ Авксентій Антоновичъ, протягивая ему руку.

— Нѣтъ, я узналъ васъ!—просто отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вы, кажется, работали у брата? Что жъ, развѣ искусство ваше уже бросили?

— Нѣтъ, не бросилъ... Меня очень просилъ Поликарпъ Антоновичъ. Я не могъ отказаться!..

— А съ Дмитріемъ вы, кажется, что-то не ладите? А вѣдь онъ наслѣдникъ... Хозяиномъ будетъ...

— Я съ нимъ почти не встрѣчался... А скажите, неужели Поликарпъ Антоновичъ не оставилъ завѣщанія?—умышленно слукавилъ Бертышевъ, желая знать, извѣстно ли Авксентію Антоновичу, что покойный Спонтанѣевъ составилъ завѣщаніе?

У Авксентія Антоновича сдѣлались глаза, полные любопытства.

— А развѣ вы слышали что-нибудь объ этомъ? Я ничего не слыхалъ?—отвѣтилъ онъ.

— Я—тѣмъ менѣе. Вѣдь я не былъ здѣсь четыре дня. Но мнѣ показалось страннымъ, что такой аккуратный человѣкъ, какъ онъ, при томъ же знавшій навѣрно, что болѣзнь его неизлѣчима... не позаботился о такой важной вещи...

— Но зачѣмъ? Я нахожу это понятнымъ... У него прямые наслѣдники, которые подѣлятся по закону...

— Вотъ именно едва ли онъ хотѣлъ, чтобы дѣлились по за-

кону, который, какъ извѣстно, несправедливъ по отношенію къ женщинамъ...

— Законъ не можетъ быть несправедливъ...—поучительнымъ тономъ сказалъ Авксентій Антоновичъ.

— Однакожъ, онъ даетъ имъ только седьмую или даже четырнадцатую часть...

— И онъ совершенно правъ. Мужчина продолжаетъ дѣло и фирму отца. А женщины вносятъ свое наслѣдіе въ чужую семью...

Ихъ раздѣлила выходившая изъ залы публика. Владиміръ Николаевичъ постарался больше не встрѣтиться съ Авксентіемъ Антоновичемъ. Для него было уже ясно, почему Марья Ивановна такъ боязливо относилась къ брату—Авксентію.

Выбравъ удобную минуту и убѣдившись сперва, что Вѣры Поликарповны внизу нѣтъ, онъ поднялся къ ней наверхъ.

Глава XI.

Вѣра Поликарповна съ видимымъ нетерпѣніемъ ждала его.

— Что еще тамъ?—спросила она,—я жду только непріятнаго...

— Намъ надо быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ насъ никто не слышалъ бы!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Но что? скажи два слова...

— Вѣра, я не могу... Я не знаю, пріятное или непріятное. Погоди, я самъ устрою это. Въ твоей спальнѣ нѣтъ никого? Ну, такъ запремъ дверь здѣсь и тамъ, въ передней, а сами пойдемъ въ твою спальню.

Онъ заперъ обѣ двери, а когда они вошли въ ея маленькую спальню, онъ притворилъ окна.

— Боже! Какъ таинственно! Точно мы хотимъ совершить преступленіе!..—воскликнула Вѣра Поликарповна.

— Я только исполняю просьбу твоей матери. Она просила, чтобы никто не зналъ объ этомъ. Но я не могу распространить эту просьбу и на тебя. Видишь ли, возбуждать вопросы о дѣлежѣ наслѣдства въ ту минуту, когда отца даже не успѣли еще отпѣть порядкомъ, конечно, это—пошлость и низость... Но дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ уже поднятъ помимо насъ...

— Что это значитъ?

— Я только что говорилъ съ твоимъ дядей. Очевидно, у нихъ было совѣщаніе съ Дмитріемъ Поликарповичемъ... Уже идетъ рѣчь о раздѣлѣ имущества по закону, т. е. о надѣленіи тебя четырнадцатой частью, а матери седьмой...

— Что за глупости! Неужели можетъ существовать такой законъ?

— Онъ существуетъ и примѣняется, когда нѣтъ духовнаго завѣщанія.

— Но его нѣтъ, значитъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что оно есть. Планъ у нихъ, очевидно, составленъ въ томъ смыслѣ, что дядя Авксентій, какъ старшій родственникъ, возьметъ на себя опекунство и ликвидацію, при чемъ, конечно, не забудетъ и себя...

— О какомъ завѣщаніи ты говоришь?

— Вотъ объ этомъ!

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и развернулъ ее.

— Оно составлено Поликарпомъ Антоновичемъ. Онъ былъ такъ предусмотрителенъ, что пригласилъ къ себѣ нотаріуса, у котораго оно и находится, а это копія, которую онъ собственноручно далъ матери.

— Ну, и что же въ немъ?

— Я не читалъ. Я только что получилъ. Прочитаемъ вмѣстѣ.

— Читай пожалуйста!

— Вотъ слушай. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я нижеподписавшійся, с.-петербургскій купецъ первой гильдіи Поликарпъ Антоновичъ Спонтанѣевъ, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, завѣщаю здѣсь мою волю, сообразно коей обязаны мои наслѣдники поступить послѣ моей смерти, не отступая отъ нея ни на іоту. Наличнаго капитала оставляю 475 тысячъ въ проц. бумагахъ. Въ виду того, что мой единственный сынъ, Дмитрій, не обнаружилъ способности вести серьезныя дѣла, завѣщаю я мое дѣло по покупкѣ лѣсныхъ участковъ и продажи дровъ далѣе не вести, а ликвидировать его полностью на основаніяхъ, изложенныхъ ниже, а именно: главное завѣдываніе всѣмъ дѣломъ поручаю Владиміру Николаевичу Бертышеву, котораго прошу не оставлять его, пока оно не будетъ доведено до конца. Ликвидацію надлежитъ производить исподоволь, въ теченіе стольнихъ лѣтъ, сколько понадобится, дабы она могла быть совершена безъ убытка, но не менѣе трехъ и не болѣе шести лѣтъ! По приведеніи всего имущества въ денежное состояніе, образовавшійся капиталъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: отчислить десять процентовъ изъ онаго капитала и раздѣлить ихъ между всѣми служащими при моемъ дѣлѣ, не исключая никого, сообразно получаемымъ каждымъ окладомъ“...

— Вотъ за что спасибо!—вскользь сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Видишь, отецъ былъ не такъ несправедливъ, какъ ты думаешь!—промолвила Вѣра Поликарповна.

— Я продолжаю. „Далѣе, изъ оставшейся послѣ вычета десяти процентовъ суммы уплатить всѣмъ служащимъ въ моихъ домахъ въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ тройное годичное ихъ содержаніе и, наконецъ, оставшуюся сумму вмѣстѣ съ наличнымъ капиталомъ раздѣлить поровну между моей женой, Маріей Ива-

новной, сыномъ Дмитріемъ и дочерью Вѣрой. Въ продолженіи же того времени, когда будетъ производиться ликвидація лѣсоторговаго моего дѣла, изъ поступающихъ отъ ликвидаціи суммъ, отдаваемыхъ на храненіе въ государственный банкъ, получать Владиміру Николаевичу Бертышеву содержаніе по четыре тысячи въ годъ и помощнику его, по его избранію, тысячу пятьсотъ рублей въ годъ, всѣмъ служащимъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои, по мѣрѣ уменьшенія дѣла, будутъ на вышеупомянутомъ условіи увольняемы, платить положенное имъ содержаніе, а семьѣ моей выдавать по пятнадцати тысячъ ежегодно на проживаніе совмѣстное, по распоряженію жены моей, Маріи Ивановны, впредь до совершенія раздѣла всего имущества. До времени онаго раздѣла всѣ дома мои, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ, должны находиться подъ управленіемъ жены моей, Марьи Ивановны, а доходъ, отъ нихъ получаемый, вноситься на храненіе въ Государственный банкъ, каковой доходъ, причисленный къ остатку послѣ всѣхъ перечисленныхъ расходовъ, подлежитъ вмѣстѣ съ нимъ таковому же раздѣленію на три части между тремя моими прямыми наслѣдниками, но не ранѣе общаго раздѣла. Недвижимое мое имущество, по наступленіи времени раздѣла, завѣщаю раздѣлить такъ: домъ въ Царскомъ Селѣ съ садомъ, обстановкой и всѣмъ, къ нему принадлежащимъ поступаетъ въ собственность жены моей, Марьи Ивановны; домъ на Лиговкѣ, также со всѣмъ, къ нему принадлежащимъ, поступаетъ въ собственность сына моего Дмитрія, а домъ на Офицерской улицѣ и всѣ находящіяся въ немъ картины и другія произведенія искусства и все, въ немъ состоящее, безъ исключенія поступаетъ въ собственность моей дочери, Вѣры. Остальное, не поименованное въ семъ завѣщаніи, должно быть продано и вырученная сумма раздѣлена между женою моею, сыномъ и дочерью поровну, при чемъ ни одна вещь до производства дѣлежа не можетъ быть продана, или вымѣняна, или подарена, или опредѣлена безъ распоряженія Владиміра Николаевича Бертышева, котораго прошу имѣть надзоръ, чтобы изложенная здѣсь моя воля была исполнена въ точности".

— Ну, тутъ дальше подпись Поликарпа Антоновича и свидѣтелей... Свидѣтели мнѣ неизвѣстны: Армидовъ, Волынкинъ и Зубнинъ...

— Я знаю ихъ немного... Это торговцы. Они живутъ здѣсь на дачѣ!.. Но какъ все это удивительно!..—воскликнула Вѣра Поликарповна.

— Что тебя удивляетъ?

— Справедливость!

— Да, онъ распредѣлилъ все справедливо. И видно, что долго думалъ надъ каждой подробностью. Въ особенности видна обду-

манность въ назначенной имъ судьбѣ картинной галлереи. Твой братъ завтра же распродалъ бы ее съ аукціона...

— Но странно, что совершенно обойденъ дядя Авксентій!..

— Во-первыхъ, у него самого хорошее состояніе. А во-вторыхъ... Тутъ видно и желаніе отомстить ему за то, что онъ отказался помочь въ критическую минуту. Мнѣ только жаль, что онъ впуталъ меня. Это вызоветъ негодованіе со стороны Авксентія Антоновича и твоего брата...

— Надѣюсь, что ты не откажешься исполнить волю и просьбу отца!

— Къ сожалѣнію, не могу отказаться, такъ какъ мой отказъ перевернетъ все вверхъ дномъ и, пожалуй, отдастъ тебя съ матерью въ руки дяди и брата. Твой отецъ настолько былъ увѣренъ во мнѣ, что даже не предусмотрѣлъ моего отказа... Вообще, онъ слишкомъ много оказалъ мнѣ довѣрія.

— Ты его стоишь!..

— Не знаю, стою ли, но, во всякомъ случаѣ, я это цѣню. Онъ правъ, потому что, по крайней мѣрѣ, я не ограблю васъ...

— Ахъ, какъ все грустно кончается!—со вздохомъ произнесла Вѣра Поликарповна.

— Ну, для васъ это кончится довольно весело... Смерть любимаго человѣка—явленіе естественное. Печаль пройдетъ и въ концѣ-концовъ вы получите тысячъ по триста денегъ, да по дому на придачу. Право, это не скучно!

— Не знаю... Все это не вызываетъ во мнѣ ни малѣйшаго восторга!

— Это понятно! Потому что ты всегда пользовалась этими благами. А если бы это завѣщаніе стало извѣстно тебѣ этакъ года черезъ два, а въ это время твои дядя и братъ похозяйничали свободно, такъ ты познала бы цѣну ему. По моему, въ этомъ завѣщаніи вся твоя жизнь и ты должна поставить драгоцѣнный памятникъ отцу не за то, что онъ нажилъ состояніе, а за то, что онъ не забылъ написать эту бумажку...

— Да, пожалуй, ты правъ!.. Но, Владиміръ, ты даешь мнѣ слово не покинуть насъ съ матерью, т. е. нашихъ дѣлъ, какъ просилъ тебя отецъ?..

— Помилуй Богъ,—съ усмѣшкой произнесъ Бертышевъ,—мнѣ за него назначено такое богатое вознагражденіе!..

— Вознагражденіе слишкомъ скромное за такую обязанность!

— Пожалуй, и скромное, но я этому радъ. По крайней мѣрѣ, однимъ доводомъ противъ меня меньше! Да, я постараюсь въ точности исполнить волю твоего отца! А теперь пока предоставимъ твоимъ дядѣ и брату наслаждаться заблужденіемъ и ни слова имъ о существованіи этого документа!

Сойдя внизъ, Владиміръ Николаевичъ зашелъ на минуту къ Марьѣ Ивановнѣ, которая все была еще больна, онъ сказалъ ей:

— Я познакомился съ бумагой. Нахожу, что Поликарпъ Антоновичъ завѣщалъ все разумно и справедливо, и постараюсь достойнымъ образомъ исполнить его вамъ. А вы будьте совершенно спокойны. Но мы подождемъ, когда кончатся похороны.

— Ужъ я на васъ вполнѣ полагаюсь, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ! — сказала Марья Ивановна, крѣпко пожимая его руку.

Владиміръ Николаевичъ вышелъ. Въ этотъ день ему здѣсь нечего было дѣлать. Онъ сказалъ Вѣрѣ Поликарповнѣ, что поѣдетъ въ Петербургъ и вернется завтра утромъ. Она, на этотъ разъ, отнеслась къ этому просто и спокойно.

— Вы куда?—спросилъ его Авксентій Антоновичъ, видѣвшій, какъ онъ натягивалъ пальто и шляпу.—Если въ Петербургъ, то я васъ подвезу!

Они поѣхали вмѣстѣ на вокзалъ и сѣли въ одномъ вагонѣ. Авксентій Антоновичъ довольно долго говорилъ общія фразы похороннаго характера.

— Вѣдь вотъ кто могъ ожидать, что братъ, такой крѣпкій человѣкъ... Какъ все непрочно! Ахъ, какъ непрочно!.. Я вотъ свою ногу еле волочу за собой, а крѣплюсь! У меня и ревматизмы, и всякая дрянь, а держусь на землѣ... А онъ-то здоровъ былъ всѣмъ на удивленье!..

Но потомъ онъ мало-по-малу перешелъ на болѣе практическую почву и сталъ говорить о дѣлахъ брата, о наслѣдствѣ.

— Дѣло у него большое, а только ежели за него возьмется человѣкъ малоопытный, такъ отъ него скоро будетъ видѣнъ одинъ только дымъ... И опять же эта его галлерея картинная! Къ чему она? Словно онъ былъ какая-то академія. Этого я, признаюсь, никогда не одобрялъ. Блажь это была у него! По моему мнѣнію, эту галлерею первымъ дѣломъ всю распродать и въ наличныя деньги привести... Купцы найдутся, ежели за большимъ не гоняться...

Таково было мнѣніе Авксентія Антоновича, владѣльца бань, также, какъ старшій братъ, сдѣлавшаго себѣ состояніе личной энергіей, но не имѣвшаго того благороднаго тщеславія, которое заставляло Поликарпа Антоновича всю жизнь якшаться съ представителями искусства. Владиміръ Николаевичъ не возражалъ, такъ какъ зналъ, что существенное возраженіе лежало у нотаріуса въ конторѣ. И какъ хорошо зналъ Поликарпъ Антоновичъ вкусы тѣхъ людей, въ руки которыхъ могло попасть его наслѣдіе!

Въ Петербургѣ на вокзалѣ они разстались. Бертышевъ узналъ, что тѣло Спонтанѣева завтра около полудня привезутъ въ Петер-

бургъ и похоронятъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ рѣшилъ завтра отравиться въ Царское раннимъ поѣздомъ.

Дома онъ засталъ Матвѣя Ивановича. Оказалось, что Вѣра Петровна пріѣзжала провѣдать дѣтей и опять уѣхала. Она просила его, если можно, чтобы онъ переночевалъ дома. Ея подруга уже родила, но положеніе ея еще трудное, хотя не безнадежное. Завтра она разсчитывала совсѣмъ вернуться домой.

— Ну, что? Помрè нашъ меценатъ? а?—спросилъ Скорбянскій, продолжая сидѣть за письменнымъ столомъ и кончая главу.

— Да, я засталъ его уже мертвымъ...—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— И мнѣ двухсотъ тысячъ не отказалъ? Вѣрнѣе—отказалъ мнѣ въ двухстахъ тысячахъ...

— Это вѣрно!

— И Вольтову ничего не перепало! Досадно! Погибъ великій человѣкъ и такъ безслѣдно.

Бертышевъ попросилъ ѣсть, такъ какъ у Спонтанѣевыхъ въ этотъ день за чрезвычайными хлопотами никто не думалъ о ѣдѣ. Онъ обѣдалъ и разсказывалъ Скорбянскому о положеніи дѣлъ. Скорбянскій слушалъ, какъ занимательную исторію. Съ величайшимъ любопытствомъ читалъ онъ копію духовнаго завѣщанія и хвалилъ слогъ.

— Однако, какое высокое мнѣніе о тебѣ нашъ великій покойникъ унесъ въ могилу!—говорилъ онъ.—Теперь ты въ нѣкоторомъ родѣ будешь ворочать милліонами...

— Постараюсь поскорѣе раздѣлаться!..

— Но какъ ты все это устроишь? Неужели ты настолько усвоилъ всѣ дѣла?..

— У меня будетъ хорошій помощникъ. Онъ прозывается Иванъ Семеновичъ. Простой полуграмотный человѣчекъ, но все отлично понимаетъ.

— Ну, подавай тебѣ Богъ! А все-таки жаль, что Вольтушку обошли... Хорошее у него дѣло. Жаль!

— Мы это какъ-нибудь устроимъ.

— Устрой, Владиміръ Николаевичъ! Вѣдь подумай: тутъ и народу перепадетъ!

Бертышевъ ночевалъ дома, но и Скорбянскій не оставилъ своихъ обязанностей, которыя принялъ отъ Вѣры Петровны. Раннимъ утромъ Владиміръ Николаевичъ отправился въ Царское. Тамъ въ десять часовъ служили панихиду, затѣмъ на спеціальномъ поѣздѣ гробъ привезли въ Петербургъ. На вокзалѣ была торжественная встрѣча. Въ газетахъ уже появились подробныя объявленія. Собралось много артистовъ и художниковъ. Это было генеральное

rendez-vous всѣхъ обычныхъ посѣтителей веселыхъ домашнихъ вечеровъ у Спонтанѣева, на Офицерской.

Марья Ивановна и Вѣра Поликарповни провожали гробъ до кладбища. Тамъ онъ долженъ былъ переночевать въ церкви а на завтра было назначено погребеніе.

Отсюда они поѣхали на Офицерскую, рѣшивъ больше не возвращаться въ Царское.

Прошелъ еще день. Съ прахомъ Поликарпа Антоновича были покончены всѣ счеты. Съ кладбища Авксентій Антоновичъ съ Дмитріемъ Спонтанѣевымъ поѣхали въ одной коляскѣ въ домъ на Офицерскую и тутъ произошелъ разговоръ, который могъ бы потрясти Марью Ивановну, если бы она не знала навѣрное, что у нотаріуса хранится завѣщаніе.

Дмитрій поймалъ мать и сестру, когда онѣ проходили черезъ гостиную, и остановилъ ихъ. Авксентій Антоновичъ въ это время поднимался по лѣстницѣ.

— Мама и ты, Вѣра... Вы можете остаться на двѣ минуты... Надо поговорить о дѣлахъ!..—сказалъ онъ и при этомъ у него былъ какой-то властный видъ.

— Не рано ли?—саркастически спросила Вѣра Поликарповна.

— Нѣтъ, не рано! — высокомѣрно оглядѣвъ ее, отвѣтилъ Дмитрій.—Сейчасъ войдетъ сюда дядя Авксентій, и его присутствіе необходимо.

Марья Ивановна пугливо взглянула на дочь.

— Останемся, мама... Пусть говорятъ, что имъ надо!..—сказала Вѣра Поликарповна.

Вошелъ Авксентій Антоновичъ и прошелъ къ креслу, тяжело прихрамывая на лѣвую ногу. Онъ сѣлъ.

— Намъ надо рѣшить миролюбиво...—началъ Дмитрій:—о дѣлежѣ теперь не стоитъ поднимать вопроса. Это дѣло будущаго. Но надо согласиться, кому довѣрить управленіе всѣми дѣлами, оставшимися послѣ отца. Я думаю, что этотъ вопросъ рѣшается естественно: дядя Авксентій Антоновичъ близкій намъ человѣкъ, опытный, почтенный...

— Что же, я охотно возьму на себя эту нелегкую обязанность!—сказалъ Авксентій Антоновичъ:—я почитаю это своимъ долгомъ...

— А когда покойный Поликарпъ заболѣлъ и умолялъ Авксентія Антоновича взяться за дѣло, Авксентій Антоновичъ отказался!..—промолвила нерѣшительно Марья Ивановна.

— При жизни брата я не хотѣлъ вмѣшиваться въ его дѣла. Онъ былъ человѣкъ строгій, своенравный, а я не умѣлъ угождать ему... А теперь, теперь возьмусь охотно, потому что кому же больше взяться? Не бросать же дѣло на произволъ судьбы...

— Я не понимаю, чѣмъ вызванъ этотъ разговоръ,—нервнымъ, нетерпѣливымъ голосомъ замѣтила Вѣра Поликарповна.—Отецъ самъ выбралъ человѣка, которому довѣрилъ все дѣло... Я не вижу надобности въ перемѣнѣ...

— Я вижу эту надобность!..—рѣзко сказалъ Дмитрій:—въ нашемъ дѣлѣ не должно быть постороннихъ лицъ...

— Ты гораздо больше посторонній дѣлу, чѣмъ Владиміръ Николаевичъ... Да, наконецъ, покойный отецъ ясно выразилъ свою волю и никто не имѣетъ права нарушить ее...

— Кому онъ выразилъ волю? Тебѣ, которая въ дни его смерти упивалась веселымъ путешествіемъ? Но почему ты знаешь, что мнѣ онъ не выразилъ другую волю, мамѣ третью, а дядѣ четвертую? Все это не имѣетъ значенія...

Вѣра Поликарповна вспыхнула и, хотя Марья Ивановна смотрѣла на нее съ ужасомъ, она больше не могла удержаться и заявила:

— Имѣетъ значеніе завѣщаніе, которое оставилъ отецъ...

— Завѣщаніе?—спросилъ Авксентій Антоновичъ:—я ничего о немъ не слышалъ...

— Но его нельзя выдумать! Оно находится у нотаріуса...

— У какого нотаріуса?

— Я не знаю... Сейчасъ, должно быть, придетъ Владиміръ Николаевичъ... Онъ покажетъ вамъ копію... Мама, пойдемте... Разговоръ вѣдь конченъ!..—прибавила она и взяла Марью Ивановну за руку. Авксентій Антоновичъ и Дмитрій не остановили ихъ, а отпустили молча.

— Надѣюсь, не этому же господину отказалъ отецъ свое состояніе!—съ досадой сказалъ Дмитрій.

— Во всякомъ случаѣ,—промолвилъ Авксентій Антоновичъ,—если братъ оставилъ завѣщаніе, то, конечно, мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Я его характеръ хорошо знаю... Я пойду,—прибавилъ онъ, тяжело подымаясь съ кресла:—ты, пожалуй, заѣзжай ко мнѣ обѣдать и кстати сообщишь, что тамъ въ этомъ завѣщаніи.

Онъ уѣхалъ, а Дмитрій долго нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ и все взглядывалъ въ окна, поджидая Владиміра Николаевича. Наконецъ, онъ подъѣхалъ на простомъ извозчикѣ и позвонилъ. Черезъ двѣ минуты онъ вошелъ въ гостиную.

— Я слышалъ, что у васъ копія завѣщанія?—спросилъ его Дмитрій, не здороваясь съ нимъ; — не понимаю, къ чему такая таинственность...

— Мнѣ передала ее ваша матушка, которой собственноручно далъ покойный вашъ отецъ!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.— Вотъ эта бумага.

Дмитрій порывисто вырвалъ у него изъ рукъ копію, подбѣ-

жалъ къ окну и началъ читать. На губахъ его играла саркастическая усмѣшка, но щеки его съ каждой новой строчкой становились блѣднѣе. Онъ кончилъ и, швырнувъ бумагу на столъ, въ бѣшенствѣ нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ. Но затѣмъ онъ вдругъ остановился и по его горящимъ злобой глазамъ можно было понять, что онъ хочетъ сказать или сдѣлать что-то оскорбительное.

— Ну-съ,—задыхаясь промолвилъ онъ,—и вы, конечно, эту знаменитую ликвидацію растянете на всѣ шесть лѣтъ, чтобы извлечь изъ своего положенія возможно больше выгодъ!..

Владиміръ Николаевичъ посмотрѣлъ на него прищуренными глазами и съ кажущимся спокойствіемъ отвѣтилъ:

— Я еще не думалъ объ этомъ и не успѣлъ сосчитать всѣхъ, ожидающихъ меня, выгодъ... Во всякомъ случаѣ, могу уже теперь сказать, что ваше мнѣніе презираю и оно не можетъ заставить меня отказаться отъ исполненія долга!..

Сказавъ это, онъ вышелъ и быстро направился въ комнаты Марьи Ивановны.

И. Потапенко.

Конецъ II-й части.

Индустрія и земледѣліе, какъ основы экономическаго и финансоваго могущества.

Во Франціи и въ Германіи снова раздаются все чаще и чаще голоса, возвѣщающіе, что земледѣліе есть *главный* источникъ народнаго богатства, нравственной силы и т. д., и т. д. Для политико-эконома и историка подобное рѣзкое оттѣненіе особенной важности и особыхъ соціальныхъ добродѣтелей земледѣльческаго населенія можетъ большей частью служить только симптомомъ совершающихся крупныхъ экономическихъ переворотовъ. Непривыкшія однако къ критическому мышленію массы рѣдко въ состояніи правильно оцѣнить подобныя заявленія. Только немногіе знаютъ, что вожаки аграріевъ въ Англіи уже десятки лѣтъ тому назадъ, во время экономическихъ и политическихъ кризисовъ, защищая свои привилегіи, точно такъ же орудовали, и что экономическая эволюція совершала свой путь, нисколько не заботясь объ ихъ протестахъ и мрачныхъ предсказаніяхъ.

Въ виду вышесказаннаго было интересно прослѣдить на основаніи болѣе или менѣе достовѣрныхъ цифровыхъ данныхъ, какую роль играли въ различныя эпохи земледѣліе съ одной стороны, индустрія и торговля—съ другой, въ важнѣйшихъ культурныхъ государствахъ. Вопросы эти разработаны мной въ моемъ трудѣ «*Berufsgliederung und Reichthum*», первый томъ котораго, трактующій объ экономической эволюціи Англіи съ конца XVII-го столѣтія до нашихъ дней, появился въ прошломъ году *). Второй томъ, посвященный Франціи, готовится къ печати **). Интересъ, съ которымъ относится къ этому вопросу русская читающая публика, побуждаетъ меня сообщить здѣсь вкратцѣ добытые мной результаты.

Въ концѣ XVII-го столѣтія громадное большинство населенія Англіи добывало средства къ существованію земледѣльческимъ трудомъ. Цѣн-

---

*) «Berufsgliederung und Reichthum. Untersuchungen über den Einfluss der Veränderungen in der Berufsgliederung auf Reichthum und Staatsmacht». Cotta's Verlag. Stuttgart 1897.

**) Особый томъ—третій—будетъ посвященъ экономической Германіи.

ныя указанія на этотъ счетъ мы находимъ въ трудахъ знаменитаго Gregory King'a *). На основаніи его данныхъ, населеніе Англіи распредѣлялось въ то время по городамъ и деревнямъ слѣдующимъ образомъ: на Лондонъ и другіе города приходилось 1.400.000 жителей, на сельское населеніе 4.100.000. Число жилыхъ домовъ **) равнялось въ городахъ, приблизительно, 300.000, въ деревняхъ и селахъ 1.000.000.

По Маколею, во всей Англіи существовало, кромѣ Лондона, всего только 4 города, достойныхъ этого названія, а именно: Bristol, Norwich, York и Exeter. Эти города имѣли тогда населеніе около и свыше 10.000 жителей. Въ Лидсѣ было, напротивъ, всего около 7 000 жителей, въ Манчестерѣ около 6.000, въ Ливерпулѣ, Бирмингамѣ и Шеффильдѣ едва по 4.000. Населеніе послѣднихъ 5 городовъ исчислялось такимъ образомъ въ сложности въ 25.000; въ 1891 году оно равнялось 2.193.000,

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ явствуетъ, что почти всѣ современные большіе города Англіи представляли въ концѣ XVII-го столѣтія, въ сущности, большія деревни. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, перестаешь удивляться факту, что города тогда не имѣли въ соціальномъ отношеніи того громаднаго вліянія на жизнь страны, какимъ они располагаютъ теперь.

Все населеніе Англіи и Уэльса равнялось, по King'у, въ концѣ XVII-го столѣтія, приблизительно $5^1/_2$ милліонамъ. Это число, по его соображеніямъ, могло удвоиться, т. е. населеніе Англіи могло достичь 11 милліоновъ въ 2300 году по Р. X., а учетвериться только въ 3500 или 3600 годахъ. Вслѣдъ за этимъ King высказываетъ мнѣніе, что дальнѣйшее увеличеніе населенія королевства станетъ *невозможнымъ*, такъ какъ при 22 милліонахъ на каждаго жителя будетъ приходиться менѣе двухъ акровъ земли.

Интересно прослѣдить, оправдались ли предсказанія знаменитаго статистика, пользовавшагося въ свое время такимъ громаднымъ авторитетомъ?

Въ 1750 году населеніе Англіи и Уэльса исчислялось въ $6^1/_2$ милліоновъ. Въ 1801 году, когда была произведена первая перепись, оно равнялось 8—9 милліонамъ. При послѣдующихъ переписяхъ были добыты слѣдующія цифры:

---

*) «Natural and Political Observations and Conclusions upon the Bate and Condition of England». Davenant называетъ King'a «wanderful genius».

**) Число домовъ было довольно точно извѣстно, такъ какъ они подлежали особому налогу (Hearht Tax).

Табл. I.

	Населеніе.	Приростъ населенія. Абсолютный.	Въ %.
Въ 1811 году	10.164.000	1.836.000	18,06
» 1821 »	12.000.000	1.897.000	15.80
» 1831 »	13.897.000	2.017.000	14,48
» 1841 »	15.914.000	2.014.000	12,65
» 1851 »	17.928.000	2.138.000	11,90
» 1861 »	20.066.000	2.646.000	13,20
» 1871 »	22.712.000	3.262.000	14,36
» 1881 »	25.974.000	3.029.000	11,65
» 1891 »	29.003.000	1.728.000 (5 лѣтъ!)	
» 1896 *) »	30.731.000		

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, предсказанія King'а, не оправдались. Уже въ 1871 году, т. е. черезъ 175 лѣтъ, населеніе Англіи достигло той цифры, которой оно, по соображеніямъ King'а, могло достичь лишь въ 3600 году по Р. X., т. е. черезъ 1.900 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, кромѣ того, вопреки его заявленію, что 22.000.000 будутъ предѣльной цифрой, народонаселеніе Англіи не перестаетъ расти. Въ особенности бросается въ глаза быстрый приростъ населенія, на цѣлыхъ 8.000.000, за послѣднія 25 лѣтъ; такого громаднаго *абсолютнаго* прироста Англія до сихъ поръ *никогда* не имѣла.

Что же ввело King'а въ заблужденіе? Опредѣленіе исходной точки его разсужденій даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію совершенныхъ имъ ошибокъ.

King, несомнѣнно, былъ убѣжденъ, что Англія *навсегда* останется *земледѣльческой* страной и что ей поэтому придется самой производить необходимые для пропитанія населенія жизненные припасы. Это ясно видно изъ того, что онъ считалъ дальнѣйшій приростъ населенія невозможнымъ, какъ только на голову станетъ приходиться менѣе двухъ акровъ. Исторія экономическаго развитія Англіи показываетъ, какъ неосновательны были въ этомъ отношеніи взгляды King'а. Съ конца XVIII-го столѣтія индустрія начала тамъ, какъ извѣстно, быстро развиваться; страна покрывается многочисленными фабриками и заводами, и продукты ихъ Англія мѣняетъ на земледѣльческіе и иные продукты, которыхъ сама не производитъ. Выводы King'а, *вѣрные сами по себѣ* для населенія, живущаго *земледѣліемъ*, не могли быть, слѣдовательно, примѣняемы къ Англіи.

Въ подтвержденіе справедливости вышесказаннаго, приводимъ таблицу, которая показываетъ намъ группировку и ростъ населенія въ двухъ, географически другъ отъ друга не вполнѣ рѣзко отдѣленныхъ,

---

*) Цифра за 1896 годъ взята изъ «Statistiacl Abstract'а». Она добыта посредствомъ вычисленій натуральнаго прироста населенія.

территоріяхъ: одной съ преобладающимъ индустріальнымъ населеніемъ, другой—съ болѣе или менѣе значительнымъ земледѣльческимъ населеніемъ *).

Табл. II.

Годъ **)	Населеніе. Индустріальной территоріи.	Земледѣльческой территоріи.	Прирость населенія. Въ индустріальной территоріи.	Въ земледѣльческой территоріи.
1700	2.788.000	2.359.000	—	—
1750	3.476.000	2.594.000	688.000	235.000
1801	5.072.000	3.279.000	1.596.000	685.000
1851	11.539.000	5.383.000	6.467.000	2.104.000
1891	20.914.000	6.569.000	9.375.000	1.186.000

Годъ.	Число жилыхъ домовъ. Въ индустріальной территоріи.	Въ земледѣльческой территоріи.	Увеличеніе числа жилыхъ домовъ. Въ индустріальной территоріи.	Въ земледѣльческой территоріи.
1801	888.000	580.000	—	—
1851	2.023.000	1.054.000	1.135.000	474.000
1891	3.811.000	1.347.000	1.788.000	293.000

Сравнивая населеніе въ 1700 году съ населеніемъ въ 1891 г. въ обѣихъ территоріяхъ, мы получаемъ поразительные результаты. Въ то время, какъ населеніе земледѣльческой территоріи увеличилось только на 4½ милл., увеличеніе въ индустріальной достигло 18.000.000. Съ 1801 по 1891 годъ, для каковой эпохи данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія, населеніе индустріальной территоріи увеличилось больше чѣмъ на 300%, земледѣльческой только на 100%. Точно такъ же въ періоды съ 1700 по 1750 г., съ 1750 по 1801 г. и т. д. прирость населенія былъ болѣе значительнымъ въ индустріальной территоріи, чѣмъ въ земледѣльческой. Аналогичныя явленія можно констатировать касательно увеличенія числа жилыхъ домовъ въ обѣихъ территоріяхъ. Рамки настоящей статьи не позволяютъ распространиться здѣсь на эту тему.

Предпринятое нами дѣленіе Англіи на двѣ территоріи можетъ показаться, однако, слишкомъ искусственнымъ. Нижеслѣдующая таблица, для составленія которой мы воспользовались данными переписи 1891 г.

---

*) Раздѣленіе Англіи на двѣ территоріи, какъ мы его предприняли, не представляло большихъ трудностей, такъ какъ добытая при переписяхъ классификація населенія по ремесламъ и промысламъ даетъ для этого достаточныя основанія. Кое-какія затрудненія въ этомъ отношеніи представляли изъ 42 графствъ Англіи только 4, а именно: Cumberland, Northumberland, Sussex и Essex. Вопросъ этотъ разработанъ мной детально на стр. 12, 13 и т. д. вышеназваннаго труда. Здѣсь достаточно указать на то, что, распредѣляя графства на двѣ территоріи, я, сравнительно, мало уклонился отъ Marshall'а, Wade'а и др. англійскихъ авторовъ, которые интересовались тѣмъ же вопросомъ въ первой половинѣ нашего столѣтія.

**) Только съ 1801 года цифры представляютъ результаты переписей. Данныя за 1700 и 1750 годы не вполнѣ достовѣрны.

относительно представительства *земледѣльческаго* *) *населенія* въ отдѣльныхъ графствахъ, распредѣливъ послѣднія на основаніи этого представительства на 3 группы,—болѣе или менѣе гарантирована отъ подобнаго упрека и въ то же самое время нагляднымъ образомъ подтверждаетъ высказанные нами взгляды:

Табл. III.

	Пространство въ акрахъ.	Населеніе. 1801.	1831.	1861.	1891.
1-ая группа, въ которой лица, занимающіяся земледѣльческимъ трудомъ, составляютъ болѣе 22% всего активнаго населенія..........	11.240.000	2.118.000	2.981.000	3.503.000	3.757.000
2-ая группа отъ 18 до 11%.........	10.670.000	2.135.000	3.119.000	3.986.000	5.426.000
3-я группа меньше 10%...........	10.630.000	4.096.000	6.988.000	11.465.000	18.300.000

Въ % приростъ населенія можетъ быть выраженъ слѣдующими цифрами:

	1801—1831.	1831—1861.	1861—1891.	1801—1891.
1-ая группа............	41%	18%	7%	77%
2 » »	46%	28%	36%	154%
3 » »	71%	64%	63%	347%

И при новой группировкѣ графствъ приростъ населенія оказывается, такимъ образомъ, наибольшимъ въ третьей группѣ, т. е. тамъ, гдѣ процентъ земледѣльческихъ классовъ былъ наименьшимъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду еще того факта, что, какъ мы это дальше выяснимъ, въ графствахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе особенно велико, приростъ замѣчается почти-что исключительно въ городахъ, тогда какъ въ сельскихъ округахъ населеніе остается безъ измѣненія и часто даже значительно уменьшается.

Намъ остается теперь изслѣдовать, что служитъ причиной этого быстраго роста населенія въ промышленныхъ центрахъ и въ городахъ, иными словами: является ли это увеличеніе населенія слѣдствіемъ натуральнаго прироста, т. е. излишка рожденій надъ смертными случаями, или же слѣдствіемъ иммиграціи сельскаго населенія въ города. Приводимыя ниже цифры даютъ приблизительный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

---

*) Въ томъ числѣ и лица, занимающіяся садоводствомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ и т. д.

Табл. IV.

Увеличеніе населенія Лондона.

ГОДЫ.	Излишекъ рожденій надъ смертными случаями.	Въ % всего прироста.	Излишекъ иммиграціи надъ эмиграціей.	Въ % всего прироста.
1801—1811.....	137.000	76%	43.000	24%
1811—1821.....	206.000	85 »	34.000	15 »
1821—1831.....	218.000	79 »	58.000	21 »
1831—1841.....	240.000	82 »	54.000	18 »
1841—1851.....	247.000	60 »	167.000	40 »
1851—1861.....	282.000	64 »	160.000	36 »
1861—1871.....	370.000	83 »	78.000	17 »

Табл. IV.

Ростъ другихъ городовъ съ населеніемъ въ 20.000 и свыше.

ГОДЫ.	Излишекъ рожденій надъ смертными случаями.	Въ % всего прироста.	Излишекъ иммиграціи надъ эмиграціей.	Въ % всего прироста.
1801—1811.....	207.000	70%	87.000	30%
1811—1821.....	314.000	68 »	150.000	32 »
1821—1831.....	348.000	53 »	314.000	47 »
1831—1841.....	415.000	55 »	344.000	45 »
1841—1851.....	457.000	51 »	439.000	49 »
1851—1861.....	540.000	61 »	352.000	39 »
1861—1871.....	714.000	63 »	418.000	37 »

Цифры эти показываютъ съ достаточной ясностью, что, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи, главной причиной увеличенія населенія былъ естественный приростъ.

За недостаткомъ мѣста, мы не въ состояніи заняться здѣсь разборомъ причинъ внутреннихъ переселеній, эмиграціи, уменьшенія сельскаго населенія и тому подобныхъ вопросовъ, разработанныхъ нами подробно въ указанномъ мѣстѣ. Чтобы дать, однако, читателю представленіе объ измѣненіяхъ, происшедшихъ за послѣднія два столѣтія въ распредѣленіи населенія Англіи по сельскимъ и городскимъ округамъ, мы дадимъ слѣдующія цифры, добытыя послѣдней переписью. Въ 1891 году населеніе всѣхъ *городскихъ* санитарныхъ дистриктовъ *) было исчислено въ 20.896.000, т. е. въ 76% *всего* населенія Англіи и Уэльса, причемъ населеніе крупныхъ городскихъ дистриктовъ, имѣвшихъ болѣе 5.000 душъ, равнялось 19.863.000, т. е. 72% *всего* населенія. Совершенно иныя явленія замѣчаются относительно сельскаго населенія. Въ 137 вполнѣ сельскихъ **), такъ называемыхъ «регистраціонныхъ» ***) дистриктахъ оно исчислялось:

---

*) Въ 1891 году въ Англіи и Уэльсѣ числилось 1.011 городскихъ и 575 сельскихъ санитарныхъ округовъ.

**) То-есть, не охватывавшихъ ни части города, ни городскихъ предмѣстій.

***) Для административныхъ цѣлей Англія и Уэльсъ раздѣляются на 633 «Registration Districts».

Табл. V.

Въ году.	Населеніе.	Приростъ.
1801	1.181.198	
1811	1.272.509	+ 7,7%
1821	1.456.771	+ 14,5 »
1831	1.558.969	+ 7,0 »
1841	1.659.558	+ 6,4 »
1851	1.693.999	+ 2,1 »
1861	1.712.119	+ 1,1 »
1871	1.724.486	+ 0,7 »
1881	1.717.336	— 0,4 »
1891	1.718.137	+ 0,1 »

Приростъ населенія въ этихъ сельскихъ дистриктахъ, такимъ образомъ, прогрессивно уменьшался, причемъ за послѣднія 30 лѣтъ населеніе осталось почти неизмѣннымъ.

Вожаки современнаго аграрнаго движенія, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, часто говорятъ, что каждая страна должна сама производить необходимые для существованія ея населенія жизненные припасы. Такія же мнѣнія высказывали нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ Англіи. Такъ, напримѣръ, знаменитый англійскій статистикъ Porter говоритъ въ своемъ трудѣ «Progress of the Nation» слѣдующее *): «Незначительное государство или колонія могутъ, не подвергаясь большимъ опасностямъ и неудобствамъ, существовать, получая изъ другихъ странъ необходимые для прокормленія ихъ населенія жизненные продукты. Но уже простое изслѣдованіе и очень несложныя вычисленія достаточны для того, чтобы убѣдить насъ, что соотвѣтственный импортъ невозможенъ, когда населеніе страны велико. Для того, чтобы снабдить Соединенное Королевство одной только пшеницей, необходимой для прокормленія его населенія, — *если бы это было вообще возможно* — число судовъ, входящихъ ежегодно въ наши порты, должно было бы удвоиться. Если наши соображенія вѣрны, прибавляетъ онъ далѣе, то очевидно, что въ каждой странѣ, населеніе которой быстро растетъ, въ то же время должно расти прогрессивно и производство жизненныхъ припасовъ. При слабомъ ростѣ населенія можно еще пользоваться въ видѣ противовѣса ввозомъ изъ другихъ странъ или уменьшеніемъ порціи, приходящейся на каждаго. Но примѣненіе перваго изъ вышеупомянутыхъ средствъ (т. е. *увеличеніе импорта*) дѣлается невозможнымъ, когда населеніе быстро увеличивается».

Ходъ дальнѣйшаго развитія Англіи совершенно опровергнулъ это мнѣніе, какъ показываютъ приводимыя нами ниже цифры относительно производства и ввоза пшеницы:

*) Ср. стр. 138 вышедшаго въ 1851 году второго изданія.

Табл. VI.

Годы.	Производство.	Излишекъ ввоза надъ вывозомъ (въ имперскихъ квартерахъ).
1869—1870—1874—1875........	11.633.000	10.763.000
1875—1876—1880—1881........	9.052.000	14.967.000
1881—1882—1886—1887........	8.756.000	17.924.000
1887—1888—1892—1893........	8.531.000	19.789.000

Въ нѣсколькихъ словахъ невозможно охарактеризовать вполнѣ всѣхъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергнулось англійское земледѣліе подъ вліяніемъ все большей и большей агломераціи населенія. Для того, чтобы дать однако читателю представленіе о ходѣ развитія и о теперешнемъ положеніи вещей, слѣдующія цифры будутъ достаточны:

Табл. VII.

	Поля подъ пшеницей и ячменемъ въ % всего культивированнаго пространства.	Постоянныя пастбища (Permanent Pasture) въ % всего культивированнаго пространства.	Средняя плотность населенія въ 1891 году (на 1.000 акровъ).	Садовникъ и другія лица, занятыя въ садоводствѣ, въ % всего активнаго земледѣльческаго населенія.
1-я группа.....	20,0%	43%	334	8,3%
2-я группа.....	11,4%	53%	509	13,5%
3-я группа.....	6,9%	66%	1.720	21,2%

Изъ вышеприведенныхъ цифръ явствуетъ, что съ повышеніемъ плотности населенія постоянныя пастбища и сады, представляющіе собой высшую ступень земледѣльческой культуры, занимаютъ все большее и большее пространство. На аналогичныя явленія указываетъ слѣдующая таблица, резюмирующая ходъ развитія молочнаго хозяйства:

Табл. VIII.

Годы.	Англія. Число дойныхъ коровъ.	Англія. Увеличеніе въ %.	Уэльсъ. Число дойныхъ коровъ.	Уэльсъ. Увеличеніе въ %.	Шотландія. Число дойныхъ коровъ.	Шотландія. Увеличеніе въ %.
1871—1875.....	1.555.000		257.000		392.000	
1876—1880.....	1.579.000	1,6%	258.000	0,4%	390.000	— 0,5
1881—1885.....	1.687.000	6,8%	265.000	2,7%	400.000	+ 2,6
1886—1890.....	1.806.000	7,1%	279.000	5,3%	414.000	+ 3.5
1891—1892.....	1.916.000	6,1%	293.000	5,0%	445.000	+ 7.5
	361.000	23%	36.000	14%	53.000	14%

Въ Англіи, въ которой приростъ и плотность населенія значительно больше, чѣмъ въ двухъ другихъ частяхъ соединеннаго королевства, замѣчается въ то же самое время наиболѣе быстрое увеличеніе числа дойныхъ коровъ.

Какіе громадные рынки откроются для продуктовъ молочнаго хозяйства съ дальнѣйшимъ улучшеніемъ положенія рабочихъ классовъ въ Англіи, видно изъ данныхъ о потребленіи молока различными классами населенія. На голову приходилось въ среднемъ *):

Табл. IX.

Въ West-End'ѣ Лондона	34,2	галлоновъ.
» North-End'ѣ »	29,7	»
» Манчестерѣ	24,3	»
» кварталахъ съ зажиточнымъ населеніемъ .	13,7	»
» » » рабочимъ населеніемъ . .	9,1	»
» небольшомъ провинціальномъ городкѣ. .	14,8	»
» East-End'ѣ Лондона	3,9	»

Насколько значителенъ уже въ настоящее время спросъ на эти продукты можно косвеннымъ образомъ судить на основаніи того факта, что при анализахъ молока, сдѣланныхъ въ 1893 году въ Англіи, фальсификаціи были обнаружены въ 15% всѣхъ случаевъ, при анализахъ масла въ Лондонѣ въ 21%. Оффиціальный отчетъ объ обнаруженныхъ фальсификаціяхъ прибавляетъ, что указанный процентъ значительно ниже дѣйствительности, такъ какъ во многихъ случаяхъ анализированные продукты были обозначены «очень посредственными», «подозрительными» и т. д.

Изъ сообщенныхъ нами въ этой главѣ данныхъ явствуетъ, что въ то время, какъ промышленное населеніе Англіи становится съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе зависимымъ отъ домашняго снабженія зерновыми продуктами, наибольшая и при этомъ наиболѣе прибыльная часть англійскаго земледѣлія не могла бы даже существовать, если бы промышленное населеніе Англіи вообще и населеніе городовъ въ частности не доставляло ему достаточныхъ рынковъ для сбыта его продуктовъ.

Въ концѣ XVII вѣка Gregory King, труды котораго мы уже нѣсколько разъ цитировали, исчислялъ весь годовой доходъ Англіи въ 43,5 милл. ф. стерлинговъ. Цѣнность всего королевства равнялась, по его соображеніямъ, 650.000.000 ф. стерл. Съ тѣхъ поръ были сдѣланы слѣдующія оцѣнки:

*) Cp. Rew, Henry, «An Inquiry into the Statistics of the Production and Consumption of Milk and Milk Products in Great Britain». «Journal of the Royal Statistical Society» 1892, стр. 266.

Табл. X.

Года.	Народонаселеніе.	Національн. богатство въ ф. стерл.	На голову въ ф. стерл. *).
1720	$6^1/_2$ милл.	370.000.000	57
1750	7 »	500.000.000	71
1800	9 »	1.500.000.000	167
1845 **)	28 »	4.000.000.000	143
1865	30 »	6.000.000.000	200
1875	33 »	8.500.000.000	260
Въ концѣ 80-хъ годовъ	37 »	10.000.000.000	270

Параллельно съ быстрымъ ростомъ богатства Англіи расли и доходы казны. Ихъ общая сумма, въ томъ числѣ таможенные сборы, поземельный налогъ и т. д., поднялась съ 4.250.000 ф. стерл. въ 1691 году—изъ нихъ 3.394.000 ф. стерл. были употреблены на военные расходы—до 19,3 милл. въ 1792 и до 102 милл. ф. стерл. въ 1896 году. Цифры эти, конечно, могутъ дать только приблизительное представленіе, хотя бы уже въ виду измѣненія цѣнности денегъ.

Гдѣ кроется причина этого поразительно быстраго увеличенія богатства Англіи, начиная съ конца XVII-го вѣка вообще, и въ особенности въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ? Мы считаемъ излишнимъ описывать здѣсь первобытное состояніе промышленности и недалекую отъ жалкаго прозябанія жизнь народныхъ массъ въ ту эпоху, когда преобладающимъ занятіемъ населенія Англіи было земледѣліе. Факты эти слишкомъ хорошо извѣстны. Для того, чтобы охарактеризовать относительное значеніе земледѣлія и промышленности, какъ источниковъ дохода для современнаго государства, будетъ достаточнымъ привести слѣдующія цифры, представляющія собой результаты оцѣнокъ при обложеніи подоходнымъ налогомъ:

Табл. XI.

Года.	Суммы, представляющія собой доходъ съ культивированныхъ земель въ Англіи.
1814—1815	34.328.000 ф. стерл.
1864—1865	43.602.000 »
1876—1877	48.427.000 »
1889—1890	38.905.000 »

Добытыя при оцѣнкахъ суммы показываютъ, слѣдовательно, въ XIX столѣтіи только крайне незначительныя измѣненія. За послѣднія

*) Приводимыя цифры могутъ, конечно, служить только указаніемъ на быстрый ростъ національнаго богатства; онѣ не даютъ однако права дѣлать выводовъ относительно его распредѣленія между различными классами.

**) Съ 1845 года данныя относятся ко всему соединенному королевству. Исчисленія для нашего столѣтія основаны на результатахъ подоходнаго налога.'

десятилѣтія можетъ быть даже констатировано значительное пониженіе. Напротивъ, привлеченныя къ подоходному налогу ренты съ домовъ увеличились слѣдующимъ образомъ:

Табл. XII.

	1842—1843 гг.	1888—1889 гг.	Увеличеніе абсолютное	въ %
1-я группа..	4.366.090 ф. стерл.	9.729.000 ф. стерл.	5.363.000 ф. ст.	123%
2-я группа..	6.184.000 » »	18.645.000 » »	12.461.000 » »	201%
3-я группа..	24.417.000 » »	88.708.000 » »	64.291.000 » »	263%

Подобная же эволюція можетъ быть констатирована относительно подлежащихъ налогу доходовъ съ промышленности, торговли и либеральныхъ прогрессій, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ:

Табл. XIII.

	1867—1868 гг.	1889—1890 гг.	Увеличеніе *) абсолютное	въ %
1-я группа..	9.888.000 ф. стерл.	13.969.000 ф. стерл.	4.081.000 ф. ст.	41%
2-я группа..	16.619.000 » »	25.977.000 » »	9.358.000 » »	56%
3-я группа..	117.525.000 » »	236.655.000 » »	119.130.000 » »	101%

Съ какой бы точки зрѣнія мы, значитъ, ни разсматривали ходъ экономическаго развитія Англіи, мы всегда приходимъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, т. е. къ относительному уменьшенію значенія земледѣлія, какъ источника частныхъ и государственныхъ доходовъ. Въ своемъ отчетѣ, представленномъ парламенту въ 1893—1894 году, Fowler даетъ, сообразно съ этимъ, слѣдующія цифры касательно подлежащихъ коммунальному обложенію (Local Taxation) суммъ. Такъ называемая годовая цѣнность (Annual Value) реальной собственности (Real Property) различнаго рода, обложенной нижепоименованными налогами, равнялась:

Табл. XIV.

Года.	Земля. ф. ст.	Дома. ф. ст.	Жел. дороги. ф. ст.	Собствен. иныхъ родовъ. ф. ст.
1814........	37.063.000	14.895.000	—	1.537.000
1843........	42.128.000	35.556.000	2.418.000	5.701.000
1868........	45.767.000	68.013.000	15.980.000	12.113.000
1891........	42.235.000	123.721.000	30.774.000	22.824.000

Взаимное отношеніе вышеназванныхъ источниковъ дохода можетъ быть передано слѣдующими цифрами:

---

*) Не слѣдуетъ забывать, что желѣзныя дороги сконцентрированы главнымъ образомъ въ промышленныхъ центрахъ. Это обстоятельство является одной изъ причинъ уменьшенія значенія земледѣльческихъ графствъ.

Табл. XV.

Года.	Земля.	Дома.	Жел. дороги.	Собствен. иныхъ родовъ.
1814........	69,3%	27,8%	—	2,9%
1843........	49,1%	41,5%	2,8%	6,6%
1868........	33,2%	47,3%	11,1%	8,4%
1891........	19,2%	56,4%	15,0%	10,4%

Въ процентномъ отношеніи различныхъ источниковъ дохода произошла, слѣдовательно, коренная перемѣна. Сообразно съ этимъ измѣнились и доходы, приносимые соотвѣтствующими налогами. Для 1817. 1868 и 1891 годовъ это можетъ быть констатирвано на основаніи слѣдующихъ цифръ:

Табл. XVI.

Года.	Доходъ съ позем. налога въ ф. ст.	въ %	Доходъ съ иныхъ родовъ собственности въ ф. ст.	въ %.
1817........	6.730.000	66,7	3.370.000	33,3
1868........	5.550.000	33.3	11.000.000	66,7
1891........	4.260.000	13,3	23.660.000	84,7

Между городскими и сельскими округами эти суммы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Табл. XVII.

	1868 ф. стерл.	1891 ф. стерл.	Увеличен. ф. ст.	Уменьш. ф. ст.
Вполнѣ городскіе дистрикты....	6.730.000	17.513.000	10.783.000	—
Дистрикты смѣшан. характера...	8.357.000	8.196.000	—	161.000
Вполнѣ сельскіе дистрикты......	1.415.000	2.108.000	693.000	—

Почти весь приростъ сконцентрировался, какъ видимъ, въ большихъ городахъ.

Мы прослѣдили постепенный ходъ развитія Англіи съ конца XVII столѣтія до нашихъ дней и видѣли, какъ эта, въ началѣ земледѣльческая и бѣдная страна, мало-по-малу превращалась въ чрезвычайно богатую и могущественную промышленную державу. Мрачное будущее: близкое закрытіе иностранныхъ рынковъ и быстрое разореніе, которое не разъ предсказывалось Англіи въ теченіе почти цѣлаго вѣка, не осуществилось. Если важнѣйшія издѣлія англійской промышленности и пріобрѣли себѣ соперниковъ на всемірномъ рынкѣ, то не слѣдуетъ забывать, что англійская индустрія и теперь еще занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вѣдь, большинство индустрій другихъ странъ, конкуррирующихъ съ Англіей и продающихъ свои издѣлія на всемірномъ рынкѣ по низкимъ цѣнамъ, могутъ позволять себѣ это только при по-

мощи высокихъ таможенныхъ пошлинъ, дающихъ имъ возможность продавать свои продукты по очень высокой цѣнѣ внутри ихъ собственной страны.

Только съ улыбкой можно поэтому читать мрачныя предсказанія Ledru-Rollin'a: «Не всѣ имперіи,—говоритъ онъ,—гибнутъ одинаковымъ образомъ. Варварами для Англіи являются массы людей, подымающихъ къ небу свои исхудавшія руки, прося хлѣба: это народныя массы, жизнь которыхъ зависитъ всецѣло отъ случайностей всемірнаго рынка, который не сегодня, такъ завтра долженъ закрыться; война или миръ должны одинаково привести къ этому: война тѣмъ, что губитъ торговлю, а миръ тѣмъ, что способствуетъ возникновенію конкуррирующихъ фабрикъ; это заработная плата, которая, какъ говоритъ Адамъ Смитъ, все понижается и будетъ далѣе понижаться до тѣхъ поръ, пока не останутся, съ одной стороны, груды денегъ, а съ другой—груды мертвыхъ тѣлъ. Вотъ раны Англіи, зіяющія, застарѣлыя, неизлечимыя раны, и никакая другая нація не представляетъ въ данный моментъ столь жалкой и печальной картины... Я разсмотрѣлъ,—прибавляетъ Ledru-Rollin,—всѣ системы, я изслѣдовалъ всѣ перспективы, всѣ возможныя эволюціи; я испробовалъ всѣ выходы и повсюду я нашелъ эти зловѣщія слова: *Паденіе Англіи!*» *).

Эти предсказатели гибели Англіи забыли о томъ, что богатство есть необходимое условіе матеріальнаго и интеллектуальнаго подъема массъ. Тамъ, гдѣ матеріальнаго богатства нѣтъ, существованіе народныхъ массъ почти всегда похоже на жалкое прозябаніе. Если индустріальная эволюція и повлекла за собой много прискорбныхъ явленій, то не слѣдуетъ забывать, что она въ то же самое время является неоспоримой причиной увеличенія богатства страны, и что, вслѣдствіе этого, она дѣлаетъ возможнымъ, при болѣе правильномъ распредѣленіи, значительное поднятіе Standard'a of life народныхъ массъ.

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду еще того обстоятельства, что положеніе государственныхъ и коммунальныхъ финансовъ, бывшее въ прежнія времена столь тяжелымъ и ненадежнымъ, въ виду ограниченности матеріальныхъ средствъ, стало въ настоящее время, благодаря развитію промышленности, сравнительно блестящимъ. Это же развитіе промышленности дало средства для поднятія уровня народнаго образованія и для цѣлаго ряда другихъ культурныхъ реформъ.

І. Гольдштейнъ.

Мюнхенъ, февраль 1898.

---

*) Ledru-Rollin. «De la Décadence de l'Angleterre», Paris, 1850, стр. 7 и слѣд.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РОСКОШИ.

(*Продолженіе*).

VIII.

Греція.

«La cité du commerce et des arts devait être la cité du luxe». (Baudrillart).

Музеи, наши лучшіе учителя древности, часто даютъ невѣрный оттѣнокъ нашему пониманію старины. Трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія холода, которымъ вѣетъ отъ безмолвнаго мрамора, отъ величавыхъ, но мертвыхъ остатковъ былого. Эти призраки, свидѣтели невозвратнаго, пугаютъ насъ, пока мы не сроднимся съ ними. Надо вернуть имъ прежнюю обстановку, тотъ воздухъ, которымъ они дышали, надо не умомъ, а чувствомъ понять ихъ правду, и тогда они станутъ для насъ такими же близкими и живыми, какъ все, что создавалось неумирающей природой и творчествомъ человѣка... Послѣ знакомства съ эллинскимъ зодчествомъ и скульптурой, послѣ чтенія Гомера или Софокла, мы проникаемся къ древнимъ грекамъ восторгомъ нѣсколько отвлеченнымъ. Освободиться отъ условности перваго впечатлѣнія возможно только, изучивъ детали ихъ быта. привыкнувъ къ интимной сторонѣ ихъ жизни. Греза минувшаго станетъ дѣйствительностью. Классическая окаменѣлость превратится въ полную движенія и солнца картину.

Заглянемъ въ доисторическую эпоху Илліады и Одиссеи. Греки въ то время совмѣщали въ себѣ безусловное варварство, грубость нравовъ, неотесанность инстинктовъ и вмѣстѣ тонко развитую художественность, проникавшую во всѣ проявленія ихъ жизни и вѣры. Тогда какъ у варваровъ Востока роскошь выражалась въ неумѣренномъ и чувственномъ блескѣ, у грековъ она сразу становится эстетичной въ высшемъ значеніи слова. Роскошь сливается съ искусствомъ, но не *тяготитъ* его. Эллинъ на первыхъ же шагахъ культуры обнаруживаетъ то *чутье мѣры*, то пониманіе таинственныхъ границъ въ искусствѣ, которыя присущи истиннымъ художникамъ, и это не только бла-

годаря безсознательному чувству, но вслѣдствіе тонкой и отчетливой, какъ золотая чеканка, *критической способности*. Въ эллинѣ преобладаетъ умъ надъ чувствомъ, умъ цѣпкій, гибкій и въ то же время измѣнчивый и наивный. Въ немъ все тревожно возвышенное, все мучительное и мистическое словно дремлетъ, проявляясь только рѣдкими вспышками; за то всѣ земныя двери для него открыты. Онъ не углубляется внутрь, не раскидывается вширь, но охватываетъ окружающіе предметы: это умъ — не созерцательный и не всеобъемлющій, а умъ *пластическій*. Когда эллинъ разсуждаетъ или описываетъ, онъ какъ будто лѣпитъ. Ему чужды параболы и символы, загадочный туманъ образовъ, за которыми таится неопредѣленное. Онъ слишкомъ любитъ природу и вѣритъ въ нее, чтобы искать чего-нибудь за предѣлами *формы*. Позднѣе, когда философы Греціи подъ вліяніеміемъ Востока создали обширныя космологіи, они все-таки не избавились отъ этой національной ограниченности. Развѣ «округлые» атомы Демокрита не дань эллинской пластикѣ?

Религія грековъ есть рядъ пластическихъ образовъ, въ которыхъ все говоритъ о божественночеловѣческомъ, но нѣтъ ни единой черты, указывающей на сверхземное. Это прекрасные, хитрые, гордые боги, царствующіе надъ природой и улыбающіеся ей, въ вѣчной борьбѣ съ непобѣдимой Μοῖρα и, вѣчно занятые игрою съ людьми и взаимными интригами. Иногда къ нимъ примѣшивается комическій элементъ; рѣже элементъ страшнаго, зловѣщаго... Они не сострадательны; ихъ благосклонность не переходитъ извѣстныхъ границъ высокомѣрной доброты, они любятъ роскошь и богатыя приношенія людей; они тщеславны, чувственны и легкомысленны. Зевсъ, державный старецъ, колеблющій кудрями многохолмный Олимпъ, не разъ съ высоты своего заоблачнаго трона опускалъ глаза, увлажненные страстью, на земныхъ красавицъ и красавцевъ; а жемчужина волнъ—Афродита, поясъ которой таилъ всѣ чары любви, «огонь желанія, просьбы и льстивыя рѣчи, затемняющія разумъ», часто измѣняла мужу, хромоногому Гефесту. Греки не были строги къ непостоянству и невѣрности. Эти любовники прекраснаго, съ душою извилистой, женственной и капризной, относились ко всему свободно и весело. «Все хорошее легко, все божественное несется на окрыленныхъ ногахъ», говоритъ одинъ великій поклонникъ культуры грековъ. Въ этомъ, дѣйствительно, заключалась жизненность ихъ искусства и красота ихъ жизни.

Изучая исторію Греціи, забываешь ея темныя, порою трагическія стороны. Тамъ люди сливались съ природой въ одно торжествующее созвучіе; тамъ все дышало радостью бытія—беззаботнымъ расцвѣтомъ человѣческихъ силъ, мелодичной простотой міросозерцанія.

Что такое Эллада? Очень небольшой клочекъ земли, глубоко изрѣзанный по краямъ, съ теплымъ, умѣреннымъ климатомъ, съ тихою далью моря, съ прозрачно-лазурными небесами. Когда-то подъ этимъ

небомъ вился темный плющъ, расцвѣталъ золотой шафранъ, шелестѣли рощи оливъ, кипарисовъ, миртъ, олеандровъ, гдѣ пробѣгалъ священный трепетъ молитвъ и куреній. Когда-то по поверхности этого моря, маслянистой, словно облитой виномъ, какъ выражается Гомеръ, плыли изогнутыя ладьи Данаевъ, обшитыя мѣдью, разубранныя пестрою тканью, избѣгая опасныхъ мѣстъ, гдѣ слышались коварныя пѣсни сиренъ. Верхи горъ, усѣянныхъ пурпурными цвѣтами ѳиміама, золотились на солнцѣ, какъ шапки мидійскихъ царей. Въ завороженныхъ долинахъ бродилъ съ толпою менадъ Діонисъ—богъ опьяненій, а въ гротахъ злые сатиры и пугливыя нимфы водили хороводы.

Въ этой странѣ, вдоль извилистыхъ рѣкъ или на морскомъ берегу, были разбросаны небольшіе города. Эллины торговали съ пріѣзжими купцами изъ Финикіи, обрабатывали землю, поклонялись богамъ, занимались атлетическими упражненіями между музыкой и пляской, и постоянно вели мелкія войны. Объ ихъ роскоши въ раннія героическія времена сохранились описанія въ пѣсняхъ Илліады и Одиссеи. То былъ вѣкъ бронзы; желѣзо цѣнилось очень высоко и употреблялось въ исключительныхъ случаяхъ, или какъ дорогое украшеніе: Агамемнонъ—«царь многозлатной Микены»—надѣваетъ мѣдныя поножи съ серебряными застежками и полосатыя латы съ двумя ползущими, какъ радуги, сизыми (желѣзными) змѣями; а на серебряномъ ремнѣ, сдерживающемъ его «бурный щитъ», на которомъ свирѣпая Горгона простерла Ужасъ и Бѣгство, изображенъ сизый драконъ, съ тремя сплетающимися головами *). Дома ахеянъ были очень просты по наружному виду, но внутри ихъ уже находились въ эпоху Одиссеи ванны, кухни, помѣщенія для рабовъ и рабынь, кладовыя, гдѣ сохранялась драгоцѣнная утварь: чаши для вина, сосуды для возліяній, урны для пепла. Въ жилищѣ Алкиноя были мѣдныя стѣны, увѣнчанныя полосами «лазоревой стали», притолки изъ серебра и золотыя двери; справа и слѣва отъ нихъ безсмертными стражами стояли изображенія собакъ изъ серебра и золота, «хитрой работы искуснаго бога Гефеста», и «обѣгая стѣны, во внутренность шли отъ порога лавки богатой работы»... **). Постели отдѣлывались золотомъ, слоновою костью, серебромъ, такъ же, какъ музыкальные инструменты: Ахиллесъ «услаждалъ свое сердце лирою звонкой, пышной, изящно украшенной, съ сребряной накольней сверху» ***). Драгоцѣнныхъ камней тогда еще греки не знали; у Гомера только разъ упоминается карбункулъ, а янтарь считается рѣдкостью.

Но главною роскошью было золото. Плавкое, мягко-лучистое, непобѣдимое временемъ, то могучее и тяжелое, то поддающееся всѣмъ мечтамъ кружевной работы—золото получило въ рукахъ грековъ тысячи примѣненій. Мы можемъ судить объ этомъ не только по разсказамъ

---

*) Илліада.

**) Одиссея, VII.

***) Илліада, IX.

Гомера, но по удивительнымъ находкамъ Шлимана. Эллинъ былъ волшебникомъ золота раньше, чѣмъ сдѣлался царемъ и поэтомъ мрамора. Что можетъ быть прекраснѣе тѣхъ стиховъ Гомера, гдѣ онъ описываетъ золотыя издѣлія? Царь Улиссъ носилъ пурпурную мантію съ золотыми пряжками, на которыхъ былъ изображенъ «грозный пёсъ и въ сильныхъ когтяхъ у него молодая лань». Художникъ украшалъ «золотыми голубицами» застольные фіалы; золотилъ колесницы, сбрую коней и рога жертвенныхъ быковъ. Онъ чеканилъ изъ золота щиты для героевъ и маски для царственныхъ мертвецовъ. Онъ глядѣлъ на міръ и выливалъ изъ золота все, что представлялось его глазамъ: «землю и море, солнце въ пути неистомное, полный мѣсяцъ, всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо»... *). Золото мерещится на каждой страницѣ великаго эпоса. Восьмая пѣсня Илліады начинается словами: «Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею». Ахиллесъ, раздраженный противъ Агамненона, восклицаетъ, что не возьметъ себѣ въ жены его дочери, хотя бы красотою она спорила со «златой Афродитой» **). Хромоногаго Гефеста поддерживали прислужницы «золотыя, живымъ подобныя дѣвамъ прекраснымъ» ***). Коварная Гера, «царица златопрестольная», приходитъ къ Зевсу нарядная и благоухающая, на вершину индійской горы. Кроніонъ вновь очарованъ ею, и тогда божественное ложе окутываетъ «золотое облако», орошая землю свѣтлой влагой ****). Олимпійцы любили пиры. То и дѣло боги «у Зевса-отца на помостѣ златомъ засѣдая, мирно бесѣду ведутъ; посреди ихъ цвѣтущая Геба нектаръ кругомъ разливаетъ, и, кубки пріемля златые, чествуютъ боги другъ друга, съ высотъ на Трою взирая». И люди подражали имъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, передъ битвою или послѣ битвы, отъ горя и отъ радости, герои одѣвались въ «узорныя» ткани и за чашею вина готовились къ новымъ побѣдамъ.

Всѣ приведенныя подробности говорятъ намъ о раннемъ развитіи искусства у грековъ, но не указываютъ еще на *роскошь* въ ея узкомъ значеніи. Не слѣдуетъ всегда довѣрять пышному звону гомеровскихъ эпитетовъ. Эллины любятъ торжественность словъ и преувеличенія; у нихъ самый обыкновенный ужинъ называется пиршествомъ. Правда, вся Илліада и Одиссея проникнута шелестомъ «пурпуровыхъ ковровъ», блескомъ металлическихъ украшеній и запахомъ жареныхъ овецъ, быковъ и козъ; но въ общемъ бытъ грековъ того времени чрезвычайно простъ; золото и серебро были такъ распространены оттого, что не вошли еще въ употребленіе другіе матеріалы. Завоеватели древней Трои были далеки отъ какой бы то ни было изнѣженности, не знали простѣйшихъ удобствъ и въ этомъ отношеніи значительно отличались

---

*) Илліада, XVIII.

**) IX.

***) XVIII.

****) XIV.

отъ троянцевъ, которыхъ коснулась роскошь востока. Красавецъ, избалованный Парисъ, въ сущности—образецъ роскоши и сладострастія. Троянки умащали себѣ тѣло благовоніями и кокетничали изяществомъ головныхъ уборовъ, причемъ и мужчины не уступали имъ. Жены эллиновъ—проще. Дуновеніе Запада придало имъ иной характеръ. Правда, онѣ носили длинныя платья съ золотыми застежками, ожерелья, серьги съ тремя подвѣсками и запястья, усѣянныя янтаремъ, но онѣ нисколько не напоминаютъ красавицъ гаремовъ. Тихая, нѣжная Пенелопа, кроткая Навзикая, страстная Клитемнестра, Электра... вся эта вереница то любящихъ и преданныхъ, то жестокихъ и властныхъ женскихъ образовъ близка намъ своей вдумчивой граціей и возвышеннымъ лиризмомъ.

IX.

Вліяніе роскоши на искусство и жизнь Греціи мѣняетъ свой характеръ въ зависимости отъ разныхъ эпохъ ея историческаго развитія. Мы коснулись въ общихъ чертахъ гомеровской роскоши и отмѣтили ея чисто художественное направленіе. Въ тотъ періодъ воинственной простоты и неизбалованности народъ только накоплялъ силы, вынашивалъ подъ вліяніемъ окружающей природы и столкновеній съ сосѣдями задатки самостоятельнаго творчества; земля вспахивалась для будущей жатвы. Искусство не могло еще проявиться во всей полнотѣ. Музы не вышли еще изъ первобытнаго хаоса. Поэзія, пѣніе и танцы сливались съ религіознымъ культомъ, а пластика и живопись были только *предчувствіями*. Во второй періодъ роскошь дѣлаетъ быстрые успѣхи и продолжаетъ питать народившееся искусство. Міровоззрѣніе эллиновъ расширилось. Ихъ миѳологія обогатилась новымъ содержаніемъ подъ вѣяніемъ египетскаго мистицизма, такъ же, какъ ихъ бытъ — подъ вліяніемъ Финикіи, а позднѣе изнѣженныхъ персовъ. Но чрезмѣрныя богатства еще не притупили вкуса, не пресытили воображенія. Роскошь дала только возможность развиться художественнымъ мотивамъ, выраженнымъ сначала въ наивномъ, грубоватомъ видѣ; она увеличила въ грекахъ потребность къ изысканному и, поощряя ихъ національную гордость къ художественнымъ излишествамъ, постепенно подготовила Грецію къ «золотому вѣку» Перикла. Начиная съ Кимона, который предпринялъ цѣлый рядъ построекъ: храмъ Тезею, южную стѣну Акрополя, храмъ Побѣды,—гимназію, громадные суммы расходуются на созданіе памятниковъ зодчества и ваянія, и съ этою цѣлью отовсюду привозятся драгоцѣнные матеріалы. Слоновая кость, мраморъ, мозаика, золото, живопись наполняютъ храмы и частныя зданія великолѣпіемъ красокъ, благородствомъ изысканныхъ формъ. Въ какія-нибудь 50—60 лѣтъ Аѳины, сосредоточивъ въ себѣ геній націи, воплотили лучезарную мечту красоты, которой до сихъ поръ гордится все избранное человѣчество... Это—высшій моментъ въ греческой культурѣ. Но

въ немъ уже есть признаки упадка. Такъ, во всякомъ распустившемся цвѣткѣ, въ лучшую пору обаянія и силы, таится увяданіе. Вдохновеніе народа не безпредѣльно; когда-нибудь оно должно исчерпаться. Къ тому же, греки были слишкомъ подвижны и впечатлительны для долговѣчнаго и прочнаго развитія. Изъ рукъ Перикла Аѳины перешли къ Алкивіаду, а немного спустя склонили голову передъ Македоніей. Грепія отразила нашествіе персовъ и потомъ покорила полъ-міра подъ предводительствомъ Александра, но въ сущности ея исторія была постепеннымъ подчиненіемъ Востоку. Пройдя побѣдоносно черезъ Африку и Азію, греки переняли всю безсильную испорченность покоренныхъ народовъ. Паденіе эллинскаго духа въ александрійскій періодъ сказывается во всемъ—въ искусствѣ, религіи и нравахъ. Благородная роскошь Кимона и Перикла, выражавшая подъемъ національныхъ силъ, уже при Алкивіадѣ переходитъ въ удовлетвореніе чувственныхъ прихотей и достигаетъ какого-то безумія расточительности въ царствованіе великаго завоевателя-космополита и его преемниковъ. Искусство, создавшее Парѳенонъ, искусство увѣренное, безконечно разнообразное, несмотря на свою дѣвственную ясность, во вторую половину пятаго вѣка становится тоньше, мягче, фантастичнѣе, съ оттѣнкомъ чувственности и тревоги. Дорическая колонна, въ которой какъ бы вылилась мужественная простота Спарты, смѣщается іоническимъ ордеромъ и теряется въ прихотливыхъ завиткахъ коринѳскаго стиля. Капители и скультурныя украшенія храмовъ тяжелѣютъ; единство утрачивается въ роскоши деталей, а статуи боговъ забываютъ свое торжественное спокойствіе, въ то время, какъ эллиновъ все болѣе и болѣе подчиняетъ нѣга Востока. Фидіасъ, его ученики Алкаменъ съ Асракритомъ и его соперникъ Поликлетъ, создатель «Геры» и женскихъ фигуръ-канефоръ, — выразители религіозно-героической идеи; ихъ изображенія были величественно-прекрасны и объективны, какъ стихи Илліады. Но уже нѣсколько ранѣе сказываются задатки другого направленія. Миронъ—творецъ «Дискобола», скорѣе эстетикъ движенія, чѣмъ искатель строгой красоты; въ Диметріи были наклонности настоящаго натурализма. Въ IV в. вмѣстѣ съ разростаніемъ коринѳскаго ордера и съ разложеніемъ греческой національности, скульптура дѣлается сложнѣе, духовнѣе, тревожнѣе. Пракситель вводитъ въ нее женственную грацію; Скопасъ — вдумчивость и чувственное напряженіе. Его «Пляшущая Вакханка», судя по описаніямъ—цѣлая буря въ мраморѣ, а «Влюбленный Арей», несмотря на классическія мышцы, сентиментально нѣженъ и не похожъ на гомеровскаго бога. Наконецъ, со временъ Александра Македонскаго искусство принимаетъ эклектическій оттѣнокъ, дробится на различныя школы и заражается роскошью размѣра. Аѳиняне строятъ громадный храмъ Зевсу съ коринѳскими колоннами, вышиною, приблизительно въ 60 фут. Хоресъ, ученикъ Лизиппа, воздвигаетъ въ гавани Родоса каменнаго гиганта, у котораго между ногами могли проплывать

корабли. На томъ же островѣ было поставлено около сотни другихъ статуй-великановъ...

Исторія греческаго искусства связана съ развитіемъ религіозной роскоши. Сначала богослуженія происходили подъ открытымъ небомъ, сопровождаясь пѣснями, пляской и празднествами въ честь боговъ. Храмовъ еще не было; вмѣсто священныхъ статуй, чтили просто куски дерева или камня, которымъ приписывалось небесное происхожденіе. Изъ нихъ понемногу выработались формы, имѣвшія подобіе человѣческаго тѣла. Въ Аргосѣ Гера изображалась невысокой колонной, а на островѣ Самосѣ—обломкомъ скалы; два чурбана, соединенные перекладиной, напоминали спартанцамъ братьевъ-близнецовъ, Кастора и Поллукса—грубые намеки на ваяніе, которымъ суждено было вскорѣ развиться въ цѣлую поэму пластическихъ красотъ... Первобытныя изображенія боговъ толпа наряжала въ платья, обвѣшивала побрякушками; уже позднѣе, на Этнѣ статуя молодого Посейдона покрывалась—въ зависимости отъ времени года — то льняною, то шерстяною тканью. Божествамъ дѣлали и другіе подарки: вѣнки изъ розъ и лавра, треножники, вазы... По мѣрѣ того, какъ приношенія становились богаче, изящнѣе, измѣнялся и самый видъ идоловъ. Въ деревянныя фигуры вставляются отдѣльныя части изъ мрамора или слоновой кости: головы, руки, ноги; покровъ драгоцѣнныхъ металловъ замѣняетъ одежды.

Мотивы восточнаго искусства, унаслѣдованные Греціей, облагораживаясь ея чуткимъ геніемъ до неузнаваемости, даютъ пищу ея художественнымъ начинаніямъ. Плоды ветхихъ, полумертвыхъ цивилизацій, согрѣтые небомъ Эллады, оживаютъ и даютъ свѣжіе ростки. На старинныхъ вазахъ Танагры, гдѣ по изжелто-розовому основанію темные узоры чередуются съ миѳологическими сценами, ясно выражены заимствованія у Востока, но здѣсь уже формы Египта и Ассиріи стали правдивѣе, мягче, утративъ долю своей безжизненной угловатости. То же произошло и съ египетской, такъ называемой «протодорической» колонной. Греки съумѣли придать ей ту гармоничную упругость, тайна которой имъ однимъ была извѣстна... Однако ваяніе достигаетъ совершенства только послѣ эпохи персидскихъ войнъ, освободившись отъ подражанія восточнымъ образцамъ.

Когда греки научились строить храмы, вокругъ ихъ алтарей стали собираться всевозможныя издѣлія художниковъ, въ видѣ пожертвованій, издѣлія, не слѣдовавшія опредѣленному шаблону, каждый приносилъ то, что хотѣлъ. Боги были тонкими цѣнителями изящнаго, но не порабощали эстетическаго вкуса. Эта свобода религіи должна была отразиться и на свободѣ искусства. Чувство прекраснаго, не стѣсняемое никакими рамками, развитое пластическимъ пониманіемъ природы, культомъ человѣческаго тѣла, любовью къ предметамъ роскоши—вотъ что воспитывало великихъ художниковъ Греціи, которые скоро научились безукоризненно владѣть мраморомъ, бронзой и слоновой костью,

пользуясь блескомъ золота, чтобы оттѣнять отдѣльныя части изображеній: волосы, бороду или одежду. Отсюда такъ назыв. «хрюзелефантическое» ваяніе. Что же касается статуй, цѣликомъ литыхъ изъ золота, то онѣ встрѣчались весьма рѣдко. Греки обладали слишкомъ большимъ критическимъ смысломъ для того, чтобы подавлять воображеніе богатствомъ матеріала, какъ это дѣлали семиты. Они съумѣли во-время остановиться. Отдавая должное роскоши, они смотрѣли на нее какъ на дополненіе чистаго искусства, а не наоборотъ. Но для насъ особенно важно отмѣтить то значеніе, которое греки приписывали именно *матеріалу*. Они употребляли паросскій мраморъ, весь испещренный слюдяными блестками, напоминающій крупно-зернистый сахаръ; мраморъ пентеликонскій съ рѣдкими блестящими крапинками, дѣвственно-бѣлый, какъ снѣгъ; каррарскій мраморъ, гладкій, съ матовымъ блескомъ и оттѣнкомъ легкой восковой желтизны. Греческіе храмы въ періодъ расцвѣта строились цѣликомъ изъ пентеликона; вотъ почему сооруженіе Пропилеевъ, порученное зодчему Мнезиклесу, обошлось дороже 2.000 талантовъ, т. е. въ сумму, превышающую ежегодный доходъ Аѳинъ. Можно себѣ представить, сколько денегъ было затрачено на Пареенонъ! Знаменитый Зевсъ Фидіаса стоилъ 40 талантовъ, что составляетъ на наши деньги болѣе милліона рублей. Эта статуя имѣла въ вышину около 12 метровъ. Народъ долго совѣщался съ художниками о томъ, изъ чего лучше ее сдѣлать. Напрасно старался доказать Фидіасъ, что мраморъ прочнѣе, чѣмъ слоновая кость, которая легко даетъ трещины отъ сухости воздуха (для предупрежденія этой порчи впослѣдствіи были устроены колодцы). Фидіасъ попробовалъ возразить, что мраморъ обойдется гораздо дешевле; ему велѣно молчать; экономія относительно божества казалась аѳинянамъ кощунствомъ. По описаніямъ современниковъ, тѣло Зевса было изъ слоновой кости, кудри и борода изъ золота, хитонъ—золотой, эмальированный. Въ составъ трона входили и черное дерево, и кость, и драгоцѣнные металлы *). У другого изображенія Фидіаса, у «Пареенонской Аѳины», глаза были сдѣланы изъ сапфира. Даже суровая Спарта богатствомъ своихъ боговъ почти не уступала Аѳинамъ.

Такимъ образомъ, искусство грековъ, чуждое той отвлеченности которую многіе ему приписываютъ, было неразрывно связано съ роскошью, съ матеріаломъ. Но другой вопросъ, есть-ли вообще эта связь условіе высокого творчества? Такое положеніе, большею частью, подтверждается. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы смотримъ на гипсовую копію съ какой-нибудь работы Праксителя, то невольно воображаемъ себѣ мраморъ и, быть можетъ, не новый, блестящій мраморъ, а немного пожелтѣвшій отъ времени, мраморъ, облагороженный древностью. Это *чувство матеріала* отчасти связано съ нашими осязательными инстинк-

*) Гнѣдичъ. «Исторія искусствъ». I, 120.

тами. Сущность скульптуры (помимо психологическаго элемента) заключается въ формѣ, въ пластическомъ ритмѣ, въ томъ чередованіи изгибовъ и выпуклостей, которые мысленно мы какъ бы *осязаемъ*. Любуясь красотою формы, мы не можемъ забыть вещества; намъ не безразлично, сдѣлана ли статуя изъ бронзы, или изъ глины. Восковыя фигуры отчасти потому производятъ такое непріятное впечатлѣніе, что онѣ вылѣплены изъ воска. Достоинство матеріала—необходимая составная часть въ произведеніяхъ искусства, но трудно сказать въ чемъ заключается это *достоинство*. Мы сознаемъ, напр., что работы Челлини проиграли бы въ художественномъ отношеніи, если-бы не были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, что Парѳенонъ, сложенный изъ кирпича, не тождественъ мраморному Парѳенону, хотя бы внѣшнимъ видомъ они не отличались другъ отъ друга. Отчего это происходитъ? Возможно сказать, что все тутъ объясняется степенью прочности матеріала. Наслаждаясь эстетически, мы не довольствуемся минутнымъ впечатлѣніемъ, но какъ-бы заглядываемъ впередъ. Прочность въ искусствѣ придаетъ ему обаяніе долговѣчности. Мы спокойно любуемся статуей, когда знаемъ, что ей не грозитъ время. Но представимъ себѣ, что она сдѣлана изо льда, прекрасныя ледяныя формы почти нематеріальны, настолько мимолетно ихъ существованіе; дуновеніе тепла способно ихъ расплавить... Мысль о неизбѣжности предстоящаго разрушенія сначала встревожила-бы насъ, но, привыкнувъ къ ней, мы навѣрное стали бы меньше дорожить самой статуей и любить ея красоты. Непрочность, недолговѣчность придаютъ искусству отпечатокъ оскорбительнаго обмана, фальши. Это объясненіе, вѣрное во многихъ случаяхъ, одностороннее. Мраморъ самъ по себѣ прекрасенъ, и наиболѣе устойчивая разновидность его не значитъ наиболѣе художественная. Приведенный нами примѣръ и выборъ матеріала для Зевса Фидіаса уже доказываетъ, что греки не руководствовались только идеей прочности, но въ нѣкоторыхъ случахъ ставили выше внѣшнюю цѣнность. Должно быть имъ казалось, что мраморъ однообразенъ въ большой массѣ, что слоновая кость съ золотомъ лучше выдѣляется среди украшеній Парѳенона. Съ другой стороны, для большихъ статуй они предпочитали бронзу, а не золото, и это намъ вполнѣ понятно, хотя золото прочнѣе и лучше подходитъ, напр., къ миніатюрнымъ издѣліямъ. Итакъ, несмотря на важную роль въ искусствѣ, достоинство матеріала есть нѣчто весьма неопредѣленное и зависитъ отъ прочности, отъ внѣшняго изящества матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ обстановки, отъ назначенія и размѣровъ художественныхъ произведеній. Мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ условнымъ и очень сложнымъ, такъ же не поддающимся точному анализу, какъ само эстетическое чувство...

Коснемся еще интереснаго вопроса. Какъ извѣстно, греки пользовались архитектурной раскраской. По свидѣтельствамъ современниковъ, по уцѣлѣвшимъ краскамъ на многихъ памятникахъ можно безспорно

заключить, что отдѣльныя части строеній, а иногда и все зданіе цѣликомъ, покрывались различными цвѣтами: блѣдной охрой, сурикомъ, зеленью... На Эгинѣ весь храмъ былъ расписанъ, начиная съ карниза, крыши, архитрава и кончая самой почвой. То же самое можно сказать относительно развалинъ Пестума и Сициліи. Слѣды красокъ найдены даже на барельефахъ Пароенона; по словамъ историковъ, стѣна вокругъ трона Зевса была окрашена въ голубой цвѣтъ. Декоративная живопись одѣвала греческіе храмы въ яркіе, ликующіе тона: стройныя сочетанія желтаго цвѣта съ краснымъ и коричневымъ, кармина съ зеленымъ или голубымъ покрывали колонны, миоологическіе барельефы и лиственный узоръ орнамента; львиныя морды водостоковъ золотились на карнизахъ; позолота легкою сѣтью охватывала мраморъ... и все это вырѣзалось на блѣдно-синемъ фонѣ неба, на черной зелени кипарисовъ, горѣло и нѣжилось въ царственномъ блескѣ солнца.

Греки точно также (по крайней мѣрѣ въ извѣстную эпоху) *окрашивали статуи*. На первый взглядъ трудно съ этимъ примириться. Сочетаніе ваянія и живописи! Намъ кажется святотатственнымъ посягательство на цѣломудренную бѣлизну мрамора. Мы ищемъ въ искусствѣ не *подражанія* природѣ, а только *выдѣленія* изъ ея смѣшанныхъ измѣнчивыхъ проявленій, изъ того хаотическаго матеріала, который даетъ намъ міръ отдѣльныхъ его сторонъ: такъ музыка выдѣляетъ звуки, скульптура—форму. Все это очень старо и очень вѣрно, но не въ абсолютномъ смыслѣ. Дѣйствительно, развѣ статуя лишена *цвѣта*? Сама природа окрашиваетъ ее свѣтомъ и тѣнями. Отъ мраморной скульптуры есть цѣлый рядъ переходовъ къ цвѣтному ваянію. Бронза уже не передаетъ *формъ* въ безцвѣтной чистотѣ; а бронза съ эмалью, слоновая кость съ золотомъ и, наконецъ, маіолика? Возможно и нужно ли такое отвлеченное созерцаніе, въ которомъ забывается все, кромѣ пластики? Нисколько; мы въ состояніи, и то по необходимости, лишь приближаться къ нему, напримѣръ, изучая древніе памятники по плохимъ копіямъ въ музеяхъ. Приходится дѣлать громадное усиліе воображенія, хотя бы для того, чтобы забыть оскорбительную позолоту на мантіи Зевса въ нашемъ Эрмитажѣ, или сѣрый, мертвенный оттѣнокъ современныхъ гипсовъ. Но греки не нуждались въ этомъ музейномъ идеализмѣ. Греки не покрывали сусальнымъ золотомъ одеждъ своихъ мраморныхъ боговъ. Наоборотъ, мы видѣли съ какой заботливостью они относились къ выбору матеріаловъ для искусства, понимая, что только въ полнотѣ впечатлѣнія заключается тайна, жизненность красоты. Греки такъ безконечно превосходятъ насъ въ художественномъ отношеніи, что было бы преступленіемъ подозрѣвать ихъ въ безвкусіи и думать, что расписанныя ими статуи хоть сколько-нибудь походили на знакомыя намъ окрашенныя фигуры изъ воска, которыя тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе напоминаютъ живыхъ людей. Скульптура, какъ это видно, напр., по горельефу «саркофага Александра», украшалась нѣжными гармоничными и при-

томъ вполнѣ *условными* тонами. Свѣтло-голубые, розоватые цвѣта чередуются съ золотомъ, «напоминая лучшія работы Севра; но только тутъ нѣтъ слащавой пасторальности севрскаго фарфора; это красивая лирическая поэма»... *). Можетъ быть, чистый мраморъ казался грекамъ черезчуръ бѣлымъ среди красочной природы и ослѣпительныхъ сіяній неба. Искусство для нихъ было такъ слито съ жизнью, съ солнцемъ, съ любовью, что они не могли стѣснять его никакими отвлеченными рамками и слушались только своего артистическаго такта. Блѣдно-розовой дымкой оживляли художники тѣла мраморныхъ изображеній, едва уловимымъ намекомъ кармина касались губъ; глаза оттѣняли эмалевой краской, а волосы—золотомъ или коричневыми тонами, идеализируя человѣческое тѣло кистью такъ же, какъ они облагораживали его рѣзцомъ...

Очень немногое сохранилось отъ греческой живописи. До насъ дошли только громкія имена Парразіевъ и Тиманѳовъ, да нѣсколько мало значущихъ образцовъ, найденныхъ въ Египтѣ. Зато мы знаемъ, что самые извѣстные мастера не считали для себя унизительнымъ украшать живописью стѣны и потолки частныхъ жилищъ. Павзіасъ и даже Зевксисъ чертили свои композиціи на самомъ обыкновенномъ фарфорѣ. Искусство въ Греціи не отдѣлялось отъ ремесла. Знаменитые бронзовщики съ острова Эгины, ювелиры, гончары и рѣзчики придавали своимъ издѣліямъ не только однообразіе техническаго совершенства, но и художественную самобытность. Работая для удовлетворенія роскоши, они вкладывали въ любое украшеніе вазы, лампы, стула или шлема ту одухотворяющую любовь, которою и отличается творчество отъ простой фабрикаціи.

«Художникъ былъ свободенъ въ тѣ дни,—говоритъ одинъ англійскій критикъ.—Онъ рисовалъ серебряною иглою и углемъ на пергаментѣ, на кедровомъ деревѣ; лѣпилъ изъ воска по слоновой кости и розовой терракоттѣ, распуская его въ оливковомъ маслѣ и прикрѣпляя затѣмъ раскаленнымъ желѣзомъ. Дерево, мраморъ и холстъ становились чудомъ, лишь только его кисть касалась до нихъ... Жизнь каждаго человѣка была его достояніемъ; жизнь купцовъ, торгующихъ на рынкѣ; пастуха, завернутаго въ плащъ и отдыхающаго на холмѣ; нимфы, спрятанной въ лавровыхъ кустахъ; фавна, что̀ въ полдень играетъ на свирѣли; жизнь царя, котораго носятъ рабы на своихъ лоснящихся плечахъ въ длинныхъ носилкахъ съ занавѣсками, склоняя надъ нимъ павлиньи перья. Мужчины и женщины проходили мимо художника съ радостью или печалью въ глазахъ; онъ всматривался во всѣ лица и тайна ихъ бытія принадлежала ему. Формою и краской онъ пересоздавалъ цѣлый міръ... Всѣ тонкія искусства были ему также знакомы. Ювелиръ подносилъ къ вращающемуся диску драгоцѣнные камни; и

*) Гнѣдичъ, I. 128.

аметистъ казался пурпурнымъ ложемъ Адониса, и по жилкамъ сердолика неслась Артемида со сворою гончихъ. На обратной сторонѣ серебрянаго зеркала онъ гравировалъ Ѳетиду, несомую нереидами, или Федру, больную отъ любви, или безумную Персефону, убирающую макомъ свои кудри. Гончаръ сидѣлъ у себя въ мастерской, и изъ-подъ молчаливаго колеса, точно цвѣтокъ, выростала въ рукахъ его ваза. Основаніе, ножку и ручки онъ украшалъ узоромъ нѣжной листвы оливъ и аканта или гребнемъ извилистой волны; потомъ черной или малиновой краской изображалъ юношей въ борьбѣ, пирующихъ боговъ, воиновъ, въ полномъ вооруженіи съ геральдическими щитами и причудливыми забралами... Иногда тонкими алыми чертами на бѣломъ основаніи онъ вырисовывалъ томнаго жениха съ невѣстой и порхающаго надъ ними Эрота, похожаго на ангеловъ Донателло, маленькое привѣтливое существо съ золотисто-лазурными крыльями. Другой разъ на краю широкой плоской чаши онъ изображалъ льва во время отдыха или пасущагося оленя, какъ ему вздумается. Афродита, занятая своимъ туалетомъ, улыбается намъ съ крошечнаго флакона для духовъ, а на кувшинѣ для вина пляшетъ Діонисій съ голыми ногами, обрызганными виноградымъ сокомъ...»

Несмотря на такую потребность въ изяществѣ, въ шестомъ вѣкѣ еще мало замѣтна роскошь въ смыслѣ чувственной изнѣженности. Дома въ городахъ очень скромны, большею частью деревянные; улицы узки. Въ одеждѣ едва замѣтно вліяніе восточныхъ образцовъ. Даже въ Аѳинахъ какъ будто еще чувствуется духъ Спарты. Эта воинственная община заслуживаетъ свою громкую славу врага роскоши. Въ исторіи нѣтъ другого примѣра большей воздержанности, большаго подчиненія личности коллективнымъ выгодамъ. Въ Спартѣ человѣкъ считается только *орудіемъ* государства. Съ первыхъ дней жизни его отнимали у родителей и сковывали неумолимыми предписаніями школы. Онъ не смѣлъ имѣть своихъ желаній и привязанностей, вездѣ подчинялся установленнымъ нормамъ. Рабъ общественнаго блага физически и нравственно, онъ могъ быть «гражданиномъ» и больше ничѣмъ. Законъ Ликурга запрещалъ всѣ ремесленныя занятія, ограничивалъ собственность, но, главнымъ образомъ, строго примѣнялся относительно всякаго поползновенія къ излишеству. Спартанцамъ не было дозволено употреблять для частныхъ построекъ чего бы то ни было, кромѣ пилы и досокъ. Позднѣе, іонійцы стали предпріимчивѣе въ домашнемъ обиходѣ. Выстроить домъ «на іонійскій ладъ» вошло въ поговорку.

Въ Аѳинахъ личность и собственность гражданина всегда были свободны. Аѳинянинъ жилъ открыто и разсѣянно. Влюбленный въ красоту и вмѣстѣ съ тѣмъ забавляющійся уродствомъ, то цѣнитель краснорѣчія, то уличный болтунъ, онъ постоянно двигался, рукоплескалъ и шикалъ, развлекаясь всякимъ зрѣлищемъ, прислушиваясь ко всѣмъ шорохамъ, долетавшимъ извнѣ. Несомнѣнно, что послѣ вторженія азіатовъ,

въ Греціи ощутилась замѣтная перемѣна. Аѳины наполнились тревогой пришлыхъ народностей, шумомъ противорѣчивыхъ ученій и религій. Знатные люди, долго сохранявшіе извѣстную простоту нравовъ, начали пользоваться своими преимуществами. Политика Перикла поощряла ихъ. Великолѣпіе общественныхъ зданій не могло не отразиться на частной обстановкѣ. Золото персовъ совершило свое дѣло. Среди десяти тысячъ домовъ, существовавшихъ въ городѣ, многіе пріобрѣли совершенно новый отпечатокъ изысканности. Ихъ наводнили произведенія искусства и литературы; на мебели появились яркія шелковыя ткани; съ Востока пахнуло цѣнными ароматами. Богачи стали соперничать между собою убранствомъ колесницъ, блескомъ нарядовъ и пировъ. Менѣе богатые граждане старались имъ подражать. Тщеславіе, на которое искусство не могло сѣтовать, вызвало роскошь золотыхъ и серебряныхъ чашъ. Спросъ на нихъ одно время былъ такъ великъ, что для людей, не имѣвшихъ возможности тратить большихъ суммъ, пришлось выдѣлывать сосуды изъ металла тонкаго, какъ бумага. Съ другой стороны, толпа неимущихъ, сильная, благодаря домократическому строю, тоже требовала свою долю наслажденія. И вотъ Периклъ, понимая, какъ важна для него популярность, не только разоряется на устройство народныхъ празднествъ и театральныхъ зрѣлищъ, но даже *награждаетъ деньгами* посѣтителей. Платонъ жалуется на такую чрезмѣрную щедрость, говоря, что она сдѣлала аѳинянъ жадными, лѣнивыми и непостоянными...

Алквіадъ превзошелъ своего предшественника. Если Периклъ расточалъ богатство изъ политическихъ цѣлей, то Алквіадъ самъ балованное дитя роскоши. Мы знаемъ, что его большою слабостью были собаки; за одну изъ нихъ онъ заплатилъ 70 минъ (около 2.500 руб.). Въ то же время распространилась любовь къ птицамъ, имѣвшая свое названіе—ὀρνιθομανία. Вполнѣ здравые люди положительно разорялись на мидійскихъ пѣтуховъ и павлиновъ. Послѣдніе были такъ рѣдки, что ихъ выставляли каждое новолуніе на показъ народу. У самого Алквіада была привычка носить за пазухой перепелку. Однажды она вылетѣла, испуганная апплодисментами благодарныхъ аѳинянъ, которые привѣтствовали Алквіада за раздачу денегъ. Толпа тутъ же бросилась въ догонку за птицей... Но это лишь маленькіе капризы аѳинскаго временщика. Вся жизнь его была направлена къ наслажденію; вся политика къ насилію. Онъ окружаетъ себя азіатской пышностью въ военныхъ походахъ и на публичныхъ играхъ; является къ народу въ длинныхъ одеждахъ изъ финикійскаго пурпура; онъ отнимаетъ у аѳинянъ для своихъ оргій сосуды, которые носились во время торжественныхъ процессій; смѣется надъ религіей, и на своемъ щитѣ замѣняетъ гербъ Аѳинъ изображеніемъ Эрота; онъ доходитъ до того, что позволяетъ своимъ слугамъ грабить богатыхъ гражданъ и лично даетъ пощечину Таврію за то, что тотъ посмѣлъ соперничать съ нимъ въ роскоши. Люди часто бого-

творятъ того, кто ихъ презираетъ, лишь бы въ его поступкахъ была мощь и красота. Алкиіадъ былъ человѣкъ богато-одаренный воображеніемъ, щедрый до великодушія, смѣлый до наглости, изящный до мелочей, порою взбалмочный и деспотичный, порою женственно-вкрадчивый, циникъ и мечтатель въ одно время, и онъ съумѣлъ побѣдить, очаровать Аѳины. По выраженію Аристофана, «народъ любилъ его, желалъ имѣть и ненавидѣлъ»... (Лягушки).

Азія была не только дурнымъ *примѣромъ* для грековъ; она развращала ихъ подкупомъ. Изъ Персіи перешло даже въ Спарту болѣе 5.000 талантовъ, не считая того золота, которое брали тайно сановники. Денежная спекуляція затмила эллинскій патріотизмъ. Рабовладѣльчество сильно возрасло, стремленіе къ покойной чувственной жизни, исключительная забота объ увеличеніи имущества развили въ грекахъ пренебреженіе къ гражданскимъ обязанностямъ и научили ихъ, уже въ эпоху борьбы съ Филиппомъ, замѣнять опустѣвшіе ряды воиновъ наемниками. Корыстолюбіе и трусость — вотъ болѣзни, противъ которыхъ такъ горячо возставалъ Демосѳенъ *). Чувственная роскошь — тоже болѣзнь этого вѣка. Мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

X.

Аристофанъ въ своихъ знаменитыхъ комедіяхъ-сатирахъ, гдѣ съ такимъ ѣдкимъ и скорбнымъ юморомъ выставлены пороки и глупость аѳинянъ, гдѣ такъ много безпощадной наблюдательности и укоризненнаго хохота, Аристофанъ, этотъ мудрецъ въ шутовскомъ колпакѣ, идеалистъ въ циничныхъ погремушкахъ, рисуетъ намъ яркую картину измельчанія и паденія эллинскаго духа. Между забавными прибаутками и градомъ беззастѣнчивыхъ выходокъ онъ вдругъ становится серьезенъ, призываетъ свою музу, суровую, дикую гармонію *), и, введя на сцену какое-нибудь аллегорическое лицо, его устами открываетъ современникамъ свое негодованіе, свои мечты. «Я покажу вамъ, каково было прежнее воспитаніе въ тѣ цвѣтущія времена, когда я учился справедливости и когда въ нравахъ царила скромность», говоритъ Справедливый въ комедіи *Облака*. Прежде всего считалось неприличнымъ, чтобы дѣти возвышали голосъ». По улицамъ мальчики одного квартала ходили къ учителю музыки всѣ вмѣстѣ, въ полномъ порядкѣ, голые, хотя бы снѣгъ валилъ, какъ мука сквозь сито; тамъ они садились на корточки и ихъ учили гимну: «Грозная Паллада, разрушительница городовъ» и «Крикъ, уносящійся вдаль»; они строго соблюдали величественную гармонію пѣсенъ, завѣщанную предками; если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ шалить и пѣть, измѣнивъ голосъ, скоро и небрежно, его тотчасъ же били и выгоняли, какъ врага музъ... Это воспитаніе

---

*) M. G. Perrot. «Demosthènes et ses contemporains».

*) Ахарняне. Хоръ.

дало намъ воиновъ Мараѳона! А теперь дѣтей учатъ съ пеленокъ кутаться въ гиматій! Я возмущаюсь, когда вижу, какъ они пляшутъ на Панаѳенеяхъ, держа передъ собою щиты и не думая о Палладѣ. Поэтому, молодой человѣкъ, не колеблясь, переходи на мою сторону. Я научу тебя ненавидѣть площади, бѣгать отъ бань, краснѣть отъ безчестныхъ дѣлъ, негодовать, если станутъ смѣяться надъ твоей стыдливостью, вставать передъ старшими, не огорчать родителей, не дѣлать ничего дурного, ибо ты долженъ быть образцомъ скромности». Какъ хорошо выражено въ первой сценѣ тѣхъ же *Облаковъ* дурное вліяніе женщины на нравы. Стрепсіадъ, несчастный старикъ, разоряемый сыномъ, въ бесѣдѣ съ рабомъ жалуется на свою жену: «Ахъ! пропади та сваха, что женила меня на твоей матери! Я жилъ въ деревнѣ, среди полей, счастливо, просто, безъ затѣй; у меня было много ульевъ, овецъ, оливокъ. Потомъ, я, мужикъ, женился на горожанкѣ, на племянницѣ Мегакла, женщинѣ тщеславной, мотовкѣ, пропитанной духомъ Кэзиры. Когда мы женились, отъ меня пахло дрожжами, фигами, овечьей шерстью, а отъ нея—благовоннымъ масломъ, шафраномъ, страстными поцѣлуями, роскошью, праздниками, пашнями да амурами... Какъ только родился у насъ, т. е. у меня и у моей доброй жены, вотъ этотъ сынокъ, мы заспорили объ имени. Она все прибавляла къ его имени коня, какъ-то: Ксантиппидъ, Хэриппидъ, Каллиппидъ, а я хотѣлъ назвать его въ честь дѣдушки Фидонидомъ (бережливый). Споръ продолжался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мы не сошлись на серединѣ и не назвали его Ѳидиппидомъ (бережливоконникъ). Уча его лепетать, мамаша говорила ему: «Хоть бы довелось мнѣ увидѣть тебя богатымъ, выѣзжающимъ съ тріумфомъ въ наши стѣны, подобно Мегаклу». А я твердилъ: «Хоть бы довелось мнѣ увидѣть тебя одѣтымъ въ кожу, какъ твой отецъ, и пасущимъ козъ на горѣ Фемейской». Но сынъ никогда не слушался моихъ рѣчей и его страсть къ лошадямъ убивала меня».

Гречанка первая поддалась иноземному вліянію, измѣнивъ традиціямъ старины. Этимъ объясняются проклятія, которыми осыпали ее моралисты. Обвиненіе женщинъ въ изнѣженности сквозитъ уже въ словахъ Гомера, обращенныхъ къ Еленѣ. Гезіодъ, относившій самое происхожденіе зла къ женщинѣ, какъ это дѣлается въ Библіи, называетъ ее ловушкой божества, созданной для наказанія человѣка за дерзкій поступокъ Прометея—пагубнымъ совершенствомъ, роковымъ чудомъ, прекраснымъ зломъ. Подобныя выраженія встрѣчаются и у греческихъ трагиковъ...

Роль гречанки въ исторіи роскоши была значительна. Уже въ законодательствѣ Солона есть нападки противъ женской расточительности; приданое невѣсты не должно было содержать болѣе трехъ нарядовъ и нѣсколькихъ малоцѣнныхъ сосудовъ; разрѣшалось носить платье только опредѣленнаго покроя и т. д. Врядъ ли когда-нибудь

женщины безропотно подчинялись этимъ строгимъ требованіямъ; по крайней мѣрѣ, богатыя аѳинянки скоро завоевали себѣ полную свободу въ области щегольства и моды. Начиная съ пятаго столѣтія, онѣ одѣваются въ длинныя мало-азійскіе или дорическіе хитоны съ узорной каймой—всѣхъ цвѣтовъ радуги, располагая на нихъ съ тонкой разсчетливостью складки и отвороты; носятъ шляпки различной формы, шелковые чулки, легкую обувь съ металлическими пряжками, и, предохраняя себя отъ загара, кокетничаютъ расшивными зонтиками восточнаго образца; завитые волосы онѣ сдерживаютъ посредствомъ обручей, сѣтокъ, гребней и булавокъ съ украшеніями въ видѣ золотыхъ колосьевъ, стрекозъ и бабочекъ, а иногда сложныхъ миѳологическихъ группъ... Винкельманъ описываетъ нѣсколько такихъ булавокъ, находящихся въ Неаполитанскомъ музеѣ: «Самая большая изъ нихъ,—говоритъ онъ,—длиною въ 8 вершковъ, заканчивается коринѳскимъ ордеромъ, надъ которымъ стоитъ Афродита, поправляя руками прическу; маленькій Эротъ подаетъ ей зеркало. На другой булавкѣ изображено объятіе Амура и Психеи». Аѳинянки, изъ желанія нравиться, не останавливались ни передъ чѣмъ; онѣ обвязывали вокругъ стана т. н. στρόφιον—нѣчто въ родѣ корсета; скрывали излишнюю худобу съ помощью искусственной груди и подушечекъ, а низенькія ростомъ ходили въ башмакахъ на толстой подошвѣ. Современницы Алкивіада пудрились, душились и румянились.

Женщина была участницей религіозныхъ процессій. На празднествѣ Панаѳеней дѣвушка, символизирующая Артемиду, ѣхала въ колесницѣ, окруженная хорами, жрецами и отрядомъ эфебовъ въ бѣлыхъ хитонахъ, одѣтая въ платье шафраннаго цвѣта; на головѣ ея сіялъ шлемъ Паллады; вокругъ шеи вилась лента, напоминающая эпитрахиль, тканная золотомъ и серебромъ, съ вышивкой, изображавшей борьбу кентавровъ съ ланиѳами. Впереди важно шествовали старцы, неся въ рукахъ оливы, а сзади толпа канефоръ и рабынь. Праздникъ заканчивался играми въ честь покровительницы—Аѳины. Но религіозный культъ грековъ, особенно въ позднѣйшую эпоху, не только отличался этой торжественной роскошью. Мистицизмъ Востока, пересаженный на новую почву, принялъ характеръ распущенности и сладострастія. Мы кое-что знаемъ объ элевзинскихъ мистеріяхъ, гдѣ совершали богослуженіе жрецы въ маскахъ, переодѣтые въ женскіе костюмы, гдѣ подъ личиною таинства часто скрывался развратъ. Величавый миѳъ Деметры и Пересфоны сталъ просто предлогомъ для неистовой уличной забавы. На діонисійскихъ процессіяхъ мужчины, обвитые виноградными листьями, держа на длинныхъ шестахъ циничныя фигуры, ѣхали верхомъ на ослахъ, въ подражаніе Силену; женщины слѣдовали за ними съ пѣніемъ и криками, опьяненныя вакхической пляской. «Іахъ, Іахъ, о Іахъ!» разносились повсюду возгласы, прославляя Діониса. Запахъ растеній и свѣжихъ плодовъ, сорванныхъ

крестьянами для праздника, смѣшивался съ чадомъ дымныхъ факеловъ, покрывавшихъ заревомъ небо. Судорожное веселье царило въ толпѣ.

«Явился онъ, потрясая огненнымъ факеломъ, о Іахъ, Іахъ, свѣтило яркое ночного посвященія, и залитъ свѣтомъ лугъ—поетъ хоръ Аристофана *).—Старики быстро передвигаютъ ногами и забываютъ о печаляхъ старости и о долгихъ тяжелыхъ годахъ прежней жизни; они хотятъ участвовать въ твоемъ священномъ торжествѣ... Храните благоговѣйное молчаніе и дайте мѣсто нашему хору, всѣ тѣ, кто чуждъ этимъ звукамъ... Вы же запойте пѣсни и гимны ночные. Идите смѣло въ цвѣтущія долины, тактъ отбивая ногами, шутя, веселясь и смѣясь; довольно вѣдь вы напостились. Идите и пойте во славу нашей богини-защиты» **). Въ другомъ мѣстѣ такъ призываетъ Вѣстникъ на роскошный пиръ бога: «Бѣги скорѣе на праздникъ и неси съ собою корзину и чашу; тебя приглашаетъ жрецъ Діониса. Спѣши! ждутъ только тебя, чтобы сѣсть за столъ; все готово: столы, подушки, одѣяла, вѣнки, ароматы, сласти, гетеры, лепешки, пироги, кунтужный хлѣбъ, марципаны, хорошенькія танцовщицы; тебя ждутъ тамъ всевозможныя удовольствія Гармодія» ***).

Продолжительные пиры были страстью грековъ, за столомъ они размышляли, пѣли, сочиняли стихи, слушали музыку и любовались танцами. Какъ извѣстно, въ гомеровскіе дни пляска исполнялась мужчинами и носила священный характеръ; но потомъ, оставаясь религіозными вблизи храма, танцы превратились въ забаву богатыхъ людей. Женщина придала имъ свою гибкую грацію, чувственное обаяніе. Въ Коринѳѣ было въ модѣ угощать гостей пластической пляской рабынь и гетеръ: онѣ надѣвали легкія, прозрачныя ткани съ разрѣзомъ сбоку или просто тигровыя шкуры, на подобіе вакханокъ, и быстро кружились подъ звуки флейтъ и арфъ, звеня тамбуринами. Было много различныхъ танцевъ: игидисъ, акоцинусъ, экляктисма, въ которомъ нога танцовщицы поднималась выше плеча; еще болѣе свободный, такъ наз. бибазійскій танецъ; наконецъ кордакъ, такъ часто упоминаемый Аристофаномъ—родъ забавной и сладострастной мимики... На пиры, слѣдуя обычаю Востока, кромѣ плясуновъ и *акроаматовъ*, приглашались фокусники, дававшіе всевозможныя представленія гостямъ; а тѣ, увѣнчанные фіалками и розами, возлежали на милетскихъ коврахъ и пили вино, смѣшанное съ ледяною водой или снѣгомъ, изъ хрустальныхъ чашъ, въ видѣ рога. Порою кто-нибудь изъ присутствующихъ бралъ въ руки вѣтвь мирта и читалъ нараспѣвъ избранные стихи любимыхъ поэтовъ. Часто хозяинъ, въ довершеніе всего,

*) Лягушки.
**) Лягушки.
***) Ахарняне.

устраивалъ настоящія театральныя зрѣлища. Ксенофонтъ, описывая банкетъ Калліаса, разсказываетъ, что онъ окончился пантомимой, представлявшей любовь Бахуса и Аріадны. Свадьба Карана, богатаго македонца, завершается великолѣпной феерiей. Пиршество приходило къ концу; день медленно гасъ. Вдругъ отдернулась бѣлая занавѣсь, скрывавшая часть зала и, посредствомъ особаго механизма, поднялись лампы, освѣщая цѣлую процессію боговъ; Эроты, Паны и Ареи взвились на воздухъ съ серебряными канделябрями въ рукахъ. Потомъ на квадратныхъ блюдахъ, разукрашенныхъ золотомъ, гостямъ были поданы кабаны...

Греки любили покушать. Однако не слѣдуетъ черезчуръ довѣрять гнѣвнымъ упрекамъ, которые вызывало ихъ лакомство у древнихъ писателей; съ точки зрѣнія ихъ идеала умѣренности, всякое излишество казалось преступленіемъ. Пиръ богатаго аѳинянина въ эпоху Перикла и въ слѣдующемъ вѣкѣ, судя по описаніямъ Ксенофонта, Лукіана, Аѳенея и другихъ авторовъ, въ большинствѣ случаевъ напоминаетъ то, что теперь называется большимъ обѣдомъ. Мы увидимъ, насколько римляне ушли впередъ въ этомъ отношеніи. Застольная роскошь сказывалась главнымъ образомъ въ той цѣнѣ, какою оплачивались рѣдкія кушанья, и въ богатствѣ сервировки, ласкавшей самолюбіе амфитріоновъ. На красивыхъ блюдахъ подавались жирные фазаны, козули изъ лѣсовъ Македоніи, куропатки, дрозды, утки, гагары, зайцы, откормленные ароматными корнями, кабаны съ острова Мелоса; все это приправлялось различными подливками съ перцомъ и тминомъ, съ оливковымъ масломъ, сильфіумомъ и уксусомъ; рабы подносили ихъ гостямъ въ золотыхъ чеканенныхъ соусникахъ. Драгоцѣнные кратеры и амфоры, украшенныя сфинксами и орлиными головами, наливались винами, привозимыми изъ Хіоса, Корциры, Мендеса, которые подслащались медомъ, фіалками, фруктами и пахучими цвѣтами. «Вина Греціи, которыя мы и теперь находимъ превосходными, — замѣчаетъ Брилья-Саваренъ,—были изслѣдованы гастрономами и приведены въ систему отъ самыхъ слабыхъ до самыхъ крѣпкихъ сортовъ; на нѣкоторыхъ обѣдахъ ихъ пили съ соблюденіемъ строгой постепенности и чѣмъ лучше было вино, тѣмъ просторнѣе подавались кубки, тогда какъ теперь поступаютъ наоборотъ».

Аѳиняне были такими же знатоками вкусовыхъ тонкостей, какъ острыми діалектиками въ софистическихъ преніяхъ. Лакомки предпочитали, напр., ту или другую часть рыбы, въ зависимости отъ ея сорта и мѣстонахожденія: голову морского угря, пойманнаго въ Сиціонѣ, грудь тунца, или спинку ската, предоставляя другія части людямъ менѣе требовательнымъ. Поллуксъ описываетъ интересное блюдо, ὀρίον— кабаній жиръ съ яичными желтками, молокомъ, козьимъ сокомъ и т. д. въ душистомъ фиговомъ листѣ. Аристофанъ упоминаетъ о кишкахъ, политыхъ медомъ, о жареныхъ каракатицахъ. За дессертомъ употребля-

*

лись: виногардъ изъ Никострата, фивалейскія фиги, не знавшія соперницъ въ цѣломъ, мірѣ и всевозможные привозные плоды: коринеская айва, миндаль изъ Наксоса, финики... «Несмотря на эти счастливыя попытки,—по мнѣнію De-Lussy, — аѳиняне никогда не знали *высшаго* поваренная искусства; слишкомъ много жертвовали конфектамъ, плодамъ и цвѣтамъ и не пользовались ни хлѣбомъ изъ мелкой муки, ни итальянскими пряностями, ни тонкими соусами, ни бѣлыми рейнвейнами Рима временъ цезарей».

Тѣмъ не менѣе, ѳиванцы прославились своей лѣнью и обжорствомъ. «Въ Ѳивахъ,—говоритъ Полибій,—гражданинъ, умирая, завѣщалъ наслѣдство не своимъ дѣтямъ, а собутыльникамъ, подъ условіемъ, чтобы они растратили его на оргіи; такъ что многимъ приходилось устраивать больше пировъ, чѣмъ было въ мѣсяцѣ дней». Эти нравы, какъ мы знаемъ, повліяли на Аѳины: городъ «олимпійца» Перикла, городъ красивыхъ триремъ» *) превратился въ сборище гастрономовъ, эксцентричныхъ гетеръ и заѣзжихъ шарлатановъ. Въ Греціи не было строгаго надзора за роскошью, какъ въ Римѣ. Хотя ареопагъ долгое время имѣлъ право вмѣшиваться въ частную жизнь и слѣдить за нравами гражданъ, но, въ сущности, онъ пользовался имъ крайне рѣдко и слабо; наконецъ, демагогъ Ефіальтесъ отнялъ у него эту роль общественнаго цензора. Ничтожно было вліяніе и т. н. γυναιхονόμοι, которые могли входить въ дома и препятствовать тому, чтобы число приглашенныхъ за столъ было больше установленнаго закономъ. Въ Аѳинахъ усиливается демагогія и вмѣстѣ съ нею роскошь публичныхъ празднествъ и разорительная для государства раздача денегъ народу. До чего доходили излишества въ эту пору, можно судить по примѣру баловня толпы—архонта Деметрія, который жилъ въ самомъ храмѣ Артемиды съ нѣсколькими куртизанками и для личныхъ цѣлей обложилъ населеніе ежегодной податью въ 250 талантовъ. Несмотря на это паденіе, искусство и науки все еще сосредоточены въ Аѳинахъ, но скоро имъ пришлось перекочевать въ новое солнце древняго міра, въ Александрію. Что дѣлали другіе города Греціи? Спарта подкупленная персами, упрямо сопротивлялась Александру. Коринѳъ застылъ въ нѣгѣ; тамъ давно никто не занимался ни политикой, ни философіей; равнодушіе доходило до оцѣпенѣнія. Аргосъ тоже спалъ тяжелымъ сномъ; свобода или рабство—ему было все равно.

Отзвуки чувственнымъ увлеченіямъ находимъ мы у многихъ извѣстныхъ тогда поэтовъ и даже философовъ. Среди нихъ есть теоретики гастрономіи, напр., Миѳакусъ, сдѣлавшійся поваромъ въ Сициліи, Гегемонъ изъ Тазоса, Филоксонъ, диѳирамбическій поэтъ (умершій въ 380 г. въ Эфесѣ), который сочинилъ, будто бы, поэму, названную имъ

---

*) Аристофанъ. «Птицы».

Ужинъ *). Упомянутый уже нами писатель, авторъ смѣлаго афоризма: «Гастрономія—это десятая муза **)», говоритъ: «ученые состязались въ писаніи о кулинарномъ искусствѣ, доставлявшемъ тонкія наслажденія. Платонъ, Аѳеней и другіе намъ извѣстны только по именамъ; очень досадно, что ихъ сочиненія потеряны, и если о чемъ стоитъ пожалѣть, такъ это о гастрономіи Ахестрада, который былъ друженъ съ сыномъ Перикла. Этотъ великій писатель, разсказываетъ Ѳеотимъ, прошелъ море и сушу, чтобы самому изучить тѣ сокровища, какія доставляютъ намъ различныя страны. Онъ не изучалъ въ своихъ путешествіяхъ народовъ, но шелъ въ кухни, гдѣ приготавливали кушанья, и бесѣдовалъ только съ людьми, которые заботились о своихъ удовольствіяхъ. Его стихотворенія—положительно драгоцѣнности и каждый стихъ—рецептъ». Гераклитъ Понтійскій, ***) философъ-энциклопедистъ, ученикъ Платона и Аристотеля, бывшій въ Аѳинахъ въ 60-тыхъ годахъ IV вѣка, является въ одномъ изъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ, единственнымъ въ своемъ родѣ апологистомъ роскоши. Онъ ставитъ ее выше труда, для котораго, по его мнѣнію, существуютъ рабы,—выше простоты нравовъ, годной только для варваровъ, Всѣ великіе монархи и всѣ культурные народы были друзьями роскоши, и если аѳиняне одерживали побѣду при Мараѳонѣ, то они обязаны этимъ вдохновившей ихъ роскоши... Какъ все это далеко отъ Гезіода, отъ его страстной поэмы, посвященной воздержанію и труду. «Безумцы,—восклицаетъ онъ,—не знающіе, на сколько половина лучше цѣлаго и сколько богатства содержитъ въ себѣ асфодель!... Праздный человѣкъ подобенъ трутню, пожирающему, ничего не дѣлая, пчелиный медъ. Его ненавидятъ и люди и боги!» Въ одно время съ Гераклидомъ (около 360 года до Р. Х.) жилъ въ Аѳинахъ прославленный комическій поэтъ Алексій ****). Съ тѣхъ же подмостковъ, гдѣ прежде раздавался бичующій голосъ Аристофона, онъ даетъ такія наставленія:

«Мудрецъ долженъ вѣрить однимъ наслажденьямъ;
Они лишь даруютъ счастливый покой.
Три жизненныхъ правила: ѣсть до отвалу,
Срывать поцѣлуи и пить до зари.
«О чемъ ты болтаешь въ стѣнахъ Одеона,
Въ лицейскихъ садахъ? Софистическій вздоръ,
Ребяческій лепетъ безъ всякаго смысла...
Да здраствуетъ смѣхъ кутежа и вино,
«Пока не покинуло насъ вдохновенье!
Да здраствуетъ шумъ и забвенье, Манесъ!

---

*) «Biographie universelle». T. VIII. Philoxène.

**) Брилья-Саваренъ. «Физіологія вкуса». На рус. съ пред. К. Фогта.

***) D. Kochler. «Heraclidis Pontifici fragmenta de rebus publicis». Halle 7805.

****) Excerpta ex tragediis et comediis Graecis Grotius.

На свѣтѣ нѣтъ вещи пріятнѣе брюха—
Вѣдь полное брюхо—отецъ твой и мать!
«Посольства и войны и вся добродѣтель—
Тщеславье пустое, обманчивый сонъ!
Для смерти морозной придетъ свое время—
Останется то, что ты выпилъ и съѣлъ».

Племянникъ этого веселаго проповѣдника, поэтъ любви, Менандръ (ум. 342 г.) въ своей *новой комедіи* исключительно занятъ описаніями роскоши и пороковъ своего времени *). Въ слѣдующемъ отрывкѣ онъ выражаетъ цѣлое міровоззрѣніе такими словами: «Не довѣряйтесь разуму, человѣческій умъ ничто иное, какъ случайность... Случай правитъ всѣмъ, разрушая и создавая. Всѣ наши мысли, всѣ слова, только случай; мы лишь присоединяемъ къ нему наше имя—въ этомъ разгадка. Случай вседержитель: вы можете назвать его высшимъ разумомъ и единственнымъ богомъ, если нуждаетесь въ пустыхъ словахъ». Вотъ мораль театра. Скептицизмъ не можетъ быть выраженъ краснорѣчивѣе. Если-же въ мірѣ все случай, то остается только пользоваться мимолетными наслажденіями...

Въ оправданіе грековъ должно сказать, что ихъ нравственная распущенность никогда не переходила въ грубый и хищный цинизмъ, какъ у римлянъ; они даже въ испорченности оставались немного художниками; даже въ порокѣ, въ извращенной любви, которая нигдѣ не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Греціи, не измѣняли врожденному чувству изящества.

Какъ противовѣсъ такому взгляду на человѣческую жизнь, какъ укоръ этой философіи декаденса—передъ нами имена Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Зенона, Эпикура, но они были только выразителями того, чему вѣрили слѣдовавшіе за ними ученики. Рядомъ съ роскошью и преклоненіемъ передъ нею большинства всегда жила горсточка протестующихъ. Не говоря уже о «циникахъ», которые довели свое презрѣніе къ богатству до нечистоплотности и замѣнили одежды лохмотьями—своего рода вывѣской нищенствующей гордости, осужденіе роскоши вытекаетъ изъ самого характера античной философіи. Ея мораль стремится упростить существованіе. Идеалъ, предлагаемый ею человѣчеству, не дѣятельность, а покой, не увеличеніе потребностей, а ихъ сокращеніе. Роскошь можетъ довести человѣка путемъ невоздержанности до болѣзненной апатіи; философы Греціи проповѣдывали апатію во имя воздержанія. Даже мораль Эпикура подходитъ подъ это опредѣленіе, хотя мы и привыкли къ совершенно иному пониманію эпикуреизма. Дѣйствительно, современный эпикуреизъ не страшится «пріятныхъ цѣлей наслажденія», да и въ древности было не мало такихъ выродившихся философовъ. Но вѣрный ученикъ Эпикура выше всего

*) Raul-Rochette. «Théarte des Grecs».

цѣнилъ свободу и боялся тиранніи тѣхъ требованій, въ удовлетвореніи которыхъ не могъ быть увѣренъ. Онъ презиралъ въ одеждѣ, въ пищѣ, въ питьѣ, въ обстановкѣ все, что переходило извѣстную *мѣрку*, и свое презрѣніе называлъ добродѣтелью. Умѣренность была для него разсчетомъ, усовершенствованнымъ эгоизмомъ. Школы платониковъ пошли дальше; не боязнь страданій руководила ими. Платонъ унижаетъ плоть во имя духа. Въ его *Республикѣ* правятъ четыре добродѣтели: воздержаніе, храбрость, осторожность и справедливость; въ ней нѣтъ ничего, напоминающаго человѣческую слабость. По примѣру Ликурга, Платонъ не даетъ свободы даже ремесламъ; величайшій художникъ мысли доходитъ до того, что тенденціозно изгоняетъ изъ своего гражданскаго идеала искусство, не хуже такого варвара, какъ Прудонъ. Онъ вычеркиваетъ тѣмъ же стилетомъ торговлю и поэзію—матеріальную роскошь и роскошь воображенія, какъ будто само созданіе его «Республики» не было поэтической грезой. Допуская въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣшательство красоты, Платонъ предъявляетъ ей строгія требованія: такъ, въ музыкѣ его снисхожденіемъ пользуется только дорическій строй; нѣжная гармонія Іонійцевъ имъ отвергнута. Въ то время, когда расширяется морская торговля Аѳинъ, а число жителей въ нихъ все возрастаетъ, великій послѣдователь Сократа, быть можетъ, изъ духа противорѣчія, запрещаетъ своему воображаемому государству сношенія съ сосѣдями и сводитъ число его обитателей до нѣсколькихъ тысячъ...

Ксенофонтъ нападаетъ на аѳинскую роскошь съ бо́льшею выдержкой. Онъ не желаетъ уничтоженія торговли; наоборотъ, хочетъ, чтобы ее поощряли привилегіями; тѣмъ не менѣе его идеаломъ остаются нравы земледѣльца; энергично и краснорѣчиво показываетъ онъ, какъ роскошь портитъ жизнь и разоряетъ дома гражданъ, воздвигнутыхъ трудомъ и поддерживаемыхъ бережливостью. Аристотель снисходительнѣе другихъ. Въ двойной характеристикѣ *щедраго* и *расточительнаго*, сдѣланной имъ, онъ со свойственной ему терпимостью и широтою взгляда допускаетъ развитіе роскоши, но останавливается тамъ, гдѣ она становится вреднымъ излишествомъ — разграниченіе, какъ мы знаемъ, довольно неопредѣленное и до сихъ поръ вызывающее большія несогласія.

XI.

Картина эллинской роскоши будетъ неполной, если мы не скажемъ нѣсколькихъ словъ о новой эрѣ въ исторіи Греціи, ставшей почти міровой монархіей подъ скипетромъ Александра Македонскаго. Его нравственный образъ до сихъ поръ остается загадкой. Здѣсь не мѣсто пытаться въ нее проникнуть, да и вообще, какое намъ дѣло до качествъ и недостатковъ человѣка, о которомъ сохранились героическія легенды по всему бѣлому свѣту и котораго многіе современники счи-

тали полубогомъ? Слава его не умереть, не смотря на добродѣтельную наивность критиковъ, привыкшихъ подходить со своей маленькой мѣркой къ великанамъ человѣческаго духа. «Дитя мое, ищи себѣ другого царства!»—сказалъ Филиппъ сыну, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Эти слова оказались пророческими. Вся жизнь Александра полна ненасытной жажды новыхъ царствъ, новыхъ завоеваній. Въ немъ было безграничное стремленіе къ могуществу. Идеѣ могущества онъ подчиняетъ все остальное. Царственный ученикъ Аристотеля съ дѣтства смотритъ на народы, какъ на своихъ подданныхъ, ставитъ себя выше національныхъ убѣжденій и предразсудковъ и на всѣ религіи, какъ верховный судія, взираетъ съ одинаковымъ высокомѣрнымъ уваженіемъ. Послѣ взятія Тира онъ приноситъ жертву въ капищѣ Мелькарта; поклоняется Апису въ Египтѣ, а на берегахъ Инда совершаетъ золотою чашей возліяніе въ честь великаго Брамы. Подобныя натуры всегда бываютъ неудержимо расточительны. Для нихъ мало сознанія дѣйствительной власти; имъ хочется пышностью обстановки воплотить химеры своего воображенія и придать себѣ ореолъ сказочнаго величія. Покореніе персидской державы могло только усилить въ Александрѣ эти наклонности.

Персія была тогда очагомъ деспотизма и роскоши. Быть можетъ, нигдѣ великолѣпіе монарховъ и подражавшихъ имъ сатраповъ не сказалось такъ ярко и беззавѣтно. Переѣзды ихъ изъ одного города въ другой, изъ Вавилона въ Сузы или въ Экбатану были сопровождаемы такой помпой, какъ будто они отправлялись въ походъ. Безконечная свита тѣлохранителей, сановниковъ, женщинъ, музыкантовъ составляло обычную обстановку этихъ всесильныхъ кумировъ, которые были доступны раболѣпнымъ взорамъ толпы лишь изрѣдка, сквозь ослѣпительно-торжественную декорацію. Пятнадцать тысячъ придворныхъ, составлявшихъ сложную іерархію, жило на счетъ царской казны. Раздѣленіе труда между ними было такъ велико, что обязанность большаго числа чиновниковъ состояла въ ежедневной заботѣ о постели монарха. Наложницы, прежде чѣмъ быть допущенными въ царскую опочивальню, должны были провести не менѣе года въ ароматахъ подъ строгимъ надзоромъ цѣлаго племени евнуховъ. Красавицъ было такъ много, что каждая изъ нихъ удостаивалась этой чести разъ въ жизни. Всѣ народы Азіи платили дань придворному гарему. Царскій столъ былъ тоже окруженъ необычайной заботливостью: Сирія доставляла вино; пшеницу—Эолія; вода привозилась изъ Хоаспа; къ путешествіяхъ носили ее за владыкой въ серебряныхъ кувшинахъ, взятыхъ изъ храма Аммона. Царь обыкновенно обѣдалъ одинъ; это соблюдается у персовъ и до сихъ поръ. Его сыновья только изрѣдка приходили къ столу и тогда призывались дѣвушки гарема для игры и пѣсенъ. На придворные пиры могло являться не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Гости пили вмѣстѣ съ

царемъ, но другое вино, и сидѣли на подушкахъ, а ему ставилось золоченое ложе.

Мы не будемъ описывать богатства персидскаго зодчества, заимствованнаго у покоренныхъ народовъ Азіи. Кто не слыхалъ о дворцѣ Персеполиса, съ широкими мраморными лѣстницами, по которымъ могли подниматься въ рядъ десять всадниковъ, съ бассейнами, террасами и лѣсомъ колоннъ въ видѣ лотосовъ и причудливыхъ пальмъ? Въ Персіи повсюду были дворцы въ этомъ родѣ. Скульптура, украшающая ихъ, значительно выше своего ассирійскаго образца; арійскій духъ внесъ жизненность въ искусство. На барельефахъ, остатками которыхъ мы любуемся до сихъ поръ, все въ движеніи: участники религіозной процессіи—маги, стрѣлки, землепашцы стремятся впередъ, держа въ рукахъ эмблемы своего званія; несутся колесницы, кони взрываютъ землю копытами, быки, украшенные діадемами, леопарды съ орлиными головами, сфинксы, чудовища въ митрахъ—весь символическій бредъ Востока живетъ и колышется въ камнѣ...

Роскошь громаднаго феодальнаго государства, какимъ была Персія, поддерживалась данью, собираемой со всѣхъ концовъ земли. Двадцать сатрапій, учрежденныхъ Даріемъ, охватывали, кромѣ азіатскихъ владѣній, Египетъ, Киринайду, часть Фракіи и острова Егейскаго моря. Денежныя подати достигали 14.560 талант. (40 милліон. руб.), но, кромѣ того, Сицилія ежегодно доставляла 360 бѣлыхъ коней; эѳіопы—2 пуда золота и 200 креселъ изъ слоновой кости; Вавилонъ—500 евнуховъ; арабы—тысячу талантовъ благоуханій; Колхида—черезъ каждыя пять лѣтъ посылала сто юношей и сто дѣвушекъ.

Въ этомъ краѣ излишествъ Александръ Македонскій воцарился всемогущимъ владыкой и основалъ свою резиденцію. Его мечтою было сліяніе Востока и Запада. Онъ перенялъ обычаи персовъ, подчинилъ имъ приближенныхъ и окружилъ себя стражей молодыхъ людей изъ персидской знати. Роскошь была прямымъ послѣдствіемъ этой политики. Но позднѣе Александръ, опьяненный побѣдами, богатствами, покорностью царствъ, такъ быстро упавшихъ къ его ногамъ, потерялъ всякое самообладаніе и закончилъ оргіей свое кровавое шествіе. «Часто,—повѣствуетъ древній авторъ Эфиппъ *),—Александръ возлежалъ за столомъ, наряженный богомъ; онъ надѣвалъ пурпуръ, вырѣзную обувь и рога Аммона, какъ бы воплощаясь въ божество. Порою выѣзжалъ онъ на колесницѣ въ персидскомъ платьѣ, съ колчаномъ и лукомъ за плечами, какъ богиня Артемида, или наряжался Ареемъ. Но чаще на немъ была красная хламида съ бѣлой обшивкой, а на головѣ повязка и вѣнецъ. Въ обществѣ друзей онъ носилъ круглую шапку, крылышки на ногахъ и геральдическій жезлъ, подобно Гермесу. Случалось также

*) Athaen. lib. XII.

видѣть его покрытымъ львиною шкурой съ палицей Геркулеса въ рукахъ».

Вернувшись изъ Индіи, Александръ беретъ себѣ въ жены старшую дочь Дарія—Барзину, а своему любимцу Гефестіону отдаетъ ея младшую сестру. Въ тотъ же день празднуютъ свадьбу девяносто македонскихъ начальниковъ со знатными персіянками. Александръ велѣлъ приготовить девяносто два ложа въ т. н. ἑκατονκλινη (зала на сто ложъ), стѣны которой были обиты пурпуромъ съ золотистой каймой и расшивными коврами. Противъ новобрачныхъ расположились иностранцы, особенно близкіе Александру, а въ углубленіи залы—начальники войскъ, представители городовъ и простые путешественники. Шатеръ надъ пирующими поддерживали высокія колонны, усѣянныя драгоцѣнными камнями. Вездѣ были шелковыя ткани; сверкало золото и серебро и гремѣли трубы, возвѣщая народу о великомъ событіи. Пять дней длился праздникъ. На немъ принимали участіе ловкіе фокусники изъ Тарента и Митилены, музыканты на арфахъ, пѣвцы подъ звуки флейтъ, цитаристы. Потомъ пѣли разные хоры и было представлено нѣсколько трагедій и комедій съ участіемъ Аѳенодора, Аристократа, Ликона. Греція, Индія, Персія соединились въ одно созвучіе для прославленія монарха. Вѣнки, которыми почтили его представители городовъ, были оцѣнены въ 15.000 талантовъ. Вскорѣ послѣ того Александра поразило большое горе: умеръ Гефестіонъ. И вотъ для сожженія любимаго друга онъ велитъ воздвигнуть помостъ, подавляющій насъ своимъ великолѣпіемъ. Мы знаемъ по описанію Діодора, сколько золота и слоновой кости, сколько цѣннаго дерева и статуй расточилъ на это сооруженіе зодчій Стразикратъ! Шестиэтажный помостъ имѣлъ въ вышину до ста локтей; изображенія сиренъ, помѣщенныя наверху, закрывали собой исполнителей похороннаго гимна. Расходы на тризну достигли 12.000 талантовъ. Александръ былъ намѣренъ устроить еще въ память покойника гимнастическія и музыкальныя состязанія и съ этою цѣлью привлекъ въ Александрію болѣе трехъ тысячъ артистовъ. Ему помѣшала неожиданная смерть; она была слѣдствіемъ болотной лихорадки и безумныхъ оргій въ Вавилонѣ: Востокъ отомстилъ своему покорителю.

«Эллинизмъ, въ собственномъ значеніи слова,—говоритъ англійскій историкъ Гротъ *),—какъ сумма нравовъ, стремленій, чувствъ, духовныхъ силъ, обнаруженныхъ греками въ пору ихъ независимости, никогда не переселялся изъ Европы въ Азію... Настоящій эллинизмъ не могъ процвѣтать или просто существовать въ періодъ Александра и даже при его преемникахъ, когда гнетъ правительства не былъ такъ силенъ. Живой, творческій геній эллинизма, свободно организующая сила и общинный духъ — все это было подавлено и, мало-по-малу, исчезло...» Однако, слѣдуетъ отдать справедливость нѣкоторымъ изъ преемниковъ

*) «History of Gresse».

Александра. По крайней мѣрѣ, одна сторона ихъ роскоши сохранила греческій характеръ. Первой заботой Птоломеевъ, Селевкидовъ и другихъ царей было удѣлять часть своихъ богатствъ на покупку въ Греціи статуй, картинъ и камней. Ихъ домашняя обстановка, расписныя вазы и треножники напоминаютъ вѣкъ Перикла. Въ блестящихъ музеяхъ того времени образцы старыхъ мастеровъ Эгины и Сикіона встрѣчаются съ позднѣйшими произведеніями Аѳинъ и Коринѳа. Сами художники часто прибѣгали къ просвѣщенному покровительству Александрійскаго двора, гдѣ они встрѣчались съ учеными и философами, нашедшими тамъ свой пріютъ.

То былъ послѣдній слабый отблескъ красоты среди столькихъ лживыхъ великолѣпій. Роскошь пріобрѣтала все болѣе и болѣе восточный оттѣнокъ въ царствованіе греческихъ фараоновъ. Какое странное описаніе находимъ мы у Калликсена того полурелигіознаго торжества, которое устроилъ Птоломей Филадельфъ по случаю своего восшествія на престолъ и въ честь Птоломея Сотера! Мы теряемся въ золотѣ, въ пурпурѣ и шелкахъ. Можно подумать, что весь Олимпъ собрался въ длинную процессію и справляетъ гигантскій праздникъ... Вотъ проходитъ передъ нами первая группа актеровъ, поэтически названная «Утренней звѣздой», потому что шествіе начиналось съ появленіемъ Венеры. Затѣмъ идутъ цѣлыя полчища боговъ и богинь: у всѣхъ различныя эмблемы. Наконецъ, выступаетъ послѣдняя группа; она называется «Вечерней звѣздой» и заслуживаетъ это имя... Ночь уже наступила; процессія длилась въ теченіе всего дня. Утомительно было бы заняться перечнемъ всѣхъ участвующихъ, хотя бы въ одномъ діонисійскомъ отрядѣ. Послѣ того Гомеръ показался бы краткимъ. У современнаго историка, ошеломленнаго этимъ зрѣлищемъ, не хватаетъ духу перечислять всѣхъ мелькающихъ передъ нимъ силеновъ и сатировъ со свѣтильниками въ рукахъ; богинь съ золотыми крыльями, въ туникахъ, разукрашенныхъ изображеніемъ животныхъ; великановъ и великаншъ, колесницъ, на которыхъ везли статуи Вакха и Низы; безсчетныхъ жрицъ и жрецовъ, женщинъ, съ развѣвающимися волосами, увѣнчанныхъ змѣями, вѣтвями тиса, пурпуромъ и плющемъ... А сколько курильницъ, вѣнковъ, гирляндъ, жезловъ, тамбуриновъ, сатирическихъ и трагическихъ масокъ!

Отмѣчать всѣ эпизоды одноцвѣтной исторіи роскоши въ александрійскій періодъ не представляло бы большого интереса. Насъ поражаютъ вѣчныя старанія государей разнообразить эти забавы, точно они сознавали безплодную монотонность своего блеска. Въ праздники вводится комическій элементъ. Что можетъ быть грубѣе торжественной буффонады, извѣстной подъ именемъ «Пиръ Антіоха», въ которой принималъ участіе самъ царь. Сидя верхомъ на хромой лошади, онъ ведетъ шествіе къ дворцу, гдѣ велитъ приготовить полторы тысячи ложъ для участниковъ банкета; самъ руководитъ слугами, стоитъ у входа въ залъ,— вводитъ однихъ, усаживаетъ другихъ, помогаетъ носить яства, выслу-

шиваетъ, стоя, провозглашаемые въ честь его тосты и старается развеселить гостей шутовскими продѣлками. Однажды на пиръ шуты внесли царя, завернутаго въ плащъ, и положили на землю, какъ одного изъ участниковъ труппы. Царь сдѣлалъ видъ, что проснулся отъ звуковъ музыки, и началъ скакать и балагурить вмѣстѣ съ другими актерами. Такимъ образомъ роскошь, спускаясь все ниже и ниже, постепенно переходитъ въ какія-то старческія кривлянія. Другой Антіохъ, прозванный Кизикскимъ, страстный любитель мимическихъ представленій, проводитъ свое время, забавляясь игрою съ чучелами животныхъ, увѣшанными золотомъ.

Конечно въ самой Греціи роскошь не могла выродиться до такой степени. Ей предстояло принять новыя формы въ эпоху римскаго владычества и Византіи.

С. Маковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГИЛЬДА СТРАФФОРДЪ.

Повѣсть Беатрисы Гарраденъ.

(Переводъ съ англійскаго Л. Давыдовой).

I.

Желанный день, наконецъ, насталъ.

Робертъ Страффордъ смотрѣлъ на уединенное мѣстечко, избранное имъ для свего «рэнча», и его охватывалъ страхъ передъ будущимъ.

Тысячу разъ онъ уже старался мысленно поставить себя на ея мѣсто и посмотрѣть на окружающую природу ея глазами. Онъ уговорилъ ее пріѣхать ранней весною, чтобы южная Калифорнія предстала передъ нею въ своемъ лучшемъ видѣ, когда дожди уже кончатся, молодая травка покажется изъ подъ земли, и долины и горы одѣнутся блѣдно-зеленымъ покровомъ, который съ каждымъ днемъ будетъ дѣлаться все ярче.

Робертъ Страффордъ ждалъ пріѣзда Гильды Лестеръ, которая уже три года была его невѣстой, и теперь, наконецъ, рѣшилась пріѣхать сюда и выдти за него замужъ.

Робертъ сидѣлъ на скамейкѣ противъ сарая, покуривая трубку, и смотрѣлъ на свое маленькое имѣніе, расположенное на склонѣ холма. Онъ такъ любилъ его, что оно казалось ему прекраснымъ, и только по временамъ у него являлись сомнѣнія относительно того, какое впечатлѣніе оно можетъ произвести на новаго человѣка, не свыкшагося съ природой южной Калифорніи. Теперь же эти сомнѣнія овладѣли имъ всецѣло; онъ вынулъ изо рта трубку и опустилъ голову на руки. Бѣлый понтеръ, Нелли, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего хозяина, потомъ поднялся и началъ ласкаться къ нему.

— Славный старый песъ,—проговорилъ Робертъ, поглаживая его по спинѣ.—Ты такое вѣрное, преданное существо. Ничего, другъ, это у меня пройдетъ.

Вдругъ вблизи послышался лошадиный топотъ; Нелли съ громкимъ лаемъ бросилась внизъ съ холма и въ скоромъ времени вернулась съ

торжествомъ, весело прыгая и привѣтствуя хорошенькую, пѣгую лошадку Фанни, на которой ѣхалъ Бенъ Оверлей.

Бенъ соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и подошелъ къ своему другу, который не поднялся ему на встрѣчу, а продолжалъ сидѣть въ той же позѣ, какъ и раньше.

— Знаешь что, Бобъ, — сказалъ Бенъ Оверлей, подсаживаясь къ нему,—этотъ садикъ въ самомъ дѣлѣ очень милъ. Даже у глухой старухи съ трубкой нѣтъ такихъ чудныхъ фіалокъ, а такихъ розъ, я думаю, не найдешь и въ Санто - Барбарѣ. Не могу сказать того же о лужайкѣ. Она нѣсколько напоминаетъ мнѣ плѣшивую голову. Но зато ползучія растенія великолѣпны, особенно тѣ, которыя я посадилъ. Вообще твой маленькій рэнчъ самый лучшій во всей окрестности. Если бы мои лимоны росли такъ же хорошо, какъ твои, то ничто въ мірѣ не помѣшало бы мнѣ въ этомъ же году съѣздить на нѣсколько недѣль въ милую, старую Англію.

Робертъ Страффордъ взглянулъ на него и улыбнулся.

— Эти деревья въ самомъ дѣлѣ недурно идутъ — сказалъ онъ съ нѣкоторой гордостью.—За послѣдніе три года я потратилъ на нихъ большую часть своего времени и силъ. Должны же они хоть немножко вознаградить меня, правда, Бенъ?

Бенъ ничего не отвѣтилъ и сталъ закуривать трубку, а Робертъ Страффордъ продолжалъ:

— Вѣдь ты знаешь, что мы съ Гильдой уже давно были обручены, но тамъ, дома, дѣла мои шли скверно. Я никакъ не могъ никуда пристроиться, а тутъ еще случилось эта проклятая болѣзнь, которая на время сдѣлала меня ни къ чему непригоднымъ человѣкомъ. Когда же я, наконецъ, получилъ опять возможность работать, я сказалъ себѣ, что не оставлю камня на камнѣ, пока не добьюсь чего-нибудь. Здѣсь мнѣ открывалась новая жизнь и я рѣшилъ попытать счастья и обезпечить себя и Гильду.

Онъ помолчалъ, потомъ подсѣлъ ближе къ Бену Оверлею.

— Но я не понимаю, какъ я могъ надѣяться на то, что она согласится пріѣхать сюда, — заговорилъ онъ опять. — Я мечталъ объ этомъ и боялся этого. Если бы я получилъ сейчасъ письмо, что она перерѣшила и не пріѣдетъ, то, я думаю, что навсегда разучился бы улыбаться. Но это еще не самое ужасное, что можетъ случиться. Я еще больше боюсь ея разочарованія и гнѣва; потому что, въ сущности, нельзя не сказать, что это проклятая страна, скудная и обнаженная, и ты самъ знаешь, каково здѣсь живется женщинамъ. Почти всѣ онѣ ее ненавидятъ. Здѣсь въ нихъ точно что-то умираетъ. Достаточно посмотрѣть на нихъ, это сейчасъ видно. Онѣ утрачиваютъ интересъ ко всему. Я часто наблюдалъ за выраженіемъ ихъ лицъ и проклиналъ свои лимонныя деревья. И я долженъ сказать тебѣ, Бенъ, я такъ теперь измученъ работой и всѣмъ вообще, что

если Гильдѣ здѣсь не понравится, я чувствую, что не перенесу этого. Меня это просто убьетъ.

Бенъ Оверлей ласково посмотрѣлъ на своего друга и своимъ мягкимъ, музыкальнымъ голосомъ началъ говорить ему слова утѣшенія и ободренія. Музыкальный голосъ былъ одной изъ привлекательныхъ особенностей Бена. У него было и много другихъ: мужественная осанка, рыцарское отношеніе ко всѣмъ и ко всему, спокойныя, привѣтливыя манеры доставили ему популярность въ маленькой долинѣ. Онъ былъ очень друженъ съ Робертомъ Страффордомъ и относился къ нему съ почти материнской заботливостью.

— Все это однѣ глупости,—сказалъ онъ весело.—Покажи мнѣ лучше, какъ ты устроился въ комнатахъ. А я кстати покажу тебѣ, какіе я вамъ приготовилъ свадебные подарки. Я видѣлъ всѣ эти бездѣлушки въ городѣ, когда былъ тамъ послѣдній разъ, и подумалъ, что они, можетъ быть, понравятся твоей прекрасной лэди. Особенныя надежды я возлагаю на этотъ абажуръ. А вотъ скатерть изъ китайскаго магазина, ваза для цвѣтовъ, и ваза для фруктовъ.

Они вошли въ домъ, и Бенъ одинъ за другимъ выкладывалъ свои подарки на столъ. Онъ осматривалъ комнату и въ первый разъ ему пришло въ голову, что Робертъ приготовилъ для своей молодой жены очень печальное обиталище. Въ саду, по крайней мѣрѣ, были цвѣты и кое-какая зелень, и горные хребты вдали, и постоянно мѣняющаяся игра свѣта и тѣней, и мягкій воздухъ, напоенный весенними благоуханіями; а здѣсь, въ этомъ низкомъ маленькомъ домикѣ не было ничего, на чемъ глазъ могъ бы отдохнуть. Ничего. Бенъ призадумался, но, взглянувъ на своего друга, сдѣлалъ надъ собой усиліе и улыбнулся.

— Ты купилъ отличную маленькую плиту, Бобъ,—сказалъ онъ.— Это, безъ сомнѣнія, самый лучшій сортъ. Вотъ увидишь, какіе я вамъ тутъ буду готовить прекрасные обѣды. Но, я думаю, тебѣ не лишнее было бы имѣть еще двѣ или три кастрюли, другъ мой. Качалка! Это отлично. Батюшки, даже и подушки есть! И этажерка съ шестью новыми книгами, среди которыхъ находится послѣдній романъ Мередита и новая драма Ибсена!

— Гильда любитъ читать, — сказалъ Робертъ, нѣсколько пріободрившись отъ похвалъ своего друга.

— Занавѣски тоже недурны, — продолжалъ Бенъ. — Какой оригинальный рисунокъ!

Такъ они прошлись по всему дому, Бенъ все расхваливалъ, а Бобъ съ удовольствіемъ выслушивалъ его похвалы. Они нѣсколько переставили мебель, положили на столъ новую скатерть, надѣли абажуръ на лампу, поставили цвѣты въ вазу и отошли къ дверямъ, чтобы полюбоваться общимъ видомъ.

— Понравится ли ей все это?—озабоченно проговорилъ Бенъ.

— Конечно, понравится,—отвѣтилъ Бенъ съ увѣренностью.—Пе-

страя скатерть, абажуръ и цвѣты въ вазѣ, по моему мнѣнію, все скрасили.

— Если бы здѣсь еще были какіе-нибудь сосѣди! — сказалъ Робертъ.—Но здѣсь нѣтъ ни души на нротяженіи 6 верстъ.

— Ты забылъ про глухую лэди съ ея трубкой, — замѣтилъ Бенъ, улыбаясь.

— Не дурачься, Бенъ,—сказалъ Робертъ коротко.

— Конечно, нельзя сказать, чтобы она была особенно привлекательной собесѣдницей,—продолжалъ Бенъ невозмутимо, — но все-таки она лучше, чѣмъ никто. Потомъ ты забываешь меня. Я тоже лучше, чѣмъ никто. Кромѣ того, въ 8 миляхъ живутъ Лаудердэль, Голлесъ и Грэгэмъ. У нихъ стало превесело съ тѣхъ поръ, какъ Джессъ Голлесъ вернулся ихъ своихъ путешествій.

— Гильда такъ любитъ музыку,—грустно проговорилъ Робертъ,— а у меня нѣтъ даже фортепіано.

— Этому легко помочь,—отвѣтилъ Бенъ.—Отчего ты мнѣ раньше не сказалъ? У глухой лэди есть фортепіано и я думаю, если немного подольститься къ ней, она его отдастъ тебѣ на прокатъ. Я умѣю убѣждать ее черезъ трубку; кромѣ того, я знаю, что она ко мнѣ благосклонна. Она находитъ, что у меня пріятный голосъ и главное, что мои усы очень походятъ на усы ея покойнаго племянника. У ея племянника должно быть были великолѣпнѣйшіе усы. Да, такъ вернемся къ фортепіано. Я постараюсь завтра же устроить это дѣло, а теперь ты возьми себя въ руки и не раскисай. Главное, не вздумай встрѣчать свою жену съ такой трагической миной. Это будетъ гораздо болѣе угнетать ее, чѣмъ все остальное. Ты просто заработался и тебѣ слѣдовало бы съѣздить на мѣсяцъ отдохнуть къ морю. Ты вернулся бы назадъ бодрымъ и здоровымъ и самъ сталъ бы смѣяться надъ всѣми своими опасеніями.

— Я и такъ поправлюсь, — сказалъ Робертъ. — Спасибо тебѣ за дружбу, Бенъ. Я былъ не особенно пріятнымъ собесѣдникомъ послѣднее время и ты все-таки...

— Пройдемъ теперь ко мнѣ,—прервалъ его Бенъ.—Я не хочу оставлять тебя сегодня вечеромъ въ одиночествѣ. Я приготовлю тебѣ роскошный ужинъ, а завтра утромъ снаряжу въ путь, на встрѣчу твоей невѣстѣ. А пока ты будешь ее встрѣчать и вѣнчаться, я здѣсь все устрою къ пріѣзду королевской четы. Идемъ, старый другъ. Боюсь, какъ бы ночью не было дождя.

— Я долженъ еще напоить лошадей,—сказалъ Робертъ.—А затѣмъ я готовъ.

Оба друга направились къ конюшнѣ, Нелли слѣдовала за ними по пятамъ.

Былъ часъ заката, тотъ часъ, когда обнаженная природа Калифорніи не уступаетъ по красотѣ самымъ живописнымъ странамъ земли.

Краски поминутно мѣнялись, дѣлались ярче и угасали, уступая мѣсто другимъ, пока, наконецъ, нѣжное розовое сіяніе не озарило камни и горы мимолетной красотой.

— Такого заката твоя супруга въ Англіи не увидитъ, — сказалъ Бенъ, останавливаясь, чтобы сорвать нѣсколько дикихъ цвѣтовъ мексиканскихъ подснѣжниковъ и желтыхъ фіалокъ. Но, кажется, начинаетъ накрапывать дождь. Я бы предпочелъ, чтобы онъ начался тогда, когда мы уже водворимъ ее въ ея новомъ домѣ.

II.

Слѣдующимъ утромъ, когда Робертъ поѣхалъ въ городъ встрѣчать Гильду, Бенъ Оверлей отправился въ домъ своего друга, чтобы привести тамъ все въ порядокъ, а затѣмъ, закрутивши себѣ предварительно усы, пошелъ съ визитомъ къ глухой лэди, намѣреваясь выклянчить у нея фортепіано. Онъ былъ ея большимъ любимцемъ и единственнымъ человѣкомъ, не чувствовавшимъ передъ нею никакого страха. Ей было уже 70 лѣтъ, но она была еще полна жизненныхъ силъ и сама справляла всю работу въ своемъ рэнчѣ, нанимая рабочихъ только въ случаѣ крайней необходимости. А когда она нанимала кого-нибудь, то сама садилась у окна въ верхнемъ этажѣ и наблюдала за нимъ въ бинокль, чтобы быть увѣренной въ томъ, что онъ не теряетъ даромъ ни одной минуты. Сосѣдніе поселенцы изъ-за этого часто отказывались работать у нея. Они находили крайне непріятнымъ работать, когда на васъ смотрятъ и выслушивать всякія ругательства, не будучи даже въ состояніи отвѣтить на нихъ, такъ какъ отвѣтъ, все равно, не будетъ услышанъ иначе, какъ черезъ трубку. Были и другія жалобы противъ нея: она отвратительно кормила своихъ рабочихъ и не давала имъ ничего, кромѣ снятого молока. Рабочіе готовы были перенести и бинокль, и трубку, и брань, но когда дѣло доходило до снятого молока, то мѣра терпѣнія переполнялась. Поэтому никто не соглашался работать для миссъ Дьюсбери, или во всякомъ случаѣ соглашались крайне неохотно, и Бену Оверлею приходилось иногда пускать въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить товарищей пожертвовать для нея нѣсколькими днями; когда же это все-таки не удавалось, онъ самъ отправлялся помогать ей. Такимъ образомъ онъ много разъ оказывалъ ей услуги, и, кромѣ того, его голосъ и манера обращенія были ей необыкновенно пріятны. Она находила, что онъ одинъ только и умѣетъ говорить съ ней черезъ трубку. Онъ не кричалъ, какъ другіе, и все-таки она могла слышать каждое слово.

Когда онъ пришелъ къ ней въ это утро, то засталъ слѣдующую сцену: миссъ Дьюсбери тщетно старалась услышать, что ей говоритъ мясникъ, а тотъ, въ свою очередь, понапрасну напрягалъ всѣ свои силы для того, чтобы быть понятымъ. Она находилась въ лихорадочномъ возбужденіи; мясникъ тоже имѣлъ крайне взволнованный видъ.

— Вы пришли какъ разъ вó-время, чтобы спасти мою жизнь,—сказалъ онъ Бену.—Ради самого Бога, скажите ей черезъ трубку, что говядина вздорожала на два цента за фунтъ, что у меня не будетъ копченаго языка до слѣдующей недѣли, и что она дала мнѣ на 7 центовъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Бенъ своимъ мягкимъ голосомъ передалъ эти мистическія слова черезъ трубку, мясникъ получилъ удовлетвореніе и удалился, а миссъ Дьюсбери съ благосклонной улыбкой привѣтствовала своего любимца. Когда онъ сказалъ ей, что пришелъ просить у нея о большомъ одолженіи, она очень обрадовалась и Бенъ почувствовалъ, что ему не трудно будетъ получить ея согласіе. Но когда онъ объяснилъ, что ему нужно, то оказалось, что убѣдить ее не такъ-то просто. Конечно, она сама не играла на фортепіано; но, по ея словамъ, она не видѣла причины, почему кто-нибудь другой долженъ играть на немъ. Бенъ терпѣливо ждалъ, пока она истощитъ все свое краснорѣчіе, потомъ отошелъ въ сторону, вынулъ изъ кармана ножъ и отрѣзалъ сухую вѣтку отъ одного изъ ея лимонныхъ деревьевъ. Затѣмъ онъ спокойно началъ упрашивать ее и при этомъ покручивалъ свои длинные усы. Наконецъ, старуха сдалась.

— Можете получить фортепіано,—сказала она.—Только вы должны сами отвезти его.

Бенъ не счелъ нужнымъ прибавить, что онъ уже принялъ всѣ мѣры для того, чтобы сразу перевезти рояль; онъ побылъ у нея еще нѣкоторое время, выслушивая ея жалобы на рабочихъ и на ихъ лѣнь, которую она наблюдала черезъ бинокль. Ему хотѣлось высказать предположеніе, что, можетъ быть, бинокль и дѣлаетъ ихъ такими лѣнивыми, но, вспомнивъ о цѣли своего посѣщенія, вó-время удержался и произнесъ великолѣпную рѣчь о лѣности, матери всѣхъ пороковъ. Онъ даже попросилъ у нея стаканъ снятого молока и, наконецъ, ушелъ, почтительно раскланявшись со старой лэди. Черезъ нѣкоторое время ея фортепіано уже стояло въ маленькомъ домикѣ Роберта Страффорда, и Бенъ старательно сметалъ съ него пыль.

Покончивши съ этимъ дѣломъ, онъ не зналъ, за что̀ теперь приняться; наконецъ, пошелъ въ сарай, соорудилъ простой ящикъ для писемъ и поставилъ его на поворотѣ дороги, которая вела къ рэнчу Страффорда. Оставалось еще два часа. Онъ пошелъ въ садъ и полилъ цвѣты. На небѣ собирались густыя, сине-черныя облака, закрывавшія вершины горъ.

— Собирается гроза,—думалъ Бенъ.—Надѣюсь, что она еще не разразится сегодня вечеромъ. Это будетъ печальная встрѣча для жены Боба, хотя теперь хорошіе дожди были бы намъ очень кстати.

Онъ посмотрѣлъ на хорошенькую долину съ кольцомъ окаймлявшихъ ее деревьевъ, которая вся была видна съ холма, гдѣ стоялъ домъ Роберта. Во всякое время года оттуда виднѣлись эти зеленѣющія де-

ревья, ютившіяся около холмовъ, которые, въ свою очередь, казалось, ютились около обнаженныхъ скалистыхъ горъ, возвышавшихся вдали.

— Эти деревья всегда пробуждаютъ во мнѣ тоску по родинѣ и ея лѣсамъ,—думалъ Бенъ.—Сѣрыя горы и холмы тоже хороши въ своемъ родѣ, и въ концѣ-концовъ ихъ начинаешь страшно любить, но все-таки безъ деревьевъ скучно. А вотъ Джессъ Голлесъ говоритъ, что когда онъ ѣздилъ на сѣверъ и потомъ вернулся сюда, то обрадовался этимъ обнаженнымъ горамъ, какъ роднымъ. Хотѣлъ бы я знать, какъ все это понравится невѣстѣ Боба и какъ она здѣсь уживется. Женщины больше нашего страдаютъ тоской по родинѣ. Моя маленькая невѣста навѣрное истомилась бы здѣсь. Я могу переносить свое диночество, но никогда не вынесъ бы ея тоскующаго взгляда. Бѣдный Бобъ. Лучше бы онъ не посылалъ за ней! Меня не удивляетъ, что онъ такъ безпокоится.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на тучи, потомъ вошелъ въ домъ, снялъ съ себя куртку, засучилъ рукава и началъ готовить ужинъ.

Вдругъ маленькій домикъ весь затрясся отъ сильнаго порыва вѣтра, Нелли вскочила съ своего теплаго мѣстечка около огня и безпокойно начала озираться кругомъ.

— Проклятіе!—проворчалъ Бенъ.—Начинается гроза. Только бы они успѣли пріѣхать до дождя.

Было семь часовъ и тьма стояла непроглядная. Бенъ зажегъ фонарь и вышелъ съ нимъ на крыльцо. Время тянулось безконечно, но наконецъ, онъ услышалъ шумъ колесъ, черезъ нѣсколько минутъ лошадь въѣхала на холмъ, и голосъ Роберта воскликнулъ:

— Вотъ она, Бенъ!

— Да, вотъ и я,—сказала жена Боба.

— Наконецъ-то! Я такъ боялся, что гроза застигнетъ васъ въ дорогѣ,—сказалъ Бенъ, подойдя къ экипажу и помогая ей выйти.—Я сведу лошадь въ конюшню, Бобъ, а потомъ подамъ вамъ обѣдать. Предоставь мнѣ все.

Пока Бенъ распрягалъ лошадь, Бобъ повелъ жену въ домъ и просіялъ отъ удовольствія и гордости, когда она, осмотрѣвшись кругомъ, сказала:

— Какъ уютно ты все здѣсь устроилъ! Огонь въ каминѣ, цвѣты! Здѣсь сразу чувствуешь себя дома!

Въ этотъ моментъ всѣ сомнѣнія и опасенія Роберта исчезли, и когда Бенъ вернулся изъ конюшни, онъ засталъ мужа и жену, сидящихъ передъ огнемъ и отогрѣвающихъ себѣ руки; Нелли помѣстилась между ними, Робертъ разспрашивалъ про Англію, Гильда отвѣчала ему, и голосъ ея поразилъ Бена своимъ громкимъ, нѣсколько рѣзкимъ звукомъ. Онъ не имѣлъ еще времени хорошенько разсмотрѣть ее, потому что торопился поскорѣе подать имъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ мяса, изжареннаго такъ, какъ только одинъ Бенъ умѣлъ его жарить, салата

*

изъ цыплятъ и кофея. Торжественно водрузивъ все это на столѣ, Бенъ опустился въ кресло со вздохомъ облегченія и началъ покручивать свои усы.

— Вы были такимъ вѣрнымъ другомъ Роберту,—сказалъ Гильда, улыбаясь ему.—Я все уже знаю.

— Ну, полноте,—сказалъ Бенъ весело.—Я только помогъ ему пережить то время, пока онъ васъ ждалъ. Тогда этотъ несчастный дѣйствительно нуждался въ дружеской поддержкѣ. Но теперь онъ не имѣетъ болѣе несчастнаго вида.

— Я думаю,—засмѣялся Робертъ.—Въ данную минуту я не чувствую себя несчастнымъ.

— Вы мнѣ часто доставляли массу непріятностей,—сказалъ Бенъ, обращаясь къ Гильдѣ.—Когда почта опаздывала и ваши письма не приходили въ ту самую минуту, когда ихъ ждали, то мнѣ приходилось страдать за это. Потомъ, однажды вы были больны. Долженъ вамъ сказать, что за время вашей болѣзни я не имѣлъ ни минуты покоя.

— Я вижу, вамъ дѣйствительно пришлось много перестрадать изъ за меня,—сказала Гильда съ улыбкой.

— Я не могъ равнодушно смотрѣть на его волненія,—сказалъ Бенъ, кладя руку на плечо Роберта.—Онъ принимаетъ все ужасно близко къ сердцу и тутъ ужъ съ нимъ невозможно ничего подѣлать.

— Онъ совершенно напрасно волновался,—сказала Гильда, и рѣзкія ноты въ ея голосѣ опять кольнули Бена.—Я очень сильна и за меня нечего бояться.

И дѣйствительно, она имѣла цвѣтущій видъ, несмотря на усталость послѣ длиннаго путешествія изъ Англіи въ Калифорнію. У нея былъ смуглый цвѣтъ лица и темные каріе глаза. Она была очень хорошенькой, даже красивой, и удивительно граціозной женщиной. Но Бену она показалась совсѣмъ несимпатичной. Простившись съ молодыми супругами и отправляясь домой на своей пѣгой лошадкѣ, онъ все время не могъ отдѣлаться отъ чувства нѣкотораго разочарованія и безпокойства за Роберта.

II.

Прошло три дня со времени пріѣзда Гильды, а гроза, которая уже столько времени висѣла въ воздухѣ, все еще не разразилась. Какъ всѣ рэнчеры, Робертъ желалъ дождей, но онъ былъ радъ этой небольшой отсрочкѣ, потому что ему хотѣлось показать Гильдѣ все свое хозяйство и садъ. Онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала; малѣйшее одобреніе съ ея стороны доставляло ему величайшее удовольствіе. Трудъ, волненія и рискъ своего предпріятія, онъ все это забывалъ, съ гордостью показывая ей результаты своихъ трудовъ. Онъ былъ теперь вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ.

— Многіе утверждаютъ, что плодоводство невыгодно,— говорилъ онъ, показывая ей свои любимыя деревья. — Но ты не тревожься за наше будущее. Большіе рэнчи часто не приносятъ дохода, потому что съ ними слишкомъ трудно справиться, а если маленькіе рэнчи прогораютъ, то это значитъ или что за ними не было достаточно присмотра, или что у ихъ владѣльцевъ не было достаточно денегъ, которыя они могли вложить въ нихъ. Но рэнчъ въ 25 акровъ, тщательно обрабатываемый, непремѣнно долженъ дать доходъ. Вотъ это здѣсь мои лучшія деревья. Они очень хорошо идутъ, и я разсчитываю получить въ будущемъ году по два доллара чистой прибыли съ каждаго ящика лимоновъ. Я ухлопалъ въ нихъ массу труда, но зато и вознагражденіе будетъ хорошее.

Гильда старалась дѣлать соотвѣтствующія случаю замѣчанія, но деревья не возбуждали въ ней никакого интереса. Они были для нея горькимъ разочарованіемъ, потому что, несмотря на письма Роберта, разсказывавшаго ей, что его садъ находится еще въ младенческомъ состояніи, она все-таки рисовала себѣ въ воображеніи купы большихъ деревьевъ, покрытыхъ апельсинами и лимонами. Она молча слѣдовала за мужемъ, который теперь повелъ ее къ своему искусственному резервуару.

— Эта штука тоже стоила много денегъ и труда,—говорилъ онъ,— но она была необходима. Въ такой сухой странѣ имѣть у себя подъ рукой воду представляетъ огромное преимущество.

Гильда похвалила резервуаръ и замѣтила, что здѣсь тоже слѣдовало бы посадить нѣсколько деревьевъ.

— Да, конечно,—согласился Робертъ.—У насъ вездѣ будутъ деревья и ты сама ихъ выберешь и скажешь, куда ихъ посадить.

— Отчего ты съ самаго начала не посадилъ въ саду хоть нѣсколько тѣнистыхъ деревьевъ?—спросила она.—Здѣсь какъ-то ужасно голо. Я не думала, что такія мѣста существуютъ внѣ пустыни.

Липо Роберта омрачилось и Гильда быстро прибавила:

— Зато горы кругомъ очень величественны, и я думаю, въ концѣ концовъ, привыкнешь къ этой обнаженной землѣ.

— О, да,—отвѣтилъ онъ.—Современемъ эта картина начинаетъ ка заться почти красивой.

— Красивой—нѣтъ,—возразила она рѣшительно,—но, можетъ быть, терпимой.

— Каждый день,—началъ онъ заискивающе,—ты будешь замѣчать перемѣну въ окружающемъ. Когда у насъ пойдутъ дожди, то вездѣ появится зелень и полевые цвѣты. Черезъ три недѣли этотъ маленькій холмикъ за нашимъ рэнчемъ весь покроется желтыми лиліями. А тамъ, въ горахъ, куда ты будешь ѣздить верхомъ, открывается чудный видъ на океанъ. Вѣтеръ доноситъ туда запахъ моря и временами тамъ даже слышенъ шумъ прибоя.

Онъ остановился на минуту. Гильда сказала весело:

— Я ужасно люблю ѣздить верхомъ. Мнѣ скоро можно будетъ начать прогулки?

— Хоть сейчасъ,—отвѣчалъ онъ, довольный тѣмъ, что она развеселилась.—Пойдемъ, я покажу тебѣ твою лошадку и мексиканское сѣдло.

Гильда видѣла всю его заботливость о ней и была ему благодарна; съ каждымъ днемъ она все больше чувствовала его любовь и усиленно старалась отвѣчать на нее соотвѣтствующимъ образомъ. Она принялась за работу, къ которой не привыкла и которая ей совсѣмъ не нравилась, и скоро прекрасно выучилась хозяйничать. Но тѣмъ не менѣе она не могла не признаться себѣ, что сдѣлала огромную ошибку. Оглядываясь назадъ, она недоумѣвала, какимъ образомъ могла она рѣшиться пріѣхать въ эту далекую страну и обречь себя на существованіе, съ которымъ она никогда не примирится. Она любила Роберта настолько, насколько вообще считала себя способной любить, и когда онъ заболѣлъ и уѣхалъ изъ Англіи, она осталась его невѣстой, получала отъ него письма полныя любви и тоски, и отвѣчала на нихъ ласковыми, но спокойными письмами. Такъ шли года, и когда наконецъ, возникъ вопросъ объ ея поѣздкѣ въ Калифорнію, то ея родные и друзья горячо воспротивились этому. Они доказывали ей, что послѣ жизни въ Лондонѣ, полной самыхъ разнообразныхъ и живыхъ интересовъ, ѣхать въ южную Калифорнію было бы чистымъ безуміемъ. Но всѣ ихъ доводы только усиливали ея желаніе поѣхать: она вдругъ почувствовала жалость къ одинокому человѣку, который томится тамъ вдали и разсчитываетъ на ея поддержку. Если она не предполагала сдержать своего слова, то ей слѣдовало давно предупредить его, а не оставлять его въ надеждѣ. Всѣ эти соображенія, въ связи съ любовью къ путешествіямъ и жаждой новыхъ впечатлѣній, рѣшили дѣло.

И вотъ она пріѣхала.

Сидя теперь на маленькой верандѣ, отдыхая отъ своихъ хозяйскихъ обязанностей и наблюдая за Робертомъ, который возился въ полѣ, она вдругъ поняла, что сдѣлала величайшую глупость. Она смотрѣла на роскошный вспаханный черноземъ темно-коричневаго цвѣта и правильные ряды лимонныхъ деревьевъ, на просторъ разстилающейся кругомъ земли, гдѣ не видно было и слѣда человѣческаго жилья; на обнаженныя суровыя горы вдали. Все было такъ тихо и безжизненно. Нигдѣ никакого признака жизни, никакихъ звуковъ, которые оживляютъ даже самыя маленькія глухія деревеньки въ старой странѣ. За исключеніемъ мужа, не съ кѣмъ было даже и слова сказать въ теченіе всего дня.

И такую жизнь она выбрала вполнѣ сознательно, добровольно! Она добровольно отказалась отъ жизни, полной интересовъ и впечатлѣній, и была такъ безумна, что промѣняла ее на этотъ ужасъ!

Здѣсь даже и читать не было охоты. Романъ Меридита лежалъ

около нея нераскрытый. Взглядъ ея упалъ на книгу и ей стало стыдно при мысли, какой неблагодарностью она отплачиваетъ Роберту за всю его доброту. Онъ купилъ для нея цѣлый рядъ новыхъ книгъ, подписался на лучшіе журналы, привезъ изъ города настройщика. А ей не хотѣлось читать, и она даже ни разу не дотронулась до фортепіано. Раскаяніе охватило ее; она вскочила и отправилась въ поле, поговорить съ мужемъ. Лицо его просіяло, когда онъ ее увидѣлъ. Нелли бросилась къ ней навстрѣчу, и лошади съ недоумѣніемъ смотрѣли на то, что происходитъ кругомъ. На минуту она почувствовала себя почти счастливой.

— Я бы хотѣла побольше помогать тебѣ,—сказала она ласково.—Я очень сильная и здоровая, я могла бы работать и въ полѣ. У тебя ужасно усталый видъ.

— О, это пустяки,—сказалъ онъ, улыбаясь и вытирая себѣ лобъ.—Съ тѣхъ поръ какъ ты пріѣхала, мнѣ все кажется легко.

— Я думаю, что легко могла бы выучиться копать—сказала она.

— Можетъ быть, ты разсчитываешь, что я позволю тебѣ копать ирригаціонныя канавы?—спросилъ онъ, улыбаясь.—Нѣтъ, ужъ ты лучше занимайся своимъ хозяйствомъ, а въ будущемъ году поспѣютъ лимоны.

— Въ будущемъ году,—проговорила она тихо, и сердце ея упало.

— Я почти рѣшилъ посадить нѣсколько орѣшниковъ,—сказалъ Робертъ.—Они дадутъ плодъ только черезъ девять лѣтъ, но зато потомъ будутъ приносить большой барышъ.

— Черезъ девять лѣтъ,—повторила она уныло и почувствовала, что рыданія подступаютъ ей къ горлу.

Но въ этотъ моментъ появился Бенъ Оверлей съ только что убитой имъ дичью.

— Позвольте вамъ преподнести мою добычу,—сказалъ онъ, обращаясь къ Гильдѣ.—Я убилъ ее изъ этого лука, который Джессъ Голлесъ посылаетъ вамъ въ подарокъ. Онъ слишкомъ застѣнчивъ и не рѣшается лично вручить его вамъ. Хотя онъ навѣрное не покажется вамъ застѣнчивымъ, когда вы его увидите.

— А когда я его увижу?—спросила Гильда, которая сразу оживилась и выглядѣла теперь очень красивой.

— Сегодня вечеромъ,—отвѣтилъ Бенъ, посматривая на нее съ восхищеніемъ.—Надо вамъ сказать, я явился предупредить васъ, что черезъ часъ васъ ожидаетъ посѣщеніе семи молодыхъ людей. Лаудердоль, Грэгемъ, Голлесъ и нѣкоторые другіе собираются сегодя выразить вамъ свое почтеніе. Голлесъ вамъ навѣрное понравится. Онъ очень забавенъ, когда бываетъ въ хорошемъ настроеніи духа. Но послѣднія три недѣли онъ былъ нездоровъ и только теперь совсѣмъ оправился, Онъ сдѣлалъ девять завѣщаній и написалъ шесть прощальныхъ писемъ за это время, и увѣряетъ, что благодаря этому и поправился.

— Надо пойти приготовить все къ пріему гостей,—сказала Гильда, обрадованная неожиданнымъ развлеченіемъ.—Это очень любезно со стороны м-ра Голлеса прислать мнѣ свой лукъ. Научите меня стрѣлять. м-ръ Оверлей. Я бы хотѣла сейчасъ же попробовать.

Бенъ показалъ ей, какъ надо держать лукъ, натянулъ его и съ одобрительной улыбкой кивнулъ Бобу, когда она попала въ цѣль, которую ей намѣтили.

— Скоро она будетъ уже ходить съ нами въ горы, охотиться на оленей,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, она будетъ счастливѣе на охотѣ, чѣмъ мы.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Робертъ, смѣясь.—Не забудь спросить у Голлеса, Гильда, сколько оленей онъ убилъ на своемъ вѣку.

Гильда отправилась въ домъ, приготовлять угощеніе для гостей.

— Сегодня навѣрное будетъ дождь, — сказалъ Бенъ. — Посмотри только на небо.

— Да, я думаю, что сегодня твое пророчество, наконецъ, исполнится,—отвѣчалъ Робертъ, выпрягая лошадей изъ плуга.

IV.

Семь молодыхъ людей пришли, какъ и обѣщали, и очень понравились Гильдѣ. Она совсѣмъ ожила въ обществѣ этихъ молодыхъ англичанъ, занесенныхъ судьбою въ глушь южной Калифорніи, съ удовольствіемъ слушала ихъ разсказы, смѣялась ихъ шуткамъ и отвѣчала на ихъ безконечные вопросы о томъ, что дѣлается дома.

— Какой видъ имѣетъ теперь Страндъ?—спрашивалъ Грэгэмъ.

— Нѣтъ ли какихъ перемѣнъ въ Паркъ-Лэнѣ?—вопрошалъ Голлесъ

Несмотря на свою недавнюю, болѣзнь, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа.

— Я былъ очень боленъ, — разсказывалъ онъ Гильдѣ, — но Лаудердэль великолѣпно ухаживалъ за мной и, наконецъ, мнѣ стало настолько лучше, что я смогъ написать нѣсколько прощальныхъ писемъ въ Англію и сдѣлать свое завѣщаніе. А вы знаете, какъ это трудно, особенно когда у васъ много драгоцѣнностей. Я завѣщалъ свою трубку сначала Лаудердэлю, потомъ Грэгэму, потомъ Бобу, потомъ Бену Оверлей, и въ концѣ концовъ оставилъ ее себѣ.

— Вы должны были-бы оставить себѣ и лукъ,—сказала Гильда,— хотя я очень рада, что вы этого не сдѣлали,

Всѣ оживленно болтали и смѣялись и Джессъ Голлесъ больше всѣхъ. Когда Бенъ заявилъ, что имъ пора домой, то всѣмъ не хотѣлось уходить, и Голлесъ, очень любившій музыку, посматривалъ на фортепіано. Но Бенъ безпокоился на счетъ погоды и настаивалъ, чтобы идти сейчасъ же.

— Идемъ, идемъ, дайте мнѣ только съѣсть свое печенье,—сказалъ

Джессъ.—Вы никогда не даете намъ такого вкуснаго печенья, Бенъ. Знаете, м-съ Страффордъ, когда мы хотимъ убить время, то мы просимъ Бена приготовить намъ песочное пирожное. Ими сразу можно убить всякаго звѣря.

— Отчего вы не попробуете запустить ихъ въ оленя? — замѣтила Гильда. Всѣ опять разсмѣялись. Потомъ Робертъ зажегъ фонарь и отворилъ дверь.

— Идетъ дождь,—заявилъ онъ,—и, что еще важнѣе, онъ усиливается.

— Ура!—воскликнулъ Грэгэмъ.—Мы наживемъ себѣ огромныя состоянія!

— Да,—сказалъ Робертъ.—Мы всѣ будемъ спасены, если теперь пойдутъ хорошіе дожди. Но васъ порядочно вымочитъ, пока вы доберетесь до дому.

— Ничего,—отвѣчалъ Джессъ.—Единственный, за кого еще можно опасаться, это я, потому что я нѣжнаго сложенія, а остальные сдѣланы изъ такого грубаго матеріала, что ихъ никакой дождь не проймետъ. А на мнѣ тоже нѣтъ никакихъ одѣяній, которыя могли бы пострадать отъ дождя, за исключеніемъ воротничка, взятаго на прокатъ у Бена, но его я положу въ карманъ. Прощайте, м-съ Страффордъ. На прощанье мы трижды прокричимъ ура въ вашу честь и въ честь Боба и дорогой старой Англіи.

Молодые люди хоромъ прокричали троекратное ура и удалились. Гроза разразилась вскорѣ послѣ ихъ ухода съ неописуемой яростью. Поднялся страшный вѣтеръ и потрясалъ до самаго основанія маленькій домикъ. Робертъ и Гильда сидѣли у огня и слушали, какъ трещали стѣны ихъ дома. Иногда Нелли вскакивала и начинала выть, а Гильда нервно вздрагивала.

— Это ничего,—успокаивалъ ее Робертъ.—Вѣтеръ скоро утихнетъ, а что касается дождя, то мы уже давно его ждемъ. Мы всѣ были бы разорены, если бы дожди не настали наконецъ. Лежи смирно, Нелли. Нечего тебѣ бояться.

Но вѣтеръ не утихалъ. Съ каждымъ часомъ онъ бушевалъ сильнѣе и дождь, цѣлыми потоками изливавшійся на землю, производилъ оглушающій шумъ.

— Я жалѣю, что мы не оставили ихъ ночевать, — говорилъ Робертъ.—Въ такую ночь страшно быть въ дорогѣ. Когда начинаются такія бури,—продолжалъ онъ,—я всегда чувствую благодарность Бену за то, что онъ уговорилъ меня купить землю по склону холма, а не въ долинѣ. Три года тому назадъ здѣсь въ долинѣ случилось ужаснѣйшее происшествіе. У одного рэнчера 8 акровъ оливковыхъ деревьевъ было окончательно затоплено разливомъ рѣки. Завтра ты должна сходить посмотрѣть на рѣку. Ты видѣла ее вчера, не правда ли? Ну, такъ вотъ, ты не узнаешь ее послѣ одного или двухъ дней дождя. И къ намъ на веранду будетъ доноситься ея шумъ, точно шумъ океана.

Немного погодя, онъ сказалъ:

— Я жалѣю, что такъ наполнилъ свой резервуаръ. Какой я идіотъ, мнѣ не пришло въ голову, что это можетъ быть очень опасно въ случаѣ дождя.

— Тебя это безпокоитъ?—спросила Гильда ласково.

— Пока не особенно,—отвѣтилъ онъ.—Но завтра утромъ надо будетъ пораньше встать и поднять плотину. Съ этими резервуарами нужна такая осторожность. Если плотина прорвется, то это величайшее несчастіе, какое только можетъ случиться. Но моя плотина прочна, какъ крѣпость. Я страшно работалъ надъ ней и чувствовалъ себя въ родѣ героя Виктора Гюго въ «Труженикахъ моря». Помнишь, того, который выбивался изъ силъ надъ заданной самому себѣ задачей.

— Бѣдный мой Бобъ, — съ несвойственной ей нѣжностью сказала Гильда, наклоняясь къ нему.—Ты совсѣмъ не годишься для такой трудной работы. Ты совсѣмъ замучился, и все это ради меня, и если бы ты только зналъ, какъ я недостойна всѣхъ твоихъ жертвъ.

— Я хотѣлъ, чтобы нашъ маленькій рэнчъ былъ какъ можно лучше обработанъ и вообще хотѣлъ предоставить тебѣ все лучшее, что только можно въ этой далекой странѣ. Что касается меня, то я чувствую себя совершенно счастливымъ съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхала ко мнѣ, только я всегда жалѣю о томъ, что мнѣ не удалось устроить для тебя домашній очагъ въ Англіи. Я никогда не забываю объ этомъ, что бы я ни дѣлалъ.

Онъ, казалось, ждалъ отвѣта, но Гильда молчала и когда она, наконецъ, заговорила, то предметомъ ея разговора были недавніе гости. А затѣмъ опять поднялся сильный порывъ вѣтра, и все ихъ вниманіе было поглощено тѣмъ, чтобы покрѣпче запереть окна и двери и предохраниться отъ дождя. Затѣмъ они пошли спать.

Гильдѣ снилась Англія и все, что она тамъ оставила. Ей снилось, что Робертъ говорилъ ей: въ будущемъ году будетъ сборъ лимоновъ, а она повторила: *въ будущемъ году*, и сердце ея сжималось.

Робертъ видѣлъ во снѣ восемь акровъ оливковыхъ деревьевъ, погибшихъ отъ наводненія три года тому назадъ и свой собственный рэнчъ, расположенный въ безопасномъ мѣстѣ, на склонѣ холма, и свой резервуаръ. Ему снилось, что онъ все еще работаетъ надъ нимъ, укрѣпляетъ земляную плотину.

Онъ проснулся рано утромъ и увидѣлъ, что буря все еще свирѣпствуетъ. Онъ сразу вспомнилъ про свой резервуаръ и, охваченный ужасомъ, выбѣжалъ изъ дому, не взирая на дождь и вѣтеръ и направился прямо къ резервуару.

Съ минуту онъ стоялъ, какъ парализованный.

Вода только что начала переливаться черезъ плотину. Онъ пришелъ слишкомъ поздно и сразу понялъ это. Черезъ 10 минутъ вода пробила большую брешь въ плотинѣ и разлилась по рэнчу, затопляя маленькія деревья.

Робертъ стоялъ подъ дождемъ и вѣтромъ и безпомощно смотрѣлъ, какъ вода разрушала результаты его трехлѣтняго труда: онъ видѣлъ свои лучшія лимонныя деревья, вырванныя съ корнемъ и унесенныя потокомъ. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса все это кончилось, а онъ все еще стоялъ тамъ, какъ вкопанный, не замѣчая ни вѣтра, ни дождя, не сознавая ничего, кромѣ своей неудачи. Но когда голова его опять начала работать, первою мыслью его была мысль о Гильдѣ: ради него она покинула семью и родину и всю свою прежнюю жизнь, и пріѣхала сюда, въ эту ужасную, пустынную страну, гдѣ всѣ томятся тоской по родинѣ и жаждутъ увидѣть хоть клочекъ родной земли, какое-нибудь поле Девоншира, или холмъ Сёррея. Въ настоящую минуту онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ, чтобы снова очутиться дома, въ родной, привычной ему обстановкѣ. И чѣмъ сильнѣе ему самому хотѣлось на родину, тѣмъ больше онъ упрекалъ себя въ томъ, что привезъ сюда Гильду, заставилъ ее «отказаться отъ прежней жизни, и для чего? Для того, чтобы раздѣлять его изгнаніе, его одиночество и его неудачи. Вотъ все, что онъ могъ предложить ей, и онъ долженъ былъ это предвидѣть заранѣе, и если не могъ спасти самого себя, то обязанъ былъ во всякомъ случаѣ уберечь ее».

Наконецъ онъ рѣшился уйти и, борясь съ вѣтромъ, добрался до дому. Гильда выбѣжала встрѣтить его.

— Робертъ,—сказала она, всматриваясь въ его блѣдное лицо,—я такъ безпокоилась... Въ чемъ дѣло? Что случилось?

— Ты слышишь этотъ шумъ?—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Это наша плотина прорвалась и вода разлилась по рэнчу. Не правда ли, непріятно быть женой человѣка, которому ничто не удается?

V.

Весь этотъ ужасный день Гильда старалась быть какъ можно ласковѣе съ мужемъ и всячески успокаивала его, но она все-таки могла дать ему такъ мало, что не въ силахъ была утѣшить его. Она была еще слишкомъ чужда калифорнійской жизни, чтобы вполнѣ понять все значеніе постигшаго ихъ несчастія, и, кромѣ того, въ ея утѣшеніяхъ не хватало теплоты и силы любви. Всѣ ея слова не производили на него никакого дѣйствія. Онъ сидѣлъ у огня и имѣлъ совершенно убитый видъ; временами онъ взглядывалъ на нее, когда она проходила по комнатѣ, занятая своими хозяйственными хлопотами. Она подала обѣдъ и уговаривала его съѣсть хоть что-нибудь, но онъ отрицательно покачалъ головою и подсѣлъ поближе къ огню. Около трехъ часовъ буря начала утихать и дождь кончился.

Гильда, чувствовавшая себя очень несчастной и безпомощной, вышла на веранду, прислушивалась къ шуму рѣки и смотрѣла на серебристую полосу воды, извивающуюся по долинѣ, которая была раньше

совершенно сухой. Она смѣялась раньше, когда Бобъ говорилъ ей, что эта песчаная дорога, пересѣкающая по срединѣ равнину, и есть ихъ великая рѣка. Теперь же, смотря на нее, она испытывала сильное желаніе сойти внизъ и посмотрѣть на нее поближе. Она какъ разъ задумывалась надъ вопросомъ, можно ли на время оставить Роберта, и имѣетъ ли она право позволить себѣ это маленькое развлеченіе, когда увидѣла вдали человѣка, поднимающагося на холмъ, и узнала въ немъ Бена Оверлея. Она вздохнула съ облегченіемъ. Бенъ останется съ Робертомъ, а она пойдетъ прогуляться и вернется, немного освѣжившись тѣломъ и духомъ. Бенъ, навѣрное, лучше ея съумѣетъ успокоить Роберта, да и ей сразу стало легче, когда она его увидѣла. Жизнь ея не казалось такой мрачной и безнадежной, когда она вспоминала, что у нихъ есть такой сосѣдъ и другъ, какъ Бенъ Оверлей.

— Вотъ вы и познакомились съ типичной калифорнійской бурей,— сказалъ Бенъ, здороваясь съ нею.—Ваше счастье, что вы живете на холмѣ. Въ долинѣ буря навѣрное произвела большія опустошенія. И она еще не кончилась. Это только временное затишье, и я воспользовался имъ, чтобы придти узнать, все ли у васъ благополучно. Гдѣ Бобъ?

— Бобъ сидитъ у огня,—сказала она.

— Онъ долженъ былъ бы свести васъ посмотрѣть на рѣку. Это удивительная картина.

— Я только что собиралась идти туда,— отвѣчала она уныло.— Мнѣ хочется хоть немного развлечься. Бобъ очень огорченъ; мы оба очень огорчены. Вода изъ резервуара разлилась сегодня утромъ.

— Господи, Боже мой! — воскликнулъ Бенъ. — И вы говорите объ этомъ такъ, какъ будто разбилась какая-нибудь банка съ вареньемъ!

Гильда съ негодованіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ быстро открылъ дверь и вошелъ въ домъ. Онъ положилъ руки на плечи Бобу и сказалъ:

— Встряхнись, старый другъ. Я пришелъ выкурить съ тобою трубку.

— Это ты, Бенъ!

Робертъ взглянулъ на него и замолчалъ.

Нѣкоторое время они молча сидѣли у огня, а Гильда оставалась на верандѣ.

Наконецъ, Робертъ заговорилъ:

— Мои лучшія деревья погибли,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ.— Лучшая часть моего рэнча разрушена.

— Мы поправимъ ее,—сказалъ Бенъ. — Я буду помогать тебѣ и вдвоемъ мы быстро возстановимъ все.

Робертъ покачалъ головою.

— Здѣсь нечего поправлять,—проговорилъ онъ.—Меня опять постигла неудача и я увлекъ съ собою эту дѣвушку. Вотъ чего я не могу простить себѣ. А она была такъ добра и терпѣлива со мной весь этотъ ужасный день. Не весело встрѣтила ее Калифорнія, не правда ли?

На минуту у Бена проснулось сочувствіе къ Гильдѣ и онъ пожалѣлъ, что только что такъ рѣзко говорилъ съ нею. Бобъ былъ правъ. Дѣйствительно, не на веселье пріѣхала она сюда: пустая, скучная жизнь, выбившійся изъ силъ труженикъ и разоренный рэнчъ. Нельзя сказать, чтобы она сдѣлала особенно блестящую партію.

— Я пойду съ ней сейчасъ къ рѣкѣ — сказалъ онъ. — Ей хочется пойти туда, а идти одной не совсѣмъ безопасно.

Бобъ кивнулъ головою въ знакъ одобренія и опять сдѣлался безучастнымъ ко всему внѣшнему міру. Бонъ понялъ, что теперь его лучше оставить одного, и ушелъ, не разспрашивая ничего про резервуаръ. Но онъ и самъ вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно вода затопила лучшую часть рэнча, и сердце у него заболѣло за друга. Онъ обошелъ его владѣнія, и потомъ черезъ садъ поднялся на веранду. Гильда все еще стояла тамъ. Она казалась очень грустной.

— Не хотите-ли пройтись со мной къ рѣкѣ?—сказалъ онъ со своей обычной привѣтливой манерой. — Бабу лучше побыть одному, а вамъ хорошо будетъ немного прогуляться. Только надѣньте толстые сапоги, потому что грязь ужаснѣйшая. Вы не боитесь идти по грязной дорогѣ?

— Нѣтъ, нисколько, — отвѣтила она живо. — Я съ удовольствіемъ пройдусь.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже шли по долинѣ, иногда завязая въ грязи, иногда прокладывая себѣ путь безъ всякихъ затрудненій. Сначала Бенъ не могъ заставить себя говорить съ ней о неудачѣ, постигшей его друга; ему казалось, что Гильда или не понимаетъ его, или относится равнодушно. Но не можетъ же быть, чтобы она въ самомъ дѣлѣ была равнодушна, думалъ онъ. Вѣроятно, у нея одна изъ тѣхъ сдержанныхъ натуръ, которыя умѣютъ скрывать свои страданія. Въ концѣ концовъ онъ все-таки заговорилъ о томъ, что въ данную минуту всецѣло поглощало его мысли.

— Эта исторія съ резервуаромъ ужасно непріятна,—сказалъ онъ.— Бенъ работалъ надъ нимъ, какъ негръ, въ теченіе цѣлаго года. Я не видалъ, чтобы кто-нибудь такъ трудился, какъ онъ. И никто изъ насъ даже не допускалъ и тѣни сомнѣнія въ прочности плотины. Онъ еще не говорилъ со мной ни слова объ этомъ, и я не спрашивалъ. Въ свое время онъ разскажетъ.

— Онъ слишкомъ наполнилъ резервуаръ,—заговорила Гильда своимъ звенящимъ голосомъ. — Я просто не могу понять, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такую нелѣпость, зная, что съ минуты на минуту можетъ пойти дождь. Потомъ, оказывается, что плотина была не въ порядкѣ. Отъ того все и случилось; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ сказалъ мнѣ. Онъ все откладывалъ починку плотины, пока, наконецъ не стало поздно. Мнѣ ужасно жаль, что случилось такое несчастіе, но я все-таки не понимаю, почему онъ не принялъ самыхъ простыхъ мѣръ предосторожности. Я, конечно, не скажу этого ему, но мнѣ кажется, что ничего бы не случилось, если бы ..

— Если бы Бобъ не выбился окончательно изъ силъ,—прервалъ ее Бенъ рѣзко.

— Во всякомъ случаѣ, все это очень непріятно,—сказала она равнодушно.

Бенъ посмотрѣлъ на нее, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе. Какъ холодно она разсуждала о мужѣ! Онъ тщетно старался понять, что она собою представляетъ, Очевидно, она не понимала своего несчастья и говорила о немъ, какъ о чемъ-то, совершенно ее не затрогивающемъ.

— Я не думаю, чтобы теперь былъ подходящій моментъ для критики,—сказалъ онъ.—Теперь Бобу нужна не критика, а сочувствіе.

— Неужели вы думаете, что я этого не понимаю?—спросила она холодно.—Вы, можетъ быть, воображаете, что я буду еще болѣе отравлять ему эти горькія минуты? Какое же вы составили себѣ мнѣніе обо мнѣ мнѣніе, скажите пожалуйста?

— Я думаю, что составилъ себѣ о васъ самое правильное мнѣніе,—отвѣчалъ онъ спокойно.—Вы—новый человѣкъ въ Калифорніи, незнакомый съ нашей здѣшней жизнью, съ недѣлями, мѣсяцами и годами непривычнаго труда, съ нашими тревогами и несчастьями. Вашъ рэнчъ фактически разоренъ. На всѣхъ этихъ деревьяхъ въ будущемъ году уродились-бы превосходные лимоны. Бобъ ухаживалъ за ними съ особенной заботливостью. Теперь они погибли. Та часть вашего рэнча, которая не пострадала отъ разлива резервуара, засажена только въ самое послѣднее время. Мѣсяца два или три тому назадъ я самъ помогалъ Бобу сажать эти деревья, Теперь намъ опять придется начинать сначала. Это просто ужасно.

Онъ остановился, и потомъ продолжалъ, охваченный неожиданнымъ сочувствіемъ къ ней:

— Не будемъ говорить объ этихъ грустныхъ вещахъ. Вамъ и безъ того сегодня не весело, а я дѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы вамъ стало еще тяжелѣе. Голлесъ всегда говоритъ, что я могъ бы составить прекрасную книгу причитаній.

— Голлесъ—очень забавный мальчикъ,—сказала Гильда, невольно улыбаясь.

— Когда-нибудь, когда онъ будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, заставьте его разсказать про свою знаменитую ссору съ глухой лэди,—сказалъ Бенъ.—Мы всѣ его очень любимъ, онъ вноситъ столько оживленія въ нашъ кружокъ. Ну, вотъ мы и пришли. Что вы скажете о рѣкѣ? Хотите, подойдемъ къ самому потоку? Только пустите меня впередъ и идите по моимъ слѣдамъ. Не выбирайте себѣ сами дороги. Почва здѣсь очень зыбкая, и вы рискуете увязнуть, если не будете очень осторожны. Или, можетъ быть, вы не хотите идти дальше?

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте,—отвѣчала она живо.—Я на все готова.

Она забыла свои недавнія огорченія и весело шла за нимъ, время отъ времени крича ему вслѣдъ:

— Я отлично справляюсь, м-ръ Оверлей.

Наконецъ, они добрались до самаго берега рѣки и могли наблюдать страшный разгромъ, произведенный здѣсь бурей.

Три дня тому назадъ въ рѣкѣ совсѣмъ не было воды; теперь же на мѣстѣ ея бушевалъ разъяренный потокъ, который размывалъ берега, отрывалъ отъ земли деревья и уносилъ ихъ по теченію.

Вотъ верхнія вѣтви тонкаго кипариса, растущаго у воды, слегка заколебались; потомъ онѣ задрожали сильнѣе, и было ясно, что дерево подкошено. Корни затрещали и дерево покачнулось и упало. Потокъ съ удвоенной яростью набросился на свою жертву и увлекъ ее вдоль.

Въ такихъ сценахъ есть какое-то грустное обаяніе. Вы чувствуете, что должны дождаться и узнать, какова будетъ судьба вонъ того дерева. Кажется, какъ будто оно устоитъ и не поддастся врагу. Другія не устояли, но они слабы и неустойчивы. Это же навѣрное съумѣетъ выдержать натискъ. Вы смотрите и потомъ отворачиваетесь, чтобы поглядѣть, какъ берегъ, немного поодаль отъ васъ, подается внизъ и исчезаетъ; или вамъ самимъ приходится отступить на нѣсколько шаговъ назадъ, потому что почва подъ вашими ногами неустойчива; вдругъ вы слышите трескъ — оборачиваетесь и видите, что ваше дерево упало. Потокъ подхватываетъ его и уноситъ все дальше и дальше. А вы остаетесь на мѣстѣ и съ грустью размышляете о томъ, что еще однимъ деревомъ стало меньше въ этой обнаженной безлѣсной странѣ, гдѣ каждая зеленая вѣтвь такъ дорого цѣнится.

Гильда была точно прикована къ берегу и не могла оторваться отъ этой картины. Она съ такимъ увлеченіемъ наблюдала за тѣмъ, какъ деревья уносятся потокомъ, что Бенъ начиналъ опасаться, что она совсѣмъ не захочетъ вернуться домой. Каждую минуту случалось что-нибудь новое, что привлекало къ себѣ ихъ вниманіе. Вотъ мимо нихъ пронеслась оконная рама и дверь, потомъ большое оливковое дерево, потомъ свинья, потомъ еще дерево.

— Намъ пора домой,—сказалъ онъ, наконецъ.—Буря опять возобновится въ скоромъ времени. Посмотрите, какія тамъ собираются угрожающія тучи. Боже мой, и такъ ужъ, кажется, довольно было всякаго разгрома, а между тѣмъ это еще не конецъ. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что никто изъ нашихъ дальнихъ сосѣдей не пострадалъ. Ихъ земля лежитъ очень низко.

Гильда обернулась къ нему съ внезапнымъ оживленіемъ.

— Это необыкновенно захватывающее зрѣлище, — сказала она, заламывая руки надъ головой.—Я даже не могу хорошенько выразить, какое впечатлѣніе оно на меня производитъ: какъ-то перестаешь думать о себѣ и своихъ дѣлахъ, а хочется только смотрѣть, смотрѣть и восторгаться.

— Пойдемте домой, — сказалъ онъ, съ улыбкой смотря на ея воз-

бужденное, преобразившееся лицо.—Пойдемте, а то насъ застигнетъ дождь. Робертъ будетъ безпокоиться.

— Робертъ будетъ безпокоиться — повторила она, и все оживленіе сразу исчезло съ ея лица. Она пошла вслѣдъ за Беномъ по лугу, и, когда они дошли до дороги, обернулась, бросила послѣдній взглядъ на потокъ, и потомъ медленно пошла домой. Въ ея манерѣ было что-то, что мѣшало заговорить съ ней, и Бенъ молча шелъ рядомъ съ ней, покручивая свои длинные усы и раздумывая о томъ, какъ сложится ея жизнь съ Робертомъ. Онъ испытывалъ сегодня по отношенію къ ней странную смѣсь негодованія и симпатіи. Онъ почти сердился на самого себя за то, что его влечетъ къ ней, но не могъ не любоваться ею, ея красивой статной фигурой и изящной головкой. У нея въ мизинцѣ было больше жизненности и силы, чѣмъ у бѣднаго Боба во всемъ его изнуренномъ, усталомъ тѣлѣ.

Наконецъ, она заговорила.

— М-ръ Оверлей—начала она.—Вы, кажется, очень близко сошлись съ Бобомъ?

— Да,—сказалъ онъ весело.—Здѣсь, вѣдь, знаете, страна дружбы.

— Значитъ, здѣсь есть хоть что-нибудь хорошее,—проговорила она съ горечью.

— А вамъ не нравится здѣсь, у насъ?—спросилъ онъ мягко.

— Да,—отвѣтила она рѣшительно.—Ужасно не нравится.

— Когда начнется весна, вы увидите, какъ здѣсь будетъ красиво, и, можетъ быть, перемѣните свое мнѣніе.

— Нѣтъ, никогда,—отвѣчала она, останавливаясь на минуту.—Ничто не можетъ примирить меня съ этой ужасной страной. И тутъ дѣло не только въ природѣ, а во всемъ: въ одиночествѣ, въ страшной отдаленности отъ дома и своихъ, въ полнѣйшемъ отсутствіи жизни. Дома этого не представляешь себѣ. Если бы люди только могли представить себѣ все, какъ есть, то ничто въ мірѣ не заставило бы ихъ пріѣхать— ни любовь, ни дружба, ни обязательства, ни жалость. А что касается стремленія идти новымъ путемъ, пробить себѣ новую дорогу — Боже мой! Да если бы я была мужчиной, я предпочла бы умереть съ голоду на своей старой дорогѣ!

Она продолжала, все болѣе и болѣе оживляясь:

— Если бы вы знали, какое это облегченіе, когда можешь высказать кому-нибудь свои мысли! Я думала, что просто задохнусь послѣдніе дни, и съ каждымъ часомъ становилось все тяжелѣе. Я писала письма, и потомъ въ отчаяніи рвала ихъ. Разстояніе такъ далеко, что оно просто парализуетъ меня. Нельзя же посылать свои ламентаціи за 6 тысячъ верстъ. Самый процессъ писанія нѣсколько успокаиваетъ нервы, но потомъ, когда вспомнишь, что все это будетъ прочитано не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, то остается только разорвать письмо. Но и это все таки является нѣкоторымъ развлеченіемъ, когда вамъ

приходится все время молчать, зная, что около васъ человѣкъ, который вѣчно слѣдитъ за вами, и ждетъ отъ васъ одобренія и выраженія удовольствія, а вы, при всемъ желаніи, не можете дать ни того, ни другого.

Она остановилась, Бенъ тоже молчалъ, не зная, что сказать.

— Скажите, мнѣ—продолжала она,—зачѣмъ, ради чего люди пріѣзжаютъ сюда? Что получаютъ они здѣсь взамѣнъ того, что теряютъ? Зачѣмъ Робертъ поселился здѣсь? Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Неужели вы разсчитываете прожить здѣсь всю жизнь? Объясните мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Скажите мнѣ по чистой совѣсти, неужели вамъ нравится эта жизнь и неужели вы завтра же не удрали бы отсюда, если бы только представилась возможность?

— Я скажу вамъ, въ чемъ тутъ дѣло,—сказалъ Бенъ медленно.— Дѣло въ томъ, что эта страна хороша для мужчинъ, а не для женщинъ. Мы, мужчины, здѣсь имѣемъ всѣ преимущества: вмѣсто заточенія въ душныхъ канцеляріяхъ и корпѣнія надъ мелкой, бумажной работой, мы имѣемъ здѣсь свободу, жизнь на открытомъ воздухѣ, самостоятельную работу, и свой собственный клочекъ земли. А для васъ, женщинъ...

— Ну?—проговорила она нетерпѣливо.

— Для женщинъ, конечно, здѣсь нѣтъ ничего привлекательнаго, и если только онѣ не умѣютъ беззавѣтно любить, то, конечно, никогда не примирятся съ нашей жизнью.

Гильда разсмѣялась съ горечью.

— Перспектива не особенно заманчивая. Значитъ, и здѣсь, какъ вездѣ, женщинамъ достается худшая доля. Нужно любить до безумія, и тогда даже южная Калифорнія покажется раемъ. Такъ, по вашему?

— Я думаю, что любовь и дружба могутъ значительно скрасить жизнь, даже и въ пустынномъ рэнчѣ въ южной Калифорніи,—сказалъ Бенъ спокойно.

— Мужчинамъ предоставляется наслаждаться свободой и самостоятельной работой и отдыхомъ отъ душныхъ канцелярій и служебной канители,—продолжала она,—а женщины должны заниматься работой, къ которой онѣ никогда не готовились; должны влачить жизнь день за днемъ въ пустынной, глухой дырѣ, не имѣя даже съ кѣмъ перемолвиться словомъ, и единственнымъ утѣшеніемъ для нихъ должна служить безумная любовь! Миленькая картинка, нечего сказать! О, это ужасно глупо съ моей стороны говорить о такихъ вещахъ, да еще съ вами, съ другомъ Боба!

— Лучше съ другомъ Боба, чѣмъ съ самимъ Бобомъ,—сказалъ Бенъ.

Она взглянула на него. Въ его голосѣ всегда появлялись такія мягкія ноты, когда онъ говорилъ о Бобѣ. Гильда была тронута.

— Вы безпокоитесь за Роберта?—спросила она.

— Да,—отвѣчалъ онъ просто.—Очень безпокоюсь.

Нѣсколько минутъ они шли въ молчаніи.

— Видите, мы такъ сблизились съ нимъ за эти годы, — началъ онъ.—Я ухаживалъ за нимъ во время болѣзни и привыкъ смотрѣть на него, какъ на родного. Мы сблизились съ нимъ въ такое время, когда я тоже переживалъ очень тяжелыя минуты. Весь міръ казался мнѣ пустыней. Но Бобъ протянулъ мнѣ руку и довелъ меня до зеленѣющаго оазиса. Съ тѣхъ поръ я нашелъ еще много оазисовъ.

— Если вы такъ дружны съ нимъ, вы должны очень сожалѣть о моемъ пріѣздѣ,—замѣтила Гильда вызывающе.

— Да,—сказалъ онъ твердо.—Я буду очень сожалѣть о немъ, если вы сдѣлаете Боба несчастнымъ.

Гильда улыбнулась. Ей нравилась его невозмутимость, да и вообще все ей въ немъ нравилось.

Они дошли до дороги, которая вела къ дому.

— Прощайте, — сказалъ онъ. — Я не зайду къ вамъ теперь. Мнѣ нужно торопиться къ себѣ, пока еще стоитъ хорошая погода. Скажите Бобу, что я приду къ нему завтра.

Она смотрѣла ему вслѣдъ нѣсколько минутъ, потомъ повернулась и пошла домой.

Когда она открыла дверь, Робертъ поднялся ей на встрѣчу съ улыбкой и привѣтствовалъ ее взглядомъ, полнымъ любви. Все было приготовлено къ ея приходу: столъ былъ накрытъ, ужинъ поданъ, вода въ котелкѣ кипѣла, въ вазѣ стояли свѣжіе цвѣты.

— Милый,—сказала она мягко,—ты все тутъ для меня приготовилъ, несмотря на усталость и волненія этого ужаснаго дня.

— Ужасный день прошелъ,—проговорилъ онъ съ грустной улыбкой.

VI.

Еще три дня шли непрерывные дожди и бушевалъ вѣтеръ, потомъ буря стихла и наступила ясная, солнечная погода. Утромъ второго яснаго дня къ дому Гильды подъѣхала телѣга и изъ нея выпрыгнулъ Джессъ Голлэсъ, между тѣмъ какъ Бенъ остался съ лошадьми.

— Мы заѣхали спросить, не нужно ли вамъ чего-нибудь въ деревнѣ,—сказалъ онъ Гильдѣ, открывшей ему дверь.

— Я буду вамъ очень благодарна, если вы привезете мнѣ куль муки,—отвѣчала она.—Мой запасъ кончился, а Робертъ не хотѣлъ посылать нашихъ лошадей. Онъ говоритъ, что дороги еще не просохли.

— Я думаю, что нѣтъ,—сказалъ Голлесъ.—Но если бы вамъ пришлось десять дней питаться консервами изъ ананасовъ, то вы тоже были бы готовы рискнуть своей жизнью ради куска бифштекса. Мы тамъ всѣ буквально изголодались. Ананасами вѣдь не насытишься, не правда ли? Впрочемъ, разъ намъ какъ-то удалось добраться до Бена и онъ далъ намъ самую древнюю изъ своихъ курицъ въ обмѣнъ на коробку

мармелада. Курица состояла только изъ костей и кожи, но всѣ курицы Бена таковы, такъ что это не было для насъ сюрпризомъ. Только, ради Создателя, не говорите ему этого, онъ необыкновенно принимаетъ къ сердцу достоинства своихъ курицъ.

Гильда засмѣялась и спросила, не пострадали ли и ихъ рэнчи отъ наводненія.

— Грегэму пришлось очень плохо,—отвѣчалъ Голлесъ.—Его домъ снесло и три акра его лучшихъ оливковыхъ деревьевъ погибли. А одинъ несчастный китаецъ, живущій въ полумили отъ насъ, потерялъ рѣшительно все—свеклу, спаржу, оливки, все. Грегэмъ живетъ теперь съ нами и требуетъ пищи для того, чтобы поддержать свой упавшій духъ. Вотъ я и рѣшилъ рискнуть своей драгоцѣнной жизнью для общаго блага. Бенъ предоставилъ въ мое распоряженіе своихъ лошадей и телѣгу. Если вы больше о насъ не услышите, то знайте, что мы нашли вѣчное успокоеніе въ дорожной грязи!

— Надѣюсь, что вы вернетесь благополучно домой и привезете мнѣ муку и почту.

— Постараюсь,—отвѣчалъ Голлесъ.—Затѣмъ, прощайте, м-съ Страффордъ.

Онъ постоялъ съ минуту молча и сконфуженно смотрѣлъ внизъ.

— Мы всѣ ужасно были огорчены по поводу вашего резервуара,—проговорилъ онъ наконецъ. — Если мы можемъ чѣмъ-нибудь помочь Бобу, то скажите ему, что мы всѣ къ его услугамъ.

Съ этими словами онъ быстро ушелъ и Гильда видѣла, какъ онъ вскочилъ въ телѣгу и взялъ въ свои руки возжи. Онъ взмахнулъ своимъ длиннымъ кнутомъ и экипажъ тронулся.

— Будьте же осторожнѣе, Голлесъ,—сказалъ Бенъ, когда они выѣхали на большую дорогу. — Я увѣренъ, что вы угодите въ одну изъ этихъ пробоинъ. Дайте-ка мнѣ возжи. Я вовсе не желаю, чтобы телѣга была сломана и лошади искалѣчены.

— Ни зачто на свѣтѣ,—возразилъ Голлесъ.—Я торжественно обѣщаю вамъ быть осторожнымъ, но не могу допустить, чтобы вы правили. Когда кнутъ находится въ вашихъ рукахъ, мнѣ всегда кажется, будто я ѣду на свои собственныя похороны. А, чортъ побери, дорога-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ тяжелая!

— Я вамъ говорилъ, что сегодня еще нельзя было ѣхать. Но если вы что-нибудь вобьете себѣ въ голову, то ужъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Голлесъ засмѣялся и они нѣсколько времени ѣхали молча.

— Это прескверная исторія съ резервуаромъ Боба, — заговорилъ Голлесъ.— Онъ, бѣдняга, навѣрное очень удрученъ теперь. Да мнѣ и ее жаль. Не весело ей здѣсь, въ нашихъ палестинахъ.

Бенъ ничего не отвѣчалъ.

— Не могу я понять этихъ женщинъ,—продолжалъ Голлесъ.—Если бы я былъ такой красивой дѣвушкой, какъ она, ничто въ мірѣ не

заставило бы меня забраться въ такую трущобу. Ясно, какъ Божій день, что здѣсь ей совсѣмъ не мѣсто.

— Женщинамъ очень тяжело дается жизнь въ новой странѣ,—проговорилъ Бенъ.—Я помню въ прошломъ году на сѣверѣ встрѣтился съ одной очень красивой барыней. Ея мужъ хорошо здѣсь устроился и у нихъ было все, что имъ нужно. Но она разсказывала мнѣ, что первыя десять лѣтъ просто мѣста себѣ не находила отъ тоски по родинѣ.

— Пріятная перспектива для м-съ Страффордъ,—замѣтилъ Голлесъ.

— Она, вѣроятно, справится со своей тоской, какъ всѣ въ концѣ концовъ справляются. Женщины такія удивительныя существа!

— Вы всегда найдете сказать что-нибудь въ защиту женщинъ,—сказалъ Голлесъ.—Вамъ слѣдовало бы вернуться въ Англію и помогать имъ добиться избирательнаго права и всякихъ такихъ вещей. Какъ бы моя старая тетушка, которая только и живетъ женскимъ вопросомъ, стала обожать васъ!

Бенъ улыбнулся и сказалъ спокойно:

— Рэнчъ Роберта подвинулся теперь назадъ, по крайней мѣрѣ, на три года. Я думаю, что м-съ Страффордъ всего этого еще не понимаетъ. Онъ, бѣдняга, такъ страшно работалъ, и вотъ результаты! Я просто не могу говорить объ этомъ спокойно.

Послѣ долгаго пути по отчаянной грязи они, наконецъ, пріѣхали въ деревню. Довольно много народу толпилось тамъ около лавки, которая была въ то же время и почтовой станціей. Всевозможные экипажи и телѣги загромождали дорогу. Это была первая встрѣча послѣ бури и всякому было кое-что поразсказать о своихъ злоключеніяхъ. Выражались опасенія насчетъ плотины большого резервуара въ Нагали, который снабжалъ водою всю окружность. Если бы эта плотина подалась, то произошли бы самыя ужасныя послѣдствія и не было бы воды для ирригаціи полей въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Это была ужасная перспектива; но почтмейстеръ, раздававшій почту, скопившуюся за нѣсколько дней, успокаивалъ публику и говорилъ, что слухи эти невѣрны.

— Хорошо было бы, если бы и слухи о несчастьи съ плотиной Страффорда тоже оказались невѣрными,—замѣтилъ кто-то.—Да, впрочемъ, вы должны знать это, Оверлей. Неужели правда?

Бенъ утвердительно кивнулъ головою.

— Къ сожалѣнію, правда,—сказалъ онъ.

— Это ужасно, особенно для человѣка, который только что женился,—сказалъ почтмейстеръ.—Вы возьмете его почту, м-ръ Голлесъ?

— Да,—отвѣчалъ Голлесъ.—Силы небесныя! Неужели вся эта куча адресована ему? А, я вижу, тутъ почти все его женѣ. Какое множество журналовъ! Если бы какой-нибудь добрый человѣкъ догадался прислать мнѣ что-нибудь! А то, единственное, что я получаю изъ Англіи, это «The youg Christian of Home». А Лаудердэль получаетъ «The Christian Household». Неудивительно, что мы всегда въ угнетенномъ настроеніи

духа. Ахъ, батюшки, чуть не забылъ, что мнѣ нужно купить муки для м-съ Страффордъ.

Покончивши съ своими дѣлами, друзья уѣхали. Бенъ взялся за возжи, а Голлесъ разбиралъ почту и казался очень заинтересованнымъ журналами и газетами м-съ Страффордъ, которыя онъ подвергалъ самому тщательному осмотру.

— Я радъ, что она получитъ всѣ эти бумажонки, — сказалъ онъ, зажигая свою трубку.—Можетъ, онѣ хоть немного развеселятъ ее. Не знаю почему, но мнѣ ее ужасно жаль. Чтó она за человѣкъ, какъ вы думаете, Бенъ?

— Я и самъ не знаю,—отвѣчалъ Бенъ тихо.

И онъ сказалъ правду. Онъ, не переставая, думалъ о ней все время со дня ихъ послѣдней прогулки. Онъ вспоминалъ ея внезапную откровенность, ея отчаяніе, злобныя слова о здѣшней жизни и странѣ. Онъ помнилъ каждое слово, которое она говорила, каждый ея жестъ. Припоминая все это, онъ различалъ въ своей душѣ нѣсколько чувствъ: симпатію къ ней, негодованіе на себя за эту симпатію, негодованіе на нее за ея рѣзкость и холодность, за ея безсердечное отношеніе къ Бобу. Онъ сознавалъ, что, несмотря на свою долголѣтнюю дружбу къ бѣдному старому Бобу, онъ не могъ побороть въ себѣ влеченія къ его женѣ, въ которой, несмотря на все, онъ находилъ что-то обаятельное. Онъ не могъ не любоваться ею и презиралъ себя за это.

Онъ не слушалъ болтовни Голлеса и равнодушно смотрѣлъ на равнину, улыбавшуюся теперь подъ солнечными лучами, и на мягкое освѣщеніе горъ. Онъ очень любилъ природу и обыкновенно съ восторгомъ слѣдилъ за всѣми проявленіями ея жизни, но теперь онъ не замѣчалъ ничего.

Наконецъ, они подъѣхали къ дому Роберта и онъ увидѣлъ Гильду, стоящую у двери.

— Вотъ вы и вернулись благополучнымъ образомъ,—сказала она

— Да,—отвѣчалъ Голлесъ, передавая ей пакеты и письма.—Я удивляюсь, что наши кони все-таки вывезли насъ, несмотря на всѣ ваши пакеты, представляющіе значительную тяжесть. Но, Боже, какъ я вамъ завидую! Какъ бы я наслаждался всей этой духовной пищей! Пожалуйста, не примите моихъ словъ за намекъ. Это только непосредственное выраженіе чувствъ, въ которомъ я уже раскаиваюсь.

— Совершенно напрасно,—засмѣялась Гильда.—Я надѣюсь, что вы всѣ будете читать мои журналы.

— Постараемся,—сказалъ Голлесъ.—А вотъ ваша мука. Какіе теперь настали хорошіе дни! Весна пришла!

VII.

Весна вступила въ свои права, страна покрылась свѣжей зеленой листвой и цвѣтами и съ каждымъ днемъ дѣлалась все красивѣе. Ро-

бертъ радовался, видя, что Гильда съ удовольствіемъ слѣдитъ за перемѣнами, совершающимися въ природѣ.

— Когда полевые цвѣты распустятся,—говорилъ онъ,—ты сама убѣдишься, что южная Калифорнія всетаки можетъ быть названа красивой страной. Вотъ тотъ холмикъ напротивъ нашего дома весь покрытъ яркими оранжевыми маками, а горные склоны за рѣкой разукрасятся дикой горчицей. Цвѣты горчицы нравятся мнѣ больше всего.

Гильда улыбалась ему въ отвѣтъ и старалась сказать что-нибудь ласковое. Онъ начиналъ надѣяться, что она скоро примирится съ новой страной и новой жизнью. Ему самому предстояла теперь трудная работа—починка резервуара и посадка новыхъ лимоновъ, а онъ казался совершенно обезсиленнымъ и неспособнымъ къ малѣйшему напряженію. Бенъ очень безпокоился за него; онъ приходилъ каждый день и помогалъ ему обрабатывать ту часть рэнча, которая потерпѣла отъ бури. Онъ спокойно отстранялъ Боба отъ плуга и самъ становился на его мѣсто.

— Сиди и кури трубку, другъ,—говорилъ онъ.—Ты такъ же мало годишься для этой работы, какъ котенокъ.

Бобъ былъ радъ отдохнуть. Онъ смотрѣлъ, какъ Бенъ работалъ, покуривалъ свою трубку и улыбался, слушая какъ его пріятель понукаетъ лошадей.

— Я такъ страшно усталъ, Бенъ,—говорилъ онъ.—Я думаю, что это главнымъ образомъ происходитъ отъ огорченія и разочарованія. Но я оправлюсь черезъ день или два и потомъ примусь за ту землю. Если у насъ не будетъ больше дождей, то, я думаю, недѣли черезъ двѣ почва будетъ достаточно разрыхлена для посадки.

— Это будетъ трудная работа,—замѣтилъ Бенъ.

— Но я не успокоюсь, пока не сдѣлаю ея,—проговорилъ Бобъ мрачно.

— Мы будемъ помогать тебѣ,—сказалъ Бенъ.—Всѣ наши такъ тебѣ сочувствуютъ и съ радостью будутъ работать у тебя. Голлесъ превосходно можетъ работать, когда ему вздумается, а для тебя онъ просто изъ кожи вылѣзетъ.

— Вы всѣ такъ добры ко мнѣ,—сказалъ Бобъ съ благодарностью.—Я знаю, что вы мнѣ поможете.

Потомъ онъ прибавилъ немного смущенно:

— Моя жена тоже такъ добра ко мнѣ и такъ хорошо отнеслась ко всей этой исторіи. И мнѣ кажется, она начинаетъ теперь привыкать къ нашей жизни. Я страшно безпокоился за нее, Бенъ. Несмотря на мое счастье, я чувствую, что это было ужасно эгоистично съ моей стороны заставить ее бросить домъ и семью, и всю ея прежнюю жизнь ради меня.

— Она могла бы и не пріѣхать,—отвѣчалъ Бенъ сумрачно.

Бобъ улыбнулся счастливой улыбкой.

— Вотъ это и успокоиваетъ меня,—сказалъ онъ.—Она пріѣхала по-

тому, что любитъ меня. Но тѣмъ не менѣе, я все время волнуюсь. Когда ей нравится что-нибудь, я немного оживаю. Послѣднее время она увлеклась верховой ѣздой и стала прекрасно ѣздить. Она очень красива на лошади, не правда ли?

— Очень красива,—подтвердилъ Бенъ съ убѣжденіемъ.

— И весна въ этомъ году обѣщаетъ быть хорошей,—продолжалъ Бобъ.—Будетъ масса цвѣтовъ. Ей это, навѣрное, понравится. Но она не прикасается къ роялю. Она сядетъ къ нему, посмотритъ, посмотритъ и отойдетъ. Дома она играла цѣлыми часами.

— Заиграетъ со временемъ,—сказалъ Бенъ.—Когда-нибудь, когда ты меньше всего будешь ожидать этого, ты вдругъ услышишь музыку.

У Бена все время болѣла душа за Роберта: онъ видѣлъ, что Гильда прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы войти въ новую жизнь и взять отъ нея все, что только можно, но онъ помнилъ свой длинный разговоръ съ нею, и понималъ, что она никогда не помирится со своей участью. Она никогда больше не упоминала объ этомъ разговорѣ; въ началѣ она казалась немного нервной въ его присутствіи, но потомъ, когда прошло нѣсколько дней и онъ постоянно бывалъ у нихъ, неловкость въ ея обращеніи исчезла. Она полагалась на его доброту, и онъ зналъ это. Онъ зналъ также, что она чувствуетъ къ нему симпатію, и самъ не могъ не любоваться ея мужественной рѣшимостью приноровиться къ труднымъ условіямъ окружающей жизни. Но временами его пугало сосредоточенное выраженіе ея лица, выдававшее ея душевное состояніе, и тогда онъ дрожалъ за будущность своего друга. Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ признать, что она была очень мила съ мужемъ. Она заботилась о немъ, старалась облегчать его труды. Только она не любила его, и этого Бобъ не могъ ей простить.

Такъ прошли недѣли, и Робертъ все работалъ надъ своимъ разоореннымъ рэнчемъ. Цѣлые дни онъ боролся съ этой непокорной землей, выравнивалъ ее, осушалъ почву, останавливался ненадолго, чтобы передохнуть, и потомъ опять съ удвоенной силой принимался за работу. Онъ не оставлялъ ее и тогда, когда сосѣди приходили помогать ему, и работалъ вмѣстѣ съ ними. Бенъ никакъ не могъ заставить его отдыхать. Грэгэмъ, Лаудердэль и Голлесъ часто пріѣзжали и тоже помогали ему.

Ихъ присутствіе только еще болѣе побуждало его къ работѣ. Голлесъ постоянно развеселялъ всю маленькую компанію. Гильдѣ онъ очень нравился, и она иногда до слезъ смѣялась надъ его разсказами о своихъ необычайныхъ путешествіяхъ на сушѣ и водѣ. Онъ разсказалъ ей также о своей знаменитой войнѣ съ глухой лэди, у которой онъ отказался работать, потому что она надзирала за нимъ въ бинокль.

— Бенъ ничего не имѣетъ противъ такого способа наблюденія,—говорилъ онъ,—и я подозрѣваю, что Бобу это даже нравится. Но даже если бы мнѣ угрожала голодная смерть, я бы не согласился работать

при такихъ унизительныхъ условіяхъ. Нѣтъ! Во мнѣ еще не совсѣмъ умерло чувство собственнаго достоинства, и эта ужасная женщина никогда не будетъ имѣть счастья пользоваться моими услугами. Но я забылъ, вѣдь вы, кажется, дружны съ нею, она уступила вамъ свой рояль. Что жъ, она приходила слушать вашу игру черезъ свою трубку?

— Она была разъ,—отвѣчала Гильдъ,—но не просила меня играть, и была очень любезна — сказала, что я могу оставить у себя рояль сколько хочу. Теперь она уѣхала, но когда вернется, я непремѣнно пойду къ ней и еще разъ поблагодарю ее.

— Это нѣсколько мѣняетъ мое мнѣніе о ней,—сказалъ Голлесъ весело.—Пожалуй, я даже соглашусь работать у нея.

Онъ говорилъ Гильдѣ, что страстно любитъ музыку и попросилъ ее съиграть что-нибудь.

Гильда сѣла къ роялю и послѣ нѣкотораго колебанія заиграла какой-то веселый французскій гавотъ, потомъ мазурку Гадара.

— Нравится вамъ?—спросила она по окончаніи пьесы.

По лицу Голлеса видно было, что онъ не удовлетворенъ.

— Съиграйте что-нибудь грустное,—сказалъ онъ.—Я больше всего люблю такую музыку, вѣротно, потому, что она самая искренняя.

Гильда машинально бродила пальцами по фортепіано.

— Я думаю, что не смогу съиграть вамъ что-нибудь грустное,— сказала она спокойно.

— Почему?—спросилъ онъ, смущенный внезапной перемѣной въ ея манерѣ.

— Потому что я боюсь за себя,—сказала она, обращаясь болѣе къ себѣ самой, чѣмъ къ нему.

Она взяла нѣсколько аккордовъ и заиграла одинъ изъ ноктюрновъ Шопена, но вдругъ сразу оборвала игру, встала и отошла къ окну Когда она обернулась, Голлеса уже не было въ комнатѣ. Онъ понялъ и ушелъ.

Между тѣмъ, Бенъ и Бобъ, работавшіе въ рэнчѣ, съ удовольствіемъ переглянулись, услышавши звуки рояли. Лицо Боба просіяло отъ радости. Бенъ тоже былъ доволенъ.

— Вотъ она и принялась, наконецъ, за музыку,—сказалъ Бобъ.— Теперь я увѣренъ, что все пойдетъ отлично. Мнѣ кажется, она начинаетъ привыкать и уже не такъ скучаетъ по дому.

Вдругъ музыка внезапно прекратилась.

— Она не кончила этой мелодіи,—проговорилъ Бобъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Вѣроятно, она устала,—успокаивалъ его Бенъ.

А Гильда въ это время вышла на веранду и смотрѣла на дальніе ряды горъ, на холмы, ютящіеся у ихъ подножья. Въ саду показалась уже молодая травка, птицы пѣли, розовое сіяніе заката одѣвало холмы и горы. Гильда смотрѣла на все это, вспоминала ноктюрнъ Шопена и сердце ея разрывалось отъ тоски и безнадежности.

VIII.

Жизнь вошла въ свою обычную колею. Робертъ Страффордъ работалъ безъ устали надъ своимъ разореннымъ рэнчемъ и даже нанялъ себѣ рабочаго-китайца для подмоги. Отецъ прислалъ ему немного денегъ и обѣщалъ мѣсяца черезъ два прислать еще. Робертъ отправился въ питомникъ и купилъ пятьсотъ новыхъ лимонныхъ отростковъ. Онъ былъ такъ поглощенъ своей работой, что даже не замѣчалъ, какъ мало Гильда интересуется всѣми его планами. Она казалась веселой и была занята съ утра до вечера, выучилась доить корову и даже копала грядки въ саду; но Бенъ, внимательно наблюдавшій за нею, видѣлъ, что веселость ея была напускная. Бобъ же совершенно успокоился на ея счетъ; выведенный изъ затрудненія денежной помощью отца, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ и опять былъ преисполненъ радостныхъ надеждъ на будущее.

Прошло почти шесть недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Гильда въ первый разъ заиграла на роялѣ. Робертъ отправился по дѣламъ въ деревню, и она была одна въ рэнчѣ. Она занималась перечитываніемъ писемъ, полученныхъ изъ дому, разсматриваніемъ фотографій Кантербери и Винчестера, которыя собиралась вставить въ рамки, но потомъ положила ихъ обратно въ ящикъ. Наконецъ, она подошла къ роялю, розыскала въ своихъ нотахъ Шумана и начала играть, безсознательно выбирая самыя грустныя вещи. Вдругъ она оборвала игру и, опустивши голову на клавиши, разрыдалась. Слезы ручьями текли изъ ея глазъ, она и не пыталась удерживать ихъ.

Въ это время въ дверяхъ показался Робертъ.

— Гильда! — воскликнулъ онъ, подходя къ ней съ раскрытыми объятіями.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорила она, отстраняя его. — Оставь меня, я должна быть одна, я не могу никого видѣть. Я вижу, что ничего не могу съ собой подѣлать, я не могу, не могу выносить здѣшней жизни, это не жизнь, это прозябанье, и еще какое прозябаніе! Я не понимаю, какъ я могла сюда пріѣхать, должно быть, я тогда сошла съ ума, всѣ говорили, что я сошла съ ума, и папа, и мама, и всѣ. Но я тогда не знала, на что я ѣду... Какъ я могла знать? Развѣ кто-нибудь могъ бы себѣ представить этотъ ужасъ, и тоску, и убійственное однообразіе, и отсутствіе всякой живописности, выжженную, голую страну, безъ малѣйшей красоты. Я ненавижу эти горы, мнѣ хочется иногда пойти и растоптать эти ряды отвратительныхъ маленькихъ лимонныхъ деревьевъ. Все это просто насмѣшка надъ жизнью. Да, конечно, съ моей стороны было безуміемъ пріѣхать сюда, я прекрасно вижу это теперь, когда уже слишкомъ поздно. Но ты слишкомъ мало писалъ мнѣ въ своихъ письмахъ. Отчего ты не описалъ мнѣ подробнѣе, на что я ѣду? Положимъ, ты писалъ, что здѣсь ужасно; я при-

поминаю теперь, что въ твоихъ письмахъ были такія мѣста; но развѣ возможно даже описать эту пустыню и тоску? И подумать, что такая жизнь будетъ длиться изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и изъ года въ годъ, и что никакого выхода нѣтъ!

Робертъ стоялъ около нея точно парализованный и слушалъ.

— И какое некрасивое мѣсто ты выбралъ для своего рэнча,—продолжала она, все болѣе и болѣе горячась.—Тутъ рядомъ есть недурныя мѣстечки, я видѣла ихъ, когда ѣхала сюда. Если ужъ ты непремѣнно хотѣлъ здѣсь поселиться, то выбралъ бы какое-нибудь мѣсто, гдѣ можно жить, а не зарывался бы въ самую пустыню. Но мнѣ кажется, если бы я была мужчиной, я бы скорѣе согласилась умереть съ голоду у себя дома, чѣмъ влачить такое существованіе. О Боже мой, когда я подумаю...

Робертъ былъ мертвенно блѣденъ. Онъ два раза пробовалъ заговорить, но голосъ измѣнялъ ему. Наконецъ, онъ сказалъ, очень спокойно:

— Не бойся, Гильда, я скоро освобожу тебя.

Онъ открылъ дверь и неслышно вышелъ изъ дому.

IX.

Робертъ пошелъ по дорогѣ, ведущей къ рэнчу Бена и не останавливаясь прошелъ всѣ 7 миль. Когда Бенъ увидѣлъ его, онъ сразу понялъ, что у его друга опять какое-нибудь огорченіе. Онъ молча ввелъ его въ домъ, посадилъ въ кресло и насильно заставилъ выпить немного вина. Затѣмъ онъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, зажегъ свою трубку и ждалъ, пока Робертъ заговоритъ съ нимъ. И Робертъ, наконецъ, заговорилъ съ тѣмъ спокойствіемъ, котораго именно и опасался Бенъ.

— Бенъ,—сказалъ онъ,—Гильда разсказала мнѣ сегодня, до какой степени она ненавидитъ нашу жизнь. Она страшно сожалѣетъ, что пріѣхала сюда и упрекала меня за то, что я самъ сюда пріѣхалъ, и я прекрасно сознаю, что каждое ея слово правда. Ей хочется опять быть свободной, и, конечно, я верну ей ея свободу. Это все, что я могу для нея сдѣлать. Но я теперь конченный человѣкъ. Я былъ такъ глупъ и вѣрилъ, что она любитъ меня—я самъ такъ любилъ ее, мнѣ казалось немыслимымъ, чтобы она хоть немножко не отвѣчала мнѣ—и я все старался увѣрить себя, что, можетъ быть, со временемъ она помирится съ Калифорніей. Я долженъ былъ бы понимать, что это совершенно немыслимо. Вся моя жизнь была одной сплошной неудачей и въ Англіи, и здѣсь. Я не только не съумѣлъ завоевать ея любви и уваженія—я навлекъ на себя ея презрѣніе. Я чувствовалъ его въ каждомъ ея словѣ, Бенъ, и я никогда не забуду этого униженія. Я могъ бы бороться со всѣмъ на свѣтѣ, но не съ ея презрѣніемъ. Если это все, что получаешь въ награду за цѣлые годы труда и любви, то, право, игра не стоитъ свѣчъ. Помнишь, какъ я говорилъ тебѣ, что

если бы она отказала мнѣ и не пріѣхала, то мнѣ это было бы не такъ тяжело, какъ ея разочарованіе и гнѣвъ? Помнишь? Ты еще смѣялся надо мной и старался разсѣять мои мрачныя предчувствія, а вотъ они и сбылись.

— Не принимай этого такъ близко къ сердцу,—уговаривалъ его Бенъ.—Навѣрное, ей просто было скучно по семьѣ, вотъ она и наговорила тебѣ всякихъ глупостей. Она сама уже, конечно, сожалѣетъ объ этомъ. Увидишь, что у васъ все опять уладится. Ты простишь ее и рана заживетъ.

— Мнѣ нечего прощать,—сказалъ Робертъ спокойно.—Я нисколько не виню ее, я виню только себя.

— Но я виню ее,—сказалъ Бенъ со злобою,—и я скажу это ей въ лицо.

— Я могъ бы винить ее только въ томъ, что она ни капельки не любила меня,—сказалъ Робертъ,—но этого никакими словами измѣнить нельзя, Бенъ.

— Она должна вернуться домой,—проговорилъ онъ послѣ длинной паузы.—Я не хочу принимать ея жертвы. У меня, кажется, хватитъ денегъ ей на дорогу, а если не хватитъ, ты одолжишь мнѣ. Я долженъ вернуть ей свободу.

Онъ поднялся со своего мѣста, но тотчасъ же сѣлъ опять, со стономъ приложивъ руку къ сердцу.

— Бенъ,—пробормоталъ онъ.—Мы должны...

Съ этими словами онъ потерялъ сознаніе.

Бенъ поднялъ его и положилъ въ постель, какъ усталаго ребенка. Ему уже много разъ приходилось ухаживать за нимъ во время подобныхъ припадковъ и черезъ нѣкоторое время ему удалось привести его въ чувство. Бобъ взялъ его руку и съ улыбкой посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Дорогой старый другъ,—сказалъ онъ ласково. — Главное, надо намъ поскорѣе отправить ее домой.—Съ этими словами онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ.—Она ошиблась въ одномъ отношеніи,—продолжалъ онъ слабымъ голосомъ.—По дорогѣ сюда она видѣла нѣсколько такихъ рэнчей, и они ей понравились. Она упрекала меня, зачѣмъ я не купилъ себѣ землю въ тѣхъ мѣстахъ. Но вѣдь ты знаешь, Бенъ, что у меня не было денегъ для этого. Ты знаешь, что я не могъ заплатить очень дорого за свой рэнчъ. Но она этого не можетъ понять.

Съ этими словами онъ заснулъ, а Бенъ на цыпочкахъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Онъ совершенно не зналъ, какъ ему поступить: надо было извѣстить Гильду о случившемся, и въ то же время нельзя было оставить Роберта одного. Ему страстно хотѣлось видѣть ее и высказать ей все, чтó онъ думалъ теперь на ея счетъ. Все существо его возмущалось противъ ея жестокости.

Кто-то постучалъ въ дверь. Онъ открылъ ее и увидѣлъ передъ собою Гильду.

— Робертъ здѣсь?—спросила она, задыхаясь.

— Здѣсь,—отвѣтилъ онъ холодно

— Я должна сейчасъ же видѣть его, — заявила она, недовѣрчиво взглянувъ на Бена.

— Онъ теперь спитъ, — сказалъ онъ сухо. — Дайте ему хоть немного отдохнуть.

Онъ зажегъ лампу, поставилъ ее на столъ, и посмотрѣлъ Гильдѣ прямо въ глаза.

— Робертъ вамъ все разсказалъ,—проговорила она, невольно вздрогнувъ отъ ея взгляда.

— Да, онъ разсказалъ мнѣ о своемъ горѣ,—сказалъ Бенъ, силясь сдержать кипѣвшее въ немъ негодованіе.—Онъ говоритъ, что не осуждаетъ васъ, но я не могу не осуждать васъ. Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Никто не заставлялъ васъ приносить такую жертву. Вы могли бы остаться дома и это было бы въ тысячу разъ лучше. Но пріѣхать сюда и не дать ему ничего, кромѣ злобы, упрекать его за его неудачи, давать ему чувствовать, что вы презираете его за его неумѣніе пробиваться въ жизни—я не знаю даже, какъ назвать такую жестокость. Если кто заслуживаетъ презрѣнія, то это вы.

— Вы не имѣете права говорить со мной такимъ образомъ,—прервала она его гнѣвно.—Вы мнѣ не судья.

— Я не могу не осуждать васъ,—началъ онъ въ томъ же тонѣ, но остановился, взглянувъ на ея измученное лицо, и продолжалъ уже гораздо мягче:—Впрочемъ, къ чему говорить объ этомъ? Мнѣ такъ страшно жаль его, да и васъ также—я отдалъ бы все на свѣтѣ, для того, чтобы вамъ обоимъ было хорошо.

Его слова сразу смягчили ее.

— Я не знаю, что со мной случилось сегодня и почему я не могла сдержать себя,—сказала она. — Мнѣ вспомнилось прежнее и музыка такъ на меня подѣйствовала, я не помню даже, что я наговорила. А потомъ, когда онъ ушелъ, меня охватила такая ненависть къ себѣ и такой страхъ за него... О, вы не знаете, какъ я старалась примириться съ этой жизнью! Я такъ старалась сбросить съ себя тяжелое чувство унынія, и все-таки оно опять возвращалось, и съ каждымъ днемъ дѣлалось сильнѣе, до тѣхъ поръ, пока я, наконецъ, не впала въ совершенное отчаяніе. Вы видѣли только одну сторону, но вы не стали бы такъ строго судить меня, если бы знали, какъ я старалась, какія я дѣлала надъ собой усилія—и все напрасно.

Онъ повернулся къ ней и въ голосѣ его слышались прежнія ласковыя ноты.

— Я знаю, что вы старались,—сказалъ онъ тихо.

— Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, спитъ ли онъ еще,—сказала она почти умоляюще.

Бенъ указалъ на дверь спальни.

— Не будите его.—проговорилъ онъ.—Пусть спитъ подольше, можетъ быть, сонъ освѣжитъ его. Мнѣ кажется, онъ очень боленъ. У него только что былъ одинъ изъ тѣхъ обмороковъ, которые одно время довольно часто случались съ нимъ, и затѣмъ послѣдовалъ страшный упадокъ силъ. Это очень опасная штука.

Гильда поблѣднѣла и тихо вошла въ спальню. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда и увидѣла, что Бенъ готовитъ ужинъ. Онъ немного успокоился, когда она сказала ему, что Бобъ все еще крѣпко спитъ и ушла изъ комнаты, чтобы какъ-нибудь не разбудить его.

— Онъ бормоталъ что-то о томъ, что не можетъ платить сумасшедшую цѣну за землю,—сказала она.—Не знаю, что значатъ эти слова.

— Его очень огорчилъ вашъ упрекъ, зачѣмъ онъ не купилъ землю въ болѣе населенной части страны. Но у него не было денегъ для этого.

— Онъ выглядитъ очень больнымъ,—проговорила Гильда задумчиво.

— Я все это время за него безпокоился, — отвѣчалъ Бенъ. — Онъ никогда не былъ особенно силенъ, а теперь совсѣмъ надорвалъ свое здоровье съ этимъ рэнчемъ, и въ особенности съ работой надъ резервуаромъ. Это обычная исторія многихъ поселенцевъ въ Калифорніи.

— И я не поддержала его,—сказала Гильда.

Бенъ молчалъ.

— Я дала бы все на свѣтѣ, чтобы вернуть сегодняшній день, — продолжала она.—Какой ужасъ, сидѣть здѣсь теперь и не быть въ состояніи сказать ему этого!

— Нужно подождать,—сказалъ Бенъ мягко.

Они остались ждать вдвоемъ. Была чудная ночь и кругомъ все было залито луннымъ свѣтомъ. Темныя очертанія горъ рѣзко выдѣлялись на серебристомъ небѣ. Земля казалась волшебнымъ царствомъ, погруженнымъ въ таинственную тишину. Для Гильды эта ночь была безконечной. Бенъ сидѣлъ рядомъ съ нею, курилъ трубку и покручивалъ свои длинные усы. Они ничего не говорили и молча ждали утра.

Наконецъ, часы пробили пять, Гильда поднялась и прошла въ спальню. Она наклонилась надъ мужемъ и заглянула въ его блѣдное лицо. Онъ лежалъ совершенно тихо, безъ дыханія и безъ движенія. Внезапный ужасъ охватилъ ее.

— Бенъ!—вскрикнула она.—Бенъ!

Услышавъ ея крикъ, Бенъ понялъ, что все кончено. Онъ подошелъ и они вмѣстѣ старались сдѣлать все, что только могли, чтобы привести его въ чувство, но напрасно. Прежняя злоба противъ Гильды овладѣла имъ.

— Итакъ, вы теперь свободны, — сказалъ онъ.

X.

Смерть Роберта Страффорда очень огорчила всѣхъ знавшихъ его, но ни въ комъ не вызвала удивленія: друзья его давно уже замѣчали,

что онъ надрывается надъ работой и силы его слабѣютъ. Такіе случаи бывали такъ часто въ южной Калифорніи, что сдѣлались обычнымъ явленіемъ.

Бенъ былъ совершенно убитъ смертью Роберта. Онъ продолжалъ работать на своемъ рэнчѣ и каждый день навѣщалъ Гильду. Съ нею онъ проводилъ мало времени, но неутомимо работалъ въ рэнчѣ Роберта, испытывая меланхолическое удовлетвореніе въ продолженіи работы покойнаго друга. Онъ ухаживалъ за лошадьми и во всѣхъ отношеніяхъ помогалъ Гильдѣ. Наработавшись, онъ приходилъ на веранду и пилъ съ нею чай. Несмотря на все, что случилось, его неудержимо влекло къ этой женщинѣ, хотя иногда онъ готовъ былъ разорвать себя на части за это влеченіе. Самыя противорѣчивыя чувства боролись въ его душѣ—сожалѣніе о другѣ, злоба противъ Гильды, сочувствіе ея горю, влеченіе къ ней и негодованіе противъ нея. Онъ говорилъ ей нѣсколько разъ о своемъ желаніи купить у нея рэнчъ. Она не дала никакого рѣшительнаго отвѣта и вообще отнеслась къ его предложенію съ полнымъ равнодушіемъ. Она казалась странно-равнодушной и къ рэнчу, и къ своимъ дѣламъ и планамъ будущаго. Отъѣздъ ея былъ отложенъ вслѣдствіе большой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ, благодаря которой желѣзнодорожное сообщеніе было прервано. Было извѣстно, что она при первой возможности вернется домой, но она никогда не говорила объ этомъ и даже не интересовалась стачкой, задерживающей ея отъѣздъ. Но она часто говорила о Бобѣ, и въ тонѣ ея всегда слышалась глубокая скорбь и раскаяніе.

— Я не могу забыть, что сдѣлала ему такъ больно,—говорила она.

Бенъ ничего не отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ и его молчаніе было для нея тяжелѣе всякаго укора.

— Я знаю, что вы меня осуждаете, — говорила она съ горечью и не могла скрыть того, какъ она дорожила его мнѣніемъ о себѣ. Она вообще не могла или не хотѣла скрывать своего отношенія къ Бену. По временамъ Бенъ чувствовалъ къ ней величайшее презрѣніе за это, а въ другія минуты онъ чувствовалъ себя способнымъ ради этой женщины забыть все на свѣтѣ, своего умершаго друга, и чувство собственнаго достоинства, и свою оцѣнку ея характера. Онъ замѣчалъ также, что Гильда мало-по-малу начинаетъ привыкать къ новой странѣ и перестаетъ тяготиться своей жизнью. Кругомъ все цвѣло: подножія холмовъ казались усѣянными золотомъ, склоны ихъ покрылись ковромъ изъ яркихъ оранжевыхъ маковъ и красивыхъ цвѣтовъ дикой гвоздики. Поля зеленѣли и среди нихъ попадались цѣлыя грядки пурпурныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Сумрачныя голыя скалы снисходительно смотрѣли на всю эту растительность, раскинувшуюся у ихъ подножья, какъ смотрятъ старики на наряжающуюся молодежь. Воздухъ былъ наполненъ тяжелымъ благоуханіемъ цвѣтовъ и апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Гильда каждый день каталась верхомъ и возвращалась съ бу-

кетами дикой сирени, дикихъ азалій и другихъ цвѣтовъ. Здоровье Гильды не пострадало отъ постигшаго ее удара, но всѣ находили, что она очень измѣнилась въ лицѣ послѣ смерти мужа.

Однажды, когда она сидѣла у себя въ садикѣ, къ ней пріѣхалъ Голлесъ и уже издали махалъ въ воздухъ какой-то бумагой.

— Хорошія вѣсти! — кричалъ онъ. — Стачка кончилась. Состоялся какой-то компромиссъ между желѣзнодорожной компаніей и рабочими, и поѣзда уже начали ходить. Я привезъ вамъ цѣлый тюкъ писемъ и журналовъ съ почты.

Гильда отложила журналы въ сторону и взялась за письма. Это были первыя письма, полученныя ею изъ дому послѣ смерти Роберта. Отецъ присылалъ ей чекъ для покрытія ея издержекъ на возвратный проѣздъ. «Конечно ты должна сейчасъ же вернуться домой и продолжать свою прежнюю жизнь», писалъ онъ.

Письмо выпало у нея изъ рукъ.

Прежняя жизнь открывалась передъ нею. Она такъ ждала этой минуты, и вотъ она наступила. Она была свободна. Никто и ничто не могло помѣшать ей. Она вернется домой и всѣ печальныя событія этого года, ея ошибка и раскаяніе отойдутъ въ область воспоминаній. Гильда старалась убѣдить себя, что нельзя же всю жизнь страдать изъ за одной ошибки. Она не хотѣла быть жестокой къ бѣдному Роберту, но ей не слѣдовало пріѣзжать сюда. Это и была ея ошибка. А теперь она могла уѣхать отсюда, и вскорѣ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Калифорніи, будутъ казаться ей тяжелымъ, промелькнувшимъ сномъ.

Но мысль объ отъѣздѣ не вызывала въ ней никакой радости. Она задумчиво смотрѣла впередъ и кусала себѣ губы.

Домой! Что она будетъ дѣлать дома?

Черезъ полчаса пріѣхалъ Бенъ Оверлей и засталъ ее въ гостиной. Уже начинало темнѣть, но она не зажигала лампы.

— Я пріѣхалъ сказать вамъ, что стачка кончилась и желѣзнодорожное движеніе возстановилось,—сказалъ онъ.

— Я слышала,—отвѣчала она холодно.

— Это извѣстіе васъ, вѣроятно, очень обрадовало. Время ожиданія было для васъ такимъ тягостнымъ.

Гильда ничего не отвѣтила.

— Теперь уже вы скоро будете дома и увидите всѣхъ своихъ друзей.

Она молчала.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами о рэнчѣ,—продолжалъ онъ немного нервно.—Я рѣшилъ купить это мѣстечко и продолжать дѣло Роберта. Надѣюсь, что вы дадите мнѣ возможность сдѣлать это. Если вы просмотрите его бумаги, вы увидите, въ какую сумму онъ оцѣнивалъ свое имущество. Я началъ говорить объ этомъ потому, что если мы съ

вами сговоримся и вы продадите мнѣ рэнчъ, то вамъ легче будетъ устроить всѣ свои дѣла и вы скорѣе можете вернуться домой.

— Домой?—переспросила она глухимъ голосомъ.

Бенъ вздрогнулъ.

— Да,—сказалъ онъ быстро.—Вы вернетесь къ той жизни, по которой вы такъ томились съ тѣхъ поръ, что вы здѣсь, къ тѣмъ интересамъ, о которыхъ вы все время такъ сожалѣли. Теперь дорога открылась передъ вами и вы можете идти прямо впередъ, забывъ о той тропинкѣ, которая завела васъ въ унылыя калифорнійскія горы.

— Прежняя жизнь!—проговорила она страстно.—Къ чему она мнѣ? Къ чему мнѣ возвращаться домой?

Сердце Бена замерло. Къ чему ей возвращаться домой? Эти самыя слова готовы были сорваться съ его устъ и онъ призывалъ на помощь всю силу своей воли, чтобы не произнести ихъ. Борьба, которую онъ переживалъ всѣ эти недѣли, опять поднялась въ его душѣ, но онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ и проговорилъ спокойно:

— А къ чему же вамъ оставаться? Вы постоянно говорили, что ненавидите Калифорнію и никогда не примиритесь съ здѣшнею жизнью. Развѣ вы забыли ту прогулку, когда вы были откровенны со мной и разсказали мнѣ, что было у васъ на душѣ? Помните, какъ вы говорили объ одиночествѣ, о страшномъ разстояніи, отдѣляющемъ васъ отъ семьи, объ отсутствіи впечатлѣній, тоскѣ и однообразіи такой жизни изо дня въ день. Вы признавались, что сдѣлали страшную ошибку, пріѣхавъ сюда.

— О, я не забыла нашей прогулки,—сказала она возбужденно.— Это были первыя хорошія минуты со времени моего отъѣзда изъ Англіи.

— Помните, вы еще спрашивали меня, что заставляетъ насъ всѣхъ влачить такое ужасное существованіе и что вознаграждаетъ насъ за все, чего мы лишены?

— Да, да, я помню,—сказала она.—А помните ли вы, что вы тогда говорили о женщинахъ?

— Я говорилъ, что эта жизнь хороша для мужчинъ, но совершенно не годится для женщинъ.

— А, нѣтъ, вы сказали еще одну вещь,—проговорила она съ внезапной рѣшимостью.—Вы сказали, что женщинамъ здѣсь живется довольно скверно, но что у нихъ есть спасеніе въ беззавѣтной, страстной любви...

— Если я даже и говорилъ это,—прервалъ онъ ее,—то какое отношеніе это можетъ имѣть къ вамъ и ко мнѣ?

Въ голосѣ его звучало нескрываемое презрѣніе. Гильда почувствовала это и тотчасъ же овладѣла собой.

— Вы правы,—сказала она съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.—Это не имѣетъ никакого отношенія ни къ вамъ, ни ко мнѣ.

Она зажгла лампу и подошла къ столу, заваленному письмами и книгами.

— Желѣзнодорожная стачка продолжалась ужасно долго,—заговорила она совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ говорила за минуту передъ тѣмъ.—Но теперь, слава Богу, все кончилось и я, наконецъ, могу уѣхать. Отецъ прислалъ мнѣ денегъ на возвратный путь. Съ вашей стороны очень любезно предложить мнѣ свою помощь въ этомъ отношеніи. Но въ настоящее время мнѣ не понадобятся деньги. Этого чека хватитъ на то, чтобы дважды уплатить мою дорогу до Англіи.

Бенъ стоялъ передъ нею, пораженный ея самообладаніемъ и тѣмъ, какъ она сразу свела на нѣтъ все происшедшее между ними.

— Теперь относительно рэнча,—продолжала она съ достоинствомъ королевы.—Я завтра просмотрю бумаги и тогда мы рѣшимъ дѣло, согласно вашему желанію. Я не знаю никого, кому бы я съ такимъ удовольствіемъ, какъ вамъ, продала этотъ рэнчъ. Но вы должны выплачивать мнѣ по частямъ, какъ вы найдете для себя наиболѣе удобнымъ. Я не буду торопить васъ.

— Господи, Боже мой,—думалъ Бенъ.—Нѣсколько минутъ тому назадъ эта женщина чуть было не бросилась къ моимъ ногамъ, а теперь она такъ величественно разговариваетъ со мной!

— Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы согласитесь продать мнѣ рэнчъ Роберта,—сказалъ онъ.—Для меня будетъ большимъ утѣшеніемъ продолжать его работу. Вы вѣдь знаете, что мы съ нимъ очень любили другъ друга. Что касается денегъ, то я предпочелъ бы заплатить все сразу.

— Какъ хотите, — сказала она тѣмъ же свѣтски-любезнымъ тономъ.—Покойной ночи. Я очень устала.

Она протянула ему руку, но онъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

Двѣ недѣли спустя Гильда уѣхала.

СОНЪ КОЛОДНИКА.

(Съ итальянскаго).

Сегодня весь рудникъ вновь потонулъ въ цвѣтахъ!
Толпа колодниковъ, обритыхъ и въ цѣпяхъ,
Вперивъ еще разъ въ даль тоскующіе взоры,
Вздыхая и кряхтя, въ свои вползаетъ норы...
О, неразсвѣтный міръ неволи и труда!
Съ обледенѣлыхъ стѣнъ ручьемъ бѣжитъ вода;
Спускаясь въ полутьмѣ, о мокрыя ступени
Скользитъ нога... Склонись по рабски на колѣни
И въ каменную грудь безсмысленно стучи!
И не боли душа, и сердца крикъ молчи!..
. . . .
На вольный божій свѣтъ онъ вышелъ изъ могилы,
Отъ холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистнымъ все нашелъ теперь вокругъ—
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блескъ передъ лицомъ страданья,
И ароматный лѣсъ, и горъ зеленыхъ кругъ!..
Но вдругъ, тамъ, въ вышинѣ, въ лазури чистой утра,
Невольно взоръ маня причудливой игрой,
Съ каймой изъ золота обломокъ перламутра,
Отъ юга облачко промчалось съ быстротой.
И въ душу брызнулъ свѣтъ поэзіи забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвѣло!..
— О, что̀ тебя въ нашъ край печальный занесло,
Чудесный гость весны? Порывъ ли бурь сердитый,
Или бродячій нравъ? Изъ Ганга ль свѣтлыхъ водъ,
Изъ темныхъ ли пучинъ ты вышло океана?

Отчизну знойную, гдѣ рай земной цвѣтетъ,
Скажи, успѣло ль ты забыть въ странѣ тумана?
Но вотъ нахмурился твой лучезарный ликъ,
Ты дрогнуло—и въ высь испуганно вспорхнуло!
Огонь цвѣтовъ померкъ... Еще блаженный мигъ—
И утра дивное видѣнье потонуло...
Не ужаснулось ли ты вида нашихъ мукъ,
Свирѣпости людской, безумья и позора?
Въ мысль не пришло ль тебѣ, что отъ бездушныхъ рукъ
Не скроешься и ты, любимица простора?
Прости жъ, краса небесъ! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то... Волшебный сонъ свободы
Ты оживилъ во мнѣ... Лети жъ теперь, лети
Въ счастливую страну, гдѣ ясенъ пиръ природы!
О, побывай и тамъ, въ краю весны моей,
Гдѣ милая моя печально увядаетъ,
Цвѣтокъ прекрасный мой...
Шепни ей съ вѣтеркомъ, который мчитъ тебя,
Что прошлое отнять у насъ безсильны годы,
Что все я вѣренъ ей, что все я жду, любя,—
Затворы упадутъ—и грянетъ вѣсть свободы!..

П. Я.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

(*Продолженіе* *).

V.

Международный организмъ въ земледѣліи.

1.

Изолированное государство фонъ-Тюнена.—На сколько дѣйствительность отличается отъ него и почему.—Перемѣна въ размѣщеніи продуктивныхъ земледѣльческихъ силъ въ зависимости отъ развитія техники сохраненія и перевоза.—Международный организмъ въ земледѣліи.

Извѣстный экономистъ фонъ-Тюненъ старался вычислить, какимъ образомъ расположились бы различныя вѣтви земледѣльческой продукціи въ странѣ, производящей исключительно для продажи. Для упрощенія задачи, онъ остановился надъ идеальнымъ государствомъ, изъ котораго исключены второстепенныя условія, нарушающія чистоту вліянія рынковъ въ земледѣліи.

«Вообразимъ себѣ государство,—говоритъ онъ,—свободное отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ миромъ. Допустимъ, что государство, такимъ образомъ изолированное, расположено на громадной безграничной равнинѣ, посреди которой находится единственный городъ. Допустимъ также, что въ немъ нѣтъ никакихъ судоходныхъ рѣкъ, что почва вездѣ однородна, т.-е. не только одинаково плодородна, но вездѣ одинаково пригодна для обработки каждаго растенія, соотвѣтствующаго климату, однородному во всей странѣ».

Исходя изъ этихъ принциповъ, а также принимая во вниманіе стоимость транспорта земледѣльческихъ произведеній сравнительно съ ихъ цѣнностью, фонъ-Тюненъ доказываетъ, что въ такомъ идеальномъ государствѣ появится вокругъ города опредѣленное количество концентрическихъ круговъ, представляющихъ каждый окончательные предѣлы, внѣ которыхъ производство всякаго товара для продажи перестаетъ оплачиваться, потому что стоимость транспорта поглотила бы не только прибыль, но также и часть потраченнаго капитала. Такъ, на растояніи 25 верстъ будетъ расположена полоса, занятая подъ обработку картофеля и овощей, и высылающая сѣно, солому и молочные продукты. Затѣмъ расположится лѣсная полоса, дальше пастбища, еще

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

далѣе трехпольное хлѣбопашество. На разстояніи 185 верстъ начнется выкармливаніе скота, внѣ же этой полосы занятія жителей будутъ напоминать дикую эпоху, и сношенія ихъ съ городомъ ограничатся обмѣномъ кожъ на небольшое число необходимыхъ предметовъ.

Нечего доказывать, на сколько идеалъ фонъ-Тюнена не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Почва каждой страны не однородна въ качественномъ отношеніи, судоходныя рѣки и пути сообщенія прорѣзываютъ страну въ различныхъ направленіяхъ, рынки расположены произвольно. И историческія условія развитія земледѣлія мѣшаютъ осуществленію положеній германскаго экономиста, потому что производство для продажи появилось сравнительно недавно и до сихъ поръ не могло стряхнуть съ себя особенностей прежняго натуралистическаго строя. Въ продолженіи вѣковъ земледѣльческое хозяйство не разсчитывало на доставленіе своихъ продуктовъ на рынки, но главнымъ образомъ исключительно—въ извѣстную эпоху—на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей поселянъ, составляющихъ почти главную часть народа. Вслѣдствіе отсутствія обмѣна, помѣщикъ и крестьянинъ сами производили всѣ предметы, необходимые въ жизни. Прежніе экономическіе теоретики-агрономы совѣтовали производить все самимъ и возможно болѣе продавать, но не покупать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можно было еще встрѣтить стариковъ, у которыхъ все умѣнье хозяйничанья заключалось въ сбереженіи гроша на то, что согласно съ ихъ понятіями можно и должно производить въ собственномъ домѣ. Каждое имѣніе представляло простую копію всякаго другого; это повторялось въ тысячныхъ видахъ на обширномъ пространствѣ. Современное развитіе, опирающееся на производствѣ для продажи, требовало продолжительнаго времени для освобожденія изъ пеленокъ натуралистическаго хозяйства. Обособленныя земледѣльческія полосы образовывались медленно.

Трудъ фонъ-Тюнена, представляющій только развитіе заключеній, исходящихъ изъ теоріи ренты Рикардо, указалъ факторы, управляющіе этимъ освобожденіемъ изъ оковъ натуралистическаго режима и размѣщеніемъ вѣтвей земледѣльческаго производства въ странѣ подъ дѣйствіемъ обмѣна. Вокругъ каждаго вновь появляющагося рынка, на подкладкѣ старыхъ образцовъ, начиналась спеціализація, придающая окрестности характерные признаки, причемъ каждая теоретически концентрическая полоса давала отростки вдоль дорогъ. Это дѣйствіе можно наблюдать изъ оконъ вагона, везущаго насъ къ любому большому городу; среди полей появляются все чаще сады, овощные огороды и т. д., а передъ столицей они располагаются исключительно. Но безостановочный техническій переворотъ является основной чертой современной эпохи, и, согласно съ современнымъ духомъ, расположеніе поясовъ земледѣльческаго производства постоянно измѣняется, хотя, конечно, въ этомъ калейдескопѣ преобразованій можно разсмотрѣть постоянное ядро.

Средства транспорта и сохраненія все болѣе совершенствуются. Въ Соединенныхъ Штатахъ, а теперь и у насъ, появились различныхъ формъ спеціальные вагоны для перевозки хлѣба, скота, мяса, рыбъ, овощей. Существуютъ спеціальные поѣзда, перевозящіе воловъ на громадные рынки Чикаго или Канзасъ-Сити. Появились амбары, яицъ и молочныхъ продуктовъ, мяса, элеваторы плодовъ и хлѣба *).

Техника замораживанія продуктовъ, пущенная въ ходъ относительно недавно, произвела громаднѣйшій переворотъ въ размѣщеніи производительныхъ силъ въ земледѣліи. Только благодаря этимъ техническимъ усовершенствованіямъ, возникли въ Чикаго скотобойни, разсылающія свѣжее мясо на разстояніи 1.000 и болѣе верстъ. Это искусство прокладываетъ теперь дорогу на европейскіе рынки новому конкурренту—Австраліи. Тамъ существуютъ фирмы, замораживающія ежедневно около 4.000 барановъ, высылающія ихъ ежемѣсячно 35.000 штукъ. И не только частныя общества занимаются замораживаніемъ. Правительство въ Мельбурнѣ открыло заведеніе *Freezing works*, замораживающее всякаго рода продукты, высылаемые на европейскіе рынки. «Мясо замораживаютъ при температурѣ 18°—20° ниже нуля,—пишетъ Леруа-Болье, который недавно посѣтилъ эти учрежденія **). — Я осматривалъ по очереди магазины баранины, цыплятъ, утокъ, кроликовъ. Сохраняемое мясо твердо, какъ дерево. Послѣ мясного я посѣтилъ отдѣленіе съ яицами. Въ прошломъ году былъ высланъ первый транспортъ этого товара. Вслѣдствіе неопытности, дѣйствовали на нихъ слишкомъ низкой температурой и много штукъ лопнуло. Теперь ихъ содержатъ при температурѣ немного выше нуля, между 0° и 1°. Укладываютъ яйца старательно въ картонныя коробки, каждая штука за отдѣльной перегородкой. Масло сначала стерилизуется и въ такомъ видѣ высылается». Благодаря техникѣ замораживанія, яйца, масло, сыръ, медъ, плоды, мясо выдерживаютъ 40-дневное путешествіе и свѣжими прибываютъ въ Англію, пройдя тропики.

Въ 1880 году выслали изъ Австраліи первый грузъ баранины изъ 400 овецъ. Между тѣмъ, въ 1895 году привезли въ Англію 5.000.000 пудовъ этого мяса, въ томъ числѣ 2½ милліона изъ Новой Зеландіи и около миліона изъ Австраліи.

Но особенно на перемѣну въ размѣщеніи различныхъ отраслей выкармливанія и обработки вліяютъ пути сообщенія. Вмѣсто концентрическихъ поясовъ появляются безформенныя фигуры, тянущіяся вдоль желѣзнодорожнаго или пароходнаго пути. Дѣйствуетъ не только возможность массовой и выгодной перевозки, но также и низкій уровень та-

*) Даже техника посуды, упаковки и т. д. очень развилась. Существуютъ фабрики, занимающіяся производствомъ коробокъ и сѣтокъ для упаковки яицъ, масла и т. п.

**) *Leroy Beaulieu* «*L'Australie et la N. Zelande*». «Revue des deux Mondes» CXXXVII, стр. 418. Сравни также «*Les grandes fabriques de viande en Australie*». «Revue des Revues», XIX. 1896.

рифа. Усовершенствованія желѣзнодорожной и пароходной техники могутъ съиграть бóльшую роль въ судьбѣ крестьянина извѣстной страны, чѣмъ его личныя усилія. Еще 40 лѣтъ тому назадъ о желѣзнодорожной политикѣ въ области провозныхъ тарифовъ ничего не знали и не говорили. Транспортъ принадлежалъ къ частнымъ дѣламъ, связаннымъ съ выгодою тѣхъ или другихъ обществъ, строившихъ желѣзныя дороги. Во второй половинѣ текущаго столѣтія это дѣло на нашихъ глазахъ преобразилось въ вопросъ большого значенія, заинтересовывая всѣхъ и вызывая оживленную законодательную дѣятельность. Чтобы понять значеніе переворота, вызваннаго желѣзными дорогами, достаточно указать на фактъ, приведенный Wells'омъ, а именно, что въ Сѣверной Америкѣ за провозъ 2.200 фунтовъ на разстояніи 1 мили платятъ такую баснословно низкую цѣну, за которую ни одинъ мальчишка, исключая китайца, не захотѣлъ бы въ Филадельфіи или Бостонѣ перенести малѣйшей пачки изъ одной улицы въ другую *). Желѣзныя дороги въ 1885 году произвели работу, для которой понадобилось бы, чтобы каждый житель земного шара владѣлъ лошадью, работающей впродолженіи двѣнадцати дней въ году **). Механическая лошадь работаетъ все дешевле. За время 1869—1889 гг. стоимость перевозки товаровъ въ Соединенныхъ Штатахъ упала въ отношеніи 25 къ 15 Что же касается хлѣба, слѣдующая таблица даетъ понятіе о паденіи цѣны провоза.

Таблица I.

Стоимость провоза бушеля пшеницы изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ:

	Сухопутная.	Водяная дорога.
1868	22,79	42,06
1876	9,82	16,86
1880	13,13	19,80
1882	7,23	14,47
1884	7,00	13,20
1886	9,10	15,00
1889	6,89	15,00

Таблица II.

Стоимость провоза изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль:

	Пароходами.	Парусными судами.
1868	14,36	—
1878	16,04	11,80
1880	11,76	10,20
1882	7,74	—
1884	6,80	Остановились.
1886	6,92	
1889	8,12	

*) Wells: *Recent economic changes.* **) *Ibidem.*

Паденіе тарифа не останавливается, и мы не можемъ указать границы дальнѣйшаго развитія техники и удешевленія транспорта. Недавно въ Берлинѣ на одномъ изъ митинговъ доказывали, что при извѣстныхъ усовершенствованіяхъ желѣзная дорога можетъ за двѣ марки перевозить пассажировъ третьяго класса чрезъ всю Пруссію.

Это неслыханное развитіе путей сообщенія дало возможность привозить на рынокъ продукты изъ очень далекихъ странъ. Въ Чикаго приходитъ ежедневно 10.000 сосудовъ съ молокомъ (по 8 галлоновъ) изъ за 80 англійскихъ миль. Суэзскій каналъ (а въ будущемъ Панамскій) произвелъ совершенный переворотъ въ доставкѣ продуктовъ на европейскіе рынки; только послѣ прорытія перешейка, соединяющаго Африку съ Азіей, начали приходить въ Европу грузы индійской пшеницы. Медленно появляется на земномъ шарѣ сѣть обмѣнныхъ артерій съ пульсами въ извѣстныхъ точкахъ, и всякая новая вѣтвь желѣзной дорогѣ что-нибудь измѣняетъ, всякая новая артерія можетъ произвести глубокій переворотъ. Панамскій каналъ сдѣлаетъ доступнымъ притокъ австралійской шерсти и угрожаетъ европейскимъ помѣщикамъ новой конкуренціей — яицъ, мяса и т. п. Взаимное расположеніе подлежитъ перемѣнамъ, не всегда одинаково глубокимъ, но безпрестаннымъ.

Рынокъ изъ мѣстнаго становится національнымъ, изъ національнаго—всемірнымъ. Появляется огромнѣйшій организмъ взаимной зависимости и раздѣленія труда въ земледѣліи—организмъ международный.

Это постепенное развитіе мы можемъ прекрасно разсмотрѣть на примѣрѣ Англіи.

Въ извѣстной исторической эпохѣ, во времена Елизаветы, выкармливаніе скота и обработка земли были болѣе или менѣе одинаково распространены во всей странѣ, на сколько, конечно, этому не мѣшали качество почвы и разница въ климатѣ. Съ возникновеніемъ современныхъ городовъ начинается спеціализація: нѣкоторыя графства обратились въ пастбища; вблизи очаговъ промышленности появились обработка овощей и молочное хозяйство, въ другихъ мѣстахъ начали заниматься выкармливаніемъ скота. Г. фонъ-Тюненъ доказалъ, что послѣднее оплачивается только при интенсивномъ хозяйствѣ. Поэтому въ графствахъ, расположенныхъ далеко отъ Лондона, появились такъ наз. *field lambfarmers*, производящіе для продажи ягнятъ, вблизи же столицы *house lambfarmers*, занимающіеся ихъ выкармливаніемъ.

Наконецъ, при дальнѣйшемъ развитіи, по мѣрѣ возрастанія путей сообщенія, соединенія В. Британіи съ Америкой и Австраліей постоянными пароходными путями, усовершенствованія въ техникѣ замораживанія, Англія начала привозить все больше продуктовъ издалека. Теперь она получаетъ хлѣбъ изъ Соед. Штатовъ, Россіи, Индіи; воловье мясо изъ Аргентины и Соед. Штатовъ, свинину—изъ Сѣверной Америки, баранину — изъ Аргентины и Австраліи, яйца изъ Россіи, Даніи, даже изъ Австраліи, масло изъ Даніи и Германіи. Она пред-

ставляетъ, въ сравненіи съ другими странами, какъ бы громадный городъ, связанный съ далекими захолустьями земного шара тысячью нитей взаимной зависимости.

2.

Выдѣленіе спеціальныхъ округовъ въ земледѣліи. — Геологически-агрономическія карты и хозяйственныя единицы высшаго разряда.

Какъ мы уже неоднократно показывали, спеціализація земледѣльческихъ территорій началась только теперь. Является вопросъ, на сколько она подвинется современемъ? Трудно предсказывать будущее, но невозможно удержаться отъ попытки хотя отчасти приподнять покровъ грядущихъ временъ. Теоретики земледѣльческихъ синдикатовъ, консерваторы по существу, мечтаютъ о томъ, чтобы въ будущемъ земледѣльческіе союзы охватили цѣлыя провинціи, напр., одно громадное молочное общество на всю Голландію. Другіе же—радикалы—думаютъ, что цѣлыя страны представятъ одно хозяйство, управляемое организованной общественной волей, гдѣ многопольная система, обнимающая теперь одну ферму, будетъ введена на пространствѣ громадныхъ территорій. Луга, расположенные надъ извѣстной рѣкой, будутъ составлять, напр., луговой департаментъ, пески будутъ засѣяны лѣсомъ, холмистыя мѣстности сдѣлаются убѣжищемъ овцеводства. Мы не остановимся надъ этими утопіями будущей централизаціи. Мы должны, однако, замѣтить, что существуетъ извѣстная тенденція въ этомъ направленіи. Государственное лѣсное хозяйство, а также государственная опека надъ частными лѣсами принадлежатъ къ такого рода стремленіямъ. Но особенно много сторонниковъ централизаціи мы встрѣчаемъ среди агрономовъ-геологовъ.

Проектъ изданія геологическо-агрономическихъ картъ явно свидѣтельствуетъ, какъ подъ вліяніемъ современной эпохи центръ тяжести переносится изъ частной фермы въ международный рынокъ и какъ возникаютъ идеальныя хозяйственныя единицы высшаго разряда. Такія карты должны доставить земледѣльцамъ извѣстной мѣстности общія указанія, касающіяся почвы, которую они обработываютъ, о ея хорошихъ и дурныхъ сторонахъ, необходимомъ удобреніи и т. п. Земледѣлецъ зналъ бы, чего онъ долженъ держаться, и опыты, произведенные въ какомъ-нибудь мѣстѣ геологическо-агрономическаго района, оказались бы пригодными для всѣхъ. Такія именно пространства уже теперь являются основаніемъ для возростающей дифференціаціи. Обработка такихъ картъ является вопросомъ, требующимъ немедленнаго разрѣшенія. Кто совершитъ эту задачу: государство, или земледѣльческіе союзы—вопросъ второстепенный; но самымъ важнымъ является тутъ то, что осуществленіе этой задачи перенесетъ центръ тяжести

изъ рукъ частнаго собственника въ руки общественныхъ органовъ. Геологически-агрономическая карта выдѣлитъ извѣстное географическое пространство во всей странѣ, создастъ руководящія учрежденія, напр., экспериментальную станцію, которая явится центромъ дѣятельности агрономовъ-инспекторовъ, дающихъ безплатно хозяйственные совѣты. Возникнетъ такимъ образомъ хозяйственная единица высшаго порядка.

3.

Международный организмъ уничтожаетъ хозяйственную самостоятельность государствъ.—Германія и Англія.—Государственные хлѣбные амбары.—Новыя учрежденія и институціи.

Тридцать лѣтъ тому назадъ говорили: «хлѣбъ—это король; онъ установитъ миръ навсегда между Англіей и Соединенными Штатами». Говоря это, не ожидали, что эти слова оправдаются скоро въ очень широкихъ размѣрахъ. Международный обмѣнъ, какъ мы видѣли, создалъ спеціальные районы: одни онъ обратилъ въ центры промышленнаго производства, другимъ же предоставилъ во всемірномъ раздѣленіи труда производить хлѣбъ и потребительные продукты. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились непредвидѣнныя заботы для государствъ и пришлось вспомнить слова Mac Culloch'a, что «страна, въ которой нѣтъ постояннаго запаса хлѣба въ амбарахъ фермеровъ и купцовъ, находится въ самомъ опасномъ положеніи, какое только можно себѣ представить».

Въ политическомъ отношеніи каждое государство должно стараться упрочить за собой какъ можно болѣе самостоятельности и его политака неизбѣжно должна держаться принциповъ натуралистическаго хозяйства, производящаго на собственной землѣ все, въ чемъ нуждается—понятно, въ предѣлахъ всей территоріи. Раздѣленіе труда, опредѣляющее нѣкоторымъ частямъ земного шара производство только спеціальныхъ товаровъ, разрушаетъ всѣ мечты о политической автономіи. Но пока дѣло касается фабричнаго промышленнаго производства, эта зависимость не подкапываетъ ещё достаточно сильно государственной самостоятельности, и блокада Англіи, предпринятая Наполеономъ I, хотя и причинила много вреда островитянамъ, однако не заставила великобританское правительство идти на уступки.

Иначе обстоитъ дѣло, когда страна начинаетъ систематически страдать отъ недостатка собственнаго хлѣба и должна постоянно привозить потребительные продукты извнѣ. Недостатокъ въ привозѣ, вслѣдствіе политическихъ замѣшательствъ, подвергаетъ такое государство голоду и создаетъ среди гражданъ недовольство, которое можетъ перейти въ мятежы и бунты. Исторія Англіи въ 1812 г. представляетъ много краснорѣчивыхъ картинъ послѣдствій зависимости отъ другихъ странъ. Страна тогда удовлетворяла спросу своего населенія на хлѣбъ почти собствен-

нымъ продуктомъ. Годичный дефицитъ не превышалъ одинадцатой части существующей въ Англіи потребности въ пшеницѣ. Но и такой дроби оказалось достаточно, чтобы политика Наполеона I, стремящаяся къ отдѣленію Альбіона отъ европейскаго материка, произвела очень чувствительныя послѣдствія. Вслѣдствіе блокады, обыкновенную булку продавали по 75 коп. Англійскій народъ отвѣтилъ на это буйствами и насиліями. Разбивали хлѣбные магазины и склады картофеля, грабили мясныя и мучныя лавки.

Хлѣбъ—дѣйствительно «король», потому что принуждаетъ государства при взаимномъ заключеніи союзовъ считаться именно съ этой зависимостью отъ чужбины и обязываетъ къ такимъ союзамъ, которые обезпечили бы въ случаѣ необходимости постоянный и правильный подвозъ средствъ пропитанія Нѣмецкое правительство уже нѣсколько лѣтъ задумывается надъ послѣдствіями такого положенія: кажется, что генеральный штабъ обработалъ полную стратегику политическихъ союзовъ, гдѣ обращено вниманіе на обезпеченіе государства средствами пропитанія во время военныхъ сумятицъ. Тамошніе политики, встревоженные особенно дружескими отношеніями между Франціей и Россіей, лишающими страну въ случаѣ войны русскаго хлѣба, доказываютъ неизбѣжность болѣе дружескихъ отношеній съ Англіей, которая парализировала бы дѣйствія французскаго флота и обезпечивала бы Германіи правильный подвозъ американскаго хлѣба. Нѣкоторые, напр., Рудольфъ Мейеръ, выступили съ предложеніями, которыя, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія экономистовъ. Онъ думаетъ, что искренній союзъ съ Англіей дѣйствительно очень желателенъ, но еще болѣе желательнымъ была бы совершенная хозяйственная самостоятельность Германіи. По его мнѣнію, государство должно стремиться къ тому, чтобы земледѣльцы производили столько хлѣба, сколько надобно для покрытія спроса въ странѣ. Между тѣмъ, нѣмцы, не придерживаясь такого принципа, замѣняютъ все болѣе и болѣе хлѣбныя поля плантаціями свекловицы и картофеля, продукты которыхъ, спиртъ и сахаръ, вывозятъ заграницу. Какъ нѣкогда французскіе короли, за каждую гряду поля, обращенную подъ виноградникъ, заставляли расчищать соотвѣтственное пространство лѣса подъ хлѣбъ, точно также государство должно теперь опредѣлить, сколько каждая провинція должна производить хлѣба. И только послѣ удовлетворенія общественныхъ потребностей, земледѣлецъ могъ бы производить плоды, идущіе за границу. Этотъ утопическій проектъ показываетъ, какъ развитіе международной спеціализаціи не согласно съ интересами государственныхъ организмовъ и создаетъ безсмысленныя мечтанія, стремящіяся задержать дальнѣйшій ростъ производительныхъ силъ въ земледѣліи.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ Англіи. Забота о политической самостоятельности создала тамъ болѣе практическіе планы, которые, осуществившись, положили бы начало обычаямъ и учрежденіямъ, рѣзко отличающимся отъ современныхъ.

Мы уже видѣли, какъ въ 1812 году, несмотря на то, что Англія не покрывала мѣстныхъ потребностей въ хлѣбѣ только на 9%, дошло до смутъ и насилій. Съ того времени дѣла измѣнились къ худшему. Нѣтъ ни одного продукта, который бы Англія производила въ достаточномъ количествѣ. Въ 1801 году подъ пшеницей занято было 3.320 тысячъ акровъ земли, и на каждыхъ 32 жителей выпадало 10 акровъ поля; въ 1895 году пространство, занятое этимъ хлѣбомъ, упало до 1.500 тысячъ акровъ, т.-е. уменьшилось на 65%, хотя населеніе страны почти утроилось. Въ 1895 году 10 акровъ приходится уже на 260 жителей. Эти цифры краснорѣчиво доказываютъ, что ежегодный дефицитъ пшеницы долженъ быть очень великъ. Дѣйствительно, въ 1801 году привозили въ Англію только 11-ую часть потребляемаго хлѣба, а въ 1894—1895 году изъ общаго количества употребленной пшеницы, составляющаго до 32.000.000 квартеровъ, только 7,5 милліона доставила мѣстная продукція, остальное же, т.-е. около 25.000.000, привезли извнѣ. Въ томъ числѣ Соединенные Штаты доставили 43%, Россія 21%, Аргентина 15% и т. д. Изслѣдуя статистику подвоза мяса, молочныхъ продуктовъ и т. д., мы найдемъ въ каждой рубрикѣ то же самое явленіе.

Такое положеніе становится крайне опаснымъ, разъ дѣло дойдетъ до войны. Транспорты хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ приходятъ въ Англію морскимъ путемъ. Великобританія оказалась бы тогда въ положеніи осажденной голодающей крѣпости. Особенно пагубной оказалась бы война съ Соединенными Штатами, откуда приходитъ почти половина всего количества привозимыхъ съѣстныхъ продуктовъ. А потому, когда въ 1896 году возникъ споръ между Соединенными Штатами и Англіей изъ-за Венецуэллы, первый вопросъ, который затронула пресса, былъ привозъ средствъ пропитанія. Явился, между прочимъ, проектъ, нашедшій поддержку даже среди членовъ кабинета Салисбери,— предложеніе основать государственные хлѣбные амбары, въ которыхъ находились бы запасы хлѣба, по крайней мѣрѣ, на годъ. Высчитали, что государство издержало бы на эту цѣль до 30.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Эту идею въ Англіи, въ странѣ практическихъ людей, сочли за дѣловую идею, т.-е. нашли осуществимой. Если планъ Р. Мейера наложить оковы на дальнѣйшее развитіе международнаго раздѣленія труда является реакціонной и невозможной утопіей, потому что, признавая частную собственность, онъ въ то же время лишаетъ ее святаго *jus utendi et abutendi* и на земледѣльца налагаетъ общественныя обязанности путемъ полицейскаго принужденія, то мысль о государственныхъ амбарахъ въ Англіи отличается совсѣмъ другимъ характеромъ.

Въ средневѣковыхъ городахъ находились муниципальные амбары, обезпечивающіе жителей отъ голода въ случаѣ неурожая, или же во время зимнихъ мятелей и весеннихъ наводненій. Это учрежденіе исчезло по мѣрѣ увеличенія путей сообщенія, дѣлающихъ возможнымъ привозъ

хлѣба изъ далекихъ областей, а также при развитіи государственной власти, которая обезопасила дороги и обуздала разбои. Государственные же амбары хлѣба появились бы вслѣдствіе развитія желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, а также отсутствія мирной организаціи, охватывающей всю територію международнаго обмѣна.

Но осуществленіе такой идеи принудило бы Англію сдѣлать еще нѣсколько шаговъ дальше. Сохраненіе хлѣба въ амбарахъ возможно только при постоянномъ приливѣ и отливѣ зерна—приливѣ свѣжаго и отливѣ стараго, что привело бы по необходимости къ переходу хлѣбной торговли въ вѣдѣніе государства. Это была бы такая значительная реформа, что сразу придала бы функціямъ государства совсѣмъ другое направленіе. Проектъ государственной хлѣбной монополіи нѣмецкихъ земледѣльцевъ, сформулированный графомъ Каницомъ, предложеніе Жореса во французской палатѣ, и, наконецъ, стремленія швейцарской соціалъ-демократіи пріучили современное поколѣніе къ подобной возможности.

Итакъ, мы видимъ, что обмѣнный организмъ, созидая спеціальныя промышленныя и земледѣльческія области, уничтожая государственную самостоятельность въ экономическомъ отношеніи и, замѣняя само государство въ провинцію болѣе обширнаго хозяйственнаго организма, прокладываетъ дорогу новымъ общественнымъ учрежденіямъ. Мы увидимъ далѣе еще другія послѣдствія его существованія. Медленно, подъ вліяніемъ стихійнаго напора жизни, въ современномъ обществѣ созрѣваютъ новые образцы, клѣточки которыхъ мы можемъ видѣть, ближайшія формы которыхъ мы иногда угадываемъ, но дальнѣйшія судьбы которыхъ для насъ скрыты. Изо дня въ день, годъ за годомъ изъ звеньевъ сегодняшняго дня создается будущее—новыя отношенія и новыя учрежденія. Роды происходятъ при помощи нашихъ рукъ, но не всегда нашего сознанія, т. е. мы не всегда вникаемъ въ послѣдствія нашихъ усилій, направленныхъ къ удовлетворенію необходимыхъ ежедневныхъ потребностей. Возникаютъ отношенія, превосходящія не только нашъ будничный горизонтъ, но даже нашу способность къ синтезу.

4.

Послѣдствія роста путей сообщенія.—Рыночная неустойчивость.—Конкурренція и ея характеръ.

Въ земледѣльческихъ газетахъ можно встрѣтить по временамъ бѣглыя замѣтки, насколько транспортъ хлѣба и другихъ продуктовъ стоитъ дешевле за Атлантическимъ океаномъ, чѣмъ у насъ. Въ свое время аграрные органы въ Германіи много писали объ этомъ. Плата за провозъ вола изъ Кенигсберга въ Берлинъ стоитъ 9—12 марокъ, между тѣмъ отъ Чикаго въ Нью-Іоркъ, т. е. на разстояніи въ нѣ-

сколько разъ большемъ, брали въ 1884 году за 100 фунтовъ живого мяса 20 центовъ, въ 1888 году тарифъ поднялся до 25 центовъ, во всякомъ случаѣ это еще очень низкая плата въ сравненіи съ европейскими таксами. И не только цѣна транспорта за моремъ меньше, но и техника его болѣе удобна.

Въ этой дешевизнѣ транспорта таятся глубокіе факторы переворота, который стремится окончательно къ уравненію земледѣльческихъ отношеній съ господствующими въ обрабатывающей промышленности.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ центръ тяжести въ благосостояніи нашего земледѣльца находился въ его имѣніи и даже въ его характерѣ. Кто былъ предусмотрительнымъ и бережливымъ хозяиномъ, могъ быть увѣренъ, что свою судьбу держитъ въ своихъ рукахъ, размѣры же полученнаго дохода зависѣли отъ его старательности. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ желѣзныя дороги соединяли отдаленнѣйшіе округи въ обмѣнный организмъ и дѣлали возможнымъ провозку земледѣльческихъ произведеній изъ заморскихъ странъ, на благосостояніе земледѣльца начали дѣйствовать другія постороннія вліянія. Земледѣлецъ почувствовалъ осязательно, что развитіе экономическихъ отношеній связало его со странами, названія которыхъ онъ до сихъ поръ даже и не слышалъ, и что надъ его имѣніемъ господствуютъ чуждыя ему силы, послѣдствій которыхъ всѣ его хозяйственныя добродѣтели не въ состояніи отвратить. Прорытіе Суэзскаго канала, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и сѣти каналовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, техника замораживанія мяса и другихъ продуктовъ, усовершенствованные корабли, все это явленія первостепенной важности, которыя уже сильно отозвались на положеніи европейскаго земледѣльца и еще болѣе повліяютъ въ будущемъ, когда производительныя силы, вызванныя къ жизни большимъ капиталомъ, выразятъ вполнѣ все, къ чему способны. Даже нѣкоторыя мелкія измѣненія, не отмѣченныя печатью въ рубрикѣ важнѣйшихъ извѣстій, являются источникомъ значительныхъ послѣдствій. Техническія усовершенствованія, сокращающія время перевозки или понижающія незначительно даже цѣны провоза изъ заморскихъ портовъ въ европейскіе, могутъ дать результаты, очень нежелательные для земледѣльца.

Развитіе путей сообщенія создало въ земледѣліи громадныя производительныя силы, о которыхъ прошедшіе вѣка не имѣли даже понятія. Въ современныхъ заморскихъ краяхъ возникли акціонерныя общества, воспитывающія скотъ или обрабатывающія землю. Онѣ владѣютъ большими капиталами, управляемыя опытными спекуляторами, которые взялись за земледѣліе только для того, чтобы много заработать. Земля не поглотила тамъ вкладовъ, для извлеченія которыхъ надо ждать годы. Капиталистъ получаетъ выгоду изъ силъ природы, дѣятельность которыхъ въ нашей части свѣта требуетъ извѣстныхъ расходовъ: полей не надо удобрять, для скота не надо строить

хлѣба. Пшеничныя степи въ Дакотѣ, громадныя австралійскія предпріятія, высылающія баранину въ Англію, акціонерныя общества, выкармливающія рогатый скотъ въ степяхъ Техаса и Аргентины ведутъ хозяйство дешевымъ хищническимъ способомъ. Земля тамъ только распаханная степь, которую недавно обрабатываютъ. Это пространство, когда падутъ цѣны, можетъ быть брошено (точно такъ же, какъ фабрикантъ уменьшаетъ размѣры продукціи во время застоя); слѣдующая таблица отлично показываетъ это стремленіе въ Соединенныхъ Штатахъ *).

Годъ.	Размѣры занятой земли (въ акрахъ).	Средняя цѣна бушеля пшеницы.
1880	37.986.717	95,1
1881	37.709.020	119,2
1882	37.967.194	88,2
1883	36.455.593	91,1
1884	39.475.885	64,5
1885	34.189.246	77,1
1886	36.806.184	68,7
1887	37.641.783	68,1
1888	37.336.138	92,8
1889	38.123.859	69,8
1890	36.687.154	83,9
1891	39.916.897	83,9
1892	38.554.430	62,4

Разсматривая эту таблицу, видимъ, что пространство, занятое подъ пшеницу, измѣняется изъ года въ годъ въ зависимости отъ цѣнъ предъидущаго года. Тамъ за моремъ—въ Америкѣ, Австраліи и Индіи—возникаютъ центры, которые должны высылать хлѣбъ, мясо и другіе продукты на европейскій рынокъ, когда цѣны на немъ слишкомъ поднимутся. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно просмотрѣть слѣдующія таблицы.

1) Вывозъ хлѣба изъ Индіи.

Годъ.	Вывозъ (въ центнерахъ).	Урожай въ бушеляхъ.
1883—1884...........	20.956.495	251.690.880
1884—1885...........	15.830.754	299.155.584
1885—1886...........	21.060.519	258.317.632
1886—1887...........	22.263.320	238.585.947
1887—1888...........	13.538.169	266.882.112
1888—1889...........	17.610.081	237.522.134
1889—1890...........	13.805.220	235.345.000

*) *Annual Report of the secretary of the Department of Agriculture* за 1893 г.

Вмѣстѣ съ цифрами вывоза мы дали и цифры урожаевъ. Изъ этого сопоставленія можемъ убѣдиться, что экспортъ изъ Индіи не зависитъ отъ тамошнихъ урожаевъ; случается, что именно, когда урожай хорошъ, вывозъ не великъ, и обратно. Это доказываетъ, что о величинѣ вывоза рѣшаютъ рыночныя условія.

2) Вывозъ пшеницы изъ Австраліи.

Годъ.	Вывозъ (въ англ. центнерахъ).	Урожай въ бушеляхъ.
1881	2.978.130	31.534.466
1882	2.475.127	29.741.752
1883	2.683.590	31.763.096
1884	5.691.212	45.541.592
1885	5.279.232	37.357.851
1886	738.699	31.716.235
1887	1.347.151	39.830.183
1888	2.315.700	43.197.146
1889	1.406.060	34.640.732

Мы видимъ въ Австраліи то же явленіе, которое наблюдали въ Индіи, именно, что вывозъ уменьшается и расширяется отъ условій рынка. Австралійскій хлѣбъ не играетъ на рынкѣ роли фактическаго соперника, но только запаснаго, который появляется, лишь только условія благопріятствуютъ его присутствію, т. е. цѣны поднимутся выше обыкновеннаго уровня.

Существованіе такихъ складовъ, которые теперь перемѣнились въ постоянныя учрежденія и исполняютъ обязанности прежнихъ муниципальныхъ амбаровъ на протяженіи цѣлой обмѣнной территоріи, доказываетъ, что въ земледѣліи возникли громадныя производительныя силы, создающія соперничество на рынкѣ. Эта-то конкурренція и создала неувѣренность въ благосостояніи земледѣльцевъ. Земледѣлецъ, незнакомый съ условіями рынка, лишь ощупью долженъ искать дороги. Дѣдъ и прадѣдъ производили пшеницу, увѣренные, что на рынкѣ не будетъ недостатка въ покупателяхъ и что купецъ самъ постучитъ въ дверь. Заботились только о томъ, чтобы зерна было побольше. Наплывъ заморскихъ плодовъ уничтожилъ прежнюю простоту отношеній. Теперь можетъ случиться, что хлѣба на фермѣ будетъ достаточно, но не хватитъ покупателей. Земледѣлецъ, заботящійся нѣкогда только объ обработкѣ своихъ полей и не думавшій ни о чемъ, что выходило за предѣлы его имѣнія, теперь долженъ прислушиваться къ отголоскамъ, доходящимъ изъ далекой заграницы, и въ конституціонныхъ государствахъ онъ создаетъ политическія партіи, чтобы вліять на рыночныя отношенія и сформировать ихъ выгоднымъ для себя образомъ. Онъ никогда не увѣренъ въ томъ, что́ ему принесетъ будущій рыночный сезонъ. Цѣны устанавливаются теперь подъ вліяніемъ столь-

кихъ факторовъ, что впередъ совсѣмъ неизвѣстно, какъ сложатся отношенія, т. е. на какіе продукты будетъ болѣе спроса, на какіе менѣе. Рынокъ начинаетъ подшучивать надъ земледѣльцемъ, который относится слишкомъ пассивно къ его дуновеніямъ и не привыкъ еще къ экономическимъ бурямъ.

Возникновеніе международнаго раздѣленія труда въ земледѣліи, появленіе спеціальныхъ территорій обработки и выкармливанія скота доказываетъ, что въ земледѣльческой промышленности образовались производительныя силы, превосходящія величиною, напряженіемъ и т. д. до сихъ поръ существующую рутину. Они являются внѣшними признаками, подъ которыми скрывается радикальный переворотъ въ традиціонныхъ отношеніяхъ сельскаго хозяйства. Новыя необузданныя силы, которымъ тѣсно въ рамахъ системы свободной конкурренціи и индивидуальнаго управленія, приносятъ, какъ горный ручей, уничтоженіе и опустошеніе. Заморская конкурренція—это лишь одно явленіе этого переворота, но существуютъ еще и другія. Она вноситъ въ жизнь диссонансъ, возникшій отъ появленія слишкомъ могучихъ средствъ и условій продукціи, чтобы онѣ могли развиваться въ оковахъ индивидуальнаго веденія хозяйства. Такая форма продукціи, вмѣсто того, чтобы быть, какъ нѣкогда, двигателемъ экономическаго развитія, теперь задерживаетъ дальнѣйшій прогрессъ, дѣлаетъ невозможнымъ употребленіе зоотехническихъ открытій, не допускаетъ слишкомъ смѣлыхъ усовершенствованій въ орудіяхъ обработки, затрудняетъ эксплуатацію геологической полосы, сообразно съ ея свойствами.

Л. Крживицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДВА ТИПА.

(Повѣсть).

Nota Bene. Я издаю эти записки одного изъ прожигателей жизни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ попали ко мнѣ, ничего не измѣняя и не добавляя отъ себя. Несмотря даже на потерю нѣсколькихъ страницъ, оборванныя, недописанныя, онѣ все же представляютъ, по моему мнѣнію, нѣкоторый интересъ и даютъ довольно цѣльное представленіе о драмѣ, героями которой явились представители двухъ различныхъ типовъ, отчего я и озаглавилъ эти записки „Два типа". Когда я читалъ ихъ, онѣ производили на меня впечатлѣніе какихъ-то странныхъ монологовъ. Казалось, будто измученный, больной человѣкъ, раздвоенный, полный внутреннихъ рефлексовъ, самъ на самъ тихо шепчетъ про себя свои тревожныя думы и бередитъ ими душу. Разбирался ли онъ въ себѣ или въ общихъ явленіяхъ жизни, хотѣлъ ли этими записками оставить хоть какой-нибудь слѣдъ пережитаго момента, пусть уже рѣшаетъ самъ читатель. Конечно, тутъ многое зависитъ отъ настроенія и я охотно допускаю предположеніе, что другіе могутъ увидѣть въ этой небольшой повѣсти нѣчто иное, чѣмъ видѣлъ и перечувствовалъ я. пробѣгая эти лихорадочно-торопливой рукой небрежно набросанныя строки...

---

12 е іюня.

Она больна уже пятый день, — кризиса ждутъ на девятый... Перспектива ожиданія, полнаго тревожной неизвѣстности, не особенно пріятна,—у меня уже и такъ разбиты нервы. Сегодня я, какъ сантиментальная институтка, исписалъ этими цифрами листъ бумаги и чтобы быть послѣдовательнымъ начинаю дневникъ...

Воображаю, какъ захохотала бы баронесса...

— Вы—и дневникъ?!.. Ха, ха, ха! это крайне интересно... Во всякомъ случаѣ нѣчто новое!—съязвила бы она.

И дѣйствительно, это нѣчто новое для меня... Кажется, жизнь и фланерство всепокупающаго креза давнымъ-давно вытравили

всякіе сантименты, если таковые и были когда-нибудь во мнѣ... Не даромъ же очень многіе считаютъ меня глубочайшимъ цинизмомъ, да и докторъ въ томъ числѣ, кажется... Ну, что жъ, цинизмъ много помогаетъ успѣху у женщинъ... Всѣ онѣ, и баронесса, конечно, всегда признавались „въ минуты сладкихъ изліяній“, что наглость мужчины, испорченность, дерзость таятъ въ себѣ нѣчто обольстительное...

— C'est piquant ça!.. Немножко негодяй,—это хорошо, это покоряетъ!..

Правда, *она* не такова... *Ей* нужно другое и, кажется, я подчиняюсь этому „другому“ или начинаю подчиняться, хотя это и не вяжется съ моей природой и довольно странно для сына fin de siecl'я, переплывшаго всѣ модныя теченія отъ шопенгауэро-гартмоновской Сциллы и Харибды до декадентскаго водоворота включительно и очутившагося въ концѣ-концовъ въ какой-то мертвой зыби, безъ горизонтовъ, затянутыхъ туманомъ „сладкихъ ощущеній“, безъ почвы, ушедшей въ бездну... Что дѣлать, можетъ быть и это только мимолетный капризъ избалованной натуры, ищущей все новыхъ ощущеній... Для разнообразія отчего и не посантиментальничать?.. Во всякомъ случаѣ, эта болѣзнь *ея*, нужно правду сказать, разбила весь мой покой, развинтила нервы, прогнала сонъ и т. д. и т. д. Когда мы встрѣтились сегодня съ докторомъ въ *ея* свѣтленькой, крошечной гостиной, онъ взглянулъ на меня пристально и спросилъ:

— Не больны ли вы сами? У васъ прескверный видъ...

Тонъ вопроса былъ довольно участливый.

Я, конечно, постарался улыбнуться и отдѣлаться шуткой.

— Я боленъ хандрой, докторъ,—обычной болѣзнью крезовъ... Противъ нея ваше искусство, кажется, безсильно...

— Да, безсильно,—повторилъ онъ, сжавъ губы, и отвернулся...

Я понялъ почему... Онъ вспомнилъ нашу давнишнюю стычку на эту тему, послѣ которой сталъ сдержаннѣе со мною, очевидно, сочтя меня бездушнымъ, черствымъ циникомъ, испорченнымъ до мозга костей фатомъ... Это произошло вскорѣ послѣ того, какъ она представила мнѣ его, какъ друга ея покойнаго брата... У меня были развинчены нервы, почему,—хорошо не помню, но, кажется, мнѣ показалось, будто *она* относится ко мнѣ особенно холодно и безучастно... Я дрожалъ отъ внутренней досады и задѣтаго ревниваго самолюбія и точно капризному мальчишкѣ мнѣ хотѣлось выместить такое состояніе на другихъ,—все равно, какимъ вздоромъ, лишь бы позлить и задѣть... Это въ крови у меня... Покойный родитель,—миръ его праху,—вымещая всегда свое настроеніе на домочадцахъ, довелъ такимъ образомъ бѣдную мать до столбняка. Кроткая и тихая, выданная замужъ за капиталъ, а не за чело-

*

вѣка, она трепетала всю недолгую жизнь, трепетала до послѣдняго вздоха, сначала отца, потомъ мужа, потомъ загробнаго возмездія за грѣхи, которыхъ не знала... Этотъ вѣчный трепетъ сильно развинтилъ нервы ея любимца еще въ дѣтствѣ...

Мы сидѣли съ докторомъ на террасѣ ресторана, откуда открывался волшебный видъ на море... Западъ горѣлъ багрянымъ блескомъ и багрилъ лазурное море, отвѣчавшее ему въ высь нѣжными зеленоватыми тонами, исчезавшими въ дымкѣ... Бѣлое облачко всплывало изъ-за дымки, а дальше, дальше на горизонтѣ, какъ бы надъ облачкомъ и какъ бы въ воздухѣ, парилъ трехмачтовый бригъ съ надутыми парусами, окрашенными розовымъ свѣтомъ заката... Иллюзія была полная,—бригъ казался летящимъ, легенда о летающемъ голландцѣ, вдохновившая Вагнера, возставала живой картиной... Я молчалъ, мнѣ было не до пейзажей, которые казались мнѣ и тоскливыми и скучными,—докторъ восторгался... Въ моемъ настроеніи эти восторги раздражали еще больше... Мнѣ вообще не по душѣ восклицанія восторговъ и восторги вслухъ... Истинный, глубокій восторгъ, какъ и счастье, какъ и ужасъ, долженъ быть безмолвенъ... Всецѣло и полно охваченная душа не любитъ звука...

— А у васъ все сплинъ отъ пресыщенія, а?.. Хандрите?..

— Да, хандрю, докторъ!

— Это неврастенія, батенька... Вы, по правдѣ сказать, довольно яркій представитель ея...

Онъ говорилъ съ обычной своей грубоватой простотой, которую только искренность тона и благодушіе отдѣляли отъ нахальства. Въ общемъ, онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ даже этой манерой рѣчи...

— Будто?..

— Право... Хандрить въ такой вечеръ?!..

Онъ хлебнулъ изъ стакана глотокъ холоднаго чаю и поднялъ на меня очки.

— Теперь у насъ хоть прудъ пруди, батенька, неврастениками... въ особенности въ богатыхъ семьяхъ... Все это признаки дегенераціи...

— Можетъ быть,—отвѣтилъ я,—но что касается меня лично, то увѣряю васъ, что вы ошибаетесь... Мои родители,—я изъ купеческой семьи, какъ вы знаете,—были здоровехенькіе люди, а дѣдъ пахалъ еще землю... Онъ сильно напоминалъ собою деревенскаго Авраама,—излюбленный типъ нашихъ народниковъ,—значитъ, и вашъ... Родитель цѣпкими и крѣпкими руками собиралъ мнѣ мои милліоны, еле зная грамоту и предпочитая считать зарубками на биркѣ...

— Тутъ нѣтъ противорѣчія, а скорѣе подтвержденіе,—заспѣ-

шилъ докторъ. Вообще вопросъ о „вырожденіи“ былъ его любимымъ конькомъ.—Согласитесь, что нашъ крестьянинъ, пробивающійся безъ грамоты и счета, однимъ умомъ и сметкой, въ купцы милліонеры,—если не геніальный, то во всякомъ случаѣ выдающійся, глубоко талантливый и сильный типъ, которому приходится вести свою борьбу съ крайнимъ напряженіемъ... А потомство такихъ людей всегда очень слабо... Да чего же лучше, возьмите всѣхъ нашихъ саврасовъ и тятенькиныхъ сынковъ, отцы которыхъ созидали, а они...

— Позвольте, докторъ,—перебилъ я этотъ довольно-таки щекотливый монологъ,—позвольте, вы забыли условія воспитанія...

— Ахъ, это воспитаніе!—онъ махнулъ рукой.—Повѣрьте, что условія и характеръ воспитанія у насъ почти вездѣ одни и тѣ же, и принципъ его одинъ:—хватай самъ, чтобы у тебя не перехватили!.. Воспитаніе, воспитаніе... А позвольте, ужъ такъ и быть, перейти на личную почву,—ваше воспитаніе чѣмъ, напримѣръ, плохо?! Учились вы въ университетѣ, слушали лучшихъ профессоровъ, изъѣздили весь свѣтъ изъ края въ край, обладаете средствами, которыми можете превращать сказки въ быль, а вотъ же...

— Мыкаететь по свѣту безъ цѣли и дѣла безсильнымъ фланеромъ?!—перебилъ я.—Хандрите и ноете...

— Именно! Съ чего вамъ хандрить и ныть, когда у васъ есть все, чтобы любить жизнь...

— Даже при сознаніи, что въ этой жизни можешь *все* купить?..

Обычно спокойный, невозмутимый, онъ даже привскочилъ.

— Какъ, все?..

Этотъ негодующій тонъ, это движеніе меня подзадорили...

Я отвѣчалъ уже злорадно и съ удареніемъ:

— Конечно, все,—дешевле или дороже...

Онъ недоумѣвающе уставился на меня.

— Неужели вы серьезно думаете, что все продажно, все можно купить?!..

— Да...

— Честность, искреннее чувство, добродѣтель, любовь?..

— Только вопросъ лишняго нуля въ концѣ покупной цифры...

— Вы въ этомъ убѣждены?

— Горькимъ опытомъ...

Глубоко возмущенный, онъ вспыхнулъ... Съ губъ его, казалось, было готово сорваться рѣзкое слово. Но онъ сдержался, хлебнулъ чай и посмотрѣлъ на меня какъ бы съ недовѣріемъ.

— Можно васъ спросить?

— Что угодно...

— Любили васъ когда-нибудь?..

— О, и очень часто, докторъ, но, я думаю, больше любили

мои чэки, чѣмъ ихъ обладателя... Я вѣдь не вѣрю въ Лукреційи Элоизъ...

— Жаль!

Онъ насупился, вытеръ губы и молча закурилъ сигару.

— А онѣ *есть!*—подчеркнулъ онъ мнѣ, уходя.—Вы дѣйствительно несчастный человѣкъ, если не рисуетесь; съ этимъ жить нельзя... Можно захандрить до петли...

Признаюсь, мнѣ послѣ стало жаль, что я говорилъ такъ задорно рѣзко. Зачѣмъ?.. Нужно было допустить исключенія,—они вездѣ возможны... Но въ общемъ я говорилъ искренно, я говорилъ, что чувствовалъ, что всегда отравляло мои лучшія минуты...

. . . .

Но сегодня этого я не могъ бы сказать... Я допускаю, что онъ правъ... *Онѣ* есть или должны быть...

Свѣтаетъ... Salve di mora casta e diva!—какъ поетъ Фаустъ. Еще на одинъ день ближе кризисъ...

13-е іюня.

Такая же безсонная ночь, такая же гнетущая хандра... Гулъ прибоя, который мы съ *нею* такъ любимъ оба, въ эту ночь раздражаетъ меня до боли...

Больнымъ нервамъ хотѣлось бы абсолютно глубокой тишины,—она гармонировала бы съ настроеніемъ этой мистической лунной ночи... Кажется, будто зеленоватый свѣтовой туманъ обливаетъ отдѣльные контуры и силуэты молочнымъ полусвѣтомъ затѣмъ только, чтобы еще глубже спрятать въ ночномъ мракѣ какую-то роковую загадку... Тѣни и полутоны прямо фантастичны, куда ни глянь, все и вездѣ дышитъ скрытой тайной... Въ такія ночи каменныя химеры Notre Dame,—величайшее произведеніе зодчества, какое я видѣлъ и знаю по могучей красотѣ символа и по настроенію зодчества, эпическаго, потому что создавали его не руки человѣка, а поколѣній, проникнутыхъ страстной мистической вѣрой,—эти химеры оживаютъ, молятся и гадаютъ... Въ Парижѣ, въ лунныя ночи, я не сводилъ съ нихъ глазъ, я и *ее* водилъ къ нимъ, когда *она* была тамъ мимоѣздомъ съ умиравшимъ братомъ... *Она* задыхалась отъ восторга и говорила:

— Знаете, въ памяти встаютъ какъ живыя дивныя страницы Гюго... Право, не знаешь, чего тутъ больше: вѣры, отчаянія, надежды, скорби или любви...

— И скрытой, презрительной къ земному праху ироніи сфинкса!—добавилъ я.

— Пожалуй!—согласилась она. — Тогда было больше идеализма... Люди не жили однимъ хлѣбомъ насущнымъ и выше сытаго довольства ставили идею...

Помню, лунный блескъ скользнулъ изъ-за карниза и упалъ прямо на открытые глаза химеры. Они засвѣтились и чудовищное лицо ожило въ безъисходной скорби и робкой, но жгучей молитвѣ. Даже глядѣть было страшно,—столько кроткаго страданія, столько мольбы о пощадѣ таила въ себѣ эта ожившая гранитная глыба... Камень рыдалъ безъ звука сухими, каменными слезами и мертвымъ, невидящимъ взоромъ рвался въ недосягаемую высь...

Я первый нарушилъ молчаніе...

— Какъ это живо!—сказалъ я.—Скованный земной оболочкой, духъ рвется въ небо, къ своему первоисточнику... Выражено необычайно сильно, не правда ли?

Она не отвѣтила, стояла молча, долго любуясь и только послѣ бросила вскользь, какъ бы про себя:

— Если бы я не вѣрила въ жизнь, въ человѣчество, въ грядущее счастье, я рвалась бы отъ жизни, какъ эта химера... И ушла бы тогда... Прозябать не стоитъ!

— Ну, я этого не сдѣлаю,—сказалъ я.—Зачѣмъ ускорять то, что неминуемо придетъ въ свое время?.. Къ тому же, жизнь, какъ бы она ни была пошла, имѣетъ свои розы...

Она сдвинула брови.

— Это эпикурейство...

— Да, говоря деликатно, но и съ долей оптимизма,—сказалъ я.—Тутъ играетъ роль и смутная надежда, что всякое „завтра" будетъ лучше прошлаго „сегодня"...

— Вѣдь вы же не вѣрите въ лучшее?—подхватила она.

— Разсудкомъ... Но желанія и настроенія не всегда ему подчиняются... Вотъ, хотя бы въ такія фантастически чудныя ночи!..

. . . .

Но въ такія ночи страшно ожидать, или предчувствовать что-нибудь тревожное... Можно сойти съ ума...

14-е іюня.

Докторъ былъ сегодня какъ-то особенно угрюмъ, неразговорчивъ и грубоватъ, что встревожило меня еще больше. Когда я присталъ къ нему послѣ его утренняго визита къ больной, онъ долго уклонялся отъ отвѣта...

— Болѣзнь идетъ своимъ ходомъ,—глухо сказалъ онъ, сдвигая брови,—все въ порядкѣ, но...

Я вздрогнулъ отъ этого „но", какъ отъ электрической искры.

— Что такое?

— Ничего особеннаго... Я хотѣлъ сказать, что нужно ожидать кризиса.

Я понялъ, что ему не по себѣ, что онъ какъ будто встревоженъ и не хочетъ, чтобы я видѣлъ это... Отъ волненія у меня

схватила судорога въ горлѣ, но я совладалъ съ нею. Я не люблю показывать другимъ свои ощущенія и ревниво храню свое „я" про себя... Поворачиваясь, какъ ни въ чемъ не бывало, уходить, я кинулъ ему совершенно спокойно, хотя у меня дрожали ноги:

— Можетъ быть, нуженъ консиліумъ, докторъ?

— Пока нѣтъ,—отвѣтилъ онъ угрюмо, какъ бы обиженный вмѣшательствомъ въ его дѣло.—Болѣзнь ясна... Когда консиліумъ понадобится, я самъ позову...

— Но... вообще, можетъ быть, что-нибудь нужно?.. Скажите, я...

Онъ перебилъ меня рѣзко:

— Только покой и чистый воздухъ... Ничего больше...

Кажется, это была легкая колкость по адресу милліонера и его услугъ... О, этотъ докторъ умѣетъ-таки язвить какъ бы невзначай и мимоходомъ...

А сегодня годовщина... Да, ровно годъ тому назадъ, 14-го іюня, я увидѣлъ *ее* въ первый разъ въ густой приморской аллеѣ, на курортѣ, куда *она* привезла спасать умиравшаго брата... У юноши была какая-то исторія,—обычная въ юношескіе годы,—онъ захворалъ, сталъ чахнуть и поплатился скоротечной чахоткой... Тогда *она* бросила свои уроки, продала все, что можно было продать, и повезла его къ солнцу и морю... Но жестокій сѣверъ сдѣлалъ свое дѣло хорошо и умѣло,—ни солнце, ни море не могли отбить у него его жертву...

И *она* не могла, *она*—вся любовь, вся преданность и ласка... Стройная, скромная, сердечная, она двигалась за умиравшимъ неслышной тѣнью и самымъ нѣжнымъ, тревожнымъ взглядомъ слѣдила за тихо угасавшей жизнью... Въ глазахъ ея лихорадочно сверкали вмѣстѣ и скорбь, и отчаяніе, и робкая, смутная надежда... Когда врачъ подходилъ къ больному и бралъ его пульсъ, она блѣднѣла и хваталась рукою за сердце, боясь услышать что-нибудь роковое, а во взорѣ свѣтилась робкая мольба... Я все это отлично помню...

— Вы пощадили бы себя,—сказалъ я ей разъ.—Вамъ нужно отдохнуть, такимъ уходомъ за братомъ вы уложите себя...

— Себя?.. — усмѣхнулась она, — о, нѣтъ... Я удивительно крѣпка, мнѣ ничего не станется, даромъ, что на видъ я изъ хрупкихъ... Я вѣдь уже вынесла не мало, а вотъ же ничего...

Я зналъ, что исторія брата обошлась ей тоже не дешево... Гдѣ она черпала такую силу, Богъ ее знаетъ... Эта хрупкая оболочка таила въ себѣ стальную энергію и выносливость подвижницы...

Русскихъ было мало и мы узнали другъ друга быстро... Баронесса, героиня моего тогдашняго романа, возненавидѣла ее съ

перваго взгляда... Она вообще презирала своихъ сестеръ женщинъ, увѣряла, что всѣ онѣ на одинъ ладъ, всѣ лицемѣрны, лживы, чувственны и продажны, но *ее* не презирала, а ненавидѣла... Это выдѣляло *ее* сразу... Увѣрявшая всегда, что не понимаетъ ревности и дѣйствительно никогда не проявлявшая ее до сихъ поръ, баронесса выходила изъ себя, когда ловила мой взглядъ, устремленный на ту...

— Что вы нашли въ ней, не понимаю?!.. Одѣта отвратительно, никакихъ манеръ, лицо — ничего особеннаго, никакой граціи и кокетство своей мнимой нѣжностью къ брату!.. Удивительный вкусъ... Одна тривіальность! Простая швейка и больше ничего!..

Она чутьемъ хищной птицы угадала, что съ этой встрѣчи похороненъ нашъ романъ и, боясь потерять мой кошелекъ, ненавидѣла соперницу алчной ненавистью сонаслѣдниковъ большого наслѣдства... О любви тутъ, конечно, не было и помину,—она любила „набоба“, который, не тяготясь, оплачивалъ чудовищные счеты ея модистокъ. Въ концѣ-концовъ мы разстались и она уѣхала мирно съ чекомъ въ сто тысячъ франковъ и какимъ-то венгерскимъ или румынскимъ графомъ. Но до этого она выкидывала иногда невѣроятныя глупости и испортила мнѣ не мало крови... Ничто такъ пошло не мучитъ, какъ глупость... А она была глупа, хищна, лукава и, вдобавокъ, влюблена въ себя...

— О, мой набобъ, tien!—гдѣ ты найдешь такое тѣло?..—говорила она съ искреннимъ восторгомъ и гордостью...

Она была сложена какъ богиня, но въ тѣлѣ богини сидѣла, къ сожалѣнію, душа самой обыкновенной вороны. Впрочемъ, она была ничѣмъ не хуже многихъ и многихъ, съ которыми сходишься такъ себѣ... отъ скуки... отъ бездѣлья... отъ испорченности, пожалуй, въ безплодныхъ поискахъ Гетевской Гретхенъ или Паскалевой Клотильды Золя... Миръ ей!..

15-е іюня.

Былъ консиліумъ... Докторъ привелъ знакомаго профессора, пріѣхавшаго на недѣлю изъ Москвы и они консультировали долго... Я сидѣлъ тутъ же въ этой крошечной гостиной и слушалъ ихъ тревожный шопотъ... Чаще всего повторяли слово „сердце“ и прописали digitalis. Я какъ будто понималъ все и не понималъ,—мысли путались... Какая-то смутная тревога, охватывая всецѣло, мѣшала сосредоточиться и остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ.

— Докторъ, это у васъ самое сильное средство?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ спокойно,—у насъ есть другіе, гораздо сильнѣе!—и затѣмъ добавилъ участливо:—Не тревожьтесь,

пока ничего опаснаго... Намъ нужно поддержать дѣятельность сердца... Вы прошлись бы, право, у васъ видъ больного...

Я пробовалъ гулять, пробовалъ читать, слушалъ музыку, но изъ пробы ничего не вышло. Даже любимый Григъ не помогъ, хотя віолончель и скрипка въ квартетѣ превзошли сегодня себя... Я совсѣмъ не понимаю, что со мною, я точно потерялъ что-то... Не вижу, не слышу, не понимаю... Лучше всего мнѣ въ моемъ креслѣ, въ четырехъ стѣнахъ кабинета, одинъ на одинъ съ дневникомъ... Я никакъ не ожидалъ, что писаніе дневника можетъ такъ затягивать... Въ безсонныя ночи это лучшее занятіе...

Вчера была годовщина и первая наша встрѣча встаетъ предо мной, какъ живая... Я сидѣлъ на скамейкѣ съ баронессой, когда она прошла мимо... Новое лицо сразу обратило на себя вниманіе... Баронесса въѣлась въ нее глазами, слѣдила долго, какъ бы оцѣнивая каждый жестъ, каждый фибръ ея стройной, легкой фигуры и скорчила недовольную, кислую гримасу.

— Полустудентка, полугризетка... Не правда ли, мой набобъ?..

— Не знаю... Но она хороша какъ грёза,—отвѣтилъ я восхищенный.

— Она?.. Никакого бюста!?

Баронесса обидѣлась за свое „роскошное тѣло"... Она долго трещала еще, перечисляя то тѣ, то другіе недостатки фигуры, но я не слушалъ... Я не сводилъ глазъ съ *той* и, по мѣрѣ того, какъ я слѣдилъ за ней прикованнымъ взоромъ, въ душѣ у меня выростало какое-то странное предчувствіе, почти увѣренность, похожая на тревогу, что эта встрѣча не пройдетъ для меня безслѣдно...

— Вы оглохли, набобъ, вѣдь я зову васъ!?—разсердилась баронесса.—Вы сегодня особенно несносны и даже невѣжливы...

Я извинился, предложилъ руку и мы пошли... Она кусала губы и сдѣлала мнѣ первую сцену ревности или обиженнаго самолюбія по пути...

— Удивительно, какъ гадки эти мужчины!—сказала она, задыхаясь отъ раздраженія.—Имъ мало самой роскошной красоты, она ихъ не удовлетворяетъ... Они готовы бѣжать за юбченкой каждой новой дѣвченки...

Я отлично понялъ, о чьей это „роскошной красотѣ" была рѣчь, о какой дѣвченкѣ и какомъ мужчинѣ, но смолчалъ, чтобы не раздражать еще больше...

— Что же вы молчите?.. Вы знаете какъ раздражаетъ меня эта ваша молчаливость... Это невѣжливо. Я волнуюсь, а вы отдѣлываетесь полупрезрительнымъ молчаніемъ!—задыхалась она.

— Вы не такъ объясняете мое молчаніе...

— Вы хотите сказать, что я права и что вы не находите оправданія для такихъ... такихъ...

— Нѣтъ, не то... Вы говорили о мужчинахъ вообще и я не видѣлъ основаній, почему за всѣхъ долженъ говорить я одинъ...

— Потому что вы сами такой!..

— Клянусь вамъ, нѣтъ... Я охотно готовъ признать, что я самый испорченный изъ всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ, если это вамъ угодно... Но увѣряю васъ, что и самый испорченный мужчина, увлекаясь, ищетъ прежде всего душу... Конечно, почти всегда это только погоня за химерой, за мечтой...

— Вотъ какъ, душу?.. Выбирая при этомъ только самыхъ красивыхъ...

— Да, потому что красота, ослѣпляя и обольщая, помогаетъ иллюзіи... Влюбленный самый слѣпой человѣкъ, это старая истина... Возлюбленная для него всегда совершенство, олицетворенная мечта, идеалъ, другой онъ ее не хочетъ знать... Ну, и, конечно, въ концѣ-концовъ, весьма часто...

— Что?

— Онъ бѣжитъ за другой, потому что „идеалъ“ оказывается только „роскошной красотой“.

Баронесса жестоко обидѣлись и дулась весь день и все утро... Если бъ она не раздосадовала меня, я, конечно, послѣднее сказалъ бы иначе... Впрочемъ, браслетъ и еще что-то въ этомъ родѣ быстро поправили дѣло. Настроенія ея мѣнялись, какъ узоры калейдоскопа...

Съ того дня я каждый день сидѣлъ на скамейкѣ въ урочный часъ, когда *она* гуляла съ братомъ. Я зналъ всѣхъ русскихъ, но съ ней мы долго не были знакомы оффиціально... Мы встрѣчались какъ два знакомые незнакомца... Я глядѣлъ, глядѣлъ, восхищаясь, *она* проходила молча, серьезная, чистая, гордая, даже слишкомъ серьезная и гордая... Меня *она* замѣтила и мой упорный взглядъ ее безпокоилъ... Я видѣлъ, какъ, приближаясь и замѣтивъ меня на скамейкѣ, *она* опускала глаза, сдвигала брови и лицо ея принимало выраженіе какой-то напряженной холодности... Можетъ быть, ей было досадно, можетъ быть, *она* считала это нахальствомъ, право, мнѣ было все равно тогда... Я смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на мадоннъ Мурильо...

О ней мнѣ говорила много ея подруга и товарка по курсамъ, Пронина, гувернантка въ богатой фланирующей семьѣ, отъ нечего дѣлать залетѣвшей и сюда... Я любилъ эти разговоры и слушалъ охотно, Пронина восторгалась ею, какъ восторгаются обожающія подруги. Признаюсь, тогда мнѣ было довольно этихъ восторговъ и безмолвнаго созерцанія. Я даже избѣгалъ знакомства, я боялся за мечту и созданный ею образъ... Мало ли подобныхъ образовъ, созданныхъ воображеніемъ, вблизи разлеталось прахомъ?.. А вѣчно ищущей идеала душѣ, даже извѣрившейся, даже циника, сладко лелѣять хоть одинъ призракъ...

Разъ, когда я пилъ вечерній чай за столикомъ на взморьѣ и слѣдилъ глазами за парусомъ, постепенно таявшемъ въ синевѣ горизонта, ко мнѣ подошла Пронина съ какой-то подпиской... Не помню на кого или на что, но на что-то доброе. Я знаю, что просить денегъ, даже на добро, деликатнымъ натурамъ неловко даже у такихъ прожигателей-фланеровъ, какъ я. Она мялась и краснѣла, хотя храбрилась, и конфузливо лепетала:

— Мы рѣшили обѣ въ Зиной непремѣнно собрать хоть что-нибудь... непремѣнно рѣшили... Отъ всѣхъ сочувствующихъ... кто сколько можетъ...

Я поспѣшилъ поблагодарить ее за довѣріе, вынулъ бумажникъ и подалъ ей банковый билетъ...

— Отъ всей души,—сказалъ я,—говорю вамъ искренно...

Она вспыхнула и замялась...

— Вы даете все это?..

— Да, а что?..

— Такъ много?—говорила она нерѣшительно и какъ бы сомнѣваясь...

— Для меня это немного... И развѣ вамъ не нужно какъ можно больше?...

Пронина радовалась и точно бы конфузилась въ то же время такой суммы, на которую не разсчитывала... Глаза ея горѣли удовольствіемъ...

— Да, но я... но мы не разсчитывали... мы думали такъ... франковъ десять или двадцать... ну, сто... А это...

— Ну, это все равно,—отвѣтилъ я смѣясь,—пусть идутъ лучше въ ваши руки, на добро, чѣмъ на вѣтеръ... не правда ли?..

— Пожалуй, что и правда!—засмѣялась и она, и убѣжала довольная...

На другой день, въ обычный часъ прогулки, я опять сидѣлъ на скамейкѣ аллеи... *Она* двигала колесное кресло, въ которомъ сидѣлъ больной, пролежавшій дня три въ постели. На этотъ разъ наши глаза встрѣтились еще издали и *она* слегка покраснѣла... Въ ея взглядѣ не было ничего холоднаго, ни малѣйшаго неудовольствія, скорѣе любопытство... По мѣрѣ того, какъ *она* подходила ближе, она краснѣла сильнѣе и видимо чувствовала себя неловко. Смотрѣть въ упоръ дольше было бы уже наглостью, я сейчасъ же отвернулся и сталъ разглядывать толстаго, круглаго бонвивана, съ азартомъ разсказывавшаго о видѣнномъ боѣ быковъ въ Мадридѣ какому-то тощему, но въ высшей степени солидному нѣмецкому гофрату...

— Это великолѣпно!—сладострастно мурлыкалъ мой солидный съ виду соотечественникъ, большой gourmand, большой циникъ и большой поклонникъ Верлэна.—Это замѣчательно!—Онъ присѣ-

далъ, привскакивалъ, показывалъ руками съ живостью южнаго француза и вкусно присюсюкивалъ, какъ это дѣлаютъ наши кòренные баре.—Представьте!.. Быкъ,—глаза горятъ,—хвостъ дыбомъ,—пыль,—вдругъ,—трахъ!—прямо въ брюхо лошади...

— О!—восклицалъ гофратъ.

— Ну, конечно, кишки вонъ! кровь, лошадь на дыбы, падаетъ, пикадоръ въ пыли, кости хрустятъ, пыль, а тутъ: bravo!.. bravo!.. bravissimo-o!..

— А!—тянулъ снова гофратъ.

— И какія таліи, скажу вамъ! какіе гллаза! какія пллечи! как-кія нннож!.. Ну, все равно, представьте себѣ, что у васъ таетъ во рту лломтикъ стараго, очень стараго стильтонъ... Хе, хе, хе!.. А?!

И оба замурлыкали...

Но тутъ мнѣ невольно пришлось придти *ей* на помощь. Сейчасъ же отъ моей скамейки начинался небольшой подъемъ на бугоръ и у нея не хватило силъ двйнуть кресло, колеса котораго слегка вязли въ смоченной, за ночь выпавшимъ дождикомъ, почвѣ... Я снялъ шляпу, поклонился и предложилъ свои услуги...

— Будьте добры, если это вамъ не трудно!—отвѣтила *она* просто, хотя и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и уступила мнѣ ручки кресла.

Я покатилъ кресло, а *она* шла сбоку и оправляла одѣяло, прикрывавшее ноги больного... Сразу мы всѣ трое заговорили какъ старые знакомые,—это общее явленіе въ небольшихъ курортахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга. Больной былъ особенно словоохотливъ, хотя говорить ему было трудно и она останавливала его постоянно.

— Нѣтъ, Зина, позволь мнѣ говорить, милая,—отвѣчалъ онъ ей грустно.—Вѣдь я отлично знаю, что скоро мнѣ придется замолчать совсѣмъ...

Она поблѣднѣла. У меня самаго сжалось сердце отъ этихъ словъ и тона. Я взглянулъ на него, и его глаза, полные ума и воли, глаза безукоризненно честнаго и рыцарски смѣлаго человѣка, вопросительно встрѣтилась съ моими... Печать какой-то особенной красоты лежала на этомъ блѣдномъ, изможденномъ лицѣ...

— А знаете,—отвѣтилъ я ему на его взглядъ, хотя больше относилъ свои слова къ *ней*,—знаете, вы сегодня на видъ значительно лучше, чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ... говорю вамъ правду...

— Да, вы находите?—живо и радостно переспросила *она*.—Братъ тоже говоритъ, что чувствуетъ себя лучше... Мы думаемъ уѣхать отсюда южнѣе; здѣсь вѣтеръ и онъ простужается... Кстати, ему такъ хочется видѣть Парижъ... Мы остановимся тамъ по пути...

Мои слова вернули всѣмъ прежнее хорошее настроеніе... Мы говорили о Россіи, о злобахъ дня, о посѣтителяхъ курорта... Я все катилъ кресло, наконецъ, *она* спохватилась и просила уступить ей. Я отказался и обратился къ больному:

— Вы позволите мнѣ на сегодня замѣнить вашу сестру?.. Для меня это будетъ моціонъ, для нея отдыхъ...

— Я буду вамъ очень благодаренъ,—улыбнулся онъ.—Конечно, Зина, уступи... Ты и такъ изо дня въ день выбиваешься изъ силъ со мною...—И не слушая ея протеста, обратился ко мнѣ:—Что подѣлаете, это такая натура... Она всегда забываетъ себя за другими, какъ будто бы у нея нѣтъ совсѣмъ собственнаго „я“...

Больной повернулся къ ней и оглядѣлъ ее невыразимо нѣжнымъ, любовнымъ взглядомъ, въ которомъ сквозила и бездонная тоска, и такая же благодарность. Потомъ онъ вздохнулъ и задумался...

— А знаете, вѣдь въ этомъ, въ сущности, и кроется настоящее счастье...

— Въ чемъ?—удивился я.

— Въ томъ, чтобы не чувствовать собственнаго „я“, а перенести его на что-нибудь или кого-нибудь...

— Право, не понимаю!—сказалъ я.

— А мнѣ кажется, это очень просто... Развѣ не истинно счастливъ, не всецѣло счастливъ адептъ какой-нибудь идеи, потопившій въ ней всѣ мелочныя заботы и интересы своего „я“?.. Возьмите, напримѣръ, хотя бы Гусса... Развѣ онъ помѣнялся бы съ нами?..

— Не всѣ же могутъ быть Гуссомъ...

— Вѣрно... Не можешь отдаться идеѣ, отдайся ребенку, любимому человѣку, только не носись съ собственнымъ „я“, забудь за ними *себя*... Право же, истинное счастье въ томъ, чтобы не чувствовать *себя*...

И, повернувъ къ намъ лицо, онъ добавилъ грустно:

— Вотъ, напримѣръ, я, я очень несчастливъ... Не потому, что у меня смерть за плечами, что жить мнѣ не долго,—мы, русскіе, не боимся умирать, какъ и турки впрочемъ,—а потому, что я ничему и никому не могу уже отдаться и живу только *своими* ощущеніями, *своимъ* настроеніемъ, думами о *себѣ*, о *своихъ* недугахъ и боляхъ... Все „*я*“, „*я*“ и только „*я*“... Ахъ, какъ это тяжело!...

— Ты скоро оправишься!—сказала она, но голосъ ея дрожалъ.—Вотъ увидишь... Какъ только докторъ позволитъ, мы уѣдемъ на югъ отсюда... даже въ Египетъ...

Я перебилъ ее, чтобы свести разговоръ съ личной почвы.

— Вы проповѣдуете своеобразную нирвану... Это какой-то особенный необуддизмъ...

Больной живо схватился.

— А знаете, что я думаю, или, вѣрнѣе, хочу думать, потому что реальныхъ основаній у меня нѣтъ для этого?—что Будда училъ такой именно нирванѣ, тотъ Будда, геній всего человѣчества... Нирвану самоуничиженія, небытія, безстрастія могли изобрѣсть другіе псевдо-Будды, ученики, послѣдователи, не понявшіе генія... Развѣ мало великихъ гуманитарныхъ ученій вырождалось въ грубый аскетизмъ, въ сущности презирающій и жизнь, и людей?.. Толпа, воспринимая какое-нибудь геніальное ученіе, всегда принижаетъ его до своего уровня... Скажите, развѣ великая любовь, который дышалъ геній-Будда, мирится съ аскетизмомъ, таящимъ въ корнѣ презрѣніе къ человѣку?..

. . . .

Мы сходились затѣмъ каждый день... Мы были вмѣстѣ въ Парижѣ, гдѣ я показывалъ *ей* химеры, видѣли южное море и пальму, пирамиды и сфинкса. Потомъ онъ умеръ. Я не хочу вспоминать и писать объ этой смерти, по крайней мѣрѣ теперь... Я помню только, какъ *она* стояла у могилы блѣдная, безъ слезинки, неподвижная, полная скорби, какъ химера...

— Вы потеряли въ немъ брата,—шепнулъ я ей,—но и мы, люди, потеряли...

— Друга!—отвѣтила она, и тутъ у нея покатились первыя слезы.

17-е іюня.

Надежды нѣтъ. Наука безсильно складываетъ руки и говоритъ: стихія сильнѣе!.. Я закрываю глаза, но страшное слово „смерть", написанное въ воздухѣ краснымъ огнемъ, я читаю сквозь закрытыя вѣки... Что же такое эта смерть, блѣдная, глубокая, вѣчная, одно имя которой приводитъ въ ужасъ и трепетъ?!. Нѣтъ, это не та смерть, которую пѣлъ Леопарди,—онъ пѣлъ другую смерть,—какую, не знаю, но не эту!.. Эта безсмысленно жестока и несправедлива...

Впрочемъ, вѣдь стихія вообще такова!

Все-таки я ничего не понимаю. Я понимаю: остановились часы... Я понимаю: погибла муха... Я понимаю, наконецъ, разрушеніе *всякой* формы... Хорошо! Но „*содержаніе*"?!. Эта красота, грація, любовь, умъ, все это чудное, дивное „*я*", куда оно дѣвалось и что оно такое?!

Индусъ, который вѣритъ въ метампсикозисъ, зналъ бы, что отвѣтить и нашелъ бы въ этомъ отвѣтѣ покой... Я не знаю и покоя не имѣю... Я зову гистолога... Онъ беретъ тонкій и острый скальпель, очень сильный микроскопъ и изучаетъ, изслѣдуетъ строеніе тканей... Но микроскопъ не открываетъ ему никакихъ особенностей и на мой вопросъ: почему это „я" не походило на другіе?—онъ пожимаетъ плечами и говоритъ, уходя:

— Микроскопъ не на столько силенъ, чтобы индивидуализировать отдѣльныя, одинаково нормальныя ткани...

Я зову химика... Онъ беретъ вѣсы, реторту, разлагаетъ на атомы и анализируетъ обіе для *всего* элементы... На тотъ же вопросъ онъ отвѣчаетъ иными словами:

— Тайна индивидуализаціи кроется, вѣроятно, въ особой комбинаціи молекулъ... Впрочемъ, это одно только предположеніе...

Обращаюсь къ физіологу... Онъ говоритъ, что каждое отдѣльное „*я*“ является производнымъ четырехъ факторовъ: 1-й, индивидуальныя свойства физической организаціи, обусловливающія тотъ или иной характеръ и типъ реагированья на всякаго рода воспріятія: 2-й, прирожденныя свойства, имѣющія характеръ инстинктовъ, или предрасположеній; 3-й, воспринятыя впечатлѣнія, и 4-й, условія, которыя, комбинируясь случайно, вліяли на развитіе однихъ свойствъ индивидуума и задерживали развитіе другихъ...

— Значитъ, Гракхъ, напримѣръ?..—спрашиваю я.

— Былъ только извѣстной комбинаціей этихъ четырехъ факторовъ!—говоритъ онъ, улыбаясь.

— А Іуда?..

— Тоже...

Дальше я не могу, голова отказывается работать... Я задыхаюсь, въ ушахъ шумитъ, въ глазахъ огненно красныя буквы... Глухое отчаяніе переходитъ въ холодное изступленіе... Если бы я*)

. . . .

. . . .

20-е іюня.

Удивительное дѣло, я, кажется, совершенно спокоенъ, ну, положительно точно каменный... Могъ ли я предполагать, что вернусь съ этой печальной церемоніи такимъ безчувственнымъ, что это ужасное послѣднее „прости“ обойдется сравнительно такъ легко... Ни боли, ни муки,—ничего, что похоже на страданіе...

Насколько припоминаю, смерть ея брата разстроила меня гораздо сильнѣе, я прямо болѣлъ и съ трудомъ удерживалъ слезы... Пока ее отпѣвали, я не спускалъ съ нея глазъ, но въ глазахъ моихъ не было ни слезинки... Кажется, я немного грезилъ... Мнѣ мерещились химеры при лунномъ свѣтѣ, залитое солнцемъ море съ его вѣчнымъ плескомъ, кустъ ея любимой акаціи... Потомъ... потомъ... мнѣ казалось, что ее не отпѣваютъ, а ей молятся... Эти дрожавшіе цвѣты, фата бѣлаго газа, все бѣлое, бѣлое и бѣлое, клубы фаріама, такъ похожіе на облака, и наконецъ она сама,—этотъ строгій профиль, полный загадочной думы, все способство-

---

*) Написано до того неразборчиво, что нѣтъ никакой возможности разобрать хотя бы одинъ слогъ. *Прим. издателя.*

вало иллюзіи. О смерти, лютой, холодной смерти, ничто не говорило... Она глядѣла живой, только задумавшейся глубоко, и мнѣ казалось, что вотъ, вотъ она сейчасъ встанетъ и скажетъ:

— Я люблю людей, я вѣрю въ человѣчество, въ грядущее счастье и потому я буду жить!..

И мнѣ казалось, что именно за это ее и цѣловали люди... И потому, когда подняли гробовую крышку, я что-то сказалъ или крикнулъ въ грезѣ, не помню... Знаю только, что докторъ до боли сжималъ мою руку и все говорилъ: „успокойтесь“. Потомъ я пошелъ безучастный, спокойный, точно каменный, совсѣмъ какъ и теперь...

Неужели и ее я не любилъ? Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Можетъ ли вообще любить или хотя бы глубоко чувствовать пресыщенный, истаскавшійся въ погонѣ за ощущеніями человѣкъ, никогда не вѣрившій людямъ, всегда подозрѣвавшій искренность каждаго ихъ движенія, каждаго чувства?.. Развѣ и ей не вѣрилъ я, и ее подозрѣвалъ? Право, не берусь пока отвѣчать на этотъ вопросъ опредѣленно... Кто его знаетъ... иногда... Вѣдь я же самъ, своими устами, говорилъ всегда людямъ, что все продажно, что все можно купить, накинувъ лишнюю тысячу... Впрочемъ, пока я поставлю на этомъ лучше точку...

Ясно одно: кажется, я не любилъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, какъ ни желалъ этого, можетъ быть... Увы, и это была не любовь, а тоже нѣчто въ родѣ тѣхъ легкихъ связей и мимолетныхъ интрижекъ, которыми постоянно сопровождалось появленіе скитавшагося богача во всѣхъ углахъ и центрахъ, вездѣ, куда ни заносили его тоска, скука, отчаяніе, пресыщеніе и прочіе бичи милліонеровъ... А иногда мнѣ казалось, будто...

Впрочемъ, удивительно какъ-то пусто и тоскливо кругомъ...

21-е іюня.

И сегодня я такой же безчувственный, спокоенъ, какъ камень... Только это маленькое слово „никогда“ не даетъ мнѣ покоя... Оно точно врѣзалось въ мозгъ, сверлитъ, мучитъ, преслѣдуетъ неотступно... Никогда!.. Ужасное, жестокое слово... Несомнѣнно, что я не увижу *ее* больше, мертвые не встаютъ изъ могилъ... Это законъ! Но какъ убійственно пусто отъ этого „никогда“, какъ тоскливо, какимъ холодомъ разитъ отъ него... Оно раздражаетъ и, право, можетъ довести до изступленія...

Какое-то контральто на сосѣдней дачѣ вздумало пѣть сегодня вечеромъ „Азра“ Рубинштейна. Я отворилъ окно, и слушалъ не отрываясь, жадно слушалъ, хотя это пѣніе терзало меня каждымъ звукомъ, каждымъ словомъ... Но у меня не было силъ и воли оторваться, не слушать... Она сама любила „Азра“, напѣвала ее

часто и, грубымъ споромъ по поводу этого романса, я привелъ ее разъ въ больное настроеніе... Мнѣ жаль, до боли жаль... Зачѣмъ я тогда это сдѣлалъ?

Это было въ Ниццѣ... Насъ было только двое на верандѣ—она и я... Я былъ немного въ желчномъ настроеніи, кажется, меня задѣвало, что она вся поглощена была болѣзнью брата и совсѣмъ не замѣчала меня, а я бываю грубъ въ такомъ настроеніи... Она смотрѣла какъ-то безцѣльно вдаль и тихо напѣвала „Азра"... Но мало-по-малу голосъ ея крѣпчалъ, становился смѣлѣе и послѣднія строфы она спѣла замѣчательно хорошо...

— Браво!—сказалъ я.—Вы, кажется, особенно любите Азра?..

— Люблю,—отвѣтила она,—и музыку, и типъ... А вы?..

— Музыка мнѣ нравится... Что же касается типа, то я жалѣю, что Азры только снятся поэтамъ...

— Вы думаете?—спросила она недовольнымъ тономъ.

— Да, вотъ, посмотрите,—говорилъ я и указалъ рукою на улицу,—вонъ Матильда и ея Жанъ... Они полюбили другъ друга и „полюбивъ"... преблагополучно торгуютъ всякой гнилью...

Ее передернуло.

— Вы хотите щегольнуть реализмомъ à la Zola, вашего кумира?..

— Этотъ реализмъ „моего кумира" сама правда и жизнь...

— А Азры по вашему?

Легкая иронія въ тонѣ меня сильно задѣла и я отвѣтилъ съ пѣтушинымъ задоромъ:

— А Азры, по моему, ложь и бредни романтизма à la нашъ Марлинскій... Больные нервы... неврастенія... испорченные вкусы...

На чудное лицо ея легла тѣнь печали...

— Вотъ, какъ!—сказала она грустно.—Вы такъ думаете... Въ такомъ случаѣ жизнь для васъ должна представляться сплошной пошлостью...

— Что и есть на самомъ дѣлѣ...

Она сдвинула густыя брови и посмотрѣла на меня, недоумѣвая.

— А истерзанные Нерономъ христіане, а подвижники?.. Развѣ каждый изъ нихъ не могъ сказать: „полюбивъ, мы умираемъ"?.. Что, и это ложь и бредни романтизма à la нашъ Марлинскій?!.. Нѣтъ, вы не въ духѣ и хотите выместить это на мнѣ... Не желаю слушать, доброй ночи!..

Сегодня я упалъ бы къ ея ногамъ и сказалъ бы: mea culpa, mea maxima culpa!.. И еще сказалъ бы, сказалъ бы ей...

Звонокъ... кто бы это былъ?

. . . .

Только что ушелъ докторъ... Качалъ головой, щупалъ пульсъ, совѣтовалъ уѣхать... О послѣднемъ нужно будетъ подумать, но

куда? Пароходы отходятъ каждый день... Въ Батумъ, Константинополь, Африку,—да не все ли равно, впрочемъ?.. Это ужасное „никогда“ будетъ вездѣ...

24-е іюня.

Однако я порядкомъ-таки удивилъ сегодня доктора на бульварѣ... Всю ночь меня душилъ какой-то тяжелый кошмаръ и я проснулся съ шумомъ въ головѣ, точно послѣ пьяной, безсонной ночи... Было чудное утро, теплое, мягкое, все пропитанное ароматомъ позднихъ розъ... Съ бульвара открывается одинъ изъ рѣдкихъ видовъ... Совсѣмъ синее море казалось дремавшимъ, какъ и темные силуэты судовъ на рейдѣ, и только одинъ бѣлый парусъ, точно легкое облачко, облитое солнцемъ, сверкалъ въ голубой дымкѣ горизонта. Одинъ, какъ и я. Но онъ счастливѣе, онъ не знаетъ этого страшнаго слова „никогда“... Какая-то мамаша указала на меня взглядомъ молоденькой дочкѣ и та стала охорашиваться... Еще бы, счастливый богачъ, завидный женихъ! Я чуть не расхохотался имъ обѣимъ въ лицо, бросился въ сторону и, какъ на зло, столкнулся съ докторомъ... Право, его видъ меня раздражаетъ... Эти бѣлесоватые, точно мертвые зрачки, подозрительный, испытующій взглядъ, постоянные разспросы о здоровьѣ...

— А... а... Честь имѣю кланяться... Гуляете, моціонъ? Это очень хорошо, очень хорошо... Ну, какъ вы себя чувствуете?..

Ахъ, чортъ возьми, это меня взорвало... Я хотѣлъ его какъ-нибудь ошарашить...

— Докторъ,—сказалъ я угрюмо, пожимая на ходу ему руку и не отвѣчая на вопросъ,—милѣйшій докторъ! Совѣтую вамъ подумать надъ этимъ маленькимъ словечкомъ: „никогда“...

Бѣдняга долго стоялъ оторопѣлый, полный недоумѣнія, разставивъ короткія ноги и руки, соображая, не рехнулся ли я... Добрый малый, но страшно надоѣлъ мнѣ... Я приказалъ принимать его одного, потому что много ему обязанъ... Три недѣли ровно онъ не отходилъ отъ ея постели, отказываясь отъ всякой платы на правахъ стараго друга. Когда не оставалось никакой надежды справиться съ воспаленіемъ и онъ объявилъ мнѣ объ этомъ въ боковой комнаткѣ ея тѣсной квартирки, я внѣ себя схватилъ его за плечо.

— Докторъ, спасите ее и я отдамъ вамъ половину своего состоянія!—крикнулъ я, чувствуя, какъ все вокругъ меня закружилось.

Онъ поднялъ на меня свои спокойные бѣлесоватые зрачки и только углы его губъ дрожали.

— Половину состоянія!—повторилъ онъ.—Гм! Если бы я могъ спасти ее, отдавъ *всю жизнь*, я не задумался бы это сдѣлать...

*

Была ли это разсчитанная колкость?.. Кто его знаетъ, тогда я объ этомъ не думалъ... Но, по всей вѣроятности, онъ считалъ меня недостойнымъ ея любви и, пожалуй былъ правъ. Я себѣ цѣну знаю,—въ лучшемъ случаѣ ничто, въ худшемъ,—ну, не все ли равно что́... Онъ какъ-то сказалъ, что *такія*, какъ *она*, являются на свѣтъ только затѣмъ, чтобы напоминать намъ, что всѣ мы созданы по образу и подобію божества... Можетъ быть, и это правда...

Не завидовалъ ли онъ мнѣ, не ревновалъ ли ко мнѣ? Эти „старыя дружбы" холостяковъ вещь весьма подозрительная...

Положительно и его прикажу не принимать!..

. . . .

Ночь. Зажегъ огонь и опять берусь за дневникъ, потому что сна нѣтъ и нѣтъ... Въ душѣ такъ же пусто, такой же холодный, безпросвѣтный мракъ... Ни скорби, ни боли, ни страданія, но въ чемъ-то я совсѣмъ не могу разобраться... Въ чемъ? Любилъ я ее или нѣтъ,—въ этомъ? Попробуемъ... Возьмемъ разныя опредѣленія любви у поэтовъ. Они лучшіе доки по этой части... „Любить,—значитъ прощать"... Мнѣ прощать нечего...

„Любить, значитъ полною жизнью жить". Я никогда такъ не жилъ, а теперь я только камень, безчувственный и холодный.

„Любить, значитъ слиться съ другою душой"... Я не сливался... Ея душа была слишкомъ высокой нотой для моего регистра... Иногда, настроеніями... смутнымъ порывомъ. Но и то... нѣтъ...

Ergo—я не любилъ...

Такъ отчего же такъ пусто кругомъ?.. Отчего такой глубокій, безпросвѣтный мракъ? Нѣтъ ни желаній, ни обычной жажды самообмана, ни прежнихъ порывовъ... И порою мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь спросилъ меня, что я чувствую, я, пожалуй, отвѣтилъ бы одно: я презираю и себя, и свое ничтожество, и все, и все...

— И милліоны?—саркастически спросилъ бы докторъ.

Конечно, и милліоны!..

О нихъ мнѣ напомнилъ утромъ старикъ Петръ... Онъ служилъ еще у покойнаго родителя и прошелъ жестокую, крутую школу, которая оставила свой слѣдъ на немъ до сихъ поръ... Онъ забитъ до того, что робокъ даже со мной, хотя нянчилъ меня еще ребенкомъ и по старой памяти покушается читать нотаціи. Сегодня онъ смотрѣлъ на меня съ такимъ видомъ, точно у него умерла его любимая сноха.

— Что, Петръ Аввакумовичъ?—спросилъ я.

Лицо его стало еще слезливѣе, онъ покачалъ сѣдой головой и проговорилъ:

— Да, васъ жалко...

— Что такъ? Отчего?

Онъ махнулъ рукой.

— При вашихъ капиталахъ, да чтобъ такъ жить, запирамшись, да опять,—въ одиночествѣ...

И снова махнулъ рукой.

— Развѣ я не вижу, какъ вы убиваетесь!.. — продолжалъ онъ.—Не гоже такъ-то, грѣхъ... При такихъ можно сказать капиталахъ...

Онъ тронулъ меня.

— А капиталъ—счастье?

— Да ужъ, конечно, если кого Господь наградитъ...

Въ это время въ совсѣмъ затуманенной головѣ у меня ясно блеснула свѣтлая мысль.

— Сколько въ твоей деревнѣ дворовъ?—спросилъ я, поблагодаривъ за участіе.

— Дворовъ? Дворовъ полсотни будетъ.

— Бѣднота?..

— Годами бываетъ, что мыши и тѣ съ голоду дохнутъ...

Онъ ушелъ... Ну, этого больше не будетъ... *Во имя ея*!..

26-е іюня.

Опять не спалъ всю ночь,—морфій не дѣйствуетъ... Это страшное „никогда“ сильнѣе всякаго наркоза... Его не подкупишь и милліономъ...

Оно звенитъ въ ушахъ, его нашептываетъ подъ окномъ, качаясь отъ бриза, акація, настукиваетъ мой пульсъ... Странное дѣло... Если я не любилъ и *ее*, то отчего же я не испытывалъ ничего подобнаго раньше, разставаясь такъ или иначе съ *тѣми*... прежними, что исчезли для меня безъ слѣда и воспоминаній... Правда, эта истая дочь нашего сѣвера совсѣмъ не была похожа на *тѣхъ*, другихъ. Смѣсь какая-то; право, трудно сказать, что въ ней было и какова она была. Неуловимое что-то, но прелестное въ общемъ... Она была худа и блѣдна... порывиста и сдержанна въ то же время... большія, но изящныя руки... густыя, какъ смоль черныя, косы и свѣтлые сѣрые глаза... Ахъ, эти глаза, въ нихъ-то и была, кажется, вся суть! Они всегда проникали прямо въ душу и неизмѣнно искали тамъ у каждаго чего-то теплаго, свѣтлаго, добраго, какой-то Божьей искорки, о которой только и грезили... Милая иллюзія, плодъ наивности и дѣтской чистоты!.. Развѣ не потухли уже давнымъ-давно всѣ такія искорки на землѣ, засыпанныя холоднымъ пепломъ...

Даже и у меня находила *она* эту искру и еще что-то подобное, только заглушенное будто бы, какъ говорила она, условіями

положенія и праздной, безцѣльной жизнью богача... Врядъ ли, другъ мой!.. Можетъ быть, раньше... въ зародышѣ... и было что-нибудь, но теперь, теперь... это только отраженіе твоего же чистаго взгляда въ моей застывшей душѣ, а не то, чего ты искала... Я говорилъ *ей* это и, кажется, тѣмъ сильнѣе располагалъ ее къ себѣ,—*ей* было жаль меня... О, жалость всегда опасная вещь для женскаго сердца, на этой почвѣ выростаетъ и крѣпнетъ другое, болѣе сильное чувство... Оживить человѣка, вызвать снова къ жизни все потускнѣвшее въ жизненной тинѣ, поднять упавшаго, — завидная миссія, на это часто ловится чистая женщина...

Была и еще одна разница между нею и *тѣми*... другими,—она совсѣмъ иначе относилась къ моему богатству... *Она* его презирала, относилась точно къ кучѣ песку, лично ей оно было совсѣмъ не нужно... На милліоны она глядѣла только какъ на средство разливать кругомъ общее благо, о которомъ всегда и грезила... Тоже иллюзія!..

Я вспоминаю нашъ горячій споръ на эту тему. Это было въ Египтѣ, у головы сфинкса, который мертвыми очами глядѣлъ въ мертвую пустыню, точно бы ждалъ оттуда какой-то разгадки... Но пустыня молчала, трещали между собой только наши проводники-арабы, да спорили мы съ нею, пріютившись въ черной тѣни, съ боку каменной громады.

— Развѣ вѣковѣчная рѣзня другъ съ другомъ за каждое отдѣльное „я",—свидѣтелемъ которой былъ и есть этотъ сфинксъ и которая называется „жизнью",—даетъ хоть какую-нибудь почву для вѣры въ такое благо?—сказалъ я.

— Рѣзня?—переспросила она горячо.—Ну, такъ перестанемъ рѣзаться...

— Легко сказать...

— Легко, разъ вы сознали!.. Учите сознать другихъ...

— Долгая пѣсня, которую никогда до конца не дотянешь...

— Другіе дотянутъ...

— Благодарю покорно; что же мнѣ въ томъ, что другіе ее дотянутъ... Къ тому же...

Она не любила ироническаго тона и вспыхнула.

— Что, къ тому же?..

— А то, что ученье—ученьемъ, а бѣда—бѣдой... Сами знаете: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ... Что подѣлаешь словами, если нужда свое велитъ?..

— Помогайте нуждѣ!..

— Катить сизифовъ камень на гору, чтобы къ утру онъ снова былъ подъ горой?..

— Вѣдь обѣдаемъ же мы съ вами каждый день, хотя знаемъ, что завтра опять будемъ голодны...

Я засмѣялся.

— Удачная аналогія!

— Или лучше,—спросила она горячо,—совѣтовать утопающему: „опускайся, другъ, скорѣе на дно“, какъ тотъ кумъ въ малороссійской баснѣ, что не вѣрилъ въ помощь?..

— Зачѣмъ?! Проходить мимо, какъ проходимъ мы много органическихъ явленій, измѣнить которыхъ не можемъ...

— Фу!—она вскочила даже отъ волненія.—Знаете, для этого нужно быть вотъ этимъ каменнымъ сфинксомъ и такими же каменными глазами смотрѣть въ жизнь... Пройти мимо, когда я могу помочь!? Это можетъ говорить только...

Она всплеснула руками.

— Напрасно не договариваете, я не боюсь словъ,—отвѣтилъ я задѣтый,—разъ я говорю то, что думаю искренно... И, право, не знаю, чѣмъ это въ сущности нравственнѣе и лучше бросать подачки, которыя тебѣ самому ничего не стоютъ, ничему существенно не помогутъ, а въ результатѣ произведутъ тебя же въ громкій чинъ дѣйствительнаго тайнаго или явнаго благодѣтеля?.. По правдѣ, довольно пріятное и выгодное развлеченіе!..

Мы проспорили еще долго на эту тему въ томъ же духѣ и тонѣ. Я говорилъ искренно, не ломался, не рисовался холоднымъ резонерствомъ, говорилъ, что думалъ и, тѣмъ не менѣе, теперь мнѣ какъ будто жаль, что я говорилъ *это* и *такъ*. Да, жаль, почему? Филантропничаніе мнѣ всегда было подозрительно,—я не вѣрилъ въ его искренность... Титулъ „благодѣтеля“ за подачки, гдѣ человѣкъ, въ сущности, ничѣмъ не поступался, не рисковалъ, звучалъ для моего слуха оскорбительно... Я никому не отказывалъ въ деньгахъ уже по тому одному, что не велъ имъ счета, но активная филантропія всегда была не въ моемъ характерѣ, не въ моемъ вкусѣ... И, тѣмъ не менѣе, теперь мнѣ жаль...

Не помню, кто-то назвалъ ее разъ *черничкой*... Да, это самое точное, самое вѣрное слово... Дѣйствительно, *черничка*! У нея былъ свой культъ, своя вѣра, которыхъ не могли поколебать ни каменныя стѣны, ни лишенія, ни тяжелыя испытанія... ничто... Она жестоко поплатилась, разбила здоровье, но осталась все той же, съ тѣмъ же культомъ, съ той же вѣрой... Ко всѣмъ пережитымъ невзгодамъ она относилась какъ-то крайне легко и просто, и даже сердилась, когда ей удивлялись... Поразительная стойкость въ иллюзіяхъ!..

Такъ вотъ почему меня мучитъ и преслѣдуетъ это ужасное „никогда“, отъ котораго разитъ такимъ холодомъ и пустыней: она не *тѣ*, а *черничка*... Ужасно трещитъ голова...

27-е іюня.

Позднимъ вечеромъ, вопреки приказанію, лакей впустилъ почему-то доктора, но я не разсердился. Онъ прописалъ мнѣ какія-то капли и увѣрилъ, что я непремѣнно засну, а хорошо бы въ самомъ дѣлѣ заснуть! Сегодня его оловянные зрачки меня не раздражали и вообще онъ держалъ себя гораздо лучше: не разспрашивалъ, не томилъ своимъ инквизиторскимъ взглядомъ, понялъ, наконецъ, что бываютъ тайники, заглядывать куда не слѣдуетъ и не деликатно. Разсматривалъ альбомы, перелистывалъ новыя книги журналовъ, не безпокоилъ меня ни чѣмъ, такъ что я совершенно спокойно продолжалъ вглядываться въ ея любимую гравюру...

Это извѣстная гравюра: христіанка въ римскомъ циркѣ... Чья-то невидимая рука бросила къ ногамъ ея бѣлую розу и блуждающимъ, благодарнымъ взглядомъ мученица ищетъ тамъ вверху... не Божью ли искорку?..—когда тутъ, рядомъ, пантера оскалила уже зубы... Захватывающая вещь, но странно, какъ я не замѣчалъ этого сходства раньше!? Этотъ профиль... эта несокрушимая вѣра и стойкость... эти дивные глаза, наконецъ, скромность и сила всего образа, да это *она*! Я даже вскрикнулъ...

— Докторъ, подите сюда! Замѣчаете вы это сходство!?

Онъ подошелъ, посмотрѣлъ на меня, потомъ на гравюру, снова на меня и снова на гравюру, и промолвилъ глухо:

— Да, вы правы... Тотъ же типъ!..

Я вскочилъ отъ этого тона.

— Скажите мнѣ правду, докторъ, любили вы ее?..

Онъ опустилъ глаза, блѣдныя щеки его потемнѣли, но голосъ не дрогнулъ.

— Кто же бы могъ *не любить ее*?—отвѣтилъ онъ не прямо, съ подчеркиваніемъ.—Развѣ, вотъ, пантера!..

Ну, пусть буду я пантерой!.. Что же дѣлать, если я ужъ такой безчувственный и каменный?! Я не разсердился, даже виду не подалъ и тепло пожалъ на прощанье его руку... Если онъ *любилъ*, то, конечно, въ его глазахъ я чудовище...

Ну, попробуемъ новое лѣкарство!..

28-е іюня.

Дѣйствительно, я спалъ... Но, главное, во снѣ я увидѣлъ то, чего никакъ не могъ поймать на яву. Говорятъ, великія открытія часто приходятъ во снѣ. Я вспомнилъ, наконецъ, съ какихъ поръ и почему впилось въ меня, словно червякъ, это ужасное „никогда“.

Я отчетливо, точно картина стоитъ предо мною, помню *тотъ* вечеръ...

Мы сидѣли рука объ руку на берегу, и темнѣвшее, синее море какъ-то особенно нѣжно и кротко рокотало у нашихъ ногъ, чуть-чуть набѣгая на сѣрые голыши... Это было недавно, совсѣмъ недавно, въ концѣ мая, когда сами стихіи кротки и нѣжны. Полуувядшая кисть бѣлой акаціи матовымъ блескомъ старой слоновой кости выдѣлялась на черныхъ косахъ... Другую такую же кисть она прижимала къ губамъ, слегка огрызая кончики бѣлыхъ душистыхъ и сладковатыхъ лепестковъ...

Мы больше молчали, какъ всегда молчатъ люди, всецѣло охваченные однимъ общимъ глубокимъ настроеніемъ. Слова теряли свое значеніе. Въ каждомъ жестѣ, каждомъ движеніи другъ друга мы чутьемъ угадывали цѣлую цѣпь ощущеній и мыслей... Это ясновидѣніе влюбленныхъ... Не отрывая глазъ, не двигаясь, *она* глядѣла въ одну точку, гдѣ сверкалъ уже золотистый отблескъ всходившей луны. Наконецъ, *она* вздохнула и сказала, точно формулируя про себя все копошившееся внутри:

— У васъ завидная доля!.. Сколько дѣйствительной пользы могли бы вы принести народу...

— Народу?! — когда между нимъ и мною цѣлая пропасть, цѣлые вѣка?—Онъ живетъ еще въ XIII вѣкѣ, а я...

— Въ fin de sièclʼѣ!—подхватила *она* съ насмѣшкой.

— Хотя бы и такъ...

Она подумала и спросила:

— Отдавали вы себѣ отчетъ, кто вы и что вы?

— Еще бы! Я внукъ деревни и сынъ гостинаго двора... Самое неудачливое произведеніе, безъ всякой связи и почвы...

— Почему?

— Потому что одинаково чуждъ идеаловъ и бабки, и родителя...

— Есть будущее!—вставила она.

— Я его не знаю... Тамъ все гадательно и спорно...

— Чѣмъ же вы живете?

— Повѣрьте, это самый трудный вопросъ для меня,—отвѣтилъ я.—Живу, какъ большинство моего поколѣнія, изо дня въ день, рефлексами, ощущеніями...

— Развѣ это жизнь?!.

Она съежилась, точно легкій бризъ пахнулъ на нее холодомъ... На блѣдныя щеки набѣжала тѣнь, длинныя рѣсницы упали... Даже чудныя брови шевельнулись и сдвинулись.. Она была дивно хороша съ этою строгою морщинкой...

— Оставимъ эту тему,—я не могу сегодня спорить! — сказала она, наконецъ.—Но скажите, неужели вы не нашли бы счастья въ томъ, чтобы дѣлать добро своими громадными средствами? Право же, это счастье...

Я улыбнулся, какъ улыбался всегда на такія рѣчи...

— Чему же вы смѣетесь?

— Тому, что вы сказали, посудите сами... Что же это будетъ за добро и какое можетъ оно доставить, не говорю уже — счастье, а хотя бы простое удовлетвореніе, если сдѣлать его мнѣ ничего не стоитъ... Ровно ничего... Отдать пять, десять, двадцать, или сколько тамъ тысячъ, про такое добро вы говорите, да? Ну, такъ вотъ вамъ, видите вы этотъ бумажникъ? Онъ полонъ банковыхъ билетовъ на крупную сумму... Я могу его бросить сейчасъ же въ честь вашу въ эту синюю глубь, или отдать... кому? какому-нибудь бѣдняку, на школы, куда хотите... Для меня это будетъ въ десять разъ меньше, чѣмъ для васъ потерять одну копейку изъ вашего годового заработка... Не правда ли, великое счастье?..

— Позвольте,—остановила она,—я говорю, вѣдь, не про швырянье зря... Вы можете помогать тамъ, гдѣ вы будете считать это справедливымъ и нужнымъ... Развѣ не счастье сознательно служить хорошей и высокой цѣли?

— А развѣ можетъ быть такая цѣль у раздвоеннаго, развинченнаго, рефлектирующаго человѣка безъ почвы и вѣры?..

Наступило молчаніе... Только море шумѣло да трепетно бились два сердца.

— Ну, я беру свои слова назадъ! — сказала она глухо. — При такихъ условіяхъ ваши милліоны не счастье, а скорѣе обуза...

— Да, но этой обузой удобнѣе въ жизни обладать, чѣмъ не обладать...

Глаза ея блеснули, по лицу пробѣжала холодная улыбка...

— Потому что все продажно и все можно купить!?.

О, это навѣрное насплетничалъ докторъ!..

Она съежилась сильнѣе и стала кутаться въ свою красную вязаную косынку, точно ее дѣйствительно пробиралъ холодъ... Тѣнь на блѣдныхъ щекахъ стала гуще...

— Пойдемъ!—рѣзко сказала она, и встала. Я вопросительно повернулъ къ ней глаза.

— Пойдемъ! Мнѣ холодно...

Мы пошли. По голышамъ идти было трудно, и она сильно налегала на мою руку... И я, и она молчали. Южная ночь надвигалась уже и прямо дышала намъ въ упоръ своею нѣгой, ароматомъ, глубокой тишиной, въ которой такъ торжественно рокотали ритмическіе аккорды тихаго прибоя... Небо почернѣло, свѣтлыя, игривыя звѣзды такъ и сыпались, казалось, внизъ по склонамъ... Сбоку, изъ-за окрашеннаго золотомъ сегмента моря, все выше и выше всплывалъ южный мѣсяцъ...

— Ахъ какъ дивно хорошо! — она двинулась грудью, точно сбиралась порхнуть.

Я молчалъ... Словъ у меня не было, а обнять ее, всю облитую чистымъ сіяніемъ, не смѣла рука...

Вдругъ она повернулась, подняла рѣсницы и обдала меня лучистымъ, мягкимъ и вдумчивымъ взглядомъ.

— Знаете, у васъ порой звучитъ не только недовѣріе къ людямъ...

— А и что?—подхватилъ я.

— Порою кое-что и похуже,—замялась она,—нѣчто въ родѣ презрѣнія, весьма естественнаго, впрочемъ, у всепокупающихъ крезовъ...

Ея слова и тонъ меня задѣли, но я смолчалъ. Мы шли молча, и она точно обдумывала что-то... И вдругъ, какъ бы рѣшившись и обдумавъ, остановилась и спросила:

— Скажите, вѣрите-ли вы въ чистое, безкорыстное чувство?

— Правду?—спросилъ я.

— Самую чистѣйшую правду!..

— Я не встрѣчалъ еще такого чувства... Я его не знаю...

Ахъ, зачѣмъ я сказалъ это!.. Меня и теперь пронимаетъ дрожь и зубы стучатъ, какъ въ ознобѣ... Лучше было солгать, промолчать, сказать какую-нибудь пошлость, что угодно, но только не это... *Она* быстро и рѣзко отвернулась, какъ отворачиваются только кровно обиженные люди... Развѣ я хотѣлъ ее обидѣть, развѣ это могло относиться къ ней!? Но поправить я не могъ, всякая поправка рѣзнула бы ея тонкій чуткій слухъ...

Я шелъ какъ виноватый... Мы взбирались на взгорье, подъемъ былъ труденъ не только для ея груди...

— Дайте отдышаться!..

Она задыхалась и сильно прижимала руку къ сердцу, которое билось такъ громко, что я могъ явственно слышать его удары и видѣлъ, какъ вздрагивала ея рука. Наконецъ, она опустила руку, нѣсколько разъ вздохнула ровно и глубоко и вдругъ сказала:

— Я вамъ не завидую, вы дѣйствительно несчастный человѣкъ!..

Въ тонѣ звучала горечь, не то боль, не то ѣдкость...

— Но я хочу быть счастливымъ!—подчеркнулъ я и это вышло глупо...

Она промолчала... Мы шли уже по взгорью... Всплывшая луна обливала фантастическимъ зеленоватымъ полусвѣтомъ и воздухъ, и кусты, и деревья, и насъ... Изъ дачныхъ садовъ разносился кругомъ смѣшанный ароматъ акаціи, резеды, розъ и жасмина... Она точно упиться хотѣла этимъ ароматомъ и вдыхала его медленно и глубоко, полуоткрывъ губы и опустивъ глаза... У меня кружилась голова, я восторгался всей ея фигурой, граціей, каждымъ движеніемъ, каждымъ вздохомъ и въ то же время робѣлъ... Робѣлъ въ первый разъ, предъ первой женщиной!.. Но вдругъ гдѣ-то близко запѣлъ соловей...

— Погодите! — прошептала она чуть слышно, но я разслышалъ.

Мы слушали оба... Какъ слушали, что слушали—не помню... Только это не была простая соловьиная пѣсня,—нѣтъ... Ее пѣли и ночь, и луна, и темное море, и сердце... Въ этихъ звукахъ все закружилось, спуталось, потеряло очертанія, всякую реальность...

— Зина!

Самъ не знаю какимъ чудомъ моя рука осмѣлилась и обняла этотъ дивный дѣвичій станъ... *Она* не сопротивлялась и только закрыла глаза...

— Зина, вы любите?!

Коса ея упала, голова склонилась на мое плечо... Но вдругъ она повернулась и подняла рѣсницы.

— Да, люблю,—прошептала она,—зачѣмъ лгать, люблю!.. Но знайте, я никогда не выйду за васъ, никогда, пока у васъ эти милліоны... Будемъ любить другъ друга такъ... свободно... независимо... Вы останетесь крезомъ, я—учительницей музыки...

— Нѣтъ, нѣтъ, Зина, ты будешь женой креза!..

— Никогда!..

И тогда уже, кажется, я вздрогнулъ отъ этого ужаснаго слова...

Да, никогда! Она такъ и зачахла учительницей музыки въ своей тѣсной квартиркѣ... Никогда, никогда...

30-е іюня.

Мнѣ снился сонъ...

Какимъ-то чудомъ я карабкался въ глубокую высь... *Туда*... къ *ней*!.. Мнѣ было трудно, я задыхался, но я шелъ и шелъ... Внизу остались облака, потомъ звѣзды, потомъ голубой сводъ, я очутился въ глубокомъ мракѣ... Наконецъ, и этотъ мракъ кончился и предо мной открылось что-то странное, невиданное, что-то сложенное изъ свѣтовыхъ переливовъ и радуги... Я хотѣлъ идти туда, но путь мнѣ преградили химеры, тѣ самыя химеры Notre Dame, которыми мы восторгались съ ней въ лунную ночь...

— Пустите!—сказалъ я.

Но онѣ молчали и смотрѣли на меня неподвижными глазами...

Тогда я началъ роптать, потомъ сердиться, потомъ негодовать...

— Я хочу войти и войду!—крикнулъ я.

На это онѣ засмѣялись всѣ, до одной...

— Ты не можешь и не умѣешь хотѣть, — ты раздвоенный, безвольный человѣкъ!..

Мною овладѣло бѣшенство и, не помня себя, я хотѣлъ идти на проломъ... Поднялся неописуемый шумъ, химеры громко хохотали и стоголосое эхо отвѣчало имъ на этотъ хохотъ. Въ немъ звучало столько презрѣнья, что отъ жгучей обиды я терялъ послѣднія крохи разсудка, а шумъ и хохотъ все росли и росли и разбудили, наконецъ, дремавшаго сфинкса...

Медленно поднялъ онъ тяжелыя каменныя вѣки, медленно зѣвнулъ и неподвижно уставилъ на меня громадные, какъ ободъ колесный, каменные зрачки...

Теперь я дрожалъ отъ ужаса... Онъ смотрѣлъ долго, очень долго и, наконецъ, спросилъ, медленно, отчеканивая каждый слогъ, при чемъ голосъ его походилъ на громовые раскаты...

— Кто этотъ человѣкъ?

Отъ ужаса я самъ окаменѣлъ и жилъ только слухомъ... Химеры перестали хохотать и отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Это крезъ, который никому не вѣрилъ, никого не любилъ и жилъ только своими ощущеніями!..

Наступила пауза, тяжелая, томительная какъ смерть... Я замеръ, я понималъ, что на чашку вѣсовъ кинули все мое „я"... А сфинксъ все медлилъ...

— Такъ разорвите его! — приказалъ онъ, наконецъ, и закрылъ свои вѣки.

У меня закружилась голова, задрожали ноги и я потерялъ сознаніе... Пришелъ я въ себя отъ невообразимаго шума... Между мной и химерами откуда-то взялся черный слесарь, прикрылъ меня и что-то говорилъ, причемъ нижняя губа его нервно дрожала... Старикъ Петръ тоже стоялъ тутъ и какъ будто защищалъ меня... Докторъ держался нейтрально, заложивъ руки въ карманы, и невозмутимо слѣдилъ за всѣми своими бѣлесоватыми зрачками. И вдругъ на этотъ грохотъ, шумъ и отчаянный споръ, когда я, полный ужаса, ожидалъ, что меня разнесутъ въ клочки, явилась *она*...

Я задрожалъ, но уже не отъ страха, задрожалъ какъ бы охваченный благоговѣніемъ и готовъ былъ упасть ницъ...

Она явилась такою же, какъ лежала въ гробу, бѣлая, вся въ бѣломъ, въ волнахъ бѣлаго газа, съ бѣлыми дрожавшими цвѣтами, съ опущенными вѣками, сквозь которыя глядѣли зрачки, какъ на извѣстной картинѣ Макса... Губы у нея дрогнули, чуть-чуть зашевелились и въ наступившей гробовой тишинѣ я разслышалъ, какъ она тихо сказала:

— Я знаю его!

Химеры молчали, а я стоялъ неподвижный, полный благоговѣнія. Ни одного слова не смѣли прошептать мои уста.

— Я его знаю!—повторила она, недоступная, строгая, спокойная.

Тогда химеры заговорили, какъ бы оправдываясь:

— Онъ никому и ни во что не вѣрилъ!..

— Но онъ хотѣлъ вѣрить!—отвѣтила *она* чуть двигавшимися устами, а мое сердце вздрогнуло и тихо подтвердило, совсѣмъ помимо моей воли:—да, Зина, хотѣлъ!

— Онъ никого не любилъ!—продолжали химеры...

— Но всегда хотѣлъ любить! — отвѣчала *она* и сердце мое снова подтвердило: да, хотѣлъ!

— Онъ дерзко порывался къ тебѣ...

— Потому что я жалѣла его, а жалѣть, значитъ любить...

Тутъ я проснулся... Не помню, чтобы когда-нибудь видѣнный сонъ производилъ на меня такое сильное впечатлѣніе... Я отворилъ окно и розовые лучи разсвѣта ворвались въ спальню, такіе же нѣжные, мягкіе, какъ и охватившее меня настроеніе... Въ первый разъ за все это ужасное время я дышалъ легко и, какъ это ни странно, въ окаменѣвшей, застывшей душѣ, казалось, накипали теплыя слезы жалости, печали и какого-то томительно-сладкаго чувства. Право же, я почувствовалъ себя какъ бы чище и лучше и во всякомъ случаѣ въ тотъ моментъ мои уста не сказали бы: „я презираю и себя, и все... и все...“ То была чара сна...

Но въ сновидѣніяхъ, говорятъ, суммируются и комбинируются только дѣйствительно воспринятыя, хотя и безсознательно, неуловимо для памяти, реальныя впечатлѣнія... Такимъ образомъ, сны уясняютъ иногда человѣку то, что не давалось ему на яву... И этотъ сонъ не даетъ мнѣ теперь покоя, я роюсь въ немъ, какъ бѣднякъ въ своемъ кошелькѣ, въ надеждѣ найти на днѣ его хотя бы полушку... И кое-что я уже нашелъ: *она* любила потому, что „жалѣла“!.. Это опредѣленіе любви взято у народа, тамъ вмѣсто „любитъ“, говорятъ „жалѣетъ“, и сколько въ немъ правды, чистой, человѣческой правды... Да, она жалѣла, потому что вѣрила въ Божью искорку!.. А не потухла ли эта искорка, не лгало ли ей мое сердце?! Кто его знаетъ... Раньше я навѣрное отвѣтилъ бы „потухла“ и „лгало“, теперь же... теперь мнѣ не хочется сказать этого!.. Во всякомъ случаѣ... раньше... въ юности, когда я дрожалъ, читая Данте, горѣлъ и негодовалъ вмѣстѣ съ Барбье, рвался къ чему-то и, слушая лекціи, вѣрилъ въ науку, я былъ иной... Потомъ же... потомъ я „пилъ не изъ того источника“, какъ сказала она...

Это было въ первый день ея болѣзни, когда она почувствовала только жаръ и недомоганье... Вечеромъ она лежала на кушеткѣ въ своей скромной гостиной, я сидѣлъ тутъ же у ея ногъ на правахъ жениха, не смотря на ея „никогда“, я все-таки называлъ ее невѣстой и читалъ ей легенды... Индійская легенда о двухъ источникахъ ее особенно восхитила... Брама создалъ два источника; одинъ, капля котораго навсегда утоляла жажду, и другой, вся масса воды котораго не могла напоить даже одного жаждущаго... Первый онъ помѣстилъ среди острыхъ скалъ, въ угрюмомъ ущельи, доступъ въ которое былъ труденъ и опасенъ, второй—въ роскошной долинѣ, полной блеска, свѣта и веселья... И толпа, искавшая воды, чтобы утолить жажду, рвалась и броса-

лась только ко второму и потому не вѣрила, что можно жить и безъ жажды.

Горячей лихорадочной рукой она взяла мою руку, тихо пожала ее и смотря нѣжнымъ, ласкающимъ взглядомъ, въ которомъ пылалъ уже огонь болѣзни, сказала съ доброй улыбкой:

— Вотъ... вотъ! Вы всю жизнь пили „не изъ того источника“ и потому записались въ пессимисты!..

Эта ласка, этотъ нѣжный тонъ, эта добрая улыбка наполнили меня тогда нѣгой самаго глубокаго счастья... Я почти не дышалъ отъ этого счастья... Голова у меня закружилась, я припалъ къ горячей рукѣ и, цѣлуя, полный въ то же время смутной тревоги за ея здоровье, задыхаясь, шепталъ:

— Можетъ быть... можетъ быть!.. Тогда, Зина, будьте моимъ свѣточемъ, указывайте другой источникъ!.. Я пойду... клянусь вамъ, я пойду, хотя бы и колеблющимся шагомъ...

— Вы сами знаете, гдѣ онъ!—отвѣтила она.—Не въ прожиганьи, не въ безцѣльномъ и безполезномъ для другихъ шатаньи по свѣту...

Она была особенно нѣжна въ этотъ вечеръ. Я не говорилъ, чтобы не разсѣять это дивное настроеніе, хотя бы дыханьемъ... Свѣтъ ей рѣзалъ глаза, она щурилась и пока я закрывалъ лампу экраномъ, сказала шутливо съ той же прелестной улыбкой:

— Вы подарили бы мнѣ хорошій абажуръ... Право, крезъ!..

Это была уже высшая степень ласки, она понимала значеніе такой просьбы для меня и, глядя, какъ у меня дрожатъ руки отъ счастья, все такъ же нѣжно улыбалась... Подарковъ она вообще не любила и въ этомъ отношеніи была очень горда и щепетильна... На югѣ, въ курортѣ, когда мы были уже друзьями, я поднесъ ей въ день ея рожденія брошь съ хорошимъ солитеромъ. Она покраснѣла и нахмурилась...

— Благодарю васъ, это прелестная вещь!..—сказала она, любуясь.—Я очень тронута вниманіемъ... Но вы сами понимаете, что тяжело принимать цѣнный подарокъ, какой не въ силахъ сдѣлать сама... Вѣдь, эта брошь—половина, если не больше, моего годового заработка...

И видя, что я вспыхнулъ, что мнѣ неловко и больно, она добавила быстро:

— Я знаю, что и не взять его мнѣ, будетъ больно вамъ... Поэтому, вотъ какъ сдѣлаемъ, если хотите. Я возьму себѣ съ благодарностью за вниманіе,—ну, право, съ большою благодарностью!—футляръ, а это... эту брошь мы продадимъ для... для...

Я насилу упросилъ ее тогда... Она согласилась съ условіемъ что это будетъ мой первый и послѣдній цѣнный подарокъ. Вообще, я замѣтилъ, что люди ея круга, ея міровоззрѣнія болѣе

горды и щепетильны, чѣмъ аристократы самой голубой, даже какъ Гвадалквивиръ, крови...

. . . .

Помѣшала писать телеграмма... Меня извѣщаютъ, что умеръ мой дядя, котораго я не видѣлъ съ дѣтства, угрюмый скопидомъ, скупой созидатель капитала, и что я наслѣдникъ и его денегъ, и его заводовъ... Что мнѣ съ ними дѣлать?!.. Куда мнѣ?! Хлопоты, счеты, разсчеты, выжиманіе гроша, эти управляющіе, наконецъ, выдрессированые въ школѣ безсердечія, черствые ко всему, и тысячи людей темныхъ, голодныхъ, обездоленныхъ, приставленныхъ то къ тому, то къ другому?!

Ба, идея! Не устроить ли мнѣ моихъ слесарей?! Вчера вечеромъ они неожиданно пришли ко мнѣ оба, и черный, и „пессимистъ", пріодѣтые, торжественные, и принесли мнѣ, съ благодарностью отъ товарищей, данные имъ крохи обратно... Одинъ видъ денегъ въ ихъ рукахъ сдѣлалъ свое дѣло, нѣмецъ сдался и мастерская снова шла и гудѣла...

Они сіяли отъ удовольствія, отъ счастья побѣды, отъ щепетильной радости, что могутъ обойтись безъ моихъ крохъ... Какими джентльменами держали они себя, однако, въ своихъ неуклюже сидѣвшихъ пиджакахъ, эти неполированные, съ угловатыми манерами люди „будущаго", какъ говорила *она*...

Все это меня очень тронуло, тронуло такъ, какъ я не разсчитывалъ никогда! Я усадилъ ихъ, я говорилъ имъ... говорилъ, раздѣляя ихъ радость и удовольствіе.. Я просилъ ихъ оставить эти крохи у себя, на что имъ нужно... не отъ меня, а отъ *нея*... И когда они уходили, черный силачъ особенно горячо сжалъ мою руку и нижняя губа его нервно дрожала... Вотъ гдѣ разгадка того, что во снѣ этотъ „черный" защищалъ меня отъ химеръ...

3-е іюля.

Микстуры доктора сдѣлали свое дѣло... Я спалъ долго и много, меня не смущали сновидѣнія, не душилъ кошмаръ... Но за то, когда я просыпался на часъ, на два, сознаніе моей потери, какъ бы только теперь воскресшее и ожившее, стояло предо мной во всемъ своемъ холодномъ, полномъ отчаянія, ужасѣ... Раньше я этого не зналъ, раньше мнѣ было легче... И когда я сказалъ это сегодня утромъ доктору, онъ потеръ руки и въ глазахъ у него засвѣтилось удовольствіе...

— Это хорошо,—сказалъ онъ,—это очень хорошо, вы оправляетесь... Чувствовать самую сильную боль лучше, чѣмъ быть въ такомъ подавленномъ состояніи, близкомъ къ столбняку!—И посмотрѣвъ на меня сквозь очки, онъ добавилъ глухо:

— Было время, я даже боялся за васъ...

— За меня!? На что и кому я нуженъ, докторъ?..

Онъ насупился и посмотрѣлъ на телеграмму, извѣщавшую о смерти дяди.

— Вотъ кому!—Вѣдь тамъ, на этихъ фабрикахъ и заводахъ, нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней, батенька, и всѣ онѣ въ вашихъ рукахъ...

Нѣсколько тысячъ жизней... въ моихъ рукахъ!?

Да, онъ былъ правъ, я не думалъ объ этомъ ни разу... Это ускользало какъ-то изъ вниманія, чего?—моей памяти или тоже и совѣсти?—а *ея* не было, чтобы напомнить... Тысячи жизней, темныхъ, голодныхъ, обездоленныхъ, и, въ темнотѣ и голодѣ, созидающихъ мое благо!..

Да, докторъ былъ сто разъ правъ, впрочемъ, не онъ, нѣтъ. Его слова были только эхо *ея* дыханья *оттуда*... Она дохнула, и лучъ свѣта проникъ мнѣ вдругъ въ мозгъ, въ душу и освѣтилъ тамъ... что?—Тысячи чужихъ жизней и, рядомъ съ ними... крохотное, ничтожное „я“ самодовольнаго себялюбца, называвшаго сладострастье—любовью, а людское горе—естественнымъ органическимъ явленіемъ!.. Я вдругъ расхохотался...

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ удивленный и озадаченный докторъ...

— Надъ собой смѣюсь...

Вѣроятно, я сильно измѣнился въ лицѣ, потому что̀ онъ пристально посмотрѣлъ на меня и пытливо заглянулъ въ глаза...

— Что жъ, собираетесь уѣхать, какъ хотѣли, въ Японію, или Австралію?—спросилъ онъ, беря шляпу и вставая, немного смущенный моимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, докторъ, я не уѣду...

— Остаетесь?..

— Да, остаюсь... Вы правы, за моими плечами тысячи чужихъ жизней!..

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы убѣждаясь, не смѣюсь ли я вновь, и лицо его освѣтилось теплой, почти нѣжной улыбкой...

— Вотъ, вотъ, это самое лучшее!.. Встряхнитесь...

И положивъ свою шляпу, этотъ сдержанный, ровный, даже суровый на видъ человѣкъ, совсѣмъ разнѣжившись, сжалъ тепло мою руку и сказалъ:

— Такъ-то, дорогой мой! Это будетъ лучшій памятникъ для *нея* и спасенье для васъ...

Меня что-то больно сжало въ груди, я не могъ выговорить ни слова, не могъ разжать губы и только жалъ его руку. И вдругъ какъ-то сами собой изъ моихъ, давно высохшихъ, глазъ покатились тихія слезы...

— Ну, это еще лучше... Это ужъ совсѣмъ хорошо!—говорилъ довольный докторъ.

4-е іюля.

Другъ мой, Зина! Я все понялъ теперь и все мнѣ стало ясно...

Я не безчувственный и не каменный... Я просто-на-просто потерялъ съ тобою все дорогое и замеръ отъ этой потери, потому что ты была моей совѣстью, душой, мыслью, всѣмъ, всѣмъ!.. Безъ тебя остался только живой остовъ, форма, тѣло для прозябанья... Конечно, такое прозябанье абсурдъ и три грана этого бѣлаго порошка легко освободили бы меня отъ него,—но зачѣмъ? *Тамъ* я, все равно, не буду съ тобою... И къ тому же я не ты,—я сынъ толпы и, какъ она, не боюсь прозябанья...

Но, прозябая, всякая толпа молится чему-нибудь, какому-нибудь недосягаемому, недоступному идеалу, къ которому хотя и смутно, но все-таки тяготѣетъ... Я буду молиться только твоей правдѣ и вѣрѣ... Это я понялъ теперь и знаю!...

Ты глядишь на меня съ гравюры глазами этой чистой подвижницы, я слышу, ты шепчешь мнѣ ея устами: живи же! живи для свѣта, для правды, для блага! Зина! Но развѣ всѣмъ дано это? Вносить свѣтъ и благо, служить имъ какъ должно и всецѣло могутъ только такіе, какъ эта христіанка въ циркѣ, какъ ты!.. Люди толпы созданы иначе... Развѣ сама картина не говоритъ этого? Видишь, чья-то сочувственная рука бросила къ ногамъ подвижницы розу... И только, на большее не хватило! Тайный другъ не стоитъ вмѣстѣ съ ней предъ пантерой,—онъ прячется робко въ толпѣ...

Тутъ два типа... Зина! Я принадлежу къ тѣмъ, что могутъ только робко вздохнуть и тайкомъ бросить розу...

На дворѣ та же мягкая, благоуханная ночь, тѣ же фантастическіе полутоны луннаго свѣта. Издали, въ открытое окно, доносится нѣжный ропотъ морского прибоя... Все дышитъ нѣгой, какъ и въ ту ночь, когда ты сказала мнѣ свое „никогда". Но теперь это „никогда" не приводитъ меня въ трепетъ... Ты была права. Рядомъ съ тобой мнѣ, сыну толпы, не было мѣста...

Вѣдь, и того довольно съ насъ, когда мы не топчемъ нашихъ пророковъ и идемъ, хотя бы колеблющимся шагомъ, на ихъ свѣточь...

На этомъ обрывался дневникъ.

Григорій Мачтетъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

XLIX.

«Силлогистика» Майкова, несомнѣнно, дала сильнѣйшій толчекъ славянофильской критикѣ Бѣлинскаго. Онъ вообще признавалъ большое вліяніе, какое могутъ имѣть на него разные фантазеры, доводящіе извѣстную идею до нелѣпости [298]). Майковъ сослужилъ именно эту службу, превративъ сочувствія западниковъ европейской культурѣ въ математическій космополитизмъ. Бѣлинскій и началъ свое сотрудничество въ новомъ журналѣ рѣзкимъ отпоромъ критику *Отечественныхъ Записокъ*.

Это отнюдь не означало перехода Бѣлинскаго въ славянофильскій лагерь. Напротивъ, онъ не перестаетъ попрежнему разоблачать ложь, несбыточныя притязанія и въ особенности барственность славянофиловъ. Онъ ради нѣкоторыхъ здравыхъ идей направленія не проститъ ни одного порока личностямъ его представителей. Его статьи и письма непосредственно послѣ обзора русской литературы за 1846 годъ полны насмѣшками и энергическими обличеніями—противъ отдѣльныхъ апостоловъ славянофильства. По существу ничего не измѣнилось ни въ міросозерцаніи, ни въ чувствахъ критика. Онъ только, раздраженный «фантазеромъ», съ особенной рѣшительностью призналъ жизненность и важность славянофильства, какъ общественнаго и литературнаго явленія, заявилъ о своемъ уваженіи къ славянофильству, какъ «убѣжденію», выразилъ сочувствіе славянофильской критикѣ европеизма, но поспѣшилъ указать въ «положительной сторонѣ доктрины» «какія-то туманныя, мистическія предчувствія побѣды востока надъ западомъ», подчеркнуть ихъ несомнѣнную

---

*) См. «Міръ Божій», № 7. Іюль.

[298]) Письмо къ Анненкову. *Анненковъ и его друзья*, стр. 611.

«несостоятельность» и даже отвергнуть у славянофиловъ пониманіе запада [299]).

Все это не представляетъ ничего неожиданнаго даже послѣ раннихъ разсужденій Бѣлинскаго на ту же тему. Говорилось и о способности русскаго человѣка къ разностороннему пониманію европейскихъ явленій, страстно защищалась русская національность и приписывалось ей великое культурное будущее. Все это повторяется и теперь, но съ непремѣнными ограниченіями по части патріотическаго «самохвальства и фанатизма» и съ рѣшительной отповѣдью противъ «смиренія», будто бы, истинно національной черты русскаго народа.

Что же новаго въ статьѣ, вызвавшей такую тревогу? Въ сущности только благосклонные отзывы вообще о славянофильствѣ, прямое признаніе его заслугъ. Но что касается всего ученія оно признано только въ тѣхъ предѣлахъ, какихъ и раньше держалась мысль критика. Вся разница въ томъ, что прежде Бѣлинскій собственныя идеи о народности и національности говорилъ только отъ своего лица, а теперь подъ тѣми же идеями онъ подписалъ имя славянофильства, отнюдь не склоняясь предъ его знаменами всецѣло.

Пріемъ чисто полемическій. Смыслъ его обнаружилъ самъ критикъ, когда книжныхъ «силлогистовъ» противоставилъ жизненнымъ вопросамъ славянофильства. Это собственно и было главной цѣлью критика: помимо космополитизма, Бѣлинскій столь же сильно напалъ и на другую уродливую идею Майкова о раздѣленіи народа на большинство и меньшинство и его представленіе о великихъ людяхъ. И этому возмущенію мы обязаны новой превосходной формулой, выражающей исконные взгляды критика:

«Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія» [300]).

Бѣлинскій успокоивалъ славянофиловъ на счетъ заимствованій русскихъ у Запада. Всѣ европейскіе народы «нещадно заимствуютъ другъ отъ друга» и не боятся утратить своихъ національностей. Этотъ страхъ возможенъ только у народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Критикъ, заодно съ славянофилами, далекъ отъ подобнаго представленія о русскомъ народѣ.

Вотъ и всѣ главнѣйшія изъявленія сочувствія противникамъ. Они, конечно, ни къ чему не обязывали критика и ни на минуту не связывали его свободы. Случай доказать ее скоро представился.

---

[299]) *Сочиненія*. XI, 20 etc.

[300]) *Ib.*, стр. 37.

Въ *Москвитянинѣ*, по поводу преобразованія *Современника*, появилась статья: *О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ*. Подписанная буквами М. З. К., она принадлежала Юрію Самарину; объ этомъ печатно объявилъ самъ Погодинъ.

Авторъ прежде всего обнаружилъ гораздо больше проницательности и здраваго смысла, чѣмъ нѣкоторые современные и позднѣйшіе обличители Бѣлинскаго въ славянофильствѣ. Самаринъ крайне недоволенъ статьями *Современника* и въ томъ числѣ статьей Бѣлинскаго. Его нисколько не успокоила любезность критика; напротивъ болѣе чѣмъ когда-либо раздражили именно любезныя опроверженія славянофильскаго правовѣрія и онъ ужъ кстати напалъ и на статьи Кавелина и Никитенко.

Бѣлинскій загорѣлся гнѣвомъ, какъ въ былое время знаменитой сатиры *Педантъ*. Она явилась отвѣтомъ на брань Шевырева, поразила громомъ жертву сатиры и взбудоражила весь университетскій муравейникъ, оскорбила славянофильскую церковь и вызвала у многихъ добровольцевъ разнообразные проекты рѣшительной раздѣлки съ петербургскими «безбожниками, алтынниками, подлецами, канальями». Подобныя рѣчи велъ даже смиренный и культурный Кирѣевскій [301]).

Несомнѣнно, и теперь пришлось бы плохо врагу. Цензура поспѣшила на помощь по всѣмъ пунктамъ: статью Бѣлинскаго «исказила варварски», въ отвѣтѣ Кавелина «кое что смягчила», но въ возраженіяхъ критика все-таки остались слѣды его воодушевленія.

Отвѣтъ Москвитянину начинаетъ рядъ предсмертныхъ статей Бѣлинскаго, ни единой чертой не свидѣтельствующихъ о нравственной или физической усталости. Онѣ — разительное противорѣчіе извѣстнымъ намъ страхамъ Краевскаго, будто критикъ окончательно погрязъ въ чисто эстетической критикѣ и утратилъ способность отзываться на новые запросы русскаго общества.

Въ дѣйствительности, послѣдняя полемика Бѣлинскаго съ славянофилами должна быть признана достойнымъ завѣщаніемъ великаго бойца. Онъ будто спѣшилъ подвести итогъ своимъ художественнымъ и общественнымъ принципамъ и не оставить у своей публики ни единаго повода къ недоразумѣніямъ. Ясность и сила общихъ положеній много выиграла именно потому, что идеи развились путемъ полемики, устанавливались не какъ безстрастныя теоретическія истины, а какъ орудія настоящей и будущей борьбы съ противниками художественнаго и культурнаго прогресса русскаго духа.

Что касается собственно полемики, Самарина нельзя и срав-

---

[301]) Ср. письмо Боткина къ Краевскому. *Отчетъ*, стр. 43—4.

нивать съ Бѣлинскимъ, ни по таланту, ни по опытности, ни по рыцарскому страстному самоотверженію во имя защищаемыхъ идей.

Славянофилъ писалъ свою статью съ величайшимъ комфортомъ и всеблаженнымъ покоемъ души. Трудился онъ надъ ней около полугода, такъ какъ въ *сентябрѣ* онъ возражалъ на *январьскую* статью «Современника». И это была его вторая статья за цѣлыхъ два года! Болѣе «прохладное» писательство трудно и представить. И Бѣлинскій имѣлъ всѣ права съ высоты своей неутомимой, могущественно-вліятельной боевой дѣятельности набросать слѣдующую безсмертную картину эпикурейски-барственнаго литераторства и всѣми нравственными силами, всѣми нервами одушевленной апостольской работы плебея. Бѣлинскій отказывается защищать свою личность отъ вылазокъ такихъ критиковъ, какъ М. З. К.—не къ чему:

«Публика и сама съумѣетъ увидѣть разницу между человѣкомъ, у котораго литературная дѣятельность была призваніемъ, страстью, который никогда не отдѣлялъ своего убѣжденія отъ своихъ интересовъ, который, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ истины, имѣлъ больше вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ многіе изъ его дѣйствительно ученыхъ противниковъ, и между какимъ-нибудь баричемъ, который изучалъ народъ через своего камердинера, и думаетъ, что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который между служебными и свѣтскими обязанностями, занимается также и литературою, въ качествѣ дилеттанта, и изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ» [302]).

Въ этихъ словахъ заключается нѣчто большее, чѣмъ полемическій отвѣтъ на единичный фактъ. Предъ нами историческая характеристика двухъ типовъ писателей— аристократа и демократа. Каждый изъ нихъ точный выразитель извѣстнаго общественнаго направленія и извѣстной эпохи общественнаго развитія. Аристократъ-идеологъ, тонкій цѣнитель художества, изящный любитель литературы съ ея показной, усладительной стороны, самъ литераторъ—съ чувствами полуснисходительнаго, полуувлеченнаго покровителя «словесности»: все это типичный образъ помѣщика-литератора, просвѣщеннаго владѣльца крѣпостныхъ душъ, прямаго потомка екатерининскаго энциклопедиста, упразднившаго конюшню по вѣяніямъ времени, но донесшаго во всей неприкосновенности эпикурейскія наклонности и барственные полеты вплоть до сѣрыхъ страницъ *Москвитянина*.

Этотъ типъ цѣликомъ принадлежалъ прошлому, но, заканчи-

---

[302]) Сочиненія. XI, 257. Ср. Письмо къ Кавелину. *Р. М.* 1892, I, 120—123.

вая свое земное странствіе и невольно чувствуя свою пѣсню спѣтой, онъ съ тѣмъ большимъ азартомъ набрасывался на новыя творческія силы жизни и мнилъ остановить ихъ важностью и самоувѣренностью своихъ традиціонныхъ манеръ.

На встрѣчу ему шелъ герой совершенно другого нравственнаго склада, герой-плебей по происхожденію, по прямолинейной запальчивости чувства, по чисто-народной непосредственности и искренности взгляда на свое дѣло, по непримиримой враждѣ ко всякой маниловщинѣ, безцѣльному краснобайству, къ комфортабельной мягкости натуры—въ нравственныхъ и общественныхъ вопросахъ.

Въ рукахъ подобнаго дѣятеля-писателя литература немедленно становилась одновременно и ремесломъ, и призваніемъ, т. е. трудомъ жизни и пищей души. Здѣсь не могло быть мѣста пріятельскимъ счетамъ, джентльменскимъ экивокамъ, салонному переливанью изъ пустого въ порожнее, такъ называемымъ дипломатическимъ пріемамъ воспитанности и свѣтскости. Предметы, по возможности, будутъ называться своими именами, каждая мысль будетъ соотвѣтствовать дѣйствительному взгляду автора и будетъ высказана не для красоты стиля и не для личной утѣхи автора и его друзей, а ради настоятельныхъ требованій самой дѣствительности. Искренность личностей и жизненность убѣжденій — таковы основныя черты новой демократической публицистики.

И родоначальникъ ея Бѣлинскій. У него были предшественники и онъ умѣлъ оцѣнить самаго сильнаго изъ нихъ, Полевого, но *Московскій Телеграфъ* не могъ искоренить барскихъ теченій русской журнальной литературы и погибъ въ этой борьбѣ. Не могла и дѣятельность Бѣлинскаго окончательно упразднить литераторовъ, благодѣтельствующихъ русскій народъ съ балкона своей усадьбы. Но послѣ Бѣлинскаго стало немыслимо положительное отношеніе къ журналистикѣ, лишенной живого общественнаго темперамента, выѣзжающей на педантической учености и прекраснодушномъ велерѣчіи. Журналистика получила значеніе *службы* народу и его благу—въ полномъ смыслѣ слова, писательство навсегда достигло, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ достойнѣйшихъ и популярнѣйшихъ своихъ дѣятелей, той высоты, о какой мечталъ Гоголь: нравственнаго обязательства и гражданскаго долга предъ отечествомъ.

Бѣлинскій во всемъ блескѣ представлялъ этотъ типъ писателя и явился предшественникомъ оживленнѣйшаго періода русской публицистики шестидесятыхъ годовъ,—публицистики, какъ увидимъ, во многомъ грѣшившей и нерѣдко работавшей даже во вредъ себѣ, но глубоко проникнутой практическими задачами современнаго общества и могучимъ духомъ всеобщаго просвѣщенія и граж-

данскаго развитія. И эта публицистика не замедлила увѣнчать роскошнѣйшими вѣнками своего первоучителя: имя Бѣлинскаго не переставало занимать почетнѣйшаго мѣста на тѣхъ страницахъ литературы шестидесятыхъ годовъ, какимъ суждено было перейти въ потомство.

Всѣ эти факты окончательно выяснились именно въ послѣдней борьбѣ Бѣлинскаго съ славянофильствомъ. Она горячо захватила писателя и какъ критика и какъ публициста. Она заставила его заключить эстетическія идеи и общественные принципы въ рѣзкія и ясныя формулы. Произнесена заключительная рѣчь въ защиту натуральной школы, дано геніальное опредѣленіе художественному таланту, его свободѣ и направленію, разъяснена пропасть, отдѣляющая французскую словесность отъ гоголевской школы, оправдана та же школа отъ обвиненій въ клеветѣ на русскую дѣйствительность, блистательно доказана вздорность идеи о такъ называемомъ чистомъ искусствѣ, нигдѣ никогда не существовавшемъ, установлено нравственное значеніе литературы, посвященной изображенію народнаго быта и народной психологіи, разъ навсегда признана необходимость творчества и поэзіи въ произведеніяхъ искусства и въ то же время указано на естественность слiянія художественной даровитости съ ненамѣреннымъ воодушевленіемъ ради опредѣленныхъ принциповъ, ради «страстнаго убѣжденія»—и именно такого рода таланты признаны «полезными обществу»... Однимъ словомъ, развита вся эстетика великаго критика, уже извѣстная намъ.

Но одновременно и попутно высказаны еще и другіе завѣты русскимъ писателямъ,—завѣты, сдѣлавшіе особенно дорогимъ дѣло Бѣлинскаго вскорѣ возставшему поколѣнію страстныхъ работниковъ во имя народной свободы.

L.

Бѣлинскій писалъ послѣднія статьи во власти непреодолимаго смертельнаго недуга. Во время работы его томитъ лихорадочный жаръ, онъ бросаетъ перо, задыхаясь въ полномъ безсиліи, въ страстныя минуты столь обычнаго для него увлеченія своей или чужой идеей, ему не хватаетъ воздуха и онъ боится покончить свои дни одной минутой стремительнаго восторга или гнѣва. Онъ слѣдитъ за собой и усиліями воли заставляетъ молчать свое сердце, старается перемочь свою неистовую природу. Очевидецъ рисуетъ единственную въ своемъ родѣ картину этой мученической борьбы человѣческаго духа съ самимъ собой.

«Страстная его натура, какъ бы ни была уже надорвана мучительнымъ недугомъ, еще далеко не походила на потухшій вул-

канъ. Огонь все тлился у Бѣлинскаго подъ корой наружнаго спокойствія и пробѣгалъ иногда по всему организму его. Правда, Бѣлинскій начиналъ уже бояться самого себя, бояться тѣхъ еще не порабощенныхъ силъ, которыя въ немъ жили, и могли при случаѣ, вырвавшись наружу, уничтожить за-разъ всѣ плоды прилежнаго лѣченія. Онъ принималъ мѣры противъ своей впечатлительности. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ Бѣлинскій, молча и съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное имъ ощущеніе сильно въѣдалось въ его душу, а онъ считалъ нужнымъ оторваться или освободиться отъ него. Минуты эти походили на особый видъ душевнаго страданія, присоединеннаго къ физическому, и не скоро проходили: мучительное выраженіе довольно долго не покидало его лица послѣ нихъ. Можно было ожидать, что, не смотря на всѣ предосторожности, наступитъ такое мгновеніе, когда онъ не справится съ собой» [303]).

Такое мгновеніе наступило, когда Бѣлинскій получилъ письмо Гоголя съ упрекомъ за его неблагопріятный отзывъ о *Перепискѣ*. Оно длилось три дня, писался отвѣтъ и возникала всеисчерпывающая программа русской публицистики грядущихъ поколѣній.

Письмо къ Гоголю только болѣе обширная исповѣдь Бѣлинскаго и только отрывокъ изъ его духовной жизни, не прекращавшейся до послѣдней минуты. Бѣлинскій искалъ теперь здоровья дома и заграницей, но для этого слѣдовало и заняться исключительно своимъ здоровьемъ, своей особой. Вмѣсто самосозерцанія, онъ не перестаетъ заботиться о спасеніи другихъ, съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдитъ за движеніемъ мысли и жизни въ Европѣ и въ Россіи, при всей осторожности, дышитъ и горитъ только «общимъ» и менѣе всего «личнымъ».

Каждая прочитанная имъ статья и книга непремѣнно вызываетъ у него рядъ горячихъ отзывовъ. Отъ его взора не ускользаетъ ни одно явленіе въ области европейскихъ идей. Ему извѣстна вновь возникшая школа въ философіи, позитивизмъ Конта, онъ прилежно вдумывается въ новыя соціальныя ученія, понимаетъ важность новыхъ экономическихъ школъ. Еще три года тому назадъ онъ познакомился съ идеями Маркса изъ журнала *Deutsch-französiche Jahrbücher*, страстно ими увлекся, хотя не всѣми:— усвоилъ преимущественно оппозиціонную, протестующую стихію новой доктрины. Теперь его со всѣхъ сторонъ окружаетъ интересъ общества и народныхъ европейскихъ массъ къ экономическимъ и соціальнымъ открытіямъ и онъ, мы видѣли, не упустилъ случая сопоставить общественныя задачи художественнаго творчества съ работой экономиста.

---

[303]) Анненковъ. *Воспоминанія*. III, 194—5.

Идеи позитивной философіи, близко примыкавшія къ новому соціальному движенію, должны были еще глубже заинтересовать Бѣлинскаго. Умъ его, давно освободившійся отъ нѣмецкой метафизики, весь сосредоточенный на правдѣ жизни, восторженно привѣтствовалъ проповѣдь научнаго изслѣдованія этой правды и послѣдовательнаго воспроизведенія идей развивающагося разума въ дѣйствительности.

И здѣсь, какъ и въ области политической экономіи, выступила на сцену художественная литература и потребовала своей доли въ движеніи точнаго знанія. За нѣсколько лѣтъ до ближайшаго знакомства съ идеями Конта и Литтре, Бѣлинскій доказываетъ вліяніе положительныхъ наукъ на поэзію и находитъ необходимымъ ввести въ исторію литературы исторію науки, даже такой, какъ астрономія: ея открытія не могли не повліять на воображеніе поэтовъ [304]).

Вообще Бѣлинскій, по самой сущности своей нравственной природы, долженъ былъ высоко цѣнить всякій успѣхъ строгонаучной мысли, *сознательности*. Еще въ самомъ началѣ петербургской дѣятельности критикъ обнаруживалъ мало почтенія къ стихійному, безотчетному идеализму. По его мнѣнію, лежитъ громадное разстояніе отъ инстинкта хотя бы даже благородныхъ наклонностей до свободнаго сознанія, до чувства, просвѣтленнаго мыслью [305]).

И онъ, конечно, «безъ ума отъ Литтре» за его статью о физіологіи. Въ естественныхъ наукахъ онъ видитъ могучее оружіе противъ безпочвенныхъ полетовъ отвлеченной мысли и фантазіи, противъ нравственныхъ и общественныхъ суевѣрій. Онъ радъ *Письмамъ Герцена объ изученіи природы*, но недоволенъ ихъ «отвлеченнымъ, почти тарабарскимъ языкомъ». Герценъ возражалъ, будто на русскомъ языкѣ иначе и нельзя выражать «умъ и дѣльный взглядъ» [306]).

Но Бѣлинскій правъ. Стиль Герцена, не всегда отличавшійся чистотой и правильностью и нерѣдко напоминавшій скорѣе переводъ съ иностраннаго, чѣмъ оригинальное произведеніе, въ *Письмахъ* дѣйствительно не свободенъ отъ излишней темноты и запутанности. Мы встрѣтимся впослѣдствіи съ идеями *Писемъ*: онѣ намъ понадобятся при разборѣ философскихъ основъ публицистики шестидесятыхъ годовъ. Мы увидимъ, какой незначительный слѣдъ оставили эти письма въ сознаніи русской молодежи, и, несомнѣнно, на ихъ форму падаетъ главная вина.

---

[304]) *Сочиненія.* IX, 393—4. 1844 годъ. «Онъ мечталъ о воспитаніи дочери на естествознаніи и точныхъ наукахъ»'. Анненковъ. III, 221.

[305]) *Ib.*, IV, 260. 1840 годъ.

[306]) Анненковъ. *Воспоминанія.* III, 133, 135.

Самъ Бѣлинскій съ обычной страстностью чувства и прозрачностью мысли защищалъ естествознаніе. Онъ убѣждалъ своихъ читателей благоговѣть не только предъ умомъ, но и предъ массой мозга, гдѣ происходятъ умственныя отправленія, объяснялъ, что «психологія, не опирающаяся на физіологію такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи» [307]).

Знакомясь съ ученіемъ Конта и Литтре, Бѣлинскій съумѣлъ оцѣнить научную силу ученика и будто предсказать поворотъ въ идеяхъ учителя. Онъ не восхищается Контомъ, не находитъ въ немъ генія и не думаетъ, чтобы онъ явился основателемъ новой философіи. Правда, Бѣлинскій узнаетъ о Контѣ по журнальнымъ статьямъ. Но онъ отлично умѣетъ отдѣлять мнѣнія излагателей отъ принциповъ философа. Онъ, напримѣръ, принялся за статью въ *Revue des deux Mondes* и съ первыхъ же строкъ понялъ филистерское отношеніе журнала къ новому научному движенію [308]).

Такая отзывчивость на европейскую идейную современность—въ отечественной атмосферѣ должна была доходить до мучительныхъ ощущеній неправды и томительной жажды свѣта и свободы. Крѣпостное право—громадный чудовищный призракъ, не дававшій покоя уму и сердцу Бѣлинскаго еще со временъ первой молодости. Борьбѣ съ нимъ онъ готовъ принести какія угодно жертвы, отвергнуть глубочайшія сочувствія и влеченія своей художественной натуры, забыть свой идеалъ свободнаго поэта-творца, отбросить въ сторону несказанныя красоты вдохновеннаго искусства, если только поэтъ лишенъ представленія о судьбѣ угнетеннаго и безпомощнаго человѣчества, если красота не одухотворена скорьбью за страдающихъ братьевъ.

Впослѣдствіи Бѣлинскаго будутъ укорять за поощреніе, даже за созданіе тенденціозной обличительной не художественной литературы. Наслѣдники, не доросшіе до наслѣдія своего предшественника, увидятъ въ Бѣлинскомъ даже исключительно лишь проповѣдника тенденціозности и погубителя поэзіи и творчества. Они не поймутъ простого факта, сопровождающаго читателя по всѣмъ статьямъ Бѣлинскаго: его глубоко-поэтическаго чувства, его прирожденнаго художественнаго генія, его восторженнаго культа вдохновенія и искусства, и, слѣдовательно, безусловной невозможности гоненій на поэзію.

Они особенно охотно будутъ ссылаться даже не на статьи критика,

---

[307]) *Сочиненія*. XI, 34.

[308]) Статья Saisset. *Revue*, 1846 г., томъ XV. Бѣлинскій не сразу прочиталъ статью, сначала «запнулся на гнусномъ взглядѣ этого журнала съ первыхъ же строкъ статьи». Этотъ отзывъ касается, несомнѣнно, сужденія Saisset о Контѣ и Литтре, какъ продолжателяхъ матеріализма XVIII вѣка, стр. 187. Письмо къ Боткину, Пыпинъ, II, 270—1.

а на его письма къ Боткину. Мы должны привести этотъ документъ: на немъ будетъ основана цѣлая долголѣтняя война съ Бѣлинскимъ.

«Для меня,—пишетъ онъ,—иностранная повѣсть должна быть слишкомъ хороша, чтобы я могъ читать ее безъ нѣкотораго усилія, особенно вначалѣ; и трудно вообразить такую гнусную русскую, которой бы я не могъ осилить... А будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное, сколько-нибудь *дѣльна*—я не читаю, а пожираю... Ты—сибаритъ, сластёна... тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества, тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертаціею... Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества, она для меня *тѣмъ не менѣе* интересна... Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности, тѣмъ она для меня лучше; но главное-то у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть разхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла, то я къ ней совершенно равнодушенъ... Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней [309]).

Нельзя не видѣть, что Бѣлинскій невольно и рѣзко подчеркнулъ свою мысль: письмо свидѣтельствуетъ о чрезвычайно напряженномъ отношеніи къ современной русской литературѣ. Это отнюдь не новое настроеніе. Въ извѣстномъ намъ сопоставленіи искусства съ беллетристикой Бѣлинскій указывалъ на одну въ высшей степени важную заслугу беллетристики: эта заслуга равняетъ ее съ настоящимъ вдохновеннымъ искусствомъ. Беллетристика можетъ указывать на живыя потребности общества. Тогда «она имѣетъ свои минуты откровенія», «не даетъ искусству изолироваться отъ жизни, отъ общества и принять характеръ педантическій и аскетическій» [310]).

Эта идея съ теченіемъ времени становилась настойчивѣе и властнѣе. Вопросъ о крѣпостномъ рабствѣ сообщилъ ей всепоглощающій жизненный интересъ. Бѣлинскій жилъ и дышалъ надеждой на освобожденіе народа. Она сопровождала критика всюду, вмѣшивалась во всѣ его наблюденія, врывалась во всѣ его впечатлѣнія—книжныя и житейскія. Онъ проникся убѣжденіемъ, что всѣ силы современнаго русскаго человѣка должны быть направлены на

[309]) Пыпинъ. II. 312–3.
[310]) *Сочиненія*. IX, 394.

страшнаго вѣкового врага, что предъ этой задачей блѣднѣютъ всѣ другія потребности человѣческаго чувства и ума—въ красотѣ, въ свободномъ творчествѣ, можетъ быть, у нѣкоторыхъ счастливцевъ—въ отшельнической внѣжизненной учености. Что значитъ наслажденіе знатока предъ идеально-прекраснымъ созданіемъ поэзіи, когда милліоны людей лишены права носить человѣческій образъ и пользоваться первѣйшими благами человѣческаго существованія? Естественно, писатель, призывающій совѣсть общества предъ лицо вопіющей неправды, по человѣчеству выше, нравственнѣе и, слѣдовательно, полезнѣе, чѣмъ производитель чисто-художественныхъ неземныхъ перловъ. И на Бѣлинскаго такіе перлы не могли произвести цѣльнаго захватывающаго впечатлѣнія.

Это доказало одно изъ геніальнѣйшихъ созданій живописи—Сикстинская Мадонна.

Бѣлинскій совершенно измѣнилъ установившемуся всесвѣтному обычаю—приходить въ восторгъ предъ рафаелевскимъ произведеніемъ. Онъ, напротивъ, испыталъ чувство, близкое къ ужасу. Онъ увидѣлъ на лицѣ Мадонны полное равнодушіе къ далекому земному міру, отсутствіе благости и милости, и только одно сознаніе своего высокаго сана и своего личнаго достоинства [311]. Онъ не могъ этотъ недоступный аристократизмъ и чувство самодовлетворенія слить съ представленіемъ о божественномъ идеалѣ. Онъ отдавалъ должное «благородству и граціи кисти», но сердцу его не доставало человѣчности, и онъ съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ на Младенца—«не будущаго Бога любви, мира, прощенія, спасенія, а древняго, ветхозавѣтнаго Бога гнѣва и ярости, наказанія и кары».

Трудно краснорѣчивѣе и точнѣе изобразить нравственный міръ нашего критика. Только что вступивъ на дорогу писателя, онъ поспѣшилъ откровенно и опредѣленно заявить о цѣляхъ и смыслѣ своей дѣятельности: «наша критика должна быть гувернеромъ общества и на простомъ языкѣ говорить высокія истины» [312]. И программа выполнялась до конца. Бѣлинскій занялъ мѣсто учителя и своей энергіей, высотой своего ученія затмилъ и постыдилъ призванныхъ руководителей и наставниковъ современныхъ поколѣній. Гоголь далъ поразительно яркую характеристику именно этихъ наставниковъ и отрицательными чертами ихъ во всей полнотѣ воспроизвелъ противоположный имъ образъ того, кто слылъ между ними за «рыцаря безъ имени», «бобыля литературнаго», за невѣжду и недоучку.

---

[311]) *Ib.* XI, 360. Ср. Анненковъ. *O. c.*, стр. 216. Письмо къ Боткину у Пыпина. II, 297.

[312]) *Сочиненія.* II, 78. 1836 годъ.

Гоголь такъ изображалъ этихъ рыцарей съ именами:

«У насъ старье изъ литераторовъ мастера только приводить въ унынiе молодыхъ людей, а подстрекнуть на трудъ и дѣльную работу нѣтъ ума. Какъ до сихъ поръ такъ мало заботятся объ узнанiи природы человѣка, тогда какъ это есть главное начало всему! Профессора у насъ заняты своимъ собственнымъ краснобайствомъ, а чтобы образовать человѣка, объ этомъ вовсе не помышляютъ. Они не знаютъ, кому они говорятъ, а потому не мудрено, что не дошли до сихъ поръ до языка, которымъ слѣдуетъ бесѣдовать и говорить съ рускимъ человѣкомъ. Не умѣя ни научить, ни наставить, они умѣютъ только, разсердившись, выбранить кого-нибудь и потомъ сами жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодыхъ не соотвѣтствующее потребностямъ направленiе, позабывъ, что если скверенъ проходъ, то въ этомъ тотъ виноватъ, а не кто другой» [313]).

Эта характеристика не отжила своихъ дней до сихъ поръ. Тотъ же Гоголь краснорѣчиво выразилъ основной фактъ русской общественной психологiи: жажда человѣка, умѣющаго сильно и искренне сказать молодому поколѣнiю слово *впередъ*!.. Бѣлинскiй пошелъ на встрѣчу этой жаждѣ и страстнымъ, религiозно-убѣжденнымъ голосомъ звалъ своихъ соотечественниковъ на путь человѣческаго достоинства и свободы. Отъ его вниманiя не ускользалъ малѣйшiй проблескъ молодого дарованiя и онъ готовъ былъ скорѣе переоцѣнить талантъ, чѣмъ не отдать ему должнаго. Онъ полагалъ свое личное счастье въ каждомъ успѣхѣ русской литературы и мысли. Намъ передаютъ множество случаевъ, когда Бѣлинскiй торжествовалъ, будто на семейномъ праздникѣ, открывая новую надежду отечественнаго искусства. До конца дней онъ не перестаетъ самоотверженно выполнять свой долгъ судьи-руководителя и предъ самой смертью успѣваетъ сказать напутственное слово Герцену, Гончарову, Некрасову, Тургеневу.

Да, этотъ человѣкъ умѣлъ подстрекнуть на трудъ и дѣльную работу и слѣдить за чужой работой, какъ за драгоцѣннѣйшимъ достоянiемъ своихъ задушевныхъ желанiй и упованiй. И мы знаемъ, какимъ ударомъ явилось гоголевское проповѣдничество для критика, сосредоточившаго на великомъ сатирикѣ весь энтузiазмъ своего пламеннаго художественнаго чувства, всю силу своей просвѣтительной мысли.

«Я никогда не могу такъ оскорбить его, какъ онъ оскорбилъ меня въ душѣ моей и моей вѣрѣ въ него», говорилъ Бѣлинскiй, посылая свое письмо къ Гоголю [314]). *Вѣра въ человѣка*, вѣра

---

[313]) Письмо къ Языкову.

[314]) Анненковъ. *О. с.*, стр. 213.

ради его генія, ради великихъ общечеловѣческихъ благъ, какія онъ принесетъ родинѣ, вѣра, вдохновляющая восторженную любовь и мучительно-безпокойное участіе въ судьбѣ избранника: это поистинѣ высокая ступень писательскаго подвига и одна изъ идеальнѣйшихъ чертъ человѣческаго духа.

Умѣлъ Бѣлинскій и говорить съ русскимъ человѣкомъ и сознательно вести его по извѣстнымъ путямъ и къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Онъ—самъ убѣжденный и стремительный—счелъ бы кровнымъ самоуниженіемъ успокаиваться на жалобахъ о своемъ безсиліи направить «молодыхъ» и длить безплодный, мертворожденный трудъ ради личнаго удовлетворенія и мелкихъ житейскихъ разсчетовъ. Въ глазахъ критика было бы преступленіемъ и нравственнымъ уродствомъ скрывать свое тунеядство и умственное омертвѣніе за казовымъ оффиціальнымъ положеніемъ, свое гражданское скопчество и идейный аскетизмъ драпировать въ пышные мишурные уборы, именуемые «чистой, свободной наукой», «достоинствомъ ученаго», «спокойствіемъ мудреца». Онъ зналъ, сколько слабыхъ и неумѣлыхъ рукъ изъ тьмы тянутся къ свѣту и не допустилъ бы и мысли, чтобы можно было съ какой угодно высоты учености и мудрости побрезговать протянуть руку на встрѣчу слѣпымъ и жаждущимъ. Для него эта отзывчивость являлась условіемъ жизни, основой нравственнаго самоудовлетворенія, смысломъ истинно-справедливаго подвижничества, какое ему досталось на долю подъ именемъ жизни.

Именно эти духовныя стихіи природы Бѣлинскаго останутся незабвенными въ исторіи русскаго общества. Его завоеванія въ литературной критикѣ, его художественное и нравственное міросозерцаніе могутъ, наконецъ, стать общимъ достояніемъ и его идеи войдутъ въ неприкосновенный капиталъ русской гражданственности. Это совершается медленно, не совершилось до послѣднихъ дней и мы безпрестанно будемъ встрѣчаться съ подавляющей властью мысли Бѣлинскаго даже надъ тѣми, кто будетъ одаренъ оригинальнымъ, сильнымъ талантомъ или будетъ завѣдомо усиливаться сбросить съ себя ненавистную ему силу. Намъ представятся еще болѣе краснорѣчивыя свидѣтельства о богатствѣ и цѣнности наслѣдства, завѣщаннаго Бѣлинскимъ. Его ближайшіе преемники и искренніе ученики окажутся не въ силахъ усвоить *всѣхъ* завѣтовъ своего учителя, охватить даже его художественные взгляды во всей ихъ полнотѣ, и направленія критики послѣ Бѣлинскаго будутъ исчерпываться въ сущности борьбой двухъ крайнихъ воззрѣній, извлеченныхъ, точнѣе оторванныхъ отъ его цѣльнаго, всесторонняго ученія. Задачей отдаленнаго будущаго останется возстановить гармонію враждующихъ идей и направить ихъ развитіе по пути, указанному Бѣлинскимъ.

Рано или поздно задача будетъ выполнена и литература, создавшая Бѣлинскаго, создастъ и достойныхъ его продолжателей. Они, можетъ быть, превзойдутъ его послѣдовательностью мысли: вѣдь дѣвственныя дороги и запутаннѣйшія извилины выпадаютъ на долю первыхъ путниковъ; они оставятъ послѣ себя болѣе стройныя и строже обоснованныя системы: вѣдь черная работа борьбы за самыя основы разумныхъ системъ падаетъ на плечи все тѣхъ же тружениковъ ранняго часа; они, наконецъ, будутъ вооружены на столько внушительнымъ научнымъ и философскимъ оружіемъ, что имъ никогда не представится необходимости защищать свое право говорить о предметахъ науки и философіи и вмѣсто обдуманныхъ возраженій слышать только надменные, но для многихъ вполнѣ убѣдительные возгласы: невѣжда! недоучка! Вѣдь наступитъ же время, когда ученость учителей и талантливость учениковъ не будутъ взаимными врагами, когда порядокъ и интересъ школы, личность, и свободное развитіе школьника не будутъ исключать другъ друга... Все это придетъ, и тогда *дѣятельность* Бѣлинскаго сведется къ *историческимъ* заслугамъ. Имя его поднимется надъ партійными и временными страстями и пребудетъ въ спокойномъ ореолѣ общепризнанной славы.

Но *личность* Бѣлинскаго сохранитъ свой нетускнѣющій блескъ, свою вдохновляющую силу рядомъ съ какими угодно талантами и героями русскаго слова. Никто и никогда не превзойдетъ неистоваго Виссаріона идеализмомъ, мыслительнымъ и дѣятельнымъ, никто не въ силахъ будетъ затмить его подвижничествомъ идеи и знанія,—этой новой формой апостольства и мученичества, столь же необходимыхъ для созиданія человѣческаго благоденствія и просвѣщенія, какъ подвиги и муки первыхъ христіанъ были необходимы для распространенія и прославленія христіанской церкви.

И напрасно въ настоящемъ и будущемъ станутъ ополчаться искренніе или *политическіе* враги противъ Бѣлинскаго, безцѣльна и борьба за честь его памяти и могущество его дѣла: онъ по уму, сердцу и таланту *воплощенный духъ прогресса*, т. е. неотразимой положительной силы, управляющей міромъ. А такихъ людей оправдываютъ и достойнѣйшими вѣнками увѣнчиваютъ не судьи и историки, а судьба и исторія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ русская критика выросла за предѣлы чистой эстетики и возвысилась до общественнаго содержанія, одной изъ самыхъ излюбленныхъ задачъ ея стало рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ личности и среды, личной нравственной энергіи и внѣшнихъ вліяній, «натуръ» и «обстоятельствъ». Въ западной критикѣ понятіе «среды» искони занимало важное мѣсто, какъ силы, воздѣйствующей на складъ характеровъ и направленіе талантовъ. Наравнѣ съ «расой» и «эпохой» это—могущественный творческій «моментъ» въ духовномъ развитіи оригинальнѣйшихъ писателей и историку вообще не представляется большихъ затрудненій прослѣдить результаты этого момента въ жизни и идеяхъ данной личности.

Совершенно другое значеніе получилъ вопросъ въ русской публицистикѣ. Онъ превратился въ основной догматъ философіи нашей исторіи, поглотивъ вниманіе первостепенныхъ критиковъ и художниковъ. На русской почвѣ «среда» преобразовалась во всемогущую подавляющую стихію. Она не *вліяетъ* на личность, а безпощадно и непреодолимо *порабощаетъ* ее. Она не присоединяетъ къ духовному міру человѣка своихъ внушеній, не дѣлитъ власти надъ нимъ съ другими равноправными силами,—она захватываетъ его будто желѣзнымъ кольцомъ, создаетъ его по своему образу и подобію, слабыхъ жертвъ въ конецъ обезличиваетъ, сильныхъ ломаетъ и уродуетъ. Она совершенно перевертываетъ весь ходъ мысли психолога и историка, когда ему требуется представить личную или идейную характеристику русскаго дѣятеля. Онъ долженъ сосредоточить все свое вниманіе не на даровитости и умѣ отдѣльнаго человѣка, а на его внѣшнемъ положеніи. Сопутствующія обстоятельства должны стать центромъ, деспотически управляющимъ какой угодно благородной природой и глубокой мыслью.

Этотъ порядокъ можно считать установившимся. Наша общественная философія давно обзавелась своеобразными аксіомами, исключающими возможность пересмотра и поправокъ рѣшеннаго процесса. Банальное, опостылѣвшее изреченіе «среда заѣла» мо-

жетъ вызывать у насъ искренніе протесты, они не помѣшаютъ ему оставаться подлиннымъ, строго доказаннымъ выводомъ нашей публицистической мудрости. Они не отнимутъ у него правъ очень солидной давности и не лишатъ его освященія самыхъ почтенныхъ авторитетовъ.

Очевидно, русская «среда» всегда отличалась особеннымъ эффектомъ мощи и внушительности. Она умѣла заставить призадуматься самоувѣреннѣйшихъ идеологовъ и сосредоточивала на себѣ мучительно-тоскующіе или страстно-гнѣвные взоры отважнѣйшихъ рыцарей идеализма и личной независимости. Она ввела грустную ноту въ пылкое краснорѣчіе нашихъ романтиковъ, вызвала у Марлинскаго своего рода надгробное причитаніе надъ русской литературой, едва прозябающей среди общественнаго тщедушія и мелочности, не одинъ разъ воодушевляла рѣчь *Телеграфа* жалобами и даже негодованіемъ на темноту и заражающую мертвенность такъ называемой просвѣщенной публики, она же, наконецъ, снабдила Бѣлинскаго самыми пламенными мотивами гражданской скорби.

Кому бы, кажется, не спасти до конца величаваго полета идеалистической мысли, не противостать во всеоружіи могучей, самоопредѣляющейся личности покушеніямъ внѣшняго міра на нравственную ясность и свободу, какъ не Бѣлинскому! Кто въ первой молодости умѣлъ изъ роли шиллеровскаго Карла Моора извлечь вполнѣ осмысленныя и жизненныя задачи, кто потомъ нашелъ въ себѣ достаточно воли исповѣдывать философскую вѣру, будто нарочно разсчитанную на полное пренебреженіе къ окружающей дѣйствительности, — отъ такого человѣка слѣдовало бы ожидать стойкой вѣры въ личность и натуру при какихъ бы то ни было «вліяніяхъ» и «обстоятельствахъ».

Вышло другое. Именно Бѣлинскій представилъ яркую картину разложенія и гибели лучшихъ человѣческихъ силъ среди тлетворнаго дыханія общества. Именно онъ постарался подыскать оправданія въ «средѣ» даже для тунеядства и чайльдъ-гарольдства Онѣгина и дать ему универсальную индульгенцію въ виду несчастнаго стеченія обстоятельствъ.

Можно представить, въ какую форму должна облечься та же философія у другихъ русскихъ публицистовъ, не одаренныхъ неистовствомъ Бѣлинскаго. У его молодого современника и соперника «среда» окончательно заслоняетъ человѣка. Майковъ, въ сороковые русскіе годы, вдохновляется на ту самую идею, какая была подсказана французскимъ философамъ эпохой распаденія стараго общественнаго и политическаго строя Западной Европы. Русская публика узнавала, что всѣми пороками, грѣхами и преступленіями она обязана внѣшнимъ вліяніямъ, что изъ рукъ творца она вышла

въ блескѣ ангельской чистоты, и только «среда» опозорила ее нравственной тьмой и неразуміемъ. Фактъ, въ высшей степени краснорѣчивый для русскаго публициста!

Наивность Майкова не нашла подражателей, но сущность принципа не измѣнилась съ перемѣной эпохъ и вѣяній. Шестидесятые годы съ великимъ усердіемъ занимаются старымъ вопросомъ, но не могутъ отдѣлаться отъ стараго рѣшенія. Именно публицистикѣ этого періода понятіе «среды» въ русскомъ смыслѣ обязано своей популярностью. И мы увидимъ, одно изъ философскихъ увлеченій шестидесятниковъ должно было чисто логическимъ путемъ выдвинуть рѣшающую власть внѣшнихъ условій надъ фактами высшаго нравственнаго порядка. Матеріалистическія тенденціи, наложившія яркую печать на міросозерцаніе нѣкоторыхъ руководителей эпохи, не могли благопріятствовать идеѣ свободнаго нравственнаго самоопредѣленія личности вопреки стихійнымъ органическимъ воздѣйствіямъ почвы и атмосферы. Матеріалистическое воззрѣніе по существу—безусловное отрицаніе свободной воли и столь же рѣшительная защита неотразимой закономѣрной необходимости, царствующей одинаково и въ мірѣ явленій, и въ области идей. Чисто личные задатки русскихъ публицистовъ вовлекли ихъ въ рѣзкую непослѣдовательность, сообщая ихъ литературной дѣятельности протестующее и преобразовательное направленіе. Но принципіальная основа такъ называемой естественно-научной философіи менѣе всего уполномочиваетъ своего послѣдователя на личную борьбу съ даннымъ порядкомъ вещей. Онъ существуетъ въ силу непреложныхъ математическихъ законовъ, осуществляющихся по собственной программѣ, независимо отъ нашихъ, настроеній и идеаловъ. Въ одномъ изъ основныхъ учительскихъ разсужденій всей эпохи усиленно доказывалось, что «хотѣніе только субъективное впечатлѣніе», и что всѣ поступки, и дурные, и хорошіе—фатальные результаты предъидущихъ фактовъ [1]). Это доказательство логически отвергало вмѣняемость личности и превращало человѣка въ простой объектъ слѣпыхъ силъ природы. Выводъ блистательно подтверждался при всякомъ случаѣ.

Латинская поговорка «saecula vitia non hominis» признавалась безъ всякихъ ограниченій. «Пороки вѣка» могутъ оправдать какого угодно преступнаго или неразумнаго человѣка. И намъ прямо говорятъ, что она «очень полезна для оправданія личностей». Правда, здѣсь же спѣшатъ прибавить, что она еще полезнѣе и «для исправленія нравовъ общества». Но прибавка противорѣчитъ логикѣ. Исправлять общество—значитъ дѣйствовать на отдѣль-

---

[1]) Чернышевскій. *Антропологическій принципъ въ философіи. Современникъ*, 1860, май. *Русская литература*, стр. 7.

ныхъ личностей, т. е. уличать, обвинять и наставлять ихъ. Всѣ эти мѣры безцѣльны, разъ личность неповинна въ своихъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ. Даже больше, личность *должна* нести все это какъ вѣчное и неизбывное бремя. Она сама не въ состояніи ничего предпринять противъ собственныхъ невольныхъ, хотя и сознательныхъ кривыхъ поступковъ.

Именно такую истину внушаютъ намъ.

«Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться или мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество» [2]).

На основаніи этого соображенія критикъ шестидесятыхъ годовъ оправдалъ Гоголя въ *Перепискѣ съ друзьями*. Все оказалось на совѣсти общества, и Гоголь ни въ чемъ не виноватъ. Вы спросите, отчего же среди одного и того же общества въ одно и то же время одни переписываются съ друзьями на манеръ автора *Мертвыхъ Душъ*, а другіе жестоко негодуютъ на эту корреспонденцію? Если общество единственная и непреодолимая причина какихъ бы то ни было «качествъ» личности, откуда же получилась такая непримиримая разница между Бѣлинскимъ и Гоголемъ? Неужели два совершенно противоположныхъ нравственныхъ поступка одинаково извинительны — и для личностей не зазорны? Вѣдь это значитъ вообще отказываться отъ права такъ или иначе цѣнить людей и ихъ дѣйствія и обрекать себя на роль невозмутимаго, неограниченно-благоволящаго созерцателя.

Нашъ публицистъ вовсе не рожденъ для подобной роли, но это зависѣло отъ его природы, а не отъ его философіи. Онъ, напримѣръ, слагаетъ съ Гоголя всякую вину въ наклонности «приноровляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы», т. е. попросту въ молчалинскихъ добродѣтеляхъ предъ лицомъ людей нужныхъ и сильныхъ. «Эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу», соображаетъ критикъ. Тогда за что же превозносить людей другого направленія? Если угодливость и мудрая приспособляемость не составляютъ порока, почему же недовольство и протестъ добродѣтели? Если вы «гибкаго» Гоголя признàете явленіемъ нравственно-чистымъ и нормальнымъ, на какомъ основаніи вы лишите меня права объявить Бѣлинскаго явленіемъ болѣзненнымъ и неестественнымъ?

Къ счастью русской общественной мысли теоретическія увлеченія нашихъ даровитѣйшихъ публицистовъ всегда шли въ разрѣзъ съ ихъ личными жизненными задачами. Бѣлинскій-гегелья-

---

[2]) Чернышевскій. *Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Критическія статьи.* Спб. 1895, стр. 137.

нецъ не переставалъ быть неистовымъ Виссаріономъ среди безвыходной смуты философическихъ созерцаній. То же самое съ его наслѣдниками. Матеріалисты въ отвлеченныхъ трактатахъ, они преисполнены идеалистическаго жара въ нравственныхъ и общественныхъ вопросахъ. Бѣлинскій, во имя философіи, исповѣдуетъ такую стремительную страсть къ дѣйствительности, что становится страшно за предметъ страсти. Матеріалисты шестидесятыхъ годовъ такъ усердно защищаютъ личность и превозносятъ всемогущество внѣшнихъ обстоятельствъ, что за каждымъ оправдательнымъ приговоромъ непремѣнно ждешь безпощаднаго обвинительнаго акта. Правда, онъ не въ правилахъ логики, но зато въ порядкѣ напряженныхъ и искреннихъ чувствъ. И жертвой оправданнаго Гоголя падетъ то самое общество, какое, на чисто-теоретическій взглядъ, также ни въ чемъ неповинно.

Фактъ—достойный сочувствія, но все-таки мало успокоительный именно въ силу своей нелогичности и своего *патетическаго* начала. Нѣкоторые шестидесятники поймутъ ложность положенія и измѣнятъ общепринятому взгляду. Такъ поступитъ, напримѣръ, Писаревъ.

Онъ начнетъ съ преклоненія предъ роковыми вліяніями среды и кончитъ жестокими издѣвательствами надъ тѣми, кого она «заѣла», кого «изломала жизнь» и «погубили обстоятельства» [3]). Онъ перечислитъ цѣлый рядъ горе-богатырей и комическихъ персонажей, сваливающихъ вину въ своей пошлости и въ своемъ комизмѣ на людей и судьбу. Но это не будетъ преобразованіемъ міросозерцанія эпохи, а только личнымъ капризнымъ порывомъ критика.

Писаревъ переживалъ героическій періодъ своей литературной дѣятельности и давалъ неограниченную свободу воинственному азарту. Разрушая эстетику, онъ лишалъ и поэтовъ права на существованіе, уничтожая Онѣгина, онъ кстати предавалъ казни и Пушкина. Естественно, при такомъ настроеніи героя нечего было ждать пощады «достойнымъ согражданамъ» и «филейнымъ частямъ человѣчества». Но писаревскій разгромъ далеко не соотвѣтствовалъ даже основнымъ идеямъ первоучителей и руководителей эпохи. Въ вопросѣ о личности и средѣ они не шли дальше грустнаго и горькаго убѣжденія Добролюбова въ непреодолимой власти обстоятельствъ даже надъ избранными русскими людьми.

«Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности» [4]). Это—правило, по мнѣнію Добролюбова, и если бываютъ

---

[3]) Писаревъ. *Сочиненія.* Спб. 1894, III, 170; IV. 250.

[4]) Добролюбовъ. *Сочиненія.* Спб. 1862, I, 234, 283.

исключенія, предъ ними остается преклоняться съ чувствомъ удивленія и восторга. Но и исключенія далеко не всегда надежны. Они требуютъ крайней осмотрительности, русскій публицистъ на каждомъ шагу рискуетъ разыграть Донъ-Кихота въ своихъ скоропалительныхъ привѣтствіяхъ какому-нибудь независимому дѣятелю.

Къ такому выводу пришла самая энергическая и смѣлая эпоха нашей публицистики. Позднѣйшему времени трудно было его опровергнуть. Шестидесятые годы надолго остались недосягаемыми образцами юношеской вѣры въ личныя силы и личную нравственную свободу. Потомкамъ приходилось только мечтать о болѣе или менѣе близкомъ уподобленіи своимъ отцамъ на всѣхъ путяхъ, гдѣ ставился вопросъ о самодѣятельности и самоопредѣленіи мыслящей личности. Представленіе о подавляющемъ всемогуществѣ среды и обстоятельствъ они могли усвоить невозбранно и вполнѣ законно именно благодаря тому же суровому опыту. Съ общественной сцены скоро исчезли блестящіе передовые вожди и оставили за собой смутную и смущенную толпу второсортныхъ подражателей и перепѣвщиковъ. Надъ ними сколько угодно могли измываться и люди, и обстоятельства. Единичныя исключенія не въ силахъ были поколебать величественнаго престижа, цѣликомъ перешедшаго на сторону внѣшнихъ вліяній, и когда-то, можетъ быть, дѣйствительно жалкія и возмутительныя фразы «среда заѣла», «обстоятельства погубили», теперь пріобрѣли весь трагизмъ непреложныхъ жизненныхъ истинъ.

И съ теченіемъ времени русская нравственная философія навсегда усвоила открытіе, только ей одной свойственное и безусловно-національное. Оно въ высшей степени гуманно и снисходительно. Оно этими качествами превосходитъ даже извѣстное народное отношеніе къ подлиннымъ преступникамъ. Нашъ народъ именуетъ ихъ «несчастненькими», наше общество, въ свою очередь, создало собственную категорію такихъ же «малыхъ сихъ». Это— всѣ неудавшіеся таланты, непризнанные геніи, неувѣнчанные герои. Въ ихъ сонмѣ можно встрѣтить самыхъ разнородныхъ мучениковъ и жертвъ, громко вопіющихъ о нашемъ состраданіи, нерѣдко о благоговѣйномъ преклоненіи предъ разбитыми мечтами и разрушенными усиліями. Скорбный лишній человѣкъ, яростно-вопіющій или мрачно-безмолвствующій демонъ и просто нравственный бродяга и тунеядецъ,—всѣ одинаково притязаютъ на терновые вѣнки, сплетеные имъ средой и обстоятельствами. И меланхолическій взоръ русскаго публициста плохо различаетъ цвѣта и оттѣнки, лишь только рѣчь заходитъ о страждущей личности, лишь только ему бросится въ глаза малѣйшій намекъ на разладъ между «натурой» и «обстоятельствами». Онъ всякую минуту, ради отпу-

щенія всѣхъ смертныхъ грѣховъ, склоненъ вспомнить извѣстные стихи:

Да! въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле?..

И не поднимется рука у русскаго гражданина на своего соотечественника, стóитъ лишь показать ему изъяны тоскующей души и повторить предъ нимъ заученный стонъ надорваннаго сердца! Добрыя намѣренія и возвышенные порывы во всякомъ культурномъ обществѣ могутъ разсчитывать развѣ только на признательность стихотворцевъ и идеальныхъ дѣвъ, разъ за намѣреніями и порывами не слѣдуютъ вполнѣ наглядныя дѣла. У насъ все это положительный капиталъ, и съ нимъ однимъ можно попасть въ храмъ славы и заслужить признательность у очевидцевъ высокой комедіи и даже у потомства. Не слѣдуетъ непремѣнно добиваться судебныхъ процессовъ и жестокихъ приговоровъ надъ талантливыми натурами, заѣденными средой: имъ приговоры—ихъ собственная участь. Но необходимо убѣдиться въ одной истинѣ: ни падшихъ ангеловъ, ни непризнанныхъ геніевъ, ни лишнихъ героевъ на свѣтѣ не бываетъ и не можетъ быть. Каждое изъ этихъ понятій—contradictio in adjecto, т. е. такая же безсмыслица, какъ сухая вода, гнусная добродѣтель, уродливая красота. Доблести и таланты, способные задохнуться въ какой бы то ни было средѣ или размѣняться на демонизмъ и псовую охоту, не стóятъ ни почета, ни сожалѣнія. Они до такой степени призрачны и нравственно-ничтожны, что безпрестанно съ великимъ искусствомъ поддѣлываются всевозможными находчивыми эксплуататорами русской простодушной гражданской скорби. Тургеневскій Веретьевъ, большой художникъ по части удалой игры на гитарѣ, цыганскихъ романсовъ и молодецкихъ посягательствъ на дѣвственныя души полевыхъ цвѣтковъ, свободно сходитъ за талантливую натуру, заѣденную средой. Такимъ онъ кажется самому себѣ и ужъ, конечно, захолустнымъ галкамъ женскаго пола. Всѣ другіе неудачники жестокаго типа мало чѣмъ отличаются отъ этого героя, развѣ только большей осмысленностью игры въ геніальность и даромъ загубленныя «силы души». А между тѣмъ, давно ли русскіе читатели, во главѣ съ самими авторами и даже критиками, несли дань изумленія этимъ идоламъ, а читательницы прямо именовали ихъ идеалами!

Эти чувства не отжили своего вѣка до нашихъ дней. Нѣкоторымъ историческимъ періодамъ нашей общественной мысли они принадлежатъ по преданію. Многіе дѣятели прошлаго превращены въ неприкосновенную священную традицію, особенно краснорѣчиво

свидѣтельствующую о сверхъестественномъ могуществѣ нашихъ отечественныхъ обстоятельствъ.

Такая именно эпоха предстоитъ теперь нашему изученію. Она, несомнѣнно, оказала рѣшительное вліяніе на идеи шестидесятыхъ годовъ. Она непосредственно познакомила ихъ съ мерзостью запустѣнія, царившей, за незначительными проблесками свѣта и разума, въ русской литературѣ. И она же представила вполнѣ убѣдительное объясненіе, рядъ дѣйствительно удручающихъ обстоятельствъ.

При одномъ взглядѣ на грозныя внѣшнія вліянія, у впечатлительнаго человѣка могъ замереть духъ, и онъ готовъ былъ все понять и все простить. Такъ русскіе публицисты и поступили. Мы слышимъ чрезвычайно мрачные отзывы о «времени» и ни единаго слова о «людяхъ». Предъ нами нескончаемая вереница общихъ характеристикъ, остроумныя живописныя изображенія сонной литературы, прерывающей свой летаргическій сонъ библіографическимъ храпомъ и патріотическими грезами [5]). Говорятъ намъ кое-что и о перемѣнахъ, происшедшихъ съ дѣятелями: нельзя же опустить этого факта, вѣдь литература—дѣло литераторовъ. Но вся тяжесть укоризнъ падаетъ всетаки на время и среду. Благодаря имъ царство литературной мелюзги и дряни упрочилось вполнѣ естественно и на законныхъ основаніяхъ, а все крупное и почтенное принуждено было углубиться въ изложеніе грамматикъ, вмѣсто идейныхъ изслѣдованій заняться значеніемъ кочерги и исторіей ухвата. Такова оказалась воля обстоятельствъ и духъ среды!

Мы ближе подойдемъ къ вопросу и посмотримъ, дѣйствительно ли онъ рѣшенъ исторически точно и нравственно справедливо? Рѣшеніе важно не только для вѣрнаго сужденія объ извѣстномъ періодѣ нашей критики: оно, мы видѣли, имѣетъ общій философскій и психологическій смыслъ вообще для исторіи русскаго общественнаго самосознанія. Обратимся сначала къ «обстоятельствамъ», оставившимъ такое глубокое впечатлѣніе въ русской публицистикѣ, и приведемъ ихъ въ естественную духовную связь съ чувствами и стремленіями ихъ жертвъ. Въ результатѣ вопросъ получитъ совершенно фактическое рѣшеніе, чуждое какихъ бы то ни было настроеній—гуманнаго сожалѣнія или гражданскаго негодованія.

II.

Перваго августа 1848 года, т. е. два мѣсяца спустя послѣ смерти Бѣлинскаго Грановскій писалъ одному изъ близкихъ людей въ высшей степени грустное письмо. Рѣчь профессора зву-

---

[5]) Добролюбовъ. I, 405.

чала чувствомъ безнадежности и отчаянія, холоднаго, подавленнаго, но тѣмъ болѣе горькаго и мучительнаго. Грановскій не видитъ никакого просвѣта и утоленія въ будущемъ, единственное спасеніе—забвеніе въ трудѣ. Это—пока, немного позже мы услышимъ нѣчто еще болѣе печальное: уже и трудъ перестанетъ облегчать душу ученаго и онъ примется разгонять тоску, отбиваться отъ «безвыходной бездонной работы» виномъ, картами, ухаживаніемъ за московскими львицами...

Какая страшная исторія душевной немощи! Мысль о смерти—желанная гостья, и она безпрестанно посѣщаетъ Грановскаго, и въ письмѣ отъ 1-го августа онъ пишетъ:

«Сердце бѣднѣетъ, вѣрованія и надежды уходятъ. Подъ часъ глубоко завидую Бѣлинскому, во время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ! Еслибъ не жена...» [6]).

Достаточно прочесть эти строки, чтобы невольно задать вопросъ: что же случилось въ личной жизни профессора, еще такъ недавно съ такой энергіей вступавшаго въ ратоборство съ славянофилами? Вся западническая партія взирала на него, какъ на одинъ изъ оплотовъ европейскаго просвѣщенія въ Москвѣ и въ Россіи. Талантъ, популярность Грановскаго заставляли ждать отъ него неутомимой и бодрой работы на благодарномъ поприщѣ. И вдругъ полная прострація и сплошной болѣзненный стонъ!..

Загадка разрѣшена давно и, повидимому, безповоротно.

Немедленно по смерти Бѣлинскаго начался «страшный годъ» для русской мысли и литературы. Это—выраженіе Писемскаго, и можно судить, какихъ предѣловъ достигалъ страхъ, если даже авторъ *Взбаломученнаго моря* счелъ возможнымъ дать такой отзывъ. Этого мало. Еще болѣе отвѣтственные и строгіе судьи сочувственно повторяли слова, высказанныя въ литературныхъ кругахъ: «Эпоха цензурнаго террора» [7]). Они относились къ тому же времени, которое для Грановскаго началось тоской о смерти.

Очевидно, надъ литературой повисла небывалая темная туча, если даже послѣ попеченій Бенкендорфа и Уварова надъ литераторами и печатью можно было приходить въ ужасъ и въ лучшихъ случаяхъ впадать въ отчаяніе и безмолвіе.

Никакая катастрофа въ русскомъ обществѣ и въ русскомъ государствѣ не вызывала экстренныхъ мѣръ. Все обстояло вполнѣ спокойно и благополучно, спокойнѣе даже, чѣмъ въ самомъ началѣ царствованія Николая. Цензура была доведена до цѣлесообразныхъ границъ и держала литературу подъ неусыпной и безпощадной опекой. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ она да-

---

[6]) Грановскій II, 425.

[7]) *Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи.* Спб. 1862. Печатанъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, стр. 77.

леко оставила за собой всѣ преданія русской словесности. Она запрещала перепечатывать книгу Беккаріи, объявляла, слѣдовательно, неблагонамѣренность *Наказа* Екатерины и нарушала Высочайшее повелѣніе 1803 года, вызвавшее напечатаніе книги Беккаріи «на счетъ кабинета Его Императорскаго Величества» [8]). Тогда же было признано безусловно вреднымъ изданіе книгъ для народа; случалось, не могли быть напечатаны сочиненія, награжденныя лично государемъ, помимо общей цензуры всѣ министерства владѣли особымъ правомъ цензурованія статей и книгъ, касавшихся подвѣдомственныхъ имъ вопросовъ. Уже тогда эти мѣры достигли постепеннаго сокращенія числа вновь выходящихъ книгъ, особенно «разительно» по философіи и естествознанію, и въ періодической печати наука и серьезная литература все больше ограничивали свой кругъ въ пользу модныхъ журналовъ и иллюстрацій [9]). Повидимому, дѣло стояло вполнѣ прочно и русская публика не нуждалась больше въ усиленныхъ огражденіяхъ отъ тлетворнаго духа литературы. Такъ именно думали люди, безусловно благонамѣренные и прекрасно исполнявшіе обязанности огражденія. Болѣе компетентныхъ судей нельзя представить, и они еще въ 1834 году разсуждали такъ:

«Власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самосознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются» [10]).

Авторъ этихъ строкъ разсчитывалъ, что эпоха пройдетъ. Онъ боялся только, какъ бы она не затянулась, но сгущенія красокъ онъ, повидимому, не ожидалъ за невозможностью дальнѣйшаго движенія на существующемъ пути.

Судьба насмѣялась одинаково и надъ надеждами, и надъ сѣтованіями. Февральская революція во Франціи оказалась виновницей жесточайшей реакціи въ Россіи. Какую связь имѣли эти явленія, яснаго отчета не отдавали даже современники, весьма близко стоявшіе къ событіямъ. «Въ Европѣ напроказятъ, а рус-

---

[8]) *Ib.*, стр. 56.

[9]) *Ib.*, стр. 57, 61, 63 etc. Академикъ Шопенъ свое сочиненіе объ Арменіи, за которое онъ получилъ подарокъ отъ Государя Императора, «не могъ въ теченіи десяти лѣтъ провести сквозь цензурныя фуркулы, отчасти потому, что онъ неблагосклонно отзывался объ армянахъ вообще, отчасти по соображеніямъ политическимъ».

[10]) Никитенко. I, 327.

скихъ бьютъ по спинѣ», выразилось одно изъ оффиціальныхъ лицъ, огорченныхъ русскими послѣдствіями французскаго переворота [11]).

Но таинственность фактовъ не мѣшала побоямъ быть чрезвычайно сильными и обильными. Очевидецъ прямо взываетъ: «спасай, кто можетъ, свою душу». И взываетъ втунѣ, потому что именно противъ души и направились всѣ силы, уже давно изощрившія свою зоркость въ этомъ дѣлѣ.

Прежде всего обратились къ цензурному вѣдомству. Всѣ существовавшія цензуры признаны недостаточными, возникаетъ особый *комитетъ второго апрѣля*. Комитетъ начинаетъ дѣйствія подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меньшикова, но главная сила его въ Дмитріѣ Бутурлинѣ, и учрежденіе скоро получаетъ наименованіе Бутурлинскаго комитета, или совѣта пяти. Остальные члены — М. А. Корфъ, Дегай, Дубельтъ, гр. Строгановъ.

Назначеніе комитета сначала остается ужасающей тайной, потомъ узнаютъ, что онъ имѣетъ въ виду изслѣдовать направленіе русской печати и выработать новыя мѣры для ея обузданія. Паническій страхъ, по словамъ современника, овладѣваетъ обществомъ. Носятся страшные слухи. Говорятъ, будто комитетъ особенно занятъ пристрастнымъ розыскомъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма и измышленіемъ примѣрно—жестокихъ наказаній виновнаго.

Можно было замѣтить перепуганнымъ писателямъ, что вѣдь идеи ихъ прошли въ журналахъ съ вѣдома цензуры. Но замѣчаніе оказывалось неубѣдительнымъ. Еще въ 1834 году редакторамъ было объявлено, что одобреніе цензора не избавляетъ ихъ отъ отвѣтственности за напечатаніе «чего-нибудь явно неприличнаго» и всѣмъ памятны были запрещеніе *Московскаго Телеграфа* и вполнѣ основательные слухи о личной карѣ Полевому [12]).

И мы не удивляемся, слыша такое сообщеніе очевидца, по поводу возникновенія комитета второго апрѣля:

«Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей» [13]).

Первый планъ въ изслѣдованіяхъ комитета должны, конечно, занять *Отечественныя Записки* и *Современникъ*, и Краевскій ежедневно ждетъ посѣщенія жандармовъ и обыска. Выговоры и нагоняи редакторамъ не считаются даже происшествіями.

---

[11]) Никитенко. I, 519.

[12]) *Историч. свѣд.*, 55.

[13]) Никитенко, 4, 94.

Комитетъ дѣйствуетъ съ поразительной энергіей. Можно подумать, вся внутренняя политика Россіи поглощается борьбой съ печатью и литераторами. Комитетъ посредствующее звено между государемъ и литературой. Онъ дѣлаетъ представленія независимо отъ министровъ и цензуръ и объявляетъ высочайшія резолюціи.

Доклады комитета многочисленны, потому что кругъ его вѣдѣнія безпредѣленъ. По словамъ оффиціальнаго источника, «главнѣйшее его вниманіе обращено на междустрочный смыслъ сочиненій, не столько на «видимую», сколько на предполагаемую цѣль автора». Такимъ изслѣдованіямъ подлежитъ не только текущая литература, но и сочиненія, изданныя раньше. Комитетъ разсматриваетъ губернскія вѣдомости, спеціальныя изданія, даже словари иностранныхъ языковъ. Его дѣлопроизводство громадно. Въ одномъ іюнѣ мѣсяцѣ Бутурлинъ сообщаетъ министру народнаго просвѣщенія шесть Высочайшихъ резолюцій. Словарь Рейфа навлекаетъ опалу цензуры за переводъ слова *Litanej*—словами: *литія, молебенъ, скучный разсказъ*. Цензоръ требуетъ уничтоженія послѣдняго слова, какъ неблагопристойнаго рядомъ съ двумя другими священными словами. Цензоръ дѣйствуетъ по прямому указанію комитета противъ неблагопристойныхъ выраженій въ словаряхъ [14]). Количество спеціальныхъ цензуръ увеличивается до двадцати двухъ, рукописи часто странствуютъ по нѣсколькимъ министерствамъ, отдѣльнымъ вѣдомствамъ, канцеляріямъ учебныхъ заведеній и благотворительныхъ обществъ, часто изъ-за одной фразы, упоминающей о какомъ-либо административномъ распоряженіи или о совершенно второстепенной власти [15]).

Послѣднее обстоятельство особенно озабочиваетъ цензуру. Предъ нами *Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ* и описываемое время особенно щедро на огражденія чиновниковъ отъ покушеній литературы на ихъ чины и добродѣтели. Основное положеніе отъ 20 іюня 1848 года гласитъ: «не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали» [16]).

Это соображеніе на счетъ *степени* властей было мотивировано нѣсколько раньше распоряженіемъ, вызваннымъ *Сѣверной Пчелою*, т. е. Булгаринымъ. Даже сей мужъ ухитрился попасть въ потрясатели основъ по чрезвычайно замѣчательному случаю. Онъ выразилъ неудовольствіе на царскосельскихъ извозчиковъ, запрашивающихъ съ публики непомѣрныя цѣны въ дурную погоду. Фельетонная жалоба принята за «косвенныя укоризны царскосель-

[14]) *Историч. свѣд.*, стр. 69, 72.

[15]) *Ib.*, 96.

[16]) *Сборникъ*. Спб. 1862, стр. 250.

скому начальству» и усмотрѣно, что она предъявлена не подлежащей власти, а «предана на общій приговоръ публики». Дальше слѣдовало соображеніе: «допустивъ единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства». *Сѣверная Пчела* не подверглась примѣрной карѣ только въ уваженіе своей завѣдомой благонамѣренности, но зато ея фельетонъ далъ поводъ обезопасить впредь всѣ органы правительства отъ какихъ бы то ни было приговоровъ публики.

Проницательность цензуры простерлась и на беллетристику. Воздвиглось гоненіе на повѣсти и романы, даже на анекдоты, затрогивающіе честь чиновниковъ или рисующіе какое бы то ни было начальство въ комическомъ видѣ. По поводу анекдотовъ той же *Сѣверной Пчелы* дѣлались спеціальные доклады государю и слѣдовали резолюціи общаго характера [17]).

Комитетъ обраруживалъ исключительную подозрительность къ печатному слову, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Перечитывая многочисленныя «предложенія», «распоряженія», «повелѣнія», вы можете подумать, — Россія мгновенно наводнилась шайками необыкновенно тонкихъ и неуловимыхъ злоумышленниковъ. Министръ, цензоры, комитетъ, безпрестанно толкуютъ о «косвенныхъ намекахъ»: это—излюбленное выраженіе оффиціальныхъ документовъ и высокопоставленныхъ критиковъ. Цензурѣ, буквально, во всякомъ словѣ грезится «обинякъ» и «намекъ», и она употребляетъ неимовѣрныя усилія вывести на свѣжую воду злокозненныхъ литераторовъ, совершенно непричастныхъ столь геніальному хитроумію и закоренѣлымъ разрушительнымъ инстинктамъ. Булгаринъ и здѣсь оказывается поставщикомъ революціоннаго матеріала.

Въ его дѣтской книжкѣ *Колокольчикъ* описывался патріархальный обычай внуковъ преклонять колѣни предъ бабушкой. Рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* возсталъ противъ искренности подобныхъ отношеній. Цензура усмотрѣла весьма отдаленный смыслъ критики, «двусмысленность», опасную для «круга вещей» «неприкосновеннаго частнымъ разсужденіямъ». Послѣдовало Высочайшее повелѣніе цензорамъ «дѣйствовать при пропускѣ статей въ *Отечественныхъ Запискахъ* съ самою величайшею осмотрительностью» [18]).

Цензура быстро утратила ясное представленіе объ естественныхъ предѣлахъ своего духовнаго могущества и совершенно

---

[17]) *Ib.*, стр. 241, 247, 298.
[18]) *Ib.*, стр. 244, 260.

серьезно помышляла воспитывать русское общество по строго опредѣленной программѣ, вопреки неизбѣжнымъ внѣшнимъ вліяніямъ и простѣйшему непосредственному житейскому опыту самыхъ безобидныхъ обывателей. Запрещенію стали подвергаться пословицы, народныя преданія, примѣты, загадки, и не только въ общедоступной литературѣ, но даже въ ученыхъ сочиненіяхъ и сборникахъ. Послѣднее распоряженіе подтверждено неоднократно, очевидно, въ виду заставить русскій народъ забыть свое неблагопристойное творчество [19]).

Естественно, исторія должна подвергнуться соотвѣтственной фильтраціи. Изъ журнальныхъ статей устраняются факты, все равно, какой бы то ни было давности съ намеками на народныя движенія, на вражду крестьянъ и холопей къ боярамъ и господамъ. Изъ разсказовъ объ эпохѣ Самозванца должны исчезнуть подробности о положеніи народной массы и ея дѣйствіяхъ, статьи о Пугачевѣ и Стенькѣ Разинѣ не должны вовсе появляться въ періодическихъ изданіяхъ «при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ». Подобныя сочиненія, по мнѣнію власти, «неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства». Въ особенности печать обязана избѣгать всякихъ описаній народныхъ лишеній, тяжелыхъ отношеній между помѣщиками и крѣпостными крестьянами. Даже съ цѣлью восхваленія патріархальныхъ порядковъ и защиты крѣпостного права не слѣдуетъ приводить соображенія его противниковъ, чтобы не искушать и не смущать читателей. «Цензура,—говоритъ оффиціальное изданіе,—упорно держалась основного своего начала, причины своего бытія: «осторожнѣе и соотвѣтственнѣе природѣ человѣческой людей незнакомыхъ со зломъ оставлять въ прежнемъ его невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій» [20]).

Эта истина высказана по поводу сообщенія нѣмецкой рижской газеты, заимствованнаго изъ отчета гамбургскаго библейскаго общества. Отчетъ описывалъ случаи, когда люди низшихъ сословій презрительно и насмѣшливо отзывались о словѣ Божіемъ. Русская цензура считала существованіе подобныхъ фактовъ невѣдомымъ русскому обществу и свѣдѣнія о нихъ заразительными для его младенческой наивности и непорочности.

Бдительность цензуры не ограничивается книгами и статьями. Первоисточникъ зла — авторы, и на нихъ неизбѣжно направить всю тяжесть отвѣтственности. Для власти не достаточно—редакторовъ превратить въ обязательныхъ цензоровъ собственныхъ изданій и грозить имъ расправой за неблагонамѣренность

---

[19]) *Ib.*, стр. 289, 295, 296, 297.
[20]) *Историч. свѣд.*, 65; *Сборникъ*. 261, 265.

независимо отъ цензурныхъ одобреній. Еще горшая участь ждетъ авторовъ не одобренныхъ и, слѣдовательно, не напечатанныхъ статей. По распоряженію отъ 14 мая 1848 года, цензоры обязаны «негласнымъ образомъ» дѣлать представленія въ третье отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи объ авторахъ воспрещенныхъ статей, въ случаѣ, если въ статьяхъ окажется «особенно вредное въ политическомъ и нравственномъ отношеніи направленіе». Третьему отдѣленію предстояло принять мѣры для пресѣченія зла или для наблюденія за преступнымъ писателемъ [21]).

Мы привели только незначительную часть цензурныхъ мѣръ, быстро возникшихъ одна за другой вслѣдствіе французской революціи. Но и по этому ограниченному матеріалу можно судить, въ какомъ положеніи явилась русская литература и журналистика и какой кругъ безопасной и «благонамѣренной» дѣятельности предоставлялся русскимъ писателямъ комитетомъ второго апрѣля и его органами.

III.

Какъ трудно было удовлетворить учрежденіе сорокъ восьмого года по части благонамѣренности и «благопристойности» намъ извѣстно изъ промаховъ Булгарина. Кажется, трудно и вообразить журналиста, болѣе опытнаго въ патріотическихъ чувствахъ, и между тѣмъ онъ одна изъ первыхъ жертвъ. Гоненія часто становятся до такой степени жестокими, что Булгаринъ впадаетъ въ гражданскія настроенія и принимается разносить цензуру не хуже самаго радикальнаго «мальчишки». «О Боже, гдѣ мы живемъ!»— восклицаетъ оффиціально признанный охранитель и задаетъ себѣ задачу:—«за что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій?» И это спрашиваетъ человѣкъ, лично обнаруживающій чисто инквизиторскую проницательность и холопскій трепетъ при малѣйшемъ намекѣ на самую отдаленную «неблагопристойность» въ патріотическомъ смыслѣ. Онъ, напримѣръ, не рѣшается невинно подшутить даже надъ нѣмецкимъ городомъ, вспомнивъ, что императрица ѣдетъ на лѣто въ Германію. Онъ не дерзаетъ напечатать извѣстіе о новыхъ гасильникахъ, поступившихъ въ продажу, изъ опасенія цензурнаго толкованія. Онъ врагъ всякой политики и вполнѣ согласенъ съ цензурой, что въ русской печати незачѣмъ даже упоминать о представительныхъ собраніяхъ европейскихъ державъ. Онъ идетъ даже дальше цензуры: та имѣетъ въ виду второстепенныя государства, Булгаринъ не желаетъ знать о политическихъ происшествіяхъ гдѣ угодно. По его мнѣнію, русская публика въ един-

---

[21]) *Сборникъ*, стр. 247—248.

ственномъ случаѣ интересуется политикой, когда «чужеземные борцы схватятся за всѣ святые и дуютъ другъ друга по сусаламъ», вообще когда дѣло идетъ о дракѣ и скандалѣ. Для нея скачки несравненно занимательнѣе, чѣмъ состояніе Франціи. И задушевнѣйшая мечта Булгарина—дождаться хорошей международной потасовки, по очень резонному соображенію: «при каждомъ объявленіи войны прибывало по 1.500 и 2.000 подписчиковъ». И онъ страшно негодуетъ, если *Пчела* опровергаетъ слухи о войнѣ и начинаетъ проповѣдывать о мирѣ, не разжигаетъ забіяческихъ инстинктовъ у своей публики и не открываетъ ихъ всѣми правдами и неправдами у иностранныхъ народовъ [22]). И такой-то публицистъ и философъ томится и бѣшенствуетъ подъ гнетомъ Бутурлинскаго комитета!

Правда, онъ можетъ добиться удаленія цензора, можетъ жаловаться на цензуру попечителю, министру и выше, можетъ показывать цензурованные листки самому Цесаревичу и писать «въ собственныя руки государя императора» съ приложеніемъ запрещенныхъ статей [23])... О такихъ привилегіяхъ и во снѣ не снилось ни одному издателю, и все-таки Булгарину приходится заболѣвать отъ цензурныхъ огорченій, приходить въ отчаяніе отъ невѣроятныхъ мытарствъ его фельетоновъ по инстанціямъ и провозглашать «стыдъ и униженіе» Россіи, управляемой Шихматовымъ и людьми безграмотными [24]).

Какую же участь терпѣли писатели, не занимавшіе столь почетнаго поста и имѣвшіе сношенія съ высокими особами преимущественно только по случаю внушеній и распеканій за содѣянныя преступленія? Среди этихъ смертныхъ числились отнюдь не одни лишь завѣдомые журнальные крикуны и потрясатели. Отъ *Сѣверной Пчелы* до *Современника* разстояніе весьма почтенное, и въ промежуткѣ дѣйствовали люди, повидимому, вполнѣ благонадежные и несомнѣннаго патріотизма. И вотъ имъ-то не оказывалось ни снисхожденія, ни пощады.

Прежде всего самый патріотизмъ попалъ въ сильное подозрѣніе. Еще до комитета второго апрѣля состоялось распоряженіе по цензурѣ съ «особливой внимательностью» слѣдить за авторами, возбуждающими въ читающей публикѣ необузданные порывы патріотизма». Впослѣдствіи, во время Севастопольской войны, у государя было испрошено указаніе, «до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій?» т. е. патріотическихъ заявленій въ прозѣ и стихахъ. Общество, по признанію

---

[22]) *Ѳ. В. Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни.* П. Усова. *Ист. Вѣстн.* 1883 г., XIII, 306, 300, 292, 294, 299, 309 etc.

[23]) *Ib.*, стр. 305, 312, 315.

[24]) *Ib.*, 301, 305.

власти, нуждалось теперь «въ обнаруженіи» этихъ чувствованій, и они были разрѣшены, но въ извѣстныхъ предѣлахъ [25]). До войны патріотизмъ не требовался внутренней политикой Россіи и даже патентованные патріоты очутились не у дѣлъ.

Однимъ изъ первыхъ почувствовалъ дрожь Погодинъ. «Въ ужасномъ времени мы живемъ,—писалъ онъ.—Я непремѣнно уничтожилъ бы журналъ, несмотря на всѣ виды, если бы не опасался такою внезапностью подать повода къ обвиненіямъ и подозрѣніямъ». Дальше онъ сообщалъ Шевыреву: «мы сами были обвинены» и просилъ его неговорить ни слова о литературѣ и ея вліяніи.

Шевыревъ раздѣлялъ чувства своего пріятеля и самъ не зналъ, о чемъ вообще писать. Даже о буквахъ и о словахъ ему кажется опаснымъ говорить: «и тутъ еще найдутъ что-нибудь». И онъ жестоко сѣтуетъ на Погодина, рѣшившаго продолжать изданіе журнала [26]).

Паника охватила и другихъ профессоровъ университета. Они собирались съ силами—перенести наступившую невзгоду. Погодинъ додумывается до идеи подать государю адресъ отъ литераторовъ. Но на оеуществленіе идеи не хватаетъ смѣлости ни у самого Погодина, ни вообще у московскихъ писателей, и издатель *Москвитянина* думаетъ совсѣмъ уйти отъ публичной литературной дѣятельности, зарыться въ ученыхъ историческихъ изысканіяхъ. Онъ былъ бы даже радъ, если бы запретили *Москвитянинъ* и дали ему, редактору, предлогъ укрыться въ своемъ убѣжищѣ [27]).

И Погодинъ правъ. Направленіе, какое онъ считалъ краеугольнымъ въ русской общественной мысли, оказалось самымъ опаснымъ. Высочайшее повелѣніе отъ 20-го іюня 1852 года узаконяло: «На представляемыя къ одобренію для изданія въ свѣтъ сочиненія въ духѣ славянофиловъ должно быть обращаемо особенное и строжайшее вниманіе со стороны цензуры» [28]). До какой степени распоряженіе было серьезно, доказала исторія съ *Московскимъ Сборникомъ*. Извѣстная намъ статья Ивана Кирѣевскаго *О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи* вызвала самое рѣзкое негодованіе цензуры, всему *Сборнику* сообщила подозрительный характеръ и послужила непосредственнымъ поводомъ къ постановленію 20 іюня. Статьи для второго тома *Сборника* не удостоились одобренія. Пространныя соображенія вызвало изслѣдованіе Константина Аксакова—*Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ*. Въ другихъ случаяхъ оберегательница патріархальныхъ преданій,

[25]) Распоряженіе 6 мая 1877 года. *Сборникъ*, стр. 240.

[26]) Барсуковъ. IX, 282.

[27]) *Ib.*, 284.

[28]) *Сборникъ*. 282.

на этотъ разъ цензура вознегодовала на отыскиваніе въ пѣсняхъ «небывалаго въ Россіи общиннаго порядка дѣлъ». Аксаковъ, по мнѣнію цензуры, проводилъ идеи демократическаго равенства, подчеркивая *равный почетъ* у князя Владиміра для богатырей всяческаго происхожденія. Авторъ, кромѣ того, выписывалъ изъ былинъ неблагопристойныя рѣчи, какими богатыри честили великую княгиню и татарскаго царя Калину. Выходило, богатыри становились противъ великаго князя, проповѣдывалась вольница, а мнимое *общинное начало* скрывало за собой «мысль совершенно коммунистическую». Съ той же точки зрѣнія оцѣнена и статья Хомякова по поводу разсужденія Кирѣевскаго *О характерѣ просвѣщенія Европы*. И здѣсь *община* свидѣтельствовала о явной неблагонадежности автора, и вообще о славянофильской идеализаціи старой Руси въ ущербъ нынѣшней. По толкованію цензуры, это означало «какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства». Славянофилы оказывались наигоршими революціонерами, коммунистами, во всякомъ случаѣ,—если не анархистами—на взглядъ охранителей пятидесятыхъ годовъ.

Этотъ взглядъ до глубины души огорчилъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ и патріотовъ въ московскомъ стилѣ. Они проливаютъ горючія слезы предъ Погодинымъ на небывалую цензурную инквизицію. Они приписываютъ цензурѣ намѣреніе «не пропускать ни одной истины, ни одной мысли», помѣшать русскому народу понять самого себя. Они вспоминаютъ о недавнемъ прошломъ русской литературы, далеко не блестящемъ, какъ о «блаженномъ», «золотомъ времени». Они—отчаяннѣйшіе москвобѣсы и руссофилы, ссылаются на примѣръ старой германской словесности, до гётевскаго періода, когда даже не знаменитые писатели могли «вести, такъ сказать, на помочахъ, мысль народа въ читателяхъ всѣхъ классовъ». Они находили цѣлесообразнѣе всевозможныхъ цензурныхъ стѣсненій—допустить писателямъ, какъ людямъ просвѣщеннымъ, «объяснять понемногу истины» публикѣ: все равно, вѣдь когда-нибудь придется ей имѣть дѣло съ тѣми истинами, только безъ всякаго порядка и яснаго сознанія. А такой хаосъ опаснѣе, чѣмъ постепенное воспитаніе мысли!

Изъ жалобъ тѣхъ же патріотовъ мы узнаемъ дѣйствительно о едва вѣроятныхъ мѣрахъ цензуры. «Повѣрятъ ли потомки?» спрашиваетъ авторъ и сообщаетъ, напримѣръ, запрещеніе *Москвитянину* печатать о дурномъ положеніи финансовъ въ Англіи 1399 года. По мнѣнію автора, въ его время были бы невозможны басни Крылова, сатиры Милонова, оды Державина [29])...

---

[29]) Письмо М. А. Дмитріева Погодину, 1 августа 1848 года. Барсуковъ. IX, 395 и 396.

И такія рѣчи писались человѣкомъ, еще недавно предлагавшимъ подать правительству оффиціальную жалобу отъ лица благонамѣренныхъ литераторовъ на духъ и направленіе *Отечественныхъ Записокъ!* Такъ возмущался и граждански скорбѣлъ писатель, лично вызывавшій чувства негодованія и презрѣнія у лучшихъ людей своего же прихода, напримѣръ, у Аполлона Григорьева! Но и на этой границѣ не остановился цензурный разгромъ. Петербургъ вскорѣ представилъ еще болѣе неожиданные образцы идейнаго страданія за свободу мысли.

Погодинъ вскорѣ попалъ подъ надзоръ полиціи за критику на Кукольника и за траурную кайму на обложкѣ журнала по случаю смерти Гоголя. Фактъ произвелъ переполохъ въ Петербургѣ [30]). Москва, въ свою очередь, ужасалась, узнавъ объ участи Плетнева. Этотъ образцовый дѣятель салонной и чиновничьей словесности вызвалъ подозрѣніе Бутурлинскаго комитета въ неблагонадежности. Комитетъ подалъ государю доносъ на либерализмъ лекцій и годичныхъ отчетовъ Плетнева—профессора и ректора. Обвиняемый узналъ стороной о грозномъ фактѣ и написалъ цесаревичу письмо съ изложеніемъ «правилъ своей жизни, службы и всѣхъ сочиненій своихъ». Письмо было прочитано государю и государь велѣлъ успокоить Плетнева. Такъ Плетневъ самъ разсказываетъ дѣло въ жалобномъ письмѣ къ Жуковскому. Министръ Уваровъ увѣрялъ его, не напиши онъ письма цесаревичу, его удалили бы отъ должности ректора [31]).

Но вскорѣ громъ загремѣлъ и надъ самимъ Уваровымъ. Судьба будто мстила ему за исключительно-добровольческую ненависть къ русской литературѣ. Когда-то онъ, по поводу Полевого, провозгласилъ: въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ [32]). Теперь ему самому предстояло жестоко поплатиться за пользованіе незаконнымъ правомъ, не только какъ пишущему гражданину, но и какъ министру.

Опала на высшее образованіе была вторымъ русскимъ отраженіемъ французскихъ событій рядомъ съ гоненіемъ на литературу. Опала и здѣсь могла имѣть въ виду развѣ только предупредительныя цѣли. Карать университеты было рѣшительно не за что. Это признавалъ самъ императоръ Николай I. Ограничивая число студентовъ въ двухъ столичныхъ университетахъ тремя стами пятидесятью, онъ прямо заявилъ министру, что не слыхалъ ничего дурного объ университетахъ. Не смотря на это, просьба цесаревича и министра увеличить цифру не получила удовлетворенія [33]).

---

[30]) Никитенко. I, 533.
[31]) Барсуковъ. IX, 284.
[32]) Никитенко. I, 325.
[33]) *Ib.*, 580—1.

Но сущность новаго положенія вещей не въ ограниченіи студенческаго комплекта, а въ регламентѣ 24 октября 1849 года. Документъ называется *Наставленіе ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультета.* Университетскому начальству ставилось на видъ революціонное состояніе умовъ въ Западной Европѣ, развитіе республиканскихъ и конституціонныхъ идей и возможность распространенія ихъ среди русской молодежи.

Въ виду опасности, университетское преподаваніе должно подвергнуть особенно пристальному надзору именно въ тѣхъ предметахъ, какіе представляютъ больше случаевъ внушать молодымъ людямъ «неправильныя и превратныя понятія о предметахъ политическихъ». Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки. Инструкція перечисляетъ опаснѣйшія школы—сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, соціалистовъ и коммунистовъ и на нихъ сосредоточиваетъ вниманіе ректора и декановъ. Одновременно воспрещается профессорамъ «изъявлять въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ» и признавать пользу для государства въ перемѣнѣ отношеній помѣщиковъ къ ихъ подданнымъ.

Появленіе регламента сопровождалось слухами о закрытіи университетовъ и о преобразованіи всего образованія и науки въ Россіи. И слухи находили полное довѣріе даже среди профессоровъ, въ особенности проектъ замѣны университетовъ высшими корпусами для юношества, исключительно высшаго сословія, будущихъ чиновниковъ и государственныхъ мужей [34]). Слухи возникли раньше инструкціи, одновременно съ комитетомъ второго апрѣля и настолько упорно держались въ столичномъ обществѣ, что Уваровъ призналъ необходимымъ выступить на защиту университетовъ.

Въ мартовской книгѣ *Современника* за 1849 годъ появляется статья—*О назначеніи русскихъ университетовъ.* Статья безъ подписи, авторъ ея Давыдовъ, но вдохновитель и весьма серьезный участникъ въ содержаніи—самъ министръ. Статья прямо и начинается съ заявленія о слухахъ, стремится доказать ихъ неосновательность и защищать университеты отъ какихъ бы то ни было подозрѣній въ революціонныхъ затѣяхъ. Напротивъ, именно университетамъ русское общество обязано своимъ образованіемъ, глубокимъ просвѣщеніемъ. Порицатели университетовъ не имѣютъ понятія ни объ ихъ благодѣяніяхъ, ни о совершенно благонамѣренномъ составѣ профессоровъ и студентовъ, т. е. о подавляю-

---

[34]) *Ib.*, 502—3.

щемъ большинствѣ дворянъ среди учащихся и о половинѣ ихъ среди учащихъ. Статья походъ противъ университетовъ признаетъ «борьбой тьмы со свѣтомъ».

Бутурлинъ, издавна питавшій неистребимую ненависть къ университетамъ, не могъ допустить подобнаго посягательства, да еще публичнаго, на свои принципы. Комитетъ доложилъ государю о статьѣ *Современника*, и 24 марта послѣдовало распоряженіе—впредь ничего не допускать въ печати на счетъ правительственныхъ учрежденій, а 21 апрѣля состоялось повелѣніе: «Всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати» [35]). Уварову сдѣланъ запросъ отъ комитета и статья объявлена неприличною. Уваровъ вошелъ къ государю съ докладной запиской, усердно доказывалъ благонамѣренность статьи, принималъ на себя всю отвѣтственность, не скрывалъ своего щекотливаго положенія, какъ начальника цензуры рядомъ съ комитетомъ второго апрѣля.

Представленія Уварова не имѣли успѣха и его смѣнилъ кн. Ширинскій-Шихматовъ [36]). Этотъ не помышлялъ становиться въ оппозицію какимъ бы то ни было усмотрѣніямъ комитета и съ готовностью шелъ имъ на встрѣчу. Именно во время его управленія изобрѣтательность цензуры достигла сказочнаго совершенства и именно Шихматову принадлежитъ честь систематической отравы такихъ «либераловъ», какъ Булгаринъ и Гречъ.

Замѣчательно, однимъ изъ тлетворнѣйшихъ источниковъ нравственной заразы въ описываемую эпоху считался классицизмъ. Статья *Современника* принуждена защищать греческій и латинскій языки противъ обскурантовъ. Они находили, что «самые кровожадные изверги французской революціи были глубоко ученые латинисты» и дѣйствовали по урокамъ римскихъ писателей. Доводы Уварова не разубѣдили цензуры и особенно Бутурлинскаго комитета. Цензура не пропускаетъ даже объявленія о книгѣ, посвященной *Аѳинской республикѣ*. Эти два слова являются совершенно неблагопристойными. Такой же участи подвергается слово *Демосъ*. Вообще гражданскія преданія древняго міра кажутся предосудительными, но зато объ убитыхъ римскихъ императорахъ нельзя говорить: они *убиты*,—они *погибли* [37]).

Наконецъ, комитетъ рѣшается пересмотрѣть рѣшительно всю русскую литературу съ точки зрѣнія современнаго понятія о благонадежности. Погодинскій пріятель оказывался правъ насчетъ сатиръ и одъ XVIII вѣка. Кантеміръ подвергся запрещенію и

---

[35]) *Сборникъ*. 258.

[36]) *Историч. свѣдѣнія*. 70—71.

[37]) Никитенко. 524.

одновременно двѣ басни Хемницера. Но блистательнѣйшая исторія разыгралась по поводу Пушкина.

Поэтъ имѣлъ несчастіе и послѣ смерти оставить непримиримыхъ враговъ среди вліятельныхъ лицъ. Первое мѣсто занимали Дубельтъ и Орловъ, шефъ жандармовъ. Дубельтъ открыто именовалъ сочиненія Пушкина *дрянью* и находилъ, что ея вполнѣ достаточно напечатано и нечего еще хлопотать о неизданныхъ сочиненіяхъ поэта [38]). Это происходило еще въ 1840 году; время могло только упрочить столь опредѣленныя отношенія.

Въ самомъ концѣ «эпохи цензурнаго террора» Анненковъ задумалъ издать сочиненія Пушкина. Первое посмертное изданіе явилось исключительно благодаря личной волѣ императора Николая и большимъ выигрышемъ для новаго издателя была своего рода охранная грамота, оберегавшая уже изданныя произведенія Пушкина отъ домысловъ цензуры. Но совершенно въ другомъ положеніи находились стихотворенія поэта, разсѣянныя по журналамъ и сохранившіяся въ рукописяхъ. На этой почвѣ предстояло возникнуть цѣлой упорной борьбѣ издателя съ цензурой.

Анненковъ довольно энергично отвоевывалъ стихи и статьи Пушкина и напечаталъ впослѣдствіи документъ—записку, поданную главному управленію цензуры съ возраженіями на исключенія цензора. Между прочимъ, цензоръ не желалъ пропустить замѣчаній Пушкина о Державинѣ. Существовало общее распоряженіе по цензурѣ не допускать критическихъ отзывовъ о старыхъ классическихъ писателяхъ, если отзывы умаляютъ ихъ авторитетъ. Распоряженіе было вызвано доносами на статьи Бѣлинскаго, оскорблявшія, по мнѣнію доносителей, народную гордость и помрачавшія славу великихъ мужей Россіи. Цензура съ такой настойчивостью охраняла эту славу, что Анненкову приходилось отводить глаза цензора въ завѣдомо ложную сторону, подмѣнять имена особенно почтенныхъ жертвъ поэта другими, менѣе классическими и національно-славными [39]). Но особенно много изворотливости требовалось издателю—спасти ни въ чемъ неповинныя стихотворныя фразы, гдѣ упоминались слова «свобода», «неволя», «гоненіе», говорилось безъ особаго уваженія о такихъ высокооффиціальныхъ изданіяхъ, какъ *Инвалидъ*, *Календарь*, рисовались болѣе или менѣе вольныя картины любви и употреблялись поэтическіе эпитеты или сильныя выраженія въ родѣ *пакостный* романъ. Издателю приходилось прибѣгать къ хитроумнымъ и въ то же время идиллически-наивнымъ соображеніямъ, чтобы побѣдить пуританскія или вѣрноподданическія страданія цензора.

---

[38]) *Р. Ст.* 1881, т. XXX, стр. 714. *Къ характеристикѣ отношеній Дубельта къ сочин. Пушкина.*

[39]) *Любопытная тяжба. Анненковъ и его друзья*, стр. 396, 404, 417.

И что любопытнѣе всего, цензура, при всей изощренности взора, упускала изъ виду существенный фактъ: вычеркиваемыя ею стихотворенія зналъ наизусть едва ли не всякій русскій читатель, способный пріобрѣсти новое изданіе сочиненій любимаго поэта.

Не большей благосклонностью властей пользовался и другой великій поэтъ—Гоголь. Въ то самое время, когда Погодина отдавали подъ надзоръ полиціи, Тургенева отправляли на съѣзжую за одно и то же преступленіе. Тургеневъ напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью о смерти Гоголя и называлъ покойника великимъ. Очевидецъ находитъ, что такимъ унизительнымъ наказаніемъ въ лицѣ Тургенева «хотѣли заклеймить званіе литератора» и что намѣреніе не достигнетъ цѣли: за Тургенева почувствуетъ обиду публика и станетъ на его сторону [40]).

Въ высшей степени идеальное соображеніе! И за эти «злополучные годы» сколько случаевъ представлялось русской публикѣ оскорбляться и негодовать, а «образованнымъ людямъ» быть органами этихъ благородныхъ настроеній! Тотъ же мечтатель не устаетъ изображать «паническій страхъ», охватившій одинаково и высшихъ сановниковъ и общество, толкуетъ о какомъ-то рокѣ, влекущемъ эпоху въ невѣдомую даль, взываетъ: «горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ», и тутъ же спѣшитъ явить бодрость духа и плачъ и вздохи закончить гражданскимъ изреченіемъ: «честный человѣкъ не долженъ слагать оружія и предаваться бездѣйствію, доколѣ есть хоть тѣнь возможности дѣйствовать».

Превосходная, хотя и сильно заношенная истина! Сколько же честныхъ людей оказалось на Руси въ роковую годину и какъ они отличали «тѣнь возможности дѣйствовать» отъ безусловной невозможности дѣйствовать честно или повелительной необходимости дѣйствовать по влеченію рока?

IV.

Когда мы читаемъ лѣтописи русскаго сорокъ восьмаго года и позднѣйшихъ лѣтъ, предъ нами начинаетъ блѣднѣть поразительно-яркая картина «террора» и на мѣсто ея выступаетъ цѣлый міръ жалкихъ, безтолково мятущихся или безнадежно запуганныхъ лицъ. На первый взглядъ они кажутся вамъ всѣ похожими другъ на друга, безъ опредѣленныхъ физіономій, безъ сильныхъ душевныхъ движеній, безъ крови и воли. Будто толпа дантовскихъ тѣней, толпящихся у входа въ адъ, куда-то безотчетно стремящаяся, гонимая невѣдомой ей силой въ кромѣшную тьму вѣчныхъ страданій. Ни единаго проблеска сознательной мысли, ни намека на

[40]) Никитенко. 532—3.

свободное человѣчески-осмысленное желаніе: такую бы точно картину представили и сухія вѣтви, подхваченныя бурей и разбрасываемыя вѣтромъ въ разныя стороны.

Подойдите ближе къ этому обществу, гдѣ нашъ идеалистъ искалъ честныхъ людей, и всѣ разсказы о цензурныхъ приключеніяхъ, даже о подвигахъ грознаго комитета покажутся мелкими и побочными исторіями сравнительно съ однимъ все подавляющимъ фактомъ—съ малодушіемъ и рабствомъ призванныхъ носителей отечественнаго просвѣщенія и человѣческаго достоинства. Историкъ-пессимистъ могъ бы составить цѣлый рядъ характеристикъ, способныхъ затмить всевозможныя декламаціи на счетъ благородства человѣческой природы и преимуществъ просвѣщеннаго ума. Во главѣ онъ поставилъ бы самыя громкія имена эпохи и могъ бы съ полнымъ успѣхомъ опровергнуть всѣ ссылки на среду и обстоятельства. Онъ могъ бы перенести вопросъ на самую гуманную почву. Онъ совершенно отказался бы отыскивать непремѣнно героизмъ, выдающуюся силу души, рыцарственное сознаніе нравственной отвѣтственности. Онъ ограничился бы только простѣйшими запросами къ здравому смыслу и первобытному чувству чести. Онъ только вспомнилъ бы снисходительнѣйшее требованіе, какое только можетъ быть предъявлено разумному существу и какое одинъ изъ терпимѣйшихъ французскихъ историковъ положилъ въ основу историческаго суда надъ личностями.

Человѣкъ не можетъ стать господиномъ обстоятельствъ, но онъ всегда остается господиномъ своего поведенія. Онъ не обязанъ непремѣнно завоевать успѣхъ, но онъ обязанъ дѣйствовать сообразно съ правилами справедливости, даже забытыми, и сообразоваться съ законами вѣчной нравственности, даже когда ихъ болѣе всего нарушаютъ [41]).

Въ виду исключительно тяжелыхъ обстоятельствъ можно даже понизить и это требованіе, т.-е совсѣмъ освободить человѣка отъ дѣйствій въ пользу нравственности и удовлетвориться его бездѣятельностью въ ущербъ этой нравственности. Пусть дѣйствительно при террорѣ вполнѣ достаточно *жить*: и это уже *дѣло*, и пусть оно зачтется какъ подвигъ чести предъ дѣлами тѣхъ, кто управлялъ терроромъ и былъ его виновникомъ. Пусть будетъ добродѣтелью только уйти отъ зла и даже не творить блага Наконецъ, можно распространить евангельское всепрощеніе еще дальше: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тщательно взвѣшивать фактическую возможность посильной добродѣтели, молчаливой и смиренной неприкосновенности ко злу и именно эту мѣрку мы приминемъ къ исторіи русскаго общества. Намъ необходимо рѣшить

[41]) Минье.

вопросъ, дѣйствительно ли рокъ такъ непреодолимо увлекалъ эпоху съ ея героями и жертвами и искупаются ли обстоятельствами тяжкія вины отдѣльныхъ личносттй, удостовѣренныя позорными преданіями прошлаго?

Мы видѣли, во главѣ исключительныхъ явленій эпохи стало особое учрежденіе, наблюдавшее надъ русской литературой и надъ ея оффиціальными попечителями. Гдѣ источникъ новой власти и кому принадлежитъ первая мысль объ этомъ еще небываломъ на Руси недреманномъ окѣ?

Отвѣтъ—безусловно свѣдущихъ людей: доносы и внушенія людей, преслѣдовавшихъ вовсе не государственную пользу, а свои личныя цѣли [42]). Застрѣльщикомъ явился гр. С. Г. Строгановъ, бывшій Московскій попечитель. Къ нему присоединился баронъ М. А. Корфъ. Строгановъ мстилъ Уварову за потерю должности попечителя, а Корфъ мѣтилъ на мѣсто Уварова. Оба въ докладныхъ запискахъ государю изображали либерализмъ, коммунизмъ и соціализмъ, господствовавшими въ русской литературѣ благодаря потворству министерства народнаго просвѣщенія. Россіи предрекались всевозможные ужасы, если не будутъ приняты экстренныя мѣры для обузданія писателей и для вразумленія цензоровъ. Государь, встревоженный этими свѣдѣніями, на докладѣ гр. Орлова по тому же предмету положилъ резолюцію въ духѣ записокъ Корфа и Строганова: «Необходимо составить комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данную каждому программу». Комитету повелѣвалось непосредственно заняться упущеніями министерства народнаго просвѣщенія и Уваровъ, естественно, не вошелъ въ составъ комитета.

Все, слѣдовательно, устроилось по замысламъ доносителей. А дальше уже открывалось неограниченное поприще усердію Бутурлина, доходившее до спеціальныхъ докладовъ государю на счетъ анекдотовъ *Сѣверной Пчелы* и гадательныхъ книжекъ. Но комитетъ и извнѣ нашелъ усерднѣйшихъ приспѣшниковъ и помощниковъ. Въ Петербургѣ оказался непочатый уголъ доносчиковъ. Они заваливали третье отдѣленіе своей литературой, здѣсь даже принуждены были не давать движенія множеству сообщеній и указаній и по субботамъ совершалось сожженіе доносовъ, признанныхъ вздорными [43]). Но это безъименная когорта добровольцевъ: она—неизбѣжное явленіе при всякомъ «террорѣ». Впереди ея стоятъ люди съ именами и весьма виднымъ положеніемъ. Они не брезгуютъ наушничать тайно, не смущаются подвизаться и публично.

---

[42]) Никитенко. 493.

[43]) Р. Ст. 1875, т. XIV. *Воспоминанія О. А. Пржеславскаго, стр. 145*

Первое мѣсто должно принадлежать, конечно, профессорамъ.

Въ сентябрѣ 1848 года Уваровъ получилъ возможность доказать свою строгость и бдительность. На добрый путь навелъ его Шевыревъ. *Общество исторіи и древностей* задумало издать въ русскомъ переводѣ записки англичанина Флетчера о Россіи XVI-го вѣка. Предсѣдателемъ *Общества* состоялъ гр. Строгановъ, находившійся во враждѣ съ министромъ. Шевыревъ воспользовался случаемъ угодить министру и рѣшилъ объяснить ему, до какой степени неблаговидно печатать по-русски Флетчера, весьма нелестно судившаго московскихъ царей и русскій народъ. Строгановъ совершаетъ явно неблагонадежный поступокъ, поощряя это предпріятіе. Уваровъ немедленно распорядился прекратить печатаніе и донесъ государю. Строганову послѣдовалъ строжайшій выговоръ въ самой оскорбительной формѣ, черезъ московскаго генералъ-губернатора. Закревскій послалъ къ графу квартальнаго надзирателя съ приглашеніемъ явиться къ нему для выслушанія выговора. Шевыревъ могъ торжествовать.

Профессорское усердіе иногда переходитъ границы и ввергаетъ въ смущеніе даже высшую власть. Такой случай произошелъ съ Давыдовымъ и министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ, преемникомъ Шихматова. Давыдовъ представилъ министру оффиціальное письменное сообщеніе о томъ, что весь педагогическій институтъ желаетъ стать подъ ружье и проситъ, чтобы его немедленно начали обучать военнымъ эволюціямъ.

«Министръ,—разсказываетъ очевидецъ,—изумился и не зналъ, что дѣлать съ такимъ радикальнымъ усердіемъ». Но Давыдовъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ добивался, чтобы его воинственный азартъ дошелъ до государя. Министръ не далъ бумагѣ оффиціальнаго хода, сообщилъ только цесаревичу и не нашелъ въ великомъ князѣ ни малѣйшаго сочувствія предложенію Давыдова [44]).

Но Давыдовъ велъ свою линію. Не довольствуясь директорствомъ въ педагогическомъ институтѣ, онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто въ иностранной цензурѣ и считалъ эту службу предпочтительнѣе всякой другой. Онъ уговаривалъ и Погодина перейти въ цензуру, чѣмъ возмущалъ даже Шевырева, особенно своей враждой къ университету [45]).

Въ роли цензора Давыдовъ не замедлилъ поразить энергіей своихъ товарищей. Одинъ примѣръ вполнѣ краснорѣчивъ. Въ цензурномъ комитетѣ разсматривался учебникъ по исторіи—Смарагдова. Давыдовъ потребовалъ исключить изъ книги все, что касалось Магомета: онъ былъ «негодяй и основатель ложной ре-

---

[44]) Никитенко. 566.

[45]) Барсуковъ. IX, 286—7.

лигіи», вопилъ просвѣщенный профессоръ. Товарищамъ стóило не малаго труда образумить своего предсѣдателя... [46]).

Зачѣмъ было Бутурлинскому комитету изощряться въ инструкціяхъ цензорамъ, когда въ его распоряженіи состояли подобные изобрѣтатели?

Находились профессора, щеголявшіе своей находчивостью всенародно. Въ петербургскомъ университетѣ въ концѣ декабря 1848 года, совершилось событіе, рѣдкое даже въ лѣтописяхъ печальныхъ періодовъ русской гражданственности. Молодой ученый Варнекъ защищалъ диссертацію на естественно-научную тему— *О зародышѣ вообще и о зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ*. Диспутантъ въ своей рѣчи употреблялъ латинскіе термины, иногда нѣмецкіе и французскіе. Профессоръ Шиховской торжественно объявилъ, что Варнекъ, очевидно, не любитъ своего отечества и презираетъ свой языкъ. Диспутанта крайне озадачило такое возраженіе, онъ растерялся и не нашелся чтó отвѣчать. Оппонентъ перешелъ къ другому, столь же тяжкому обвиненію—къ уликамъ молодого магистра въ матеріализмѣ и, наконецъ, осудилъ всю диссертацію... «И такъ,—прибавляетъ очевидецъ-разсказчикъ,—вотъ одинъ изъ профессоровъ, вмѣсто ученаго диспута, направился прямо къ полицейскому доносу... Мудрено ли, что многіе у насъ презираютъ и науку, и ученыхъ?» [47]).

Но подобныхъ храбрецовъ, способныхъ на презрѣніе, врядъ ли было особенно много. Съ теченіемъ времени умъ русскихъ читателей достигъ чрезвычайнаго совершенства по части уловленія неблагопристойностей въ самыхъ благонамѣренныхъ органахъ и подчасъ оставлялъ за собой всѣ оффиціальныя цензуры и чутье общепризнанныхъ мастеровъ сихъ дѣлъ. Разсказываютъ, напримѣръ, удивительный случай добровольческой проницательности.

Въ *Сѣверной Пчелѣ* было напечатано извѣстіе о томъ, что по Амуру къ устью отправлены пушки. Корреспонденцію одобрило министерство иностранныхъ дѣлъ, военно-цензурный комитетъ и обыкновенная цензура. Но отыскался читатель, усмотрѣвшій въ сообщеніи разоблаченіе военной тайны, и сообщилъ куда слѣдуетъ свои соображенія. Въ результатѣ—строгій выговоръ редакторамъ газеты и всѣмъ цензурамъ [48]).

Какое блистательное поприще открывалось при такихъ условіяхъ литературной интригѣ, писательскимъ оскорбленнымъ самолюбіямъ, заугольной злобѣ и открытой накипѣвшей ненависти! И братья-писатели не преминули внести богатѣйшую лепту въ со-

[46]) Никитенко. 580.
[47]) Ib., 497—498.
[48]) *Историч. Вѣстн.* XIII, 319.

кровищницу сысковъ, подозрѣній, уликъ и чисто-инквизиціонныхъ кривотолковъ.

Мы видѣли, въ чемъ заключалось страшнѣйшее полномочіе Бутурлинскаго комитета. Цензурный уставъ 1828 года имѣлъ въ виду преслѣдовать и карать «видимыя» цѣли авторовъ и печатныхъ произведеній, т. е. имѣлъ дѣло съ фактами, для всѣхъ доступными и очевидными. Комитетъ далъ неограниченный просторъ пристрастному толкованію мыслей и фразъ, на первый планъ выдвинулъ намекъ и двусмысленность и артистическіе таланты добровольныхъ и оффиціальныхъ цензоровъ направилъ не на чтеніе произведеній авторовъ, а на изобличеніе ихъ душъ и обнаженіе сердецъ. Легко представить, сколько произвольнаго, фантастическаго и просто капризнаго проникало въ домыслы цензоровъ при такой постановкѣ вопроса! А между тѣмъ, на этой почвѣ зиждилось все назначеніе новаго порядка и этимъ масштабомъ измѣрялись заслуги подлежащихъ лицъ.

И кто же далъ тонъ?

Писатель, и притомъ очень почтенный. Въ 1848 году князь Вяземскій составилъ записку противъ журнальной литературы и преимущественно противъ сатиры. Въ сатирическихъ произведеніяхъ, писалъ князь, «каждое слово есть обинякъ. Литература наша, и особенно нѣкоторые изъ петербургскихъ журналовъ, исполнены этихъ обиняковъ и намековъ, прозрачныхъ для смышленыхъ читателей» [49]). Не-литераторамъ, конечно, приходилось внимательно вслушиваться въ голосъ столь опытнаго судьи и удвоить зоркость взора и подозрительность ума.

Если въ такомъ тонѣ говорилъ князь Вяземскій, что же оставалось на долю Булгариныхъ? И здѣсь, пожалуй, вполнѣ умѣстна ссылка на среду и обстоятельства. Заслуженный писатель охотился за обиняками и намеками, Булгаринъ всѣ силы свои посвятилъ на совершенно откровенную травлю лежачихъ. Его имя мы встрѣчаемъ при всѣхъ литературныхъ драмахъ. Онъ побуждаетъ властей покарать Тургенева за статью о Гоголѣ, онъ въ своихъ фельетонахъ осыпаетъ бранью и Гоголя, и Тургенева, и даже Погодина: послѣдняго именно потому, что онъ также подвергся правительственной карѣ. Онъ невозбранно геройствуетъ въ роли газетнаго опричника и кричитъ «слово и дѣло» гораздо раньше, чѣмъ опасность бросается въ глаза цензурѣ и начальству. У него двоякая цѣль: выместить на другихъ свои собственныя цензурныя огорченія и обезпечить себѣ привилегированное положеніе усердіемъ приспѣшника и доносчика. И, можетъ быть, нѣтъ болѣе краснорѣчивой черты, характеризующей извѣстную эпоху,

---

[49]) *Историч. свѣдѣнія*, стр. 66.

какъ самоувѣренная и торжествующая дѣятельность Булгариныхъ, какъ монополизированіе подобными пресмыкающимися великихъ идей патріотизма и общественнаго порядка. Но вѣдь не исчерпывались же всѣ нравственныя силы русскаго общества «мерзавцами своей совѣсти» и «патріотами своего отечества». Пребывали же въ литературномъ и ученомъ Содомѣ какіе-нибудь праведники, спасавшіе зачумленный городъ и донесшіе до потомства незапятнанную честь русскаго писателя. Направлялась же противъ когонибудь безпощадная злоба добровольцевъ и «самая величайшая осмотрительность» цензуры. Немыслимо, чтобы *Москвитянинъ*, *Сѣверная Пчела* служили вполнѣ достойными цѣлями столь сложной и энергической атаки.

Конечно, нѣтъ. Праведники имѣлись налицо, и ихъ-то именно дѣла для насъ особенно любопытны. Мы заранѣе отказались не только отъ выспреннихъ запросовъ къ русскимъ идеалистамъ, а даже отъ намековъ за положительными результатами ихъ идеализма. Мы предоставляемъ обширнѣйшій просторъ голосу, вопіющему о снисхожденіи: «человѣкъ вѣдь я», и готовы понимать *человѣческое* въ самомъ «смертномъ» смыслѣ. Наконецъ, мы устраиваемъ не судейскій трибуналъ, составляемъ не обвинительные акты и не замышляемъ приговоровъ съ снисхожденіемъ или безъ снисхожденія. Наши стремленія не идутъ дальше общечеловѣческой потребности видѣть въ историческихъ фактахъ удовлетвореніе непосредственному нравственному чувству правды и сознанію достоинства нашей природы. Для насъ люди прошлаго поучительны не столько какъ подвижники или преступники, сколько какъ живыя свидѣтельства, какой высоты или какого паденія можетъ достигнуть человѣкъ извѣстнаго духовнаго склада и извѣстнаго времени? И если бы мы пожелали вывести общія заключенія, они будутъ подсказаны намъ прямымъ смысломъ дѣлъ и событій, а не нашими нравственными задачами или гражданскими программами.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА III.

Десятина діавола.

(*Продолженіе* *).

VI.

Въ первый же воскресный вечеръ послѣ отъѣзда Глори, Джонъ Стормъ, взявъ съ собой собаку, пошелъ въ Сого разыскивать мать брата Эндрью. На углу одной изъ улицъ онъ наткнулся на дикую сцену. Уголъ былъ занятъ заброшенной церковью, безобразныя кирпичныя стѣны которой врѣзывались въ узкій дворикъ и позади примыкали къ еще болѣе узкому переулку. Въ церкви давно уже не служили и заплесневѣвшія стѣны ея были покрыты плакатами и объявленіями: «Брайтонъ и Беккъ», «Ллойдскія Новости». «Продажа угля, 1 шил. куль». «Барклеевскій эль».

Во дворѣ и переулкѣ тѣснился народъ. Возбужденная толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ иностранцевъ, галдѣвшихъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, тѣснымъ кольцомъ окружила высокаго молодца съ распухшимъ лицомъ и воспаленными отъ пьянства глазами; пьяный извивался, какъ угорь, стараясь пробиться сквозь кольцо, боролся съ тѣми, кто держалъ его, и жестоко ругался. Когда ему удавалось вырваться, онъ съ яростью кидался къ запертой двери лавчонки, стоявшей напротивъ, съ тремя шарами надъ дверью, вмѣсто вывѣски, свидѣтельствовавшими о томъ, что это лавка закладчика. Изъ глубины лавки кто-то громко взывалъ о помощи. Голосъ былъ женскій, и, чѣмъ громче вопила женщина, тѣмъ яростнѣе напиралъ мужчина, стараясь выломать дверь, раздѣлявшую ихъ.

Джонъ Стормъ остановился и смотрѣлъ; вдругъ позади его кто-то выругался и молвилъ: «Экъ, стыдъ-то какой!» Говорившій былъ хилый,

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

невзрачный человѣчекъ съ наружностью лакея изъ плохенькаго клуба. Замѣтивъ, что его подслушали, онъ сконфуженно пролепеталъ: «Прошу прощенія, сэръ, но не даромъ говорится: гдѣ чортъ ничего не подѣлаетъ, туда пошлетъ своего брата, Хмеля». Съ этими словами онъ хотѣлъ было пройти впередъ, но остановился, замѣтивъ, что молодой священникъ ведетъ себя какъ-то странно.

Джонъ Стормъ прокладывалъ себѣ дорогу сквозь толпу. Въ кругу малорослыхъ иностранцевъ его высокая фигура въ черномъ имѣла чрезвычайно внушительный видъ. «Что здѣсь происходитъ?» спросилъ онъ, и его густой басъ покрылъ всѣ голоса. Крики и ругань прекратились; толпа мгновенно притихла; слышны были только отдѣльные окрики, да женскій плачъ внутри лавки.

Кто-то откликнулся на вопросъ: «Ничего, сэръ, пустое дѣло!» Другой прибавилъ: «Выпилъ, да и все тутъ; ну и пришла охота надъ матерью покуражиться». Джонъ Стормъ, не слушая этихъ объясненій, схватилъ за воротъ пьянаго и старался оттащить его отъ двери; тотъ, съ пѣной у рта, сопротивлялся изо всѣхъ силъ.

— Что здѣсь происходитъ?—повторилъ Джонъ.—Развѣ никто мнѣ не скажетъ?

Въ это время изъ погребка, помѣщавшагося въ сосѣднемъ съ церковью домѣ, вышло, шатаясь, жалкое подобіе человѣка; за нимъ по пятамъ шла миловидная молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Ея спутникъ, бережно несшій въ рукахъ бутылку джина, подмигнувъ Джону, отвѣтилъ: «Что происходитъ? А крестины; можетъ пожертвуете парочку голландчиковъ на зубокъ новорожденному?»

Эта выходка подбодрила толпу; послышался смѣхъ; пьяный забормоталъ что-то о томъ, что онъ не прочь наставить фонарей любому попу. А юноша съ бутылкой въ рукахъ продолжалъ приставать къ Джону:

— Вы, сударь, чѣмъ же собственно занимаетесь? Фокусы показываете? Евангеліе проповѣдуете? Наставляете на путь истинный? Нынче, знаете, мои похороны; такъ я бы не прочь послушать.

Публика наслаждалась посрамленіемъ «попа». Пьяный совсѣмъ расхрабрился и съ крикомъ: «Только тронь—расшибу!» всѣмъ тѣломъ, какъ шаромъ, ударился въ дверь лавки закладчика. Плачъ, утихшій было, возобновился снова, и черезъ минуту дверь была выбита.

Толпа плясала отъ восторга. «Берегись, дружокъ!» крикнулъ Джону малый съ бутылкой; но предостереженіе пришло слишкомъ поздно,— ударъ кулака чуть не свалилъ Джона съ ногъ.

— Подходи, братцы, подходи! угощу всякаго!—крикнулъ пьяный, но не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ уже лежалъ въ растяжку на землѣ, а собака, навалившись на него, вцѣпилась ему зубами въ горло.

Перепуганные зрители кинулись вразсыпную. Осталась одна только женщина, пожилая, съ всклокоченными сѣдыми волосами. Она вышла

изъ лавки и, бросившись къ собакѣ, усиливалась вытащить человѣка, лежавшаго подъ нею, крича: «Сынъ мой! сынъ мой! Она загрызетъ его! Оттащите этого звѣря!»

Джонъ Стормъ отозвалъ собаку; драчунъ поднялся на ноги невредимымъ и почти трезвымъ. Но женщина продолжала сокрушаться о немъ, осыпая Джона и его собаку жестокой бранью.

— Погоди, мать. Я самъ виноватъ,—остановилъ ее протрезвившійся драчунъ. Тогда она расплакалась. Черезъ минуту мать и сынъ, вмѣстѣ съ Джономъ, вошли въ лавку и кое-какъ притворили за собой сорванную съ петель дверь.

Полчаса спустя, когда Джонъ вышелъ, на мѣстѣ драки уже никого почти не было. Единственными нарушителями тишины являлись запоздавшій полисменъ, освѣдомлявшійся—«что тутъ такое случилось?» и малый съ бутылкой, исполнявшій какой-то странный танецъ на ступенькахъ лѣстницы, которая вела въ погребокъ. Въ дверяхъ лавки, отирая глаза передникомъ, стояла старуха; позади виднѣлось лицо ея сына, все еще красное, но ужъ не отъ вина и гнѣва.

— Прощайте, м-ссъ Пинчеръ; мы, вѣроятно, скоро увидимся.

Услыхавъ это, юный шалопай остановился, дрыгая ногой и крикнулъ:

— Эй, попикъ, хорошо тебя угостили? За синякъ чашка кофе—такъ, что ли?

— Стыдись, Чарли! — вмѣшалась молодая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ; юноша отозвался:—Заткни глотку, Агги!

Маленькій человѣчекъ ждалъ на углу и заговорилъ съ Джономъ, когда тотъ подошелъ ближе.

— Должно быть, ихъ забавляетъ колотить женщинъ, но самъ я въ томъ удовольствія не вижу.

И онъ простодушно принялся разсказывать о своей «хозяюшкѣ», о томъ, какая она добрая и славная, и въ концѣ концовъ объявилъ, что онъ «съ дорогой душой» поможетъ такому священнику, который «и пьяницы не побоится, коли надо вступиться за женщину».

— Какъ ваша фамилія?

— Джупъ,—отвѣтилъ невзрачный человѣчекъ и что-то знакомое шевельнулось въ памяти Джона.

На слѣдующій день Джонъ Стормъ обѣдалъ у дяди, въ Доунингъ-стритѣ. Первый министръ поджидалъ его въ библіотекѣ. Во фракѣ, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ камина и заложивъ назадъ руки, онъ казался еще тоньше и худощавѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ встрѣтилъ Джона ласковымъ привѣтствіемъ и улыбкой; улыбка была неловкая и скользящая, какъ у больного. Минуту спустя, доложили, что поданъ обѣдъ. Старикъ взялъ племянника подъ руку и оба прошли въ столовую.

Огромная комната, обшитая панелями, смотрѣла холодной и неуютной. Она была освѣщена одной только лампой, спускавшейся съ потолка

надъ серединой стола. Они сѣли на двухъ противоположныхъ концахъ. Въ свѣтѣ лампы сѣдины государственнаго человѣка казались серебряными. Присутствіе Джона всегда физически бодрило его и во все продолженіе обѣда блѣдное лицо его не переставало улыбаться.

— Мнѣ слѣдовало бы извиниться передъ тобой, что я встрѣчаю тебя одинъ; но мнѣ хотѣлось кое о чемъ переговорить, кое-что предложить, и я думалъ...

Джонъ прервалъ его ласковымъ протестомъ; морщинки по угламъ глазъ старика какъ-то странно дрогнули.

— Я ужасно счастливъ, милый мой мальчикъ, что ты ушелъ изъ этого братства; но; полагаю, ты намѣренъ остаться въ духовномъ званіи?

— Да, и хлопочу, чтобъ меня поскорѣе рукоположили въ священники.

— Такъ... такъ...—Длинные тонкіе пальцы министра барабанили по столу.—Мнѣ хотѣлось бы отчасти помочь тебѣ.

Прихлебывая воду изъ бокала, старикъ медленно, негромко и оффиціальнымъ тономъ принялся излагать свой планъ. Въ данный моментъ имѣется вакантное мѣсто епископа въ колоніи, епархія Коломбо. Доходъ ничтожный, всего 1.700 фунтовъ въ годъ, работа не легкая, подчиненныхъ восемьдесятъ человѣкъ. Мѣсто епископа въ колоніяхъ не всегда удачное начало для карьеры на родинѣ, но при данныхъ условіяхъ...

Джонъ опять перебилъ его:

— Вы очень добры, дядя, но я мечтаю лишь о жизни бѣднаго священника, вдали отъ свѣта и сановниковъ церкви.

— Мнѣ кажется, Коломбо достаточно далеко отъ Лондона.

— Я не вижу необходимости покидать Лондонъ.

Первый министръ пристально посмотрѣлъ на племянника съ сосредоточеннымъ выраженіемъ человѣка, привыкшаго читать по лицу чужія мысли и чувства.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было... почему ты...

— Почему я вышелъ изъ монастыря? Потому что разглядѣлъ, что это не то, что нужно здѣсь...

Первый министръ продолжалъ спрашивать себя: Что все это значитъ? и смотрѣть на Джона, какъ на задачу, предложенную ему для рѣшенія, но это не мѣшало ему шутить и улыбаться.

— Правда, каждый членъ парламента при вступленіи читаетъ молитву и приноситъ присягу на Библіи... Что касается церкви, она утверждена актомъ парламента, установлена государствомъ; ея глава—король, ея слуги—тѣ же чиновники, представляющіеся ко двору и бывающіе на свѣтскихъ раутахъ. Тѣмъ не менѣе, англичане считаютъ себя христіанской націей. Это невинное суевѣріе, помогающее держать въ повиновеніи народныя массы, и если Джонъ думаетъ...

Первый министръ вдругъ прервалъ свою рѣчь и дотронулся до руки Джона.

— Скажи, мой другъ, ты намѣренъ жить... т. е. вести... ну, словомъ, слѣдовать въ своей жизни примѣру Христа?

— Да, дядя, насколько мнѣ это позволитъ моя слабая и грѣшная природа.

— Какъ же ты намѣренъ проводить въ жизнь свои идеи?

— Мой опытъ будетъ имѣть базисомъ общество, сэръ, и прежде всего женщину.

Джонъ страшно волновался; лицо его пылало. Первый министръ украдкой поглядѣлъ на него и провелъ тонкой рукою по лбу, говоря себѣ: «Такъ вотъ въ чемъ дѣло!» Но Джонъ слишкомъ увлекся, чтобы замѣтить это.

— Настоящее положеніе женщинъ невозможно. Этого нельзя дольше терпѣть. Благоденствіе общества цѣликомъ основано на благоденствіи женщинъ, въ особенности женщинъ-работницъ. А между тѣмъ, что мы видимъ? Страшно подумать—полная зависимость отъ мужчины, тьма искушеній, вознагражденіе ничтожное, наказаніе свыше всякой мѣры. Англійская работница вырабатываетъ, среднимъ числомъ, три полпенса въ часъ. А рядомъ роскошь, богатство, и легкое соблазнительное средство избавиться отъ нищеты всегда подъ рукой! Гибель сторожитъ ихъ, манитъ и влечетъ къ себѣ,—гибель въ образѣ клубныхъ баловъ, кафе-шантановъ и богатыхъ эгоистовъ-мужчинъ.

Ни одинъ мужчина изъ милліона не прошелъ бы сквозь горнило такого испытанія невредимымъ. Что же мы дѣлаемъ? Что дѣлаетъ церковь для этихъ честныхъ труженицъ, на добродѣтели которыхъ зиждется благоденствіе націи? Если онѣ упадутъ, она отсѣкаетъ ихъ, какъ больные члены и предоставляетъ имъ выбирать между улицей и преступленіемъ, богадѣльней и самоубійствомъ. И та же церковь вѣнчаетъ соблазнителей съ свѣтскими дѣвушками, взрощенными въ нѣгѣ и холѣ, съ тѣми, ради чьего богатства, знатности или красоты были отвергнуты и брошены первыя. О, дядя, проходя по Редженть-стритъ днемъ, я сержусь, но когда я иду черезъ Редженть-стритъ ночью, мнѣ становится стыдно. А тѣ, которыя, живя своимъ трудомъ, хотятъ остаться чистыми, обречены на одиночество, полное духовное одиночество—это ужасно!

Голосъ Джона прерывался, но первый министръ почти не слушалъ его. Онъ думалъ, что угадываетъ правду, что любовь Джона къ Богу есть въ сущности любовь къ женщинѣ, и что эта женщина—падшее, несчастное, погибшее созданіе. Ему казалось, что передъ нимъ сидитъ его собственная молодость, и онъ чувствовалъ приливъ глубокаго состраданія.

— Какъ ты иногда напоминаешь мнѣ свою мать, Джонъ. Сейчасъ ты сказалъ нѣсколько словъ совсѣмъ ея голосомъ...

Два часа спустя онъ провожалъ Джона черезъ длинный корридоръ

въ швейцарскую. Блѣдное лицо его смотрѣло кротко и умиленно; въ низкомъ голосѣ слышалась дрожь.

— Спокойной ночи, голубчикъ, и помни, что твои деньги всегда къ твоимъ услугамъ. Пока твое христіанское государство существуетъ только въ проектѣ, можешь съ чистой совѣстью располагать своимъ добромъ. Ты проповѣдуешь христіанство первыхъ вѣковъ, но не забудь, что ты живешь въ девятнадцатомъ. Нельзя питаться воздухомъ и летать, не имѣя крыльевъ. Любопытно посмотрѣть, насколько современная цивилизація допускаетъ приближеніе къ христіанскому идеалу. Не знаю только, что скажутъ о тебѣ твои сотоварищи и глупое стадо, которое они зовутъ своей паствой; по всей вѣроятности сочтутъ тебя сумасшедшимъ, или, по крайней мѣрѣ, безхарактернымъ и ребячливымъ, а, можетъ быть, вообразятъ, что ты гоняешься за дешевой популярностью. Однако, довольно! спокойной ночи и да благословитъ тебя Богъ!

Джонъ покраснѣлъ и взволновался. Вѣдь онъ посвятилъ дядю въ свои планы, въ свои надежды и ожиданія. Къ чему же деньги? Богъ позаботится о немъ и въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ; притомъ же, служитель Божій долженъ быть бѣденъ. Между тѣмъ у дверей его ждали два джентльмена въ плюшѣ. Одинъ подалъ ему шляпу, другой—палку и перчатки.

Двѣ недѣли спустя Джонъ писалъ Глори:

«Распускаемъ паруса, милая Глори,—наконецъ-то! Я рукоположенъ во священники, получилъ отъ епископа «разрѣшеніе къ священнослужительству» и нашелъ себѣ церковь. Это церковь св. Маріи Магдалины, Кронъ-стритъ, Сого; этотъ кварталъ вотъ ужъ триста лѣтъ носитъ имя *Десятины Діавола* и заслуживаетъ его. Церковь не освящена, раньше принадлежала какимъ-то итальянскимъ или французскимъ эмигрантамъ, но давно уже заперта и заброшена. Теперь ею завѣдуютъ довѣренныя лица—компанія греческихъ купцовъ; они увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ средствъ ремонтировать зданіе, и я былъ вынужденъ взять на это денегъ у моего дяди, перваго министра. Впрочемъ, деньги, кажется, мои собственныя: дядя вытребовалъ у отца десять тысячъ фунтовъ изъ приданаго матери. На перестройку и ремонтъ ушло до двухъ тысячъ; дядя протестуетъ и зоветъ меня «греко-турецкимъ капелланомъ»; м-рсъ Каллендеръ, къ удивленію своему, открыла, что я «сентиментальная тряпка и безумный мотъ», но я не обращаю вниманія. Все это я заслужилъ и, можетъ быть, гораздо больше того; мудростью, какъ ее понимаетъ свѣтъ, я не отличаюсь, но это еще бѣда не велика.

«Приступилъ къ дѣлу, не дожидаясь рабочихъ. Въ первый разъ служилъ прошлое воскресенье, безъ органиста, безъ хора, безъ причетника и почти безъ прихожанъ. Были только сторожиха, добрая, простая старушка, по имени Пинчеръ, сынъ ея, новообращенный пьяница

и закладчикъ и другой обращенный, лакей изъ клуба. Тѣмъ не менѣе я служилъ и утромъ, и вечеромъ, не пропуская ни одной молитвы, псалма, или проповѣди, во славу Божію.

«Положено начало и новому крестовому походу за женщинъ. Не разъ уже мы шествовали процессіей въ три человѣка по улицамъ Сого. Впереди мой закладчикъ со знаменемъ (посрединѣ знамени бѣлый крестъ—мишень для разныхъ метательныхъ снарядовъ); за нимъ лакей изъ клуба съ небольшой фисгармоніей — извѣстный подъ прозвищемъ «шарманщика»,—и, позади всѣхъ, я, въ монашеской рясѣ. Послѣдняя чрезвычайно популярна: ее обыкновенно принимаютъ за черную юбку. По ночамъ насъ иногда конвоируетъ другая процессія—«скеллингтоны», или «скелесты», какъ они зовутъ себя, цѣлая армія низкихъ, развратныхъ женщинъ и негодяевъ, которые играютъ роль коршуновъ въ этомъ жалкомъ, убогомъ и грязномъ міркѣ. Они чуютъ, что ихъ добыча въ опасности—благодареніе Богу!

«Позади моей церкви, въ такъ называемомъ «Кривомъ переулкѣ», темной и сырой трущобѣ, стоитъ домикъ для причта; теперь онъ отдается въ наймы,—нижній этажъ подъ винную лавку. Какъ только это помѣщеніе очистится, я обращу его въ клубъ для работницъ. Почему бы и нѣтъ? Въ древнія времена церковь шла на встрѣчу народу, протягивала ему руку; почему бы и теперь ей не сдѣлать того же? Мы живемъ въ самомъ центрѣ царства діавола, царства грѣха и преступленія. Насъ окружаютъ иностранные клубы, казино, игорные притоны. Что же намъ дѣлать? Обнести свой домъ частоколомъ и принять всѣ мѣры, чтобы къ намъ не проникла зараза? Боже избави! Надо спуститься въ эти притоны, въ эти разсадники нравственныхъ болѣзней и дезинфецировать ихъ. Бѣднымъ работницамъ нуженъ отдыхъ, нужно отпраздновать воскресенье: дайте имъ праздникъ. Имъ нужна музыка и пѣніе, нужны танцы, — дайте имъ все это; ради Бога, позвольте имъ веселиться въ вашихъ церквахъ, не то діаволъ заманитъ ихъ пѣсней и пляскою въ адъ.

«Теперь жду, когда на меня всѣ накинутся. Безъ этого ужъ не обойдется. Одни сочтутъ меня фанатикомъ, другіе—ловкимъ прожектеромъ; искатели теплыхъ мѣстечекъ изъ духовнаго званія будутъ обвинять меня въ суетности, «свѣтскости», кричать, что я оскверняю себя общеніемъ съ мытарями и грѣшниками. Не бѣда, лишь бы Богу было угодно благословить мое начинаніе. Если хоть у одной истомленной одинокой дѣвушки личико посвѣжѣетъ и озарится счастливой улыбкой, если мнѣ удастся хоть одну молоденькую женщину удержать на краю гибели, это будетъ такой наградой за мои труды, какой они и не видывали.

«Какъ только выживу рабочихъ, начну служить каждый день, чтобъ церковь у меня и не запиралась. Какъ видите, я все еще живу у м-рсъ Каллендеръ; отказываюсь отъ всякихъ приглашеній, кромѣ

тѣхъ, которыя получаю въ качествѣ священника, и уже теперь дохнуть некогда. Дохода моя церковь не приноситъ никакого, или почти никакого — ровно столько, чтобъ заплатить сторожу, но я не имѣю права жаловаться: я потому только и получилъ въ свое завѣдываніе эту церковь, что на нее не находилось охотниковъ. Я думалъ было, что годъ, проведенный мною въ монастырѣ, надо считать потеряннымъ,— Богъ судилъ иначе. Это поможетъ мнѣ хранить чистоту, жить въ бѣдности и не зависѣть отъ міра.

«Передайте мою любовь дѣду и теткамъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы были здѣсь и сражались рядомъ со мной! Иногда мнѣ чудится, что это такъ и есть, что я вижу васъ въ кругу этихъ веселыхъ молодыхъ созданій, разукрашенныхъ цвѣтами, перьями, — о, изъ нихъ выйдутъ еще чудесныя христіанки! Странное дѣло, въ тотъ день, какъ вы уѣхали, мнѣ все казалось. что вы, съ каждымъ часомъ, не удаляетесь, а приближаетесь ко мнѣ. Всего лучшаго!»

VII.

Гленфаба. «Островокъ».

«О, добродѣтельный и благодарный другъ, наконецъ-то вы вспомнили о существованіи «бѣднаго заброшеннаго созданьица», попавшаго въ сонное царство. Мнѣ слѣдовало бы вернуть вамъ ваше запоздалое посланіе, съ отмѣткой почтамта: «адресатъ неизвѣстенъ» противъ вашей «милой Глори», ибо въ этихъ мѣстахъ нѣтъ никого, кто сколько-нибудь подходилъ бы подъ этотъ сомнительный эпитетъ. Но увы! я нынче сама не своя, и со слезами стыда сознаюсь, что *всякое* письмо изъ Лондона кажется мнѣ донесшимся издалека, по воздуху, голосомъ ангела.

«Итакъ, я снова въ Гленфаба, въ моей старой комнаткѣ съ узенькой старой кроватью. Прежде здѣсь все-таки были люди; теперь, кажется, ни одной собаки не осталось. Молодежь разбрелась по «чужимъ краямъ»; старики ушли «Богъ вѣсть куда». Мы развлекаемся блеяньемъ овецъ на горахъ, крикомъ чаекъ надъ нашими головами, митингами грачей, засѣдающихъ на высокихъ вязахъ нашей лужайки. Живемъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, о томъ, чтó намъ ѣсть, или во чтò одѣться, а по воскресеньямъ, когда звукъ колокола призываетъ насъ на молитву, мы выходимъ, какъ израильтяне въ пустынѣ, въ одеждахъ, которыя не старѣются вотъ ужъ сорокъ лѣтъ. Въ остальные дни недѣли слѣдимъ за тѣмъ, какъ синія мухи бьются глупыми головами о потолокъ, прислушиваемся къ стрекотанью кузнечиковъ, засыпаемъ подъ гудѣнье пчелъ и просыпаемся отъ крика Нейлюсова осла. Вотъ какую жизнь мы, схороненные заживо, ведемъ въ Гленфаба, и бысть дней ея тридцать лѣтъ и три года, и если... Уфъ (зѣвнула отъ души).

«Боюсь, что съ моей стороны говорить такимъ образомъ—черная

неблагодарность. Въ сущности, Гленфаба прелестный уголокъ, въ которомъ перестаешь мечтать о раѣ; утро свѣжо, какъ роса на травѣ; въ воздухѣ заливаются жаворонки, внизу поетъ рѣка, надъ моремъ плывутъ легкія бѣлыя облачка, словно завитки пѣны. Мои три старухана любятъ меня несравненно больше, чѣмъ я того стою, и по цѣлымъ днямъ придумываютъ, чѣмъ бы меня полакомить, да какъ бы развлечь, чтобъ я не соскучилась, чтобъ мнѣ не жаль было лондонскихъ роскошествъ. Иной разъ подслушаешь ихъ нечаянно, и стыдно станетъ до глубины души. Они обращаются со мной, какъ съ малымъ ребенкомъ, а я въ видѣ мести, какъ ребенокъ, верховожу всѣмъ домомъ. Но что пользы? Увы! тѣ дни миновали, когда я могла питаться кашицей и чувствовать себя счастливой, сидя въ тачкѣ. Перемѣна во мнѣ, а не въ нихъ, и что пользы переводить часы назадъ, когда солнце упрямо движется!

«Въ итогѣ всѣ мои развлеченія сводятся къ катанью верхомъ на «Цезарѣ», но и тотъ сталъ такой степенный и жирный, что переваливается на ходу, какъ старая утка, и ѣхать на немъ все равно, что идти пѣшкомъ. Зато я засѣдаю въ разныхъ комитетахъ, позволяю иной разъ и себѣ сѣсть на шею—разбираю руны для дѣдушки, мою кувшины изъ подъ молока для тети Анны; благочестіе мое доходитъ до того, что я даже аккуратно хожу въ церковь и слѣжу за Нейлюсомъ, когда онъ, послѣ словъ: «Да просвѣтится свѣтъ вашъ передъ людьми», обходитъ вокругъ церкви съ тарелочкой. Его практическому уму свѣтъ, очевидно, представляется синонимомъ серебра во образѣ трехпенсовыхъ монетокъ.

«Увы мнѣ, бѣдной! я до сихъ поръ остаюсь темной личностью. Мои милые старуханы пока и словомъ не обмолвились о моемъ письмѣ, и лишь только разговоръ случайно коснется этой темы, у насъ воцаряется мертвое молчаніе. Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда приходятъ гости и начинаютъ разспрашивать меня, чѣмъ я живу въ Лондонѣ. Тутъ мы всѣ сидимъ, какъ на иголкахъ. Когда мнѣ удается выйти изъ этого затруднительнаго положенія, не солгавъ, я просто не знаю, смѣяться мнѣ, или плакать. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и я увѣрена, что надняхъ правда выйдетъ наружу. Не далѣе, какъ вчера, когда мы съ тетей Рэчелью обходили прихожанъ, одинъ изъ современныхъ Валаамовыхъ ословъ зазвалъ насъ въ буфетъ, чтобы показать намъ портретъ Глоріи: онъ, видите-ли, вырѣзалъ его изъ какого-то иллюстрированнаго журнала и повѣсилъ на стѣнѣ, потому что портретъ «*такъ похожъ на меня*». Каково! Я чуть было не брякнула прямо всей правды, при видѣ этого призрака моей дурной славы, но бѣдная тетя смотрѣла на меня такими испуганными глазами, что я затараторила, какъ мельница, и вышла, благодаря Бога за то, что остальное населеніе Пиля не таково, какъ всѣ прочіе люди, или хотя бы, какъ сей мытарь.

«Я сама, впрочемъ, получаю газеты, которыя мнѣ присылаетъ моя пріятельница Роза. Пока репортеры занимались моей персоной и лгали нѣжно, какъ эпитафія, по поводу моего исчезновенія изъ Лондона, я перехватывала нумера и жгла ихъ.

«Мнѣ не нужно газетъ, чтобы помнить о Лондонѣ. Во мнѣ, какъ въ апостолѣ Павлѣ, сидитъ діаволъ, который бьетъ меня кулаками. Въ ясную погоду, когда можно видѣть на далекое разстояніе, я карабкаюсь на вершину самой высокой нашей горы, Сльё Валлина, сижу часами, всѣ глаза прогляжу, чтобы разглядѣть берегъ Англіи, чувствую то же, что должна была чувствовать жена Лота, когда она оглянулась на родной городъ, и спускаюсь съ тяжелымъ сердцемъ, со вкусомъ слезъ во рту, какъ будто меня тоже превратили въ соляной столбъ. Милый старый Лондонъ! А онъ себѣ живетъ по прежнему: такъ же тѣснятся экипажи на улицахъ, такъ же разносчики выкрикиваютъ свой товаръ, все идетъ своимъ чередомъ, несмотря на отсутствіе Глори!

Глори».

P. S. *Важное.* Съ самого выѣзда изъ Лондона меня не перестаетъ мучить мысль о бѣдномъ ребеночкѣ Полли. Она отдала его на воспитаніе извѣстной вамъ м-рсъ Джупъ, а та передала его еще кому-то. Пока мать была жива, не мое было дѣло вмѣшиваться, но теперь не могу не думать о бѣдномъ сироткѣ, не представлять себѣ, каковъ-то онъ сталъ теперь. Надо надѣяться, что изъ него вышелъ рослый, толстый бутузъ, который славно ѣстъ и дерется, а все же, еслибъ кто-нибудь принялъ на себя мою обязанность и справился бы, есть ли кому любить бѣднаго ребенка, это былъ бы поступокъ, достойный мужчины и джентльмена. Адресъ м-рсъ Джупъ: 5а, у Малой Заставы, по дорогѣ изъ Холборна въ Линкольнсъ Иннъ-Фильдсъ.

VIII.

Джонъ Стормъ получилъ письмо Глори въ субботу утромъ и въ тотъ же вечеръ отправился разыскивать м-рсъ Джупъ. Найти ея лавочку оказалось не такъ-то легко, и когда Джонъ, наконецъ, разыскалъ ее, у него сжалось сердце при мысли, что Глори жила въ этой трущобѣ. Изъ за двери доносился хриплый голосъ, говорившій: «Отданъ твой мальчишка—вотъ-те и весь сказъ, и пока не заплатишь, нечего сюда и шляться». Минуту спустя на порогѣ появилась молодая женщина, миніатюрная, хрупкая, похожая на цвѣтокъ, сломанный дождемъ. Джонъ узналъ въ ней женщину съ ребенкомъ на рукахъ, которую онъ видѣлъ въ первое свое посѣщеніе Сого. Она плакала и наклонила голову, проходя мимо, чтобы скрыть свои распухшіе глаза; Джону бросилась въ глаза ея грязная соломенная шляпка съ полинявшими лентами. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и вошелъ.

Женщина среднихъ лѣтъ, стоявшая за прилавкомъ, при видѣ священника присѣла; изъ за двери, ведущей во внутренніе покои, на него съ любопытствомъ косилась маленькая дѣвочка.

— Полагаю, вы изволите быть отецъ Стормъ! Милости прошу, сэръ, войдите, присядьте. Бубуська, посиди въ лавкѣ. Мужъ мнѣ разсказывалъ про васъ. «Ты, говоритъ, его узнаешь сразу». Какъ не узнать! Онъ еще не пришелъ изъ клуба, сэръ, но каждую минуту можетъ вернуться.

Джонъ сѣлъ и разглядывалъ темную маленькую гостиную, думая о Глори.

— Не бѣда, м-рсъ Джупъ, я пришелъ собственно къ вамъ.

При этихъ словахъ мигающіе глазки и жирныя щеки лавочницы, прилагавшіе всѣ старанія, чтобы изобразить улыбку, изобразили страхъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она, притворяя дверь въ лавку.

— Ничего особеннаго, моя добрѣйшая.

И Джонъ объяснилъ, зачѣмъ онъ пришелъ.

М-рсъ Джупъ слушала внимательно и, казалось, спрашивала себя, кто могъ прислать его.

— Бѣдная мать этого ребенка умерла, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, и...

— Но отецъ живъ,—рѣзко возразила женщина,—и если ему желательно узнать, гдѣ малютка, пусть придетъ самъ, а не посылаетъ другихъ!

— Если ребенокъ здоровъ, если за нимъ хорошо смотрятъ...

— Онъ въ хорошихъ рукахъ; я его передала особѣ, на которую вполнѣ могу положиться.

— Въ такомъ случаѣ, что же вамъ скрывать? Скажите мнѣ, гдѣ онъ, и я...

— Ну, ужъ нѣтъ! Коли ему угодно получить ребенка, пусть заплатитъ за содержаніе; денежки пожалуйте, тогда и спрашивайте. А то эти хлыщи страсть охочи чужими руками жаръ загребать; ишь ты: попа прислалъ!

— Если вы думаете, что я здѣсь въ интересахъ отца, вы очень ошибаетесь, могу васъ увѣрить.

— А вамъ-то какая печаль?..

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ м-ръ Джупъ. Онъ швырнулъ прочь шляпу и намѣревался разсыпаться въ привѣтствіяхъ, но, замѣтивъ облако на лицѣ жены, сократилъ свой поклонъ. М-рсъ Джупъ моментально закрыла лицо передникомъ.

— Что здѣсь происходитъ?

Джонъ Стормъ попытался объяснить; м-рсъ Джупъ ограничилась слезами.

— Такъ, такъ. Видите ли, батюшка, моя хозяйка страсть любитъ ребятъ и у нея сердце разрывается...

— Что этотъ человѣкъ лицемѣръ или просто глупъ?

Джонъ поднялся.

— М-ръ Джупъ, боюсь, что ваша жена занимается безнравственнымъ и противузаконнымъ ремесломъ...

— Стойте, сэръ,—перебилъ маленькій человѣкъ, тряся головой;—я очень уважаю преподобнаго Джона Сторма, но я еще больше уважаю м-рсъ Лиджеръ Джупъ, и кто называетъ безнравственными и беззаконными...

— Не сердись на него, Генрихъ, — громко рыдая, остановила его жена.

— А ты не принимай этого къ сердцу, Лиджеръ. — И супруги нѣжно переглянулись, какъ будто собираясь броситься другъ другу въ объятія.

Джонъ Стормъ не въ силахъ былъ оставаться дольше. У него щемило сердце при мысли, что Глори должна была оставаться въ этой атмосферѣ цѣлые мѣсяцы. Когда онъ проходилъ по двору, его кто-то тронулъ за рукавъ. То была встрѣченная имъ молоденькая женщина. Она все еще плакала.

— Я вспомнила, что видѣла васъ въ Кривомъ переулкѣ, сэръ, въ тотъ день, какъ крестили моего малютку, и рѣшилась подождать васъ. Можетъ, вы мнѣ поможете.

— Идемте,—сказалъ Джонъ. По пути молоденькая женщина разсказала свою исторію. Она нанимаетъ комнату въ домикѣ для причта, что позади его церкви. Ребенокъ не давалъ работать, надо было отдать его; она увидала публикацію въ газетѣ, пошла справиться, и вотъ м-рсъ Джупъ взяла ея малютку. Правда, она отказалась отъ всякихъ правъ, но не видѣть своей дочурки—это выше ея силъ: дѣвочка такая славненькая, ласковая. А теперь, оказывается, м-рсъ Джупъ отдала ее кому-то другому. Не будь ея «дружка», она бы, пожалуй, никогда и не узнала, гдѣ дитя. Онъ случайно нашелъ малютку въ Вестминстерѣ, въ одномъ ужасномъ домѣ, гдѣ играютъ. Содержатель этого притона полтора года сидѣлъ въ тюрьмѣ, только что выпущенъ; вотъ жена его и брала дѣтей на воспитаніе, пока мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ... Она тоже ужасная женщина, и оба они «немилосердно колотятъ дѣтей». Сосѣди только и слышатъ, что шлепки, да плачъ и стоны. Пытались было стыдить, да развѣ это поможетъ. Она порѣшила взять назадъ своего ребенка, а та не отдаетъ, должны, вишь, ей за три недѣли, а чѣмъ же ей заплатить, коли денегъ нѣтъ!

— Можете вы указать мнѣ этотъ домъ, дитя мое?

— Могу.

— Въ такомъ случаѣ зайдите въ церковь завтра вечеромъ, послѣ службы.

Заплаканое молодое лицо вдругъ просіяло.

— Вы мнѣ поможете добыть мою дѣвчурку? О какъ вы добры! Всѣ и то говорятъ: Что это за батюшка такой прояви....—Она запну-

лась и уже другимъ тономъ добавила:—Надо будетъ призанять у кого-нибудь большой платокъ, а то какъ ее домой нести. Говорятъ, они все закладываютъ; можетъ, и мое бѣленькое одѣяльце пошло туда же... Никогда больше не отдамъ ея, съ глазъ не спущу.

— Какъ васъ зовутъ, дитя мое?

— Агата Джонсъ.

Было около одиннадцати часовъ вечера, когда они собрались въ путь. Агги успѣла исполнить свой «нумеръ» въ двухъ разныхъ клубахъ; Джонъ Стормъ—пройтись съ своей свитой по Кроунъ-стриту, причемъ одинъ изъ «скелетовъ» угодилъ ему камнемъ въ голову. Выходя изъ дому, онъ остановился, чтобъ попросить м-рсъ Пинчеръ не ложиться до его возвращенія, и дѣвушка замѣтила у него на вискѣ кусокъ пластыря.

— Можетъ быть, вы передумаете, сэръ, не пойдете?—робко спросила она.

— Времени терять нельзя,—былъ отвѣтъ.

Собака слѣдовала за ними; со дня покушенія на его жизнь Джонъ неотлучно держалъ ее при себѣ.

По дорогѣ Агги разсказала ему, гдѣ она была и сколько денегъ заработала — цѣлыхъ десять шиллинговъ; на это можно накупить столько вещей для малютки.

— Завтра же куплю корзинку—плетеную; желѣзныя очень ужъ дороги. Ну и башмачки тоже понадобятся...

Джонъ Стормъ думалъ о Глори; ему казалось, что передъ нимъ, шагъ за шагомъ, проходитъ ея жизнь въ Лондонѣ.

— Ей вѣдь ужъ мѣсяцъ, т. е. завтра будетъ мѣсяцъ. Подросла ли она? вѣрно, подросла. Не хорошо отдавать своихъ дѣтей на сторону. Я больше ни за что не стану выходить по вечерамъ, — лучше буду платье шить для матросовъ.

— Смотрите! — Агги нервно разсмѣялась, указывая на платокъ, висѣвшій у нея на рукѣ. — Это чтобъ завернуть ее, ночи такія холодныя...

У Джона ныло сердце при видѣ этихъ приготовленій, но юная мать сіяла радостью. Они прошли подъ лѣсами, окружающими аббатство, и, съ трудомъ пробираясь черезъ невылазную грязь, укрытую тѣнью мрачной Мильбанкской тюрьмы, столкнулись съ кучкой солдатъ, шедшихъ подъ руку съ дѣвушками. Агги вспомнила о своемъ «дружкѣ» и даже всплакнула немного, говоря, что уже цѣлую недѣлю не видѣла его и ужъ боится, не попалъ ли онъ въ лапы полиціи. Онъ иногда бываетъ грубъ, но въ общемъ недурной малый и никогда не дерется, развѣ только въ пьяномъ видѣ.

Домъ, куда они направлялись, находился во дворѣ Ангела, имѣлъ только одинъ фронтовый входъ и потому былъ частью укрытъ отъ наблюденій. На углу неподалеку стояла кучка женщинъ; онѣ шептались, наклонившись другъ къ другу и накрывъ головы передниками;

одна изъ нихъ узнала Агги и спросила, удалось ли ей выхватить свою дочку. Джонъ остановился, началъ разспрашивать. Домъ—настоящій вертепъ. Народъ тамъ собирается самый что ни на есть отпѣтый; врядъ ли найдется хоть одинъ, который бы не «отсидѣлъ своего срока». Хозяина зовутъ Шарки; хозяйка, кажется, еще злѣе мужа; скверная баба; теперь набрала ребятъ по семи фунтовъ со штуки, а «такія деньги, сами понимаете, сэръ, выгоднѣе получать за мертваго, чѣмъ за живого».

Агги вся поблѣдѣла и тронула за локоть Джона Сторма, какъ бы умоляя его идти дальше, но онъ продолжалъ разспрашивать. Есть ли теперь дѣти?—Да, нѣсколько штукъ. Одинъ мальчишка, годовалый, страсть зубами мучается; а эта вѣдьма по воскресеньямъ, когда ей нужно сидѣть внизу, бросаетъ его одного на цѣлый вечеръ: уложитъ въ постель и запретъ на ключъ. Такъ онъ, бѣдненькій, кричитъ-кричитъ, пока не охрипнетъ; черезъ стѣну-то все слышно.

— Агата,—сказалъ Джонъ, когда они подошли къ двери,—главное, надо проникнуть въ домъ; остальное ужъ предоставьте мнѣ. Донъ, лежи смирно.

Агги постучала. Изнутри отодвинули маленькое окошечко и чей-то голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Агги.

— А еще кто съ тобой?

— Другъ Чарли.—Дверь отворилась.

Джонъ первый переступилъ черезъ порогъ, за нимъ послѣдовала собака; Агата вошла послѣдней. Молодой человѣкъ, со свѣчей въ рукѣ, отворившій имъ дверь, остолбенѣлъ отъ изумленія при видѣ священника.

— Тсс! Ни слова! Донъ, стереги этого человѣка!

Юноша взглянулъ на собаку и поблѣднѣлъ.

— Гдѣ м-рсъ Шарки?

— Внизу, сэръ.

Снизу доносились мужскіе голоса; наверху надрывался-кричалъ ребенокъ, но голосъ его доносился глухо, должно быть, изъ-за запертой двери.

— Дайте мнѣ вашу свѣчу.

Юноша отдалъ.

— Ни слова, не шумѣть, иначе...

Онъ посмотрѣлъ на собаку; юноша вздрогнулъ.

— Идите наверхъ, дитя мое.

Добравшись до комнаты, гдѣ кричалъ ребенокъ, они попытались отворить дверь; она была заперта на задвижку. Джонъ навалился на нее; дверь не поддавалась. Рыданія перешли въ тихіе стоны; истомленное дитя, очевидно, засыпало.

Дверь разомъ была отворена. Они вошли. Комната оказалась общая, семейная. На очагѣ шипѣлъ котелокъ; мебель состояла изъ стола, нѣсколькихъ стульевъ и растрепаннаго дивана; нигдѣ никакихъ признаковъ ключа; на полу валялись нѣсколько нумеровъ газетъ, на стѣнахъ висѣли картинки, изображавшія скаковыхъ лошадей, и карточки съ разными памятными замѣтками; на одной былъ написанъ какой-то текстъ изъ Евангелія. Агата дрожала точно отъ холода; смутный страхъ леденилъ ея сердце.

— Ничего не подѣлаешь, придется сойти въ погребъ, — сказалъ Джонъ.

Юноша въ передней стоялъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, съ ужасомъ вглядываясь въ налитые кровью глаза собаки, сверкавшіе изъ темноты. Джонъ передалъ дѣвушкѣ свѣчку, и они стали безшумно спускаться по лѣстницѣ. Въ домѣ не замѣтно было никакого движенія. Часы на большомъ Бенѣ пробили полночь.

Съ половины лѣстницы можно было уже обозрѣть весь притонъ. Это былъ большой подвалъ со сводами, предназначавшійся для прачешной. Вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, собралось человѣкъ пятнадцать—двадцать, преимущественно иностранцевъ; на столѣ горѣла маленькая лампочка. Одни сидѣли; другіе стояли; они играли въ фараонъ. Кромѣ банкомета, пожилого мужчины съ мутнымъ взглядомъ привычнаго пьяницы, всѣ смотрѣли въ сторону, противоположную лѣстницѣ.

Никто не курилъ и не пилъ; разговаривали между собой только, когда приходилось брать или отдавать ставку. Тогда подымалась ссора и ругань на англійскомъ языкѣ, смѣнявшіяся тягостнымъ жуткимъ молчаніемъ; казалось, что-то ужасное висѣло въ воздухѣ. Лампа ярко освѣщала столъ, но остальная часть комнаты тонула во мракѣ.

Сводъ, выведенный надъ улицей, былъ обращенъ въ буфетъ; на стойкѣ нагроможденъ былъ изрядный запасъ бутылокъ. За конторкой совсѣмъ въ тѣни, сидѣла женщина и вязала. У нея было широкое, бѣлое лицо, крупныя черты и красныя щеки. Надъ головой ея рѣшетчатое оконце въ сводѣ выходило на тротуаръ. Кто-то, проходя, ступилъ на него; раздался глухой шумъ, словно отъ комка земли, упавшаго на крышку гроба.

Джонъ Стормъ не былъ трусомъ, но ему стало жутко въ этомъ подземномъ притонѣ людей, дошедшихъ до послѣдней степени скотства. Прошло добрыхъ двѣ минуты, прежде чѣмъ его замѣтили. Затѣмъ женщина тихонько прошипѣла: «Кошачье мя-я-я-со!» и онъ понялъ, что его увидали. Игроки повернулись поглядѣть на него, не всѣ сразу, медленно, осторожно, украдкою. Банкометъ съ изумленнымъ лицомъ навалился на столъ, стараясь сгрести и спрятать разбросанные карты.

Джонъ стоялъ спокойно; лицо его выражало мужество и самоувѣ-

ренность. Группа мужчинъ стала рѣдѣть: одинъ за другимъ исчезали они въ заднюю дверь, выходившую во дворъ, ибо трущобы, гдѣ ютятся двуногіе гады, подобно крысьимъ норамъ, всегда имѣютъ два выхода.

Не прошло и минуты, какъ подвалъ почти опустѣлъ. Остались только банкометъ, жена его и еще одинъ молодой человѣкъ; молодой человѣкъ былъ Чарли.

— Зачѣмъ пожаловали? — небрежно бросилъ онъ Джону. — Опять фокусы будете показывать! Милости просимъ!—И онъ швырнулъ колоду картъ къ ногамъ Джона.

— Это твоя подлянка привела его,—замѣтила женщина.

— Да ужъ попались, такъ нечего, — отозвался Чарли, подходя къ стойкѣ; онъ взялъ стаканъ, оббилъ края и, выставивъ ихъ наружу, приготовился воспользоваться имъ, какъ оружіемъ.

Джонъ Стормъ не выговорилъ еще ни слова, но инстинктъ подсказалъ ему, что нужно дѣлать. Онъ свистнулъ; собака мигомъ очутилась подлѣ него. Молодой человѣкъ швырнулъ стаканъ на полъ и крикнулъ хозяину:

— Не дыши, а то она перегрызетъ тебѣ глотку!

Услыхавъ голосъ «дружка», Агги сбѣжала внизъ и вскрикнула:

— Чарли!

Чарли распахнулъ сюртукъ, заложилъ большіе пальцы въ карманы жилета, съ гнѣвомъ и ненавистью бросилъ ей бранное слово и развязно направился къ задней двери. Хозяинъ, кажется, хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но Джонъ велѣлъ ему остаться. Тотъ взглянулъ на собаку и повиновался.

— Что вамъ нужно отъ меня?

— Ребенка этой молодой женщины. Это прежде всего. Остальное скажу послѣ.

— А! такъ вотъ оно что! — Лицо хозяина исказилось страшной гримасой.

— Дѣвчонки нѣтъ, сэръ. Померла она,—вмѣшалась хозяйка.

— Стара штука! Меня этимъ не проведешь, голубушка. Иди наверхъ и отопри дверь. Ты тоже иди, хозяинъ!

Въ спальнѣ они нашли трехъ дѣтей, заброшенныхъ, грязныхъ; постелью имъ служили лохмотья; годовалый мальчикъ спалъ въ плетеной корзинѣ; другой, лѣтъ трехъ, на деревянной койкѣ; самый маленькій—въ кроваткѣ. Агги вошла послѣдней и стояла у двери, дрожа и плача.

— Ну, Агата, ищи же свою дѣвчурку,—сказалъ Джонъ.

Молодая мать впилась жаднымъ взоромъ въ корзину, потомъ въ койку, кроватку.

— Вотъ она!.. Нѣтъ; ея нѣтъ здѣсь!—вскрикнула Агата, ломая руки.

— Я жъ тебѣ сказала, — съ злорадной усмѣшкой вмѣшалась хозяйка, указывая на памятную карточку, прибитую къ стѣнѣ.

Дѣвочка умерла; ее уже похоронили. Умерла отъ поноса; докторъ изъ безплатной лѣчебницы выдалъ свидѣтельство о смерти; страховую премію они подѣлили съ Чарли. Съ того дня онъ пьетъ безъ просыпа.

Бѣдная дѣвушка была ошеломлена; она даже не плакала, а только повторяла:

— Что же мнѣ дѣлать? Что мнѣ теперь дѣлать?

— А это чей ребенокъ?—спросилъ Джонъ, наклоняясь надъ ивовой корзинкой, гдѣ, вволю наплакавшись, уснулъ маленькій страдалецъ, съ распухшими, воспаленными деснами.

— Это господское дитя,—отозвалась хозяйка.—М-рсъ Джупъ наказывала намъ хорошенько смотрѣть за нимъ. Отецъ какой-то лордъ.

Джонъ обернулся къ Агги.

— Дитя мое, можете вы снести ко мнѣ домой этого ребенка?

Дѣвушка, плача, завернула спящаго малютку въ платокъ и взяла его на руки.

— Ну ужъ это дудки! — вскричалъ хозяинъ, загораживая собой дверь.—Мнѣ этотъ ребенокъ стоитъ сотни фунтовъ, и...

— Прочь съ дороги, животное!—сказалъ Джонъ и вмѣстѣ со своей спутницей вышелъ изъ дому.

Входная дверь была настежъ открыта. Шумъ разбудилъ сосѣдей. Во дворѣ собралась кучка женщинъ, грязныхъ, растрепанныхъ, въ однѣхъ нижнихъ юбкахъ. Агги опять зарыдала; Джонъ провелъ ее сквозь толпу, не вымолвивъ ни слова. Ребенокъ всю дорогу не переставалъ кашлять, Агги—стонать и плакать.

Дома ихъ ждала м-рсъ Пинчеръ въ своемъ вдовьемъ чепцѣ и бѣломъ передникѣ. Джонъ Стормъ передалъ мальчика на ея попеченіе и сказалъ Агги, которая повернулась было, чтобы идти.

— Бѣдное дитя, вы жестоко пострадали; но если вы согласны бросить этого человѣка, я помогу вамъ начать жизнь съизнова; если вамъ нужны деньги, я ихъ достану.

Но дѣвушка отвѣтила тономъ полной безнадежности.

— Мнѣ не нужно денегъ, и я не могу начинать жизнь съизнова.

Она вышла и все время, пока она шла по двору въ свою каморку, изъ груди ея вырывались отрывистые тихіе стоны.

Прежде чѣмъ лечь спать, Джонъ Стормъ написалъ письмо Глори.

«Ура! Ребенокъ Полли у меня, такъ что вы можете спать спокойно... Мнѣ помогла выслѣдить его такая же несчастная, кажется, кордебалетная или что-то въ этомъ родѣ. Нестерпимо больно было смотрѣть на нее, когда она несла ребенка Полли; ея собственная дочурка умерла ее схоронили, даже не увѣдомивъ мать. Если Богъ не смилуется надъ ней, она кончитъ дурно. Когда же, наконецъ, люди научатся щадить измученныя сердца этихъ бѣдныхъ падшихъ созданій, когда поймутъ, что Господь знаетъ, что дѣлаетъ, посылая имъ дѣтей. Оставьте дитя при матери, развейте въ ней материнскій инстинктъ и вы создадите

хорошихъ женщинъ. Разлучите ихъ и одно пойдетъ въ могилу, а другая—къ чорту въ лапы.

«Ну, слава Богу, теперь ребенокъ Полли въ хорошихъ рукахъ. За него взялась м-рсъ Пинчеръ; это добрѣйшая женщина, она рождена быть бабушкой и будетъ любить его, какъ родного внука. Я самъ всю дорогу домой строилъ планы воспитанія дѣтей на новыхъ началахъ. Кто обижаетъ ребенка, совершаетъ преступленіе противъ государства. Какъ бы низко ни пала женщина, она остается подданной короны, а если она мать, то и кредиторомъ ея... Вы указали мнѣ новый путь, великую, славную миссію. Хвала Господу Богу и Глори Квэйль во вѣки вѣковъ! Можетъ быть—кто знаетъ?—когда-нибудь вы сами примете въ ней участіе. Какъ подумаю, сколько драгоцѣннаго времени я потерялъ въ монастырѣ... Ну да что жалѣть! безъ этого я не былъ бы здѣсь.

«О, жизнь полна чудесъ! Боюсь только, чтобъ все это не оказалось сномъ, чтобъ мнѣ не проснуться гдѣ-нибудь на улицѣ. Глубоко огорченъ болѣзнью дѣда. Надѣюсь, все обойдется благополучно..

«Въ Гленфаба, можетъ быть, и скучно, но пока вамъ лучше побыть вдали отъ водоворота лондонской жизни. Вашъ домикъ такой уютный, что во время бурь даже чайки прячутся подъ его кровлю... Но къ чему же Роза? Неужели ей негдѣ провести лѣтнія вакаціи, кромѣ Пиля?..»

IX.

Гленфаба.

«Что вы со мной дѣлаете, дорогой мой Джонъ Стормъ? Вѣдь это все равно, что сыпать человѣку на голову горящую сѣру или раскаленные уголья. Ваше письмо, полное энтузіазма, придавило меня; точно волна нахлынула и бросила нà-земь. Вотъ жизнь! Вотъ цѣль! А я—я лежу здѣсь, какъ старая туфля, выброшенная моремъ на берегъ. Ахъ, какая жалость, какая жалось! Такъ дивно было бы окунуться въ эту кипучую дѣятельность, уйти съ головой въ эту борьбу, что бы тамъ изъ нея ни вышло́! Найти такое дѣло, чтобъ всколыхнуло всю душу, черезъ край переполнило сердце!.. А здѣсь—садъ души моей вянетъ и я расточаю даромъ сѣмя, которое должна бы сѣять.

«Роза пріѣхала. Она живетъ у насъ уже съ мѣсяцъ и, что́ бы вы тамъ ни говорили, она очаровательна. У нея такіе широкіе взгляды, я такъ люблю слушать, когда она говоритъ. Правда, иногда ея слова разстраиваютъ меня, но это отъ того, что я такая злая и завистливая. Когда она разсказываетъ про разныхъ Бетти и Элленъ, про ихъ необычайные успѣхи и тріумфы, я чувствую себя ниже всякой ползучей твари...

«Да, идеалъ женщины теперь совсѣмъ иной, чѣмъ въ дни молодости моихъ тетушекъ. Нерѣдко, слушая Розу и глядя на Рэчель, съ ея черными буклями, и Анну, съ ея старомодной накладкой, я вздрагиваю и

задаю себѣ вопросъ: Къ чему бороться? Какая награда ждетъ того, кто отрекается отъ обаянія жизни и свѣта? Никакой. Ничего, кромѣ одинокой старости, вѣчнаго дѣвичества. Хорошо, если у тебя есть сестра, а если нѣтъ, кому раздѣлить твой стыдъ? Мечты, мечты и только мечты. Послѣ смерти старика отца открывай пансіонъ для дѣвицъ, но родныхъ дѣтей нѣтъ, думать о тебѣ некому, любить тебя некому, копишь, экономишь, годъ отъ году становишься миніатюрнѣе, старообразнѣе, становишься желтой и сморщенной, какъ яблоко, залежавшееся на полкѣ, а затѣмъ... затѣмъ конецъ.

«И все же я стараюсь, изо всѣхъ силъ стараюсь остаться «вѣрной моему лучшему я», потому что *нѣкто* сказалъ мнѣ, что это мой долгъ. Я устраиваю ужины для бѣдныхъ, пою для нихъ, но — человѣкъ не можетъ жить однѣми дешевыми столовыми... Зная себя, зная, какая я жалкая, слабая, тщеславная, я иногда спрашиваю себя, не лучше ли поддаться требованіямъ своей природы, вмѣсто того, чтобы бороться ради достиженія безплотнаго идеала, который ни чуточки не похожъ на меня и существуетъ только въ сердцѣ того, кто считаетъ меня гораздо, гораздо лучшей, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ.

«Впрочемъ, это не значитъ, чтобы мое притворство било въ глаза. Никто и не замѣчаетъ, какая я лицемѣрка, хотя надняхъ, не далѣе, какъ вчера, я чуть было не выдала себя. Надо вамъ знать, что когда я, по повелѣнію Джона Нокса второго, повернула спину Лондону, я захватила съ собой свои костюмы. Здѣсь я, конечно, не осмѣлилась развѣсить ихъ въ шкафу и держу ихъ подъ замкомъ въ корзинѣ. Они притаились тамъ, словно злые дýхи въ засадѣ; иной разъ запахъ духовъ, исходящій отъ нихъ, такъ и щекочетъ мнѣ нервы, такъ и тянетъ открыть, посмотрѣть... Искушеніе страшное, но я противилась, я побѣдила и торжествовала вплоть до вчерашняго вечера. Вчера зашелъ разговоръ о Джульеттѣ; Роза восхищалась ею и говорила, что на столичныхъ сценахъ нѣтъ никого, кто подходилъ бы къ типу Джульетты, кто могъ бы сыграть эту роль.

«Какъ вы думаете, что я сдѣлала? Сказать? Такъ и быть, скажу! Я шмыгнула наверхъ, въ свою комнату, вытащила изъ подъ кровати завѣтную корзину, достала свои парчи и шелки, свои милыя, милыя платьица и принялась наряжаться! Потомъ стала декламировать монологъ передъ пріемомъ соннаго питья, сначала тихо, потомъ громче и громче, все время глядясь въ зеркало. Свѣчу я потушила и въ комнатѣ не было огня, только луна свѣтила мнѣ прямо въ лицо; но я вся пылала, вся душа моя всколыхнулась; окончивъ, я выпрямилась, откинула назадъ голову, закрыла глаза, чувствуя, что сердце мое перестало биться, и выговорила: «*Я—я* Джульетта, ибо я великая артистка!»

Бѣдный дѣдушка! Въ послѣднее время онъ сталъ совсѣмъ, какъ дитя. Онъ видитъ въ Розѣ существо высшей расы и, чуть только я отвернусь, поминутно спрашиваетъ ее: «какого вы мнѣнія о моей

внучкѣ, миссъ Макквогри? — «Она обезсмертитъ ваше имя, м-ръ Квэйль?»—«Въ самомъ дѣлѣ? вы серьезно такъ думаете?» Роза начинаетъ городить всякій вздоръ, а бѣдный мой старичекъ слушаетъ и въ восторгѣ.

«Но я не разъ замѣчала, что послѣ такихъ разговоровъ онъ ходитъ, повѣся голову, съ мокрыми глазами, и надтреснутымъ голосомъ говоритъ теткамъ: «Она опять уѣдетъ. Вотъ увидите. Ея красота и таланты принадлежатъ всему міру». А я каждый разъ накидываюсь на нихъ и начинаю браниться, зачѣмъ они говорятъ глупости.

«Тѣмъ не менѣе онъ начинаетъ подозрѣвать Розу; ему кажется, что она соблазняетъ меня, подговариваетъ уѣхать. Какъ-то на прошлой недѣлѣ мы потихоньку убѣжали въ садъ, чтобъ укрыться отъ его бдительныхъ взоровъ. Солнце садилось; отблескъ заката озарялъ небо и море; мы шли низомъ, тою тропинкой, что бѣжитъ надъ рѣкой, подъ изгородью изъ фуксій. Роза говорила о Лондонѣ, о томъ, какую тамъ можно сдѣлать чудную карьеру, какъ легко найти деньги, поддержку, найти людей, которые будутъ всячески способствовать вамъ, даже готовы пріобрѣсти для васъ особый театръ и т. д. Я и спорила, и поддакивала: «Да, еслибъ это была настоящая сцена»... Вдругъ, листья фуксій зашелестѣли, точно отъ вѣтра и на тропинкѣ выше послышались шаги.

«Это былъ дѣдушка подъ руку съ Рэчелью; онъ слышалъ мои слова и вообразилъ, что я всѣхъ обманываю и веду какіе-то тайные переговоры! Въ продолженіе слѣдующихъ пяти минутъ «великая артистка» говорила языками ангельскими и человѣческими, употребляя всѣ усилія, чтобы пустить пыль въ милые старческіе глаза и отогнать прочь сомнѣнія. Игра была чудная, смѣю васъ увѣрить,—въ другой разъ мнѣ ужъ такъ не сыграть. «Публика» была увлечена, дѣдушка успокоился. А все-таки, входя въ домъ, я слышала, какъ онъ говорилъ тетѣ: «Ахъ, Рэчель, тутъ ничего не подѣлаешь. Скучно ей съ нами— да и что удивительнаго! Не удержать намъ въ клѣткѣ нашу пташечку; пожалуй, не надо и удерживать. Прилетѣла, попѣла, развеселила насъ и опять прочь улетитъ. Мы люди старые—что пользы плакать...» Уходя на ночь въ свою комнату, онъ заперъ двери и читалъ молитвы шепотомъ, чтобъ мнѣ не слышно было, что онъ плачетъ.

«Съ того дня онъ не встаетъ съ постели. Боюсь, что и не встанетъ. Не разъ у меня на языкѣ вертѣлось сказать, что ничего страшнаго тутъ нѣтъ, что ни потопа, ни свѣтопреставленія не произойдетъ, если я и дѣйствительно уѣду въ Лондонъ; но теперь я не могу его оставить, Не могу слышать, когда тетя Рэчель разсказываетъ о томъ, что было послѣ перваго моего отъѣзда. Говорятъ, онъ каждый вечеръ, идя спать, заходилъ по дорогѣ въ мою пустую комнатку и выходилъ оттуда съ отуманеннымъ взоромъ, что-то шепча про себя. У меня сердце не черствое, но *такъ* любить дѣдушку я не могу. Ахъ, какъ

жестока жизнь... Я знаю, что нужно бы чувствовать по другому... но не могу, не могу! Я чуть не плачу, когда подумаю, какъ коротка жизнь... Сердце мое повторяетъ: Прилѣпись къ нимъ душою, держись ихъ, а Лондонъ зоветъ, тянетъ къ себѣ, словно морская пучина, и я, какъ сирена на сушѣ, тоскую по родному океану.

Позже.

Все кончено. Занавѣсъ опустился, а я не плачу. Если я и плакала раньше, то не отъ горя, а отъ умиленія, такъ хорошъ, такъ величественъ былъ конецъ! Солнце садилось, лучи его горизонтально врывались въ комнату. Дѣдушка очнулся отъ долгой дремоты, и ангельская ясность разлилась по лицу его. Видно было, что онъ снова сталъ самимъ собой и понялъ, что онъ старикъ, а я молода. «Лодки уже ушли?» спросилъ онъ, подразумѣвая рыбачьи лодки, которыя выходятъ въ море на закатѣ. Я выглянула и сказала, что рыбаки готовятся къ отплытію. «Я хочу посмотрѣть, какъ они отчалятъ». Я обняла его, приподняла и посадила такъ, чтобы ему была видна вся гавань. Отблескъ заката упалъ на серебряныя сѣдины и озарилъ старческое лицо точно небеснымъ сіяніемъ, согнавъ съ него холодъ и тѣни смерти. Вечеръ былъ замѣчательно тихій, лодки отчаливали одна за другой со спущенными наполовину парусами. «Ахъ,—молвилъ онъ,—со мной не такъ, Глори. Я плыву въ гавань, а не изъ гавани. Всю жизнь я лавировалъ подъ вѣтромъ, но теперь вижу свою тихую пристань такъ же ясно, какъ Пиль, и жду только конца прилива и командира порта, чтобы поднять флагъ».

«Голова его тихонько откинулась мнѣ на плечо, губы измѣнили цвѣтъ, но глаза не закрылись; а по лицу скользнула кроткая блаженная улыбка. Такъ умеръ христіанинъ и джентльменъ,—простое, невинное, счастливое, жизнерадостное созданіе, подобное дитяти, — таковыхъ же есть царство небесное.

Глори».

Письмо пастора Квэйля.

«*Милый Джонъ*, прежде чѣмъ это письмо дойдетъ до васъ, или, можетъ быть, одновременно съ нимъ, вы получите другую вѣсть. Я «у пристани»; этимъ все сказано. Докторъ говоритъ, что конецъ можетъ наступить и теперь, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но я жду своего освобожденія въ скоромъ времени, и, придетъ ли оно завтра съ закатомъ солнца, или сегодня съ приливомъ, я предаюсь въ руци Того, въ чьей власти всѣ мы находимся. Не даромъ сказалъ мудрецъ: «День нашей смерти лучше дня нашего рожденія»; поэтому я, собравъ послѣднія силы, какія оставила мнѣ старость, отъ всей души шлю вамъ свое послѣднее слово и завѣтъ.

«Бѣдныя мои старушки дочери глубоко огорчены, но Глори, какъ всегда, вѣрна и мужественна. Люди говорятъ, что она унаслѣдовала характеръ своей бѣдной матери и французское легкомысліе; но я то знаю, что въ ней живетъ доблестный духъ ея отца и молю Бога, чтобы, когда придетъ мой смертный часъ, меня обнимали ея любящія, сильныя руки.

«Перехожу къ цѣли моего письма. Приходъ мой скоро освободится и не знаю, кто будетъ моимъ преемникомъ. Это прелестное мѣстечко, Джонъ! Старая церковь выглядитъ недурно, когда надъ ней сіяетъ солнце; старый садъ въ лѣтнее время полонъ цвѣтовъ и плодовъ. Говорилъ ли я вамъ когда-нибудь, что Глори и родилась здѣсь? У меня не было другихъ внуковъ, кромѣ нея, и мы сразу страшно подружились. Она была такая умненькая и веселая, а я вѣдь самъ старое дитя; сколько мы, бывало, съ ней бѣгали и возились въ саду. Сколько ни стараюсь, не могу представить себѣ этихъ мѣстъ безъ нея; получается лишь безплодное и мучительное усиліе; даже въ то время, какъ она была далеко, въ вашемъ огромномъ зломъ Вавилонѣ, полномъ опасностей и искушеній, призракъ ея, казалось, прятался за каждымъ деревцомъ, за каждымъ кустомъ, иногда выбѣгалъ изъ засады и кидался ко мнѣ, заливаясь смѣхомъ.

«Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ вашего отца, но слышалъ, что онъ недавно сжегъ свой бюро, сжегъ все, что̀ онъ копилъ въ продолженіе двадцати лѣтъ. Это новость не скажу, чтобы очень худая; можетъ быть, теперь, когда обида и скорбь улеглись, онъ обрадуется, если вы вернетесь домой и съ любовью приметъ васъ въ свои объятія.

«Но глаза мои устали, болятъ; перо дрожитъ въ рукѣ. Прощайте! прощайте! прощайте! Старикъ оставляетъ вамъ въ наслѣдство свое благословеніе, Джонъ. Дай Богъ, чтобы мы во благовременіи встрѣтились въ селеніяхъ райскихъ, пребывая въ блаженствѣ и радости, чтобы Господь осѣнилъ насъ своимъ милосердіемъ и простилъ намъ всѣ наши прегрѣшенія.

Адамъ Кеэйлъ».

X.

Письмо Глори и вложенное въ него посланіе пастора оказали на Джона то же дѣйствіе, какъ дождь, хлестнувшій въ лицо всадника; онъ только пришпорилъ коня и поскакалъ еще быстрѣе.

«Гдѣ взять словъ,—писалъ онъ,—чтобы выразить, что я почувствовалъ, получивъ это грустное извѣстіе. А, впрочемъ, почему грустное? Дѣло жизни его закончено, миссія выполнена, смерть его не что иное, какъ мирная побѣда, мы должны бы радоваться тому, что освобожденіе досталось ему такъ легко. Надѣюсь, что вы не станете слишкомъ убиваться и не позволите этой смерти остановить теченіе вашей жизни.

*

Это было бы несправедливо. Сердце его до конца пребыло непорочнымъ, не омраченнымъ и тѣнью грѣха; старость его была, какъ тихій день, мирно склонившійся къ закату. Ложь и притворство были совершенно чужды ему; онъ даже не замѣчалъ дурного въ окружающихъ, но въ то же время былъ терпимъ и ко всѣмъ добръ и ласковъ. Зачѣмъ же тосковать о немъ. Онъ у пристани, въ безопасности.

«Въ письмѣ онъ предлагаетъ мнѣ занять его мѣсто. Но мой долгъ остаться здѣсь и отдать всѣ свои силы Лондону. Болѣе чѣмъ когда-нибудь я сознаю свою отвѣтственность передъ вами, Глори, но время еще не приспѣло... Я наканунѣ великаго усилія. Многое надо испробовать, на многое рискнуть. Мы точно собираемъ манну, каждый день понемножку. Пока поручаю васъ Божьей помощи и защитѣ. Постарайтесь утѣшить вашихъ тетушекъ и дайте мнѣ знать, не могу ли я быть имъ полезнымъ».

Не успѣли чернила высохнуть на этомъ письмѣ, какъ Джонъ Стормъ былъ уже поглощенъ другими дѣлами. Онъ все время находился въ лихорадочномъ возбужденіи. Больше всего увлекался онъ затѣяннымъ имъ грандіознымъ дѣломъ избавленія, спасенія женщинъ и дѣтей. Про себя онъ называлъ его дѣломъ Глори. Ради него онъ готовъ былъ занимать деньги, просить милостыню, при извѣстныхъ условіяхъ, способенъ былъ даже украсть для него.

М-рсъ Каллендеръ только головой качала.

— Гляди, парень, какъ бы скандала не вышло. Дѣло-то это, думается мнѣ, женское.

— «Будь чистъ, какъ ледъ и бѣлъ, какъ снѣгъ». Ну да не бѣда. Я заставлю церковь вооружиться всѣми силами противъ этого грѣха. Толкуютъ о единеніи всѣхъ христіанъ. Если это говорится серьезно, мы должны соединиться прежде всего для защиты и освобожденіи женщинъ.

— Ну, а денегъ-то гдѣ же взять на это?..

— Гдѣ угодно—вездѣ. Притомъ же, у меня есть банкъ, гдѣ я могу черпать безъ конца, тетушка.

— Неужто ты опять о первомъ министрѣ?

— Я говорю о Царѣ царей. Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ.

Такъ его безграничный энтузіазмъ попиралъ всѣ преграды, а въ глубинѣ его души, позади всѣхъ другихъ мыслей, таилась мысль о Глори. Онъ приготовляетъ ей путь; она вернется; ее ждетъ славная карьера, великая миссія; ясная душа ея засіяетъ звѣздою; она увидитъ, что онъ былъ правъ и вѣренъ, и тогда... тогда... Тутъ въ немъ закипала вся кровь; онъ не могъ думать объ этомъ спокойно.

На постройку убѣжищъ нужны были деньги, три тысячи фунтовъ, и Джонъ отправился добывать ихъ. Первый визитъ онъ сдѣлалъ м-рсъ Макрэ. У подъѣзда ему попался на встрѣчу ея любимый пудель въ

бурой попонкѣ, вышедшій въ сопровожденіи лакея на свою обычную прогулку вокругъ сквера.

Онъ назвалъ себя «отцомъ Стормомъ»; послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія ему сказали, что у барыни болитъ голова, и она сегодня не принимаетъ.

— Скажите, что ее желаетъ видѣть племянникъ перваго министра.

Не успѣлъ лакей вернуться, какъ на лѣстницѣ зашелестѣло шелковое платье, и сама хозяйка позвала его:

— Войдите, пожалуйста, дорогой м-ръ Стормъ. Съ моей прислугой такая скука,—вѣчно путаютъ имена.

Время сказалось на ней: она постарѣла, морщинки около глазъ выступили явственно, несмотря на всѣ старанія подтянуть ихъ. Тѣмъ не менѣе, гривка была завита, и вся ея особа разливала вокругъ себя благоуханіе.

— Я слышала о вашемъ возвращеніи, милѣйшій м-ръ Стормъ, — тянула она, по дорогѣ въ гостиную, томнымъ голосомъ знатной дамы, но съ акцентомъ Санъ-Луи.—Дочь моя говорила мнѣ... Она по прежнему интересуется вашимъ дѣломъ... О да, она совсѣмъ здорова, очень веселилась въ Парижѣ. Вы, конечно, знаете, что она вышла замужъ. Тяжелая утрата для меня, но знаете... воля Божія... материнскій долгъ...— Далѣе слѣдовало патетическое описаніе чувствъ матери, утѣшающейся только тѣмъ, что ея зять принадлежитъ къ «одной изъ лучшихъ фамилій», что всѣ газеты кричали о пышной свадьѣ, о роскоши свадебныхъ туалетовъ и т. д. и т. д.

Джонъ вертѣлъ въ рукѣ шляпу и слушалъ.

— Что вы предпринимаете теперь въ Сого?

Джонъ заговорилъ о своемъ убѣжищѣ для работницъ; мнимая аристократка дѣлала видъ, что это ее глубоко интересуетъ и удивлялась, какъ мало на все это нужно денегъ.

— Всего три тысячи! Это вы легко найдете.

— Если бы богатые помнили, что ихъ богатство только залогъ, ввѣренный имъ...

— Я помню — всегда помню. «Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ»—какой это дивный текстъ!

— Радъ слышать это отъ васъ, сударыня. Есть много христіанъ, которые допускаютъ, что Богъ есть Богъ вдовъ и сиротъ, но сами на дѣлѣ поклоняются богамъ изъ серебра и злата.

— Ахъ, я такъ люблю милыхъ дѣтокъ, люблю посѣщать пріюты; они такіе милые въ своихъ бѣлыхъ передничкахъ, такъ забавно присѣдаютъ. Но вы говорите истинную правду, м-ръ Стормъ; я видѣла, напримѣръ, массу людей, которые безъ памяти любятъ кошекъ...—Слѣдовалъ длиннѣйшій разсказъ о пріятельницѣ, у который былъ персидскій котъ и потомъ умеръ, и она носила по немъ трауръ, и до сихъ поръ въ ея присутствіи нельзя говорить о кошкахъ.

Въ это время пудель вернулся съ прогулки. М-рсъ Макрэ подозвала его, принялась ласкать, говоря, что это подарокъ ея милаго покойнаго мужа; она такъ боится за него, онъ такого слабаго здоровья, такъ подверженъ простудѣ, несмотря на *trousseau*, сшитое для него моднымъ собачьимъ портнымъ въ Редженть-стритѣ.

Джонъ всталъ и откланялся.

— Итакъ, я могу разсчитывать на ваше участіе и поддержку?

— Ахъ да, ваше убѣжище... Видите ли, мнѣ надо посовѣтоваться съ архидіакономъ — онъ былъ такъ любезенъ, хотѣлъ зайти... Я жду его сегодня; я ничего не предпринимаю, не посовѣтовавшись съ нимъ, при моемъ здоровьѣ — у меня такое слабое сердце...— Она закинула назадъ голову и поднесла къ носу флаконъ съ духами.— А первый министръ развѣ не помогъ вамъ?

— Онъ далъ мнѣ двѣ тысячи фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ я сказала, что намъ нужно уговориться. Почему бы не устроить митинга у меня? Безъ различія классовъ, конечно? Я ничего не имѣю противъ—ради такого дѣла!..—И она обвела взглядомъ гостиную, какъ бы говоря себѣ, что всегда можно произвести дезинфекцію.

Спускаясь съ лѣстницы, Джонъ услыхалъ громкій кашель. На встрѣчу ему шелъ архидіаконъ. — А! — воскликнулъ онъ, привѣтствуя Джона граціознымъ движеніемъ руки, какъ будто они разстались не далѣе, какъ вчера, и въ наилучшихъ отношеніяхъ. — Да, много воды утекло; онъ перенесенъ въ среду болѣе высокой и полезной дѣятельности. Правда, друзья его мечтали о большемъ, но все же онъ архидіаконъ перваго разряда, а въ церкви, какъ и въ жизни вообще, главное—духъ приспособленія. Узнавъ, что дѣлаетъ Джонъ, онъ замѣтилъ болѣе свѣтскимъ тономъ: «Будьте осторожнѣе, милѣйшій Стормъ, не поощряйте порока, Мнѣ лично надоѣли эти разговоры о «падшей сестрѣ». Сказать правду, я не признаю такого родства. Размалеванная Іезавель съ бульвара Пиккадилли не сестра мнѣ.

— Мы не выбираемъ своихъ родныхъ, архидіаконъ. Если Богъ нашъ отецъ, значитъ, всѣ мужчины намъ братья, а женщины сестры,— угодно намъ это, или не угодно.

— А! вы все тотъ же. Но не будемъ спорить о словахъ. Давно видѣли милѣйшаго перваго министра? Довольно давно? Смотрите, говорятъ, воздухъ Доунингъ-Стритъ вреденъ для памяти...

И, продолжая громко кашлять, архидіаконъ сталъ подниматься на лѣстницу.

Джонъ Стормъ вернулся домой въ этотъ день съ пустыми руками, но съ тяжелымъ сердцемъ. Въ воскресенье онъ проповѣдывалъ на текстъ: «Эти люди приближаются ко мнѣ устами и чтутъ меня языкомъ, но сердце ихъ далеко отъ меня». Церковь была переполнена.

Но нѣсколько недѣль спустя лицо его просіяло и голосъ опять зазвучалъ бодро.

«Плывемъ на всѣхъ парусахъ,—писалъ онъ Глори.—Для осуществленія моей идеи я взялъ еще три тысячи фунтовъ у дяди, изъ материныхъ денегъ. Онъ далъ охотно, сказалъ только, что ему любопытно посмотрѣть, насколько, въ современной стадіи цивилизаціи, возможно приблизиться къ христіанскому идеалу. Но м-рсъ Каллендеръ дуется и осыпаетъ меня убійственными сарказмами всякій разъ, какъ я истрачу хоть шесть пенсовъ изъ моихъ собственныхъ денегъ на пользу церкви, а себя величаетъ «старой дурой», такъ что мнѣ же приходится утѣшать ее.

«Газеты издѣвались надъ моимъ «пріютомъ для младенцевъ», пока не провѣдали, что за мною стоитъ первый министръ. Теперь ихъ окрестили «убѣжищами отъ бурь», а мои ночныя прогулки похожденіями «арміи бѣлаго креста». Самъ архидіаконъ трубитъ о томъ, что онъ «съ самаго начала принималъ во мнѣ участіе» и руководилъ моими первыми шагами. Я надняхъ встрѣтился съ нимъ, и у насъ опять вышла маленькая стычка, а вчера получилъ отъ него записку съ предложеніемъ «организовать мое благородное начинаніе» и устроить обѣдъ въ честь основанія убѣжищъ. Не думаю, чтобы люди, обѣдающіе стадомъ и упивающіеся шампанскимъ могли быть добрыми дѣлателями на Божьей нивѣ, но я не возражалъ. Больше того, я согласился устроить митингъ въ гостиной одной свѣтской дамы, гдѣ будутъ присутствовать духовныя лица, свѣтскіе и члены благотворительныхъ обществъ,—словомъ, люди всѣхъ классовъ, ибо такое дѣло выше всѣхъ кастовыхъ и догматическихъ различій; я намѣренъ именно основать христіанскій союзъ на базисѣ общественности. М-рсъ Каллендеръ и за это пилитъ меня, напоминая, что «гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы». Архидіаконъ находитъ, что митингъ надо устраивать или до двѣнадцатаго августа, или уже во второй половинѣ сентября, и м-рсъ Каллендеръ объясняетъ это тѣмъ, что молъ «въ сезонъ охоты на тетеревовъ св. Духъ почиваетъ».

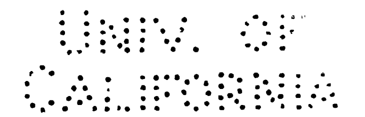
«Зато мой дѣвичій клубъ процвѣтаетъ. Наконецъ мы перешли въ новое помѣщеніе и устроились комфортабельно. Дѣло разгорается, что костеръ въ лѣсу. У насъ уже двѣсти членовъ, главнымъ образомъ швей и портнихъ, потомъ работницы съ конфектныхъ и спичечныхъ фабрикъ. Все молодыя веселыя лица, цвѣтущія, радостныя, въ лучшей порѣ жизни—дѣвичествѣ, еще не знакомомъ съ заботами семейной жизни. Люблю я быть между ними, глядѣть въ эти блестящіе глазки! М-рсъ Каллендеръ и по этому поводу мечетъ громы и молніи, увѣряя, что это не дѣло для «парня»; я же склоняю голову и молчу, хотя про себя думаю много.

«Собираемся мы по вечерамъ, въ воскресенье. Да, въ воскресенье! Обители діавола кругомъ насъ стоятъ открытыя настежь, зачѣмъ же

запирать дома Божіи? Это хорошо для тѣхъ, кто лишь одинъ день въ недѣлю, субботу, посвящаетъ Господу Богу; у меня же такихъ субботъ семь въ недѣлю; ибо я послѣдователь не Моисея, но Іисуса. Однако, ректоръ здѣшняго прихода начинаетъ жаловаться на мое «вторженіе» и нашептываетъ епископу, что меня нужно «укротить или сократить». Говорятъ, что «дѣянія» мои «непристойны», что мои проповѣди — «оскорбленіе всего, что есть въ жизни святого» и т. д. и т. д. Бѣдная нѣмая собака, проповѣдующая евангеліе недѣланія! Свѣта не передѣлаешь «смиреніемъ и непротивленіемъ злу», не обратишь на истинный путь «молчаніемъ».

«Какъ бы я хотѣлъ, чтобы въ центрѣ моего дѣла стояли вы! Кто знаетъ, можетъ быть, когда-нибудь такъ и будетъ. Не трудитесь отвѣчать на это письмо; скоро я напишу опять и, можетъ быть, скажу вамъ что-нибудь болѣе опредѣленное. *Au revoir!*»

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Романъ Зола «Парижъ».—Задуманная авторомъ трилогія: исторія души современнаго человѣка. — Вѣра, сомнѣнія, религія милосердія. — Борьба во имя благотворительности.—Пустота и безъидейность высшей буржуазіи. — Страхи и опасенія Зола за будущее.—Молодежь, какъ надежда и спасительница французскаго общества.—Примирительная тріада автора: любовь, трудъ, наука. — Слабость общихъ положеній Зола.—Англійскій журналъ о русской литературѣ.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній иностранной литературы слѣдуетъ безспорно признать послѣдній романъ Зола «Парижъ», быстро облетѣвшій весь міръ и появившійся у насъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ выпускахъ, весьма разнообразныхъ по качеству перевода. И романъ несомнѣнно достоенъ такого выдающагося успѣха, хотя по художественности исполненія онъ далеко ниже другихъ произведеній знаменитаго романиста, такихъ, напр., какъ «Жерминаль» или «Разгромъ». Но художественная сторона въ немъ и не имѣетъ особаго значенія. Ее цѣликомъ заслоняютъ тѣ жгучіе вопросы современности, которые волнуютъ всѣхъ и особенно обострились въ Парижѣ, гдѣ широкая, кипучая общественная жизнь сталкиваетъ съ ними всякаго, заставляя и самыхъ равнодушныхъ по-неволѣ призадуматься надъ крайностями и противорѣчіями конца XIX вѣка. Зола не принадлежитъ къ числу выдающихся мыслителей, онъ—художникъ-наблюдатель, и въ романѣ остается такимъ же. Онъ затрогиваетъ массу «проклятыхъ вопросовъ», даетъ рядъ широко написанныхъ, блестящихъ и яркихъ картинъ современной парижской жизни, по своему обыкновенію многое преувеличивая, но въ концѣ-концовъ онъ ни одного вопроса не рѣшаетъ, отдѣлываясь сильными и звонкими фразами, болѣе красивыми, чѣмъ глубокими. Какъ изображенія различныхъ,—далеко, впрочемъ, не всѣхъ,—сторонъ міровой столицы, романъ даетъ очень много матеріала и многое поясняетъ въ запутанной и темной политикѣ современной французской буржуазіи, что̀ и составляетъ его несомнѣнное достоинство. Но взгляды и выводы самого Зола крайне слабы и не глубоки.

Этимъ произведеніемъ Зола заканчивается трилогія, глубоко задуманная авторомъ, въ которой онъ хотѣлъ представить исторію души современнаго человѣка, возрожденіе сомнѣній, борьбу вопросовъ, нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ, и ихъ возможное примиреніе. Героемъ Зола избралъ молодого священника, страстнаго и энергичнаго по характеру, съ умомъ сильнымъ и острымъ, съ чуткимъ и любящимъ сердцемъ.

Въ первомъ романѣ «Лурдъ» Пьеръ Фромонъ является еще вѣрующимъ, ортодоксальнымъ католическимъ патеромъ, котораго смущаетъ лишь мысль о необходимости примирить свою страстную вѣру съ наукой, то же высоко цѣнимой имъ, но подрывающей нѣкоторые его взгляды на задачи церкви и общества. Общее увлеченіе вѣрующихъ католиковъ чудесами Лурда, искусно подогрѣваемое духовенствомъ, увлекаетъ вначалѣ и его. Въ Лурдъ онъ стремится вмѣстѣ

съ толпой паломниковъ; въ надеждѣ найти тамъ исцѣленіе отъ сомнѣній, оживить у первоисточника непосредственную наивную вѣру, которой,—онъ чувствуетъ это пока смутно, не давая себѣ отчета въ этомъ,—уже нѣтъ въ его сердцѣ. Но здѣсь съ нимъ происходитъ совершенно обратное. Его наблюдательный, аналитическій умъ, вооруженный знаніемъ, не можетъ не проникнуть въ искусственность всей обстановки чудесъ. Пьеръ видитъ, какъ недостойно эксплуатируютъ мѣстные дѣльцы наивную и горячую вѣру больныхъ, стекающихся сотнями тысячъ, какъ на почвѣ нервнаго больного возбужденія ловкіе патеры великолѣпно обдѣлываютъ свои дѣлишки, и на ряду съ жалостью къ несчастнымъ, ищущимъ исцѣленія, въ немъ возбуждается гнѣвъ противъ обманщиковъ и негодованіе къ ихъ кощунственному отношенію къ задачамъ и цѣлямъ католической церкви, которую онъ ставитъ все еще неизмѣримо высоко. Въ немъ слагается великая идея о церкви, какъ защитницѣ и руководительницѣ всѣхъ трудящихся, которыхъ она должна связать общей вѣрой и на этой почвѣ пересоздать весь общественный строй. До сихъ поръ, думаетъ Пьеръ, католическая церковь, непреоборимо сильная благодаря удивительно стройной и строгой организаціи, въ теченіе вѣковъ была на сторонѣ сильныхъ и великихъ. Теперь она призвана стать на сторону слабыхъ и малыхъ, сплотить ихъ вокругъ себя, пользуясь ихъ горячей вѣрой, и повести за собой, создать новый міръ, гдѣ мѣсто борьбы за существованіе должна занять любовь.

Съ этой идеей Пьеръ направляется въ Римъ, чтобы получить одобреніе и благословеніе святаго отца. Во второй части трилогіи—«Римъ»—мы застаемъ Пьера, всецѣло занятаго мелочной борьбой, которую приходится вести ему въ Ватиканѣ, чтобы защитить себя отъ обвиненій въ ереси и добиться личной аудіенціи у папы. Вторая часть написана слабѣе всего, мѣстами она представляетъ сплошное описаніе Рима чуть не по Бэдэкеру. Искуственно припутанная романическая исторія римской патриціанки, ея разводъ съ мужемъ, смерть отъ яда ея возлюбленнаго, только усиливаютъ не художественность всего романа, растянутаго и скучнаго. Длиннѣйшія размышленія Пьера о быломъ величіи Рима, о современномъ упадкѣ его, мелкія интриги кардиналовъ около папскаго престола, о которомъ каждый изъ нихъ мечтаетъ втайнѣ, полное равнодушіе этихъ высшихъ сановниковъ церкви къ возвышеннымъ идеямъ Пьера—все это перепутано до утомительности. Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, папа съ неодобреніемъ отнесся къ книгѣ Пьера, излагающей его мысли, и посовѣтовалъ ему вернуться въ лоно церкви, въ качествѣ простого и смиреннаго исполнителя ея велѣній, не мудрствующаго лукаво, но блюдущаго чистоту сана и правовѣрность душъ ввѣренной ему паствы. Такой простой и по существу единственный совѣтъ, какой ему могъ дать папа, не удовлетворяетъ, конечно, Пьера. Пребываніе въ Римѣ не только не укрѣпило его вѣры, но окончательно пошатнуло его увѣренность въ силу и правду католической церкви, и въ третьей части трилогіи мы застаемъ Пьера уже вполнѣ невѣрующимъ, разочарованнымъ въ своемъ призваніи и лишь механически исполняющимъ обязанности священника въ небольшомъ приходѣ на окраинахъ Парижа.

Правдивый и искренній, глубоко чувствующій и понимающій, Пьеръ не могъ бы исполнять обязанностей, вѣру въ которыя онъ потерялъ, если бы его не поддерживала мысль о возможности творить добро, приносить жертвы во имя «религіи милосердія», утолять страданія ужасающей нищеты и бѣдности, окружающей его въ этомъ рабочемъ кварталѣ. Онъ остается священникомъ ради бѣдныхъ. Но и здѣсь его ждетъ послѣдняя и окончательная катастрофа.

«Вѣра его умерла на вѣки, умерла и надежда употребить вѣру толпы на дѣло общаго спасенія. Онъ не отрицалъ и ждалъ теперь только послѣдней неминуемой катастрофы, ждалъ возмущеній, убійствъ, пожара, которые уничто-

жатъ и сотрутъ съ лица земли грѣховный и осужденный на наказаніе родъ людской. Угрюмый и одинокій, онъ, этотъ священникъ безъ вѣры, стоялъ непоколебимо и величаво на своемъ посту: не вѣря самъ, онъ охранялъ вѣру другихъ честно, цѣломудренно несъ свои обязанности, скорбя, что не можетъ подавить въ себѣ голосъ разума, какъ подавилъ въ себѣ голосъ плотской любви и мечту стать избавителемъ людей. Но этотъ отчаявшійся, все отрицающій человѣкъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, отъ него вѣяло такой душевной добротой, что въ своемъ приходѣ въ Нельи онъ слылъ за молодого подвижника, на которомъ было благоволѣніе божіе и по молитвѣ котораго совершались чудеса. Онъ былъ только блюстителемъ церковнаго правила, въ немъ не было ничего священническаго, кромѣ движеній; онъ былъ похожъ на пустой гробъ, гдѣ не было даже праха для надежды, а женщины, убитыя горемъ, боготворили его, цѣловали край его рясы».

Это довѣріе къ нему только усиливало въ немъ сознаніе обмана, который онъ продѣлываетъ. «Теперь и это геройское усиліе не измѣнять своему долгу было для него источникомъ мукъ. Развѣ самая обыкновенная честность не приказываетъ ему снять рясу и вернуться въ среду міврянъ? Его ложное положеніе порой заставляетъ чувствовать отвращеніе къ себѣ за ненужное геройство; онъ не разъ спрашивалъ себя: не позорно ли, не опасно ли бороться съ тѣмъ, что онъ считалъ предразсудками толпы? Религія милосердія давно не удовлетворяла его и ему все чаще приходило на мысль, не больше ли нуждается человѣчество въ справедливости?.. Обуреваемый душевнымъ волненіемъ, невольно отчужденный отъ жизни своимъ священническимъ саномъ, терзаемый сомнѣніями, сознаніемъ своего безсилія, Пьеръ не могъ разобраться, гдѣ собственно искать истину, здоровье, жизнь. Какое счастье быть здоровымъ, жить, примирить, наконецъ, свой разумъ и свое сердце, обрѣсти миръ, заниматься честнымъ опредѣленнымъ дѣломъ, для котораго человѣкъ явился на землю!»

Такое экзальтированное настроеніе героя заранѣе предрѣшаетъ, къ какимъ результатамъ онъ можетъ придти. Отчаяніе, вообще, плохой сотрудникъ, а для человѣка въ положеніи Пьера, удаленнаго отъ обыденной житейской борьбы, всецѣло поглощеннаго отвлеченными вопросами, довольно одной простой неудачи, чтобы окончательно пасть духомъ и отъ одной крайности перескочить къ другой. Ни во всей трилогіи, ни въ данномъ романѣ нѣтъ картины развитія психологической борьбы, и Пьеръ все время остается жертвой обстоятельствъ.

Авторъ, шагъ за шагомъ, показываетъ, въ какія противорѣчія съ своими идеями впадаетъ Пьеръ въ своей единоличной жалкой борьбѣ, отстаивая жизнь бѣдныхъ, которыхъ давитъ весь Парижъ со всѣми своими общественными учрежденіями. Это лучшія страницы романа, на которыхъ авторъ развертываетъ широкую картину современной архи-буржуазной Франціи. Предъ нами проходитъ цѣлая вереница дѣятелей всѣхъ сортовъ и положеній, высшая буржуазія, представители крупнаго капитала, политики, церкви, печати, окруженные всей роскошью современной столицы міра, всѣмъ блескомъ культуры, достигшей по утонченности— апогея разврата, распущенности, продажности, ненасытной алчности и глубочайшаго равнодушія ко всему остальному міру. И на ряду съ этимъ пресыщеннымъ и развратнымъ обществомъ въ романѣ вырисовывается другой міръ—нищеты, гибельнаго, неустаннаго труда, міръ полуголодныхъ существъ, лишенныхъ радости и утѣшенія, отупѣвшихъ отъ ежедневной истощающей борьбы за жизнь, за которую они судорожно цѣпляются, безъ всякой надежды удержаться.

Между этими двумя мірами, столь чуждыми и далекими другъ другу, какъ если бы они лежали на противоположныхъ полюсахъ, Пьеръ, руководимый жалостью къ однимъ и страхомъ за другихъ, думаетъ перебросить «мостикъ милосердія», связать ихъ и сблизить на почвѣ благотворительности. Побуждаемый старымъ другомъ, аббатомъ Розомъ, отдавшимъ всю жизнь на дѣла милосердія и

*

не мало претерпѣвшимъ отъ высшаго духовенства за свою неразборчивость и неосторожность въ выборѣ кліентовъ, Пьеръ заходитъ въ одинъ изъ мрачныхъ домовъ нищеты. Разыскивая здѣсь порученнаго ему стараго рабочаго Лявева, умирающаго отъ дряхлости, Пьеръ поражается открывшимися ему картинами. «Пьеръ очутился на какомъ-то тѣсномъ чердакѣ, подъ самой крышей, въ конурѣ, не больше нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ, съ покатымъ потолкомъ, гдѣ нельзя было даже выпрямиться. Свѣтъ падалъ сквозь слуховое окно, въ родѣ люка, но такъ какъ снѣгъ застилалъ окно, то пришлось оставить дверь отворенной, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядѣть. Зато оттепель проникала туда свободно, талый снѣгъ просачивался по каплямъ и растекался лужами по полу. Послѣ цѣлыхъ недѣль страшной стужи, сырость обволакивала все холодной пеленой. Здѣсь-то, въ этой трущобѣ, гдѣ не было ни единаго стула, ни даже кончика доски, въ углу, прямо на полу, поверхъ отвратительнаго тряпья, валялся Лявевъ, какъ полуиздохшее животное, на грудѣ нечистотъ...

«— Что подѣлаешь?—какъ бы оправдывается его сосѣдка, приведшая Пьера.—У него нѣтъ никого близкихъ, а въ такомъ положеніи, когда доживешь до 70 лѣтъ, самое лучшее пойти—да въ воду! Въ малярномъ дѣлѣ иной разъ уже съ 50 лѣтъ мастеру не подъ силу работать на лѣстницѣ. Сперва Лявевъ находилъ работу по низамъ. Потомъ ему посчастливилось поступить сторожемъ на лѣсопилку. А теперь и того нѣтъ—выгнали отовсюду. Вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ валяется здѣсь въ углу, видно околѣвать пришлось. Хозяинъ все не рѣшается выгнать его, какъ ни хочется ему сдѣлать это. Мы всѣ, жильцы, иногда приносимъ ему то вина, то корку хлѣба. Но когда у самого ничего нѣтъ, чѣмъ прикажете дѣлиться съ другими?»

Смущенный и пораженный Пьеръ знакомится тутъ же еще съ другимъ не имѣющимъ работы механикомъ Сальва, добрымъ и безобиднымъ человѣкомъ, но придавленнымъ нуждою, озлобленнымъ неудачами жизни и таящимъ въ душѣ отчаянное мщеніе всѣмъ, кого онъ считаетъ нарушителями справедливости. Сальва съ ненавистью отворачивается отъ Пьера, который въ его глазахъ тоже представитель общественной несправедливости, не лучше другихъ, а его желаніе оказать помощь кажется ему оскорбительнымъ. Подавленный массою страданія, какъ бы пропитавшаго весь домъ, сверху до низу набитый полунищими, Пьеръ бѣжитъ съ сердцемъ, полнымъ страстнаго желанія во что бы то ни стало помочь, взывать о помощи, привлечь всѣхъ сюда и воодушевить милосердіемъ равнодушное общество. «Снова зажглось въ немъ пламя милосердія подъ впечатлѣніемъ видѣнной имъ нищеты. Нѣтъ, нѣтъ! слишкомъ много страданія на свѣтѣ, онъ намѣренъ продолжать борьбу, спасти Лявева, доставить хоть немного отрады столькимъ бѣднякамъ. Ему предстояло продѣлать новый опытъ съ этимъ Парижемъ, который рисовался передъ нимъ, окутанный пепельной мглой, полный таинственнаго волненія передъ угрозой таинственнаго правосудія. Опять воскресала въ немъ мечта о великомъ солнцѣ, посѣвающемъ здоровье и плодородіе, которое превратитъ городъ въ громадную цвѣтущую ниву, и на этой нивѣ будетъ произростать новый, лучшій міръ».

Слѣдуетъ замѣтить, кстати, что, какъ видно изъ этого лирическаго отступленія и многихъ другихъ въ томъ же родѣ, Зола отнюдь не выступаетъ пессимистомъ въ романѣ. Онъ очень, въ сущности, настроенъ радужно, какъ увидимъ ниже, и, рисуя мрачныя противорѣчія въ жизни Парижа, постоянно видитъ впереди возможность «лучшаго міра». Какъ въ большинствѣ своихъ произведеній, онъ любитъ играть контрастами, подчасъ слишкомъ односторонне освѣщаетъ то тотъ, то иной уголъ картины, чтобы рѣзкими смѣнами свѣта и тѣни яснѣе очертить основную мысль, выпуклѣе представить сущность того, что онъ считаетъ незыблемой основой истинно человѣческихъ задачъ современ-

ной жизни, то здоровое ядро, которое онъ провидитъ сквозь оболочку грязи, преступленій, взаимнаго непониманія и ожесточенія общественныхъ классовъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Онъ разомъ переноситъ героя изъ удручающей атмосферы нищеты, царящей на низшей ступени общества, на самый верхъ, въ палаты барона Дювиллара, виднѣйшаго представителя крупной буржуазіи, одного изъ владыкъ финансоваго міра, неограниченно властвующаго за кулисами политики и печати и все подчиняющаго власти капитала. «Онъ все уничтожалъ, все поглащалъ, къ чему бы ни прикоснулся; онъ же былъ и великимъ искусителемъ, покупалъ продажныя совѣсти, понялъ духъ времени, понялъ и демократію, въ свою очередь голодную и нетерпѣливую. По достоинству онъ, пожалуй, уступалъ отцу и дѣду, больше всего заботясь объ удовольствіяхъ, участвуя не столько въ завоеваніи, сколько въ пользованіи добычей; но все же онъ былъ молодчина, жирный тріумфаторъ, орудующій навѣрняка, лопатой загребающій милліоны, ведущій переговоры на равной ногѣ съ правительствами, способный упрятать въ карманъ, если не всю Францію, то цѣлое министерство. Въ теченіе вѣка, за послѣднія три поколѣнія въ такихъ людяхъ воплотилась королевская власть, уже пошатнувшаяся въ виду грядущаго погрома, и по временамъ фигура его выростала, раздувалась, превращаясь въ олицетвореніе самой буржуазіи, которая въ раздѣлѣ 1789 года все забрала себѣ, разжирѣла въ ущербъ четвертому сословію и ничего не хочетъ вернуть назадъ».

Въ этой фигурѣ, нарисованной однотонно и слишкомъ безпощадно и мрачно,— ясно преувеличеніе, столь характерное для Зола, который при всемъ своемъ натурализмѣ рѣдко бываетъ реаленъ. Онъ мастеръ рисовать широкія обобщающія картины, но плохой художникъ въ созданіи отдѣльныхъ типовъ, что особенно рѣзко сказывается въ его произведеніяхъ послѣдняго времени. Такъ и въ «Парижѣ», гдѣ всѣ лица блѣдны и мало типичны сами по себѣ. Каждое выступаетъ какъ олицетвореніе опредѣленной идеи, снабженное опредѣленнымъ ярлычкомъ, что, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса романа, въ которомъ вся суть въ массѣ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ.

Въ семьѣ барона, куда обращается Пьеръ съ просьбой помѣстить умирающаго Лявева въ пріютъ для инвалидовъ труда, его встрѣчаютъ равнодушно. Каждый здѣсь слишкомъ занятъ личными дѣлами, соблюденіями общественныхъ приличій и отношеній, интригами и тысячами бездѣлицъ, не дающихъ времени заняться чужой бѣдой, чужими страданіями. По внѣшности это образцовая семья, которую синьоръ Марта, епископъ Парижа, восхваляетъ, какъ идеалъ добродѣтели, образецъ для всѣхъ прихожанъ. А прихожане, всѣ того же полета, пересмѣиваясь, разсказываютъ другъ другу скабрезныя подробности изъ жизни образцовой семьи. Жена и дочь Дювиллара охотятся за однимъ и тѣмъ же любовникомъ, который, отдаваясь матери, принимаетъ предложеніе дочери быть его женой. Сынъ—развращенный, жалкій выродокъ, корчащій декадента, эстета, утонченнаго человѣка конца вѣка, изъявляющій открыто приверженность къ анархизму, который нравится ему крайностями разрушительныхъ идей. Наконецъ, самъ Дювилларъ, этотъ закулисный правитель политики Франціи, король биржи и руководитель печати, извивается подъ башмакомъ заурядной актрисы, чудовища разврата и распущенности. Въ угоду ей онъ мѣняетъ министровъ, расточаетъ обѣщанія и подкупы въ прессѣ и палатѣ, спускается въ самые гнусные вертепы, унижается передъ фельетонистами большихъ газетъ, лишь бы добиться благосклонности развращенной дѣвчонки. Выходитъ, такимъ образомъ, что Сильвіана—имя актрисы—стоитъ въ зенитѣ современнаго строя Франціи, является истиннымъ властелиномъ, капризы котораго мѣняютъ министерства и даютъ тонъ политикѣ. Очевидно, опять огромное преувеличеніе, крайность, доведенная почти до нелѣпости. Такими рѣзкими, односторонними и однотонными

картинами Зола хочетъ подчеркнуть основную мысль романа, что современная буржуазія Франціи дошла до своего естественнаго конца, когда уже ничто живое не заключается въ ней, ничто не можетъ одушевить ея, что ею двигаютъ лишь минутныя страсти, животные инстинкты, скоропреходящія желанія, развѣвающіяся, какъ легкій туманъ при одномъ дуновеніи свѣжаго вѣтерка.

Послѣднее десятилѣтіе французской жизни, лучше сказать парижской, даетъ богатѣйшій матеріалъ для его бытовой картины, въ которой одно скандальное событіе смѣняется другимъ, не менѣе отвратительнымъ, составляя цѣпь ошибокъ, преступленій и темныхъ интригъ,—цѣпь, опутавшую всю общественную жизнь высшихъ слоевъ Франціи. Въ палатѣ, гдѣ Пьеръ продолжаетъ искать людей, способныхъ воодушевиться страданіями умирающаго инвалида труда, Зола выводитъ одного за другимъ старыхъ и современныхъ дѣятелей, запутавшихся въ Панамѣ, въ буланжизмѣ, въ дѣлѣ Дрейфуса. Подъ прозрачными именами легко узнать такихъ молодцовъ, какъ Дюпюи, Клемансо, Мелинъ, Сарьенъ, Кавеньякъ и tutti quanti. Романъ служитъ художественнымъ выраженіемъ того же, что съ такой силой бросилъ Зола въ лицо всѣмъ политиканамъ современной Франціи въ своемъ знаменитомъ письмѣ по поводу пересмотра дѣла Дрейфуса. Пьеръ, стоя у дверей залы засѣданій, задумывается надъ тѣмъ, что ему приходится встрѣтить въ Бурбонскомъ дворцѣ.

«Ни звука не доносилось сюда отъ бури, бушевавшей въ сосѣдней залѣ; въ массивномъ зданіи царила гробовая тишина, полная какого-то смутнаго скорбнаго трепета, который несся откуда-то, вѣроятно, очень издалека—изъ нѣдръ всей страны. Теперь эта мысль больше всего угнетала Пьера... Конечно, надъ всѣми этими низкими интригами, надъ стычками личныхъ интересовъ все же происходила возвышенная борьба принциповъ; исторія двигается впередъ, устраняетъ помѣху прошлаго, старается обезпечить на будущее время побольше правды, справедливости и счастья. Но на практикѣ, если видѣть только омерзительную ежедневную стряпню, то какой это разгулъ себялюбивыхъ аппетитовъ, какая жажда придушить сосѣда и самому торжествовать! Здѣсь можно наблюдать только безпрерывную борьбу изъ-за власти, изъ-за доставляемыхъ ею выгодъ. Лѣвая, правая, католики, республиканцы, соціалисты,—двадцать различныхъ оттѣнковъ партій, все это не болѣе, какъ ярлыки, за которыми скрывается все одно и то же—неутолимая жажда властвовать, управлять. Всѣ вопросы сводятся къ единственному вопросу—тотъ ли, или другой,—но кто заберетъ Францію, чтобы пользоваться ею, раздавать всѣ блага міра кружку своихъ креатуръ? И хуже всего то, что грандіозныя баталіи, цѣлые дни и цѣлыя недѣли, потраченныя на то, чтобы установлять власть того или другого, или третьяго, не приводятъ ни къ чему, кромѣ глупѣйшаго топтанія на мѣстѣ. Въ сущности, всѣ трое другъ друга стоятъ, и между ними оказывается только самая маленькая разница, потому что новый властелинъ творитъ мерзости точно такъ же, какъ предъидущій—и всѣ обязательно забываютъ о своихъ программахъ и обѣщаніяхъ, лишь только овладѣютъ властью».

Отъ парламента Пьеръ обращается къ мысли о Лявевѣ и массѣ такихъ же жалкихъ существъ и безповоротно осуждаетъ видѣнную имъ картину борьбы за власть. И Пьеръ совершенно правъ, но не авторъ, который, въ увлеченіи борьбы, упускаетъ изъ виду историческую перспективу. Да, буржуазія много виновата въ упадкѣ современной Франціи, въ застоѣ жизни и въ тѣхъ унизительныхъ преступленіяхъ, которыя пятнаютъ современную исторію доблестнаго народа. Но если бы Зола вспомнилъ хотя бы свои же романы, въ которыхъ онъ описалъ вторую имперію и всѣ ея преступленія, совершавшіяся открыто на глазахъ всего міра при гробовомъ молчаніи всей страны, у него едва ли хватило бы смѣлости закончить вышеприведенную тираду такими словами: «Помои текутъ ручьями, отвратительная гноящаяся, разъѣдающая рана безстыдно раскрыта на глазахъ

у всѣхъ, точно ракъ, грызущій какой-нибудь органъ и добирающійся до сердца. Какое смущеніе, какую тошноту возбуждаетъ это зрѣлище, какое желаніе примѣнить безпощадный ножъ, который принесетъ здоровье и облегченіе!»

Уже одно то, что Зола съ такой безпощадной откровенностью можетъ рисовать «язву», можетъ призывать всѣхъ придти и самимъ вложить персты въ рану, казалось бы, достаточно, чтобы воздержаться отъ воплей о необходимости спасительнаго ножа. Что творится при свѣтѣ дня, не такъ ужъ страшно, и дюжина-другая темныхъ дѣльцовъ еще не составляютъ «непреодолимой» силы, которая можетъ вызвать такіе ужасы и страхи. Самъ Зола, въ послѣднемъ письмѣ по поводу все того же злополучнаго дѣла Дрейфуса, позволяетъ себѣ пророчество, что «не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ въ Елисейскій дворецъ войдетъ тотъ, кто водворитъ попранную справедливость на приличествующее ей мѣсто». Вѣроятно, и въ пророчествѣ онъ тоже хватилъ черезъ край, какъ и въ осужденіи, потому что соціальные перевороты не совершаются по мановенію жезла того или иного вдохновеннаго дѣятеля, какъ бы онъ ни былъ проникнутъ вѣрою въ необходимость перемѣны. А о Зола и этого нельзя сказать. Насколько онъ увлекается, описывая темныя стороны современнаго Парижа, настолько же смутно представляетъ себѣ и возможныя перемѣны, которыя поведутъ къ водворенію «лучшаго міра».

Пьеръ бѣжитъ, потерпѣвъ неудачу вездѣ въ своихъ попыткахъ вызвать горячее сочувствіе къ умирающему Лявеву. Дорогою онъ узнаетъ отъ аббата Роза, что нечего болѣе пытаться спасти несчастнаго, потому что онъ тѣмъ временемъ уже умеръ. Эта смерть на ряду съ неудачами его попытки убиваетъ въ немъ вѣру въ силу благотворительности, въ возможность на почвѣ милосердія сблизить два столь чуждые міра, какъ верхи буржуазіи и низшіе слои Парижа. Катастрофа представляется неизбѣжной его воспаленному воображенію, и во мракѣ сгустившихся сумерекъ ему мерещатся всевозможные ужасы. «Вся надежда угасла въ его сердцѣ; онъ чувствовалъ, что гроза неизбѣжна: отнынѣ ничто не можетъ замедлить катастрофу. Никогда еще онъ не чувствовалъ до такой степени ея близости, видя счастливое безстыдство однихъ и ожесточенное несчастіе другихъ. Гроза собирается и, навѣрное, скоро разразится надъ этимъ Парижемъ, грѣховнымъ и дерзкимъ, который при наступленіи вечера, разжигаетъ свою огненную печь».

И катастрофа совершается: ожесточенный Сальва бросаетъ бомбу у воротъ отеля Дювиллара. Происходитъ страшный взрывъ, которымъ попортило немного ворота и убило маленькую дѣвочку, ученицу шляпнаго магазина. Случайно присутствовавшій при взрывѣ Пьеръ замѣчаетъ своего брата Гильома, который тоже былъ раненъ, и увозитъ его къ себѣ на квартиру. Съ этого момента начинается возрожденіе Пьера, который постепенно подъ вліяніемъ брата и его семьи начинаетъ оживать, понемногу усматривая спасительный путь среди хаоса парижской жизни. Но прежде чѣмъ совершается въ немъ этотъ спасительный переломъ, онъ, по велѣнію автора, проходитъ черезъ всю гамму различнѣйшихъ соціальныхъ ученій, представители которыхъ какъ бы случайно собираются на его квартирѣ у постели больного Гильома. Пріемы Зола, какъ могутъ судить читатели, архи-нехудожественны. Въ романѣ нѣтъ естественнаго хода развитія. Случайности на каждомъ шагу играютъ рѣшающую роль древнихъ боговъ, а искусственность построенія всего романа не дѣлаетъ чести такому старому и опытному писателю, какъ Зола. Но дѣло въ томъ, что самый романъ не столько художественное произведеніе, сколько изложеніе затаеннѣйшихъ взглядовъ и симпатій писателя, воспользовавшагося только хорошо знакомой ему формой, чтобы втиснуть въ нее свои завѣтнѣйшія желанія, подвести итоги многолѣтнихъ думъ и наблюденій.

Насколько велика роль, отведенная случайности, показываетъ разочарованіе Пьера въ значеніи благотворительности. Если бы не тысяча мелкихъ случай-

ностей, помѣшавшихъ ему устроить Лявева, онъ такъ и носился бы съ своей идеей о примиреніи общественныхъ противорѣчій при помощи милосердія съ одной стороны и благодарнаго чувства съ другой. Этого не случилось, и Пьеръ погружается въ тьму отчаянія, мало понятнаго всякому, кто не настолько экзальтированно относится къ задачамъ благотворительности. Но автору хотѣлось подчеркнуть, что благотворительность, сама по себѣ необходимая и прекрасная, не есть панацея противъ всѣхъ соціальныхъ золъ. «Быть милосердымъ оказывается недостаточнымъ: прежде всего требуется быть справедливымъ. Будьте справедливы, и страшная нищета исчезнетъ сама собой, не будетъ и надобности въ милосердіи», съ паѳосомъ восклицаетъ Зола, не замѣчая, что это лишь фраза, такъ какъ весь вопросъ не въ томъ, чтобы быть справедливымъ, а въ томъ, какъ же осуществить эту справедливость на землѣ. «Послѣ столькихъ вѣковъ христіанскаго милосердія, ни одна еще рана не заживилась, нищета только росла, растравлялась до отчаянія. Болѣзнь, безпрерывно усиливаясь, дошла до того, что уже не можетъ быть терпима ни одного лишняго дня, потому что общественная несправедливость не исчезла и даже не ослабла», замѣчаетъ онъ дальше, и это совершенно невѣрно. Вся исторія человѣчества есть ничто иное, какъ постепенное завоеваніе, какое дѣлаетъ справедливость въ области соціальныхъ отношеній. Нищета, такъ поражающая Зола въ Парижѣ, ничто въ сравненіи съ нищетой, царившей въ той же Франціи лѣтъ сто—полтораста передъ тѣмъ, когда весь французскій народъ былъ сплошь нищимъ, изъ котораго высосали всѣ соки привилегированное дворянство и духовенство.

Развѣявъ мечты Пьера о безконечной силѣ благотворительности, авторъ сталкиваетъ его съ Гильомомъ, натурой совершенно иного порядка. Пьеръ—сентиментальный мистикъ, энтузіастъ, экзальтированная голова, Гильомъ, напротивъ, сама жизнь. Онъ здоровый, благодушный, смѣлый умственно и физически человѣкъ, не испорченная натура, умъ положительный и трезвый, перворазрядный ученый, химикъ и техникъ. Окруженный такой же здоровой семьей, состоящей изъ бабушки—матери его умершей жены, и троихъ сыновей, бодрыхъ и работящихъ, Гильомъ въ наукѣ и трудѣ видитъ цѣль и смыслъ жизни. Съ высоты своего Монмартра, гдѣ находится его домъ, онъ поглядываетъ весело на Парижъ, занимаясь изобрѣтеніемъ въ химіи и техникѣ. Послѣднее время онъ увлеченъ новою силою, открытой имъ,—взрывчатыми веществами, которыя могутъ, по его мнѣнію, произвести переворотъ въ техникѣ, а главное, въ войнѣ. Зола, какъ истый французъ, лелѣетъ, конечно, въ глубинѣ души идею реванша, и его Гильомъ мечтаетъ вначалѣ снабдить свое правительство такимъ орудіемъ, предъ силою котораго должны смолкнуть всѣ враждебные народы. Къ довершенію его благополучія, съ нимъ живетъ молодая, имъ пригрѣтая и воспитанная дѣвушка, на которой онъ собирается жениться съ общаго одобренія своей семьи.

Зола рисуетъ соблазнительную идиллію на Монмартрѣ, и въ этой картинѣ тоже хватаетъ черезъ край, какъ и въ изображеніи мерзости семейной жизни высшей буржуазіи. Его идиллія слащава и сентиментальна, герои монмартрской семьи преисполнены всякихъ совершенствъ и страдаютъ однимъ лишь недостаткомъ—они безжизненны. Если отрицательные типы романа, при всѣхъ преувеличеніяхъ, производятъ все-таки опредѣленное впечатлѣніе, то положительные типы Монмартра прямо-таки невыносимы по своей дѣланности и мертвенности. И героическая бабушка, одобрившая гражданскій бракъ Гильома на своей дочери и теперь одобряющая его будущій бракъ въ томъ же родѣ, и молодая дѣвица, безстрашная Мари, ничего не имѣющая противъ брака съ человѣкомъ, годнымъ ей въ отцы, и сыновья этого человѣка, спокойно и безъ критика взирающіе на него,—смущаютъ читателя своей неправдоподобностью. Миръ, любовь, трудъ—таковы устои ихъ идиллическаго сожительства.

Но волны мятущагося у подножія Монмартра Парижа достигаютъ и этого мирнаго уголка и вносятъ сюда смуту, чуть было не превратившую его въ развалину. Эта смута входитъ сюда въ образѣ отчаявшагося Сальва, которому Гильомъ отъ времени до времени даетъ работу. Въ разговорѣ съ нимъ онъ невольно смущается среди окружающаго его мира, и разрушительныя, безжалостныя идеи Сальвы, плодъ его отчаяннаго положенія, волнуютъ счастливаго Гильома. Этому счастью наступаетъ конецъ, когда Сальва воруетъ у него одинъ изъ разрывныхъ снарядовъ, которые Гильомъ мечталъ поднести въ даръ Франціи для реванша. При помощи этого снаряда Сальва и совершаетъ свое покушеніе, жертвой котораго чуть было не сдѣлался самъ Гильомъ, пытавшійся потушить фитиль, когда Сальва подкинулъ бомбу къ отелю Дювиллара. Въ Гильомѣ начинаютъ копошиться сомнѣнія и вопросы о спасительности для Франціи его «дара», и постепенно назрѣваетъ переворотъ, сближающій его по идеѣ съ послѣдователями анархизма.

Въ то же время идетъ борьба и въ душѣ Пьера, не менѣе потрясеннаго событіями. Только результаты его борьбы совершенно иные. Пока братъ, раненый, лежитъ у него на квартирѣ, Пьеръ посѣщаетъ домикъ на Монмартрѣ и очаровывается царящей тамъ здоровой атмосферой труда, любви и мира. Его поражаетъ необыкновенное спокойствіе этой семьи, при извѣстіи о ранѣ отца при взрывѣ, спокойствіе, основанное на незыблемомъ довѣріи членовъ семьи. Смущаетъ его также и ихъ доброе отношеніе къ нему, человѣку, мало имъ знакомому. Вначалѣ въ немъ все же просыпается священникъ, котораго не могутъ не смущать мысли о невѣріи этой семьи. «Это мужество, эта выдержка, это достоинство только поражали Пьера, не трогая его сердца. Однако, онъ не имѣлъ причины жаловаться ему былъ оказанъ пріемъ вѣжливый, если и не особенно сердечный, потому что вѣдь, въ сущности, онъ былъ здѣсь еще чужой и, притомъ, священникъ. Все-таки его настроеніе оставалось враждебнымъ; его смущало сознаніе, что онъ попалъ въ среду, гдѣ ни одно изъ его терзаній не можетъ быть раздѣлено, ни даже понято. Какъ эти люди ухитряются быть такими невозмутимыми, такими счастливыми при своемъ невѣріи, при единственномъ упованіи на науку, лицомъ къ лицу съ этимъ ужаснымъ Парижемъ, разстилающимся передъ ними безбрежнымъ взбаломученнымъ океаномъ мерзостей, несправедливостей и бѣдствій?»

Но эти смущающія его мысли скоро проходятъ. Его очаровываетъ удивительный видъ, открывающійся ему съ Монмартра. «Онъ повернулъ голову и взглянулъ на этотъ Парижъ въ широкое окно, откуда онъ виднѣлся весь въ безконечной перспективѣ, все тотъ же неизмѣнный, живущій своей исполинской жизнью. Въ этотъ часъ зимняго утра, подъ косыми лучами солнца, казалось, что надъ Парижемъ сѣется лучезарная пыль, словно какой-то невидимый сѣятель, скрытый въ сіяніи свѣтила, щедро сыплетъ пригоршнями зерно и оно падаетъ золотымъ дождемъ со всѣхъ сторонъ. Необъятное вспаханное поле усѣивается этимъ зерномъ, безконечный хаосъ кровлей и памятниковъ превращается въ ниву, въ которой какой-то исполинскій плугъ провелъ борозду. И Пьеръ въ своей тоскѣ, волнуемый, тѣмъ не менѣе, потребностью непреодолимой надежды, подумалъ: не добрыя ли это сѣмена, не божественное ли солнце засѣиваетъ Парижъ свѣтомъ для великой жатвы будущаго, для жатвы правды и справедливости, въ которой онъ уже отчаявался!»

Эта спасительная надежда укрѣпляется въ немъ все больше и больше, по мѣрѣ сближенія съ семьей Гильома, съ его сыновьями, по мѣрѣ знакомства съ трудовой жизнью рабочихъ кварталовъ, куда онъ заходитъ по порученію Гильома, съ жизнью студентовъ и ученыхъ. Идея труда, какъ содержанія жизни, труда, безъ котораго нѣтъ смысла существованія, труда, воодушевленнаго идеей общаго блага, — все болѣе овладѣваетъ Пьеромъ. На ряду съ трудомъ встаетъ

наука, его оплодотворяющая, безпредѣльная по своимъ задачамъ, непобѣдимая по своимъ могучимъ средствамъ. Но кто оживитъ науку и трудъ? Кто избавитъ людей труда отъ желѣзныхъ тисковъ, въ какіе они теперь поставлены? И мысль его снова и снова возвращается къ поступку Сальва, вынужденному его отчаяніемъ, къ нищетѣ, въ какой погибъ Лявевъ, этотъ типичный инвалидъ труда. Скоро, однако, и здѣсь онъ наталкивается на утѣшительную возможность въ будущемъ. Въ разговорѣ съ сыновьями Гильома онъ нападаетъ на молодежь, которая представляется ему издалека, по описаніямъ газетчиковъ и романистовъ, развращенная, безъ вѣры, безъ идеала, пустая и ничтожная, преданная удовольствіямъ и интересамъ минуты, или увлеченная мистицизмомъ сомнительнаго достоинства. Сынъ Гильома, Франсуа, самъ ученый и страстно преданный наукѣ, горячо возражаетъ ему.

«Ахъ, молодежь! развѣ кто знаетъ эту молодежь? Намъ смѣшно глядѣть, какъ разные апостолы теребятъ ее, тянутъ каждый въ свою сторону, объявляя ее то черной, то сѣрой, то бѣлой, смотря по тому, какой они ее желаютъ видѣть для торжества своихъ идей. Истинная молодежь—та сидитъ въ школахъ, въ лабораторіяхъ, въ библіотекахъ. Эта-то молодежь дѣйствительно работаетъ и приноситъ плоды, а не та мнимая молодежь, что участвуетъ въ манифестаціяхъ и разныхъ сумасбродствахъ. Конечно, эти господа поднимаютъ много шуму, только ихъ и слышно. Но если бы вы знали, какъ много неустаннаго труда, какъ много страстнаго рвенія въ другихъ, въ тѣхъ, что молчатъ, замкнувшись въ своемъ дѣлѣ! И такихъ, я знаю, множество—они не отстаютъ отъ вѣка, они не отказались ни отъ одной изъ его надеждъ, они стремятся на встрѣчу будущему, къ свѣту, къ справедливости. Поговорите-ка съ ними о банкротствѣ науки: они пожмутъ плечами, зная, что никогда наука не воспламеняла до такой степени сердца, не одерживала болѣе блестящихъ побѣдъ. Вотъ пусть закроютъ эти школы, лабораторіи, библіотеки, пусть измѣнятъ кореннымъ образомъ соціальную почву, тогда только можно опасаться, что на ней произрастутъ заблужденія столь сладкія для слабыхъ сердецъ и для узкихъ умовъ!»

Молодой человѣкъ горячо протестуетъ противъ обвиненія, будто мистика, декадентство, символизмъ, эти гнилые цвѣты, выросшіе на почвѣ разлагающейся буржуазіи, заполонили умы французской молодежи, и широкимъ взмахомъ руки Франсуа указываетъ за Люксанбургскимъ садомъ на учебныя заведенія, лицеи, высшія школы, юридическую и медицинскую, на институтъ съ его пятью академіями, на безчисленныя библіотеки и музеи—на всю эту область умственнаго труда, занимающую обширную площадь въ громадномъ Парижѣ. «Пьеру, взволнованному, начинавшему колебаться въ своемъ отрицаніи, дѣйствительно показалось, будто изъ аудиторій, амфитеатровъ, лабораторій, читаленъ, частныхъ кабинетовъ поднимается мощный гулъ труда всѣхъ этихъ мозговъ, приведенныхъ въ движеніе. Это не была отрывистая стукотня, пыхтѣніе и шумъ мастерскихъ, гдѣ царитъ и надсаживается ручной трудъ. Но и здѣсь вздохи такъ же глубоки, усиліе такъ же изнурительно, утомленіе такъ же плодотворно. Такъ значитъ правда, что интеллигентная молодежь остается замкнутой въ своей тихой кузницѣ, не отрекшись ни отъ какихъ надеждъ, не отказавшись ни отъ какой побѣды, и куетъ втихомолку истину и справедливость будущаго, съ полной свободой духа, при помощи невидимыхъ молотовъ наблюденія и опыта?»

Трудовая, дружественная, полная здороваго веселья и взаимной любви обстановка семьи Гильома возбуждаетъ жизнерадостное настроеніе въ душѣ Пьера. Не чувствуя въ себѣ болѣе священника, онъ все болѣе и болѣе смущается своей рясой, которая напоминаетъ ему объ измѣнѣ! Ему кажется лицемѣріемъ, непростительнымъ и гнуснымъ, такое отношеніе къ культу, хотя и ставшему для него чуждымъ,—и послѣ мимоходомъ брошеннаго замѣчанія Мари, почему онъ, переставъ быть фактически священникомъ, не сниметъ рясы, Пьеръ

сбрасываетъ ее и тѣмъ окончательно порываетъ съ мучительнымъ прошлымъ, не оставившимъ въ душѣ ничего, кромѣ обиднаго разочарованія. Его попытка—воспользоваться вѣрой, какъ орудіемъ для единенія людей и руководительства ими, представляется ему теперь кощунствомъ. Въ особенности послѣ выслушанной имъ рѣчи синьора Марта, въ которой этотъ сановникъ церкви проводилъ его же мысль, что церковь должна идти за вѣкомъ, стать демократичной и на этомъ союзѣ съ демократіей утвердить святой престолъ, какъ прежде онъ утверждался на союзѣ съ монархіей. Теперь въ душѣ Пьера эта рѣчь возбуждаетъ цѣлую бурю. Вѣра ему представляется идеальной силой, недосягаемой высоты и чистоты,—силой, самой себѣ довлѣющей, имѣющей свои вѣчныя цѣли, которыя не могутъ быть подчинены минутнымъ скоротечнымъ интересамъ дня, съ его дрязгами, его политикой, злобой и интригами.

Благодѣтельный переворотъ въ душѣ Пьера завершается сближеніемъ съ невѣстой Гильома, который, замѣтивъ ихъ взаимное чувство, великодушно женитъ ихъ. Самъ Гильомъ тѣмъ легче приноситъ эту жертву, что въ душѣ его идетъ непрерывная борьба. Преступленіе Сальвы, потомъ казнь его, вызываютъ въ Гильомѣ всѣ притихшія въ немъ старыя мысли о несправедливостяхъ соціальнаго строя. Самъ того не замѣчая, онъ все больше склоняется къ анархизму, который увлекаетъ его страстной вѣрой въ силу разрушенія, какъ единственнаго средства для перерожденія общества. Прислушиваясь къ спорамъ старыхъ друзей, принадлежащихъ къ разнымъ школамъ, проповѣдующимъ сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ, коллективизмъ и т. п., Гильомъ видитъ, сколько противорѣчій таится въ каждомъ изъ этихъ ученій, то отрицающихъ другъ друга, то предлагающихъ разныя утопіи. Его возмущаетъ только практическое примѣненіе анархизма, ему противно самое разрушеніе, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Въ концѣ концовъ, смущенный, сбитый съ своей старой позиціи увѣреннаго въ правдѣ и силѣ науки ученаго, Гильомъ задумываетъ чудовищный планъ. Онъ хочетъ открыть всему міру тайну своего ужаснаго взрывчатаго вещества, чтобы такимъ образомъ сдѣлать невозможнымъ войну, а для доказательства необычайной силы этого вещества, взорвать строющійся вблизи Монмартра соборъ въ моментъ его освященія,—и этимъ взрывомъ бросить въ лицо общества страшную угрозу, какъ предвѣщаніе того, что можетъ его ожидать въ будущемъ, если наконецъ справедливость не воцарится въ жизни. Осуществленію плана мѣшаетъ Пьеръ, который, догадавшись въ чемъ дѣло, удерживаетъ брата въ моментъ исполненія. Весь этотъ эпизодъ въ романѣ архи-нелѣпъ, а мелодраматическая сцена между братьями въ подземельи собора, гдѣ происходитъ борьба между ними, и Гильомъ въ ярости чуть было не убиваетъ Пьера, производитъ скорѣе комическое, чѣмъ возвышенное впечатлѣніе, на что, вѣроятно, разсчитывалъ Зола.

Оба брата приходятъ къ одному заключенію, что трудъ, каковы бы ни были его условія теперь, есть все же единственная сила, способная вывести человѣчество на настоящій путь. Возвращаясь послѣ казни Сальвы, на утренней зарѣ, они видятъ пробужденіе трудового Парижа, «съ его непритворной затратой энергіи, мужества и страданія. Никогда еще Пьеръ не сознавалъ такъ ясно необходимости, спасительности и возстанавляющаго дѣйствія труда. Еще со времени посѣщенія завода Грандидье (гдѣ работалъ въ качествѣ механика старшій сынъ Гильома) и позже, когда онъ самъ почувствовалъ потребность какого-нибудь дѣла, онъ размышлялъ про себя, что въ этомъ, вѣроятно, и заключается міровой законъ... Какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, какъ бы ни былъ чудовищенъ въ своемъ несправедливомъ распредѣленіи, но все же трудъ, одинъ трудъ способенъ водворить когда-нибудь справедливость и счастье!» Выводъ Пьера, несомнѣнно, вполнѣ вѣренъ самъ по себѣ, только обстоятельство, приведшее героя Зола къ его заключенію, довольно странно. Сальва потому и погибъ, что не нашелъ примѣненія для своего труда.

Впрочемъ, это замѣчаніе можетъ относиться только къ автору, который, раскритиковавъ и уничтоживъ всѣ ученія, признавъ несправедливость основою всего современнаго строя и расшевеливъ всѣ его язвы, приходитъ въ концѣ концовъ къ банальнѣйшему заключенію. Можно сказать, не стоило изъ-за этого и огородъ городить. Зола всячески поноситъ въ романѣ буржуазію, взваливаетъ на нее отвѣтственность за все и вся и предсказываетъ ей скорую и конечную гибель, самъ же онъ—чистѣйшій образецъ буржуазнаго мыслителя, плоть отъ плоти той же буржуазіи. Сказавъ нѣсколько высокихъ словъ о трудѣ, о наукѣ, о высокомъ призваніи интеллигенціи, онъ заканчиваетъ полнымъ примиреніемъ со всѣмъ тѣмъ, противъ чего выступилъ въ началѣ столь грозно и свирѣпо.

«Что значитъ, — восторженно восклицаетъ онъ, — въ политикѣ порочность людей, мотивы эгоизма и наслажденій, если своимъ упорнымъ и медленнымъ шагомъ человѣчество продолжаетъ идти впередъ безъ остановки! Что значитъ эта разлагающаяся, немощная буржуазія, настолько же близкая смерти, какъ и аристократія, мѣсто которой она заняла, если позади нея безпрерывно наростаетъ неистощимый резервъ людей, выходящихъ изъ населенія деревень и городовъ! Что значитъ распутство, развращеніе отъ пресыщенія деньгами, властью, что значитъ эта утонченная свѣтская жизнь, которая тѣшится развращенной любовью, если доказано, что всѣ столицы, царившія надъ міромъ, властвовали только цѣною крайностей цивилизаціи, культа красоты и наслажденій! Что значитъ даже неизбѣжная подкупность, промахи и глупыя выходки печати, если она, съ другой стороны, является замѣчательнымъ проводникомъ просвѣщенія, всегда открытой общественной совѣстью, потокомъ, который хотя и приноситъ съ собой разную грязь, но тѣмъ не менѣе все-таки катится дальше, увлекаетъ всѣ народы въ обширное море братства градущихъ вѣковъ! Человѣческіе подонки осаждаются на днѣ котла, нельзя желать, чтобы по виду всегда торжествовало добро; иной разъ нужны годы для того, чтобы изъ сомнительной закваски выдѣлилась осуществленная надежда, въ силу вѣчнаго процесса матеріи, очищающейся въ тиглѣ. И если въ глубинѣ зловонныхъ мастерскихъ система труда являлась лишь формой древняго рабства, если Туссени (имѣя одного рабочаго, дѣйствующаго въ романѣ) осуждены умирать отъ нищеты на своихъ жалкихъ койкахъ, то свобода тѣмъ не менѣе воспрянула изъ громаднаго котла и выпорхнула въ міръ. Почему же не можетъ выдѣлиться оттуда, въ свою очередь, справедливость, освободившись отъ грязной мути, возсіявъ, наконецъ, поразительной чистотой и способная совершить возрожденіе народовъ?»

Иными словами, все къ лучшему въ семъ наилучшимъ изъ міровъ. Напугавъ читателей вначалѣ предсказаніями всяческихъ ужасовъ, неизбѣжныхъ катастрофъ и даже пококетничавъ съ анархизмомъ, Зола кончаетъ, какъ добрый буржуа, восхищеніемъ предъ Парижемъ, Франціей и всѣмъ міромъ. Пьеръ находитъ примиреніе съ жизнью въ объятіяхъ своей Мари и наслаждается скромнымъ трудомъ помощника механика въ мастерской Гильома. А сей грозный мужъ, чуть-было не взорвавшій Монмартръ, примѣняетъ свое изобрѣтеніе къ небольшимъ переноснымъ механическимъ двигателямъ. И вся семья любуется вмѣстѣ съ довольнымъ авторомъ картиной Парижа, залитаго солнцемъ.

«Мари вскрикнула отъ восхищенія, указывая на Парижъ:

«— Смотрите-ка, смотрите. Парижъ весь въ золотѣ, Парижъ весь покрытъ своей золотой жатвой.

«Всѣ восхищались, потому что видъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Пьеръ уже и раньше замѣчалъ этотъ эффектъ, когда косые лучи солнца осыпали необъятный Парижъ золотою пылью. Но на этотъ разъ это уже не былъ посѣвъ, когда масса крышъ и памятниковъ представлялись въ видѣ бурой земли— нивы, воздѣлываемой какимъ-то гигантскимъ плугомъ, а божественное солнце

кидало пригоршнями свои лучи, подобные золотымъ сѣменамъ, которыя падали со всѣхъ сторонъ. Это не былъ уже и городъ съ отчетливо выдѣляющимися кварталами: на востокѣ рабочіе кварталы, окутанные сѣрымъ дымомъ, на югѣ кварталы школъ, отдаленные и ясные, на западѣ кварталы богачей, широкіе и свѣтлые, въ центрѣ торговые кварталы съ темными улицами. Казалось, что одинъ общій напоръ жизни, одно и то же цвѣтеніе покрыло весь городъ цѣликомъ, привело его въ гармонію, превратило въ одну безпредѣльную ниву, наградивъ однимъ и тѣмъ же плодородіемъ. Зерно, всюду зерно, безконечное количество зерна золотистыми волнами катилось съ одного конца горизонта въ другой. Солнце своими косыми лучами обливало весь Парижъ равномѣрнымъ блескомъ, это была жатва послѣ посѣва... Парижъ весь пламенѣлъ, засѣянный свѣтомъ божественнаго солнца, и въ этомъ блескѣ отражалась будущая жатва правды и справедливости!»

Красивое, блестящее заключеніе, но эти звонкія фразы едва ли убѣдятъ кого и успокоятъ. Мы знаемъ, что все перемелется и мука будетъ. Но какъ уменьшить мýки перемола, облегчить самый процессъ родовъ будущей правды и справедливости и помочь человѣчеству въ его борьбѣ за это свѣтлое будущее,— на этотъ вопросъ Зола благоразумно умалчиваетъ. Читатель разстается съ авторомъ неудовлетворенный, съ чувствомъ горечи и досады,—горечи за испытанную муку «проклятыхъ вопросовъ», возбужденныхъ авторомъ, и досады за ничтожность результатовъ. Обѣщанное примиреніе оказывается дѣломъ далекаго будущаго, что мы знали и до Зола, а предлагаемое имъ утѣшеніе въ скромномъ трудѣ, безспорно, лучше, чѣмъ ничего, но оно не всякому дается, въ чемъ и заключается одно изъ несовершенствъ настоящаго. Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто Зола широко размахнулся, да такъ и остался, въ недоумѣніи передъ имъ же нарисованной картиной. Это недоумѣніе не лишаетъ, конечно, интереса самой картины, но лишаетъ романъ того глубокаго общественнаго значенія, какое онъ могъ бы имѣть, если бы авторъ съумѣлъ указать путь къ столь восторженно привѣтствуемой имъ справедливости.

Нашимъ читателямъ нѣсколько знакомъ англійскій журналъ «Atheneum», имѣющій чисто литературный и библіографическій характеръ. Слѣдя преимущественно за англійской литературой, журналъ этотъ ежегодно въ іюльскихъ нумерахъ даетъ общіе отзывы о литературахъ другихъ народовъ, поручая составленіе такихъ обзоровъ болѣе или менѣе извѣстнымъ писателямъ тѣхъ литературъ, о какихъ идетъ рѣчь. Такъ, еще недавно о русской литературѣ составлялъ обзоръ П. Н. Милюковъ, о датской—Брандесъ, о французской —Леметръ и т. п. Можно было не безъ пользы прибѣгать къ помощи этихъ обзоровъ, дающихъ сжатые конспекты и характеристики лучшихъ произведеній за годъ. Съ такими же надеждами обратились мы и къ обзору прошлаго года, помѣщенному въ нумерѣ отъ 1-го іюля (н. ст.), и каково же было наше удивленіе и разочарованіе, когда въ обзорѣ русской литературы за 1897 г. мы натолкнулись на слѣдующіе отзывы, которые мы приводимъ въ дословномъ переводѣ.

Авторъ обзора г. К. Бальмонтъ начинаетъ съ общей характеристики русской литературы. Въ настоящее время, говоритъ онъ, наша литература находится въ состояніи упадка. Послѣ блестящаго праздника, въ ней наступили сѣрые будни. «Произведенія талантливыхъ писателей теряются въ массѣ блѣдныхъ попытокъ людей, лишенныхъ литературнаго дарованія. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ отношеніи критика играетъ нежелательную роль и оказываетъ пагубное вліяніе на развитіе литературы въ странѣ. Съ 1860 г. до нашихъ дней въ ней неизмѣнно господствовали принципы реализма, совершенно чуждаго литературѣ. При оцѣнкѣ того или другого писателя, принималась всегда

во вниманіе не художественная цѣнность его произведеній, а ихъ отношеніе къ соціальнымъ вопросамъ. Если человѣкъ занимается исключительно вопросами искусства и относится равнодушно къ соціальнымъ вопросамъ, ему никогда не прощаютъ, и съ этой странной точки зрѣнія многіе посредственные писатели были зачислены въ первый рядъ, а съ другой стороны значительные писатели, какъ, напр., пантеистическій поэтъ Тютчевъ и Фетъ,—до послѣдняго времени вызывали жестокіе нападки или обходились молчаніемъ».

Сдѣлавъ такую оцѣнку критики, г. Бальмонтъ находитъ, что изъ числа книгъ, появившихся въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ (съ 1-го іюля 1897 г. по 1-е іюля 1898 г.) только двѣ — три заслуживаютъ вниманія: разсказы г. Чехова, «Зеркала», сборникъ разсказовъ г-жи Гиппіусъ, «Тѣни», сборникъ разсказовъ и стихотвореній г. Ѳ. Соллогуба, и второй томъ стихотвореній М. Лохвицкой. Чехову посвящается нѣсколько банальныхъ замѣчаній, какъ писателю, который производитъ впечатлѣніе яснымъ пониманіемъ жизни со всей ея безсердечностью, и только. Не то г-жа Гиппіусъ. «Въ произведеніяхъ молодой поэтессы г-жи Гиппіусъ преобладаетъ совершенно иной тонъ. Въ нихъ видно большое стремленіе къ изяществу и оригинальности, но результаты не всегда одинаковы. По первому ея произведенію «Новые люди» можно было ожидать многаго, но «Зеркала» не вполнѣ оправдали эти ожиданія. Разсказы, въ которыхъ она хочетъ быть поэтомъ-символистомъ, значительно слабѣе. Символистическая поэзія, какъ ее понимаютъ лучшіе цѣнители символизма Кальдеронъ, Шелли и Эдгаръ Поэ, самая тонкая изъ всѣхъ видовъ поэзіи... Но чтобы создавать эту тонкую и богатую красоту, надо имѣть глубокую и извилистую (lalyrinthine) душу, а г-жа Гиппіусъ, какъ и всѣ молодые русскіе поэты, желающіе быть символистами, не имѣетъ достаточной глубины и достаточнаго искусства». Поэтому, лучшіе ея разсказы не символистическіе. Зато изъ стихотвореній ея нѣкоторыя дѣйствительно очень тонки, какъ, напр., «Любовь одна». Ѳ. Соллогубъ обладаетъ талантомъ, родственнымъ г-жѣ Гиппіусъ... «Иногда его стихотворенія напоминаютъ поэмы художника-импрессіониста и производятъ на читателя впечатлѣніе чего-то нѣжнаго и воздушнаго, точно гармонія прерванной, не доконченной, но музыкальной пьесы». Самымъ, однако, выдающимся поэтомъ г. Бальмонтъ считаетъ г-жу Лохвицкую. «Если кто изъ современныхъ поэтовъ обладаетъ настоящей мелодіей стиха и замѣчательнымъ музыкальнымъ чувствомъ, то это г-жа Лохвицкая, написавшая цѣлый рядъ прекрасныхъ стиховъ. Г-жа Лохвицкая еще молода, но уже издала два тома прелестныхъ стихотвореній, привлекшихъ общее вниманіе и завоевавшихъ ей славу лирическаго таланта. Ея стихи всегда полны гармоніи и посвящены исключительно двумъ темамъ — любви и смерти.• Мы ощущаемъ въ нихъ расцвѣтъ неувядающей юности, роскошное великолѣпіе весенняго утра съ его богатствомъ звуковъ, цвѣтовъ и ароматовъ. Читателю кажется, что онъ гуляетъ въ тѣнистомъ паркѣ, гдѣ деревья осыпаны душистыми цвѣтами, а если нѣкоторые изъ деревьевъ лишены цвѣтовъ, то они стройны и прекрасны въ своей меланхоліи, какъ кипарисы. Если у г-жи Гиппіусъ душа сѣверная, то въ душѣ г-жи Лохвицкой преобладаетъ восточный элементъ... Въ ея стихахъ порывы страстнаго женскаго сердца выражены въ нервныхъ ритмическихъ строфахъ, смѣлыхъ какъ пѣсни Сафо»... «Говоря о книгахъ, появившихся въ прошедшемъ году, нельзя обойти молчаніемъ интересную повѣсть г-жи Л. Гуревичъ «Плоскогорье», печатавшуюся въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ литературныхъ журналовъ «Сѣверный Вѣстникъ»... Въ этомъ же журналѣ появились очерки «знаменитаго» критика А. Волынскаго по исторіи итальянскаго возрожденія, которые представляютъ обширный трудъ, составленный по порвоисточникамъ...» Затѣмъ г. Бальмонтъ упоминаетъ свои переводы Шелли и приводитъ двѣ-три появившіяся въ прошломъ году книги— изданіе трудовъ Тихонравова, Кавелина, Карновича и г. Венгерова.

Вотъ и вся русская литература за прошедшій годъ. Если бы не «Сѣверный Вѣстникъ» и его блестящіе сотрудники съ «знаменитымъ» критикомъ А. Волынскимъ во главѣ, англійская публика могла бы подумать, что русская литература на время исчезла. Вполнѣ понятна, поэтому, осторожность г. Бальмонта, съ которою онъ умолчалъ объ успѣхахъ «лучшаго русскаго литературнаго журнала «Сѣв. Вѣстника» среди русской читающей публики. Иначе мы были бы окончательно сконфужены въ глазахъ англичанъ. Лучшій журналъ, собравшій у себя единственные русскіе таланты, достойные вниманія г. К. Бальмонта, и вдругъ такая печальная судьба! Не варвары ли послѣ этого русскіе читатели? Впрочемъ, въ этомъ виновата критика, развратившая ихъ своимъ требованіемъ реализма, столь чуждаго нашей литературѣ. Мнѣніе, какъ извѣстно, далеко не новое. Здѣсь любопытно только, какъ почтенный, повидимому, англійскій журналъ попался и выдалъ головой свое полное незнакомство съ русской литературой. А еще г. Венгеровъ *) утверждаетъ, что русской литературой на Западѣ очень интересуются, причемъ главнымъ образомъ она обязана этимъ своему реализму, озаренному «свѣтомъ идеала» и полнаго «такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у болѣе крупныхъ европейскихъ реалистовъ». Мы далеко не согласны съ мнѣніемъ г. Венгерова о превосходствѣ русской литературы надъ прочими. Но его мнѣніе о ея реализмѣ, какъ объ одномъ изъ главныхъ ея качествъ, высказанное еще 50 лѣтъ назадъ Бѣлинскимъ, представлялось всѣмъ незыблимо установленнымъ. И вотъ г. Бальмонтъ увѣряетъ англійскихъ читателей въ совершенно обратномъ. Вдаваться въ разборъ другихъ его поученій, въ виду ихъ явной нелѣпости, думаемъ, лишнее, почему ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Храбрость, проявленную г. Бальмонтомъ въ его обзорѣ, замолчавшемъ буквально о всей русской литературѣ, кромѣ нѣсколькихъ курьезныхъ образчиковъ русскаго декадентства, вполнѣ понятна. Англійскій читатель все приметъ на вѣру, благо онъ ничего не знаетъ. Но сколько нужно своеобразной беззастѣнчивости, чтобы такъ одурачить этого читателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣрчивую редакцію, пользуясь ихъ незнаніемъ. И для кого или для чего это понадобилось г. Бальмонту выдать свои личныя симпатіи за единственную цѣнность русской литературы? Врядъ ли улучшатся фонды русскихъ декадентовъ купно съ ихъ знаменитымъ критикомъ оттого, что въ англійскомъ журналѣ напечатана лживая и смѣшная по существу статейка, дающая совершенно превратное представленіе о русской литературѣ.

Этотъ комическій выходъ г. Бальмонта на арену иностранной критики можетъ служить лишнимъ доказательствомъ, какъ мало еще знаютъ Россію иностранцы и какъ охотно и довѣрчиво печатаютъ всякій вздоръ. Много еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ русская литература займетъ подобающее ей мѣсто въ ряду другихъ и станутъ невозможными подобные эпизоды, немыслимые по отношенію къ другимъ литературамъ хотя бы въ томъ же «Атенеумѣ».

А. Б.

---

*) См. его статью въ мартѣ «Вѣстн. Евр.» за 1898 г., «Новѣйшая русская литература».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земскіе книгоноши. Саратовское губернское земство, по сообщенію «Саратовскаго Дневника», сдѣлало любопытный почин въ дѣлѣ распространенія книгъ среди сельскаго населенія, при помощи книгоношъ отъ земства. Какъ извѣстно, до сихъ поръ у офеней крестьянинъ получаетъ такъ называемую лубочную литературу Никольскаго рынка — разныхъ Жихаревыхъ, Морозовыхъ, Абрамовыхъ, Губановыхъ и К°. На это-то и обратило серьезное вниманіе саратовское земство, придя къ необходимости организовать продажу улучшенной народной литературы не изъ склада только, куда мало заходятъ крестьяне, а непосредственно по деревнямъ и селамъ. Книгоноша былъ приглашенъ земствомъ 1 мая 1897 г. для Аткарскаго уѣзда и сначала ходилъ съ коробомъ, а потомъ завелъ телѣжку. Но этотъ способъ передвиженія оказался мало практичнымъ, и земство завело лошадь съ экипажемъ, спеціально приспособленнымъ для торговли. Дѣло пошло сразу же гораздо успѣшнѣе: въ первые же мѣсяцы выручка поднялась съ 50 р. 54 к. въ среднемъ за мѣсяцъ на 100 р. 66 к. Книгоноша имѣетъ форму отъ земства—на фуражкѣ мѣдную пластинку съ надписью *Книгоноша 1-го саратовскаго губернскаго земства* и состоитъ на жалованьи по 12 руб. въ мѣсяцъ съ прибавленіемъ 10% отъ валовой выручки. На его обязанности лежитъ развозить по базарамъ и селеніямъ книги для чтенія, учебники и учебныя пособія, отпускаемыя изъ земскаго склада. Обыкновенно въ мѣсяцъ посѣщается отъ 20 до 25 селеній, съ остановками иногда въ 1, 2 и даже 4 дня. Продаются книги самыя разнообразныя отъ 1 к. до 5 руб. и не только крестьянамъ, но и сельской интеллигенціи, напр., врачамъ, учителямъ, священникамъ, волостнымъ писарямъ и пр.

Управа въ докладѣ своемъ земскому собранію говоритъ, что «не слѣдуетъ останавливаться предъ убытками въ этомъ дѣлѣ, хотя и ничтожными. Это посѣвъ, который въ свое время дастъ обильный урожай. Съ увеличеніемъ же размѣровъ торговли уменьшатся сравнительно издержки по организаціи этого дѣла и настанетъ время, когда книгоноши будутъ окупать вполнѣ свои расходы».

Слѣдуетъ пожелать развитія этому хорошему начинанію земства и возможно широкому распространенію его и въ другихъ земствахъ.

Вымираніе розги. «Недѣля» приводитъ интересныя данныя о розгѣ, собранныя врачомъ Д. Н. Жбанковымъ по порученію VI съѣзда русскихъ врачей, пожелавшаго имѣть эти свѣдѣнія для мотивировки ходатайства о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Данныя эти прежде всего сообщаютъ о поразительномъ распространеніи розогъ въ дореформенное время. Такъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ кіевскаго учебнаго округа въ 1858 году изъ 4.109 учениковъ было высѣчено 561, причемъ въ Житомирской гимназіи изъ 600 учениковъ высѣкли

въ названномъ году 290 человѣкъ, т. е. почти ровно половину. Если такъ широко примѣнялась розга въ школѣ и по отношенію къ дѣтямъ привилегированныхъ классовъ, то можно себѣ представить, съ какою щедростью она должна была пускаться въ ходъ по отношенію къ крестьянамъ. Къ сожалѣнію, статистики сѣченій тогда не велось, да и вести ее было затруднительно уже по обилію случаевъ примѣненія розогъ. Но о данномъ предметѣ, все-таки, можно имѣть представленіе хотя-бы по такого рода фактамъ. Въ 1849 году кіевское губернское правленіе обсуждало отношенія таврическаго и херсонскаго губернскихъ правленій о томъ, что въ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ названнымъ правленіямъ, ощущается недостатокъ въ лѣсахъ, могущихъ доставить въ достаточномъ количествѣ розги для наказанія виновныхъ, почему названныя правленія и запрашиваютъ кіевское, возможно ли будетъ заготовить розги въ Кіевской губерніи въ количествѣ 6.000 пучковъ для Таврической губерніи и 20.000 пучковъ для Херсонской, причемъ правленія желали бы получить именно березовыя розги (вѣроятно, въ виду ихъ прочности). Чтобы израсходовать 20.000 пучковъ розогъ въ годъ, очевидно, нужно было пересѣчь не малое количество людей. Но и послѣ освобожденія крестьянъ порка продолжалась въ широкихъ размѣрахъ и долго розги являлись преобладающимъ наказаніемъ въ практикѣ волостныхъ судовъ. Коммиссія по преобразованію волостныхъ судовъ въ 1872 г. собрала множество данныхъ, относящихся къ 12 губерніямъ разныхъ полосъ Россіи и свидѣтельствующихъ о томъ, что въ однѣхъ изъ этихъ губерній розги составляли самый преобладающій видъ наказанія, примѣняемый волостными судами, а въ другихъ розги хотя и уступали аресту по численности случаевъ примѣненія, все же составляли одинъ изъ употребительнѣйшихъ способовъ наказанія виновныхъ. По одной губерніи Владимірской г. Жбанковъ приводитъ цифровыя свѣдѣнія о числѣ случаевъ сѣченія по приговорамъ волостныхъ судовъ съ 1863 по 1880 годъ. Изъ данныхъ этихъ видно, что сѣченія послѣ освобожденія не только не ослабѣвали, а еще усиливались, достигнувъ своего maximum'а 1872—1873 г.г.

Совсѣмъ иная картина предстанетъ предъ нами, когда мы обратимся къ даннымъ, относящимся къ 90-мъ годамъ. Здѣсь наблюдается быстрая убыль случаевъ примѣненія розогъ. Г. Жбанковъ приводитъ далѣе сообщенныя нами цифры, касающіяся Нижегородской губерніи. Здѣсь въ 1891 году волостными судами было постановлено 1.899 приговоровъ съ назначеніемъ розогъ; въ 1892 г. число это понизилось до 979, въ 1893—до 553, въ 1894—540 и въ 1896 году такихъ приговоровъ было уже только 193. При этомъ не всѣ приговоры о наказаніи розгами были приведены въ исполненіе. Такъ, въ 1891 году такихъ приговоровъ было приведено въ исполненіе 873, въ 1892 году — 403, въ 1893—208, въ 1894—156 и въ 1896—только 50. Замѣтно не только уменьшеніе случаевъ сѣченія, но и уменьшеніе процента приговоровъ, приводимыхъ въ исполненіе къ общему числу постановленныхъ приговоровъ съ назначеніемъ розогъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ 1891 году было приведено въ исполненіе 46% всѣхъ приговоровъ съ назначеніемъ розогъ, въ 1896 году этотъ процентъ упалъ уже до 26.

Данныя по другимъ губерніямъ вполнѣ подтверждаютъ наличность того же явленія, которое отмѣчается данными по Нижегородской губерніи, вымиранія розги въ практикѣ волостныхъ судовъ. Въ Смоленской губерніи въ 1891 году было приговорено волостными судами къ розгамъ 1.850 человѣкъ, а въ 1896 году уже только 211, причемъ это уменьшеніе въ теченіе всего шестилѣтія шло правильно, изъ года въ годъ. Въ 1896 году приговоры волостныхъ судовъ съ назначеніемъ розогъ составляли по Смоленской губерніи только 2,6% всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ этихъ судовъ. По Воронежской губерніи въ 1895 году тотъ же процентъ составлялъ 3,5. Въ Вятской губерніи тотъ же процентъ

уже къ 1895 году понизился до $1^{0}/_{0}$. Разсматривая данныя по уѣздамъ, мы видимъ, что есть уже уѣзды, въ которыхъ въ послѣдніе годы не было ни одного случая примѣненія тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Такимъ образомъ, жизнь сама устраняетъ постепенно позорную мѣру наказанія, и для окончательнахо исчезновенія розги изъ практики русской жизни не достаетъ только законодательной санкціи.

«Кугу-сорта». «Кугу-сорта», въ переводѣ на русскій языкъ «большая свѣча»—названіе религіозной секты, одной изъ народностей финскаго племени, населяющей сѣверо-восточную полосу Россіи—«луговыхъ» черемисъ. Это своеобразное прозвище секта получила отъ восковой свѣчи 7 вершковъ въ діаметрѣ, занимающей видное мѣсто при общественныхъ моленіяхъ сектантовъ. Свѣдѣнія объ этой сектѣ даетъ г. Н. Соколовскій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

«Кугу-сорта» зиждется и поддерживается исключительно устнымъ преданіемъ; отрицая всякое видимое изображеніе божества, она признаетъ одного только Всевышняго Бога («Великое Начало Созданія», «Великое Начало Жизни», «Великій Богъ») и Всевышнюю Общую Мать («Великая Созидательница-Мать»). Передъ этими Незримыми Богомъ и Общей Матерью кугу-сортинцы совершаютъ общественныя молитвы и жертвы. Для жертвы употребляются: хлѣбъ, медъ (непремѣнно отъ живыхъ пчелъ) и масло; причемъ зерно, идущее на жертвенный хлѣбъ, должно превратиться въ муку не мельничнымъ жерновомъ, но руками молящихся, толченіемъ въ деревянной ступѣ. Общественныя жертвоприношенія и моленія происходятъ «въ завѣтныхъ» рощахъ, и имъ предшествуетъ «для смягченія сердца» молящихся игра на гусляхъ. Во время сжиганія, на особо устроенномъ изъ сырой березы жертвенникѣ, жертвъ (хлѣбъ, медъ и масло) кугу-сортинцы съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, молятся за царя, за царствующій тронъ, за воинство и всѣхъ добрыхъ людей; просятъ о прощеніи грѣховъ, ниспосланія урожая, здоровья себѣ, скоту и пчеламъ; благодарятъ Всевышняго Бога и Общую Мать за полученныя милости и т. д. «Кугу-сортинцы» празднуютъ пятницы, особенной же торжественностью отличается празднованіе тѣхъ пятницъ, которыя совпадаютъ съ выдающимися событіями земледѣльческаго быта: пятница передъ выгономъ скота въ поле, передъ началомъ ярового и озимого сѣна, сѣнокоса и жнитвы; пятница—по окончаніи полевыхъ работъ и пр. Наканунѣ общественныхъ моленій и жертвоприношеній «кугу-сортинцы» очищаются тѣлесно (обливаясь ключевой водой) и душевно, размышляя о прегрѣшеніяхъ; приступаютъ же къ молитвѣ и жертвѣ въ чистой и непремѣнно бѣлой одеждѣ, тканой руками членовъ общества (цвѣтная и фабричная одежда не допускается) и въ новыхъ лаптяхъ, сплетенныхъ изъ 7 лыкъ. Для неимущихъ членовъ община хранитъ всегда запасъ чистой одежды для молитвы. Послѣ молитвы и жертвоприношенія совершается общая трапеза, для которой столы, скамейки, ведра, ковши, ложки, даже ножи дѣлаются опять-таки руками членовъ общины изъ самаго чистаго и здороваго березоваго или липоваго лѣса. «Кугу-сорта» воспрещаетъ своимъ послѣдователямъ употребленіе въ пищу свинины, медвѣжатины, лошадинаго мяса, зайцевъ, курицъ и лѣсныхъ птицъ, а также вина и чая. За великій грѣхъ почитаются сквернословіе, куреніе табаку и охота.

До 80-хъ годовъ кугу-сортинцы, ни кѣмъ не тревожимые, совершали въ своей «завѣтной» рощѣ безкровныя жертвы Всемогущему Богу и Общей Матери, но въ этихъ годахъ въ ихъ міровоззрѣніи возникъ давно назрѣвавшій вопросъ о грѣховности принадлежать, хотя бы и наружно, къ двумъ религіямъ.

Кугу-сортинцы перестали хоронить, вѣнчать и крестить по обряду православія. Къ дѣлу совѣсти примѣшалась сторона матеріальная, вопросъ о такъ-называемой ругѣ. Для кугу-сортинцевъ началась эпоха внѣшнихъ воздѣйствій

и преслѣдованій, выразившаяся на первыхъ порахъ въ томъ, что отъ нихъ были отобраны всѣ принадлежности богослуженія (между прочимъ, 535 аршинъ холста, 11 новыхъ рубахъ, 40 поясовъ, 12 пудовъ 18 фунтовъ воска и восковыхъ свѣчъ, въ числѣ которыхъ и «кугу-сорта»), противъ же хранителя этихъ принадлежностей было возбуждено уголовное преслѣдованіе по 206 ст. улож. о нак.; мѣстный окружной судъ, имѣя въ виду, что по 206 ст. карается только «устройство раскольничьихъ скитовъ и иныхъ сего рода обиталищъ», оправдалъ обвиняемаго.

Не довольствуясь отобраніемъ отъ кугу-сортинцевъ предметовъ богослуженія, вслѣдъ затѣмъ противъ наиболѣе замѣтныхъ представителей секты были возбуждены уголовныя преслѣдованія въ томъ, что они, «отступивъ отъ православія въ язычество и, несмотря на принимаемыя духовной властью мѣры увѣщанія и вразумленія, остаются послѣдователями своего языческаго ученія».

На судѣ обвиняемые заявили, что они хотя крещены и обвѣнчаны по обрядамъ православія, но «православной вѣры не признаютъ». Судъ, слѣдуя буквальному смыслу 185 ст. улож. о нак. постановилъ: отправить обвиняемыхъ къ духовному начальству для увѣщанія и вразумленія, а до возвращенія въ христіанство воспретить имъ пользоваться правами состоянія и на все время имѣніе ихъ взять въ опеку.

Сельскія общества, къ которымъ принадлежали сектанты, составили, по словамъ автора, «не безъ замѣтнаго вліянія со стороны», мірскіе приговоры объ удаленіи кугу-сортинцевъ изъ среды общества, мотивируя это «зловредностью и противоправительственностью секты». Земскій начальникъ утвердилъ этотъ приговоръ. Впрочемъ, весьма любопытно, что почти одновременно, но только въ сосѣднемъ, бокъ-о-бокъ находящемся участкѣ былъ тоже составленъ подобный же «мірской» приговоръ «объ удаленіи» пяти одинаково съ предъидущими «зловредныхъ» и «противоправительственныхъ» сектантовъ, но этотъ приговоръ не нашелъ себѣ санкціи у земскаго начальника.

Въ результатѣ наиболѣе замѣтные изъ сектантовъ были сосланы въ Сибирь.

Въ своихъ прошеніяхъ, посылаемыхъ изъ глубины Сибири, — прошеніяхъ, правда, не особенно грамотныхъ, но зато трогательно-наивныхъ, сосланные, отстаивая чистоту преслѣдуемыхъ ими цѣлей, съ непоколебимой твердостью заявляютъ о ихъ преданности своей кугу-сорта; такъ, въ одномъ изъ своихъ прошеній они пишутъ: «мы дѣйствительно за правду моленія разорились отовсево и что имѣли то все разорено и проливаемъ свои слезы такое долгое время и слезы у насъ всѣ вытекли и теперь уже вытекаетъ кровь, но никогда не измѣнимъ свою вѣру, правду и совѣсть свою не зачернимъ, какъ прочіе черемисы; правда и вѣра дороже всего на свѣтѣ, лучше помереть, чѣмъ измѣнить вѣру и правду и наше бѣло-черемиское, изустно-черемиское общество будетъ служить и подчиняться верховной власти, царю и отечеству».

Въ Сибири сектанты пробыли болѣе трехъ лѣтъ; здѣсь ихъ нашелъ Всемилостивѣйшій коронаціонный манифестъ и возвратилъ въ Россію.

Административная власть, однако, не нашла возможнымъ разрѣшить имъ поселиться вновь на родинѣ, на старомъ пепелищѣ, но водворила ихъ въ одной изъ сосѣднихъ губерній. Будучи по всему складу своей жизни только земледѣльцами, не зная никакого иного труда, возвращенные сектанты пытались «приписаться» къ какому-нибудь сельскому обществу, но такъ какъ подобная «приписка» влекла за собой надѣлъ землей, то ни одно общество не проявило согласія принять ихъ. Положеніе возвращенныхъ сдѣлалось, пожалуй, хуже сибирскаго, такъ какъ тамъ, въ Сибири, въ концѣ концовъ они нашли работу и заработокъ на Сибирской желѣзной дорогѣ. При такихъ условіяхъ кугу-сортинцы обратились съ ходатайствомъ въ мѣстное губернское присутствіе объ отводѣ имъ 150 десятинъ, на которыхъ они, вмѣстѣ съ семьями, могли бы по-

селиться и устроиться; однако же, такого клочка земли не нашлось для изгнанниковъ «по неимѣнію въ губерніи свободныхъ казенныхъ земель». И остались черемисы, подобно птицамъ разореннаго гнѣзда, безъ земли и крова...

О нынѣшнемъ положеніи черемисовъ г. Соколовскій ничего болѣе не сообщаетъ.

Психическія заболѣванія среди сельскаго населенія. «Нижегородскій Листокъ» сообщаетъ интересныя данныя объ эпидеміи кликушества въ д. Гремячкѣ, Нижегородскаго уѣзда, куда былъ отравленъ завѣдующій губернской психіатрической больницей д-ръ П. П. Кащенко, для изслѣдованія этой эпидеміи.

Какъ оказалось, первая больная, появившаяся въ деревнѣ, Татьяна В.—молодая женщина, вышедшая замужъ въ январѣ. Она — грамотная, бойкая, смышленая крестьянка. Захворала она въ февралѣ мѣсяцѣ, а на Пасхѣ съ ней впервые случился припадокъ большой истеріи съ выкликиваніемъ, и тутъ она назвала женщину, будто бы ее «испортившую». Родные, конечно, не могли не обезпокоиться и раньше болѣзнью Татьяны В., и еще постомъ ее возили отчитывать къ «читакѣ» въ Семеновскій уѣздъ. Курсъ отчитыванія у «читакъ» продолжается 6 недѣль. Отчитываніе состоитъ въ томъ, что надъ больной непрерывно читаютъ молитвы и священныя книги,—и это лѣченіе, конечно, имѣетъ за собой извѣстный raison d'être, такъ какъ больной удаляется отъ привычной обстановки, пользуется безусловнымъ покоемъ и находится подъ извѣстнымъ нервнымъ воздѣйствіемъ,—нѣчто въ родѣ гипноза. Татьяна В. пользовалась у «читаки» всего 2 недѣли. Первые шесть дней она провела въ безпрерывныхъ припадкахъ, такъ что ее пришлось сажать на цѣпь; на 7-й она стала успокаиваться и настолько затѣмъ оправилась, что сама помогала читать. Соскучившись о мужѣ, Татьяна В. на третьей недѣлѣ уѣхала домой, заплативши доморощенному лѣкарю за полный курсъ, по установившейся таксѣ—15 руб.

Появленіе кликушъ произвело въ д. Гремячкѣ сильное впечатлѣніе. Населеніе здѣсь чисто раскольничье. Какъ говорили старожилки—шестидесятилѣтнія старухи—онѣ не запомнятъ, чтобы въ деревнѣ были случаи порчи въ столь рѣзкой и несомнѣнной формѣ. Толки и разговоры создавали извѣстную нервную атмосферу, послѣдствія чего не замедлили обнаружиться.

На Пасхѣ, какъ сказано, Татьяна В. впервые выкликнула имя «испортившей» ее—одной обывательницы, извѣстной подъ именемъ «Анки» и прозванной «цыганкой»: 5 лѣтъ тому назадъ она была заподозрѣна въ сообщничествѣ съ цыганами, укравшими лошадь въ деревнѣ. На Пасхѣ эта «цыганка Анка», по убѣжденію обывателей, напустила порчу и еще на 2-хъ молодыхъ женщинъ, сосѣдокъ Татьяны В., и онѣ также заболѣли истеріей, но не въ формѣ большихъ припадковъ; послѣдніе проявились у нихъ лишь въ началѣ іюня.

4-го іюня въ деревнѣ былъ крестный ходъ съ иконами, и во время него «обнаружился дьяволъ». Двѣ женщины убѣжали отъ иконъ, при всеобщемъ смятеніи народа. Ихъ силою привели обратно, и оказалось, что двѣ позже Татьяны испорченныя женщины захворали уже большой истеріей въ очень тяжелой формѣ. Въ тотъ же день заболѣли еще 2 женщины, одна старая, другая «молодуха», по указаніямъ Татьяны, опять выкликнувшей имя «Анки-цыганки». У этихъ женщинъ форма истеріи слабая, и одна изъ нихъ въ настоящее время поправляется.

5-го іюня состоялся сходъ возмущеннаго и негодовавшаго на Анку народа. Анка была выведена къ сходу за тѣмъ, чтобы она попросила прощенія у больныхъ, такъ какъ, по понятіямъ крестьянъ, достаточно попросить прощенія въ напущеніи дьявола, чтобы послѣдній «вышелъ». Положеніе Анки было ужасное: если она попроситъ прощенія, то всѣ успокоятся, но, однако, этимъ Анка признается въ способности «портить»; не просить прощенія—значило обрекать себя опасности быть убитой или, по крайней мѣрѣ, избитой. Анка отказалась.

Тогда на нее бросились—и прежде всего больныя женщины, обвинявшія ее въ порчѣ—и хотѣли бить. Однако Анку удалось вытащить изъ толпы. Ее немедленно отправили въ сосѣднюю Каменку, гдѣ и посадили подъ арестъ. Затѣмъ ее освободили и она уѣхала къ роднымъ.

Психическая зараза уже начала дѣйствовать—и многія женщины деревни обнаруживали признаки приближающейся болѣзни. Тогда-то мѣстный земскій начальникъ г. Каргеръ и обратился за совѣтомъ къ г. Кащенко.

Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ психіатромъ, Татьяна В. заболѣла, какъ разсказываютъ крестьяне, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ января Татьяна В. пировала на своей свадебной пирушкѣ. Здѣсь-же была «Анка-цыганка», которая, входя въ избу, у порога зачѣмъ-то наклонилась къ землѣ. На вопросы, что она дѣлаетъ, Анка отвѣтила, что уронила платокъ и подняла. На самомъ дѣлѣ, разсказываютъ крестьянки, «Анка-цыганка» подложила къ порогу *воскъ*, чтобы такимъ путемъ «испортить». Дѣйствіе воска немедленно сказалось, и Татьяну В. во время пира «схватило животомъ», а вслѣдъ затѣмъ она и совсѣмъ расхворалась.

— Какъ тебя испортили?—спрашиваютъ больную Татьяну.

— На воскѣ, на воскѣ,—кричитъ больная,—Анютка-цыганка, Анютка-цыганка, всѣхъ бабъ испортила...

Когда кликуша узнала, что ей предстоитъ лѣчиться, она стала кричать:

— Лѣчить насъ нельзя, лѣкарства не помогутъ.

Это убѣжденіе, что испорченныхъ лѣчить нельзя—всеобщее. Другое дѣло черная немочь, разсуждаютъ крестьяне, это болѣзнь, а такихъ болѣзней, какъ порчи, не бываетъ.

Земскому начальнику г. Каргеру пришлось самымъ энергичнымъ образомъ настаивать предъ крестьянами, чтобы Татяяну В. отправили въ больницу. Долго бесѣдовалъ онъ съ крестьянами и, наконецъ, родные Татьяны В. согласились. 13-го іюня Татьяну привезли въ психіатрическую лѣчебницу. Она была довольно покойна, только когда ее повели въ ванную, съ ней сдѣлался легкій припадокъ. Оказалось, что Татьянѣ еще въ деревнѣ говорили, что ее будутъ лѣчить холодной водой, и она боялась этого. Теплая ванна, конечно, успокоила ее на этотъ счетъ. Вечеромъ съ нею былъ сильный припадокъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 2-хъ дней—14 и 15-го іюня—припадки уже не повторялись.

Родители другой больной также согласились привезти ее въ больницу, но до сихъ поръ обѣщанія не исполнили.

Для полноты картины, остается прибавить, что кликуши неизмѣнно называютъ по имени того бѣса, который въ нихъ сидитъ: такъ, въ Татьянѣ В. сидитъ «старшой» чортъ, по имени Кузька; у двухъ женщинъ съ тяжелыми формами заболѣванія родные братья Кузьки—чортъ Сидорка и Васька; у двухъ женщинъ съ легкими формами болѣзни—не родные Кузькѣ черти—Ванька и Ефремка. «Порчеными» могутъ быть не только люди, но и животныя. Тотъ воскъ, благодаря которому заболѣла Татьяна В., съѣлъ, оказалось, ягненокъ, который также заболѣлъ, по мнѣнію крестьянъ, но теперь выздоровѣлъ.

Истеро-эпилептическій припадокъ выражается очень бурно: больные страшно бьются и, чтобы удержать ихъ, нужна сила 4—6 человѣкъ.

Эта болѣзнь, въ суевѣрной формѣ демономаніи, незнакома уже культурному Западу, но въ Россіи встрѣчается нерѣдко; здѣсь, благодаря невѣжеству, власти предразсудковъ и мрачныхъ суевѣрій, истеро-эпилепсія развивается на почвѣ демонологическихъ понятій и воззрѣній, свидѣтельствующихъ о громадной власти тьмы среди народа.

Положеніе рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ. Не такъ давно, замѣчаютъ «С.-Петер. Вѣдомости», въ печати было приведено сообщеніе бахмутской зем-

ской управы о систематическомъ отравленіи рабочихъ, служащихъ на ртутныхъ рудникахъ, и проч. Въ настоящую же минуту обращаетъ на себя вниманіе еще болѣе возмущающій душу докладъ губернскаго гласнаго В. М. Хижнякова, касающійся состоянія рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ, разбросанныхъ по Днѣпру и проч. районахъ юга.

Это, говоритъ «Приднѣпр. Край», не докладъ, а вопль врачей-изслѣдователей, эхо котораго должно раздаться на нашихъ земскихъ собраніяхъ.

Между прочимъ, вотъ что сообщается въ отчетѣ д-ра Козинцева о недавнемъ санитарномъ изслѣдованіи спичечныхъ фабрикъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ:

«Искалѣченный ротъ, омертвѣвшія челюсти, впалая грудь, подозрительный кашель, дрожаніе рукъ, притупленный взглядъ—эмблемы рабочаго изъ сѣрноспичечной фабрики. Непривычному человѣку тяжело, почти невозможно, пробыть въ этихъ комнатахъ, пропитанныхъ фосфоромъ и сѣрой, болѣе 25 минутъ. Голова начинаетъ кружиться, кашель захватываетъ дыханіе, и вы бѣжите безъ оглядки скорѣе вонъ изъ этихъ палатъ—живыхъ могилъ. И тутъ-то сотнямъ рабочихъ, преобладающій элементъ которыхъ составляютъ дѣвушки и мальчики-подростки, изо-дня въ день, въ теченіе 16—18 часовъ, приходится насыщать свои легкія подобнымъ благоухающимъ ароматомъ. Высосавъ всѣ жизненные соки, фабрики выбрасываютъ потомъ этихъ полуживыхъ, искалѣченныхъ мертвецовъ, какъ никуда негодныхъ инвалидовъ, на улицу, гдѣ ихъ ждутъ нищета и проклятія. Выходя замужъ, спичечныя дѣвы «являются разсадникомъ такого же, какъ и онѣ сами, хилаго, полумертваго поколѣнія, отягощеннаго цѣлымъ рядомъ болѣзней, которыя ведутъ ихъ къ ранней могилѣ».

Изслѣдованіе обнаружило, что болѣе $^1/_2$ всѣхъ рабочихъ мужчинъ на сѣрноспичечныхъ фабрикахъ и $^2/_3$ женщинъ—были лица несовершеннолѣтнія. Рабочихъ стариковъ, вообще, на этихъ фабрикахъ не бываетъ.

Вотъ какъ далѣе рисуетъ д-ръ Козинцевъ другую сторону дѣла на нашихъ спичечныхъ фабрикахъ: «всѣ рабочіе работаютъ на своихъ харчахъ и плату получаютъ не деньгами, а товаромъ изъ фабричныхъ лавокъ, конечно, по цѣнамъ выше рыночныхъ, иногда на 25 (и болѣе) проц.

«Лавки эти, вообще, имѣютъ спеціальное назначеніе обиранія рабочихъ. За рабочій день, съ 5 или 6 часовъ утра до 10 или 11 часовъ вечера, одни получаютъ въ мѣсяцъ до 10 р., другіе—13 р., а помощники этихъ рабочихъ—отъ 6 до 8 р. Накатчики, съемщики, съемщицы, бандерольники и бандерольщицы получаютъ плату сдѣльно и вырабатываютъ въ среднемъ 30 к. — 1 р. въ день. Работницы, даже лучшія, могутъ заработать сдѣльно не болѣе 35 к. въ день, а нужно видѣть ту судорожную поспѣшность, съ какою работаютъ съемщицы, чтобы понять и оцѣнить ихъ трудъ для заработка этихъ жалкихъ 30 — 35 к. Приведенныя данныя ярко рисуютъ существованіе этого жалкаго спичечнаго труженика, когда онъ, наконецъ, уже дома, въ своей хатѣ. Что можетъ несчастный отецъ принести своимъ полуголоднымъ дѣткамъ, заработавъ въ мѣсяцъ 10—13 рублей (большая часть этого заработка остается въ лавкѣ фабриканта)?

«Возможно ли думать о какой-либо культурности въ этой средѣ, когда изъ 300 рабочихъ-мужчинъ оказалось умѣющихъ кое-какъ читать и писать только 35? А работницы на вопросъ о грамотности могли отвѣчать только смѣхомъ и шутками.

«Приблизительно, лѣтъ 15 тому назадъ фабрики эти были изслѣдованы земскимъ врачемъ, а затѣмъ правительственными; изслѣдованія дали такую же картину! Почему же, спрашиваетъ газета, въ теченіе такого продолжительнаго времени не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы измѣнить ужасное положеніе дѣла?»

Положеніе и дѣятельность лицъ, окончившихъ курсъ на высшихъ женскихъ курсахъ. За все время (1882—1889 и 1893—1896 г.) на Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ окончило 1.346 лицъ. Изъ общаго числа о 223 лицахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, а о 406—имѣются свѣдѣнія неполныя (указаны лишь мѣсто жительства и семейное положеніе); поэтому цифровыя данныя о распредѣленіи окончившихъ курсъ по различнаго рода дѣятельности относятся лишь къ остающемуся числу слушательницъ—717. По роду занятій окончившія распредѣляются: занимающіяся педагогической дѣятельностью 514 (71,6 проц.), изъ нихъ ассистентокъ, преподавательницъ и руководительницъ практическими занятіями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 19, начальницъ и учительницъ институтовъ, гимназій, прогимназій, епархіальныхъ училищъ, частныхъ пансіоновъ и проч. 141, учительницъ городскихъ училищъ, приходскихъ школъ, техническихъ, вечернихъ и воскресныхъ классовъ—200, учительницъ сельскихъ школъ 56, занимающихся частными уроками 91 и учительницъ музыки 7. Затѣмъ, занимающіяся врачебной дѣятельностью 49 (6,7 проц.), изъ нихъ врачей и докторовъ медицины (заграничныхъ университетовъ) 20, фельдшерицъ и акушерокъ 19 и зубныхъ врачей и массажистокъ 10. Далѣе, занимающіяся оригинальной и переводной литературной работой 62 (8,6 проц.), завѣдующія библіотеками, книжными складами и читальнями 8 (1,1 проц.), занимающіяся при ученыхъ учрежденіяхъ, лабораторіяхъ, обсерваторіяхъ и проч. 12 (1,6 проц.), служащія въ казенныхъ и частныхъ конторахъ, правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, банкахъ и проч. 49 (6,7 проц.), занимающихся сельскимъ хозяйствомъ 10 (1,3 проц.), продолжающія образованіе 32 (4,5 проц.). По семейному положенію: вышло замужъ 511 (45,5 проц.), изъ нихъ 66 до окончанія курса и 445 послѣ окончанія курса. Въ отношеніи распредѣленія по мѣсту жительства (10,6 лицъ): въ С.-Петербургѣ 481 (46,2), Москвѣ 23 (2,2), провинціи 468 (45,0) и заграницей 34 (3,3). Нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ жительства 84 лицъ. Умершихъ всего 33 лица.

По раскольничьимъ скитамъ. Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» помѣщена интересная замѣтка объ экскурсіи по раскольничьимъ скитамъ Семеновскаго уѣзда. Эта экскурсія была совершена въ іюнѣ этого года А. П. Мельниковымъ и М. П. Дмитріевымъ, причемъ они объѣхали всѣ выдающіеся скиты и сдѣлали серію фотографическихъ снимковъ.

Несмотря на рядъ тяжелыхъ испытаній, на гоненія и различныя репрессаліи, древне-скитскій укладъ почти всецѣло сохранился по остаткамъ густыхъ и угрюмыхъ лѣсовъ Семеновскаго уѣзда. Существуютъ и по настоящее время и Чернухинскій скитъ, и Олевинскій, и Комаровскій, и Шарпанскій, нѣкогда служившіе главнымъ центромъ раскола; сохранились легенды и сказанія о подвигахъ древнихъ подвижниковъ, посвятившихъ всю свою жизнь защитѣ «древляго благочестія». Однако, современные скиты уже далеко не такъ многолюдны, какъ были они лѣтъ сорокъ шесть, пятьдесятъ тому назадъ, и жизнь въ нихъ уже не такая. Все чаще и чаще приходится встрѣчаться съ необходимостью отрываться отъ великаго дѣла «замаливанія страшныхъ грѣховъ» къ работѣ для добыванія хлѣба насущнаго. Вѣра «оскудѣваетъ», оскудѣваютъ вмѣстѣ съ ней и тѣ щедрыя приношенія, которыя въ былое время широкой волной неслись въ скитскія обители. Однако, въ этомъ скрывается новая сила, охраняющая расколъ; келейники и келейницы перестаютъ изображать изъ себя праздную толпу, часть которой вынуждена кочевать въ погонѣ за сборами на поддержаніе «благолѣпія». Трудовое начало все болѣе и болѣе проникаетъ въ скитскій обиходъ, и нынѣшніе келейники съ келейницами также усердно занимаются землей, какъ усердно заняты они замаливаніемъ грѣховъ и соблазна мірской жизни. И раскольничьяго келейника, а особенно келейницу, никто не рѣшится упрекнуть

въ легкой, праздной или неправильной жизни. Наоборотъ, здѣсь суровый, полный различныхъ лишеній образъ жизни чередуется съ постояннымъ тяжелымъ трудомъ. А такая жизнь не можетъ не имѣть извѣстнаго обаянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерно то явленіе, что «оскудѣніе вѣры» далеко не является необходимымъ условіемъ постепеннаго перехода въ православіе. Если и бываютъ рѣдкіе случаи перехода бѣглопоповцевъ въ православіе, то только подъ вліяніемъ религіознаго индифферентизма, но кто съ умственнымъ развитіемъ уже не удовлетворяется моральнымъ кодексомъ своего толка, тотъ находитъ больше удовлетворенія въ раціоналистическихъ вѣроученіяхъ, дающихъ наибольшій просторъ проявленію индивидуальности. И въ послѣднее время ряды такъ-называемыхъ «немоляковъ» въ Семеновскомъ уѣздѣ постепенно увеличиваются. Однако, эти переходы — исключительное и единичное явленіе, — устои же бѣглопоповщины еще настолько прочны, что сохраненіе цѣлости ихъ внѣ сомнѣнія: она гарантируется сплоченностью раскольниковъ, сознаніемъ своего единства и широко практикующейся до сихъ поръ идеей взаимопомощи. Характерны взаимныя отношенія различныхъ толковъ другъ къ другу; поморцы, бѣглопоповцы и пріемлющіе австрійское священство въ общемъ далеко не сочувствуютъ другъ другу, но эти враждебныя отношенія тотчасъ же уничтожаются, лишь только разнесется слухъ объ ожидаемомъ «гоненьи», въ видѣ посѣщенія властей, обыска и т. п. Тогда раскольники спѣшатъ предупредить о появленіи чиновника не только своихъ, но и приверженцевъ чужого толка.

А боязнь преслѣдованія и гоненій живетъ и до сихъ поръ, какъ живутъ разсказы о страшной ревизіи чиновника П. И. Мельникова и великомъ скитскомъ «зореніи», когда, по разсказамъ ея современниковъ, «плачъ и вопль келейницъ и келейниковъ смѣшивался со стукомъ топоровъ и трескомъ бревенъ растаскиваемыхъ и разрушаемыхъ зданій». Имя «чиновника Мельникова» и понынѣ соединяется съ представленіемъ о «зореньи», наложеніи печатей, описи и конфискаціи.

Судьба грознаго чиновника и до сихъ поръ интересуетъ раскольниковъ. Многимъ неизвѣстно, что П. И. Мельниковъ уже давно умеръ. Извѣстіе объ его смерти встрѣчается сухо: несмотря на привычку, ни одна раскольничья рука не поднялась, чтобы сдѣлать крестное знаменіе, ни одни уста не прошептали: «царство ему небесное»... Только кто-то угрюмо произнесъ:

«— Всѣмъ намъ здѣсь зло великое причинилъ». Этого было достаточно, чтобы начались воспоминанія о великомъ скитскомъ зореніи, и морщинистыя лица оросились слезами...

Въ г. Семеновѣ еще живъ ямщикъ Василій Мельниковъ, который возилъ П. И. Мельникова въ Шарпанскій скитъ «за Владычицей». Легенда объ этой иконѣ такова: Въ 1676 году произошло великое разореніе Соловецкой обители. Праведный Арсеній, одинъ изъ упорныхъ противниковъ «никоновой вѣры» и никоновскихъ затѣй, покинулъ обитель, чтобы найти новое мѣсто для сохраненія особенно чтимой иконы Казанской Божіей Матери. Лишь только вышелъ онъ, какъ надъ головой, въ далекой выси голубого неба увидѣлъ эту икону. Арсеній пошелъ за ней. Лѣса разступались, горы сравнивались съ землей, рѣки пріостанавливали свое теченіе. Ни одинъ звѣрь, ни одинъ злодѣй не рѣшались причинить Арсенію хотя бы малѣйшую обиду. Благополучно свершилъ Арсеній длинный путь и прибылъ въ Семеновскій уѣздъ. Здѣсь остановилась икона. Арсеній поселился здѣсь и основалъ Шарпанскій скитъ.

Икона эта взята П. И. Мельниковымъ въ 1853 году, въ одну изъ поѣздокъ, о которой ямщикъ Василій разсказываетъ такъ:

— Везъ я П. И. изъ Оленевскихъ скитовъ въ Семеновъ. Дѣло было подъ вечеръ. Въѣхали въ городъ. Я хотѣлъ было ужъ свернуть къ квартирѣ, гдѣ останавливался П. И. Вдругъ онъ остановилъ меня.

— Валяй прямо.

Только мы стали выѣзжать за городъ, П. И. велѣлъ ѣхать обратно въ городъ на квартиру. Онъ вошелъ и далъ мнѣ чистую простыню, приказавъ хранить ее за пазухой. Послѣ этого мы поѣхали. Только П. И. не говоритъ, куда ѣдемъ, а указываетъ—«прямо, молъ, ступай», «верни направо», «налѣво».— Ну, я скоро догадался, что ѣдемъ мы въ Шарпанскій скитъ. Пріѣхали туда совсѣмъ ночью и прямо въ моленную. Увидалъ П. И. Владычицу и говоритъ:

— А ну-ка, снимай икону.

Смятенье поднялось страшное, плачъ, вопль. Однако, икону сняли и положили въ простыню, которую я везъ за пазухой. Только мы отъѣхали, показалась толпа съ кольями, дубьемъ, топорами, но я припустилъ лошадей и мы благополучно доѣхали. Въ Семеновѣ П. И. взялъ икону себѣ въ спальню, а мнѣ приказалъ лечь въ дверяхъ. Только подъ утро слышу я въ калитку кто-то стучится. Хозяинъ квартиры (раскольникъ) вышелъ. Слышу шепотъ, а потомъ меня кличутъ. Выхожу я, мнѣ и говорятъ:

— Убей... пяти тысячъ не пожалѣемъ.

Я отказался. Тогда поговорили, поговорили и рѣшили по иному. Пришедшіе принесли съ собой списокъ съ иконы. Нужно было имъ подмѣнить увезенную Владычицу; за это давали тысячу рублей.

Обыкновенно Василій на этомъ и оканчиваетъ свой разсказъ. Если собесѣдникъ не удовлетворится и поставитъ прямо вопросъ, была ли подмѣнена икона, увезенная П. И., Василій съ усмѣшкой добавляетъ:

— Гдѣ ужъ подмѣнить... и больше ни слова.

Однако, въ Семеновѣ многіе помнятъ, какъ кутилъ Василій послѣ этой поѣздки въ Шарпанскій скитъ. Очевидцы разсказываютъ, что на недѣлю слишкомъ былъ «запертъ» Василіемъ трактиръ. Собравъ пріятелей, онъ недѣлю кутилъ съ компаніей въ трактирѣ, отдавъ приказъ, чтобы никого изъ постороннихъ не пускали. Говорятъ, что раскольники не особенно щедро разсчитались съ Василіемъ: они его поприжали и, вмѣсто обѣщанной тысячи рублей, выдали всего лишь 500.

Раменскіе скиты и по настоящее время привлекаютъ странниковъ, «сущаго града неимущихъ, грядущаго взыскующихъ». Странники тянутся даже изъ Сибири по такъ называемой *Раменской тропѣ*. Собственно говоря, тропы никакой нѣтъ. Приходится идти отъ «бугровъ» (Уральскихъ горъ) и лѣсомъ, и полемъ, и лугомъ. Весь этотъ длинный путь бѣгуны совершаютъ съ помощью «маточки»—самодѣльнаго компаса, состоящаго изъ куска выдолбленной сосновой коры и намагниченной иголки и «тамги». Тамга—это клочекъ бересты со знаками дорожныхъ примѣтъ. На берестѣ имѣются изображенія, понятныя однимъ только раскольникамъ, напр., поваленное дерево, поворотъ, пень и т. п. Такъ отъ знака до знака и бредутъ странники отъ Семіона Верхотурскаго до Раменскихъ скитовъ, заходя по дорогѣ къ своимъ единовѣрцамъ, которые, въ случаѣ уничтоженія указанныхъ въ тамгѣ примѣтъ, вносятъ соотвѣтствующія измѣненія. А раньше думали, что существуетъ дѣйствительно какая-то тропа, извѣстная однимъ только раскольникамъ, и во время гоненій сколько было труда положено, чтобы отыскать эту самую не существующую тропу, сколько энергіи и хитрости потрачено на спросы, вывѣдки, сыскъ.

Описаніе поля битвы подъ Бородинымъ. Художникъ В. Верещагинъ помѣстилъ въ «Рус. Вѣдомостяхъ» описаніе поля битвы подъ Бородинымъ, которое онъ посѣтилъ для этюдовъ для своихъ историческихъ картинъ, посвященныхъ бѣгству Наполеона изъ Россіи.

Поле битвы подъ Бородинымъ очень интересно какъ съ той стороны, съ которой шелъ Наполеонъ, отъ Колочскаго монастыря, такъ и отъ деревни Горки,

съ высокаго холма на московской дорогѣ, гдѣ цѣлый день 26-го августа 1812 года сидѣлъ, наблюдая сраженіе, князь Кутузовъ. На этомъ холмѣ въ день битвы была сильная батарея. Мнѣ, какъ художнику, воображеніе представило эту горку, съ которой видна вся окрестность, въ такомъ видѣ: орудія батареи поддерживаютъ главнымъ образомъ многострадальный редутъ Раевскаго, «la grande redoute», то переходящій въ руки французовъ, то снова отбираемый нами, и дымъ выстрѣловъ, отовсюду грохочущихъ, временами совсѣмъ застилаетъ поле битвы отъ слѣдящаго за нимъ своимъ единственнымъ глазомъ суворовскаго воина. Грузный, тяжело дыша, сидитъ онъ на своей неизмѣнной скамеечкѣ, съ неизмѣнной нагайкой черезъ плечо; бѣлье торчитъ изъ-подъ растегнутаго сюртука; шапка безъ козырька, лицо одутловатое, вытекшій правый глазъ некрасивъ. Около него въ подзорную трубу смотритъ на битву начальникъ штаба Толь. Сзади нѣсколько офицеровъ разсуждаютъ о ходѣ битвы, нѣсколько казаковъ держатъ лошадей,—свиты немного, бо̀льшая часть разослана. Посылать же пришлось не мало съ самаго начала сраженія, съ приказаніями приводить войска отъ праваго фланга къ центру; за приказаніемъ послѣдовали повторенія: «Скорѣе, какъ можно скорѣе, не теряя ни минуты времени!»

Дѣло въ томъ, что нашъ главнокомандующій крѣпко ошибся, сочтя Бородино за центръ всей защиты, хорошо укрѣпивши мѣстность у большой дороги и особенно правый флангъ, но недостаточно сильно около Семеновскаго и совсѣмъ плохо около Утицы, т. е. на лѣвомъ флангѣ, гдѣ работы были только-что начаты къ тому времени, какъ французы вступили въ бой (а войска мало). Толь и Кутузовъ вообразили, что Наполеонъ наивно пойдетъ на сильно укрѣпленные берега Колочи, около Бородина, когда ихъ можно было обойти.

Страшно подумать, что было бы, если бы Наполеонъ послушалъ маршала Даву и послалъ бы этого опытнаго, талантливаго полководца, какъ тотъ вызывался, съ 40 тысячами человѣкъ въ обходъ нашего лѣваго фланга по старой смоленской дорогѣ — ударить на русскую армію съ тыла въ то самое время, какъ главныя силы станутъ атаковывать ее съ фронта. Очень возможно, что, какъ Даву обѣщалъ, наши были бы смяты и прижаты въ треугольникѣ, образуемомъ Колочею при ея заворотѣ. Къ счастью, Наполеонъ не согласился съ маршаломъ, отвѣтивши съ досадой: «Ахъ, вы всегда съ такими рискованными движеніями!» и повторилъ это «нѣтъ», несмотря на всѣ просьбы и доводы Даву.

У Наполеона былъ приготовленъ свой планъ: передъ нимъ были три деревни—Бородино, Семеновское и Утицы, съ мѣстностью, перерѣзанною кустарникомъ и оврагами. Хоть карты были несовершенны, но онъ понялъ, что коли Колоча подъ Бородинымъ такъ сильно заворачиваетъ, значитъ крутые берега принуждаютъ ее къ этому, и эти крутые берега навѣрное укрѣплены. Напротивъ, къ Семеновскому мѣстность ровнѣе, берега рѣчки доступнѣе. Онъ сообразилъ, что ключъ русской позиціи не на бородинскихъ высотахъ, какъ положили Толь и Кутузовъ, а на семеновскихъ. На нихъ онъ рѣшилъ направить главныя усилія и послалъ двухъ лучшихъ помощниковъ своихъ, Нея и Даву, правый нашъ флангъ совсѣмъ оставилъ въ покоѣ, противъ Бородина и батареи Раевскаго велѣлъ дѣйствовать вице-королю, а Понятовскаго отправилъ въ обходъ Утицы. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы, овладѣвши быстро флеша, опрокинуть ихъ защитниковъ и прогнать до большой дороги прежде, чѣмъ остальная часть арміи успѣла бы отступить; отрѣзанная, она принуждена была бы положить оружіе. Планъ былъ хорошъ, и исполненіе его возможно, но помѣшала, во-первыхъ, такая отчаянная стойкость русскихъ войскъ, какой французы не ожидали, во-вторыхъ, прямо изумительная храбрость и распорядительность Багратіона, не только не давшаго сразу опрокинуть и прогнать себя, но и не разъ заставившаго непріятеля давать тылъ. Можно даже сказать, что если бы не Багратіонъ, то Наполеонъ выполнилъ бы свой планъ, и Кутузовъ былъ бы разбитъ въ этотъ день.

Справедливо, впрочемъ, прибавить и то, что «старая лиса», какъ Наполеонъ называлъ Кутузова, замѣтивши свою ошибку, еще вó-время спохватился и исправилъ ее.

Легко представить себѣ ошеломляющее впечатлѣніе этого сюрприза на нашего главнокомандующаго и его помощниковъ: весь разсчетъ силъ защиты оказался неправильнымъ, и тутъ же, подъ огнемъ и натискомъ непріятеля, бросились перемѣщать полки, бѣгомъ переводить ихъ съ праваго фланга, гдѣ имъ нечего было дѣлать, на лѣвый, испытывавшій цѣлый адъ артиллерійскаго и ружейнаго огня. Большая часть арміи Барклая и, между прочимъ, цѣлый корпусъ Багговута прибѣжалъ съ крайняго праваго фланга къ Багратіону, начинавшему уже изнемогать съ своими небольшими силами подъ бѣшеными натисками Нея.

Такъ какъ артиллерійскій огонь французовъ былъ небычайно силенъ, то, разумѣется, эти передвиженія стоили намъ немало жертвъ, хотя все-таки надо сказать, что въ общемъ они сошли сравнительно благополучно. Начни Наполеонъ атаку раньше до разсвѣта, а главное, самъ онъ не страдай въ этотъ день своею старой болѣзнью (dysurie) и поведи дѣло еще энергичнѣе, это перебѣганье чуть не половины арміи подъ выстрѣлами врядъ ли такъ окончилось бы.

Свой планъ оставить Кутузова съ его защитой большой дороги въ сторонѣ и пройти Семеновскимъ Наполеонъ, конечно, составилъ еще тогда, когда, узнавши о намѣреніи русскихъ преградить ему доступъ къ Москвѣ, пріѣзжалъ въ Колочскій монастырь для рекогносцировки бородинскихъ полей, хорошо видныхъ оттуда. Въ монастырѣ держится преданіе о томъ, что французскій императоръ сдѣлалъ какую-то надпись въ двѣ строчки на ихъ колокольнѣ и подписалъ своимъ именемъ. Когда въ 1839 году, по случаю 25-лѣтія взятія Парижа, подъ Бородинымъ были большіе маневры въ присутствіи императора Николая I и всего двора, великій князь Михаилъ Павловичъ, слышавшій объ этой надписи, поднимался на колокольню, чтобы видѣть ее, но уже ничего не нашелъ; когда онъ обратился съ вопросомъ къ настоятелю, то получилъ отвѣтъ, что «такъ какъ слова начертилъ иновѣрецъ, то и приказано замазать ихъ»...

Интересуясь этою надписью, я совѣтовалъ теперешнему престарѣлому настоятелю поискать ее подъ густымъ слоемъ извести. «Конечно, слѣдовало бы,— отвѣтилъ почтенный монахъ, — да вѣдь не знаемъ, съ которой стороны она была сдѣлана!» Я посовѣтовалъ осторожно посбить известь со всѣхъ сторонъ вокругъ колоколовъ. «Надобно бы, надо, — сказалъ онъ, — да сдѣлать-то это нужно людямъ грамотнымъ, а у насъ, какъ вы сами знаете»... Такъ надпись Наполеона и остается подъ густымъ слоемъ извести.

Вся мѣстность Бородинскаго поля сохранилась почти въ томъ самомъ видѣ, какъ она была во время величайшаго въ исторіи сраженія, въ которомъ пало свыше 100.000 человѣкъ. На холмѣ батареи Раевскаго, la grande redoute, какъ ее называли французы, стоитъ теперь высокій памятникъ изъ чугуна, съ вызолоченными надписями и цифрами. Согласно имъ подъ Бородинымъ было у французовъ 145.000 человѣкъ пѣхоты и 40.000 конницы при 1.000 орудіяхъ. Изъ нихъ убито 9 генераловъ и до 20.000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ; ранено 30 генераловъ и до 40.000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Русскихъ было 120.000; убито 3 генерала, ранено 12. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ убито до 15.000, ранено до 30.000. Орудій было 640. Трудно сказать, насколько вѣрны эти цифры. Наполеонъ опредѣлялъ свою потерю убитыми и ранеными въ 20.000, а русскую—объявилъ въ 50.000. Судя по тому, что французы были нападающею стороною и шли на болѣе или менѣе хорошо защищенныя укрѣпленія, надобно думать, что ихъ потеря была больше нашей.

Генералъ Дюма въ своихъ запискахъ говоритъ: «Nos pertes furent immenses!» Какъ видавшій виды, онъ врядъ ли сказалъ бы это о потерѣ въ 20.000

человѣкъ. Въ свидѣтельствахъ другихъ современниковъ-очевидцевъ — полное противорѣчіе: въ то время, какъ французы говорятъ, что на одного ихняго приходилось двое русскихъ, наши свидѣтели удостовѣряютъ, что мертвыхъ непріятелей валялось по редутамъ просто невѣроятное количество. По словамъ француза-очевидца, внутренность большого редута (батареи Раевскаго) представляла страшную картину. Трупы лежали одинъ на другомъ... «Между прочимъ,—говоритъ онъ,—мнѣ бросился въ глаза трупъ артиллериста, у котораго было три креста въ петлицѣ; молодецъ, кажется, дышалъ еще, въ одной рукѣ онъ держалъ палашъ, другою обнималъ орудіе, которому такъ честно послужилъ... Всѣ русскіе солдаты тамъ погибли, не сдались... Версты на четыре въ квадратѣ все было завалено убитыми и ранеными; виднѣлись цѣлыя горы труповъ, и немногія мѣста, гдѣ ихъ не было, были завалены всякимъ оружіемъ, ядрами и пулями, покрывавшими землю, какъ грибы послѣ грозы. Самое ужасное были рвы... Несчастные раненые, наваленные одинъ на другого, буквально плавали въ крови и со стономъ умоляли прикончить ихъ».

Съ сѣверной стороны бородинскаго памятника выросла теперь березовая роща, нѣсколько измѣнившая характеръ мѣстности, но все-таки и теперь высота холма внушительно свидѣтельствуетъ о силѣ стоявшаго тутъ укрѣпленія, о которое долго разбивались всѣ усилія французовъ.

На мѣстѣ семеновскихъ флешей теперь высится женскій монастырь, построеный вдовою генерала Тучкова надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ палъ бравый воинъ. На какомъ именно пунктѣ генералъ былъ раненъ первый разъ, не знаютъ; замѣтили только, куда ударилъ непріятельскій снарядъ, когда его несли раненаго: моментально не осталось ничего ни отъ Тучкова, ни отъ носильщиковъ, ни отъ самихъ носилокъ.

Въ церкви съ характернымъ, александровскаго времени, позолоченнымъ иконостасомъ замѣчателенъ образъ Спасителя, хорошаго письма, съ очень выразительнымъ ликомъ; онъ принадлежалъ одному изъ полковъ Тучкова, всюду сопровождалъ убитаго, и, когда послѣ войны командиръ потребовалъ-было его обратно, вдова, тогда уже игуменья Марія, отстояла его изъ-за дорогихъ воспоминаній, и полкъ удовольствовался копіею.

Юго-западная часть семеновскихъ флешей замѣчательно хорошо сохранилась, несмотря на то, что предшественница нынѣшней игуменьи устроила въ ней кирпичный заводикъ. Сѣверо-западный уголъ, входящій въ самую черту монастырскихъ построекъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ возвышалъ свои бастіоны, пощаженные временемъ, но въ настоящее время верхъ бастіоновъ срытъ, и на нихъ разведенъ огородъ... Впрочемъ мать-игуменья обѣщала не дозволять въ будущемъ монастырскимъ огородамъ и парникамъ подрывать уцѣлѣвшія части валовъ и рвовъ, какъ реликвія «злой обороны» 1812 года.

Н. А. Ярошенко. (Некрологъ). Въ іюлѣ внезапно скончался, какъ оказалось при вскрытіи, отъ разрыва сердца, извѣстный художникъ Николай Алексѣевичъ Ярошенко, лѣчившійся въ Кисловодскѣ. Для публики, посѣщающей художественныя выставки и картинныя галлереи, по словамъ «Русск. Вѣдомостей», съ этимъ именемъ давно уже соединяется представленіе о художникѣ, произведенія котораго проникнуты глубоко-человѣчной идеей. Значительная часть его картинъ фигурировала на передвижныхъ выставкахъ, нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣтены общественными галлереями, иныя картины въ снимкахъ вошли даже въ народныя изданія. Особенную извѣстность получила картина «Всюду жизнь», находящаяся въ настоящее время въ Третьяковской галлереѣ. Снимокъ съ нея фигурируетъ, между прочимъ, въ дешевомъ изданіи, предпринятомъ «Посредникомъ» для ознакомленія народа съ русскими художниками и получившемъ широкое распространеніе. Другія картины его: «Заключенный», «Курсистка», «Студентъ», «Пѣсни о бы-

ломъ» о др. пользуются также большой извѣстностью. Въ началѣ художественной дѣятельности Н. А. Ярошенко обращалъ сравнительно мало вниманія на техническую сторону своихъ произведеній, но впослѣдствіи его кисть достигла высокой степени совершенства. Какъ портретистъ Ярошенко можетъ смѣло выдержать сравненіе съ лучшими нашими художниками. Портретовъ его работы извѣстно много. Между ними не мало портретовъ, изображающихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей и художниковъ. Упомянемъ о портретахъ Салтыкова, Кавелина, Спасовича, Менделѣева, Шишкина. Послѣдній портретъ фигурировалъ на передвижной выставкѣ нынѣшняго года уже послѣ смерти Шишкина. Кромѣ жанра и портретовъ, покойный пробовалъ свои силы въ пейзажѣ; несмотря на то, что и здѣсь талантъ художника нашелъ яркое проявленіе, пейзажи его все-таки извѣстны значительно меньше, чѣмъ его жанровыя картины и портреты. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ Н. А. Ярошенко оставался профессоромъ въ военной академіи и оставилъ профессуру сравнительно недавно. Послѣ него осталось много этюдовъ, оконченныхъ и начатыхъ работъ, въ томъ числѣ вполнѣ законченный портретъ В. Г. Короленко, который, вѣроятно, будетъ выставленъ на передвижной выставкѣ будущаго года.

За границей.

Князь Бисмаркъ. (Некрологъ). 18 іюля (ст. ст.) скончался въ Фридрихсруэ князь Отто Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ, «желѣзный канцлеръ», одинъ изъ величайшихъ политическихъ дѣятелей Германіи второй половины текущаго столѣтія. Политически онъ умеръ еще восемь лѣтъ назадъ, когда неожиданно для самого себя долженъ былъ выйти въ отставку, не поладивъ съ «новымъ курсомъ». Дѣятельность его имѣла огромное значеніе не только для внутренней политики Германіи, но и для всей Европы. Съ выходомъ его въ отставку исчезла вѣчная угроза всеобщей войны для Европы, а для Германіи настала эпоха мирнаго развитія. Если какъ объединитель Германіи,—что навсегда составляетъ его огромную заслугу передъ нѣмецкимъ народомъ,—Бисмаркъ сыгралъ благотворную роль, то вся его послѣдующая дѣятельность имѣла скорѣе отрицательный характеръ и для Германіи, и для Европы. Отторженіе Эльзасъ-Лотарингіи создало вѣчный предметъ вражды между двумя культурнѣйшими націями, которыя въ союзѣ другъ съ другомъ могли бы стать во главѣ всего міра. Развитіе милитаризма, страшно поощряемое всей политикой Бисмарка, задержало культурный ростъ Европы, а его внутренняя политика, борьба съ католиками и соціалъ-демократами на почвѣ грубаго насилія, мѣшала Германіи воспользоваться благами объединенія и вызвала даже сепаратистскія наклонности. Наконецъ, провозглашенный имъ принципъ «сила выше права»—не мало содѣйствовалъ огрубѣнію нравовъ какъ въ международныхъ отношеніяхъ, такъ во внутренней жизни Германіи. Честолюбивый и самолюбивый безъ мѣры, жестокій по характеру, грубый и безжалостный, Бисмаркъ вполнѣ заслужилъ прозвище «желѣзнаго канцлера», человѣка крови и желѣза, послѣдствія дѣятельности котораго еще долго будетъ отражаться на мирной жизни какъ его родины, такъ и всей Европы. Безспорно умный, проницательный, рѣшительный и энергичный, Бисмаркъ понялъ духъ времени во многомъ, но далеко не во всемъ. Осуществивъ идею объединенія, завѣщанную и взлелѣянную сердцами лучшихъ германскихъ людей, вскормленную кровью лучшихъ сыновъ Германіи, Бисмаркъ затѣмъ дѣлалъ все, чтобы остановить естественныя послѣдствія совершившагося факта—культурный ростъ нѣмецкаго народа и нѣмецкой демократіи. Онъ развратилъ печать, развратилъ администрацію, пытался сдѣлать тоже и съ рейхстагомъ, гдѣ натолкнулся на непреодолимую для него силу крайней лѣвой и центра.

Смерть Бисмарка въ настоящее время пройдетъ незамѣченной. Его роль кончилась въ тотъ моментъ, когда императоръ подписалъ его отставку, и это лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что Германія и Европа давно уже тяготились его политикой. Всѣ его послѣдующія попытки такъ или иначе воздѣйствовать на политику не имѣли результата и только лишній разъ доказали, что главной силой, двигавшей Бисмаркомъ, было самолюбіе. Даже его хваленая вѣрность монархіи сильно поколебалась послѣ отставки, и въ Бисмаркѣ проснулся померанскій юнкеръ, выразившій свои монархическія тенденціи въ пословицѣ: «und der König absolut, wenn er unsern Willen thut». И когда Вильгельмъ II отказался выполнять волю Бисмарка, послѣдній открыто интриговалъ противъ него и грозилъ ему раскрытіемъ какихъ-то государственныхъ тайнъ. Кто знаетъ, можетъ быть, мстительный канцлеръ, до конца дней не переваривавшій своей отставки, и оставилъ послѣ себя «мстителя» въ своихъ запискахъ, которыми усиленно занимался въ послѣдніе годы. Такія цѣльныя, крѣпкія натуры, въ основѣ которыхъ лежитъ сила безъ малѣйшей тѣни благородства и возвышенности, способны на невѣроятные поступки, разъ затронуто то, что составляетъ ихъ святая святыхъ—ихъ «я», ихъ раздутое до чудовищныхъ размѣровъ самолюбіе...

Небезъинтересно припомнить читателямъ выдающіеся факты изъ біографіи этого замѣчательнѣйшаго человѣка нашего времени.

1 апрѣля 1815 года въ небольшомъ дворянскомъ помѣстьѣ Шенгаузенѣ, расположенномъ въ самомъ сердцѣ Бранденбурга,—этой колыбели бѣдной и едва примѣтной еще въ началѣ прошлаго вѣка страны, такъ быстро выросшей въ могущественное прусское государство,—родился Оттонъ-Эдуардъ-Леопольдъ Бисмаркъ. Родъ Бисмарка—одинъ изъ самыхъ старинныхъ родовъ. Его генеалогическое дерево раскинулось на цѣлые семь вѣковъ. Большинство предковъ Бисмарка не признавало иной карьеры, кромѣ военной, но уже отецъ Бисмарка не чувствовалъ никакого призванія къ военному дѣлу, рано вышелъ въ отставку и предался со страстью сельскому хозяйству, предпочитая всему остальному независимую жизнь въ родномъ наслѣдственномъ гнѣздѣ. Онъ былъ женатъ на дочери талантливаго публициста-профессора Менкена, на котораго смотрѣли, какъ на якобинца только потому, что ему не были чужды идеи Вольтера и Руссо. Мать Бисмарка хорошо понимала цѣну серьезнаго образованія и приложила всѣ свои заботы, чтобы доставить его своимъ дѣтямъ. Ея четвертому сыну, будущему первому канцлеру нѣмецкой имперіи, не было еще семи лѣтъ, когда она рѣшила помѣстить его въ школу, желая нѣсколько дисциплинировать бурный характеръ ребенка. Карьера мальчика была намѣчена очень рано. Мать желала сдѣлать изъ него дипломата и ради этой цѣли было обращено особенное вниманіе на изученіе новыхъ языковъ.

Бисмаркъ-мальчикъ нигдѣ не уживался: онъ не мирился съ строгой дисциплиной и нѣкоторою суровостью, господствовавшею въ то время въ прусскихъ школахъ; вездѣ у него выходили столкновенія съ учителями, всѣ жаловались на его буйный нравъ. Все это не помѣшало юному Бисмарку окончить въ 17 лѣтъ гимназическій курсъ и вынести изъ него довольно основательное знакомство съ исторіей, съ классиками.

Окончивъ въ Берлинѣ гимназію, юноша отправился въ геттингенскій университетъ, гдѣ долженъ былъ изучать юриспруденцію. Но наука мало влекла къ себѣ молодого, атлетически сложеннаго Бисмарка. Годы университетской жизни были для него настоящимъ Sturm und Drang Periode.

Въ 1835 г. онъ сдалъ юридическій экзаменъ и тотчасъ же опредѣлился на службу при берлинскомъ городскомъ судѣ. Какъ не уживался онъ въ школѣ, не будучи въ состояніи примириться съ методической работой въ университетѣ,

точно такъ же не могъ подчиниться неизбѣжной служебной дисциплинѣ. Ему было тѣсно, душно въ канцеляріи.

Годъ спустя послѣ смерти отца, въ интимной жизни Бисмарка произошла крупная перемѣна: онъ женился на дочери Гейнриха Путкамера. Предложеніе Бисмарка испугало отца невѣсты. Репутація повѣсы, кутилы такъ прочно была установлена, что отдать дочь за «сумасшедшаго Бисмарка» казалось чѣмъ-то невозможнымъ. Но Бисмаркъ съ молодыхъ лѣтъ отличался настойчивостью, и свадьба состоялась въ 1847 г. Скоро измѣнилось и его общественное положеніе. Королевскій указъ 1847 г. вводилъ въ Пруссію нѣчто похожее на представительное правленіе, и Бисмаркъ, засѣдавшій въ качествѣ владѣльца дворянскаго имѣнія въ провинціальномъ сеймѣ, получилъ возможность явиться въ качествѣ депутата въ тотъ соединенный сеймъ или парламентъ, который созванъ былъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV.

Болѣе сорока лѣтъ прошло со времени перваго вступленія Бисмарка на политическое поприще, и за этотъ долгій періодъ времени многіе его первоначальные взгляды измѣнились, политическій горизонтъ расширился, событія, государственная опытность, заставили его отказаться отъ тѣхъ или другихъ слишкомъ узкихъ идей, предубѣжденій и предразсудковъ; но, вникая въ его политическое міросозерцаніе, нельзя не признать, что въ главныхъ своихъ очертаніяхъ, и преимущественно въ вопросахъ внутренней политики его credo 1847 г. сохранилось и десятки лѣтъ спустя.

Бисмаркъ явился въ соединенный ландтагъ убѣжденнымъ представителемъ той феодальной, «юнкерской» партіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію, горячимъ, смѣлымъ до дерзости борцомъ за неприкосновенность ея символовъ вѣры. Символы эти сводились къ признанію началъ божественнаго права королевской власти, крѣпкой и незыблемой въ Пруссіи, какъ «бронзовая скала», о которую должны были разбиться всѣ натиски новаго демократическаго строя, заложеннаго историческимъ переворотомъ конца прошлаго столѣтія. Королевская власть, по убѣжденію Бисмарка, является источникомъ всѣхъ правъ, всѣхъ вольностей народа, ей чужды всякія обязательства, всякія договорныя отношенія съ народомъ. Всякія требованія, обращенныя къ королю, незаконны.

Съ первой рѣчи, произнесенной имъ въ ландтагѣ 1847 г. необычайно ярко выступили впередъ всѣ тѣ особенности лично ему принадлежащихъ, и никому другому, пріемовъ въ борьбѣ съ врагами, все удивительное своеобразіе его ораторскаго темперамента, вся та страстность, соединенная съ необычайнымъ самообладаніемъ, словомъ, всѣ тѣ свойства и качества этого могущественнаго, но жесткаго ума, которыя время только закаляло. Бисмаркъ отнюдь не былъ прирожденный ораторъ, но мало кто достигалъ своимъ словомъ такой силы впечатлѣнія. Онъ нисколько не заботился о красотѣ своей рѣчи, онъ даже не старался убѣждать; для него важно было одно—выразить во всей полнотѣ свою мысль и раздавить своихъ враговъ.

Въ февралѣ 1849 года снова созваны были палаты для пересмотра конституціи и Бисмаркъ опять появляется въ палатѣ, чтобы добиться отмѣны всего того, что готова была предоставить народу недостаточно увѣренная въ себѣ королевская власть. Бисмаркъ, по его собственному выраженію, не хочетъ знать другой конституціи въ Пруссіи, кромѣ неограниченной монархической власти.

Въ это время онъ былъ не только горячимъ сторонникомъ Австріи, но и пламеннымъ защитникомъ обреченнаго на безсиліе и ничтожество Германскаго союза. Бисмаркъ торжествовалъ. Онъ желалъ, чтобы отъ движенія 1848 года не оставалось даже и слѣда и своими рѣчами въ палатѣ онъ продолжалъ добивать прусскую конституцію, которая и безъ того уже превратилась въ одинъ лишь блѣдный призракъ. Роль Бисмарка въ теченіе этихъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ въ качествѣ застрѣльщика феодальной партіи обратила на него вниманіе короля,

оцѣнившаго его энергію и способности и увидѣвшаго въ немъ самаго подходящаго человѣка для возстановленія добрыхъ отношеній съ Австріей.

Съ этою именно цѣлью онъ былъ назначенъ въ 1851 году, сначала въ качествѣ перваго секретаря, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя и представителя Пруссіи при Германскомъ союзѣ. Назначеніе Бисмарка на этотъ щекотливый постъ служитъ началомъ второго періода его политической дѣятельности, предоставившей ему возможность обнаружить во всей полнотѣ свои необычайныя дипломатическія способности.

Достаточно ему было провести шесть недѣль во Франкфуртѣ, чтобы убѣдиться, что «для зрителя политическій міръ представляется совершенно инымъ, чѣмъ для того, который стоитъ за кулисами, и что различіе взглядовъ обусловливается не однимъ только освѣщеніемъ». Обнародованная нѣсколько лѣтъ тому назадъ дипломатическая переписка Бисмарка за время пребыванія его во Франкфуртѣ, показываетъ, какъ скоро совершилось превращеніе Бисмарка изъ преданнаго сторонника Австріи въ ея убѣжденнаго врага. Весь поглощенный своею мыслью, что только войною можетъ разрѣшиться вопросъ о соперничествѣ Пруссіи и Австріи въ Германіи, онъ желалъ, чтобы послѣ окончанія восточной войны Пруссія постаралась привлечь на свою сторону симпатіи Наполеона III. По его мнѣнію, это было необходимо также и для того, чтобы Россія и Австрія не могли питать убѣжденія, что Пруссія всегда будетъ стоять на сторонѣ враговъ Франціи. «Если бы это было такъ, то эти державы не дадутъ себѣ труда платить за дружбу Пруссіи». Бисмарку не принадлежало еще по праву руководительство прусскою внѣшнею политикою, а между тѣмъ онъ старался уже непосредственно влiять на улучшеніе дипломатическихъ отношеній къ Франціи. Въ двѣ свои поѣздки въ Парижъ, въ 1855 и 1857 годахъ, Бисмаркъ съумѣлъ очаровать Наполеона III и расположить его къ Пруссіи. Необычайная проницательность, отличающая Бисмарка, дала ему возможность еще въ 1857 г. предвидѣть войну Франціи съ Австріей изъ-за Италіи и заранѣе намѣтить будущій образъ дѣйствій Пруссіи. Должна ли будетъ Пруссія, задается онъ вопросомъ, соединиться съ Австріей и своею кровью отстаивать ея существованіе? Отвѣтъ его категориченъ. Все, что можетъ ослабить Австрію, все это служитъ къ выгодѣ Германіи, такъ какъ «близко уже то время», когда Пруссія должна будетъ вступить въ смертельный бой съ своей вѣковою соперницею. Силой Бисмарка всегда было это умѣнье соединять смѣлость и рѣшительность съ удивительною предусмотрительностью.

Свои идеи, программу, свой планъ возвеличенія на счетъ Австріи и Германскаго союза Бисмаркъ не разъ развивалъ передъ принцемъ-регентомъ, вступившимъ въ 1861 г., послѣ смерти своего брата, на прусскій престолъ! Король Вильгельмъ вполнѣ сочувствовалъ этимъ идеямъ, хотя далеко не питалъ такой увѣренности въ возможность ихъ осуществленія.

Онъ съумѣлъ оцѣнить Бисмарка, его рѣшительность, твердость и необычайно проницательный и свѣтлый умъ и тотчасъ по вступленіи на престолъ рѣшился призвать Бисмарка на болѣе отвѣтственный, но зато и вліятельный постъ перваго министра. Король Вильгельмъ, сочувствуя планамъ и цѣли Бисмарка, ясно сознавалъ, что для осуществленія такихъ гордыхъ замысловъ, прежде всего необходимо имѣть хорошую и сильную армію. Съ цѣлью усовершенствовать боевыя средства страны, въ парламентъ былъ внесенъ проектъ военной организаціи, встрѣченный представительствомъ страны больше, чѣмъ съ недовѣріемъ. Палата рѣшилась отвергнуть всѣ такіе проекты. На почвѣ военной организаціи возникъ конфликтъ между палатою и правительствомъ. Король Вильгельмъ призналъ въ Бисмаркѣ наиболѣе подходящаго человѣка для борьбы съ парламентомъ и для проведенія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя должны были обезпечить успѣхъ задуманнаго ими дѣла.

2-го января 1861 года скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Ему на-

слѣдовалъ его братъ Вильгельмъ I. Первымъ дѣломъ его было призвать Бисмарка и поручить ему составленіе новаго кабинета. Произошло свиданіе новаго короля съ Наполеономъ въ Компьенѣ. Заговорили о тройственномъ союзѣ Франціи, Россіи и Пруссіи. Въ Компьенѣ Бисмаркъ имѣлъ случай близко изучить Наполеона. Онъ опредѣлилъ императора «идеолога» слѣдующимъ образомъ: «Издали это—нѣчто, вблизи—ничто». Въ другой разъ онъ сказалъ: «Это великая непризнанная посредственность». Это, впрочемъ, не мѣшало Бисмарку ухаживать за Наполеономъ и его министрами и льстить имъ. Онъ соблазнялъ Наполеона перспективой союза Франціи съ Пруссіей, если Пруссія будетъ округлена въ своихъ владѣніяхъ.

Между тѣмъ въ Пруссіи палаты отказывали въ военныхъ кредитахъ. Король призвалъ Бисмарка. Сдѣлавшись министромъ, Бисмаркъ съ 1862 по 1871 г. велъ неустанную борьбу. Онъ велъ борьбу съ парламентомъ, велъ войну съ Австріей, наконецъ, съ Франціей.

Когда онъ принялъ власть, палаты только что отвергли единогласно проектъ военной реформы. Бисмаркъ былъ встрѣченъ враждебно. Послѣ его рѣчи въ палатѣ Шверинъ сказалъ: «Ваша рѣчь основана на принципѣ «сила господствуетъ надъ правомъ»», и эти слова: «сила выше права»,—остались лучшею характеристикою бисмарковской политики.

Послѣ четырехмѣсячной борьбы съ палатами король рѣшилъ распустить ландтагъ. Избиратели снова избрали «непокорную палату» огромнымъ большинствомъ, цѣлыхъ три года (1861—1864 г.) палата отвергала бюджетъ и проваливала бисмарковскіе законопроекты. Въ Европѣ думали, что все это окончится революціей. Къ счастью, подвернулся вопросъ о герцогствахъ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ.

Война съ Даніей отдала въ руки Пруссіи оба герцогства по вѣнскому трактату 30-го октября 1864 г. Ободренный этимъ успѣхомъ Бисмаркъ, возведенный въ графское достоинство, сталъ разжигать вражду къ Австріи. Онъ побывалъ въ Біаррицѣ и велъ бесѣды съ Наполеономъ, возбуждая его тщеславіе и честолюбіе, причемъ ему удалось обезпечить невмѣшательство Франціи въ замышляемую войну съ Австріей. За двѣ недѣли до объявленія войны Австріи Бисмаркъ предлагалъ императору Францу-Іосифу союзъ противъ Франціи. Предложеніе не было принято и война съ Австріей началась противъ общественнаго мнѣнія.

Наполеонъ III потерялъ удобный способъ спасти своимъ вмѣшательствомъ судьбу Австріи. Послѣ войны онъ потребовалъ было получить Майнцъ «на водку», какъ говорилъ Бисмаркъ, но получилъ отказъ, потребовалъ Люксембургъ, но лондонская конференція объявила Люксембургъ нейтральнымъ. Въ это же время Бисмарку удалось заключить съ Наполеономъ тайную конвенцію: Франція пріобрѣтала Бельгію и за то обязывалась не препятствовать соединенію южно-германскихъ государствъ съ сѣверными. Этотъ трактатъ былъ напечатанъ въ «Times'ѣ» въ fac-simile и возстановилъ общественное мнѣніе Европы противъ Франціи, и Бисмаркъ рѣшилъ ускорить войну съ Франціей, слабость которой понялъ во время путешествія въ Парижъ въ 1868 году. Въ Пруссіи все было готово къ войнѣ. Искусными переговорами Бисмаркъ прежде всего изолировалъ Францію. Надо было еще устроить такъ, чтобы само французское правительство объявило войну.

Императоръ былъ боленъ, императрица желала войны, думая, что военные успѣхи упрочатъ династію. Кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ послужила удобнымъ предлогомъ. Наполеонъ воспротивился ей и она была взята назадъ. Граммонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, потребовалъ «гарантій на будущее», но король Вильгельмъ отказался принять на себя обязательство. Тогда Бисмаркъ послалъ прусскимъ дипломатическимъ агентамъ

заграницей ноту, въ которой говорилъ: «Его величество отказался принять французскаго посла и велѣлъ передать ему черезъ генералъ-адъютанта, что не имѣетъ ему ничего болѣе сообщить». Французское правительство, вмѣсто обнародованія этихъ документовъ, объявило, что прусскій король оскорбилъ французскаго посла. 15-го іюля Э. Оливье потребовалъ у палаты кредита въ 500 милліоновъ, а 19-го объявленіе о войнѣ было сообщено въ Берлинъ.

Во время войны Бисмаркъ сопровождалъ короля. Онъ путешествовалъ по театру войны съ 15 секретарями, велъ обширную переписку, направлялъ печать не только нѣмецкую, но и заграничную (напримѣръ, «Times»). Но ему не удалось скрыть свирѣпый характеръ войны, о чемъ онъ, впрочемъ, мало заботился. Общественное мнѣніе Европы было возмущено, самъ Бисмаркъ говорилъ, что чѣмъ безпощаднѣе будетъ война, тѣмъ скорѣе Франція заключитъ миръ.

18-го января 1871 г. въ Версальскомъ дворцѣ король Вильгельмъ принялъ императорскій титулъ. Достигнуть этого было не легко, но Бисмаркъ преодолѣлъ сопротивленіе южно-германскихъ государствъ. Германская имперія была создана подъ властью Гогенцоллерновъ. 10-го мая во Франкфуртѣ былъ заключенъ миръ. Оставалось укрѣплять новую имперію. 21-го марта 1871 г. первый имперскій рейхстагъ привѣтствовалъ императора и Бисмарка, который былъ сдѣланъ княземъ и канцлеромъ имперіи. Въ 1871 г., въ августѣ, на свиданіи въ Зальцбургѣ положено было начало австро германскому союзу и въ слѣдующемъ году къ этому союзу присоединилась Россія. Этотъ *неписанный* тройственный союзъ былъ торжествомъ бисмарковской дипломатіи. Въ 1873 г. къ союзу примкнула Италія.

Франція быстро оправилась, и Бисмарка это сильно безпокоило. Ему хотѣлось нанести ей второй ударъ прежде, чѣмъ будетъ преобразована французская армія. Одно письмо въ «Times» указало Европѣ на опасность новой войны. Вмѣшательство Россіи спасло Францію. Горчаковъ проѣздомъ черезъ Берлинъ даже не сдѣлалъ визита Бисмарку и всецѣло направилъ свои симпатіи къ Франціи. Тогда Бисмаркъ поспѣшилъ скрѣпить союзъ съ Австріей и на Берлинскомъ конгрессѣ 78 г. отомстилъ Россіи, уничтоживъ все значеніе русскихъ побѣдъ въ Болгаріи.

Менѣе удачна была внутренняя политика канцлера. Вирховъ про него сказалъ: «Если онъ очень хорошо знаетъ Европу, то очень дурно знаетъ Пруссію». Борьба съ католической церковью окончилась неудачею. «Майскіе законы» 1872 года только озлобили католиковъ. «Мы не пойдемъ въ Каноссу», гордо сказалъ Бисмаркъ, и, все-таки, пошелъ, такъ какъ послѣ смерти Пія IX счелъ болѣе благоразумнымъ вступить въ соглашеніе съ новымъ папой Львомъ XIII. Въ 1882 году возобновлены были дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ, а въ 1883 году папа уже фигурировалъ въ роли третейскаго судьи въ спорѣ Испаніи съ Пруссіей изъ-за Каролинскихъ острововъ. Въ 1880 году Бисмаркъ провелъ въ рейхстагѣ законъ противъ соціалистовъ, что нисколько не остановило успѣховъ соціализма въ Германіи.

Въ 1887 году произошло столкновеніе съ рейхстагомъ изъ за военнаго закона о септенатѣ. Несмотря на блестящую рѣчь канцлера, рейхстагъ не принялъ проекта и былъ распущенъ. 6-го февраля 1888 г. новый рейхстагъ принялъ проектъ. Но вскорѣ послѣ того императоръ Вильгельмъ скончался. Это событіе было началомъ конца для великаго канцлера. Вскорѣ послѣдовала его отставка въ 1890 г., и Бисмаркъ политически умеръ.

Для него настали дни бездѣятельности, озлобленнаго старческаго безсилія и жгучаго сознанія своей слабости. Эти послѣднія 8 лѣтъ были очень грустны для него, и можно сказать,—смерть сжалилась надъ нимъ, такъ какъ для натуръ въ родѣ Бисмарка нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ пережить самого себя.

Развитіе Германской имперіи. Бывшіе въ іюнѣ текущаго года выборы въ германскій рейхстагъ вызвали въ нѣмецкой печати массу брошюръ, посвященныхъ политическому и общекультурному развитію Германской имперіи. Наиболѣе любопытными представляются данныя о группировкѣ имперскихъ партій и участіи населенія въ выборахъ. По общему отзыву, выборы прошли съ рѣдкимъ спокойствіемъ, стройно и правильно, какъ «на парадѣ», по замѣчанію автора одной изъ брошюръ. Большинство приписываютъ этотъ порядокъ росту народнаго самосознанія и невмѣшательству администраціи, проявившей полное безпристрастіе. Дни выборовъ прошли торжественно и спокойно, хотя при общемъ напряженномъ вниманіи. Подававшихъ голоса было нѣсколько меньше, чѣмъ въ предшествовавшіе выборы. Изъ слѣдующей таблички видно, какъ за время съ 1871 по 1898 г. расло участіе націи въ голосованіи.

	1871 г.	1874 г.	1877 г.	1878 г.	1881 г.
Число имѣющихъ право голоса	7.980.000	8.530.000	8.940.000	9.130.000	9.090.000
Число участвовавшихъ въ голосованіи	4.148.000	5.220.000	5.490.000	5.780.000	5.120.000
Процентное отношеніе	52,5%	61,8%	61%	63,6%	56,7%

	1884 г.	1887 г.	1890 г.	1893 г.	1898 г.
Число имѣющихъ право голоса	9.380.000	9.770.000	10.150.000	10.630.000	11.200.000
Число участвовавшихъ въ голосованіи	5.680.000	7.570.000	7.260.000	7.700.000	7.600.000
Процентное отношеніе	60,9%	77,9%	71,5%	72,4%	68%

Какъ относится число избирателей къ числу всѣхъ жителей имперіи, видно изъ слѣдующей таблички.

	1871 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.
Населеніе имперіи	40.820.000	42.730.000	45.240.000	46.860.000	49,430.000	52.280.000
Избирателей въ %%	19,5%	20,8	20,1	20,7	20,5	21,0

Какъ, извѣстно всѣхъ членовъ рейхстага 397. Любопытно прослѣдить измѣненія въ составѣ главныхъ партій, по числу членовъ, а также, сколько голосовъ подано было за нихъ въ разное время на протяженіе 25-лѣтъ.

	1871 г.	1881 г.	1893 г.	1898 г.
Консерваторы	57	50	72	59
Націоналъ-либералы	125	93	53	49
Центръ	61	100	96	101
Свободомыслящіе	46	60	37	41
Соціалъ-демократы	2	12	44	56
Число поданныхъ голосовъ:				
Консерваторы	549.700	830.800	1.038.300	900.000
Націоналъ-либералы	1.176.000	1.175.000	997.000	1.160.000
Центръ	724.000	1.182.000	1.468.000	1.330.000
Свободомыслящіе	342.000	649.000	924.000	730.000
Соціалъ-демократы	124.000	312.000	1.786.000	2.125.000

Какъ можно судить, ростъ всѣхъ главныхъ партій совершился на счетъ націоналъ-либераловъ главнымъ образомъ, которые за 25 лѣтъ потеряли 76 представителей. Паденіе этой партіи, на которую преимущественно опирался Бисмаркъ, считается важнымъ указателемъ большей опредѣленности въ политическихъ мнѣніяхъ населенія Германіи и упадка средней буржуазіи. Консерваторы и центръ (клерикалы) составляютъ вмѣстѣ 160 голосовъ, т. е. 40% всего рейхстага. Иными словами, населеніе германской имперіи преимущественно

*

консервативно. Но для болѣе вѣрнаго представленія необходимо обратить вниманіе на географическое распредѣленіе избирателей. Оказывается, что клерикалы преобладаютъ на югѣ Германіи (Баварія), консерваторы — въ Пруссіи; соціалъ-демократы въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ. Нужно замѣтить еще, что распредѣленіе избирателей по округамъ крайне неравномѣрно; есть округа въ 300.000, имѣющіе одного представителя (преимущественно большіе города), и округа въ 40.000, имѣющіе тоже одного представителя. Если бы представители въ рейхстагъ избирались пропорціонально числу голосовъ, то во главѣ всѣхъ стояли бы соціалъ-демократы, за которыхъ было подано столько голосовъ, сколько за клерикаловъ и консерваторовъ вмѣстѣ.

За то же время сильно возрасли расходы имперіи. Такъ, государственный долгъ составлялъ въ 1875 г.—120 мил. марокъ, въ 1880 г.—388, въ 1885—586, въ 1890 г.—1.241, въ 1897 г.—2.250 мил. Армія въ 1875 г.—364,9 мил., въ 1890 г. — 714,5 мил., въ 1897 г. — 539,9 мил. Флотъ въ 1875 г.— 49,2 мил., въ 1890 г.—71,7, въ 1897 г.—116,9. Ростъ расходовъ на флотъ показываетъ, насколько дорого обходится колоніальная политика Германіи. Правда, что и доходы значительно возрасли за 25 лѣтъ: въ 1875 г. они составляли 571 мил. марокъ, въ 1890 г.—1.253 мил., въ 1897 г.—1.295 мил.

Медицинскія школы въ Соединенныхъ Штатахъ. Сѣвероамериканскія медицинскія школы представляютъ совершенно особенныя учрежденія, отличающіяся какъ системою преподаванія, такъ и своимъ устройствомъ, и включить ихъ въ одну общую рубрику совершенно невозможно. Въ отношеніи медицинскаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ господствуетъ такая же свобода, какъ и въ отношеніи всякой другой системы образованія и правительство совершенно не вмѣшивается въ это дѣло, предоставляя всѣмъ воспитательнымъ учрежденіямъ проводить свою собственную систему и выдавать дипломы, какіе только они находятъ нужнымъ.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ медицинскія школы имѣютъ довольно разнообразное устройство, но прежде это разнообразіе было еще больше. Подъ вліяніемъ серьезной конкурренціи многія изъ школъ прекратили свое существованіе и преобладающее мѣсто занимаютъ теперь такъ называемыя «Regular Schools», напоминающія своимъ устройствомъ европейскіе медицинскіе факультеты. Эти школы, кромѣ того, называются еще «аллопатическими» школами, въ отличіе отъ «гомеопатическихъ» или ганнемановскихъ школъ, которыя прежде были очень многочисленны, такъ какъ гомеопатическіе методы лѣченія пользовались большими симпатіями въ Америкѣ, въ особенности среди американскихъ политиковъ, но теперь это увлеченіе миновало и гомеопатическія школы пустѣютъ и многія изъ нихъ уже позакрывались.

Кромѣ вышеупомянутыхъ школъ, существуютъ еще такъ-называемыя «Irregular Schools», къ числу которыхъ принадлежатъ: «Eclectis Colleges» и «Physiomedical Schools». Правильныя или «Regulars Schools» распадаются на такія, которыя открыты для обоего пола, и такія, куда допускаются только женщины. Послѣднія, однако, не столь многочисленны. Особенный характеръ всѣхъ медицинскихъ школъ составляетъ то, что каково бы ни было ихъ устройство, всѣ онѣ исключительно основаны на частныя средства. Какой-нибудь богатый промышленникъ или счастливый спекуляторъ жертвуетъ крупную сумму на основаніе школы или университета. Это служитъ скромнымъ началомъ, такъ какъ всегда такой примѣръ вызываетъ подражаніе и за этимъ слѣдуютъ новыя пожертвованія, такъ что мало-по-малу возникаетъ грандіозное воспитательное учрежденіе, вродѣ, напримѣръ, гарвардскаго университета близъ Бостона, или университета Рокфеллера

въ Чикаго и т. п. Такъ возникли, между прочимъ, университеты въ Вашингтонѣ, въ Санъ-Франциско и многихъ другихъ американскихъ городахъ.

Иногда бываетъ, что сами врачи-практики въ какомъ-нибудь недавно основанномъ, но уже цвѣтущемъ и имѣющемъ передъ собою широкую будущность городѣ, сообща открываютъ медицинскую школу, которая получаетъ въ такихъ случаяхъ названіе: «College of Physicians and Surgeons». Надо правду сказать, что весьма часто ихъ подвигаетъ на это доброе дѣло честолюбивое стремленіе прибавить къ своему ученому званію «Medicinae doctor (M. D.)», еще и профессорскій титулъ. Но такъ или иначе, а все-таки ихъ усилія создаютъ учрежденіе, которое впослѣдствіи иногда пріобрѣтаетъ громкую репутацію и во всякомъ случаѣ приноситъ большую пользу странѣ.

Какъ только учреждена такая школа, то немедленно, во всѣ газеты разсылаются о ней объявленія, печатается списокъ профессоровъ, которые еще вчера были никому неизвѣстными врачами-практиками, но тутъ уже выступаетъ на сцену реклама, а въ этой области американцы не имѣютъ себѣ подобныхъ. Вскорѣ въ школѣ появляются ученики и иногда даже въ большомъ количествѣ и уже на второй годъ выдаются дипломы. Получившіе ихъ имѣютъ право медицинской практики въ томъ штатѣ, гдѣ находится школа, но иногда это право распространяется и на другіе штаты.

Въ самомъ началѣ средства школы, конечно, бываютъ очень ограничены, такъ какъ приходится разсчитывать только на плату, получаемую съ учениковъ. Поэтому устройство такой школы всегда страдаетъ весьма крупными недостатками, лабораторіи плохи и обладаютъ очень скудными средствами, клиники также, но мало-по-малу это измѣняется, такъ какъ непремѣнно находится великодушный жертвователь среди мѣстныхъ богачей, который даетъ крупную сумму на улучшеніе средствъ школы. Тогда уже строются роскошныя зданія для школы и принадлежащихъ къ ней клиникъ и лабораторій. Большинство главныхъ хирургическихъ и медицинскихъ коллегій въ Соединенныхъ Штатахъ возникло именно подобнымъ образомъ и теперь достигло высокой степени процвѣтанія.

Съ нѣкотораго времени, однако, эти порядки начали измѣняться и во многихъ городахъ основаны «Boards of Health» (санитарные совѣты), которые обязаны просматривать дипломы, представляемые врачами на право практики, и если окажется, что какая-нибудь школа слишкомъ легко выдаетъ ихъ, то выданные ею дипломы не заносятся въ списки и поэтому лицо, обладающее такимъ дипломомъ, не имѣетъ права практики въ этомъ городѣ. Подобный фактъ недавно произошелъ въ Нью-Джерсеѣ, гдѣ одна школа, выдававшая ученыя степени слишкомъ свободно, вынуждена была прекратить свое существованіе, такъ какъ въ концѣ концовъ никто не хотѣлъ поступать туда, потому что выдаваемые школою дипломы считались подозрительными. Особеннымъ рвеніемъ въ отыскиваніи школъ, не отвѣчающихъ своему ученому назначенію, отличался санитарный совѣтъ въ Иллинойсѣ (Illinois state Board of Health). Этотъ совѣтъ выработалъ даже программу, представляющую минимумъ тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявлены школѣ, для того чтобы, она могла считаться удовлетворительной. Оказалось, что очень много школъ не подходятъ подъ эту программу и въ виду этого должны были подвергнуться реорганизаціи.

Въ 1877 году образовалась очень могущественная ассоціація медицинскихъ коллегій (American medical College Association), имѣющая спеціальною цѣлью взаимный контроль надъ системою медицинскаго преподаванія, принятою въ школахъ, такъ что теперь можно считать, что всѣ коллегіи, вошедшія въ составъ этой ассоціаціи, представляютъ вполнѣ достаточныя гарантіи и можно быть увѣреннымъ, что лицо, получившее оттуда дипломъ, дѣйствительно обладаетъ нужными для этого знаніями. И тутъ, какъ и вездѣ въ Америкѣ, контроль

надъ высшими образовательными и иными учрежденіями не носитъ правительственнаго характера, коллегіи сами сочли нужнымъ учредить этотъ взаимный контроль въ видахъ усовершенствованія системы преподаванія.

Въ настоящее время сѣверная Америка имѣетъ 123 правильныя медицинскія школы (regular schools), которыя выдаютъ дипломы какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, но изъ этихъ 123 школъ девять допускаютъ только женщинъ. Кромѣ этихъ школъ существуютъ, еще учрежденія для усовершенствованія въ медицинской наукѣ, принимающія только тѣхъ, кто уже имѣетъ дипломъ на званіе врача и желаетъ лишь расширить свои клиническія, хирургическія и иныя познанія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ каждый можетъ получить званіе врача и для поступленія въ школу не требуется никакого спеціальнаго первоначальнаго образованія. Достаточно имѣть аттестатъ второразрядной школы; а если его нѣтъ, то надо выдержать весьма легкій вступительный экзаменъ; причемъ отъ будущаго врача требуется только, чтобы онъ умѣлъ немного читать по-латыни.

Американскій студентъ, также ставящій своимъ девизомъ «время—деньги», больше всего заботится о томъ, чтобы какъ можно скорѣе кончить свое ученіе. Поэтому онъ работаетъ очень усиленно и только разъ въ недѣлю, въ субботу, отдыхаетъ полдня, какъ и всѣ вообще американскіе рабочіе. Какъ теоретическое, такъ и практическое преподаваніе въ этихъ школахъ стоитъ нѣсколько ниже, чѣмъ на европейскихъ факультетахъ, и только клиническія занятія обставлены нѣсколько болѣе серьезно. Ни одна изъ медицинскихъ школъ не рѣшается ввести у себя слишкомъ строгіе порядки въ этомъ отношеніи, изъ опасенія, чтобы студенты не дезертировали изъ нея и не обратились бы въ другую школу, гдѣ существуютъ менѣе стѣснительные порядки. Точно также и вопросъ о продолжительности пребыванія въ школѣ служилъ предметомъ весьма бурныхъ пререканій между медицинскими коллегіями. Были такія школы, которыя находили возможнымъ выдавать дипломъ на званіе врача черезъ два года, но теперь повсемѣстно установленъ срокъ три года, и лишь немногія изъ школъ рѣшаются настаивать на четырехъ-годичномъ курсѣ; нѣкоторыя предлагаютъ своимъ студентамъ оставаться, по окончаніи трехлѣтняго курса, еще лишній годъ при школѣ для усовершенствованія своихъ познаній въ медицинѣ. Впрочемъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія врачи могутъ поступать въ такъ называемыя «Postgraduate schools», о которыхъ мы уже говорили. Школы эти устроены очень роскошно и въ этомъ отношеніи никакія германскія или австрійскія поликлиники сравниться съ ними не могутъ. Къ несчастію, не вездѣ существуютъ такія школы для врачей и во многихъ городахъ справедливо говорятъ, что профессора не всегда находятся на высотѣ своихъ обязанностей. Въ настоящее время существуетъ такихъ 15 школъ, въ которыхъ врачи дѣйствительно могутъ усовершенствовать свои познанія во всѣхъ отрасляхъ медицинской спеціальности.

Что касается отдѣльныхъ медицинскихъ школъ, спеціально существующихъ для женщинъ, то многихъ удивляетъ, зачѣмъ онѣ устроены, такъ какъ женщинамъ доступъ свободенъ во всѣ другія школы, и вопросъ о совмѣстномъ воспитаніи давно уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Но школы эти были основаны тогда, когда американскимъ женщинамъ еще приходилось бороться за свои права на высшее образованіе. Имъ пробовали ставить преграды, не допуская ихъ въ коллегіи, основанныя для мужчинъ, и въ отвѣтъ на это женщины основывали свои собственныя коллегіи, которыя могли соперничать съ мужскими коллегіями и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходили ихъ. Первая такая женская медицинская школа была основана въ 1848 году въ Бостонѣ и просуществовала до 1874 года, но тутъ она слилась съ гомеопатической школой. Вторая по счету, признаваемая образцомъ всѣхъ женскихъ

коллегій, это знаменитая пенсильванская коллегія въ Филадельфіи, основанная въ 1850 году.

Учебный персоналъ въ женскихъ медицинскихъ школахъ не всегда состоитъ исключительно изъ женщинъ и почти половина профессоровъ мужчинъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ школы эти выдали дипломы врачей 635 женщинамъ, и ужъ это одно указываетъ, что женщины-врачи составляютъ вовсе не рѣдкое явленіе въ Америкѣ.

Многія изъ прежнихъ медицинскихъ школъ, не удовлетворявшихъ своему назначенію, уже закрылись теперь. Во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ остались только двѣ «physico-medical schools», одна въ Индіанѣ, другая—въ Чикаго. Но обѣ эти школы влачатъ жалкое существованіе, такъ какъ въ сущности онѣ никакого практическаго значенія не имѣютъ и курсъ носитъ чисто теоретическій характеръ. Другой родъ школъ—«эклектическія медицинскія школы» еще продолжаютъ процвѣтать. Отъ обыкновенныхъ медицинскихъ школъ эти школы отличаются своею системой лѣченія внутреннихъ болѣзней. Эклектическіе врачи исключаютъ изъ своей терапіи всѣ металлы и признаютъ однѣ только растительныя вещества, настойки, бальзамы и т. п. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эклектическія школы обставлены совершенно такъ же, какъ и обыкновенныя школы.

Гомеопатическія школы процвѣтаютъ до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время замѣчается уже, что мода эта начинаетъ проходить и число учениковъ въ этихъ школахъ значительно теперь меньше, чѣмъ въ прежнія времена. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Іовѣ, Минеаполисѣ и др. гомеопатическая и аллопатическая школы входятъ въ составъ одного и того же университета и многіе предметы курса читаются одними и тѣми же профессорами въ обѣихъ школахъ.

Число медицинскихъ школъ въ Америкѣ не остается стаціонарнымъ, такъ какъ, по мѣрѣ заселенія западныхъ территорій, открываются новыя, но зато закрываются нѣкоторыя изъ старыхъ, потерявшихъ свое значеніе, такъ что и въ этомъ отношеніи замѣчается постоянное движеніе. Въ 1893 году всѣхъ медицинскихъ школъ было 181 и число записанныхъ въ нихъ учениковъ—14.884. Но, разумѣется, эти цифры должны были измѣниться съ тѣхъ поръ. На поприщѣ народнаго образованія Америка двигается такъ же быстро, какъ и въ другихъ областяхъ и давно уже опередила Европу, такъ какъ ни въ одной странѣ не расходуются такъ щедро деньги на устройство различныхъ воспитательныхъ учрежденій, какъ въ Америкѣ, гдѣ каждый богачъ считаетъ своимъ долгомъ связать свое имя съ подобнымъ учрежденіемъ, и въ этомъ заключается главное честолюбіе американскихъ милліонеровъ.

Первобытные обитатели Антильскихъ островов. Испано-американская война возбудила интересъ къ Антильскимъ островамъ и къ ихъ обитателямъ. Нѣкоторые изъ этихъ островов уже пользуются независимостью, другіе же, какъ Куба, добиваются ея. Но тѣ изъ туземцевъ, которые теперь на Кубѣ, Гаити, или другихъ мѣстахъ хватаются за оружіе, чтобы защищать свою самостоятельность или нападать на другихъ, вовсе не составляютъ кореннаго населенія островов. Аборигены давно вымерли и едва ли сохранились какіе-либо остатки тѣхъ расъ, которыя нѣкогда населяли эти острова. На Ямайкѣ, впрочемъ, есть рыбаки, считающіе себя потомками древнихъ индѣйцевъ, населявшихъ этотъ островъ, и дѣйствительно не похожіе своею наружностью на нынѣшнихъ обитателей острова, но насколько ихъ претензіи на такое происхожденіе основательны — сказать трудно. Однако, по словамъ лэди Блэкъ, помѣстившей статью объ этомъ вопросѣ въ американскомъ научномъ журналѣ «Popular Science

Monthly», въ горахъ Гаити, покрытыхъ лѣсомъ и совсѣмъ неизслѣдованныхъ, проживаетъ цѣлое племя, которое держится въ сторонѣ отъ жителей острова, никогда не спускается къ городамъ и не вступаетъ съ ихъ обитателями ни въ какія сношенія. Полагаютъ, что это именно и есть остатки древней индѣйской расы, населявшей этотъ островъ, но до сихъ поръ никому не удавалось ближе ознакомиться съ ними и получить объ этихъ аборигенахъ острова какія-либо болѣе подробныя свѣдѣнія.

Въ Санъ-Доменго и нѣкоторыхъ другихъ островахъ можно найти кое гдѣ потомковъ свирѣпой расы караибовъ или карибовъ, никогда не перестававшихъ преслѣдовать безобидныхъ арогуаковъ. Эти индѣйскія племена еще существуютъ въ Гвіанѣ, гдѣ они, повидимому, уже позабыли свою вѣковую вражду и живутъ въ мирѣ и согласіи. Арогуаки, по всей вѣроятности, были первыми обитателями антильскаго архипелага; во всякомъ случаѣ они появились тамъ задолго до испанцевъ. На Кубѣ и Ямайкѣ найдено много указаній, подтверждающихъ предположеніе, что Антильскіе острова были населены нѣкогда расой, раздѣленной на племена, говорящія на различныхъ діалектахъ, но происходящія все-таки изъ одного общаго источника. На Кубѣ однако обитало во времена Колумба такое племя индѣйцевъ, которое не имѣло ничего общаго ни съ арогуаками, ни съ караибами и языкъ котораго былъ совершенно непонятенъ остальнымъ туземцамъ. Кромѣ того, испанцы съ удивленіемъ замѣтили, что жены караибовъ очень часто говорили на совершенно другомъ языкѣ, нежели ихъ мужья. Это странное явленіе объяснялось тѣмъ, что караибы не имѣли обыкновенія убивать женщинъ побѣжденныхъ племенъ. Самыхъ молодыхъ и здоровыхъ они обращали въ своихъ женъ, а старухи должны были исполнять всѣ домашнія работы. Зато мужчинъ они убивали безъ пощады и съѣдали.

Какъ ни были жестоки испанцы, но кроткимъ, безобиднымъ арогуакамъ они показались настоящими освободителями. Хотя инквизиція и пріучила испанцевъ ко всевозможнымъ жестокостямъ, притупивъ ихъ чувствительность, тѣмъ не менѣе въ ихъ глазахъ антропофагія была величайшимъ преступленіемъ и возбуждала въ нихъ непреодолимое чувство отвращенія. Поэтому-то всѣ племена арогуаковъ встрѣтили испанцевъ съ величайшею покорностью, за исключеніемъ отдаленныхъ мѣстностей Ямайки, гдѣ населеніе оказало испанцамъ слабое сопротивленіе. Во многихъ мѣстахъ пришельцамъ оказывались даже божескія почести, въ особенности въ Гаити, гдѣ среди индѣйцевъ распространено было древнее пророчество о пришествіи людей «въ богатой одеждѣ и вооруженныхъ такими саблями, которыми можно разрубить человѣка пополамъ. Эти-то люди должны будутъ побѣдить индѣйцевъ и покорить своему игу будущія поколѣнія».

Откуда явилось это пророчество, заставившее арогуаковъ съ такою покорностью подставить свои головы подъ иго испанцевъ, эти послѣдніе такъ и не постарались узнать, такъ какъ они находили его вполнѣ натуральнымъ. Арогуаки были язычники, слѣдовательно, по понятіямъ испанцевъ, они должны были находиться въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Этого было достаточно. Точно также испанцы не сочли нужнымъ обратить вниманіе на то, что религія индѣйцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляла сходство съ христіанскою религіей. Когда Колумбъ высадился на Кубѣ и привезенный имъ священникъ, въ полномъ облаченіи, служилъ на берегу торжественную мессу, то въ это время къ испанцамъ приблизился какой-то восьмидесятилѣтній старикъ, совершенно голый, но съ очень благородною осанкой. Его сопровождала довольно многочисленная свита. Остановившись въ отдаленіи, старикъ подождалъ, пока кончилась молитва и тогда, приблизившись къ Колумбу, сказалъ ему съ большимъ достоинствомъ рѣчь, въ которой, напомнивъ ему о томъ, что онъ не долженъ кичиться своими побѣдами и долженъ помнить о томъ, что онъ—такой же смертный, какъ и другіе и что душѣ человѣка предстоитъ послѣ смерти совершить путешествіе или въ свѣтлую

страну блаженныхъ, гдѣ царствуетъ миръ и счастье, или въ темную, мрачную страну, гдѣ терзаются души злыхъ, несправедливыхъ людей. «Если ты,—прибавилъ старикъ, обращаясь къ Колумбу,—считаешь себя смертнымъ, если ты признаешь, что каждаго человѣка ожидаетъ наказаніе или награда въ будущей жизни, смотря по поступкамъ, которые онъ совершалъ, то ты не захочешь причинить зло и ранить человѣка несправедливымъ образомъ».

Колумбъ, восхищенный мудростью старика и очень довольный тѣмъ, что у индѣйцевъ существуютъ понятія о загробной жизни, заявилъ старику, что онъ пришелъ сюда вовсе не съ цѣлью причинять зло, а съ тѣмъ чтобы научить индѣйцевъ истинной религіи, наказать каннибаловъ и защитить невинныхъ.

Эти слова Колумба привели въ такой восторгъ старика, что онъ непремѣнно захотѣлъ сопровождать Колумба въ Испанію. Его жены и дѣти едва упросили его остаться, но онъ все-таки былъ очень заинтересованъ Испаніей и все разспрашивалъ, что это за страна и не есть ли это рай земной, такъ какъ тамъ живутъ такіе люди, какъ Колумбъ.

Такимъ образомъ, испанцы съ перваго раза произвели на арогуаковъ хорошее впечатлѣніе и расположили ихъ въ свою пользу. Караибы, однако, отнеслись къ нимъ совсѣмъ не такъ. Во многихъ отношеніяхъ они выказали очень стойкое сопротивленіе и даже не побоялись произвести сами нападеніе на испанскія суда и отступили только передъ артиллеріей.

Древніе испанскіе путешественники, посѣтившіе Антильскіе острова, описываютъ арогуаковъ, какъ очень мирное, кроткое племя, которое охотно подчинилось испанцамъ, тѣмъ не менѣе испанцы все-таки съумѣли вооружить его противъ себя. Прежде всего, арогуаки поняли, что испанцы одержимы страстью къ наживѣ и что золото замѣняетъ имъ божество. Однажды кацикъ предложилъ бросить въ море полную корзину золота въ надеждѣ умилостивить «бога испанцевъ»; испанцы объ этомъ провѣдали, кацика схватили и приговорили къ сожженію. Когда онъ стоялъ, привязанный къ столбу, то къ нему подошелъ францисканскій монахъ съ цѣлью обратить его на путь истины и заговорилъ съ нимъ о раѣ и адѣ христіанъ.—«А есть въ раю испанцы?» спросилъ индѣецъ.—«Есть,—отвѣчалъ монахъ,—только хорошіе».—«И самый лучшій изъ нихъ ничего не стоитъ,—воскликнулъ кацикъ и прибавилъ:—я ни за что не хочу попасть въ такое мѣсто, гдѣ есть хоть одинъ изъ этого отвратительнаго племени!»

Трудно опредѣлить съ большею или меньшею точностью цифру населенія Антильскихъ острововъ въ эти древнія времена. Извѣстно однако, что число мятежниковъ, во время возстаній, доходило порою до ста тысячъ, но нѣкоторые писатели полагаютъ, что туземное населеніе острововъ достигало временами до трехъ милліоновъ. Какъ же могло исчезнуть такъ безслѣдно столь многочисленное племя? Тутъ, кромѣ избіеній, помогли еще голодъ и болѣзни, завезенныя испанцами на острова; особенно болѣзни явились помощниками испанцевъ въ дѣлѣ истребленія и изъ двухъ многочисленныхъ и могущественныхъ расъ, населявшихъ нѣкогда Антильскіе острова, осталось какихъ-нибудь нѣсколько семействъ, да и тѣмъ суждено скоро исчезнуть.

Представленіе «Страстей Господнихъ» въ Новой Мексикѣ. Въ сѣверной части штата Новая Мексика обитаетъ очень странная религіозная секта, такъназываемые «Кающіеся братья»—«Hermanos penitentes». Число членовъ этой секты доходитъ отъ 600 до 700 въ настоящее время, но прежде ихъ было гораздо больше. Средства къ жизни они добываютъ скотоводствомъ и добычею золота въ горахъ Санъ-Лоренцо, гдѣ они обитаютъ въ округѣ, имѣющемъ въ окружности около 50—60 миль и не только находящемся вдали отъ всякой желѣзной дороги, но почти не имѣющимъ никакихъ сношеній съ остальнымъ міромъ.

«Кающіеся братья» составляютъ очень замкнутую секту смѣшаннаго происхожденія, такъ какъ члены ея—потомки мексиканцевъ и туземныхъ индѣйскихъ племенъ, изолировавшіеся совершенно со времени испанскихъ завоевательныхъ войнъ, съ 1542 года. Съ той поры они окончательно погрузились въ міръ ханжества и суевѣрія и современный прогрессъ совершенно ихъ не коснулся. Очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и ихъ языкъ представляетъ какую-то непонятную смѣсь индѣйскаго и испанскаго языковъ.

Въ тѣ времена, когда эта часть сѣверной Америки не была соединена желѣзнодорожными путями съ другими штатами, число послѣдователей этой секты было очень велико и фанатизмъ ихъ все усиливался. Но съ той поры, какъ и эту область захватилъ потокъ эмиграціи и туда проникли англичане, шотландцы и другія народности, а также появились миссіонеры, число членовъ секты сильно уменьшилось и они удалились въ такія области, куда доступъ очень затрудненъ. «Кающіеся братья» не любятъ любопытныхъ и ревниво оберегаютъ свои владѣнія; тому, кто пожелалъ бы наблюдать ихъ странные обряды, нужно обладать большимъ хладнокровіемъ, опытностью и осторожностью, иначе онъ легко можетъ поплатиться жизнью за свое любопытство. Впрочемъ, «кающіеся братья» въ обыкновенное время не такъ не сообщительны и живутъ очень смирно и спокойно и только съ наступленіемъ масляницы и великаго поста у нихъ начинаются религіозныя процессіи и обряды, мало-по-малу разжигающіе ихъ религіозный фанатизмъ, такъ что съ наступленіемъ страстной недѣли онъ уже доходитъ до высшихъ предѣловъ. До этого періода «кающіеся братья» ничѣмъ не выдаютъ своего присутствія и ихъ резиденція распознается только по существованію такъ-называемыхъ «moradas» или моленъ, выстроенныхъ изъ необтесанныхъ камней и глины, по близости которыхъ всегда можно найти кучу сломанныхъ и выпачканныхъ кровью деревянныхъ крестовъ.

Съ наступленіемъ страстной недѣли на одномъ изъ холмовъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ молельни, водружается крестъ, грубо сколоченный изъ дерева. Холмъ получаетъ названіе Голгоѳы и туда ежедневно отправляются процессіи «кающихся братьевъ», при чемъ каждый изъ братьевъ придумываетъ для себя какое-нибудь особенное истязаніе. Обыкновенно такія процессіи происходятъ въ полночь, въ нихъ иногда принимаютъ участіе до 200 и болѣе человѣкъ. Впереди идетъ музыкантъ — «pitero», извлекающій изъ своей деревянной флейты самаго примитивнаго устройства такіе раздирательные звуки, которые въ состояніи обратить въ бѣгство каждаго непривычнаго человѣка. За нимъ идетъ братъ, несущій деревянный крестъ въ два фута длиной, и далѣе слѣдуютъ остальные братья, образуя длинную торжественную процессію. Дорога, по которой они идутъ, усыпана острыми каменьями и они ступаютъ по нимъ голыми ногами и въ то же время бичуютъ себя вѣтками кактуса, такъ что кровь такъ и капаетъ на ихъ бедренную повязку, составляющую ихъ единственное одѣяніе. Достигнувъ Голгоѳы, они становятся на колѣни и начинаютъ распѣвать или, вѣрнѣе, завывать покаянные гимны, продолжая бичеваніе и, наконецъ, какъ по приказу, всѣ поднимаются одновременно и отправляются обратно въ молельню. Такъ продолжается цѣлую недѣлю, но когда наступаетъ послѣдній день, то изъ 12-ти «кающихся братьевъ», добровольно выражающихъ желаніе подвергнуться распятію, выбираютъ одного по жребію, и какъ только солнце начинаетъ склоняться къ западу, на крышѣ молельни начинаютъ звонить въ колоколъ и эти зловѣщіе звуки, возвѣщающіе всему округу о томъ, что готовится нѣчто ужасное, далеко разносятся по горамъ. Въ поселеніи «кающихся братьевъ» все приходитъ въ движеніе. Женщины, дѣвушки, дѣти и старики—всѣ спѣшатъ къ молельнѣ и окружаютъ ее въ глубокомъ молчаніи, ожидая появленія того, кто добровольно идетъ на казнь. Какъ только онъ выходитъ въ вѣнкѣ изъ колючаго кактуса, тотчасъ же раздаются плачъ и стенанія. Процессія отправ-

ляется на Голгоѳу и тамъ приступаютъ къ распятію. Въ прежнее время несчастную жертву приколачивали гвоздями къ кресту, но теперь привязываютъ ее веревками и притомъ такъ крѣпко, что веревки врѣзываются въ тѣло. Въ такомъ положеніи распятый остается около получаса; потомъ по знаку старшаго изъ братьевъ—«hermanos major», крестъ вынимаютъ и кладутъ на землю. Несчастная жертва находится въ безчувственномъ состояніи; ее снимаютъ съ креста, заворачиваютъ въ бѣлую бумажную ткань и относятъ на носилкахъ въ особо устроенную для этой цѣли пещеру, гдѣ уже опытные въ этомъ дѣлѣ братья берутъ ее на свое попеченіе. Остальные «кающіеся братья», подъ звуки монотонной мелодіи, отправляются по домамъ.

Мало-по-малу, подъ вліяніемъ различныхъ средствъ, употребляемыхъ для приведенія его въ чувство, распятый приходитъ въ себя и обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ его торжественно приносятъ въ хижину. Нечего и говорить, что, вынеся эту пытку, онъ становится героемъ въ глазахъ всего поселенія и покрываетъ себя славой, и не только онъ самъ, но и его жена и дѣти пользуются всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Тутъ уже для него начинается награда за испытанныя имъ мученія и, повидимому, награда эта настолько заманчива, что никогда не бываетъ недостатка въ желающихъ подвергнуться пыткѣ, и иногда честолюбивыя жены сами побуждаютъ своихъ мужей принять вѣнецъ мученичества.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Review of Reviews». — «Pearson's Magazine».— «The English Woman's Review».— «North American Review».

Забота о престарѣлыхъ больныхъ и бѣдныхъ составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ важныхъ задачъ государственной благотворительности, поэтому въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ спеціально устраиваются убѣжища для такихъ стариковъ и старухъ, которые уже не въ состояніи добывать себѣ пропитаніе собственныхъ трудомъ. «Review of Reviews» заимствуетъ изъ статьи миссъ Эдитъ Селлерсъ сравнительное описаніе такихъ убѣжищъ въ различныхъ государствахъ. Авторъ въ особенности восхищается убѣжищами для престарѣлыхъ, устроенными во Франціи. Миссъ Эдитъ Селлерсъ говоритъ, что во Франціи существуютъ идеальныя убѣжища для престарѣлыхъ, обставленныя всевозможными удобствами. Организаторы этихъ убѣжищъ позаботились о томъ, чтобы облегчить тяжелое бремя ихъ недуговъ и дать возможность престарѣлымъ бѣднякамъ провести въ мирѣ и спокойствіи послѣдніе дни своей жизни. Французскіе законы гласятъ· «Каждый французскій подданный, которому исполнилось 70 лѣтъ, имѣетъ право вступить въ такое убѣжище, если пожелаетъ». Чего же лучше? Не требуется никакихъ доказательствъ нищеты, неспособности къ труду и, слѣдовательно, престарѣлый человѣкъ, лишенный возможности зарабатывать кусокъ хлѣба, все-таки не будетъ чувствовать себя въ положеніи нищаго, которому подаютъ милостыню. Но бѣда въ томъ, что такихъ пріютовъ во Франціи очень мало, и только одинъ изъ четырехъ стариковъ, заявляющихъ о своемъ правѣ на содержаніе въ такомъ пріютѣ, можетъ попасть туда. Остальнымъ волей-неволей приходится жить на счетъ общественной благотворительности, получая отъ «Assistance publique» самое большее три франка въ недѣлю.

Въ Германіи, по словамъ миссъ Эдитъ Селлерсъ, дѣлается для стариковъ ровно столько, сколько нужно, чтобы они не умерли съ голоду. Даже въ убѣжищахъ, устроенныхъ для престарѣлыхъ больныхъ и бѣдныхъ, съ пенсіонерами

обращаются скорѣе какъ съ машинами, а не какъ съ человѣческими существами. Одною изъ причинъ такой суровости по отношенію къ бѣднымъ является схема Бисмарка о пенсіи престарѣлымъ, которая, по мнѣнію богатыхъ классовъ, снимаетъ съ нихъ всякую отвѣтственность и заботу о престарѣлыхъ больныхъ и бѣдныхъ своей страны. Въ результатѣ вотированія этой знаменитой схемы явилось то, что въ Германіи человѣкъ долженъ самъ заботиться о себѣ до 70 лѣтъ и жить какъ можетъ, а послѣ семидесяти ему предоставляется право получать чуть-чуть болѣе двухъ марокъ въ недѣлю, если онъ зачисленъ въ первый разрядъ, и около этого, если онъ числится въ другихъ разрядахъ. Онъ обезпеченъ въ строгомъ смыслѣ этого слова отъ голодной смерти, а до остального ни составителю знаменитой схемы, ни богатымъ классамъ, съ которыхъ она снимаетъ всякія заботы о бѣдныхъ, нѣтъ никакого дѣла!

Въ Австріи къ престарѣлымъ и больнымъ относятся съ величайшимъ вниманіемъ и заботливостью. Такое положеніе вещей составляетъ прямой результатъ усилій императора Іосифа II, который справедливо заслуживаетъ названія соціальнаго реформатора въ своей странѣ. Онъ первый заговорилъ о томъ, что, благодаря недостаточности заработка, огромное большинство рабочихъ лишено возможности приберечь что-нибудь на старость и государство или община обязаны позаботиться о нихъ. Исходя изъ такого убѣжденія, Іосифъ II издалъ законъ, по которому такая помощь престарѣлымъ рабочимъ не должна носить характера благотворительности или помощи бѣднымъ, а является лишь вознагражденіемъ за прежній трудъ, точно такъ же, какъ и пенсія, получаемая солдатомъ въ старости.

Эти ордонансы императора Іосифа II и до сихъ поръ еще въ силѣ и никто изъ оффиціальныхъ лицъ въ Австріи не рѣшится причислить къ нищимъ тѣхъ стариковъ, которыхъ содержитъ государство. Они считаются ветеранами ремесленнаго сословія, и когда уже не въ состояніи работать, поступаютъ въ «Versorgungshäuser» или, если тамъ нѣтъ мѣста, то получаютъ еженедѣльную пенсію, дающую имъ возможность существовать. Австрійскіе «Versorgungshäuser» — лучшіе во всей Европѣ убѣжища для престарѣлыхъ. Комнаты просторныя; почти при каждомъ убѣжищѣ имѣется хорошій садъ, но самая лучшая сторона этихъ убѣжищъ заключается въ томъ, что живущіе въ нихъ пользуются полною свободой, могутъ принимать своихъ друзей, когда угодно, носить платье, какое хотятъ, и вообще чувствуютъ себя какъ дома, а не въ качествѣ людей, которыхъ держатъ тутъ изъ милости. При нѣкоторыхъ изъ этихъ убѣжищъ имѣются дешевые рестораны, находящіеся въ вѣдѣніи администраціи, гдѣ пенсіонеры могутъ по своему желанію за очень незначительную плату получить обѣдъ, какой захотятъ.

Данія дѣлаетъ рѣдкое различіе между бѣдняками, заслуживающими всякаго уваженія, и такими, которые находятся въ нищетѣ, благодаря собственнымъ порокамъ и небрежности; для послѣднихъ имѣются рабочіе дома, такъ же устроенные, какъ въ Англіи, но первые никогда не переступаютъ ихъ порога и, лишенные возможности работать, получаютъ пенсію, учрежденную для престарѣлыхъ, въ размѣрѣ отъ двухъ фунтовъ 15 шиллинговъ до 16 фунтовъ 16 шиллинговъ въ годъ, а если они все-таки не въ состояніи сами о себѣ заботиться, то тогда они поступаютъ въ убѣжище. Въ Голландіи о престарѣлыхъ бѣдныхъ заботятся религіозныя общины, а о такихъ бѣднякахъ, которые не принадлежатъ ни къ какой общинѣ, берутъ на себя попеченіе общинныя или муниципальныя власти. Въ Исландіи существуетъ, пожалуй, самый прекрасный способъ попеченія о престарѣлыхъ бѣдныхъ. Каждый исландскій гражданинъ обязанъ оказывать гостепріимство одному или нѣсколькимъ бѣднякамъ въ теченіе извѣстнаго времени, въ зависимости отъ своихъ средствъ. Не было случая, чтобы кто-нибудь отказался выполнить этотъ долгъ или позволилъ бы себѣ

небрежное или дурное обращеніе съ бѣднякомъ, находящимся на его попеченіи, такъ какъ подобный поступокъ вызвалъ бы неминуемо страшное негодованіе всей общины. Въ Норвегіи, Швеціи и Швейцаріи престарѣлые бѣдняки, благодаря системѣ страхованія, обезпечены до конца дней своихъ.

Но самое дурное отношеніе къ престарѣлымъ бѣднякамъ существуетъ, по словамъ миссъ Селлерсъ, въ Америкѣ. «Въ сѣверной Америкѣ,—говоритъ она,—государство относится къ престарѣлому бѣдняку, пожалуй, даже хуже, чѣмъ къ преступнику. Въ Нью-Іоркскомъ штатѣ для нихъ устроены огромныя богадѣльни, рядомъ съ тюрьмами, пріютомъ для душевнобольныхъ и газовыми заводами на Блэкуэлль-айландъ, за городомъ. Ухаживаютъ за ними пьяницы и проститутки изъ арестнаго дома и исправительной тюрьмы, помѣщающейся тутъ же. Нечего и говорить, что какъ уходъ, такъ и санитарныя условія и пища въ этихъ заведеніяхъ оставляютъ желать многаго и поэтому многіе честные американскіе граждане находятъ, что подобныя учрежденія позорятъ славное имя республики. Вслѣдствіе этого вездѣ устраиваются по частной иниціативѣ и на частныя средства прекрасныя убѣжища для престарѣлыхъ бѣдныхъ, кажущіяся настоящимъ раемъ въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, какой представляютъ государственныя учрежденія подобнаго рода».

Въ Америкѣ Эдисона называютъ «Telefon's Papa» и чрезвычайно интересуются всѣми подробностями его жизни. Американскіе репортеры стараются удовлетворить любопытство американской публики въ этомъ отношеніи и придумываютъ разныя хитрости, чтобы только проникнуть за ограду парка, окружающаго домъ Эдисона въ Нью-Джерсеѣ, на разстояніи получаса ходьбы отъ Нью-Іорка. Одному изъ американскихъ журналистовъ удалось недавно посѣтить Эдисона и бесѣдовать съ нимъ и онъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи въ «Pearson's Magazine» и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ изъ этого царства электричества.

Домъ Эдисона очень большой, но всего одноэтажный, выстроенъ на холмѣ, откуда открывается прекрасный видъ. Къ дому ведетъ прекрасная сосновая роща, которая въ дни пріемовъ бываетъ освѣщена миріадами электрическихъ лампъ, самой причудливой формы и совершенно непохожихъ одна на другую. Въ домѣ въ особенности поражаютъ монументальная величина оконъ и крыльца.

Лабораторія Эдисона, по словамъ посѣтителя, представляетъ самое фантастическое мѣсто во всемъ свѣтѣ. Въ ней Эдисонъ проводитъ 16 часовъ въ сутки, а прежде проводилъ двадцать, занимаясь своими изслѣдованіями и опытами. «Я не помню, чтобы я былъ когда-нибудь боленъ,—сказалъ онъ своему гостю,—и приписываю это «методической неправильности» моей жизни. У меня нѣтъ опредѣленнаго времени ни для обѣда, ни для вставанія, ни для сна, и совершенно не существуетъ какихъ-либо правильныхъ привычекъ».

Эдисонъ—вегетаріанецъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вмѣсто всякихъ напитковъ, онъ истребляетъ громадныя количества чая и кофе. Никогда не пьетъ вина и считаетъ, что предался излишествамъ, если позволилъ себѣ выпить двѣ-три рюмки виски въ мѣсяцъ. Онъ куритъ только сигары и куритъ очень много, или, вѣрнѣе, закуриваетъ, такъ какъ, поглощенный работой, онъ забываетъ о томъ, что закурилъ сигару, и беретъ новую, которую также бросаетъ. Такимъ образомъ онъ расходуетъ въ день не менѣе двухъ коробокъ спичекъ и вся мебель въ его лабораторіи бываетъ сплошь усѣяна начатыми сигарами, что, повидимому, весьма пріятно рабочимъ, которые докуриваютъ брошенныя имъ сигары.

Въ настоящее время все вниманіе Эдисона поглощено радіографіей и онъ говоритъ, что имъ уже почти изобрѣтенъ очень простой аппаратъ, посредствомъ

котораго хирургъ будетъ имѣть возможность разсмотрѣть какъ въ зеркалѣ повреждения самыхъ глубоколежащихъ тканей въ нашемъ организмѣ. Конечно, Эдисонъ не упускаетъ изъ виду и другихъ изобрѣтеній и теперь заботится объ усовершенствованіи способа передачи на разстояніе рисунковъ, гравюръ и т. д., а въ видѣ развлеченія онъ придумываетъ электрическій аппаратъ для истребленія въ домѣ всякаго рода паразитовъ, таракановъ, клоповъ и др. Все это не мѣшаетъ ему очень много читать. Онъ обожаетъ Уильки Коллинза и Виктора Гюго, Лонгфелло и Теннисона. Музыка иногда бываетъ ему необходима въ то время, когда онъ работаетъ, и въ главной своей лабораторіи онъ поставилъ автоматическій органъ, репертуаръ котораго разнообразенъ до безконечности. Всегда, когда у него есть ночная работа, играетъ этотъ органъ.

Другая его особенность: онъ страшно любитъ духи, въ особенности запахъ розы, и постоянно окруженъ ароматною атмосферой, такъ какъ все его бѣлье, платье, платки,—все это очень сильно надушено. Такъ какъ его выводитъ изъ терпѣнія необходимость макать постоянно перо въ чернильницу, то онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пишетъ только карандашемъ. Никакимъ спортомъ онъ не занимается, но въ сутки дѣлаетъ по крайней мѣрѣ шесть миль, переходя постоянно изъ одной лабораторіи въ другую.

«The English Woman's Review» — журналъ, посвященный промышленнымъ и соціальнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ женскому труду, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о женской типографской ассоціаціи въ Лондонѣ. Это общество, основанное 22 года тому назадъ, теперь уже обладаетъ довольно большимъ капиталомъ и исполняетъ большіе заказы. Основательницѣ общества, миссъ Эммѣ Паттисонъ, пришлось въ началѣ вынести не мало разочарованій и борьбы, прежде чѣмъ удалось найти необходимыя средства и поставить на ноги женскую типографію. Одна изъ посѣтительницъ этой типографіи описываетъ ее слѣдующимъ образомъ.

«Я была пріятно поражена устройствомъ этой типографіи, чистота и просторъ вездѣ. Въ каждой комнатѣ я замѣтила нѣсколько дѣвочекъ, въ короткихъ платьяхъ и съ распущенными волосами, которыя очень усердно составляли наборъ.

— Кто это такія?—спросила я,

— Это ученицы,—отвѣчала мнѣ главная надсмотрщица, провожавшая меня. Онѣ поступаютъ сюда обыкновенно 14 лѣтъ и служатъ три года, но бываетъ, что онѣ научаются своему ремеслу такъ быстро, что уже черезъ полтора года могутъ быть хорошимъ наборщицами.

Въ одной изъ комнатъ занимается корректорша, которой также помогаетъ маленькая дѣвочка, очевидно чрезвычайно заинтересованная своею работой. Какъ эта дѣвочка, такъ и всѣ остальныя ученицы производили особенно пріятное впечатлѣній тѣмъ, что въ нихъ совершенно не было замѣтно никакого принужденія къ работѣ; онѣ исполняли ее охотно и добровольно и видимо интересовались своимъ дѣломъ. Я обратила на это вниманіе главной надсмотрщицы.

— Вы правы,—сказала она мнѣ,—и весь секретъ заключается въ томъ, что эта типографія устроена на кооперативныхъ началахъ! Акціонеры нашего общества никогда не получаютъ болѣе пяти процентовъ и весь остальной доходъ поступаетъ въ пользу работницъ, поэтому каждая изъ нихъ заинтересована непосредственно въ томъ, чтобы типографія процвѣтала. Кромѣ того, у насъ заработная плата довольно высока и хорошая работница всегда можетъ много заработать. Начали мы очень скромно, но теперь дѣло наше расширяется съ каждымъ годомъ и я горжусь тѣмъ, что довѣріе и сочувствіе нашему дѣлу также возрастаютъ въ публикѣ».

«North american Review» печатаетъ очеркъ, посвященный кубинскимъ женщинамъ. По словамъ автора этого очерка, на Кубѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о женской свободѣ или какихъ-либо женскихъ правахъ. Кубинскія женщины въ полномъ смыслѣ этого слова затворницы и, выйдя замужъ, должны посвящать все свое время и заботы только семьѣ и дѣтямъ и угождать мужу во всемъ. Жена смотритъ на мужа какъ на повелителя и безусловно покоряется ему. Все воспитаніе ея, когда она была дѣвушкой, было направлено къ тому, чтобы выработать изъ нея такое покорное существо. Свободы она не знала никогда и, будучи молодою дѣвушкой, всегда находилась подъ самымъ строгомъ надзоромъ. Она ни могла выйти изъ дому безъ провожатаго и не смѣла оставаться съ глазу на глазъ съ мужчиной, хотя бы самаго почтеннаго возраста и родственникомъ. Это считается неприличнымъ въ кубинскомъ обществѣ, ни одна молодая дѣвушка не рѣшится нарушить этаго правила. Обыкновенно въ каждомъ порядочномъ кубинскомъ домѣ есть старый слуга, которому поручается надзоръ за молодою дѣвушкой и который провожаетъ ее всюду.

Кубинскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано и съ этого момента онѣ уже всецѣло посвящаютъ себя семьѣ и ведутъ вполнѣ затворническую жизнь. Ни одна, уважающая себя кубинская замужняя женщина не станетъ принимать участія въ какихъ-либо свѣтскихъ развлеченіяхъ. Исключеніе составляютъ только дамы высшаго свѣта, куда уже проникли европейскіе обычаи и даже спеціально французскіе нравы.

Несмотря на свою затворническую жизнь, кубинская женщина далеко не можетъ быть названа пассивнымъ существомъ и во время безчисленныхъ кубинскихъ возстаній не разъ выказывала себя героиней и принимала активное участіе въ походахъ, обнаруживая величайшую отвагу и мужество.

Изъ жизни современной Италіи.

(Письмо изъ Рима).

Десятаго мая, въ 8 ч. утра, поѣздъ унесъ меня изъ Рима на сѣверъ Италіи. До моего отъѣзда Римъ былъ спокоенъ, по крайней мѣрѣ, по наружности. Газеты же приносили самыя печальныя вѣсти изъ всѣхъ концовъ Апеннинскаго полуострова. Въ январѣ мѣсяцѣ были серьезные безпорядки въ Сициліи, которые были усмирены очень энергично, и поэтому уже не повторялись теперь. Римъ остался спокоенъ, потому что народъ боялся, чтобъ иностранцы не испугались, а иностранцами почти только Римъ и живетъ. Да и благотворительность здѣсь кое-что дѣлаетъ. Какъ-то разъ случилось, что большая толпа безработныхъ поджидала на мосту, когда король проѣзжалъ, и обратилась съ жалобными криками: «Maestà! работы нѣтъ, мы терпимъ голодъ!» Король удивленно посмотрѣлъ на нихъ, и черезъ нѣкоторое время пошли пожертвованія въ пользу особаго учрежденія, которое носитъ названіе «pane quotidiano» (ежедневный хлѣбъ) при чемъ король и королева пожертвовали нѣсколько тысячъ франковъ. Это учрежденіе состоитъ въ томъ, что всякому желающему даютъ кусокъ хлѣба, миску супа иногда, что проситель обязанъ тутъ же, въ помѣщеніи общества, съѣсть. Потомъ начали продавать книжки съ купонами, и приглашается всякій, желающій дать милостыню нищему, дать купонъ этой книжки. Купонъ только въ благотворительномъ учрежденіи имѣетъ цѣнность, а торговать купонами уже никто не будетъ. Подобныя учрежденія введены и въ другихъ городахъ, въ Туринѣ, Ливорно, Болоньѣ, Миланѣ—и все-таки не помѣшали тому, чтобы безпорядки имѣли мѣсто.

Утреннія газеты сообщили о миланскомъ возстаніи, начавшемся 6-го вечеромъ и еще не окончившемся, когда я сидѣлъ въ вагонѣ. Генералъ Bava-Beccaris, перенявшій управленіе отъ префекта и объявившій городъ на военномъ положеніи, воспретилъ телеграфу передавать шифрованныя и касающіяся безпорядковъ телеграммы.

Въ то время, какъ въ вагонѣ публика толковала, но съ большой опаской, про эти безпорядки, поѣздъ мчался далеко не по живописной мѣстности, а по унылой «Campagna romana», начинающейся сейчасъ за Римомъ и тянущейся до самой Чивитавеккіи. Двѣ-три станціи отъ Рима мы видимъ богатую южную природу: роскошные сады, прекрасные огороды, цвѣтники, обильные луга. Потомъ идетъ степь, ровное мѣсто съ небольшими возвышенностями, покрытая низкой травой, а въ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ камышемъ. Видны домики съ соломенными крышами. Вѣдь это такой анахронизмъ въ странѣ мрамора и всевозможныхъ камней! Маленькіе поселки на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, стада овецъ, сторожъ, верхомъ на мулѣ, въ темномъ суконномъ платьѣ, большой поярковой шляпѣ и высокихъ сапогахъ, небольшія каменныя будки, у которыхъ баба въ мужней огромной поярковой шляпѣ стоитъ съ флажкомъ— все это мчится мимо насъ, не особенно привлекая вниманіе и не радуя взоръ. Какъ все это запущено, а вѣдь сколько можно было бы сдѣлать для оздоровленія мѣстности отъ маларіи при такомъ солнцѣ и такомъ климатѣ! Единичныя попытки культивированія участковъ земли въ этой равнинѣ дали прекрасные результаты. Такъ, въ Ostia, гдѣ совсѣмъ еще недавно была нездоровая и безплодная пустошь, теперь устроена одна изъ богатѣйшихъ земледѣльческихъ колоній. Нужны огромнѣйшіе капиталы для этого, конечно. Но если нашли капиталы для того, чтобы бросить ихъ въ «черномъ континентѣ» съ грабительской цѣлью ворваться въ чужой домъ и подчинить себѣ другихъ, то могли бы прекрасно ихъ употребить на улучшеніе «римскаго поля». Подобные разговоры мнѣ приходилось не разъ слышать отъ самыхъ простыхъ людей. Дѣло въ томъ, что итальянецъ менѣе, чѣмъ кто-либо чувствуетъ въ себѣ воинственныя наклонности для завоеванія чужихъ странъ. Африка вызываетъ во всѣхъ угрызеніе совѣсти. Принципъ національизма, благодаря которому Италія соединилась въ одно, является еще и теперь для большинства чѣмъ-то святымъ, нарушеніе котораго равносильно святотатству. Криспи не удалось привить любовь къ военной славѣ народу, и при неудачѣ онъ долженъ былъ слетѣть.

Въ вагонѣ третьяго класса вмѣстѣ со мной ѣхало двое молодыхъ крестьянъ и одинъ мѣщанинъ изъ Неаполитанской провинціи. Ихъ пригласилъ соотечественникъ, предпріимчивый человѣкъ, пристроившійся при лимонадной фабрикѣ въ Лондонѣ. Эти трое тоже знаютъ лимонадное дѣло и говорятъ, къ удивленію моему, по-англійски. Въ ихъ провинціи крестьяне получаютъ по 50 centesimi въ день вмѣстѣ съ харчами. Въ городахъ же совсѣмъ дѣлать нечего. А въ Лондонѣ имъ обѣщаютъ по 2 франка въ день на всемъ готовомъ, даже сигары не въ счетъ жалованья дадутъ. Просто счастье свалилось!

Въ сосѣднемъ купе пошли разговоры посмѣлѣе, ибо отъ Рима отъѣхали порядкомъ и пригядѣлись уже къ сидѣвшимъ въ вагонѣ.

— Если нѣтъ работы, что тогда?—слышу голосъ старика.

Собесѣдникъ что-то отвѣчаетъ, но я изъ-за шума колесъ и рева волнъ—мы уже ѣхали по берегу средиземнаго моря, начавшагося за Чивитавеккіей — не могу разобрать, что именно.

— Хорошо,—слышу я снова голосъ старика;—скажемъ, вамъ три франка въ день предовольно на всю семью, ну, двумя съ половиной удовольствуетесь, ну, хоть два франка дайте, ну, франкъ двадцать, наконецъ, франкъ въ день. Но нѣтъ ра-бо-ты, нѣту, нѣту! Что вы тутъ подѣлаете? Семья на шеѣ, дѣти ѣсть хотятъ, а тутъ и хлѣбъ дорожаетъ. Пропадай тутъ все!

Собесѣдникъ доказывалъ, что надо работать, что грѣхъ брать чужое, незаработанное, какъ вотъ дѣлали въ Bari, Foggia и другихъ мѣстахъ, когда толпа набрасывалась на пекарни и магазины и грабила хлѣбъ и муку. Долго слышалъ я рефренъ старика: «Гдѣ взять работу?» на который его собесѣдникъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ: «Работать надо! надо работать руками!»

Эти два рефрена передаютъ въ совершенствѣ смыслъ полемики главныхъ органовъ итальянской прессы, по поводу послѣднихъ событій. «Tribuna» толкуетъ о томъ, что трудъ—основа всего, и при этомъ совершенно забываетъ, что криспинская политика, которую она такъ горячо поддерживала, да и теперь не упускаетъ случая, чтобы не замолвить словечка о Криспи и объ африканизмѣ, дала возможность обогатиться небольшой кучкѣ финансистовъ и предпринимателей и привела къ тому, что работы фактически нѣтъ для массъ пролетаріата, городского и деревенскаго.

Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ болѣе видно участія человѣческихъ рукъ въ культурѣ земли. Поля обработаны аккуратно, нивы покрыты зрѣющими высокими колосьями, огороды, сады, а то по межамъ полей ряды шелковичныхъ деревьевъ, соединенныхъ между собой гирляндами виноградныхъ лозъ. Видны работающіе крестьяне и крестьянки на поляхъ, и часто видишь человѣка съ мѣднымъ сосудомъ на плечахъ, въ видѣ ранца, изъ котораго посредствомъ трубки металлической поливаютъ мѣднымъ купоросомъ листья винограда противъ филоксеры. Въ Сициліи филоксера разрушила болѣе половины всѣхъ виноградниковъ и прибавила къ всевозможнымъ кризисамъ еще и этотъ кризисъ. Въ поѣздѣ изъ городовъ отправлялись въ окрестныя деревни толпы крестьянъ на работу. Это пролетаріи, которые еще не совсѣмъ оторвались отъ земли, такъ какъ вотъ ѣдутъ косить. У каждаго изъ этихъ крестьянъ коса на плечѣ, мѣшокъ съ вещами, перевѣшивающійся черезъ плечо, какъ у вьючнаго животнаго, деревянная фляжка и миска, въ которой онъ будетъ готовить себѣ маисовую кашу, или поленту. Эти крестьяне-батраки, живущіе большей частью въ городахъ, а не въ деревнѣ, какъ во всемъ мірѣ водится, называются «braciantі», т. е. работающими руками. И они, кромѣ своихъ рукъ, ничего и не имѣютъ.

Нѣсколько станцій предъ Ливорно у меня былъ собесѣдникъ, по виду, мелкій торговецъ, котораго я не преминулъ спросить про безпорядки, правда ли, что они вызваны агитаторами.

— Никто, кромѣ голода, не виноватъ тутъ! Пишутъ про прокламаціи о провозглашеніи республики, про знаки, написанные углемъ на стѣнахъ домовъ, повѣрьте, что это однѣ басни. Нашли, напр., на многихъ домахъ таинственныя буквы: b, f, d и друг. Встревоженное воображеніе истолковало такъ: b—barricata; f—fuoco (огонь); d—dinamite. Въ дѣйствительности же это инженеры сдѣлали, чтобы легко можно было найти доступъ къ водопроводу, каналамъ водосточнымъ и проч. Мало ли чего въ горячую минуту не выдумаютъ! Мнѣ соціализмъ не нравится. Но я думаю, что будетъ съ нами, если вдругъ война? Вѣдь пропала Италія на вѣки!

Черезъ нѣсколько минутъ собесѣдникъ мой добавилъ:

— Мнѣ, знаете, будущее рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вотъ Испанія въ подобномъ же положеніи, что и мы. Тамъ вся страна на военномъ положеніи, у насъ $^2/_3$. Америка ее доканаетъ. А Австрія развѣ такъ и будетъ смотрѣть? За Австріей пойдетъ Германія, ну и мы, какъ союзники. Хороши союзники великихъ державъ, дохнущіе съ голоду, нечего сказать! Пойдемъ и мы за великими державами, тутъ намъ и конецъ!

И мой собесѣдникъ сталъ кидать такіе мрачные взгляды кругомъ, что мнѣ показалась гибель Италіи неминуемой. Сидѣвшій рядомъ молодой человѣкъ сталъ разсказывать про бунтъ въ Ливорно, бывшій раньше нѣсколькими днями.

— Теперь уже тихо. Двѣ пушки нагнали страхъ, а десятка два убитыхъ

на мѣстѣ тоже успокаивающе дѣйствуютъ. Началось дѣло такъ. Забастовали тряпичницы бумажныхъ фабрикъ. Знаете, это работа отвратительнѣйшая, грязная и нездоровая, легко заразиться какой-угодно болѣзнью, а вознагражденіе какихъ-нибудь 50—60 centesimi въ день. Вѣдь трудно прожить на такія деньги съ семьей, когда и мужъ ничего не зарабатываетъ. Ну, рѣшили забастовать, требуя прибавки. Собрались и давай шумѣть. Тутъ полиція, карабинеры, солдаты. «Разойдитесь!» кричитъ делегатъ полиціи. Онѣ ни съ мѣста. Къ нимъ ужъ и дѣти и взрослые пристали. Тогда дали 3 сигнала изъ трубы и приказъ стрѣлять холостыми зарядами. Когда и это не помогло, стрѣлять начали въ толпу. Стали разбѣгаться въ разныя стороны, а сколько пало женщинъ и дѣтей, даже неизвѣстно. Теперь у воротъ города поставили двѣ пушки, и въ городѣ тихо, какъ на кладбищѣ. Пока же городъ на военномъ положеніи.

Въ Пизѣ была пересадка, и мнѣ два съ половиной часа остановки пригодились для прогулки по городу. Спрашиваю на вокзалѣ, тихо ли въ городѣ, можно ли пойти туда.

— О, не безпокойтесь,—отвѣтилъ съ усмѣшкой носильщикъ,—*теперь* спокойно, во всякомъ случаѣ васъ не тронутъ.

Я прошелся по городу, по крайней мѣрѣ, по близкимъ къ вокзалу улицамъ. Вижу группы глазѣющихъ и гуляющихъ на берегу рѣки Арно, которая прорѣзываетъ въ самой серединѣ городъ, какъ всегда вечеромъ въ итальянскихъ городахъ. Студенты и гимназисты громко хохочутъ, поютъ, шумятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но повернулъ я въ одну изъ центральныхъ улицъ и наткнулся на патруль изъ карабинера и нѣсколькихъ солдатъ въ полномъ вооруженіи. Иду дальше и вижу на площади предъ казармой цѣлую роту солдатъ, расположившихся бивакомъ. Зашелъ въ café, мнѣ разсказываютъ, что попытки демонстрацій и тутъ были, что университетъ закрыли, что много арестовъ и обысковъ сдѣлано. Невольно страхъ обуялъ меня. Надо поспѣшить на вокзалъ. Но и тамъ не спасешься. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на поѣздъ покушались. А ну, пріѣду въ Туринъ, а тамъ революція, какъ въ Миланѣ? Къ счастью, Туринъ, благодаря своей выставкѣ, не хотѣлъ испортить себѣ случай заработка и даже не пытался дѣлать демонстраціи.

Изъ Пизы поѣздъ ушелъ, когда было очень темно уже. Это узловая станція, и поѣзда приходили и уходили каждыя 5 минутъ. Всѣ поѣзда были переполнены ополченцами 3 лѣтъ, 1872, 1873 и 1874 годовъ, которые должны были въ теченіе 2 сутокъ быть на мѣстахъ приписки. На вокзалѣ устроился офицерскій штабъ. По плацформѣ бѣгали группы ополченцевъ отъ 10 до 50 человѣкъ въ каждой, иногда въ сопровожденіи унтеръ-офицера, иногда сами, съ голыми руками и въ платьѣ, какъ только что съ работы. Распоряженіе застало всѣхъ врасплохъ, и хотя громко ругались и выражали свое неудовольствіе, тѣмъ не менѣе дезертиромъ никто не хотѣлъ быть объявленнымъ и старались явиться къ сроку. Многіе были подвыпивши, пѣли, играли, шумѣли, ругались и даже не боялись посылать по адресу правительства самую отборную брань. Если кто-нибудь потрезвѣй замѣтитъ товарищу, чтобъ держалъ языкъ за зубами, отвѣтъ гласитъ: «Я еще не военный, я человѣкъ свободный и могу говорить, что мнѣ угодно. Подлецы!»

Въ Генуѣ на вокзалѣ всѣхъ ожидалъ новый сюрпризъ. Декретъ правительства уже созываетъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, считающихся ратниками ополченія, между тѣмъ какъ раньше ихъ освобождали отъ вооруженія. Группы стояли у объявленія и съ большимъ оживленіемъ осуждали эту мѣру. «Не пойду, ей-ей не пойду! Пусть дезертиромъ объявятъ!» говоритъ одинъ. Другой не прочь повѣситься, лишь бы не служить. Мѣра эта всѣмъ желѣзнодорожнымъ служащимъ какъ бы обухомъ по головѣ дала, такъ какъ разстроила всѣ ихъ планы. Дѣло въ томъ, что каждый день можно было ожидать всеобщей

стачки на желѣзныхъ дорогахъ, и тогда войскамъ не было бы никакой возможности отправляться въ мѣста, гдѣ происходятъ безпорядки. Теперь же всѣ остаются на своихъ мѣстахъ при машинахъ, при вокзалахъ, при тормазахъ, но номинально считаются военными, и малѣйшее нарушеніе дисциплины влечетъ за собой военный судъ. Рудини, кромѣ того, распорядился о закрытіи «желѣзнодорожной лиги» съ ея филіалами, самаго главнаго организаціоннаго центра желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Эта лига имѣетъ десятки тысячъ членовъ и сильно пахнетъ соціализмомъ. Соціализмъ среди персонала желѣзной дороги и носильщиковъ имѣетъ громадное количество адептовъ, такъ что въ Туринѣ на послѣднихъ выборахъ былъ выбранъ небольшой чиновникъ Nofri въ депутаты, послѣ чего агитація среди рабочихъ и служащихъ желѣзныхъ дорогъ еще болѣе усилилась. Nofri недавно въ парламентѣ сдѣлалъ рядъ разоблаченій, изъ которыхъ слѣдовало, что желѣзнодорожная администрація вмѣстѣ съ министерствомъ затѣяли разбить организацію рабочихъ, наказывая главнѣйшихъ агитаторовъ и т. д.

Если даже ополченцы наканунѣ того, какъ они одѣнутъ форму, открыто высказывали свое неудовольствіе, то про частныхъ лицъ и говорить нечего. Съ кѣмъ я ни заговаривалъ, отвѣчали мнѣ съ озлобленіемъ въ такихъ выраженіяхъ:

— Ну, убили тамъ сотни невинныхъ женщинъ, дѣтей, стариковъ, арестовали столько-то и, конечно, по головкѣ не погладятъ. Но дѣло еще не кончилось! Подождите, еще будетъ!

Въ Туринѣ я разговорился съ молодымъ «facchino» (носильщикомъ).

— Туринъ, видно, не хочетъ слѣдовать примѣру Милана, онъ благоразумнѣе и патріотичнѣе? Вѣдь Туринъ—колыбель итальянскаго единства и цивилизаціи.

— Теперь Туринъ еще спокоенъ, потому что выставка даетъ все-таки заработокъ. Но въ концѣ лѣта и тутъ будетъ, что въ другихъ мѣстахъ. Помилуйте, дышать нельзя болѣе. Что ни день, новые налоги. Все, что ни заработаешь, отдай имъ, а что мы имѣемъ изъ того, что они въ Африкѣ играютъ господъ? Вотъ я холостъ, и мнѣ на жизнь хватаетъ пока. Но что дѣлать обремененнымъ семьей? Вѣдь сухого хлѣба нѣтъ до сыта.

— Кстати, у васъ тутъ другая исторія: пекари не хотятъ хлѣба печь. Неужели безъ хлѣба всѣ сидятъ?

— Ну, не всѣ пекари забастовали. Пекутъ довольно. Ну, а забастовали тоже не отъ радости... Работаютъ до 16 часовъ въ сутки за какіе-нибудь $1^1/_2$—1 франкъ въ день. Ну, хотятъ уменьшенія рабочаго дня и прибавки платы.

Каковы же причины всѣхъ этихъ явленій? Ихъ много, но главная—экономическая неурядица, какъ слѣдствіе неудачной политики, жизни не по средствамъ, желанія быть великой державой, будучи не больше, какъ выскочкой среди всѣхъ державъ Европы. Такъ какъ гораздо легче загнать симптомъ болѣзни, чѣмъ уничтожить корни ея, то такой знахарь и шарлатанъ, какъ можно смѣло назвать Рудини-политика, думалъ карабинерами, конфискаціей прессы, закрываніемъ всевозможнѣйшихъ обществъ экономической самодѣятельности, безчисленными арестами, остановить разрушительный ходъ болѣзни Италіи.

Криспи много согрѣшилъ предъ своей націей, но это былъ человѣкъ съ характеромъ и съ извѣстной программой. У Рудини же ни характера, ни программы нельзя открыть, а можно найти сильное фарисейство и желаніе какъ можно дольше удержаться у власти. Мы можемъ открыть въ его дѣятельности то желаніе подладиться къ радикаламъ, то нежеланіе испортить дѣло у либераловъ и только благодаря, такому ловкому лавированію, онъ и съумѣлъ остаться премьеромъ. Онъ живетъ моментомъ, и такъ какъ на одинъ моментъ удалось заставить молчать голодные рты, то и думаетъ, что другихъ средствъ и не надо.

Недовольство охватило теперь всѣ низшіе классы, всю мелкую буржуазію и большую часть средней буржуазіи. На сторонѣ министерства теперь самая незначительная кучка крупныхъ промышленниковъ, финансистовъ и бюрокра-

товъ. А долго ли можно удержаться на такой слабой почвѣ? Такъ какъ вся болѣзнь Италіи экономическаго характера, то только экономическими мѣропріятіями и можно какъ-нибудь остановить ея развитіе.

Экономическое недомоганіе началось сейчасъ же послѣ объединенія Италіи. Понятный энтузіазмъ либераловъ идеалистовъ, «сдѣлавшихъ Италію», заставилъ повести политику на широкую ногу, было затѣяно громадное количество національныхъ работъ, желѣзныхъ дорогъ, памятниковъ, общественныхъ зданій, а, главное, войско и флотъ поглотили такія массы расходовъ, что государство влѣзло по уши въ долги. Въ то время, какъ перваго рода работы пришлось прекратить въ рединѣ, войско и флотъ продолжали развиваться насчетъ культуры страны. Во всей Европѣ вооруженія поглощаютъ громадныя суммы изъ народнаго богатства, но въ Италіи пропорція между ростомъ благосостоянія и расходами наиболѣе неблагопріятная, такъ что крахъ неминуемо надвигается. Въ послѣдней государственной росписи въ 1 милліардъ 606 милліоновъ на уплату однихъ процентовъ государственнаго долга отведена сумма въ 685.000.000. Среднее богатство за пятилѣтіе 1888—1892 г. составляло въ Италіи приростъ въ 17% противъ благосостоянія прежнихъ лѣтъ, расходы же на голову увеличились на 30%. Въ то время, какъ англичанинъ платитъ налоговъ 1/77 часть своего годового дохода, французъ 1/68, итальянецъ отдаетъ 1/32, больше всѣхъ европейскихъ народовъ. Если приравнить годовой доходъ къ 10.000 франкамъ, то англичанинъ отдаетъ 130 фр., французъ—147 фр., австріякъ—224, пруссакъ—252, бельгіецъ—102, шведъ—144, датчанинъ—101, а итальянецъ—307.

Бѣда еще та, что тенденція экономической политики правительства скверная, на культурныя цѣли приходится все болѣе и болѣе урѣзывать, хотя уже африканской войны нѣтъ. Къ тому же или какъ результатъ подобнаго положенія дѣлъ, паденіе кредита государственнаго и займы все труднѣе и труднѣе дѣлать.

Африканской кампаніей Криспи порядочно разорилъ страну, но Рудини хочетъ сохранить statu quo, онъ не хочетъ повести политику маленькой націи, поэтому никакихъ реформъ въ трибутарномъ дѣлѣ онъ не хочетъ провести, но даже, если бы и хотѣлъ, то натолкнулся бы въ большинствѣ камеры на самое непреодолимое препятствіе. Налоги въ итальянсномъ королевствѣ въ высшей степени несправедливо распредѣлены между разными классами, ложась почти всей своей тяжестью на низшіе классы.

Провинціи и коммуны вносятъ извѣстную сумму въ государственную кассу и назначаютъ свои налоги. На бѣду эти налоги, главнымъ образомъ, косвенные и относятся къ предметамъ потребленія и первой необходимости. Въ такой мѣрѣ даже Турція не имѣетъ налоговъ, какъ «dazio consumo». Вотъ образчикъ того, какъ приходится платить несчастному обывателю и сыну «великой» націи Италіи.

НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Мѣра.	Средняя стоимость.		Ввозная, пограничная пошлина.		Коммунальн. налогъ.	
				Абсол.	Проц.	Абсол.	Проц.
Вино	литръ	0,25	cent.	0,20	80%	0,10	40%
Алкоголь	»	0,43	»	1,80	420%	—	—
Ликеры въ бутылкахъ	»	0,85	»	0,60	70,7%	0,18	21,2%
Мясо бычачье свѣжее	кило	1,15	»	0,12	10,5%	0,18	15,7%
Мясо свиное соленое	»	2,00	»	0,25	12,5%	0,32	16,0%
Соль	»	0,02	»	38,0	1900%	—	—
Молоко	литръ	0,15	»	—	—	0,04	26,7%

Въ такомъ же родѣ приходится платить налогъ, начиная съ минимальной величины литра или килограмма, за рисъ, фасоли, горохъ, сахаръ, керосинъ, оливковое масло, сыры разныхъ сортовъ, коровье масло, муку пшеничную, муку кукурузную, тѣсто, пироги и печенья, сало, яйца, кофе, цикорій, пиво, рыбу, уголь, мыло для бѣлья, кирпичъ и проч. и проч.

Средняя высота этихъ косвенныхъ налоговъ 160% для пограничной пошлины и 25% для внутренней коммунальной пошлины номинальной стоимости предмета. Если рабочій получаетъ на заводѣ 2,40 лиры въ день, то 0,50 Lire отдаетъ одного «dazio consumo», т. е. столько, сколько квартира ему стоитъ. Въ росписи 1895—1896 г. одни эти косвенные налоги внесли 331.000.000 доходу *).

Такое распредѣленіе налоговъ скорѣе, чѣмъ всякія агитаціи политикановъ, въ состояніи переполнить чашу неудовольствія, такъ что достаточно одной лишней капли, какъ поднятіе цѣны на хлѣбъ въ 1 пятакъ (въ Италіи хлѣбъ не дороже, чѣмъ въ другихъ странахъ, даже при нынѣшней дороговизнѣ), чтобы бабы хватали своихъ грудныхъ дѣтей и лѣзли бы на штыки солдатъ. Легко объяснить, почему именно женщины играли такую выдающуюся роль въ настоящихъ безпорядкахъ. Именно мать семейства особенно часто чувствуетъ на себѣ всепожирающую жадность фиска, вырывающаго хлѣбъ изо рта дѣтей. Мужья же на фабрикахъ не чувствуютъ ежеминутно этихъ мелкихъ непріятностей.

Въ южной Италіи, гдѣ насиліе составляетъ главный методъ муниципальнаго правленія, бунты имѣли чисто муниципальный характеръ, т. е. вся ярость толпы обращалась на синдика и членовъ городского совѣта. Подстрекателями являлись тутъ также противники той партіи, которая находится какъ разъ въ большинствѣ въ думѣ. Не попалъ одинъ въ члены думы или въ синдики, онъ и его приверженцы и начинаютъ подстрекать народъ, чтобъ потомъ можно было все свалить на противниковъ. Въ такихъ случахъ центральное правительство распускаетъ муниципальный совѣтъ и назначаетъ коммиссара до новыхъ выборовъ. Бунты на такой почвѣ необыкновенно часты въ южной Италіи и далеко не носятъ серьезнаго характера. Къ этому надо прибавить страшныя несправедливости въ распредѣленіи городскихъ налоговъ, лихоимство, казнокрадство, все то, что носитъ названіе «camorra», т. е. воровского кодекса, и причины безпорядковъ дѣлаются очень понятными. Характерна фраза одной старой крестьянки, когда въ январѣ этого года въ одномъ изъ глухихъ угловъ Сициліи, въ городѣ Модикѣ, большая толпа демонстрантовъ требовала отъ головы помощи противъ злого врага—голода. Голова обѣщалъ все сдѣлать, и dazio на хлѣбъ уничтожить, даже даромъ хлѣбъ раздавать, и хлопотать у правительства объ общественныхъ работахъ. Тутъ одна старуха обратилась къ толпѣ и говоритъ «Non vidite ca ci buffuniano?» (Не видите развѣ, что надъ нами смѣются?)

На сѣверѣ, особенно въ Миланѣ, гдѣ народъ гораздо культурнѣе, чѣмъ на югѣ, нельзя отрицать политическаго характера безпорядковъ, хотя въ основѣ все-таки экономическая причина. И тутъ фискъ сдѣлался ненавистнымъ врагомъ народа, и тутъ безработица существуетъ, хотя въ гораздо болѣе слабой степени.

*) Въ росписи же прошлаго года мы имѣемъ:

Dazio керосина	34	милліона.
» соли	73	»
» сахару	65	»
» кофе	20	»
Минимальный земельный налогъ и на постройки	25	»
Итого	217	милліон.

Вслѣдствіе сравнительной культурности населенія и преобладанія заводскаго пролетаріата, разныя политическія теоріи легко могли распространяться, и, дѣйствительно, соціализмъ, республиканство, анархизмъ и клерикализмъ начали такъ сильно организоваться, при совершенной бездѣятельности либераловъ, которые предались обдѣлыванію своихъ личныхъ дѣлъ, что въ одинъ прекрасный день легко могъ бы случиться государственный переворотъ, если-бы голодные безпорядочные бунты не вызвали со стороны министерства энергичныхъ мѣръ. Опять-таки это вопросъ только не очень отдаленнаго времени, чтобы сѣверъ произвелъ соціальную революцію.

О степени культуры разныхъ областей Италіи мы можемъ судить по интереснымъ даннымъ изъ книги молодого криминалиста Alfredo Nicefоro «L'Italia barbara contemporanea» (варварская современная Италія). Эти данныя говорятъ очень яснымъ языкомъ, каковы задачи мудраго правленія, что именно недостаетъ Италіи, крѣпкій ли флотъ, или народное обученіе, напр. Италію можно раздѣлить на 3 рѣзко отличающіяся одно отъ другой части: сѣверную, центральную и южную, къ которой причислить надо и острова Сардинію и Сицилію и массу мелкихъ островковъ. Центральная и географически, и въ соціально-экономическомъ и культурномъ отношеніи представляетъ переходную ступень между южной и сѣверной. Начнемъ съ криминалистики, которой, какъ извѣстно, Италія на цѣлую голову превосходитъ всѣ другія страны Европы, въ чемъ она, дѣйствительно, велика.

Преступленій тяжелаго свойства, убійствъ, насилій, грабежей и проч., въ среднемъ за годы 1890—1894 на каждые 10.000 жителей было совершено: въ сѣверной Италіи 142,67, въ центральной 279,86, а въ южной 460,49, южная Италія, слѣдовательно, вчетверо преступнѣе сѣверной. Въ сѣверной Италіи почти неизвѣстны бригантство, мафія, каморра, составляющія самыя характеристическіе виды кровавыхъ преступленій. Мнѣ разсказывалъ одинъ неаполитанецъ, что въ Неаполѣ есть дѣти каморристы. Играютъ дѣти на улицѣ въ деньги, напр., является какой-нибудь уличный мальчишка и обращается къ выигравшему съ требованіемъ soldo: «Jo sono camorrista!» Тотъ долженъ съ нимъ подѣлиться, въ противномъ случаѣ, гдѣ-нибудь въ переулкѣ ему достанется ножъ въ животъ. Существуютъ цѣлые кодексы для каморристовъ (спеціальность Неаполя), мафіозистовъ (спеціальность Сициліи), барданистовъ (спеціальность Сардиніи), между прочимъ, церемонія лизанія крови при вступленіи въ шайку, и облизываніе крови съ ножа послѣ вендетты, вполнѣ уже разоблаченные разными криминалистами, которыми Италія опять-таки можетъ гордиться. Въ дикой Африкѣ вы встрѣтите то-же самое, что въ современной Италіи, которая представляетъ типъ одичалаго существа, не отставшаго еще совершенно отъ цивилизованнаго міра.

Относительно грамотности Италія имѣетъ слѣдующія данныя. Въ 1893 году изъ сочетавшихся бракомъ въ муниципалитетѣ не могли подписатья 26,81% въ сѣверной Италіи, 52,78% въ средней и 73,86% въ южной. Изъ рекрутовъ безграмотныхъ было: въ Туринѣ 11,52%, въ Миланѣ 18,92%, и въ Неаполѣ 44,50%. О степени грамотности и культуры можно также судить по количеству писемъ, пересылаемыхъ по почтѣ. Въ сѣверной Италіи на 100 обитателей приходится 57 писемъ, въ средней 49 и въ южной—29. Библіотекъ въ сѣверной Италіи 857, въ южной 539.

Любопытны цифры, касающіяся лоттерей. Итальянское правительство постыднымъ образомъ само эксплуатируетъ ихъ и способствуетъ развитію этого азарта. Чѣмъ культурнѣе человѣкъ, чѣмъ регулярнѣе его трудъ, тѣмъ менѣе онъ надѣется на чудесный способъ разбогатѣть. Онъ лучше копить будетъ, отдастъ въ банкъ свои сбереженія, чѣмъ еженедѣльно будетъ носить свою лепту въ банкъ для лоттереи. Въ бюджетѣ числится до 40 милліоновъ доходу отъ лоттерей.

«Avanti» такъ и озаглавилъ печатающійся еженедѣльно листъ вышедшихъ нумеровъ «Налогъ на глупцовъ». Въ Неаполѣ лоттерея играетъ необыкновенно большую роль въ соціальной жизни населенія, и Матильда Серао прекрасно описала это въ одномъ изъ своихъ романовъ «Il paese di Cuccagna». Въ 1894 г. на бывшее королевство обѣихъ Сицилій, гдѣ бурбоны насаждали цивилизацію, падало больше половины всѣхъ банковъ лоттерей. Въ Неаполѣ 140 такихъ банковъ, въ Палермо 42, въ Миланѣ-же, съ населеніемъ вдвое больше противъ Палермо, всего 30, въ Венеціи и Туринѣ по 20, въ Генуѣ 15. Въ Римѣ тоже страшно много, и трудно найти того человѣка, который бы не вносилъ въ банкъ еженедѣльно своей небольшой суммы, которая въ пропорціи къ доходу въ концѣ года представляетъ довольно крупную величину. Выигрыши большіе бываютъ рѣдко, а маленькіе все-таки проигрыши для играющихъ, такъ какъ эта страсть неискоренима. Мнѣ кажется, что газеты какъ бы разжигаютъ страсть къ этой игрѣ, печатая, напримѣръ, такія вещи:

«Изъ Мантуи пишутъ о нѣсколькихъ крупныхъ и безчисленныхъ мелкихъ выигрышахъ, поставившихъ цифры миланской революціи: 7, 18, 11 и 90. По кабалѣ (въ каждомъ банкѣ продается сонникъ съ кабалистическимъ переложеніемъ всѣхъ явленій жизни на цифры) 18 значитъ кровь, 11—народное возстаніе, 90—важное событіе, а 7—день, когда случилось это событіе».

Объ экономической жизни страны, объ индустріи, агрикультурѣ Niceforo даетъ также подробныя свѣдѣнія. Промышленность въ зачаткѣ въ южной Италіи, много видовъ промышленности совершенно неизвѣстны тамъ.

Въ сѣверной Италіи фабрикъ прядильныхъ и ткацкихъ 3.650, въ южной 179. Средняя вошла тутъ въ сѣверную Италію, но она не даетъ особенно высокой цифры. Паровыхъ котловъ въ сѣверной и средней 3.994, а въ южной 465. Въ отношеніи промышленности контрастъ между областями сѣверной Италіи и областями южной такъ же великъ, какъ между Англіей и Турціей. О коммерціи мы можемъ судить по кредиту, который находится въ зачаточномъ состояніи въ южной, между тѣмъ какъ въ сѣверной коммерція и кредитъ достигли очень высокой степени развитія. Въ 1894 году было дисконтировано векселей, а это лучшій признакъ кредитнаго дѣла, на сумму 9.650 лиръ въ сѣверной и центральной Италіи и 5.988 лиръ въ южной. Это на каждые 100 жителей.

Объ агрикультурѣ мы имѣемъ слѣдующія данныя: сѣверная Италія употребляетъ подъ экстенсивную культуру 17.010 гектаровъ, центральная — 19.333, а южная 20.081. Подъ интенсивную же культуру, наоборотъ, въ сѣверной Италіи 26.903 гектара, въ центральной 27.333 гектара и южной 10.532 гектара. Въ обществахъ, болѣе цивилизованныхъ, культура земли дѣлается интенсивной, какъ болѣе выгодная, т. е. подъ сады, виноградники, огороды. Экстенсивная же культура, характеризующая болѣе отсталыя страны, подъ пшеницу, овесъ, злачныя растенія, преобладаетъ, поэтому, на югѣ Италіи.

Картина «современной варварской Италіи» самая неутѣшительная. Она показываетъ, кромѣ того, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже дѣлается. Крестьянство разоряется экономически и падаетъ въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи: нѣтъ земли, нѣтъ хозяйства, преступленія учащаются и принимаютъ все болѣе дикій характеръ. Городской пролетаріатъ идетъ по той же дорогѣ. Все увеличивающееся число банкротствъ служитъ яснымъ доказательствомъ обѣднѣнія средняго класса. Интеллигентный пролетаріатъ огромнѣйшій и набрасывается на всѣ революціонныя идеи, надѣясь при другомъ строѣ улучшить свою судьбу. Вотъ почему студенты во всѣхъ итальянскихъ университетахъ приняли дѣятельное участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ, такъ что пришлось закрыть университеты Рима, Болоньи, Милана, Неаполя, Палермо. Всѣхъ арестовать вѣдь невозможно. Отказаться же отъ старой внутренней политики

правительство ни за что не хочетъ. Если и новое министерство падетъ, и изъ среды парламента будутъ набраны другіе министры, то при внимательномъ разслѣдованіи оказывается, что нѣтъ ни одного, ни изъ бывшихъ уже во главѣ государственнаго правленія, ни изъ прочимыхъ въ кандидаты, кто бы хотѣлъ разъ навсегда покончить съ этой безумной политикой и заняться насажденіемъ культуры и экономическаго благосостоянія въ широкихъ массахъ населенія. Буржуазный классъ, или, вѣрнѣе, та часть его, которая господствуетъ и заправляетъ судьбами націи, оказалась совершенно неподготовленной къ своей задачѣ. Онъ не имѣетъ ни политическихъ традицій, какъ въ другихъ странахъ Европы, ни культуры нѣмецкой, французской и англійской буржуазіи. Это еще не крахъ либерализма, но крахъ буржуазіи въ Италіи безъ сомнѣнія.

А. З—ій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Чахотка и народныя санаторіи.

«Tuberculosis primis in stadiis semper sanabilis» (Brehmer) *).

Не даромъ чахотку называютъ *бичемъ человѣческаго рода:* будучи повсемѣстно распространена, унося въ могилу седьмую часть умирающихъ вообще отъ всѣхъ болѣзней, и притомъ изо дня въ день поглощая свои жертвы изъ среды людей самаго цвѣтущаго возраста, чахотка представляется несравненно болѣе крупнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ холера, чума, и т. п., появляющіяся лишь отъ поры до времени эпидеміи. Она заслуживаетъ, такимъ образомъ, вниманія не однихъ лишь врачей, но и общества, тѣмъ болѣе, что не только пролитъ уже свѣтъ на сущность даннаго страданія выдающимся ученымъ Робертомъ Кохомъ и тѣмъ самымъ человѣчеству даны средства уберечься отъ этого недуга; но и разработанъ методъ весьма успѣшнаго лѣченія этой болѣзни (въ начальныхъ ея стадіяхъ).

Если потерпѣвшій печальное фіаско туберкулинъ Коха и нынѣ воскресшій въ видѣ такъ называемаго О и R туберкулина, не смотря на возможное будущее, долженъ пока быть лишь предметомъ лабораторныхъ изысканій, то излѣчимость чахотки въ санаторіяхъ, спеціальныхъ загородныхъ лѣчебницахъ, по т. н. гигіено-діэтетическому методу, является несомнѣннымъ фактомъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду, представивъ въ общихъ чертахъ сущность чахотки, ея причины, признаки, распространенность,—остановиться главнымъ образомъ на вопросѣ, выдвинутомъ не только наукой, но въ послѣднее время и обществомъ—на санаторіяхъ: на описаніи ихъ, метода лѣченія, примѣняемаго тамъ, и полученныхъ благодаря этому методу весьма утѣшительныхъ результатахъ **).

---

*) Чахотка въ начальныхъ стадіяхъ всегда излѣчима.

**) Матеріаломъ для даннаго очерка послужили слѣдующіе источники: д-ръ Габриловичъ «Чахотка и основы ея лѣченія по гигіено - діэтетическомъ методу»; д-ръ Павловская «О необходимости загородныхъ лѣчебницъ (санаторіи) для излѣчимыхъ недостаточныхъ чахоточныхъ», см. «Больничная газета Боткина» 1895 г.; д-ръ Игнатьевъ «О возможно широкой организаціи предупреждающихъ мѣръ въ борьбѣ съ распространеніемъ бугорчатки», см. труды IV съѣзда русскихъ врачей; д-ръ Dettweiler «Лѣченіе чахотки въ закрытыхъ заведеніяхъ и курортахъ»; д-ръ Унтербергеръ «Домашняя санаторія», см. «Военно-медицинскій журналъ» 1896 г. VIII; д-ръ Маркъ «О народныхъ санаторіяхъ»; д-ръ Реневъ «Къ вопросу о значеніи санаторій для профилактики и лѣченія легочной чахотки», проф. Leyden «Ueber Specialkrankenhäuser», см. «Deutsche Medizinal. Zeitung» 1890 г.; проф. Leydeu «Ueber die Versorgung Tuberculöser kranker seitens grosser Städte»; см. рефер. въ «Berlin klinische Wochenschr», 1894 г.; проф. Weber «Лекція о гигіеническомъ и климатич. лѣченіи чахотки»; Daremberg «Лѣченіе легочной чахотки» Барановъ, «О вліяніи занятій на смертность отъ чахотки»; Евг. Тр—нъ «8 мѣсяцевъ въ Халилѣ»; проф. v. Ziemssen «Клиническія лекціи»; проф. Eichhorst «Руководство къ частной патологіи и терапіи»; проф. Strumpell «Учебникъ частной патологіи и терапіи»; проф. Liebermeister «Лекціи по частной патологіи и терапіи»; Koranyi «Легкія, бугорчатка ихъ», см. «Реальная энциклопедія медиц. наукъ» проф. Eulenburg'a и проф. Аѳанасьева, т. 10; проф. Klebs «Бугорчатка», см. тамъ же, т. 2.

I.

Хотя чахотка была предметомъ изслѣдованія еще въ глубокой древности, но прошло много вѣковъ, пока умъ человѣческій проникъ въ сущность этой болѣзни и нашелъ причину, ее обусловливающую. Гиппократъ, давшій обстоятельную картину чахотки, относилъ сюда всѣ случаи нагноенія и изъязвленія легкихъ вслѣдствіе воспалительныхъ процессовъ въ нихъ.

Аретей считалъ скопленіе гноя въ легкомъ за чахотку; хотя такое представленіе о ней указываетъ на крайне смутное понятіе объ этой болѣзни, но данное имъ изображеніе чахоточнаго съ клинической, такъ сказать, точки зрѣнія должно признать классическимъ; вотъ это изображеніе: «голосъ сиплый, шея нѣжная, склоненная на бокъ, пальцы тонкіе, сочлененія же утолщены. Повидимому остались только однѣ кости, мясо исчезло и ногти на пальцахъ загнуты... Носъ заостренъ, скулы выдаются, щеки впалыя, красныя, глаза ушли глубоко въ свои впадины и блестятъ; отъ грудныхъ железъ не осталось и слѣда, ребра такъ явственны, что ихъ не только можно считать, но видны и ихъ сочлененія какъ съ позвоночнымъ столбомъ, такъ и съ грудиной; межреберныя пространства запалыя и представляютъ длинные четыреугольники. Расположеніе къ этой болѣзни имѣютъ люди, которые отличаются нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, грудью, сложенною какъ бы изъ двухъ досокъ, лопатками, выступающими на подобіе крыльевъ, и выдающеюся гортанью».

Уже въ древности настойчиво рекомендовались гигіеническія и діэтетическія мѣры для лѣченія чахотки, уже въ тѣ времена считали чахотку излѣчимой, особенно въ начальныхъ ея стадіяхъ. Предписывалось пребываніе на воздухѣ и притомъ въ климатѣ безъ рѣзкихъ колебаній, морскія путешествія, пребываніе въ сосновомъ лѣсу, молочное лѣченіе и вообще питательная пища. Заразительность чахотки извѣстна была уже въ древности.

Общій застой научнаго развитія въ средніе вѣка отразился, разумѣется, и на интересующемъ насъ вопросѣ.

Въ XVI в. обращено было вниманіе на находимыя часто въ легкихъ чахоточныхъ твердыя узловатыя образованія, которыя обстоятельно описаны были въ XVII в. Sylvius'омъ; онъ описываетъ мелкіе и крупные бугорки, которые считалъ за увеличенныя железы легкихъ, не видимыя въ нормальномъ состояніи; бугорки эти, нагнаиваясь, даютъ язвы, а въ случаѣ обширнаго распространенія ведутъ къ образованію въ легкихъ полостей—пещеръ.

Bonnet и Magnet впервые описываютъ (въ 1700 г.) тотъ мелкій (въ просяное зерно) *бугорокъ*, который является дѣйствительно характернымъ для бугорчатки вообще и легочной, т.-е. чахотки, въ частности.

Дальнѣйшими трудами ученыхъ пролитъ былъ въ XVIII в. до нѣкоторой степени свѣтъ на два аналогичные болѣзненные процесса—чахотку, т.-е бугорчатку (туберкулезъ) легкихъ, и золотуху, при чемъ было выяснено, что мелкіе просовидные бугорки—не увеличенныя железы, а самостоятельныя образованія (что характеризуетъ бугорчатку), увеличенныя же и распадающіяся железы характеризуютъ золотуху; правда, и мелкіе узелки, сливаясь между собою, образуютъ также и крупные узлы.

Болѣе обстоятельно вопросъ этотъ былъ разработанъ въ началѣ настоящаго столѣтія работами Bayl'я и Laennec'а. По ихъ ученію, исходнымъ пунктомъ чахотки служатъ мелкіе *просовидные бугорки*, которые, разростаясь, сливаются въ группы; бугорки эти, сперва плотные, начинаютъ, исходя изъ центра, размягчаться въ гнойную, *творожистую* массу, при чемъ они, сперва сѣрые полупрозрачные, становятся желтыми, и превращеніе это ведетъ къ образованію язвъ и пещеръ (такъ-называемыхъ кавернъ); бугорки эти представляютъ специфическое заболѣваніе, а не являются, какъ прежде думали, слѣдствіемъ воспа-

лительнаго процесса; бугорчатка можетъ поражать не только легкія, но и другіе органы; она представляетъ болѣзнь не исключительно мѣстную, а общую. Золотуха, также ведущая къ *творожистому* перерожденію (лимфатическихъ железъ), тождественна съ бугорчаткой.

Это ученіе, основательно разработавшее вопросъ о туберкулезѣ и отождествившее съ нимъ золотуху, заключало въ себѣ одну слабую сторону, именно—признаніе *творожистыхъ массъ* основнымъ пунктомъ, характеризующимъ бугорчатку и идентичную съ нею золотуху, между тѣмъ какъ эти массы встрѣчаются и при перерожденіи, напр., раковыхъ новообразованій.

Ближе подойти и раскрыть, наконецъ, сущность интересующаго насъ вопроса удалось лишь благодаря микроскопическимъ и въ особенности бактеріологическимъ изслѣдованіямъ. Не считаемъ умѣстнымъ останавливаться здѣсь на тѣхъ обширныхъ трудахъ, которыми выдающіеся ученые нашего вѣка стремились найти сущность бугорчатки, идя по пути отысканія специфической особенности этой болѣзни при *микроскопическомъ* изученіи *строенія бугорка.*

Путь этотъ не привелъ къ желанной цѣли. Она была достигнута лишь, когда изысканія ученыхъ направились по пути *бактеріологіи*, т. е. центръ тяжести былъ перенесенъ на отысканіе причины болѣзни, давно извѣстной за заразную.

Знаменитому германскому ученому, Роберту Коху, одному изъ творцовъ бактеріологіи, удалось, въ 1882 г., открыть истинную причину болѣзни—*бугорчатую палочку*, и такимъ образомъ перенести интересующій насъ вопросъ съ патологоанатомической на этіологическую почву.

Съ этой именно точки зрѣнія вполнѣ установлено, что чахотка и всевозможные виды бугорчатки (будь это пораженіе кожи—такъ-называемая волчанка,—суставовъ, костей, кишекъ, мозговыхъ оболочекъ, брюшины, почекъ и т. п.)—процессы по сущности своей совершенно тождественные, т. е. всѣ они обусловливаются одной и той же причиной—Коховской палочкой. Далѣе, установлено, что золотуха представляетъ лишь разновидность бугорчатки и въ этіологическомъ отношеніи совершенно идентична ей, т. е. золотуха также обусловливается Коховской палочкой, поселяющейся въ лимфатическихъ железахъ и приводящей ихъ въ разрушеніе путемъ превращенія въ творожистыя массы.

Но какія данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что палочки эти не продуктъ увлеченія со стороны ученыхъ людей, а дѣйствительная причина бугорчатки? Вполнѣ убѣдительныхъ доказательствъ на этотъ счетъ имѣется достаточно. Въ общихъ чертахъ они таковы: не говоря уже о внѣшнемъ, довольно характерномъ, видѣ этихъ палочекъ, всегда находимыхъ въ пораженныхъ бугорчаткой органахъ, не говоря уже о разныхъ способахъ, окраски характерныхъ для нихъ, палочки эти можно заставить размножаться внѣ человѣческаго тѣла, для чего стоитъ ихъ перенести на какую-либо извѣстнымъ образомъ приготовленную питательную среду и помѣстить въ теплое мѣсто (37—38° С.), въ такъ называемый термостатъ; при этомъ получаются видимыя невооруженнымъ глазомъ колоніи, уже по внѣшнему своему виду характерныя для туберкулезныхъ палочекъ; наконецъ, прививая эти палочки животнымъ, мы вызываемъ всегда у нихъ заболѣваніе туберкулезомъ же. Болѣе убѣдительныхъ доказательствъ требовать невозможно.

Бациллы Коха подъ микроскопомъ представляются въ видѣ тонкихъ, на концахъ слегка округленныхъ, прямыхъ или слегка изогнутыхъ палочекъ, длиною въ 3—4 микромиллиметра; самостоятельными движеніями онѣ не обладаютъ; характерно отношеніе ихъ къ растворамъ нѣкоторыхъ красящихъ веществъ. Внѣ человѣческаго организма онѣ очень долго сохраняютъ свою способность заражать (такъ называемую вирулентность).

II.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ туберкулезныя палочки проникаютъ въ организмъ человѣка, по какому пути онѣ туда поступаютъ и при какихъ условіяхъ происходитъ заболѣваніе чахоткой.

Чрезвычайно распространенный источникъ для зараженія Коховскими палочками представляютъ *чахоточные больные*: отхаркиваемая ими мокрота содержитъ безчисленное количество туберкулезныхъ палочекъ; если она отхаркивается, какъ это обыкновенно дѣлается, куда попало, а не въ спеціальныя плевательницы, то мокрота эта высыхаетъ и превращается въ пыль и при подметаніи, напримѣръ, или вѣтрѣ носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ содержащимися въ ней бациллами и осѣдаетъ на разные предметы, а заразительныя свойства этихъ бациллъ, какъ извѣстно, сохраняются въ теченіе многихъ недѣль; присутствіе Коховскихъ бациллъ въ пыли доказано многочисленными бактеріологическими изслѣдованіями. Отсюда понятно, какое громадное значеніе имѣетъ соблюденіе необходимыхъ предосторожностей со стороны больныхъ по отношенію къ отхаркиваемой ими мокротѣ. Пыль, содержащая Коховскія палочки, попадая вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ въ дыхательный трактъ здороваго человѣка, обусловливаетъ возможность заболѣванія его чахоткой. Чтобы возможность эта стала совершившимся фактомъ, требуется еще, чтобы бациллы попали на благопріятную для зараженія почву, а такую почву представляетъ, кромѣ другихъ предрасполагающихъ къ заболѣванію условій, катарральное состояніе слизистой оболочки дыхательнаго тракта. Понятно, да и это повседневно наблюдается, что скученность людей при плохой вентиляціи — въ тюрьмахъ, казармахъ, на фабрикахъ, въ школахъ и т. п.—представляетъ благопріятный моментъ для заболѣванія чахоткой. Но все же не слѣдуетъ преувеличивать возможности зараженія отъ чахоточнаго, особенно если онъ соблюдаетъ необходимыя предосторожности, и нѣтъ основаній избѣгать его, какъ прокаженнаго: не говоря уже о моральной несправедливости такого отношенія къ больному, возможность зараженія при общеніи съ нимъ не такъ велика, ибо зараза чахотки не обладаетъ такой летучестью, какъ, напр., зараза сыпного тифа, скарлатины и т. п.

Другой путь для зараженія — *пищеварительный каналъ*; но и здѣсь такъ же, какъ и при зараженіи чрезъ дыхательный трактъ, требуется благопріятная для того почва, въ видѣ, напр., желудочно-кишечнаго катарра; если этого условія нѣтъ на лицо, то бациллы могутъ оказаться безвредными: они погибнутъ въ кисло реагирующемъ желудочномъ сокѣ, они не привьются къ совершенно здоровой слизистой оболочкѣ кишекъ. Возможность зараженія чрезъ желудочно-кишечный каналъ доказана какъ опытами на животныхъ, такъ и наблюденіями надъ людьми: чахоточные, проглатывая выдѣляемую изъ дыхательныхъ путей мокроту, получаютъ туберкулезное пораженіе кишекъ.

Зараза поступаетъ въ кишечникъ обыкновенно вмѣстѣ съ проглатываемой пищей, и на первомъ планѣ здѣсь стоитъ *мясо* и *молоко*. Вполнѣ установлено, что такъ называемая *жемчужная болѣзнь* рогатаго скота тождественна съ бугорчаткою человѣка и что мясо и, въ особенности, органы (печень, почки и т. п.) такихъ больныхъ животныхъ содержатъ безчисленное количество Коховскихъ бациллъ; употребленіе въ пищу такого мяса, недостаточно прожареннаго во внутреннихъ своихъ частяхъ, можетъ обусловить пораженіе бугорчаткой. Далѣе, молоко животныхъ, имѣющихъ на вымени узлы жемчужной болѣзни или даже при здоровомъ вымени, но одержимыхъ жемчужной болѣзью, будучи употребляемо въ сыромъ видѣ, представляетъ источникъ для зараженія.

Какъ было упомянуто уже, для заболѣванія бугорчаткой, кромѣ проникновенія Коховской палочки въ нашъ организмъ, требуется еще извѣстный плюсъ, т. е. нужны условія, *предрасполагающія* къ этому заболѣванію. На

первомъ планѣ стоитъ здѣсь *наслѣдственность*. Какъ понимать въ данномъ случаѣ роль этого фактора, передается ли сама болѣзнь или лишь предрасположеніе къ ней? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно въ настоящее время такимъ образомъ: сама болѣзнь можетъ быть унаслѣдована, но это бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, предрасположеніе же къ заболѣванію обыкновенно дѣти всегда унаслѣдуютъ отъ чахоточныхъ родителей. Но все же наслѣдственная передача *самой болѣзни* представляетъ явленіе исключительное, передача же *предрасположенія* къ заболѣванію—явленіе обычное. Бо́льшую роль въ вопросѣ о наслѣдственности играетъ болѣзнь матери, нежели отца, но дѣло еще болѣе ухудшается въ случаѣ болѣзни обоихъ родителей.

Въ чемъ же выражаются унаслѣдованныя особенности, предрасполагающія къ заболѣванію чахоткой? Особенности эти замѣчаются въ самомъ тѣлосложеніи такого субъекта, въ такъ-называемомъ *habitus phtisicus* (чахоточное тѣлосложеніе), которое наблюдается у лицъ, предрасположенныхъ къ чахоткѣ, и которое особенно рѣзкой степени достигаетъ у лицъ, уже одержимыхъ этой болѣзнью. Туловище при habitus phtisicus слишкомъ развито въ длину и мало въ ширину; кожа тонкая съ слабо развитымъ подкожнымъ жиромъ, мускулатура вялая, шея тонкая, длинная, такіе же конечности и пальцы. Особенно характерно строеніе грудной клѣтки: она длинна, узка, плоска (т. е. слабо развита въ передне-заднемъ размѣрѣ), ребра отстоятъ далеко другъ отъ друга, ключицы рѣзко выдаются впередъ, а лопатки выступаютъ надъ грудной клѣткой въ видѣ крыльевъ. Такія лица вообще отличаются хилостью, самой незначительной сопротивляемостью разнымъ вреднымъ вліяніямъ—какая-нибудь ничтожная царапина у нихъ съ трудомъ заживаетъ, съ ранняго дѣтства они страдаютъ всевозможными катаррами, сыпями, опухолями лимфатическихъ железъ золотушнаго характера. Достигнувъ періода зрѣлости, такія лица часто становятся жертвами чахотки.

Если обратимся теперь къ обзору предрасполагающихъ къ чахоткѣ причинъ, встрѣчающихся на жизненномъ пути человѣка, то увидимъ, что ихъ имѣется не малое количество. Еще задолго до открытія Коховской палочки огромное значеніе придавали *«испорченному воздуху»*; дѣйствительно, систематическое пребываніе въ воздухѣ, загрязненномъ всевозможными органическими и неорганическими веществами, бѣдномъ кислородомъ, богатомъ углекислотой, оказывая вредное вліяніе на общее питаніе человѣка и вызывая катарры дыхательныхъ путей, подготовляетъ благопріятную почву для заболѣванія чахоткой. Отсюда понятно, какую важную роль въ данномъ вопросѣ играетъ скученность людей и на ряду съ этимъ плохая вентиляція, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ среди бѣднаго люда, какъ это мы видимъ на фабрикахъ, въ казармахъ, тюрьмахъ, школахъ и т. п.; особенно часто заболѣванія чахоткой встрѣчаются среди лицъ извѣстныхъ профессій, которыя проводятъ время въ атмосферѣ, переполненной пылью,—минеральной, растительной, животной,—среди наборщиковъ, пильщиковъ, рабочихъ табачныхъ фабрикъ и т. п.

Продолжительныя, *истощающія организмъ*, *болѣзни*, особенно сопровождающіяся заболѣваніемъ дыхательныхъ органовъ, *простуда*, глубокія *душевныя потрясенія*—все это моменты, предрасполагающіе къ заболѣванію чахоткой.

Наичаще болѣзнь эта поражаетъ лицъ въ возрастѣ между 15 и 30 годами; въ дѣтскомъ возрастѣ она встрѣчается сравнительно рѣдко, слѣдовательно, извѣстный *возрастъ* является также предрасполагающимъ условіемъ къ заболѣванію чахоткой.

Полъ существенной роли въ данномъ вопросѣ не играетъ.

Климатъ также имѣетъ значеніе предрасполагающаго момента, именно влажный климатъ съ рѣзкими температурными колебаніями и вѣтрами благопріятствуетъ заболѣванію чахоткой, обратное значеніе имѣетъ сухой равномѣрный климатъ. Что касается *расположенія мѣстности надъ уровнемъ моря*, то

можно отмѣтить, что чахотка въ Европѣ преимущественно распространена въ мѣстностяхъ, расположенныхъ между 500 и 1.200 метрами надъ уровнемъ моря, въ болѣе высоко лежащихъ мѣстностяхъ она встрѣчается гораздо рѣже; возможно, что въ данномъ случаѣ играетъ роль большая или меньшая густота населенія.

III.

Ознакомимся со степенью распространенности чахотки; для сужденія объ этомъ вопросѣ разсмотримъ статистическія данныя смертности отъ чахотки и обратимъ затѣмъ вниманіе на то, что значительный процентъ умершихъ отъ другихъ болѣзней одержимъ былъ также и чахоткой.

Смертность отъ чахотки составляетъ *седьмую часть* умирающихъ отъ всѣхъ болѣзней вообще; опустошенія, производимыя такими народными бѣдствіями, какъ холера, чума, война, поглощаютъ несравненно меньше человѣческихъ жертвъ, чѣмъ чахотка.

Въ одной лишь Европѣ, по разсчету Cornet'a, болѣзнь эта ежегодно уноситъ въ могилу милліонъ человѣкъ *), т. е. до 3.000 ежедневно.

Чтобы провести параллель между смертностью отъ чахотки и отъ холеры, укажемъ на то, что въ Пруссіи умерло въ теченіе 40 лѣтъ (отъ 1831 до 1870 г.) отъ холеры 343.953 человѣка, а отъ чахотки тамъ же за этотъ періодъ времени умерло болѣе $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ.

Чтобы дать представленіе о смертности отъ чахотки въ различныхъ государствахъ, приводимъ таблицу, въ которой указано число умершихъ отъ чахотки въ 1886 г. на каждыя 10.000 жителей:

Италія.	Англія и Франція.	Австрія.	Австрія. Большіе города.
25,54.	21,09.	38,39.	72,0.
Германія. Большіе города.	**Пруссія.**	**Испанія.**	**Испанія. Большіе города.**
34,04.	30,88.	12,32.	29,19.
Швейцарія.	**Данія.**	**Бельгія.**	**Бельгія. Большіе города.**
27,14.	29,19.	30,48.	35,11.
Голландія.	**Швейцарія. Большіе города.**	**Спб.—среднее за года 1886—1891.**	**Москва—среднее за года 1880—1889.**
19,73.	31,61.	47,1.	42,75.

Приведенная таблица наглядно указываетъ намъ, какъ рѣзко увеличивается смертность отъ чахотки въ зависимости отъ скученности людей, несмотря на

*) Цифровыя данныя приводимъ изъ указанной выше работы д-ра Ренева.

тождественность климата и географическаго положенія; такъ, смертность въ Австріи вообще отъ чахотки 38,39 на 10.000 жителей, а въ ея большихъ городахъ уже 72,0; въ Испаніи вообще 12,32, а въ ея большихъ городахъ—29,19.

Какую громадную роль въ вопросѣ о распространеніи чахотки играетъ густота населенія, видно еще изъ такихъ, напримѣръ, цифровыхъ данныхъ: въ Пруссіи мѣстности, имѣющія болѣе 120 жителей на квадратный километръ, даютъ ежегодно 48,4 смертныхъ случая отъ чахотки на 10.000 человѣкъ, мѣстности съ 60—120 жителями лишь 31,0, а съ населеніемъ менѣе 60 жителей на 1 квадратный километръ—всего лишь 25,7 смертныхъ случая въ годъ отъ чахотки на каждыя 10.000 населенія. Статистическія данныя всѣхъ государствъ подтверждаютъ фактъ увеличенія смертности отъ чахотки въ зависимости отъ густоты населенія.

Что касается высоты мѣстности надъ уровнемъ моря, то это обстоятельство существенной роли въ вопросѣ о распространенности чахотки не играетъ; правда, въ мѣстностяхъ, высоко расположенныхъ надъ уровнемъ моря, болѣзнь эта менѣе распространена, чѣмъ нижележащихъ, но обстоятельство это, главнымъ образомъ, стоитъ въ зависимости отъ обычной меньшей густоты населенія въ высокорасположенныхъ мѣстностяхъ и меньшей распространенности тамъ фабрикъ; такъ, напр., смертность отъ чахотки больше въ Колорадо (6.500 фут. н. у. м.), чѣмъ въ Монтанѣ (4.500 фунт. н. у. м.), гдѣ густота населенія меньшая.

За критерій для сужденія о распространенности чахотки мы приняли число умирающихъ ежегодно отъ этой болѣзни и видѣли, что оно составляетъ для одной лишь Европы милліонъ человѣкъ. Но для правильнаго сужденія о распространенности чахотки слѣдуетъ число это весьма значительно увеличить, ибо среди умирающихъ отъ другихъ болѣзней вскрытія обнаруживаютъ весьма большой процентъ лицъ, страдавшихъ чахоткой, но вполнѣ или относительно выздоровѣвшихъ отъ этого недуга. Мы видимъ, слѣдовательно, что мнѣніе, распространенное въ публикѣ, о неизлѣчимости чахотки совершенно ошибочно: въ томъ убѣждаютъ насъ какъ клиническія наблюденія, по которымъ нерѣдко лица съ вполнѣ выраженнымъ туберкулезнымъ пораженіемъ легкихъ и Ковскими бациллами въ нихъ совершенно оправляются отъ своего недуга, такъ и патолого-анатомическія данныя, обнаруживающія вполнѣ зажившія, путемъ образованія соединительной ткани, каверны, или же остаются незначительные творожистые участки, но совершенно замкнутые плотной соединительно-тканной капсулой, дѣлающей ихъ безвредными для организма.

Вотъ факты, подтверждающіе высказанную мысль: проф. Coats сообщилъ о 131 вскрытіи, произведенномъ имъ подъ рядъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ, при чемъ въ 28 случаяхъ причиной смерти была бугорчатка; изъ остальныхъ же 103 случаевъ смерти отъ другихъ болѣзней въ 24 случаяхъ (т. е. около 23%) обнаружены несомнѣнные признаки излѣчившейся бугорчатки и при томъ въ 20 случаяхъ изъ нихъ—бугорчатки легкихъ,

Проф. Fwoler сообщилъ о 1.943 вскрытіяхъ, при чемъ въ 9% изъ нихъ обнаружены вполнѣ зажившія бугорчатыя пораженія легкихъ. Другіе авторы сообщаютъ о найденныхъ ими при вскрытіи слѣдахъ излѣчившейся чахотки въ 25—50% всѣхъ случаевъ смерти отъ разныхъ болѣзней.

Кромѣ выставленныхъ нами въ эпиграфѣ словъ Brehmer'a, позволимъ себѣ привести здѣсь еще слова двухъ авторитетныхъ ученыхъ—Laennec'a и Carswell'я; первый говоритъ: «Множество фактовъ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ больной можетъ выздоровѣть даже послѣ того, какъ у него, вслѣдствіе размягченія туберкулъ, образовались въ легкихъ каверны». Carswell говоритъ: «Патологическая анатомія, можетъ быть, никогда еще не представила болѣе очевидныхъ доказательствъ въ пользу излѣчимости какой нибудь болѣзни, какъ именно относительно излѣчимости бугорчатой чахотки».

IV.

Какъ мы видѣли, для заболѣванія чахоткой недостаточно поступленія Коховскихъ бациллъ въ организмъ,—требуются еще благопріятныя для ихъ развитія тамъ условія, заключающіяся въ пониженной сопротивляемости тканей и органовъ; что заболѣвшій организмъ ведетъ сложную борьбу за свое существованіе, не рѣдко вполнѣ успѣшную. Но для успѣха требуется особенная энергія, повышенная жизнедѣятельность клѣточекъ организма, а она-то именно и достигается гигіено-діэтетическимъ методомъ лѣченія; этотъ методъ всецѣло сохранитъ свое значеніе и въ томъ случаѣ, когда удастся найти дѣйствительно цѣлительный туберкулинъ, ибо недостаточно убить заразу—Коховскія палочки, организму необходимо еще справиться съ тѣми разрушеніями, которыя онѣ обусловили въ немъ.

Систематически этотъ именно гигіено-діэтетическій методъ проводится въ загородныхъ спеціальныхъ лѣчебницахъ для чахоточныхъ, въ такъ-называемыхъ *санаторіяхъ*.

Если устройство такихъ санаторій ведетъ свое начало лишь съ 1859 г., то отдѣльныя мысли, положенныя въ основу систематически проводимаго гигіено-діэтетическаго метода лѣченія чахотки, относятся еще къ глубокой древности, къ временамъ Гиппократа, Галена и др.: уже они указывали на важную роль въ лѣченіи чахотки чистаго воздуха, умѣреннаго климата, морскихъ путешествій, питательной пищи.

Современный *гигіено-діэтетическій* методъ развился собственно изъ климатотерапіи; эта послѣдняя предписывала больнымъ пребываніе на югѣ, въ мѣстности съ мягкимъ, теплымъ климатомъ; затѣмъ стали придавать громадное значеніе гористымъ мѣстностямъ, съ меньшимъ барометрическимъ давленіемъ; но климатотерапія, какъ исключительный факторъ, не могла дать достаточно утѣшительныхъ результатовъ; достигнуть этого удалось лишь совокупностью мѣръ, примѣняемыхъ гигіено-діэтетическимъ методомъ, да и благодаря ему вопросъ о лѣченіи чахотки сталъ, что́ конечно, чрезвычайно важно, не классовымъ, а общечеловѣческимъ, ибо нѣтъ необходимости въ дорого стоющихъ путешествіяхъ въ чужія страны, что доступно лишь богатымъ,—успѣшное лѣченіе оказывается возможнымъ въ мѣстности постояннаго жительства больного.

Основаніе современному методу лѣченія чахотки положено было трудами Bennet'a, Brehmer'a, далѣе разработанъ и расширенъ этотъ методъ Dettweiler'омъ.

Bennet говорилъ; «съ теоретической стороны значеніе чистаго воздуха признается врачами всѣхъ странъ, но на практикѣ имъ почти всегда пренебрегаютъ. Большинство больныхъ спитъ въ атмосферѣ на столько испорченной дыханіемъ и продуктами обмѣна веществъ, что кровь положительно отравляется. Въ то время, какъ больныя легкія требуютъ самаго чистаго воздуха, двери и окна закрываются подъ предлогомъ опасенія простуды. Больные задыхаются и, чтобы ихъ облегчить, имъ даютъ опій вмѣсто того, чтобы открывать окна. Больные должны жить день и ночь въ атмосферѣ, чистота которой поддерживается токомъ воздуха, идущимъ черезъ комнату отъ болѣе или менѣе широко открытаго окна къ открытому камину».

Brehmer положилъ въ основу лѣченія чахотки постоянное пребываніе на открытомъ воздухѣ, физическія упражненія, гидротерапію (лѣченіе водой) и питательную разнообразную пищу.

Эти-то принципы легли въ основу тщательно систематизированнаго метода лѣченія чахотки въ санаторіи, впервые открытой Brehmer'омъ въ 1859 г. въ мѣстечкѣ Gœrbersdorf'ѣ, въ Силезіи. Успѣшное лѣченіе въ этой санаторіи послужило толчкомъ къ распространенію санаторій въ Германіи, такъ что въ 70-хъ годахъ въ одномъ Герберсдорфѣ было уже 3 санаторіи, которыя и въ настоящее время весьма успѣшно функціонируютъ.

Вотъ что говоритъ проф. Flügge о Герберсдорфѣ: «Я хорошо помню то время— я былъ тогда еще юношей, когда возвратились въ Ганноверъ первые чахоточные, излѣченные отъ болѣзни въ Герберсдорфѣ, и ту сенсацію, которую это произвело во всемъ городѣ! Нѣкоторыхъ я зналъ и прежде, а потомъ впродолженіи десятковъ лѣтъ могъ убѣдиться дѣйствительно въ ихъ полномъ излѣченіи. Почти ежегодно они собирались въ Герберсдорфѣ на нѣсколько недѣль, желая снова увидѣть тѣ мѣста и тѣхъ людей, которымъ они обязаны своимъ выздоровленіемъ. Со многими я дѣлалъ прогулки, взбирался на горы, далеко за предѣлами санаторіи, и мнѣ очень часто становилось трудно—мнѣ, человѣку здоровому и привычному къ ходьбѣ по горамъ, поспѣвать за бывшимъ нѣкогда чахоточнымъ. Я съ удивленіемъ слушалъ ихъ воспоминанія о томъ, какъ нѣкогда они прибыли въ Герберсдорфъ, истощенные обильными кровохарканьями, лихорадками и потами, должны были мѣсяцы провести въ постели, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, они начинали ходить, сначала по ближайшимъ частямъ парка, затѣмъ все дальше и дальше, чтобы въ концѣ концовъ выздоровѣть окончательно».

Такова характеристика результатовъ лѣченія въ Бремеровской санаторіи со стороны такого авторитета, какъ проф. Flügge.

Вотъ внѣшняя сторона санаторіи Brehmer'a (принадлежащей въ настоящее время его наслѣдникамъ): она состоитъ изъ двухъ кургаузовъ и трехъ виллъ расположенныхъ въ паркѣ; они окружены глубокими канавами, принимающими въ себя воду, стекающую по склону горы. Главное зданіе трехъэтажное, въ новоготическомъ стилѣ, выстроено по павильонной системѣ; предъ главнымъ фасадомъ—открытое мѣсто и прудъ, питаемый громаднымъ фонтаномъ. Западнѣе расположенъ такъ называемый старый кургаузъ съ 40 комнатами для больныхъ, а къ востоку отъ него новый съ 68 комнатами. Здѣсь же 2 зимнихъ сада, которые соединяетъ огромный залъ, служащій лѣтомъ столовой, а зимой читальней.

Имѣются всѣ необходимыя приспособленія для гидротерапіи—ванны, души и т. п. Къ услугамъ больныхъ подъемная машина. Комнаты высокія (4—5 метровъ), просторныя, разной величины, предназначенныя для одного или двухъ больныхъ. Мебель деревянная лакированная (удобная для дезинфекціи), изящная. Окна достаточно велики, форточекъ нѣтъ, а вентиляція производится посредствомъ открыванія отверстій, находящихся вверху стѣнъ и одновременнаго открыванія печныхъ трубъ, благодаря чему воздухъ обмѣнивается до трехъ разъ въ часъ. Отопленіе кафельными печами, а въ новомъ кургаузѣ грѣтымъ воздухомъ. Имѣются приспособленія для увлажненія воздуха, которыя лѣтомъ вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для охлажденія его.

Каждая комната, предъ занятіемъ ея новымъ паціентомъ, а также постель, матрацъ, бѣлье—обеззараживаются.

Въ каждой комнатѣ и корридорахъ размѣщены плевательницы, наполненныя влажными древесными опилками, онѣ вымываются дважды въ день кипяткомъ; всюду объявленія, приглашающія не плевать на землю, въ платокъ и т. п., и каждый паціентъ снабжается особо приспособленной карманной плевательницей (Деттвейлера—фляжка съ широкимъ горлышкомъ).

Водоснабженіе водопроводное посредствомъ естественнаго давленія изъ источника на горѣ. Благодаря этому водопроводу, имѣется фонтанъ въ читальномъ залѣ, устроенъ водяной вентиляторъ и охладительные аппараты въ обѣденномъ залѣ, благодаря чему при 180 обѣдающихъ и при наружной температурѣ въ 24° R. въ залѣ не болѣе 15° R.

Клозеты—автоматически дѣйствующіе, торфяные; удаленіе нечистотъ ежедневное, по бочечной системѣ.

Санаторія располагаетъ собственной молочной фермой; въ ней готовится, между прочимъ, кумысъ.

При санаторіи имѣется также химическая и бактеріологическая лабораторія и метеорологическая обсерваторія.

Вотъ какъ изображаетъ Герберсдорфъ проф. Flügge: «Герберсдорфъ представляетъ выдающуюся по красотѣ природы горную долину, открывающуюся передъ глазами путешественника сразу послѣ поворота въ нее съ большой дороги. Долина ограничена цѣпью горъ, густо поросшихъ лѣсомъ. Ароматный воздухъ, напоенный смолистыми испареніями хвойныхъ лѣсовъ, возбуждаетъ глубокія вдыханія, а мирная тишина окружающей природы заставляетъ углубляться въ самого себя... Больной, попавъ сюда прямо изъ пыльнаго и шумнаго города, чувствуетъ себя освѣженнымъ и наполненнымъ надеждой на то, что именно здѣсь, въ этомъ чудномъ уголкѣ, онъ найдетъ исцѣленіе своихъ страданій. Паркъ тянется на 110 гектаровъ, густой многолѣтній лѣсъ смѣняется, по временамъ, лужайками и съ каждымъ шагомъ измѣняется прелестный видъ на долину, на лежащіе напротивъ склоны горъ и снѣжныя вершины Riesengebierge. Но вотъ путника охватываетъ прохлада и сумракъ густого сосноваго лѣса, мохъ покрываетъ почву, журчащій потокъ стремится внизъ, еще нѣсколько шаговъ—и мы на полянѣ, залитой солнцемъ, съ искусственной террасы открывается очаровательный видъ, а дальше громадный буковый лѣсъ въ перемежку съ сосновымъ... Всюду видна рука человѣка, желавшаго естественную красоту природы сдѣлать еще лучше: насажено много деревьевъ, а съ другой стороны, чтобы сдѣлать просвѣты, много срублено. Группы кониферовъ украшаютъ лужайки, тамъ и сямъ виднѣются статуи и искуственные гроты; изгородь отдѣляетъ мѣсто, гдѣ пасутся олени, далѣе прудъ, наполненный рыбой».

Другая санаторія въ Герберсдорфѣ графини Pückler, находящаяся въ вѣдѣніи д-ра Weicker'а. Она находится на высотѣ 560 метровъ надъ уровнемъ моря, окружена лѣсомъ, въ немъ имѣются павильоны, аллеи и т. п. Санаторія эта заключаетъ въ себѣ всего 30 комнатъ для больныхъ, обѣденный залъ и залъ для общихъ собраній. Расширенія санаторіи д-ръ Weicker, вполнѣ резонно, не желаетъ: такія учрежденія не должны носить характера казармъ, хотя бы и комфортабельныхъ.

Санаторія эта предназначена для людей мало имущихъ; врачъ живетъ въ кургаузѣ и всегда вращается въ кругу своихъ паціентовъ, участвуя вмѣстѣ съ ними въ табль-д'отѣ.

Лѣченіе заключается въ систематическомъ пользованіи горнымъ климатомъ, упражненіи въ дыханіи, прогулкахъ съ поднятіями на гору, а также и въ лежаніи на чистомъ воздухѣ, въ ваннахъ, завертываніяхъ, растираніяхъ, массажѣ и строго разсчитанномъ пищевомъ режимѣ. Обращается также тщательное вниманіе, такъ сказать, на воспитаніе больного: назначеніе санаторіи не только добиться излѣченія болѣзни, но и пріучить больного ко всѣмъ тѣмъ частностямъ различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ въ санаторіяхъ, которыми больной долженъ руководствоваться въ своемъ обычномъ обиходѣ у себя на дому, и явиться вмѣстѣ съ тѣмъ популяризаторомъ этихъ пріемовъ среди окружающихъ его; санаторія, слѣдовательно, является не только лѣчебнымъ учрежденіемъ, но—да будетъ позволено такъ выразиться — и разсадникомъ просвѣщенія. Какъ обращаться съ отхаркиваемой мокротой, какъ ходить, какъ заниматься, какъ питаться, какъ дышать и т. п.—все это вопросы, которые усваиваются только болѣе или менѣе продолжительнымъ практическимъ навыкомъ.

О третьей санаторіи Герберсдорфа упомянемъ лишь, что она разсчитана на 100 человѣкъ и принадлежитъ д-ру Roempler'у.

Въ 1876 г., по иниціативѣ д-ра Dettweiler'а, открыта была санаторія въ Falkenstein'ѣ. Въ дополненіе къ методу Brehmer'а, Dettweiler ввелъ и разра-

боталъ методъ, такъ называемый Liegekur, — лежанія на открытомъ воздухѣ, для крайне слабыхъ, лихорадящихъ больныхъ. Особенно велика заслуга Dettweiler'а въ томъ, что онъ, благодаря введеннымъ имъ пріемамъ, сдѣлалъ удобоосуществимымъ гигіено-діэтетическій методъ во всякомъ климатѣ, и тѣмъ самымъ далъ основаніе для возникновенія и распространенія *народныхъ* санаторій, причемъ заслуга открытія первой такой народной санаторіи принадлежитъ ему; въ честь его и Бремера современный гигіено-діэтетическій методъ лѣченія чахотки въ санаторіяхъ, который въ общихъ чертахъ мы опишемъ ниже, названъ *Бремеръ-Деттвейлеровскимъ методомъ*.

Возвращаясь къ санаторіи въ Falkenstein'ѣ, отмѣтимъ лишь, что устройство ея образцовое, директоромъ ея состоитъ Dettweiler, принадлежитъ она акціонерному обществу, при чемъ весь доходъ отъ нея, превышающій 5%, идетъ въ капиталъ для несостоятельныхъ чахоточныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ появился въ Германіи цѣлый рядъ частныхъ санаторій для состоятельныхъ людей.

Но уже съ 70-хъ годовъ началась въ Германіи пропаганда со стороны выдающихся спеціалистовъ, въ литературѣ, ученыхъ обществахъ и съѣздахъ, въ пользу устройства народныхъ санаторій, для неимущихъ больныхъ; отмѣчался фактъ совершенной непригодности существующихъ теперь общихъ больницъ для лѣченія чахоточныхъ, помѣщеніе въ эти больницы подобныхъ больныхъ проф. Niemeyer называетъ «einsargen» (помѣщеніемъ въ гробъ), а средствъ между тѣмъ на это безполезное лѣченіе тратится масса, если принять во вниманіе, что въ одномъ лишь Берлинѣ было въ больницахъ въ 1887 году, напримѣръ, 3.426 чахоточныхъ.

Результатомъ этого движенія было появленіе санаторій для неимущихъ. Первая подобная санаторія въ Германіи, да и вообще въ Европѣ, возникла въ 1892 г.. также въ Falkenstein'ѣ (кромѣ описанной выше), она въ вѣдѣніи Dettweiler'а. Хотя устройство ея болѣе простое, чѣмъ описанной выше акціонерной санаторіи, но все же она располагаетъ всѣми необходимыми удобствами и приспособленіями для лѣченія по Бремеръ-Деттвейлеровскому методу. Расположена она въ прекрасномъ, возвышенномъ мѣстѣ; зданіе трехъ-этажное съ мансардами состоитъ изъ 21 комнаты съ 28 кроватями, большого обѣденнаго зала, балкона и помѣщеній для служебнаго персонала; имѣется зимній садъ, примыкающій къ крытой галлереѣ (Liegehalle), приспособленной для лежанія на открытомъ воздухѣ, и все необходимое для гидротерапіи—ванны, души и т. п.; обращается тщательное вниманіе на то, чтобы пища была вкусной и питательной. Спросъ на мѣста въ этой санаторіи, разумѣется, громадный; съ членовъ больничныхъ кассъ взимается по 2 марки въ день, а съ не состоящихъ членами по 2½ марки; въ среднемъ продолжительность лѣченія здѣсь составляетъ 70 дней; успѣшность лѣченія весьма утѣшительная.

Благодаря энергичной агитаціи проф. Leyden'а, построена санаторія для неимущаго населенія Берлина на 96 больныхъ, стоимостью въ 244.600 марокъ, въ имѣніи Malchow'ѣ и предполагается еще устройство отдѣленія ея въ Gütergotz'ѣ на 20 больныхъ. Благодаря все тому же, очень живо относящемуся къ вопросу о санаторіяхъ для малоимущихъ проф. Leyden'у, составилось общество съ цѣлью устройства санаторій для интеллигентныхъ тружениковъ (учителя, ученые, писатели, художники и т. п.); общество это ассигновало 600.000 марокъ на устройство такой санаторіи вблизи Берлина; продолжительность лѣченія предполагается 3—4 мѣсяца; принимать будутъ больныхъ съ начальными формами чахотки.

Далѣе, берлинскія страховыя общества на случай старости или неспособности къ труду озабочены въ настоящее время устройствомъ обширной санаторіи для чахоточныхъ, что на пути уже къ осуществленію.

Упомянемъ еще, что на пожертвованія гражданъ города Бремена открыта въ 1893 г. санаторія на 30 человѣкъ; за пребываніе тамъ члены рабочихъ кассъ платятъ въ день $1^1/_2$ марки, прочіе же—по $2^1/_2$ марки; каждый больной обходится въ 2,17 марки въ день. Эта цифра весьма поучительна: она показываетъ, что даже при такомъ маломъ общемъ числѣ больныхъ, какъ 30 человѣкъ, каждый обходится почти не дороже того, что стоитъ содержаніе больного въ обыкновенной больницѣ, да это и вполнѣ естественно: воздухъ, вода, пища—все это вовсе не дорогія средства, но вся суть санаторіи въ томъ, чтобы умѣло систематизировать пользованіе ими.

Не будемъ долѣе останавливаться на возникшихъ уже или строющихся еще въ разныхъ мѣстахъ Германіи народныхъ санаторіяхъ; скажемъ лишь, что въ движеніи этомъ принимаютъ очень живое участіе ученыя общества съ такими авторитетами во главѣ, какъ проф. Ziemssen, Leyden, Leube и пр., высшіе представители правительства, какъ король Саксонскій, принцъ Людвигъ Баварскій и др., далѣе—страховыя общества, многія спеціально возникшія для устройства народныхъ санаторій благотворительныя общества.

Не останавливаясь подробно на положеніи вопроса о санаторіяхъ въ другихъ странахъ, отмѣтимъ лишь наиболѣе существенное.

Во *Франціи* въ концѣ 70-хъ годовъ была открыта въ Argeles'ской долинѣ санаторія для дѣвочекъ отъ 5 до 12 лѣтъ, страдающихъ начальными формами чахотки.

Давно уже имѣется во Франціи нѣсколько больницъ, построенныхъ на морскомъ берегу для лѣченія туберкулезныхъ вообще (но не чахоточныхъ) и золотушныхъ заболѣваній.

Въ 1890 г. впервые была открыта во Франціи, въ Vernet, санаторія для чахоточныхъ по образцу нѣмецкихъ санаторій.

Парижское городское управленіе, устроило санаторію въ Angicourt'ѣ, въ прекрасной мѣстности, окруженной лѣсомъ; израсходовано на нее 800.000 франковъ.

Далѣе, въ Парижѣ возникло общество для постройки санаторій во Франціи, во главѣ котораго стоялъ покойный проф. Verneil; рѣшено пока устроить три санаторіи и приступлено уже къ осуществленію этого рѣшенія.

Что касается *Англіи*, то она въ дѣлѣ лѣченія чахоточныхъ сдѣлала очень много и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало. Уже въ началѣ настоящаго столѣтія тамъ стали возникать спеціальныя больницы для чахоточныхъ; число ихъ постепенно расло, такъ что въ настоящее время въ спеціальныхъ госпиталяхъ для чахоточныхъ лѣчится 7.000 больныхъ; правда, устройство этихъ госпиталей хорошее, вентиляція прекрасная, но онѣ устроены въ чертѣ города, и потому надлежащее проведеніе въ нихъ Бремеръ-Деттвейлеровскаго метода не выполнимо.

Всѣ необходимыя для этого метода приспособленія, имѣются лишь въ Эдинбургской загородной санаторіи и въ больницѣ на островѣ Уайтѣ.

Въ *Швейцаріи* въ 1893 г. возникъ общешвейцарскій союзъ для борьбы съ чахоткой (Verein zur Bekämpfung der Lungenschwindsucht), ведущій энергичную пропаганду идеи необходимости санаторій и собирающій для этой цѣли громадныя средства; всѣ кантоны относятся съ живымъ интересомъ къ устройству народныхъ санаторій.

Въ Австріи въ 1892 г. возникло, благодаря энергичной дѣятельности проф. Schrötter'a, общество, для устройства санатарій для чахоточныхъ города Вѣны, имени императрицы Маріи-Терезіи; общество это собрало уже свыше 200.000 гульденовъ, а вѣнскій богачъ Rotschild пожертвовалъ для устройства санаторіи прекрасное имѣніе возлѣ Reichenau.

Въ другихъ государствахъ Европы (Бельгіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи) мы видимъ такое же движеніе въ пользу устройства народныхъ санаторій.

Что касается *Америки*, то тамъ уже съ 1884 года стали возникать санаторіи для неимущихъ, и число ихъ постепенно растетъ.

Если обратимся къ *Россіи*, то увидимъ, что и она осталась не совсѣмъ чуждой общему движенію, хотя, къ сожалѣнію, какихъ-либо серьезныхъ проявленій общественной самодѣятельности въ вопросѣ объ устройствѣ санаторій для неимущихъ почти еще нѣтъ. Въ 1889 г. была устроена санаторія для чахоточныхъ д-ромъ Дитманомъ въ Финляндіи возлѣ озера Халила, отъ котораго и получила свое названіе (въ 4-хъ часахъ ѣзды отъ Петербурга—$2^1/_2$ часа по Финляндской желѣзной дорогѣ до станціи Новая Кирка и затѣмъ 17 верстъ лошадьми); расположена она въ живописной мѣстности, среди сосноваго лѣса, на высотѣ 28 саженъ надъ уровнемъ моря. Основана она съ цѣлью дать возможность груднымъ больнымъ лѣчиться круглый годъ неподалеку отъ мѣста ихъ постояннаго жительства; но, какъ частное предпріятіе, она не могла удержаться, и спустя 2 года была закрыта.

Въ началѣ 1892 г. она была пріобрѣтена покойнымъ государемъ. Будучи заново отдѣлана, она представляетъ прекрасное лѣчебное заведеніе, вполнѣ приспособленное къ детальному проведенію Бремеръ-Деттвейлеровскаго метода лѣченія.

Санаторія «Халила», по описанію д-ра Габриловича, расположена на высотѣ 28 саженъ надъ уровнемъ моря, на здоровой почвѣ (состоящей изъ гравія съ порозной подпочвой, безъ органическихъ веществъ, безъ глины) и съ трехъ сторонъ окружена хвойными лѣсами, а южная ея сторона обращена къ живописному озеру «Халила». Главное зданіе ея, изъ сосноваго лѣса на гранитномъ фундаментѣ, двухъ-этажное и состоитъ изъ 34 комнатъ и просторныхъ корридоровъ. Комнаты просторныя, высокія, свѣтлыя и удобовентилируемыя (въ каждой комнатѣ отдѣльная печь и вентиляторъ); кромѣ этихъ отдѣльныхъ номеровъ, имѣется общая столовая, залъ для чтенія и музыки и билліардная. На переднемъ фасадѣ въ нижнемъ этажѣ большой открытый балконъ, а въ верхнемъ обширный (11 саженъ длиною и 2 сажени шириною) закрытый стекломъ балконъ, гдѣ возможны прогулки въ ненастную погоду. Вдоль южнаго фасада имѣется обширная веранда (такъ называемая Liegehalle), съ трехъ сторонъ защищенная и открытая лишь съ южной стороны; болѣе слабые и лихорадящіе больные, лежа на кушеткахъ, проводятъ здѣсь цѣлые дни, пользуясь совершенно чистымъ воздухомъ (Dauerluftcur). Вся мебель санаторіи, стѣны ея и потолки, представляя собой лакированное дерево, весьма удобны для тщательной дезинфекціи. Кромѣ упомянутыхъ комнатъ, въ главномъ зданіи имѣется еще ванная съ душемъ, запасныя комнаты и помѣщеніе для администраціи санаторіи. Отдѣльно отъ главнаго зданія расположена бактеріологическая лабораторія и медицинскій кабинетъ, почтовое отдѣленіе, церковь и домъ для причта и посѣтителей, пріѣзжающихъ навѣстить паціентовъ. Санаторія снабжается хорошей водой посредствомъ водопровода изъ 4 грунтовыхъ колодцевъ. Освѣщеніе—электрическое. Нечистоты удаляются посредствомъ канализаціи.

Плеваніе на полъ, на землю (въ паркѣ) или въ носовой платокъ запрещается; во всѣхъ комнатахъ и корридорахъ разставлены въ достаточномъ количествѣ плевательницы и, кромѣ того, паціенты снабжаются карманными фляжками. Куреніе табаку въ санаторіи и карточныя игры не допускаются. Для развлеченія служитъ билліардъ, рояль, читальный залъ. Прогулки точно регулируются врачемъ. Встаютъ паціенты въ 8 час. утра и ложатся спать въ 10 час. вечера. На пищу обращается самое серьезное вниманіе, какъ въ смыслѣ качества ея, вкуса и разнообразія, такъ и на пріемъ ея чрезъ опредѣленные промежутки времени.

Порядокъ поступленія въ санаторію слѣдующій: подается письменное заявленіе управляющему Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріей, съ представленіемъ медицинскаго свидѣтельства о болѣзни, а лица, не имѣющія

средствъ для внесенія установленной платы, должны представить еще свидѣтельство полиціи о бѣдности; желающій поступить въ санаторію вносится въ кандидатскій списокъ и, при открытіи вакансіи, свидѣтельствуется главнымъ врачемъ санаторіи.

По новымъ временнымъ правиламъ санаторія Халила будетъ состоять изъ 3-хъ отдѣленій: а) Николаевскаго съ 50 безплатными мѣстами для генераловъ и офицеровъ, преимущественно гвардіи и флота Петербургскаго военнаго округа. Въ это отдѣленіе могутъ быть принимаемы больные и сверхъ штатнаго числа, но за полную плату. б) Маріинскаго отдѣленія съ 12 безплатными мѣстами для институтокъ вѣдомства Императрицы Маріи и 12 платными мѣстами для другихъ больныхъ женскаго пола. в) Александровскаго отдѣленія съ 20 безплатными мѣстами для лицъ гражданскаго вѣдомства и 10 платными мѣстами для лицъ всякаго возраста и пола, за исключеніемъ дѣтей.

Въ 1894 г. тамъ же выстроено новое зданіе для лѣтняго пребыванія страдающихъ грудными болѣзнями воспитанницъ институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи.

Въ 1895 г. устроена д-ромъ Треемъ санаторія въ 30 верстахъ отъ г. Верро Лифляндской губ.

Вопросъ о необходимости народныхъ санаторій отъ поры до времени поднимается у насъ въ медицинскихъ обществахъ: такъ, въ 1895 г. д-ромъ Павловской онъ былъ поднятъ въ Обществѣ русскихъ врачей, и это послужило толчкомъ къ выбору изъ среды названнаго общества коммиссіи, выработавшей уставъ санаторіи для неимущихъ на 20 человѣкъ; дѣло это на пути къ осуществленію; Государь Императоръ Николай II пожертвовалъ для этой цѣли 460.000 руб. и дворцовое имѣніе Таицы: для той же цѣли рѣшено отпустить изъ казны 10.000 р. единовременно и по 3.000 р. ежегодно.

Далѣе, врачами поднятъ у насъ вопросъ о необходимости санаторій для чахоточныхъ солдатъ; не говоря уже о негуманности безучастнаго отношенія къ самимъ больнымъ, отмѣчается, вполнѣ основательно, тотъ фактъ, что такіе больные являются распространителями чахотки среди сельскаго населенія.

Такимъ образомъ, вопросъ о санаторіяхъ для неимущихъ у насъ, въ Россіи, находится еще въ зачаточномъ состояніи.

V.

Наблюденія надъ живыми и вскрытія умершихъ указываютъ намъ на излѣчимость чахотки, но для достиженія такого благого результата требуется повышенная, энергичная жизнедѣятельность клѣточекъ организма, а она-то именно достигается, конечно, не въ очень запущенныхъ случаяхъ, настойчивымъ проведеніемъ совокупности мѣръ, предписываемыхъ гигіено-діэтетическимъ, Бремеръ-Деттвейлеровскимъ методомъ лѣченія.

Главными факторами этого метода, какъ мы только что видѣли, является воздухъ, пища, вода и психическое воздѣйствіе; все это должно быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ строго индивидуализировано.

Пользованіе чистымъ воздухомъ должно быть безпрерывно не только днемъ, но и ночью, не только лѣтомъ, но и зимою — холодъ не считается препятствіемъ къ тому; очень слабые, лихорадящіе больные пользуются чистымъ воздухомъ, лёжа на верандѣ, открытой на южную сторону (методъ Деттвейлера— Liegecur или Dauerluftcur), болѣе же крѣпкіе больные совершаютъ прогулки, но съ частыми отдыхами, во избѣжаніе утомленія. Къ постоянному пользованію воздухомъ, не взирая на погоду, морозъ, больные пріучаются исподволь (этому содѣйствуетъ также гидротерапія). Успѣшность лѣченія въ санаторіяхъ лѣтомъ

и зимой почти одинакова. Обращается вниманіе на то, чтобы одежда соотвѣтствовала погодѣ, но не была обременительна для больныхъ.

Климатъ существенной роли не играетъ, но все же при устройствѣ санаторій слѣдуетъ избѣгать мѣстностей съ рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду, избирать мѣстности сухія съ сосновымъ лѣсомъ, но главное условіе—отдаленность отъ города и всякихъ промышленныхъ заведеній.

Пищѣ придается громадное значеніе въ санаторіяхъ: всевозможныя старанія направляются на то, чтобы она была не только питательна, удобоварима, но и вкусна, разнообразна. Въ вопросѣ о пищѣ, какъ и въ вопросѣ о методическомъ пользованіи воздухомъ и прогулками, не допускается никакого шаблона; обращается вниманіе на то, чтобы больной ѣлъ почаще, побольше питательныхъ веществъ и съ удовольствіемъ, а это обыкновенно успѣшно достигается соединенными усиліями врачебнаго и поварскаго искусствъ.

Лѣченіе водой, гидротерапія, заключается въ строго-индивидуализированномъ примѣненіи обтираній, ваннъ, душей, что̀ прекрасно улучшаетъ самочувствіе больныхъ и закаляетъ ихъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, которыя мы представили въ самыхъ лишь грубыхъ чертахъ, состояніе больныхъ спустя короткое время рѣзко улучшается: является прекрасное самочувствіе, отличный аппетитъ, лихорадка прекращается, изнурительные поты исчезаютъ, кашель стихаетъ, вѣсъ тѣла значительно увеличивается.

Въ санаторіяхъ обращается также серьезное вниманіе на то, чтобы, такъ сказать, воспитать больного: научить его такому образу жизни, который онъ могъ бы вести, сообразно съ требованіями гигіены, не только во время пребыванія его въ санаторіи, но и у себя на дому, по возможности сообразно съ его средствами. Благодаря этой воспитательной роли врача, не только во время пребыванія больного въ санаторіи лѣченіе идетъ успѣшно, но и гарантируется до извѣстной степени домашнее благополучіе больного.

Жизнь въ санаторіяхъ нисколько не похожа на больничную жизнь или на такъ мало привлекательную жизнь въ курортахъ: въ санаторіи обыкновенно устанавливаются самыя дружескія отношенія, благодаря постоянному, въ теченіе 2—3-хъ мѣсяцевъ, общенію какъ между больными и врачемъ, такъ и между самими больными. Время проходитъ не скучно: совмѣстныя прогулки, чтенія, игры (билліардъ, рояль, шахматы и т. п.).

Что касается результатовъ лѣченія въ санаторіяхъ, то улучшеніе болѣзни получается по крайней мѣрѣ въ 70% случаевъ, изъ нихъ полныхъ выздоровленій 22—28%; между тѣмъ какъ въ общихъ больницахъ, можно безошибочно сказать, процентъ выздоровленій отъ чахотки равняется нулю. Если обратимъ вниманіе на процентъ смертности отъ чахотки въ санаторіяхъ и общихъ больницахъ разныхъ государствъ, то увидимъ, что въ первыхъ смертность составляетъ отъ 2,3 до 12,7%, при чемъ при разсчетѣ приняты во вниманіе лишь такіе больные, у которыхъ болѣзнь зашла уже довольно далеко — имѣлись каверны; больные же съ начальными формами чахотки въ разсчетъ не приняты; въ общихъ же больницахъ смертность отъ чахотки составляетъ отъ 23,6 до 62%, въ среднемъ же умираетъ болѣе 45% чахоточныхъ, поступающихъ въ общія больницы.

Какое громадное значеніе представляетъ вопросъ о санаторіяхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета: въ Европѣ умираетъ ежегодно отъ чахотки милліонъ человѣкъ; въ больницахъ, какъ мы видѣли, смертность 45%, а въ санаторіяхъ по крайней мѣрѣ въ 5 разъ меньше (если даже считать тамъ въ среднемъ 9% смертности для случаевъ съ запущенной чахоткой), т. е. въ нашей власти уменьшить смертность отъ чахотки въ 5 разъ, слѣдовательно, ежегодно спасать жизнь примѣрно 800.000 человѣкъ!

Въ заключеніе остается еще отмѣтить такое явленіе: мы видимъ, какъ на ряду съ быстрымъ ростомъ медицины въ послѣднія десятилѣтія и возникновеніемъ новыхъ методовъ лѣченія появляются спеціальныя учрежденія (институты для лѣченія укушенныхъ по методу Пастёра, институты, приготовляющіе противодифтеритную сыворотку, различныя спеціальныя лѣчебницы и т. п.), появляются больницы для отдѣльныхъ группъ болѣзней и даже исключительно для одной болѣзни. Внѣ сомнѣнія, такимъ образомъ, что эволюція больничнаго дѣла приведетъ въ недалекомъ будущемъ къ широкому распространенію спеціальныхъ загородныхъ лѣчебницъ для чахоточныхъ. На помощь этому естественному процессу должны придти органы общественнаго управленія и общество. Пожелаемъ имъ побольше вниманія и заботливости по отношенію къ такому животрепещущему вопросу, какъ народныя санитаріи.

Врачъ **В. Бать.**

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Физика. Открытіе новаго газа въ воздухѣ. Геологія и минералогія. 1) Новыя данныя о строеніи льда и движеніи ледниковъ. 2) Алмазы въ силикатахъ. Біологія. О ростѣ прѣсноводныхъ рыбъ.

Физика. *Открытіе новаго газа въ воздухѣ.* Въ началѣ іюня текущаго года англійскіе химики Вильямъ Рэмсэй и Морисъ Трэверсъ сообщили Лондонскому королевскому обществу, что имъ удалось открыть въ воздухѣ, кромѣ извѣстныхъ уже кислорода, азота и аргона, еще новый газъ, который они предлагаютъ назвать *криптонъ*. Какъ извѣстно уже читателямъ «Міра Божія», въ настоящее время можно получать жидкій воздухъ въ довольно большомъ количествѣ. Рэмсэй и Трэверсъ имѣли въ рукахъ 560 куб. сантиметровъ такого *жидкаго* воздуха. Удаливъ изъ этой жидкости постепеннымъ испареніемъ, а также и поглощеніемъ различными веществами кислородъ и азотъ, изслѣдователи получили въ концѣ концовъ 26,2 куб. сант. газа, который, какъ показали имъ спектральныя изслѣдованія, состоялъ не только изъ аргона, но и еще изъ какого-то новаго газа. На присутствіе этого послѣдняго указывали новыя спектральныя линіи, изъ которыхъ двѣ были особенно блестящи: первая—желтая, почти идентичная съ линіей D, вторая—зеленая, близкая по положенію и интенсивности съ зеленой линіей гелія; кромѣ этихъ двухъ блестящихъ линій, замѣтны еще менѣе рѣзкія линіи различныхъ цвѣтовъ спектра. Хотя изслѣдователямъ не удалось отдѣлить этотъ новый газъ отъ аргона, все же они опредѣлили приблизительную плотность криптона; она равняется приблизительно $22^1/_2$; значитъ, криптонъ тяжелѣе кислорода, азота и аргона. На основаніи изслѣдованія длины звуковой волны въ этомъ новомъ газѣ англійскіе химики пришли къ выводу, что криптонъ одноатомное простое тѣло. Весьма вѣроятно, что криптонъ занимаетъ мѣсто въ серіи гелія. Кромѣ криптона, Рэмсэй думаетъ, что открылъ въ воздухѣ еще два новыхъ газа *неонъ* и *метаргонъ*, спектры которыхъ рѣзко отличаются отъ спектра аргона. Неонъ и метаргонъ находятся въ воздухѣ еще въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ криптонъ. Впрочемъ, изслѣдованіе послѣднихъ двухъ газовъ только еще началось и потому осторожнѣе будетъ поздравить науку съ открытіемъ только криптона, оставивъ неонъ и метаргонъ до того времени, когда мы будемъ имѣть возможность ближе познакомиться съ ними; къ этой осторожности вынуждаетъ насъ и то, что спектръ метаргона, какъ указываетъ нѣмецкій ученый Шустеръ, имѣетъ много линій, почти тожественныхъ съ линіями спектра углерода.

Геологія и минералогія. 1) *Новыя данныя о строеніи льда и движеніи ледниковъ.* Въ 1892 году Берлинское географическое общество отправило въ Гренландію, подъ начальствомъ *г. Дригальскаго*, экспедицію съ цѣлью изучить природу и движеніе материковаго льда.

Только что появились 2 тома, заключающіе въ себѣ результаты работъ и наблюденій этой экспедиціи. Оставляя въ сторонѣ зоологическія, ботаническія,

метеорологическія и астрономическія изслѣдованія, мы познакомимъ читателя только съ наиболѣе интересными выводами *г. Дригальскаго*, касающимися строенія льда вообще и движенія гренландскихъ ледниковъ въ частности.

Долгое время большинство геологовъ и физиковъ думали, что только для ледниковаго льда характерна зернистая структура; наконецъ, Эмдену удалось доказать, что при опредѣленныхъ условіяхъ плавленія, всякій ледъ превращается въ зернистую массу. Г. Дригальскій не только подтвердилъ выводы г. Эмдена, но и выяснилъ намъ связь между появленіемъ этихъ зеренъ и первоначальными кристаллами льда.

Ледъ рѣкъ и озеръ образуется, благодаря соединенію другъ съ другомъ гексагональныхъ кристалловъ льда, которые, вопреки общепринятому мнѣнію, расположены въ зернистой водяной поверхности по различнѣйшимъ направленіямъ. Въ поверхностномъ слоѣ водоема только одна изъ сторонъ кристалла совпадаетъ съ горизонталью, оптическая *) же ось кристалловъ болѣе или менѣе наклонена къ ней, но *подъ* поверхностнымъ слоемъ всѣ кристаллы параллельны другъ другу и оптическая ось вертикальна. Это происходитъ, вѣроятно, потому, что поверхностный слой льда образуетъ въ данномъ случаѣ непрерывный покровъ и, слѣдовательно, благодаря расширенію, которое является слѣдствіемъ процесса замерзанія этого поверхностнаго слоя, ледяные кристаллы подъ нимъ образуются уже подъ давленіемъ бо̀льшимъ, чѣмъ образовались поверхностные кристаллы. Что касается льда *фіордовъ*, который, какъ извѣстно, не образуетъ сплошного покрова, то хотя кристаллизація его еще не вполнѣ изучена, все же можно утверждать, что у большинства кристалловъ оптическія оси лежатъ въ плоскости поверхности фіорда. Кристаллы снѣга, образующіе ледъ *ледниковъ*, конечно, располагаются по всевозможнымъ направленіямъ.

У всѣхъ перечисленныхъ нами видовъ льда первоначальные кристаллы теряютъ свои очертанія, оплавляются и переходятъ въ округленныя зерна, когда свободная масса льда подвергается на воздухѣ слабому нагрѣванію. Въ природѣ это происходитъ въ ледникахъ, такъ какъ тамъ осуществлены всѣ необходимыя для этого условія; но то же самое можно произвести искусственно со всякимъ другимъ льдомъ. Образующееся зерно всегда сохраняетъ положеніе первоначальнаго кристалла: оптическая ось остается вертикальной у зеренъ озерного и рѣчного льда, горизонтальной у льда фіордовъ, у льда же ледниковъ располагается по различнымъ направленіямъ.

Единственнымъ исключеніемъ является ледъ глубокихъ частей ледника, который принимаетъ жилковатое строеніе и образуетъ слои параллельные поверхности. Здѣсь зерна, во-первыхъ, достигаютъ большей величины—они питаются; во-вторыхъ, оріентировка ихъ не безразлична: оптическая ось является перпендикулярной къ слоямъ льда. Это исключеніе легко объясняется тѣмъ, что здѣсь происходятъ процессы перекристаллизаціи подъ сильнымъ давленіемъ; понятно, что и оптическія оси будутъ вертикальны, какъ у озернаго льда, гдѣ кристаллизація совершается также подъ давленіемъ поверхностнаго слоя. Это объясненіе находится въ полномъ согласіи съ выводами, сдѣланными Дригальскимъ относительно движенія ледниковъ. Извѣстно, что если ледъ, находящійся при нулевой температурѣ сдавливать, то онъ начинаетъ таять; это объясняется тѣмъ, что при увеличеніи давленія температура плавленія льда понижается и становится уже ниже нуля. При таяніи льда происходитъ, какъ извѣстно, поглощеніе тепла, вслѣдствіе чего температура образующейся воды опускается при этихъ условіяхъ ниже нуля. Для того, чтобы вода оставалась

*) Оптическою осью двупреломляющихъ кристалловъ зовется линія, по которой въ данномъ кристаллѣ двупреломленія не происходитъ.

въ этомъ переохлажденномъ состояніи необходимо сохраненіе прежняго повышеннаго давленія; разъ только послѣднее падаетъ до нормальнаго, то вода немедленно замерзаетъ. Въ ледникахъ, конечно, давленіе въ различныхъ частяхъ различно, а слѣдовательно, и температура таянія въ различныхъ частяхъ также различна; ясно, что таять ледникъ начнетъ прежде всего тамъ, гдѣ давленіе наибольшее; образовавшаяся такимъ образомъ переохлажденная вода по трещинкамъ стекаетъ къ тѣмъ мѣстамъ ледника, гдѣ давленіе меньше, и тамъ снова замерзаетъ. Во льду глетчера находится безчисленное количество трещинъ, каждое ледяное зерно отдѣлено отъ сосѣдняго тончайшими каналами, такимъ образомъ глетчеръ нельзя считать однородной массой, въ немъ происходитъ безконечная смѣна частичныхъ смерзаній и таяній, благодаря чему глетчерный ледъ является крайне подвижной и пластичной массой и, не смотря на твердое состояніе, способенъ, подобно сапожному вару, бургундской смолѣ и т. п. веществамъ, къ такъ-называемому *«жидкостному истеченію»*, т. е. способенъ при самомъ незначительномъ уклонѣ *стекать* внизъ подобно жидкостямъ. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, теорія, объясняющая движеніе ледниковъ, теорія, разработанная Гельмгольцемъ, Тиндалемъ, Томсономъ и Геймомъ. Но многіе отдѣльные факты до сихъ поръ не могутъ еще быть объяснены вполнѣ этой теоріей и потому нельзя не привѣтствовать появленія работы г. Дригальскаго, освѣщающей нѣкоторыя доселѣ темныя явленія въ жизни ледниковъ.

Движеніе ледниковъ, по мнѣнію г. Дригальскаго, не является слѣдствіемъ уклона почвы; наличность склона только помогаетъ этому движенію, но, вѣроятно, въ очень незначительной степени; ледникъ можетъ двигаться и по совершенно горизонтальной поверхности; движеніемъ своимъ онъ обязанъ различіямъ въ толщинѣ и въ давленіи, а также и тѣмъ молекулярнымъ измѣненіямъ, которыя происходятъ во льду при нулевой температурѣ.

Французскій геологъ Марсель Бертранъ въ своемъ докладѣ Парижской академіи о работахъ Дригальскаго приводитъ въ доказательство этого взгляда слѣдующій крайне убѣдительный примѣръ. Западный берегъ Гренландіи питаетъ нѣсколько мѣстныхъ ледниковъ; склонъ ихъ часто гораздо болѣе крутъ, чѣмъ у тѣхъ ледниковъ, которые выходятъ изъ центральной части Гренландіи, скорость же движенія всегда значительно меньше послѣднихъ: именно не болѣе 0,15 метра въ день, иногда даже всего 1 метръ въ мѣсяцъ—для первыхъ и отъ 20 до 30 метровъ въ день—для вторыхъ. Для тѣхъ и для другихъ различія въ скорости не имѣютъ никакой связи съ крутизною склона, а зависитъ только отъ толщины льда.

Вотъ какъ объясняетъ г. Дригальскій эти факты. Поверхностный холодъ не можетъ достигнуть до дна ледника, давленіе же тамъ громадно, поэтому мы должны допустить, что ледъ здѣсь находится при температурѣ, близкой къ точкѣ плавленія (таянія), благодаря чему образуется вода, направляющаяся къ мѣстамъ, гдѣ давленіе, а слѣдовательно, и толщина льда меньше; освободившись такимъ образомъ отъ части своего давленія, вода снова замерзаетъ и наполняетъ пустоты; снова освобождается теплота и снова происходитъ таяніе. Каждое такое мѣстное таяніе влечетъ за собою опусканіе лежащихъ сверху массъ льда, т. е. вызываетъ *вертикальное движеніе*, послѣднее же переходитъ въ *горизонтальное движеніе* тогда, когда всѣ пустоты льда снова заполняются вслѣдствіе вторичнаго замерзанія. Такимъ образомъ, горизонтальное движеніе является прямымъ слѣдствіемъ вертикальнаго движенія, но если измѣрить ихъ въ каждой точкѣ, то мы увидимъ, что амплитуда перваго сильно превосходитъ амплитуду второго.

Какъ бы ни были незначительны эти перемѣщенія, но они происходятъ безъ перерыва и въ концѣ концовъ приводятъ въ движеніе весь ледникъ. Дви-

женіе послѣдняго начинаетья въ болѣе глубокихъ частяхъ и передается отчасти въ силу сцѣпленія и поверхностнымъ областямъ. Вода, просачивающаяся по незамѣтнымъ трещинкамъ, производитъ эту работу; она дѣйствуетъ двояко: механически—толчкомъ, который она передаетъ, и физически—тѣми измѣненіями въ своемъ состояніи, которое она сама претерпѣваетъ и возбуждаетъ во время своего пути. Ясно, конечно, что для того, чтобы движеніе ледника совершалось безъ перерыва, нужно, чтобы вода могла въ концѣ концовъ вытекать по окончаніи своей работы, поэтому у *конца* ледника необходимъ нѣкоторый склонъ; но въ верхнихъ частяхъ ледникахъ склона можетъ и не быть. Объясненіе г. Дригальскимъ процесса движенія ледника близко подходитъ къ объясненію этого процесса *Томсономъ*, *Геймомъ* и др., но заслуга Дригальскаго въ томъ, что онъ собралъ для подтвержденія этой теоріи громадную массу точныхъ фактовъ.

2) *Образованіе алмазовъ въ силикатахъ.* 7 февраля 1898 года *Фридлендеръ* читалъ въ «Обществѣ поощренія промышленности» докладъ о своемъ весьма интересномъ способѣ искусственнаго приготовленія алмазовъ въ кремнеземныхъ соединеніяхъ. Исходной точкой ему служили опыты французскаго химика Муассана, который въ своихъ работахъ надъ химическими реакціями, происходящими при дѣйствіи сильнаго жара вольтовой дуги, съ успѣхомъ пользовался, для приготовленія искусственныхъ алмазовъ, растворимостью углерода въ цѣломъ рядѣ металловъ, особенно въ желѣзѣ. Главнымъ моментомъ при этомъ является застываніе расплавленной массы при высокомъ давленіи. Муассанъ доказалъ, что алмазы присутствуютъ не только въ метеоритахъ, но и въ вулканическихъ туфахъ Капской земли; они образовались внутри расплавленнаго ядра нашей планеты при томъ высокомъ давленіи, которое должно тамъ существовать. Но какъ образовавшіеся такимъ образомъ алмазы могли попасть изъ содержащаго ихъ желѣза въ кремнеземистыя породы, гдѣ ихъ въ настоящее время находятъ? Вѣдь, они навѣрное снова растворились бы при медленно совершающемся застываніи расплавленной массы послѣднихъ, такъ какъ, согласно опытамъ *Люци* материнская горная порода Капской земли спосособна въ расплавленномъ состояніи растворять углеродъ и алмазы. Эти вопросы навели г. *Фридлендера* на мысль, не образовались ли алмазы при застываніи кремнеземной породы изъ того самаго углерода, который она содержитъ. Материнская горная порода Кимберлейскихъ алмазныхъ копей, такъ-называемая «синяя земля», въ свѣжемъ состояніи, состоитъ преимущественно изъ оливина. Послѣдній поэтому и былъ взятъ Фридлендеромъ за исходный пунктъ его опытовъ.

Прежде всего онъ замѣтилъ, что оливинъ, приготовленный искусственно, путемъ синтеза входящихъ въ его составъ элементовъ (составъ его соотвѣтствуетъ формулѣ: ($Fe_1 Mg_2 Si O_4$), растворяетъ углеродъ въ пламени гремучаго газа или въ электрической печи. По отвердѣніи такого оливина, содержащаго въ растворѣ углеродъ, микроскопъ обнаруживаетъ въ немъ присутствіе октаэдровъ магнитнаго желѣзняка, кругленькихъ шариковъ, вѣроятно, кремнекислаго желѣза и коричневыхъ, прозрачныхъ зеренъ тоже правильной формы, въ которыхъ можно признать октаэдры или тетраэдры, т. е. формы, соотвѣтствующія кристалламъ алмаза. Что эти образованія суть дѣйствительно алмазы, доказывается ихъ высокимъ показателемъ преломленія и ихъ твердостью — они тверже топаза и рубина. Автору удалось ихъ изолировать съ цѣлью дальнѣйшаго болѣе точнаго испытанія. Полученные этимъ путемъ микроскопическіе кристаллики (отъ 1 до 10 тысячныхъ миллиметра въ діаметрѣ) обнаружили всѣ характерныя для алмаза свойства, какъ-то: нерастворимость въ горячей втористоводородной и сѣрной кислотахъ, удѣльный вѣсъ равный, приблизительно, 3,5, высокій показатель преломленія и сгораніе при накаливаніи въ атмосферѣ кислорода. Въ заключеніе докладчикъ замѣчаетъ, что, хотя

этотъ способъ приводитъ къ самому естественному объясненію образованія алмазовъ Капской земли, но въ виду чрезвычайно малой величины получаемыхъ при этомъ кристалловъ, онъ не имѣетъ никакого практическаго значенія для приготовленія искусственныхъ алмазовъ.

Біологія. *О ростѣ прѣсноводныхъ рыбъ*. Г. Панпіонъ сообщаетъ въ своемъ только что вышедшемъ въ свѣтъ обширномъ трудѣ интересныя опытныя данныя, касающіяся вопроса, какъ быстро ростутъ прѣсноводныя рыбы. Опыты были поставлены съ десятью различными видами прѣсноводныхъ рыбъ; къ сожалѣнію, періодъ наблюденія былъ сравнительно незначителенъ и охватывалъ не болѣе первыхъ семи лѣтъ ихъ жизни. Прилагаемая таблица резюмируетъ выводы г. Панпіона.

Возрастъ.	Карпъ.	Карась.
1 годъ.......	18 граммъ.	12—15 граммъ.
2 года.......	80 »	50—55 »
3 »	500 »	380—400 »
4 »	750—800 »	500 »
5 лѣтъ.......	1.200+500 »	600—650 »
6 »	2.500—3.000 »	
7 »	4.600—5.200 »	

Возрастъ.	Золотой чебакъ.	Линь.	Щука.
1 годъ.......	37 граммъ	10—14 граммъ	50—150 гр.
2 года.......	108 »	60 »	600—850 »
3 »	— »	285 »	2.000—3.000 »
4 »	— »	410 »	4.000—5.000 »
5 лѣтъ.......	460 »		6.000—7.000 »
6 »	650—670 »		
7 »			

Возрастъ.	Угорь.	Форель.	Лещъ.	Усачъ.
1 годъ......	12—15 гр.	15 гр.	12—15 гр.	17—20 гр.
2 года......	80—110 »	80 »	50—60 »	128—140 »
3 »	380—400 »	300 »	300—400 »	615—630 »
4 »	550—600 »	400 »	450—500 »	900—1.100 »
5 лѣтъ......		500 »		1.800—2.000 »

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ"

Августъ. 1898 г.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ларра. «Общественные очерки Испаніи».—*Л. Поліанъ.* «Нищенствующій Парижъ».

Ларра. Общественные очерки Испаніи. 1832—1837 г. Переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева 1898 г. Ц. 2 р. 50 к. Событія послѣдняго времени привлекли общее вниманіе къ Испаніи, которая давно уже сошла съ міровой сцены и перестала интересовать всѣхъ, погрузившись въ мелкую политику внутреннихъ вопросовъ, цѣликомъ занятая раздоромъ партій, трудно отличимыхъ для постороннихъ зрителей. Тяжелое наслѣдіе прошлаго, тысячелѣтній гнетъ фанатическаго и жаднаго духовенства и распущенной администраціи мѣшалъ этому богато одаренному народу подняться изъ нищеты и выбиться изъ тьмы невѣжества. Теперь, когда мы присутствуемъ при окончательномъ распаденіи когда-то великой монархіи, очень кстати появленіе въ русскомъ переводѣ произведеній писателя, въ яркихъ чертахъ изобразившаго еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ основныя причины упадка своей родины. Въ его картинахъ много горечи, но много и поучительнаго, и если бы исторія могла учить, то книга Ларры была бы безцѣнна. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, исторіи меньше всего можно приписывать такое значеніе, и «Общественные очерки» Ларры интересны для насъ, какъ художественное воспроизведеніе бытовыхъ условій, доведшихъ Испанію на край гибели.

Самое имя испанскаго писателя совершенно неизвѣстно русскому читателю, если не считать тѣхъ двусмысленныхъ подписей подъ нѣкоторыми изъ стихотвореній Некрасова — «Изъ Ларры», хотя послѣдній стиховъ не писалъ. Онъ былъ испанскій любимый публицистъ тридцатыхъ годовъ, сатирикъ по преимуществу, многими чертами напоминающій нашего Щедрина. Страстный, горячо любящій родину, въ то же время сдержанный и язвительно-остроумный, Ларра, какъ публицистъ-сатирикъ, является образцовымъ писателемъ. Ему пришлось работать въ литературѣ въ самое мрачное время реакціи, когда шла ожесточенная борьба стараго абсолютизма съ требованіями либеральнаго общественнаго мнѣнія. Ларра, молодой и блестящій писатель, выступилъ съ смѣлымъ обличительнымъ словомъ противъ господствующаго въ политикѣ правительства мрака, и его листокъ «Бѣдный Говорунъ» въ рядѣ писемъ изъ страны Батуэковъ зло высмѣивалъ отсталость и невѣжество общества, продажность администраціи и фанатизмъ духовенства. Какъ для Щедрина Пошехонье служило призрачнымъ названіемъ страны, въ которой господствуютъ нравы XVIII вѣка, такъ для Ларры Батуэки, которые скорбятъ о томъ, что у нихъ нѣтъ «каѳедры

молчанья». Батуэки доведена до того состоянія, когда даже не высказанная мысль уже кажется опасной, потому что всякая мысль есть грѣхъ и государственное преступленіе. Каждый батуэкъ, если онъ самъ не шпіонъ «по роду своей службы въ частности и по долгу вѣрноподданнаго короля Фердинанда вообще», подозрѣваетъ въ этомъ своего сосѣда. «Можетъ ли быть что-либо удивительнѣе? Человѣкъ, живущій подслушиваніемъ того, что другіе говорятъ. И еще увѣряютъ, будто бы батуэки не изобрѣтательны въ дѣлѣ отъисканія средствъ существованія».

Больше всего возбуждаетъ опасенія, конечно, печать. «Проклятый Гуттенбергъ! — восклицаетъ «Бѣдный Говорунъ»: — какой злой духъ внушилъ тебѣ твое дьявольское изобрѣтеніе? Развѣ были знакомы съ книгопечатаніемъ египтяне и ассирійцы, или греки и римляне? А развѣ въ свое время они не властвовали надъ міромъ?» Не будь печати, люди не знали бы коварнаго и соблазнительнаго способа сообщаться на разстояніи тысячи верстъ, довольствовались бы тѣмъ, что у нихъ подъ носомъ, и, можетъ быть перестали бы даже говорить. «Что можетъ быть чудеснѣе и исполнено бо̀льшаго миролюбія, какъ страна, въ которой даже не говорятъ? Конечно, ничего — и по меньшей мѣрѣ ничего не можетъ быть молчаливѣе такой страны. Тамъ никто не разсуждаетъ, никто ничего не говоритъ, никто ничего не слышитъ». Достиженію такого административнаго идеала мѣшаетъ печать, которую, правда, можно заставить быть тоже полезной правительству. Для этого надо принудить ее льстить, какъ это и дѣлается въ странѣ добрыхъ батуэковъ. «Мы постоянно пишемъ, что театръ у насъ образцовый, актеры, включая даже и тѣхъ, которые не играли вовсе, превзошли самихъ себя, — фраза, хотя и многозначительная, но въ сущности не совсѣмъ даже и понятная,—что декораціи были великолѣпны, а публика рукоплескала, пришла въ восторгъ, и т. д. Нельзя не писать, что новѣйшія наши усовершенствованія — послѣднее слово науки, что постройка такого-то зданія, того памятника или фонтана—чудо изъ чудесъ. Нельзя не написать, что та вотъ вещь зиждется на самыхъ что̀ ни на есть прочныхъ основахъ и самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, что миръ, слава, счастье, общее довольство достигли у насъ апогея, — что холера никогда не можетъ появиться въ странѣ батуэковъ, такъ какъ эпидемія эта въ своемъ шествіи описываетъ остроконечные треугольники, а доказано, что все то, что описываетъ такую фигуру, не можетъ перейти извѣстной границы. Напечатать, напр., статейку о волапюкѣ, это еще разрѣшается намъ; поверхностно разобрать какое-нибудь новѣйшее беллетристическое или анакреонтическое произведеніе, какой-нибудь сонетъ, написанный по случаю,—это тоже ничего еще, это можно: все такое,—какъ бы лучше выразиться,—у насъ овощь по сезону. Но о разныхъ иныхъ вещахъ мы обязаны хранить полнѣйшее молчаніе, такъ какъ всякія иныя свѣдѣнія для насъ излишни. Возьмемъ, напр., политику,— это растеніе, не пригодное для нашей почвы. Дальше—общественное мнѣніе... Что такое общественное мнѣніе? Убѣжденіе дураковъ, громко высказанное ими, а истина все-таки остается скрыта у себя въ своемъ колодцѣ. Сверхъ всего этого извѣстно, что языкъ, напр., данъ намъ для того, чтобы молчать, точно такъ же, какъ и свобода воли дана для того, чтобы исполнять чужія желанія и приказанія; глаза даны, чтобы видѣть то, что̀ хотятъ намъ показать, уши для того, чтобы слышать только то, что желаютъ намъ сказать, а ноги для того, чтобы идти туда, куда хотятъ насъ повести».

Въ странѣ батуэковъ есть все, что полагается цивилизованному государству, но лишь для видимости, а если бы кто принялъ это въ сурьезъ, сдѣлалъ бы грубую и непоправимую ошибку. Наконецъ, это самая счастливая страна, ибо въ ней «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»...

Въ статьѣ, озаглавленной этой поговоркой, заключается остроумнѣйшая

характеристика журналиста въ свободной странѣ батуэковъ. «Нельзя не согласиться, — глубокомысленно заявляетъ Ларра, — что если журналистъ старается не имѣть собственной воли, то это человѣкъ хорошо воспитанный. Но, кромѣ хорошаго воспитанія, онъ долженъ обладать еще всѣми качествами большинства звѣрей: онъ долженъ, если хочетъ упрочить за собою продолжительный и вѣрный успѣхъ, усвоить себѣ терпѣніе осла и его твердую, увѣренную поступь, чтобы какъ-нибудь не попасть на тропинку узенькую, не избитую, не совсѣмъ безопасную; онъ, на подобіе того же осла, долженъ только поводить ушами, когда услышитъ позади себя помахиваніе кнутомъ. Онъ долженъ умѣть обходиться цѣлыя недѣли безъ пищи, какъ верблюдъ, и также гордо проходить черезъ пустыню. Онъ долженъ обладать нюхомъ собаки, чтобы во-время почуять, гдѣ кроется опасность. Ему необходимъ проницательный глазъ рыси, чтобы разглядѣть сразу того, кто имѣетъ силу располагать тѣмъ, что онъ, журналистъ, можетъ предполагать. Подобно кроту, онъ долженъ умѣть прикинуться мертвымъ, когда зашумитъ буря. Онъ долженъ умѣть идти шагомъ черепахи, настолько неслышнымъ и медленнымъ, чтобы никто не могъ замѣтить его движенія, потому что ничто такъ не пугаетъ, какъ быстрое шествіе журналиста впередъ. Онъ долженъ умѣть, на подобіе рака, идти назадъ, если окажется, что онъ слишкомъ ушелъ впередъ; онъ долженъ, какъ змѣя, ползти иногда зигзагомъ; на подобіе ящерицы, долженъ умѣть во-время и въ надлежащемъ мѣстѣ мѣнять шкуру; долженъ имѣть крѣпкій лобъ, какъ у быка, быть всегда на сторожѣ, какъ олень, и готовъ, какъ піявка, быть раздавленнымъ тѣмъ самымъ, кому она спасаетъ жизнь... Главное, журналистъ никогда не долженъ разсчитывать на завтрашній день: счастливъ уже тотъ, кто можетъ толковать о вчерашнемъ. Журналистъ не долженъ говорить такъ, какъ, напр., газета «El Universal»: «Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ», а ему слѣдуетъ говорить: «Объ этомъ изданіи извѣстно навѣрное только то, что оно не появляется по понедѣльникамъ», потому что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

По этимъ образчикамъ сатиры Ларры читатели могутъ составить нѣкоторое представленіе о его стилѣ и направленіи. Дѣятельность Ларры была кратковременна. Онъ кончилъ самоубійствомъ, имѣя всего 28 лѣтъ, отъ несчастной любви, которая послужила только окончательнымъ толчкомъ въ его безнадежномъ и мрачномъ настроеніи, какое постепенно охватывало сатирика, при видѣ гибели его благородныхъ мечтаній, усиленія реакціонныхъ мѣръ правительства, съ одной стороны, и безсилія общества—съ другой. Интересно, что трое самыхъ выдающихся публицистовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ погибли насильственной смертью: Поль Луи Курье былъ предательски застрѣленъ, Арманъ Каррель палъ на дуэли, Ларра самъ покончилъ съ собой. Условія ихъ дѣятельности были, конечно, далеко не одинаковы, но врагъ съ которымъ они сражались, былъ одинъ и тотъ же: реакція сверху и равнодушное къ ней отношеніе общества. Что касается перевода г-жи Ватсонъ, то въ общемъ онъ очень хорошъ.

Людовикъ Поліанъ. Нищенствующій Парижъ. Переводъ съ франц. А. Тулубьева. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб. Въ настоящее время, когда у насъ замѣтно оживленіе въ дѣлѣ благотворительности и общественнаго призрѣнія, переводъ работы Люд. Поліана «Paris, qui mendie», выдержавшей 8 французскихъ изданій, представляетъ несомнѣнный интересъ. Редакторъ, секретарь законодательнаго корпуса, Поліанъ, интересуясь бытомъ низшихъ слоевъ парижскаго населенія, сначала изучалъ бытъ тряпичниковъ, а затѣмъ жизнь многочисленной категоріи парижскихъ нищихъ. Во второмъ случаѣ имъ руководило намѣреніе опредѣлить соотношеніе числа притворно бѣдныхъ и профессіональныхъ нищихъ и дѣйствительно бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи частной и общественной благотворительности. Выводъ, къ которому онъ пришелъ,

весьма печаленъ: изъ двадцати человѣкъ, просящихъ у васъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ милостыню, десять, если не болѣе,—техники, выполняющее свое ремесло, и ремесло большею частью выгодное. Результатъ этотъ добытъ путемъ непосредственнаго наблюденія: въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Л. Поліанъ, не взирая на отвращеніе, угрозы и неудобства положенія, ходилъ слѣдомъ за разными оборванцами столицы. Онъ входилъ въ ночлежные дома, хлебалъ супъ у дверей казармъ, стоялъ на папертяхъ церквей, проникалъ въ самыя отвратительныя трущобы и опасные притоны. То слѣпымъ, то глухонѣмымъ, то паралитикомъ, то калѣкой, то шарманщикомъ, то открывателемъ каретныхъ дверецъ, онъ эксплуатировалъ милостыню подъ всѣми этими видами и, по его утвержденію, всегда возвращался съ полными карманами, тогда какъ рядомъ, можетъ быть, умирали съ голоду дѣйствительно несчастные стыдливые бѣдные, обремененные семьями, лишившіеся почему-либо работы и удрученные дѣйствительными болѣзнями. Въ Парижѣ все усовершенствовалось, въ томъ числѣ, какъ и всякое ремесло,—и нищенство. Теперешній міръ нищихъ и оборванцевъ это уже не та дикая банда, которую описываетъ Викторъ Гюго въ романѣ «Соборъ Парижской Богоматери». Они имѣютъ свою правильную организацію, свои рестораны, собранія, школы для обученія и усовершенствованія во всевозможныхъ видахъ эксплутаціи чужого состраданія, свои справочныя конторы. Существуютъ особые календари для надобностей нищихъ, они издаются подъ названіями *малая игра* и *большая игра.* Календарь малая игра стоитъ три франка; онъ даетъ вамъ имя и адресъ нѣсколькихъ сотенъ людей благотворящихъ. Календарь большая игра стоитъ шесть франковъ; онъ естественно полнѣе, онъ не только содержитъ большое число адресовъ, но всякое имя сопровождается еще небольшою біографіею. Занятіе лица, склоннаго оказывать благотворительность, часъ, въ который всего удобнѣе ему представиться, его исповѣданіе, политическія мнѣнія, привычки, ничто не упущено. Всякій разъ, какъ нищій находитъ адресъ благодѣтеля, дающаго милостыню и не обозначеннаго въ названномъ календарѣ, онъ заявляетъ объ этомъ редакціи календаря нищихъ, которая спѣшитъ включить въ календарь новый адресъ и даетъ 50 сантимовъ указавшему.

Изобрѣтательность парижскихъ нищихъ и спеціализація ихъ промысла, разоблаченныя Поліаномъ, поразительны: тутъ и продѣлка съ необходимостью окрестить ребенка въ семьѣ безъ всякихъ средствъ, и именно въ исповѣданіе, которое вы раздѣляете, и обманъ на почвѣ квартирной расплаты; тутъ нищіе спеціально дилижансовъ, ложные эпилептики и паралитики, ложные спасатели, женщины, прибѣгающія къ симуляціи трудныхъ родовъ на улицѣ, уличные пѣвцы, поэты, вымаливающіе пособіе за стихи, которые они вамъ тутъ же составляютъ и посвящаютъ, калѣки, церковные нищіе и нищіе, эксплутирующіе для цѣлей ремесла дѣтей. Существуютъ женщины, промышляющія исключительно отдѣлываніемъ одежды для нищихъ всевозможныхъ типовъ, придающія имъ видъ, который долженъ произвести какъ разъ требуемое впечатлѣніе.

Естественно, что передъ такой разработанной и сложной организаціей профессіональнаго нищенства частная и общественная благотворительность, дѣйствующая на обумъ, разрозненно, наибольшею частью затрачиваемыхъ ею средствъ, поддерживаетъ лишь значительный контингентъ лицъ, наживающихся на эксплуатаціи ихъ довѣрчивости. А средства эти, по мнѣнію Поліана, весьма велики, итогъ ихъ достигаетъ 10.000.000 франковъ ежегодно. Цифра эта, конечно, весьма условна: если можно было болѣе или менѣе точно установить общую сумму всѣхъ членскихъ взносовъ въ благотворительныя учрежденія Парижа, то усчитать сумму раздаваемой частными лицами милостыни немыслимо. Вѣроятно, Поліанъ исходилъ изъ средней цифры ежедневнаго заработка

парижскаго нищаго, но и ее установить съ достаточной вѣроятностью такъ же трудно, какъ и самое число лицъ, живущихъ въ Парижѣ на счетъ благотворительности. Но, во всякомъ случаѣ, средства ея въ столицѣ Франціи должны быть огромны. По убѣжденію автора, если бы они направлялись по назначенію, то въ Парижѣ «не должно было бы быть, не скажу бѣднаго—всегда будутъ богатые и бѣдные, какъ всегда будутъ люди способные и неспособные (эту свою мысль г. Поліанъ повторяетъ въ теченіе книги неоднократно съ убѣжденностью чистокровнаго буржуа), но ни одного несчастнаго, достойнаго сострадавія, которому общество не могло бы безотлагательно оказать необходимую ему помощь». Между тѣмъ, профессіональное нищенство представляетъ собою «течь, черезъ которую мимо назначенія непроизводительно утекаетъ вода большого канала парижской благотворительности».

Вторая часть книжки Поліана и представляетъ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ бороться съ этимъ зломъ и доставить расходамъ благотворительности возможность достигать ихъ желательнаго назначенія. Первое требованіе, которое въ этихъ видахъ ставитъ Поліанъ, это полное, совершенное, безусловное прекращеніе подачи милостыни на улицѣ. Раздача милостыни, развращающая дѣйствительно бѣдныхъ и порождающая тунеядство, должна быть замѣнена организаціею помощи посредствомъ труда, а въ случаѣ неотложной нужды выдачею личныхъ чековъ на обѣдъ въ особо организованныхъ столовыхъ, на помѣщеніе въ ночлежномъ домѣ. Все это, конечно, требуетъ предварительной организаціи благотворительныхъ силъ и учрежденій. Разрозненность ихъ дѣйствій и даетъ возможность существовать описанной выше эксплуатаціи чувствъ состраданія и довѣрчивости. Созданіе для каждаго болѣе или менѣе значительнаго города центральной кассы обществъ частной благотворительности съ успѣхомъ, какъ показалъ опытъ, устраняетъ это зло. Необходимъ затѣмъ пересмотръ законовъ объ общественномъ призрѣніи и нищенствѣ, чему Поліанъ посвящаетъ особую главу, такъ какъ по данному предмету законодательство Франціи немногимъ опередило наше. Вообще, несмотря на разницу многихъ условій жизни, въ Парижѣ и въ нашихъ крупныхъ центрахъ, какъ наблюденія Поліана, такъ и его общія соображенія о реорганизаціи дѣла благотворительности могутъ быть интересны и поучительны и для русскаго читателя.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Г. Сэайль. «Леонардо да Винчи».

Габріэль Сэайль. Леонардо да Винчи, какъ художникъ и ученый. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898. Книга Габріэля Сэайля вышла въ оригиналѣ въ 1892 г. Авторъ относится съ преклоненіемъ къ великому художнику и ученому, но разсказываетъ исторію его жизни и описываетъ его произведенія совершенно объективно, стараясь выяснить личность Леонардо, а не пристегнуть себя, свою эрудицію, свои индивидуальныя настроенія и чувства къ предмету своего изученія, не дѣлать ничѣмъ не повиннаго великаго художника орудіемъ литературной полемикѣ, жертвой своихъ измѣнившихся почему-либо взглядовъ на добро и зло. А между тѣмъ, если въ послѣднее время въ русской печати говорили и о Леонардо да Винчи, то именно въ такомъ тонѣ. Тотъ рѣдкій русскій читатель, который, интересуясь западнымъ искусствомъ, хотѣлъ бы составить себѣ понятіе о гигантской, загадочной личности флорентинскаго художника, навѣрное съ интересомъ отнесся къ ряду

статей, появившихся осенью прошлаго года и въ текущемъ году подъ заглавіемъ сначала «Въ поискахъ за Леонардо да Винчи», потомъ просто «Леонардо да Винчи» («Сѣверный Вѣстникъ»). Статей появилось 6—7 и по объему они равняются или даже превосходятъ книгу Сэайля. Рамки статей очень внушительны: въ концѣ каждой статьи списки источниковъ, въ текстѣ постоянная критика изслѣдованій о Леонардо, сдѣланныхъ разными европейскими учеными. Авторъ статей, А. Волынскій, заявляетъ, что во всей европейской литературѣ «нѣтъ полной характеристики Леонардо, психологической или научно-философской». Знаменитое изслѣдованіе Уціелли онъ называетъ «кропотливымъ и безсистемнымъ» и постоянно коритъ автора за идеализацію Леонардо, не мало достается Сэайлю, Рихтеру и другимъ біографамъ и критикамъ, у которыхъ онъ подмѣчаетъ какія-нибудь мелкія ошибки въ датахъ и т. п.; иныхъ же писателей, занимавшихся Леонардо, онъ пренебрежительно обходитъ молчаніемъ—ибо они не пользовались первоисточниками. Такому остракизму подвергается въ числѣ прочихъ и Вальтеръ Пэтеръ, авторъ одного изъ самыхъ блестящихъ и знаменитыхъ описаній «Джіоконды». Зато г. Волынскій рисуетъ образъ будущаго идеальнаго историка и критика Леонардо: «Работа эта,—говоритъ онъ,—еще ожидаетъ терпѣливаго изслѣдователя, вооруженнаго разнообразными знаніями и обладающаго чутьемъ къ сложнымъ психологическимъ задачамъ, способностью видѣть живую человѣческую личность въ исторической передачѣ». Если сопоставить съ этимъ опредѣленіемъ почти огульное осужденіе всей предъидущей литературы о Леонардо и широковѣщательные пріемы г. Волынскаго, неспѣшно и съ особымъ самолюбованіемъ развертывающаго сокровища своей эрудиціи, то становится яснымъ, кого скромный авторъ подразумѣваетъ подъ идеальнымъ изслѣдователемъ Леонардо.

Конечно, смѣлость возлагаемыхъ на себя задачъ и вѣра въ свои силы,—очень цѣнное качество въ писателѣ, какъ и въ полководцѣ, и если бы г. Волынскій въ самомъ дѣлѣ заявилъ себя тѣмъ идеальнымъ критикомъ, каковымъ онъ, очевидно, считаетъ себя,—задорный тонъ его самовосхваленія не казался бы смѣшнымъ и хвастливымъ, а спокойно увѣреннымъ. На самомъ же дѣлѣ съ первыхъ страницъ и до послѣднихъ въ очеркахъ чувствуется рисовка внѣшними какъ бы сегодня утромъ пріобрѣтенными знаніями и стремленіе запугать читателя ученостью и компетентностью. Цитируетъ ли онъ какой-нибудь сборникъ старинныхъ сонетовъ, онъ спѣшитъ указать, что пользуется наилучшимъ, наиполнѣйшимъ изданіемъ, идетъ ли дѣло о какой-нибудь книгѣ, изъ которой почерпнуто свѣдѣніе, читателю тотчасъ же внушается, что книга рѣдчайшая, изданная всего въ 75 экземплярахъ, и читатель, конечно, приглашается оцѣнить по достоинству критика, знакомаго съ такими библіографическими рѣдкостями. Разсказывая о своихъ поѣздкахъ по родинѣ Леонардо, г. Волынскій не упускаетъ случая упомянуть, что его сопровождали «видные» граждане города Винчи и оживлялись отъ тонкихъ «репликъ» русскаго критика на ихъ замѣчанія о Леонардо. Списки пособій въ концѣ каждой статьи, подробныя приложенія и т. д., разсчитаны, очевидно, тоже на запугиваніе читателя ученостью; также какъ и длиннѣйшія описанія разныхъ цѣнныхъ изданій рукописей Леонардо, причемъ подробнѣйшимъ образомъ описывается внѣшность изданій, особенности пагинаціи, шмутцтитулы съ посвященіями, исторія недостающихъ листковъ разныхъ манускриптовъ и т. д.

Если читатель, однако, не поддастся гипнозу внѣшней, свѣже пріобрѣтенной, эрудиціи г. Волынскаго, и вникнетъ въ сущность его изслѣдованій, то онъ скоро убѣдится, что изъ всѣхъ качествъ идеальнаго критика, авторъ статей о Леонардо обладаетъ преимущественно однимъ—большимъ терпѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ требуется большое терпѣніе, чтобы съ воодушевленіемъ распространяться о фактахъ уже установленныхъ критикой и приводить доказатель-

*

ства въ пользу того, что уже никѣмъ не оспаривается. Такъ, напр., г. Волынскій очень горячо и пространно доказываетъ, что «Академіи Леонардо да Винчи» въ Миланѣ не было; этотъ, установленный Уціэлли, фактъ давно всѣми признанъ, Сэайль упоминаетъ о немъ въ двухъ словахъ и всѣ ссылки на Ламаццо и Луку Пачіоли излишніе, устарѣлые доводы. Очень большое значеніе г. Волынскій придаетъ своимъ разъясненіямъ о томъ, что имя миланскаго герцога Людовика Моро происходитъ отъ названія шелковичнаго дерева. И это открытіе, несмотря на то, что г. Волынскій en a la bouche toute pleine, какъ говорятъ французы, очень уже давно сдѣлана, и Вальтеръ Пэтеръ въ упомянутомъ выше очеркѣ говоритъ вскользь, какъ о вещи, слишкомъ хорошо извѣстной, о Людовикѣ, «избравшемъ своей эмблемой шелковичное дерево». Такихъ примѣровъ множество въ очеркахъ г. Волынскаго. Къ нему, болѣе чѣмъ къ кому-либо, примѣнимы слова Леонардо (г. Волынскій ихъ самъ приводитъ, только по другому поводу) изъ «Трактата о живописи»: «Гдѣ крикъ, тамъ нѣтъ истиннаго знанія». Трудно себѣ представить болѣе крикливыя статьи, болѣе показной эрудиціи, чѣмъ въ этихъ статьяхъ о Леонардо.

Если отъ внѣшнихъ пріемовъ г. Волынскаго перейти къ внутреннему содержанію его очерковъ, то окажется нѣчто совершенно неожиданное. Весь арсеналъ своихъ новопріобрѣтенныхъ свѣдѣній критикъ направляетъ не на изученіе Леонардо да Винчи, а на развѣнчиваніе въ его лицѣ какого-то «сухого демоническаго повѣтрія», охватившаго будто бы теперешнее поколѣніе. Г. Волынскій двояко относится къ этому «повѣтрію». Въ «Поискахъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ, идеалистъ-юноша, увлеченъ имъ, другое—старый энтузіастъ, спасаетъ своего любимца отъ пагубнаго вліянія новой болѣзни духа-культа демонической красоты. Идейное увлеченіе юноши связано съ любовью къ женщинѣ, воплощающей въ себѣ двойственность и загадочность «новаго демонизма». Юноша самъ по себѣ идеальный, сильный, съ высокой душой—онъ жертва своего увлеченія—и всѣ старанія старика направлены на то, чтобы показать недостойность этой женщины. Прямой путь къ излѣченію юноши—намѣренное, упрямое разрушеніе Леонардо да Винчи, и всѣхъ созданныхъ имъ образцовъ красоты, отъ Джіоконды до Богоматери Луврскаго музея. Каждая изъ картинъ Леонардо является предлогомъ казнить Цирцею, совратившую восторженнаго юношу, и, если говорится о Джіокондѣ и ея «скрытыхъ болѣзняхъ», о «щекотливой улыбкѣ» Леды, «о духовномъ разложеніи безъ внутренней красоты» и т. д., то имѣется въ виду повліять на юношу, принявшаго за святыню зловредное «фатальное» явленіе жизни. Но какъ бы ни была печальна душевная драма близорукаго юноши, странно, что она служитъ исходнымъ пунктомъ для сужденій о Леонардо. Весь интересъ изысканій исчезаетъ, когда читатель ясно видитъ въ нихъ предлогъ для обсужденія какого-то частнаго психологическаго столкновенія, не имѣющаго отношенія къ искусству. Г. Волынскій ополчается противъ Леонардо, противъ его «предательской психологіи», называетъ его «геніально-злокачественнымъ представителемъ ренессанса», говоритъ о «двоедушныхъ настроеніяхъ, неувѣренной мысли, воровскихъ ощущеніяхъ» его женскихъ лицъ, о «раздвоенности композиціи, отсутствіи цѣльности и поэзіи», о томъ, что Леонардо «виртуозъ, фокусникъ безъ религіознаго содержанія», о его глубокой болѣзненности, о томъ, что онъ «хищный геній» и т. д., и весь этотъ походъ противъ двойственности и демонизма во имя цѣльнаго, христіанскаго искусства оказывается по существу далекимъ отъ самого Леонардо и его творчества. Есть какія-то внутреннія связи между современными настроеніями и далекимъ Ренессансомъ, но весьма странно и печально, если на основаніи этого дѣлать выводы отъ нашей дѣйствительности къ событіямъ прошлаго. А этой узкой нарочитостью и тенденціозностью полна каждая страница очерковъ Волынскаго.

Послѣ этихъ громкихъ суетливыхъ статей особенно отрадно обратиться къ

серьезному труду Сэайля, и русскіе читатели, желающіе познакомиться съ личностью Леонардо и его творчествомъ, а также съ его научными работами, найдутъ много весьма полезныхъ указаній въ книгѣ Сэайля. Самое описаніе картинъ у него наименѣе удачно, но есть такъ много прекрасныхъ классическихъ описаній картинъ Леонардо, что въ новыхъ почти уже нѣтъ надобности. Неужели слѣдуетъ вторично описывать «Тайную вечерю» послѣ Гете, или Джіоконду послѣ Вальтера Пэтера, не говоря уже о многихъ прекрасныхъ страницахъ у Т. Готье, Тэна и другихъ? Г. Волынскій умножаетъ описанія въ своихъ очеркахъ, но, какъ мы видѣли, дѣлаетъ это съ посторонней искусству цѣлью. У Сэайля никакихъ полускрытыхъ побочныхъ цѣлей незамѣтно, и за это преимущество читатель охотно проститъ ему сжатость описательной части, тѣмъ болѣе, что она соединяется съ полнотой историческихъ и біографическихъ данныхъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

П. Кампфмейеръ. «Очерки по исторіи нѣмецкой культуры».—*Р. Андерсенъ.* «Исторія вымершихъ цивилизацій востока».

П. Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Пер. А. М. Гердъ подъ редакціей Петра Струве. Изд. редакціи журнала «Образованіе», Спб. 1898. 168 стр. Цѣна 60 коп. Было время, когда русскій «интеллигентъ» интересовался преимущественно Франціей. То, что происходило въ Парижѣ, возбуждало среди обитателей какого-нибудь Царевококшайска гораздо больше горячихъ споровъ, больше захватывало душу, чѣмъ собственныя сѣренькія обывательскія дѣла и дѣлишки. Условія русской жизни, вызывавшія исключительный интересъ къ западу, съ его яркой и шумной общественной жизнью, дѣйствуютъ и теперь. Но въ предѣлахъ этого запада интересъ переместился. Мѣсто Франціи заняла Германія, Берлинъ вытѣснилъ Парижъ. Франція перестала олицетворять собой въ глазахъ русскаго «скитальца» все то, къ чему такъ пламенно и безнадежно стремится его тоскующая душа, перестал быть знаменосцемъ цивилизаціи. Соотвѣственно этому возросъ интересъ къ новымъ общественнымъ теченіямъ Германіи.

Переводъ книги Кампфмейера является какъ нельзя болѣе кстати. Книга эта не претендуетъ на научную полноту и оригинальность. Она не болѣе, какъ популярный очеркъ извѣстныхъ фактовъ экономической и общественной исторіи Германіи, но очеркъ, написанный живо, литературно и интересно. Передъ читателемъ встаетъ яркая картина постепеннаго измѣненія общественнаго и культурнаго строя Германіи подъ вліяніемъ развитія экономическихъ отношеній. Немногими, но сильными штрихами авторъ очерчиваетъ далекій отъ насъ строй жизни средневѣковой Германіи, съ ея цвѣтущими городами, въ которыхъ жили такіе свободолюбивые, крѣпкіе и независимые ремесленники, умѣвшіе отстаивать свои права отъ посягательствъ бароновъ и князей, съ ея зажиточнымъ и самостоятельнымъ крестьянствомъ, создавшимъ жизнерадостную, свѣжую и чувственную народную поэзію среднихъ вѣковъ. Развитіе денежнаго хозяйства вызвало глубокій экономическій кризисъ. Крупный купеческій капиталъ сталъ забирать въ свои руки всѣ нити экономической жизни Германіи. Параллельно съ ростомъ торговаго капитала, росла и власть князей. Старый, отживающій строй далъ великую битву новымъ общественнымъ силамъ—капиталу и князьямъ, и потерпѣлъ полное пораженіе. Возстаніе рыцарей и крестьянъ было подавлено въ потокахъ крови, причемъ Лютеръ «благословлялъ окровленные мечи князей и под-

держивалъ въ нихъ кровожадность библейскими изреченіями». Наступившая новая эпоха характеризовалась въ экономической области разореніемъ деревни и усиленіемъ чисто крѣпостныхъ отношеній, распаданіемъ старыхъ условій и развитіемъ новыхъ фермъ промышленности, мануфактуры и особенно капиталистическаго кустарнаго производства, изготовленія товаровъ по заказамъ посредниковъ торговцевъ, вполнѣ подчинившихъ себѣ мелкихъ производителей. Крупная капиталистическая промышленность насаждалась при непосредственномъ и дѣятельномъ участіи государственной власти. Въ одномъ Бранденбургѣ казна истратила за 1740—1786 г. 2½ милліона рейсталеровъ на поддержку фабрикъ. Особенно щедро раздавалъ фабрикантамъ казенныя субсидіи Фридрихъ II. Эти извѣстные факты не мѣшало бы помнить нашимъ самобытнымъ экономистамъ, столь охотно противопоставляющимъ «искусственные» пріемы насажденія русскаго капитализма естественному развитію капитализма на Западѣ.

Дальнѣйшій ростъ денежнаго хозяйства и капитализма вызвалъ ликвидацію крѣпостныхъ отношеній въ различныхъ государствахъ Германіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Ликвидація эта совершилась при непосредственномъ участіи государственной власти, позаботившейся о томъ, чтобы дворяне не пострадали отъ потери своихъ владѣльческихъ правъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, въ особенности въ Восточной Пруссіи, уничтоженіе крѣпостного права привело къ фактическому обезземеленію бóльшей части крестьянъ.

Французская революція и преобразованіе техники производства вызвали наступленіе новой эры общественнаго развитія Германіи. Конецъ книги Кампфмейера представляетъ собой настоящій гимнъ нашему времени, ради того будущаго, которое оно обѣщаетъ для человѣчества. «Если нѣкогда во дни реформаціи,— говоритъ Кампфмейеръ, — Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, полный жизнерадостности и готовности къ борьбѣ, ликовалъ, видя пробужденіе народа, то и мы, наблюдая повсюду движеніе массъ, и проникаясь еще болѣе пламеннымъ энтузіазмомъ къ культурной борьбѣ нашего времени, можемъ съ гордостью повторить слова Гуттена:

Die Geistes sind erwacht, es ist eine Lust zu leben!

Мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ книги Кампфмейера среди русской публики. Нельзя не пожалѣть лишь о томъ, что въ отдѣльномъ изданіи книга эта появляется съ нѣкоторыми сокращеніями, сравнительно съ текстомъ перевода, печатавшагося въ журналѣ. Особенно пострадали заключительныя страницы. Сокращенія эти мѣшаютъ ясности и отчетливости выраженія мысли автора, заканчивающаго книгу красивымъ образомъ Прометея-человѣчества, освобождающагося отъ сковывавшихъ его вѣковыхъ узъ. Все это въ отдѣльномъ изданіи исчезло.

Р. Андерсонъ. Исторія умершихъ цивилизацій Востока. (The story of extinct civilisations of the east). Переводъ съ англійскаго. Съ 4-мя картами и рисунками. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1898. 174 стр. 8°. Цѣна 50 к. Маленькая книжечка Андерсона открывается коротенькимъ введеніемъ, затѣмъ трактуетъ о происхожденіи человѣчества и его расахъ и кратко излагаетъ исторію Востока: Халдеи и Вавилона, древняго Египта, гиттитовъ, финикіянъ, евреевъ, арабовъ и древней Персіи. Изложеніе касается преимущественно политической исторіи, да и то невполнѣ: это по преимуществу исторія завоеваній и войнъ. Государственнаго и общественнаго строя и того, что обыкновенно разумѣется подъ именемъ культуры, книжка или не касается вовсе, или даетъ случайныя и весьма скудныя свѣдѣнія. Трудно понять, чѣмъ руководился авторъ при выборѣ матеріала: то онъ опишетъ какой-нибудь памятникъ восточнаго зодчества, то приведетъ выписку изъ какого-нибудь историческаго памятника или надписи, то вдругъ по поводу солнечнаго затменія приведетъ подобный же случай изъ шотландской исторіи, повидимому, только для того, чтобы показать, что солнечное затменіе даетъ возможность

точно установить дату историческаго событія. Съ наибольшей любовью авторъ описываетъ битвы, иногда описываетъ одежду, почти вовсе не знакомитъ съ религіей и вообще безъ всякаго видимаго порядка перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому. Встрѣчаются въ книгѣ и неточности, о которыхъ мы не будемъ распространяться.

Внѣшность книги тоже неудовлетворительна: она полна опечатокъ и не имѣетъ даже оглавленія. Въ концѣ приложены 4 плохенькія карты; а что касается рисунковъ, о которыхъ объявляется въ заглавіи, то мы не находимъ въ книгѣ ничего, что заслуживало бы такого названія. Мы находимъ только изображеніе одной клинообразной надписи на кирпичѣ и еще три черныхъ пятна, изображающія тоже надписи; но на нихъ рѣшительно ничего нельзя разобрать. Трудно понять, чѣмъ руководился авторъ, давая читателямъ образцы надписей, которыхъ они все равно не понимаютъ, и не давая изображеній хотя бы тѣхъ памятниковъ искусства, которые авторъ иногда описываетъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Э. Порритъ. «Современная Англія».—*А. Бартъ.* «Религіи Индіи».

Эдуардъ Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея граждан. Переводъ съ англійскаго О. В. Полторацкой. XVI + 368 + XXII стр. Цѣна 1 р. 60 к. (XVI вып. «Библіотеки для самообразованія»). Прекрасная книга Поррита знакомитъ читателя съ общественнымъ строемъ современной Англіи. Каждому вопросу предпосылается, кромѣ того, краткая исторія реформъ, приведшихъ къ современному положенію дѣлъ. Уже краткій обзоръ содержанія книги покажетъ намъ, какъ много она даетъ при своемъ сравнительно небольшомъ объемѣ. Въ ней разсматривается организація мѣстнаго управленія, законы о бѣдныхъ и ихъ примѣненіе, начальное народное образованіе, судоустройство и судопроизводство, имперскіе налоги, парламентъ и избиратели, дѣятельность парламента, министерства, англиканская церковь и нонконформисты, военное, морское и гражданское вѣдомство, рабочее законодательство, земля и землевладѣльцы и ежедневная печать. Изложеніе отличается ясностью и сжатостью. Во многихъ случаяхъ для иллюстраціи приводятся примѣры, взятые изъ жизни, такъ что читатель видитъ передъ собою положеніе отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ различнымъ классамъ общества. Для еще большаго уясненія содержанія книги, въ концѣ ея прибавлены 13 приложеній, взятыхъ изъ оффиціальныхъ документовъ: общая стоимость мѣстнаго управленія, задолженность муниципалитетовъ, жалованье служащихъ въ муниципалитетахъ, общая стоимость призрѣнія бѣдныхъ, относительное количество нищихъ въ земледѣльческихъ и промышленныхъ графствахъ, программа начальныхъ школъ, роль министерства внутреннихъ дѣлъ и мѣстныхъ мировыхъ судей во время безпорядковъ или бунта, «прокламація королевы для поощренія благочестія и добродѣтели», распредѣленіе парламентскихъ представителей, парламентскіе «бичи», относительная сила англійскаго и другихъ европейскихъ флотовъ, продолжительность рабочаго дня на фабрикахъ, правительство и сберегательныя кассы. Кромѣ того, къ книгѣ приложенъ довольно подробный алфавитный указатель.

Русскій переводъ книги сдѣланъ очень хорошо, и изданіе при небольшой цѣнѣ можетъ считаться изящнымъ. Чтобы при повтореніи изданія этой полезной книги можно было сдѣлать желательныя на нашъ взглядъ исправленія и дополненія, мы укажемъ на нѣсколько мелкихъ промаховъ. Во-первыхъ, не вездѣ выдержано однообразіе въ передачѣ на русскій языкъ англійскихъ тер-

миновъ и названій: на стр. 29 и 36 Boards of Works передается терминомъ «рабочіе совѣты», а на 31 стр.—«совѣтъ работъ». Точно такъ же на стр. 127 «юрисконсультъ Короны» (Queen's Counsel), а на 128 стр.—«королевскій юрисконсультъ». На нашъ взглядъ, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ устранить эту непослѣдовательность. Кромѣ того, для русскаго читателя слѣдовало бы прибавить небольшую табличку соотвѣтствія англійскихъ и русскихъ денегъ, чтобы легче было переводить англійскія деньги на русскія: иначе фунты, шиллинги и пенсы слишкомъ мало говорятъ читателю.

А. Бартъ. Религіи Индіи Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Трубецкаго. (Научно-популярная библіотека «Русской Мысли». Вып. IV) Москва 1897 IX+337 стр. Цѣна 1 р. Выборъ книги Барта для перевода на русскій языкъ нужно признать весьма удачнымъ. Авторъ съ большимъ мастерствомъ изъ обширнаго матеріала религіозной исторіи Индіи выбралъ наиболѣе важное и объединилъ все это въ одну связную исторію религіознаго развитія индусовъ. Всякій, нѣсколько знакомый съ состояніемъ знаній и источниковъ нашихъ свѣдѣній въ этой области, знаетъ, насколько трудно выполненіе этой задачи,

Религіозная исторія Индіи интересна, во-первыхъ, тѣмъ, что на ней мы можемъ набюдать постоянныя измѣненія, которыя претерпѣвала религія индусовъ. Эти постоянныя измѣненія, можно сказать, составляютъ характерную черту индійскихъ религій. Ни у одного народа мы не находимъ такой подвижной и измѣнчивой религіи. Но, съ другой стороны—и это составляетъ вторую характерную черту—все это разнообразіе религіозныхъ системъ до такой степени однообразно въ своей основѣ, что часто бываетъ трудно уловить черты, отличающія одну секту отъ другой. До извѣстной степени эти отличительныя черты присущи и другимъ религіямъ, но нигдѣ мы ни находимъ такого поразительно рѣзкаго ихъ развитія. Мы часто встрѣчаемся на индійской почвѣ съ поразительной мощью религіозной философской мысли, и тутъ же наталкиваемся на крайнее убожество дикихъ и грубыхъ суевѣрій. Это противорѣчіе, существующее, впрочемъ, и въ другихъ религіяхъ, объясняется до извѣстной степени сліяніемъ религій различныхъ классовъ. Религіозно-философское умозрѣніе всегда составляетъ достояніе немногочисленнаго кружка лицъ, и религіозныя системы, созданныя этими избранниками, распространяясь въ массѣ, всегда бываютъ обречены на гибель: ихъ затемняетъ и почти вполнѣ заслоняетъ масса суевѣрій и связанныхъ съ ними обрядовъ, которые составляютъ религіозную атмосферу непросвѣщенныхъ массъ. Вотъ этотъ то процессъ постояннаго созданія и растворенія религіозныхъ системъ мы можемъ наблюдать лучше всего на религіозной исторіи Индіи.

Бартъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ всѣ перипетіи этого процесса развитія. Главное достоинство его изложенія заключается въ томъ, что читатель выноситъ изъ чтенія книги вполнѣ опредѣленное и однородное впечатлѣніе. Это—не отдѣльныя характеристики различныхъ религіозныхъ системъ и сектъ, а дѣйствительно цѣльная картина исторіи религій Индіи. Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ древнѣйшей ведической религіи Индіи, затѣмъ излагаетъ, какъ видоизмѣнилась старая религія подъ вліяніемъ развившейся въ брахманской средѣ религіозной философіи. Далѣе на почвѣ Индіи возникаютъ одновременно двѣ весьма близкія по содержанію религіи, буддизмъ и джайнизмъ. Авторъ предполагаетъ, что джайнизмъ представляетъ отдѣлившуюся отъ буддизма секту. Затѣмъ онъ разсматриваетъ позднѣйшія индусскія секты — вишнуитскія и шиваитскія, наконецъ многочисленныя реформаціонныя секты и доводитъ свое изложеніе до современности.

Русскій переводъ книги въ общемъ сдѣланъ недурно но мѣстами попадаются не вполнѣ точныя выраженія, французскіе и прост не русскіе обороты.

Такъ, напр., на стр. 136 упоминается о «мірской общинѣ, которая не замедлила составиться подъ его (буддизма) направленіемъ»; на стр. 21 «проводится форменная параллель между Варуной и Индрой» (очевидно, нужно читать «формальная»); на стр. 32 «миѳъ есть простая подставка высшей дѣйствительности». Особенно бросается въ глаза французское упротребленіе «и (но), который» въ такихъ оборотахъ, какъ «религіозное чувство, столь возвышенное и которое проявляется въ гимнахъ» (22). Этотъ оборотъ очень частъ и, очевидно, не объясняется опечатками, которыхъ въ книгѣ тоже не мало. Есть не мало также ошибокъ въ передачѣ собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ. Такъ, богъ Савитаръ и названіе стиха Савитри передается одинаково—Савитри, встрѣчается чрути вм. шрути, чакхи вм. шакхи и т. д.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Тойнби. «Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII-омъ в.» — *Парвусъ.* «Міровой рынокъ и сельскохозяйственный переворотъ».

Арн. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII-омъ столѣтіи. Перев. съ англійскаго съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. Изданіе «Научно-образовательной библіотеки». М. 1898 г. Ц. 50 к. Арнольдъ Тойнби принадлежитъ къ числу авторовъ, знакомясь съ которыми, вы, если и не раздѣляете порою ихъ взглядовъ, то не можете не поддаваться обоянію ихъ искренности и благородства, не отдавать должной дани ихъ убѣжденности и высокимъ побужденіямъ, которыя руководятъ въ ихъ дѣятельности. Умеръ онъ очень рано—въ 1883 году на 31 году жизни. И, однако, онъ успѣлъ оставить замѣтный слѣдъ и въ наукѣ политической экономіи, которой посвящалъ главное внимачіе, а еще болѣе въ исторіи просвѣщенія рабочихъ массъ Англіи. Въ 70-хъ годахъ англійская молодежь увлекалась ученіями Карлейля и Рёскина, вдохновенно взывавшихъ къ вниманію зажиточныхъ и образованныхъ классовъ въ пользу нуждающихся и невѣжественныхъ слоевъ населенія. Подъ вліяніемъ этихъ идей и увлекаемый врожденной гуманностью натуры (уже отецъ Тойнби отличался симпатіей къ рабочему люду и учредилъ для рабочихъ вечерніе классы), Арнольдъ Тойнби поселился въ самомъ центрѣ лондонской рабочей нищеты, въ Уайтчепелѣ, желая стать ближе къ быту и понятіямъ его населенія. Позднѣе онъ открылъ рядъ публичныхъ чтеній рабочимъ классамъ, съ цѣлью ознакомить ихъ съ основными вопросами современности, съ исторіей развитія промышленности и главными теоріями о положеніи труда. Обладая рѣдкимъ даромъ рѣчи и изложенія и глубокой искренностью тона, Тойнби имѣлъ среди своихъ слушателей большой успѣхъ. Иногда на его лекціяхъ, какъ, напр., въ Брэдфордѣ, наряду съ рабочими присутствовали и фабриканты. Нервное напряженіе, требующееся при чтеніи передъ обширной аудиторіей, губительно дѣйствовало на слабое здоровіе Тойнби и онъ скончался послѣ двухъ лекцій въ Лондонѣ о сочиненіяхъ извѣстнаго экономиста Генри Джорджа. Въ своей просвѣтительной дѣятельности Тойнби является иниціаторомъ обширнаго движенія въ университетскихъ городахъ Англіи, направленнаго къ улучшенію духовной и матеріальной жизни рабочихъ и выразившагося въ основаніи такъ-называемыхъ университетскихъ поселеній въ рабочихъ кварталахъ.

Разсматриваемое нами русское изданіе и представляетъ рядъ лекцій Тойнби о промышленномъ переворотѣ въ Англіи съ приложеніемъ весьма интересной лекціи о промышленности и демократіи, которую авторъ читалъ въ Брэдфордѣ. Лекціи о промышленномъ переворотѣ въ Англіи XVIII вѣка

обработаны уже по смерти Тойнби его друзьями на основаніи оставшихся бумагъ и отрывковъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторые недостатки связи и изложенія; однако, всѣ эти главы не механически сопоставлены, но проникнуты единствомъ идеи и содержанія. Съ одной стороны, съ глубокимъ знаніемъ фактическаго матеріала обрисовываются главныя стадіи того безпримѣрнаго въ исторіи переворота, который превратилъ Англію, нѣкогда страну мелкаго земледѣлія и мелкихъ промысловъ, въ страну съ господствомъ крупнаго землевладѣнія и крупной промышленности. Съ другой стороны даются мастерскія характеристики возникавшихъ одновременно съ этимъ переворотомъ экономическихъ ученій и именно въ связи съ фактами экономической дѣйствительности. Послѣдняя XIV-ая глава лекцій посвящена вопросу о будущности рабочихъ классовъ. Въ этой главѣ, равно какъ и въ послѣдней, трактующей о соотношеніи промышленности и демократіи, особенно ярко выступаютъ отличительныя черты натуры Тойнби, душевная мягкость и идеалистическая складка воззрѣній. Безъ сомнѣнія, онъ видитъ дѣйствительную задачу не въ томъ, чтобы произвести нѣкоторыя улучшенія въ положеніи рабочаго, а въ томъ, чтобы добиться его полной матеріальной независимости. Но, по его убѣжденію, возникающія на этой почвѣ столкновенія интересовъ съ теченіемъ времени должны все болѣе и болѣе улаживаться при помощи нравственныхъ идей, принаровленныхъ къ гражданской ступени развитія. Развитіе демократіи, возвышая положеніе низшихъ классовъ, надѣляя ихъ высшею культурою, равноправіемъ и образованностью, ставитъ ихъ вмѣсто прежнихъ враждебныхъ отношеній къ предпринимателямъ въ отношеніи нѣкотораго единенія въ общемъ дѣлѣ, дѣловой сдѣлкѣ. Много въ этомъ отношеніи сдѣлали уже трэдъ-юніоны, рабочія корпораціи и примирительныя бюро по вопросамъ о заработной платѣ. Эта надежда на союзъ между классами представляется Тойнби особенно основательной въ Англіи, гдѣ, «благодаря непрерывности историческаго процесса, классы, даже послѣ разложенія старой соціальной системы, продолжаютъ еще въ извѣстной степени чувствовать себя взаимно обязанными другъ передъ другомъ». И онъ полагаетъ, что одною изъ важнѣйшихъ задачъ, лежащихъ на представителяхъ образованныхъ классовъ, является «соціальное воспитаніе капитала», пробужденіе въ предпринимателяхъ сочувствія къ улучшенію быта рабочихъ и къ живому общенію съ послѣдними на почвѣ гражданскихъ и духовныхъ интересовъ. Отвѣтомъ на этотъ его призывъ и было отчасти созданіе университетскихъ поселеній въ рабочихъ кварталахъ съ цѣлью подъема рабочихъ классовъ.

Нельзя, однако, не признать, что оптимистическія надежды Арнольда Тойнби на примирительный исходъ противорѣчій, созданныхъ описанной имъ исторіей развитія крупной промышленности, едва ли могутъ быть приняты въ виду фактовъ экономической дѣйствительности какъ современной Англіи, такъ въ особенности континента. Но какъ бы то ни было, убѣжденія его продиктованы настолько благороднымъ и искреннимъ чувствомъ вѣры въ долгъ и возрастающее вліяніе его въ жизни, что не могутъ не играть въ ней извѣстной роли.

Изданіе лекцій Арнольда Тойнби «Научно-образовательною библіотекою» снабжено предисловіемъ, написаннымъ А. И. Чупровымъ, въ которомъ сжато сообщаются данныя біографіи рано умершаго ученаго и дается характеристика его міровоззрѣнія. Внѣшніе недостатки изданія вполнѣ искупаются его дешевизною.

Парвусъ. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Экономическіе очерки. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Я. (Образовательная библіотека. Серія II. № 2. Изд. О. Н. Поповой). Стр. 142. Цѣна 40 коп. Этюды Парвуса [Parvus (маленькій)—псевдонимъ одного извѣстнаго нѣмецкаго экономиста и публициста] въ свое время, когда они появлялись на страницахъ одного нѣ-

мецкаго журнала, вполнѣ заслуженно обратили на себя вниманіе и цитировались даже на трибунѣ германскаго рейхстага однимъ консервативнымъ депутатомъ, хотя авторъ «Мірового рынка» вовсе не консерваторъ, а одинъ изъ наиболѣе ортодоксальныхъ и рѣшительныхъ послѣдователей Карла Маркса. Парвусъ—выдающійся діалектикъ; онъ съ большимъ умѣньемъ и не безъ остроумія, которое, къ сожалѣнію, въ переводѣ выходитъ нѣсколько тяжеловѣснымъ, развиваетъ свою основную тему. Вкратцѣ, она сводится къ слѣдующему. Аграрный кризисъ стоитъ въ тѣсной связи съ фактомъ созданія мірового рынка и съ индустріальнымъ развитіемъ, т. е. съ прогрессомъ капиталистической промышленности. «Индустріальное развитіе возвышаетъ рыночный спросъ на хлѣбъ. Вмѣстѣ съ рыночнымъ спросомъ растутъ хлѣбныя цѣны. Съ возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ расширяется площадь посѣва и усиливается интенсивность культуры, т. е. увеличивается количество продукта съ гектара, благодаря приложенію большаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ земельная рента, соотвѣтственно ей арендная плата, а съ ними и цѣна земли» (81—82). Но если высока цѣна земли, то должна быть высока рента и должны быть высоки издержки производства. Между тѣмъ созданіе мірового рынка необходимо ведетъ съ собой вовлеченіе въ обмѣнъ экономически отсталыхъ странъ, гдѣ цѣна земли, рента и издержки производства низки. Эти страны, несмотря на то, что ихъ относительная сельскохозяйственная производительность положительно мизерна, побиваютъ передовыя страны съ высокими урожаями и господствуютъ на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ *). Дѣло въ томъ, что страны съ высокой сельскохозяйственной техникой влачатъ за собой капиталистическую гирю, которая тянетъ ихъ къ низу: высокую цѣну на землю и высокую ренту. Таковъ жестокій «капиталистическій парадоксъ», въ силу котораго, повидимому, пропали даромъ «все сельскохозяйственное развитіе этого столѣтія, развитіе химіи, спеціальной агрономіи, уразумѣніе обмѣна веществъ въ растеніяхъ и свойствъ почвы, введеніе машинъ, мелioрацій, раціональной плодоперемѣнной системы и т. д.» (стр. 83—84).

Въ сущности, Парвусъ лишь облекаетъ въ законченныя теоретическія формулы факты, признаваемые представителями всѣхъ или почти всѣхъ направленій. Онъ теоретическимъ анализомъ пытается раскрыть связь между аграрнымъ кризисомъ и всей существующей организаціей народнаго хозяйства. Онъ доказываетъ, что сельскохозяйственный кризисъ необходимое порожденіе этой организаціи и что въ ея рамкахъ нѣтъ выхода изъ кризиса. «Капиталистическое общество, основою котораго служитъ частная собственность, можетъ устранять ея противорѣчія, только такимъ образомъ, что одинъ собственникъ разоряется и сходитъ со сцены, а на его мѣсто появляется другой. Частный собственникъ долженъ погибать, чтобы сохранялась частная собственность. Единственное его (т. е. капиталистическаго общества, въ русскомъ текстѣ «ея», что, очевидно, *опечатка)* противъ аграрнаго кризиса, если не говорить о случайной благопріятной комбинаціи мірового рынка, средство—продажа съ молотка всей капиталистической земельной собственности» (стр. 140—141). Авторъ полагаетъ, что ни переходъ гипотекъ въ руки государства, которое стало бы тогда единственнымъ гипотечнымъ кредиторомъ землевладѣльцевъ, ни погашеніе гипотекъ, ни даже переходъ земли въ руки государства не могутъ—при дан-

---

*) Средній урожай пшеницы составляетъ:

				въ Великобританіи . . .	26,9	гектолитровъ съ гектара.
»	»	»	»	» Германіи	17,0	
»	»	»	»	» Франціи.	14,9	
»	»	»	»	» Венгріи	11,0	
»	»	»	»	» Соединенныхъ Шт. .	10,7	
»	»	»	»	» Россіи.	6,7	

ныхъ условіяхъ народнаго хозяйства и мірового рынка — устранить основной причины кризиса. Для этого необходимо было бы «веденіе сельскаго хозяйства всей страны, какъ одного предпріятія, и планомѣрное общественное натуральное хозяйство» (стр. 142).

Нельзя сказать, чтобы интересные этюды Парвуса были написаны очень легко. Но тѣ вопросы, которымъ они посвящены, вообще очень трудно, если не невозможно трактовать въ одно и то же время и легко, и основательно. Тотъ, кто преодолѣетъ трудности предмета и вытекающія изъ нихъ трудности изложенія, будетъ вполнѣ вознагражденъ: небольшая книга Парвуса дастъ ему поучительные факты и выводы и заставитъ призадуматься надъ многими вопросами. Переводъ, за вычетомъ нѣсколькихъ неточностей и небрежностей и, повидимому, неизбѣжнаго въ русскихъ книгахъ большого количества опечатокъ, удовлетворителенъ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Д-ръ мед. В. И. Раммъ. Массажъ и врачебная гимнастика. Теорія и практика массажа и врачебной гимнастики и ихъ примѣненіе къ лѣченію болѣзней въ общедоступномъ изложеніи. 197 стр. Изданіе М. Попова. С.-Петербургъ. 1898 г. Читая эту удовлетворительно изданную книжку, мы никакъ не могли разрѣшить вопросъ, для кого и для чего она написана. Насколько трудно разрѣшить этотъ вопросъ, можно увидѣть изъ краткаго обзора ея содержанія. Первыя 76 стр. заняты, какъ авторъ озаглавливаетъ, анатоміей. Послѣдовательно излагается ученіе о костяхъ, затѣмъ обзоръ скелета, отдѣльныхъ костей мышцъ, нервовъ, сосудовъ и внутреннихъ органовъ. Нельзя не считать совершенно правильной мысль автора, что прежде чѣмъ говорить о томъ, что такое массажъ, нужно дать читателю хоть какія-нибудь свѣдѣнія о человѣческомъ тѣлѣ. Но, если нельзя не согласиться съ правильностью этого взгляда автора, то изложеніе этого отдѣла въ книжкѣ таково, что врядъ ли кто-либо можетъ вынести изъ этого отдѣла что-нибудь полезное для себя. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, изобилуютъ большимъ количествомъ мелкихъ деталей, а въ общемъ изложеніе настолько сжато, что напоминаетъ намъ удовлетворительно составленный повторительный курсъ для экзаменовъ. Приведемъ для примѣра, одно мѣсто, тѣмъ болѣе, что вся эта часть изложена совершенно одинаково: «двуглавая мышца расположена на передней сторонѣ плеча. Верхній конецъ ея расщепленъ на двѣ половины, изъ которыхъ наружная, превращаясь въ сухожиліе, ложится сначала между двумя бугорками плеча (въ вырѣзѣ его), потомъ проникаетъ сквозь отверстіе суставной сумки въ полость плечевого сустава и тамъ прикрѣпляется къ верхнему краю суставной ямки лопатки»... Нужно прибавить, что въ этомъ отдѣлѣ не имѣется ни одного рисунка. Очевидно, такія описанія и при обильномъ количествѣ рисунковъ усвоить было бы очень трудно; безъ рисунковъ вынести что-нибудь совершенно невозможно.

На страницахъ, съ 76 по 87, такимъ же образомъ, излагается физіологія. Такъ какъ методъ изложенія остается тотъ-же, что и въ первомъ отдѣлѣ, то понять что-либо въ этомъ отдѣлѣ можетъ только человѣкъ, уже знакомый нѣсколько съ физіологіей. Съ 88 по 113 страницахъ столь же тяжелымъ, мало доступнымъ образомъ излагается исторія массажа и врачебной гимнастики. И только, наконецъ, на стр. 113 мы находимъ изложенія техники массажа, сопровождающееся достаточнымъ количествомъ рисунковъ. Наконецъ, на стр.

141 начинается послѣдній отдѣлъ: описаніе тѣхъ болѣзненныхъ формъ, при которыхъ примѣняются массажъ и врачебная гимнастика. Характерной чертой этого отдѣла является то, что авторъ, начиная описаніе какой-нибудь болѣзни съ мудренымъ латинскимъ названіемъ, часто прибавляетъ слова: «какъ извѣстно». Способъ изложенія виденъ, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста: «*Плоская стопа*. Извѣстный ученый Ландеръ предлагаетъ лѣчить болѣзненную плоскую стопу массажемъ мышцъ, которыя при искривленіяхъ существенно способствуютъ удержанію ложнаго положенія, въ данномъ случаѣ, стало быть, прежде всего, короткихъ мышцъ подошвы». Намъ кажется несомнѣннымъ, что изъ подобнаго изложенія нельзя понять, что такое плоская стопа, а слѣдовательно, нельзя раціонально и примѣнить массажъ. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ того, попадаются вредные и даже опасные совѣты. Такъ, на стр. 176, въ отдѣлѣ—телеангіэктазія, совѣтуется примѣнять энергичное растираніе расширенныхъ венозныхъ узловъ. Исполненіе такого совѣта можетъ повлечь при случаѣ смерть больнаго.

Такимъ образомъ книга д-ра мед. В. И. Рамма не можетъ быть пригодна для врачей и вообще для людей съ хорошей медицинской и естественно-научной подготовкой—они воспользуются другими учебниками. Для людей же не имѣющихъ такой подготовки она совсѣмъ не годится. Эта книжка не изложена общедоступно, хотя это общедоступное изложеніе обѣщано на ея заголовкѣ.

ЭТНОГРАФІЯ.

Д-ръ Черевкова. «Очерки Японіи».—*Д. Шрейдеръ.* «Нашъ дальній востокъ».

А. А. Черевкова (женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. С.-Петербургъ, 1898. Стр. 218. 1 руб. 50 к. Японія издавна была страной, привлекавшей къ себѣ вниманіе. Когда-то она интересовала своеобразной, высокой культурой, своеобразнымъ строемъ жизни, поэтическими преданіями, своимъ искусствомъ и, наконецъ, своей природой. При этомъ каждая новая черта, которую удавалось изслѣдователямъ подмѣтить, имѣла для нихъ тѣмъ большую прелесть, что доступъ въ страну былъ очень затрудненъ. Одно время Японія была обѣтованной землей для ботанниковъ, для которыхъ въ ней открылся цѣлый міръ новыхъ вѣчно зеленыхъ растеній, хвойныхъ и цвѣтовъ. Все это были чисто научные интересы. Въ практическомъ же отношеніи Японія представляла для европейцевъ не больше интереса, чѣмъ всякая другая азіатская страна: въ нее стремились проникнуть, чтобъ открыть въ ней рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ. Теперь картина измѣнилась: за Японіей внимательно слѣдятъ какъ за соперникомъ, быстрый ростъ котораго пугаетъ и въ этомъ отношеніи, конечно, все, что происходитъ въ Японіи близко касается и Россіи. Но для насъ она интересна еще въ другомъ отношеніи. Также, какъ и наша страна, она долго была закрыта отъ европейской культуры, для которой вдругъ былъ открытъ широкій доступъ. Мы должны признаться, что, повидимому, въ Японію эта культура проникаетъ быстрѣе и притомъ глубже проникаетъ въ массу, чѣмъ это было у насъ. Недавно насъ поразилъ въ этомъ отношеніи одинъ мелкій фактъ: какъ извѣстно, Японія постоянно и очень сильно страдаетъ отъ землетрясеній и внезапныхъ морскихъ наводненій, которыя тоже ставятъ въ связь съ землетрясеніями. Во время этихъ катастрофъ погибаетъ масса народа. Понятно, до чего землетрясенія составляютъ жгучій жизненный вопросъ для японскаго населенія. Вѣроятно, и

раньше существовали разныя примѣты, по которымъ можно было предвидѣть землетрясеніе и принимать мѣры предосторонности. Что же внесла новаго по этому вопросу европейская наука? Лишь только въ страну проникли свѣдѣнія объ европейскихъ пріемахъ изученія землетрясеній, какъ этимъ вопросомъ занялось множество изслѣдователей, сейчасъ появилось, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, неисчислимое количество вновь изобрѣтенныхъ приспособленій и приборовъ для записыванія колебаній почвы. Для провѣрки дѣйствительности приборовъ прибѣгли къ слѣдующему средству: посредствомъ взрывовъ динамита приводили почву въ колебанія, которыя и записывались приборами. Наконецъ, въ 1883 году въ Токіо была открыта спеціальная выставка приборовъ для записыванія колебаній почвы, она продолжалась три дня и привлекла такую массу посѣтителей, что пришлось прибѣгнуть къ помощи полиціи и пускать зрителей группами человѣкъ по пятидесяти. Результатомъ этого движенія былъ крупный прогрессъ въ изученіи землетрясеній, которымъ воспользовалась и европейская наука («Nature», № 1472). Намъ кажется, что на этомъ примѣрѣ видно, насколько не правительство только, не отдѣльныя лица, а масса людей получаетъ въ пользованіе пріобрѣтенія новой культуры. И какъ этотъ примѣръ поучителенъ для насъ! Какая разница между этимъ стремленіемъ воспользоваться средствами новой культуры для борьбы съ своимъ исконнымъ врагомъ и нашимъ безучастнымъ отношеніемъ къ вреднымъ насѣкомымъ, засухамъ, недородамъ и другимъ бѣдствіямъ русской жизни. Д-ръ Черевкова, авторъ «Очерковъ Японіи», не разъ и на довольно продолжительное время посѣщала Японію. Очерки написаны легкимъ языкомъ и содержатъ много интересныхъ описаній быта населенія и мѣстностей. Вы найдете описаніе званаго японскаго обѣда, похоронъ, семейнаго быта, японской тюрьмы, праздниковъ, храмовъ. Описано также нѣсколько поѣздокъ автора по Японіи. Какъ мы только-что сказали, авторъ очень живымъ, легкимъ языкомъ сообщаетъ свои впечатлѣнія объ этой чудной и странной землѣ, гдѣ встрѣчаются вмѣстѣ памятники древнѣйшей и оригинальнѣйшей культуры съ лампочками Эдиссона и парламентъ уживается съ дженериктами, т. е. съ перевозкой людей и тяжестей людьми же. Между прочимъ, въ книжкѣ передается извѣстное поэтичное преданіе о томъ, какъ 47 слугъ-вассаловъ отмстили за смерть своего князя. Жаль только, что авторъ не могъ намъ сообщить побольше другихъ, не столь извѣстныхъ преданій. Въ общемъ нужно сказать, что повидимому авторъ очерковъ не владѣлъ достаточно японскимъ языкомъ, такъ что ему было трудно познакомиться глубже съ жизнью народа. Поневолѣ въ его книгѣ болѣе видное мѣсто занимаютъ описанія мѣстностей и памятниковъ искусства, но, не смотря на это, «Очерки Японіи», безъ сомнѣнія, интересная книга. Мы должны еще отмѣтить, что изъ чтенія книги выносишь впечатлѣніе правдивости автора, что̀ далеко невсегда можно сказать про путевые очерки. Кромѣ того, авторъ съ несомнѣнной симпатіей и вниманіемъ относится къ странѣ, которую онъ описываетъ, и никогда въ его впечатлѣніяхъ не чувствуются знакомыя черты русскаго квасного патріота-путешественника.

Д. Н. Шрейдеръ. Нашъ дальній востокъ. (Три года въ Уссурійскомъ краѣ). Съ 36-ю рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1898 г. Талантливый и добросовѣстный изслѣдователь крайняго востока, г. Шрейдеръ, съ книгой котораго о Японіи наши читатели уже знакомы *), выпустилъ новый трудъ, посвященный нашей далекой окраинѣ, Уссурійскому краю. Много о немъ говорится въ послѣднее время, много пишется,

*) См. «М. Б.» 1895 г., его очерки «Йаматойо и его семья», а также рецензію на книгу о Японіи—«М. Б.», 1896 г., дек., рецен. въ маѣ 1898 г. въ отдѣлѣ «Народныя изданія».

какъ о какой-то обѣтованной землѣ, которой недоставало только хорошаго пути для соединенія съ Россіей, но всѣ эти разсказы и разговоры мало чѣмъ отличаются отъ представленій народа о «бѣлой Арапіи» и «теплыхъ водахъ». Одни съ патріотическимъ жаромъ указывали на этотъ край, какъ на «твердый базисъ для русскаго гиганта», опираясь на который, этотъ гигантъ будетъ «усмирять» японца и американца, какъ онъ «усмирялъ» турка и венгерца въ Европѣ. Говорилось объ «окнѣ» въ Великій океанъ, безъ котораго русскому человѣку жить нельзя, и много еще подобнаго превыспренняго вздора. Г. Шрейдеръ, далекій всякихъ увлеченій, спокойно и безпристрастно разсказываетъ то, что видѣлъ и слышалъ за три года своего пребыванія въ Уссурійскомъ краѣ, который подъ его перомъ теряетъ всякую радужную оболочку и встаетъ передъ читателемъ, какъ дикая пустыня, необъятная по размѣрамъ и въ высшей степени трудная для культуры. Уссурійскій край составляетъ главную часть Приморской области, которая «занимаетъ свыше полутора милліона квадр. верстъ, т. е. по пространству равна Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятымъ», а населенность его едва достигаетъ въ среднемъ полутора человѣкъ на квадратную версту. Весь этотъ край внутри лишенъ дорогъ, страшно изрѣзанъ высокими горами, покрытъ дикой тайгой и населенъ звѣрями, среди которыхъ тигръ, по мѣстному «ламаза», занимаетъ первое и главное мѣсто. Рѣдкія поселенія разбросаны вдоль рѣкъ, сдавленныхъ горами, вслѣдствіе чего бываютъ постоянныя наводненія, уничтожающія всякую возможность долгой и кропотливой культуры: въ одинъ часъ гибнутъ усилія и труды цѣлаго поколѣнія. Бороться съ природой при такихъ условіяхъ пришлому, неопытному новоселу становится не подъ силу, и переселенцы разбредаются во всѣ стороны, покинувъ на произволъ судьбы новую родину, о которой столько мечтали они гдѣ-нибудь въ глуши Малороссіи или центральной Россіи.

Край оффиціально принадлежитъ намъ уже 50 лѣтъ, со временъ адмирала Невельскаго, впервые ступившаго на амурскій берегъ и поднявшаго на немъ русскій флагъ. Русскіе оффиціально являются здѣсь владѣльцами, но фактически краемъ владѣютъ жалкіе выходцы изъ Китая—манзы и бѣглецы изъ сосѣдней Кореи. Въ приморской части, въ городахъ и портахъ, китайцы на каждомъ шагу, и безъ нихъ жители погибли бы. Въ глуши—манзы и корейцы единственные представители культуры, съ нечеловѣческими усиліями вырывающіе у природы жалкій кусокъ хлѣба. «Лишись край китайцевъ по какой-нибудь чрезвычайной причинѣ,—всякая культурная жизнь въ немъ должна прекратиться»,—говоритъ авторъ.—«И это вполнѣ понятно. При отсутствіи въ этомъ юномъ краѣ постояннаго и осѣдлаго русскаго населенія, присутствіе манзы является абсолютно необходимымъ условіемъ болѣе или менѣе сноснаго существованія европейца. Безъ манзы онъ сидѣлъ бы здѣсь безъ пищи, питья и топлива и нуждался бы въ самыхъ существенныхъ и элементарныхъ предметахъ человѣческаго общежитія». И не слѣдуетъ думать, что это лишь временное положеніе, которое измѣнится по мѣрѣ заселенія края русскими поселенцами. Дѣло въ томъ, что для сколько-нибудь сноснаго существованія требуется по истинѣ каторжный трудъ при условіи всяческихъ лишеній. Разсчитывать впередъ ничего нельзя, такъ какъ неустойчивость условій бытія здѣсь превосходитъ всякія предположенія. Наводненія, лѣсные пожары, тигры, мошка, бѣглые каторжники, китайскіе бродяги дѣлаютъ немыслимымъ для русскаго поселенца прочно и стойко обосноваться на облюбованномъ мѣстѣ. Только манза, этотъ парія, отверженецъ и бѣглецъ, котораго гонитъ изъ Китая голодъ, драконовскіе законы, бамбуковая палка и колъ, можетъ выдержать всѣ лишенія, претерпѣваемыя имъ въ Уссурійскомъ краѣ. Сюда они забирались тайкомъ, по дикимъ непроходимымъ тропамъ, основывали въ тайгѣ уединенныя поселенія, которыя тотчасъ же бросаютъ, какъ только является русскій «капитана»,—такъ они величаютъ всякаго русскаго,

будь онъ начальство или нѣтъ. Прежде ихъ не пускало китайское правительство, теперь ихъ гонитъ и русское начальство, опасаясь этого неудержимаго заселенія края китайцами. Опасенія эти, можетъ быть, и справедливы, но русскаго населенія почти нѣтъ, оно ютится кое-гдѣ вдоль Амура да у береговой полосы, и безъ манзы, въ качествѣ работника и культуртрегера, обойтись не въ силахъ.

«Въ Уссурійскомъ краѣ,—говоритъ авторъ,—русская народность еще теряется въ массѣ инородцевъ. Только въ центральной части своей, по большому тракту, въ одномъ концѣ котораго находится Владивостокъ (на югѣ), а въ другомъ (на сѣверѣ)—озеро Ханка, русскіе осѣли довольно прочно, и русскій элементъ наложилъ уже на все свой отпечатокъ». Къ сожалѣнію, сказывается этотъ отпечатокъ прежде всего варварскимъ истребленіемъ лѣса. Около Владивостока, напр., гдѣ лѣтъ тридцать назадъ стѣной возвышался настоящій мачтовый лѣсъ, приводившій въ восторгъ англійскихъ моряковъ, теперь не осталось ни *одного* дерева, годнаго для мачтъ, ничего, кромѣ чахлаго кустарника. То же самое замѣчается и вокругъ всѣхъ русскихъ поселеній. Отчасти такое дикое истребленіе лѣса велось изъ самозащиты, чтобы обезопасить себя отъ тигровъ, отчасти изъ особой ненависти русскаго населенія къ лѣсу вообще. Русская колонизація вездѣ знаменуется безпощаднымъ уничтоженіемъ лѣсовъ, что въ Уссурійскомъ краѣ повело мѣстами къ полному прекращенію жизни. Выжженныя пространства на десятки верстъ, развалины строеній, слѣды посѣвовъ, заброшенныхъ камнями, нанесенными постепенными наводненіями,—таковъ видъ бывшаго русскаго поселка, обитатели котораго разбрелись куда глаза глядятъ. Китайцы и корейцы ковыряются въ землѣ, добывая изъ нея болѣе обильную для себя пищу, чѣмъ на родинѣ. Русскій поселенецъ приходитъ съ самыми радужными мечтами, получаетъ на мѣстѣ земли, сколько хочетъ, пособіе на первое обзаведеніе и черезъ два-три года столь же страстно рвется отсюда, какъ прежде страстно стремился. Вотъ, напр., что говоритъ авторъ о поселеніяхъ Ольгинскаго округа. Описавъ всевозможныя богатства округа, въ видѣ рыбы, лѣса, превосходной земли, г. Шрейдеръ заканчиваетъ: «И тѣмъ не менѣе, эти богатѣйшіе покосы, которые могутъ прокормить не одинъ десятокъ тысячъ головъ рогатаго скота, растутъ и цвѣтутъ, засыхаютъ и гніютъ, не принося никому никакой пользы, а обширныя долины, могущія вселить въ себѣ не одно многолюдное село, не только не заселяются, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ, и, какъ говорятъ, недалеко то время, когда здѣсь не останется ни одного русскаго крестьянина-поселенца. Какъ ни странно это на первый взглядъ, но фактъ тотъ, что районъ залива св. Ольги, еще лѣтъ двадцать назадъ бывшій довольно люднымъ и обладавшій довольно значительнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, контингентомъ русскаго населенія, нынѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше пустѣетъ, вслѣдствіе выселенія русскихъ крестьянъ. Село Пермское, имѣвшее раньше до 70 русскихъ дворовъ, уже три года назадъ насчитывало всего 18 дворовъ; въ двухъ остальныхъ русскихъ селеніяхъ осталось всего два-три двора». Неумѣніе примѣниться къ новымъ условіямъ, инертность, любовь къ рутинѣ, антипатія къ новшествамъ, отсутствіе предпріимчивости и, главное, глубокая темнота и безпросвѣтное невѣжество—вотъ причины этого явленія. А манзы, корейцы и японцы, въ качествѣ аборигеновъ края, живутъ тутъ же рядомъ, что называется, припѣваючи, множатся и процвѣтаютъ. Администрація силится ихъ выжить, они уступчиво уходятъ глубже, въ тайгу, гдѣ и образуютъ новыя поселенія въ недоступныхъ углахъ непроходимой чащи.

Таково положеніе дѣла теперь. Авторъ обнадеживаетъ, что съ проведеніемъ сибирской линіи, когда край станетъ доступнѣе, измѣнятся условія существованія, поселенецъ не будетъ чувствовать себя такимъ заброшеннымъ, явится

возможность болѣе правильной борьбы съ мѣстной природой, что придастъ русскому населенію больше устойчивости. Вѣроятно, онъ правъ, хотя всѣ приведенные имъ факты говорятъ, что много-много еще понадобится времени, усилій и жертвъ, пока «русскій гигантъ», теперь безсильный передъ чахлыми манзами, станетъ дѣйствительно господиномъ этого края, вызывавшаго восторгъ въ англичанахъ, впервые его посѣтившихъ тридцать лѣтъ назадъ. А пока «не на радость и беззаботную жизнь, а на тяжелый трудъ, на трудъ упорный долженъ ѣхать всякій переселенецъ, собирающійся въ Уссурійскій край». О быстромъ промышленномъ развитіи этого края, по словамъ почтеннаго автора, и думать нечего. Въ дѣйствительности, развитіе торговли и промышленности не только пока не двигается, но отсутствуютъ пока всѣ условія для этого движенія. На Хабаровскомъ съѣздѣ «свѣдущихъ людей» года четыре назадъ такъ формулировалось положеніе дѣлъ: «Въ Амурской и Приморской областяхъ почти вовсе не существуетъ ни заводской, ни фабричной, ни кустарной промышленности. Это обстоятельство весьма неблагопріятно отзывается на земледѣльческомъ населеніи областей, такъ какъ за всѣ мануфактурные, желѣзные и другіе товары приходится платить очень дорого. Эта дороговизна не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ цѣнами земледѣльческихъ продуктовъ». Нѣтъ капиталовъ, нѣтъ рабочихъ, нѣтъ иниціативы, и долго-долго еще придется громадной области, превосходящей пространствомъ германскую имперію, быть во власти манзы, тигра и бѣглаго сахалинца.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го іюня по 15-е іюля 1898 года.

Сборникъ учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. I. Юрьевъ. 1898 г. Ц. 2 р.

С. Зенченко. Учебникъ древней исторіи. Вып. I. Востокъ и Греція. Изд. 2-ое, испр. Москва. Изд. книж. магаз. Тихоміpова. 1898. Ц. 80 к.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Т. II. Изд. книж. магаз. Самойлова. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. Ц. I и II—3 р. 50 к.

Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Въ 2-хъ том. Т. I. Изд. Поповой. Спб. 1898 г. Ц. 5 р. за оба тома.

Цвѣтковъ. Курсы грамоты. (Объ урокахъ обученія взр. чтенію и письму). Спб. 1898 г.

С. М. Дубновъ. Учебникъ еврейской исторіи. Для евр. юношества. Ч. I. Одесса. 1898 г Ц. 60 к.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Пер. И. И. Шитца съ пред. проф. Виноградова. «Научно-образовательная библіотека». Москва. 1898 г.

Воеводскій. Опытъ упрощенья русскаго правописанія.

Кернеръ фонъ-Мариландъ. Жизнь растеній. Перев. подъ ред. проф. Бородина. Вып. 8—10. Книгоиздательское Т-ство «Просвѣщеніе». Спб. 1898 г. Ц. 50 к. Всѣ 30 вып.—12 р. 80 к.

Кедровъ. Современная постановка вопросовъ по постройкѣ дешев. жилищъ въ Зап. Евр., Америкѣ и Россіи. Изданіе «Императорскаго Русскаго Техническаго Общества». Санитарная группа. Москва. 1898 г.

Семеновъ. Къ характеристикѣ кустарной промышленности въ Сарат. губ. Докладъ въ засѣданіи секціи статистики и географіи Сарат. Общества Естествоиспытателей.

Философія любви. Ч. I. Объектъ любви. Москва. 1898 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Бонюкъ и Френкель. Евреи и сіонизмъ. Культурно-экономическій очеркъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.

Слонимскій. Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ч. Дарвинъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Т. I. Изд. 2-ое. Изд. Поповой. Спб. 1898 г.

Эд. Тайлоръ. Антропологія. (Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи). Пер. съ англ. д-ра И. С. Ивина. Изд. 2-ое, испр. по послѣд. англ. изд. Съ 78 рис. въ текстѣ. Изд. Билибина. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

М. Бобрѣевъ. Систематическій курсъ ариѳметики. Учебникъ напечатанъ съ соблюденіемъ требованій гигіены глазъ. Половина дохода съ изд. поступаетъ въ пользу всероссійскаго фонда для вспомоществованія педагогамъ, пострадавшимъ отъ несч. случаевъ. Изд. автора. Либава. Ц. 50 к.

Н. И. Васильевъ. Къ вопросу о культурѣ пшеницы въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Тавр. губерніи.

М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I. Изд. Солдатенкова. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

I. Д. Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. IV. Отъ воцаренія Іакова I до смерти Анны. Пер. съ англ. Николаева. Изд. Солдатенкова. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

E. Abramovski. Le matérialisme historique et le principe du phénomène social. Puris. 1898 г.

E. Abramowski. Les bases psychologiques de la sociologie (Principe du phémomèns social). Puris. 1898 г.

Захарьинъ. Самодѣльный волшебный фонарь. Сызрань. 1898 г. Ц. 10 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

INCORRIGÉS ET INCORRIGIBLES.

По поводу книгъ: Georges Pellissier — *Etudes de littérature contemporaine*, Paris. 1898, René Doumic. *Etudes sur la littérature françaises*. Paris. 1898.

I.

Просвѣщенное человѣчество, жадное до сильныхъ ощущеній, за послѣднее время можетъ быть вполнѣ довольно. Нація, не менѣе трехъ столѣтій исполняющая первыя драматическія роли на мировой сценѣ, устроила чрезвычайно любопытный и оригинальный спектакль. Продолжается онъ почти цѣлый годъ, но и до сихъ поръ не предвидится конца. Съ каждымъ актомъ интрига становится сложнѣе, развязка загадочнѣе и никто не знаетъ, при какой грозной трагической катастрофѣ въ послѣдній разъ упадетъ занавѣсъ.

Пьеса оффиціально именуется *Дѣло Дрейфуса*, но по значительности содержанія и по таинственному ужасу, окутывающему ея исходъ, она можетъ быть названа новой гибелью боговъ. Вопросъ идетъ о судьбѣ величайшихъ силъ и идей, какими живетъ современный европейскій міръ. Демократія, парламентъ, всеобщая подача голосовъ—все это захвачено безконечной драмой и въ болѣе отдаленной перспективѣ нѣкоторые проницательные взоры видятъ еще болѣе внушительную жертву—Францію, какъ страну и государство.

Страшный крикъ «отечество въ опасности!», раздавшійся въ Парижѣ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ разгаръ великой революціи, вновь повторяется уже по всей Франціи. Столь же зловѣщіе отголоски несутся ото всѣхъ предѣловъ цивилизованнаго міра, часто не менѣе страстные, чѣмъ на самой сценѣ дѣйствія. Надъ цѣлымъ народомъ, надъ всей его исторіей и надъ его будущимъ произносятся смертные приговоры, исполненные сострадания или гнѣва, но одинаково безпощадные,—произносятся среди внѣшняго и внутренняго мира страны, приговоры, какихъ не слышно было ни послѣ четырнадцатаго іюля, ни послѣ Ватерло.

Этихъ рѣзкихъ чувствъ нельзя объяснить случайными настроеніями, напримѣръ, національной враждой или международной политикой. Судъ совершается на основаніи высшихъ общественныхъ идеаловъ—справедливости и свободы. Судьи припоминаютъ исторію. Судьи призываютъ въ свидѣтели славное прошлое великой націи и ставятъ его укоризной постыдному настоящему. Францію обвиняютъ

не въ мимолетномъ ослѣпленіи и поправимой ошибкѣ, а въ измѣнѣ вѣковымъ преданіямъ своей цивилизаціи, въ сознательной утратѣ высокаго историческаго положенія среди культурныхъ народовъ.

Въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи не видятъ больше смысла въ существованіи «третьей республики». Она сама подвела свои итоги и превратила въ лицемѣріе и легкомысліе свои притязанія на братство, равенство и свободу.

Но пусть бы улики и сожалѣнія ограничились чужимъ общественнымъ мнѣніемъ. Франціи не привыкать считаться съ коалиціями народовъ и государствъ. Она могла бы и теперь внести въ свою исторію лишнюю страницу героической *идейной* славы, затмевающей даже наполеоновскія лѣтописи. Ничего подобнаго не суждено ей...

Дѣлу Дрейфуса выпала исключительная привилегія. Почему?—ближайшій отвѣтъ вполнѣ ясенъ. Въ республикѣ всякій вопросъ, затрогивающій правительство, становится всенароднымъ вопросомъ. Министерство ничто иное, какъ исполнительная коммиссія парламента, парламентъ—законодательная коммиссія націи, очевидно, министерская ошибка или недоразумѣніе здѣсь то же самое, что предметъ пущенный по наклону, съ вершины пирамиды. Но въ нашемъ случаѣ имѣются два оригинальныхъ факта, совершенно новыхъ во внутренней политикѣ западныхъ государствъ. Одинъ—необыкновенно сильное и глубокое отраженіе единичнаго судебнаго процесса на общественномъ мнѣніи Франціи и заграницы, другой—неслыханное положеніе французскаго писателя предъ своими соотечественниками.

Можно ли представить въ теоріи, что кучка, будто бы, злонамѣренныхъ людей, «синдикатъ» международныхъ авантюристовъ способенъ потрясти миръ и благоденствіе сорокомилліоннаго государства? Можно ли повѣрить, будто анонимный заговоръ биржевиковъ и журналистовъ способенъ вызвать междоусобную войну въ странѣ съ всевозможными гражданскими вольностями, свободой слова, публичныхъ собраній, всеобщей подачей голосовъ? А между тѣмъ о гражданской войнѣ говорятъ солиднѣйшіе органы французской печати и приходятъ въ крайнее нервное волненіе при всякомъ новомъ актѣ удивительной судебной драмы. Естественно ли народу, пережившему столько отвѣтственнѣйшихъ историческихъ опытовъ, снова бросаться въ бездну смутъ и переворотовъ по поводу хотя бы даже вопіющаго преступленія нѣсколькихъ своихъ министровъ и судей?

А между тѣмъ, общество видимо ощущаетъ лихорадочный трепетъ предъ вѣроятной грозой. На улицѣ и въ печати оно съ подобострастнымъ восторгомъ привѣтствуетъ армію и, кажется, самое слово *l'armée* для современнаго француза начинаетъ окончательно замѣнять столь когда-то чарующіе звуки *la patrie* и *la liberté*.

По крайней мѣрѣ, разсудительнѣйшій журналъ, обозрѣвая недавно слабыя и сильныя стороны Франціи, пришелъ къ одному рѣшительному выводу. Франція питаетъ «страстную привязанность къ своей арміи» и вотъ почему. «Въ то время, когда золото и серебро являются самыми чтимыми идолами, армія представляетъ собой самоотреченіе, строгость жизни, безкорыстіе. Среди общества недисциплинированнаго и болтливаго, гдѣ часто подчиненные становятся командирами, армія представляетъ порядокъ, правиль-

ность, достоинство, умѣющее подчиняться и молчать. Не касайтесь арміи! Что бы съ нами ни случилось, она высшая наша защита и изъ всѣхъ надеждъ самая прочная» *).

На этотъ же мотивъ не перестаетъ кричать и уличная толпа, и судебная, и парламентская публика. Франція снова переживаетъ моменты сильнѣйшаго воинственнаго азарта, созданные когда-то Наполеономъ въ самый разцвѣтъ цезаризма. Когда вы читаете въ современныхъ французскихъ газетахъ подробнѣйшіе отчеты о публичныхъ оваціяхъ генераламъ и прочимъ чинамъ, вамъ невольно припоминаются сцены наивнаго безумія, сопровождавшія нѣкоторыя особенно эффектныя представленія бонапартовской феерія, напримѣръ, первую раздачу ордена почетнаго легіона.

Но вѣдь тогда самъ глава государства былъ генераломъ и командиромъ, управлялъ Франціей генералами и унтеръ-офицерами. Теперь правители страны не носятъ ни сабель, ни военныхъ мундировъ. Это люди мирнаго гражданскаго строя. На какую же тусклую и грустную роль осуждаютъ ихъ тріумфы единственной надежды страны? Это—своего рода меровинги, существующіе только по милости майордомовъ.

Фактъ, очевидно, неестественный, не соотвѣтствующій ни законнымъ порядкамъ государства, ни культурному уровню націи. Его и признаютъ не столь воинственные французы величайшимъ кризисомъ, какой только переживала третья республика. Мы думаемъ, это даже кризисъ не одной республики, а французской націи, какъ политической силы. Уже второй разъ за послѣднее десятилѣтіе она подходитъ къ роковой змѣиной пасти, неотразимо ее влекущей черезъ всѣ республики и конституціи. Буланже неудачно разыгралъ роль человѣка на лошади, но дѣло не въ личности. Поучительна *возможность* подобнаго явленія. Оно характеризуетъ почву и атмосферу. Оно можетъ обнаружиться внезапно, при всякомъ удобномъ случаѣ, все равно, имѣются ли на лицо гототовые бонапарты или нѣтъ?

Издали мы можемъ сколько угодно ужасаться предъ такими жупелами, какъ цезаризмъ, военная диктатура. И просвѣщенные французы будутъ даже задавать тонъ, они очень тщательно высчитаютъ, чего стоили Франціи двѣ имперіи матеріально и нравственно, съ большимъ остроуміемъ изобличатъ первобытность «скотской геніальности» Наполеона I и ничтожество и проходимство Наполеона III. Но все это выйдетъ однимъ парадомъ учености и словесности.

Въ теченіе десятилѣтій даже литература и писатели не успѣютъ излечиться отъ бонапартизма. Беранже какъ былъ, такъ и останется истинно національнымъ французскимъ поэтомъ. Онъ найдетъ свое духовное потомство и при третьей республикѣ, въ самыхъ нѣдрахъ отечественнаго литературнаго святилища.

Для чувствительнаго и народолюбиваго «безсмертнаго» Коппе Наполеонъ все еще *Mon Empereur!* И онъ готовъ безъ устали писать оды имперскому орлу и императорской казармѣ. Онъ не останется въ одиночествѣ.

Головокружительная карьера Бонапарта до нашихъ дней священный завѣтъ для французскихъ юныхъ борцовъ за существо-

---

*) *Revue des deux Mondes.* 1 juin 1898, p. 684.

ваніе. Они всѣ болѣе или менѣе растиньяковской породы по своей рѣшительности «сокрушать препятствія» и «завоевывать Парижъ». Бальзакъ, лично убѣжденный бонапартистъ, обезсмертилъ національное нравственное и культурное направленіе. И новѣйшій романистъ вполнѣ кстати заставляетъ своихъ предпріимчивыхъ героевъ сходиться у могилы Бонапарта за благословеніемъ и энергіей на трудный жизненный путь *).

«Великій императоръ»—національная слава въ литературѣ. Отчего же не быть ему народной гордостью? Именно поэты демократическаго направленія неизмѣнные исповѣдники наполеоновскаго культа. До сихъ поръ еще трещитъ барабанъ Беранже, на помощь прибавилась свирѣль Коппе. Оба—увѣнчанные пѣвцы гризетокъ и «дочерей народа», слѣдовательно, призванные руководители и выразители народныхъ сочувствій и надеждъ и въ заключеніе оба прирожденные лауреаты цезаризма, въ комъ бы онъ ни воплощался.

Что же удивительнаго, если парижская улица ежеминутно готова поднять на смѣхъ несчастный фракъ и пасть предъ блестящимъ мундиромъ? Она воспитана въ такомъ духѣ, и никто изъ имѣющихъ власть слова и таланта не пытался ее перевоспитать, и менѣе всего французская литература.

Франція гордится своимъ міровымъ назначеніемъ «великой сѣятельницы плодотворныхъ и благородныхъ идей». И гордость справедлива. Міръ дѣйствительно вычиталъ изъ французскихъ книгъ не мало такихъ идей. Правда, всѣ онѣ большей частью заимствованы и присвоены, но зато превосходно разъяснены и энергически направлены на жизнь. Одного только міръ не нашелъ въ этой сокровищницѣ: глубоко-развитого и практически-цѣлесообразнаго и дѣятельнаго демократизма.

Читатель изумится. Какъ! французская литература, съ ея Руссо въ теоріи и suffrage universel на практикѣ не демократична? Литература съ Викторомъ Гюго въ поэзіи и Мишлѐ въ наукѣ не демократична? Что же тогда называется демократизмомъ, если провозглашеніе народа владыкой земли и превращеніе лакея въ политическаго генія не демократично?

Вѣроятно, нѣчто другое. Иначе мы не были бы свидѣтелями странныхъ фактовъ.

Никто, конечно, не станетъ отрицать у французскаго народа очень высокой интеллигентности и у французскаго правительства искренней заботливости о народномъ просвѣщеніи. Но при всѣхъ этихъ отрадныхъ явленіяхъ, французскіе писатели встрѣчаютъ глубокое равнодушіе именно въ народѣ. Ни одна подписка на памятникъ писателю не имѣетъ успѣха. Даже въ родныхъ городахъ покойныхъ литераторовъ статуи воздвигаются съ большими затрудненіями, и то благодаря литературнымъ кружкамъ, мѣстнымъ самоуправленіямъ или правительству. Среди неудачниковъ на первомъ мѣстѣ стоитъ имя Гюго.

Французская печать горько сѣтуетъ на «всеобщее безразличіе *толпы* къ людямъ, чьи труды просвѣщали и услаждали ее».

Мы думаемъ, эти вещи несовмѣстимы. *Толпа* безразлична къ великимъ покойникамъ именно потому, что они слишкомъ мало ее

---

*) Романъ *Les Déracinés*, Maurice Barrès'а.

просвѣщали и весьма недостаточно услаждали въ смыслѣ облегченія жизненныхъ тягостей, какъ и желаетъ понимать сѣтующій журналистъ.

Очевидно, звѣзды даже первостепенныхъ французскихъ геніевъ творчества проходили холодными метеорами надъ толпой. И продолжаютъ до сихъ поръ тотъ же путь. Французской книжной торговлѣ давно извѣстенъ фактъ, что она живетъ преимущественно заграничнымъ спросомъ. Напримѣръ, романовъ Золя, въ подлинникѣ, даже въ Россіи потребляется вдвое больше, чѣмъ во всей Франціи, кромѣ Парижа. И Золя имѣлъ серьезныя основанія вопіять на привилегію русскихъ издателей—пользоваться его капиталомъ безвозмездно. Не меньше имѣлъ права и Ренэ Думикъ, объявить современную французскую литературу «въ опасности»—при ея оторванности отъ народа и народныхъ интересовъ. И критикъ предлагалъ пути къ спасенію: изгнать изъ литературы неограниченную власть любовнаго вопроса и другихъ темъ, понятныхъ только для литературнаго или свѣтскаго міра, и замѣнить все это задачами общественной и личной нравственности, соціальнаго строя.

Критика подняли на смѣхъ въ той самой печати, какая оплакивала судьбу Гонкуровъ, Бальзака, Мюссе и Гюго у равнодушной толпы. Смѣхъ еще разъ доказалъ неизлѣчимую слѣпоту политическихъ и литературныхъ демократовъ Франціи. Они искренне воображаютъ, будто для народа столь же занятны и поучительны тайны «четырехъ ночей», какъ для посѣтителей Maison dorée и Café riche. Они не понимаютъ настоящаго смысла и другихъ несравненно болѣе краснорѣчивыхъ фактовъ, не литературы, а общественной жизни.

Мы ежедневно узнаёмъ поразительныя вещи. Золя подвергается жесточайшимъ оскорбленіямъ толпы. Его осыпаютъ бранью, онъ принужденъ опасаться за свою жизнь, въ письмѣ къ министру онъ прямо говоритъ объ убійствѣ, угрожающемъ ему. Его травятъ, какъ врага общества и измѣнника отечества. Онъ, еще вчера одинъ изъ первыхъ гражданъ Франціи, вдругъ очутился внѣ государственныхъ законовъ и общественной терпимости. За что? Какое преступленіе можетъ оправдать этотъ яростный натискъ толпы культурнѣйшей страны XIX-го вѣка на человѣка, украсившаго лишними лаврами ея національный геній? Даже въ средніе вѣка далеко не вездѣ и не всегда, толпа съ такой жестокостью преслѣдовала уже осужденныхъ еретиковъ на мѣстѣ ихъ казни.

А между тѣмъ Золя не повиненъ ни въ ереси, ни въ преступленіи. Онъ, можетъ быть, заблуждается и Дрейфусъ осужденъ по заслугамъ. Но сомнѣніе въ правдѣ человѣческаго суда, если это только не инквизиція, никогда не считалось преступленіемъ.

Нѣтъ. Грѣхъ Золя совершенно другой, не защитника Дрейфуса и не изобличителя военнаго суда, а многовѣковой грѣхъ французскаго писателя. Толпѣ представился случай показать, какая глубокая пропасть лежитъ между ней и современными литературными знаменитостями. Слава Золя возникла и росла внѣ народнаго кругозора. Она искала почвы и питательныхъ соковъ за предѣлами демократіи, «просвѣщала и услаждала» кого угодно, только не толпу. Даже когда талантъ писателя обращался къ

жизни и нравственному міру народа, онъ дѣлалъ это не подъ вліяніемъ сочувствія именно этимъ предметамъ, не съ цѣлью изученія народа ради него самого, а чтобы извлечь изъ этой темной области черты и краски на удивленіе и праздную потребу другого міра. И писатель скорѣе совершалъ экскурсію туриста въ невѣдомый и своеобразный край, чѣмъ вступалъ въ него, какъ соотечественникъ и другъ. Онъ стремился извлечь изъ своего разсчитаннаго путешествія гораздо больше рѣдкостей, чудесъ и поражающихъ достопримѣчательностей, чѣмъ простой жизненной правды. Если онъ принимался говорить народной рѣчью и передавать народное міросозерцаніе, это выходило щегольствомъ артиста и этнографа, литературнымъ упражненіемъ на не менѣе экзотическую тему, чѣмъ старинныя филантропическія пьесы изъ жизни невольниковъ С.-Доминго съ ихъ жаргономъ и прочимъ «мѣстнымъ колоритомъ».

Народъ превосходно понималъ смыслъ сначала барской, потомъ буржуазной игры. Его меньше оскорбило бы полное равнодушіе къ уродствамъ и скорбямъ его быта, чѣмъ чисто-артистическая или промышленная эксплуатація этого быта. Равнодушіе могло свидѣтельствовать о невѣдѣніи, эксплуатація доказывала несомнѣнную органическую отчужденность просвѣщенныхъ геніевъ отъ толпы. Геніи, при всей яркости красокъ на своихъ изображеніяхъ народной судьбы, не переставали пользоваться искренней благосклонностью какъ разъ виновниковъ и защитниковъ неестественнаго порядка.

Золя, авторъ *Земли* и *Жерминаля*, не утратилъ ни на одну минуту популярности среди читателей *Нана* и не проложилъ путей къ сердцамъ крестьянъ и рабочихъ. Онъ выполнилъ свой долгъ добросовѣстнаго поставщика свѣжаго матеріала, той самой публикѣ, какую Мюссе очаровывалъ сверхъестественно тонкой исторіей чувственныхъ волненій двадцатидвухълѣтней жертвы парижскихъ бульваровъ, предъ какой мучительно вытягивается и кольцомъ сгибается Поль Бурже на томъ же поприщѣ психологическаго анализа салонныхъ прелюбодѣяній.

Какое дѣло народу до этой Гекубы? И могъ ли онъ проникнуться уваженіемъ къ такой національной славѣ? Скорѣе онъ могъ усвоить безусловно несправедливое, но по положенію вещей естественное представленіе. Этому Золя, столь усердно торговавшему «документами жизни» и «записными книжками», отчего не распространить круга своего литературнаго промысла? Ему, сорокъ лѣтъ служившему развлеченіемъ для «жирныхъ буржуа», отчего не послужить имъ же защитой и украшеніемъ? Отчего не взять и соотвѣтствующей дани за услугу, такъ какъ до сихъ поръ ничто не обличало у писателя наклонности къ безкорыстному подвижничеству за правду, за честь и счастье униженныхъ и оскорбленныхъ?

И уличные листки могутъ безнаказанно бросать въ лицо писателю улику въ продажности, въ сдѣлкѣ съ мошенническимъ синдикатомъ. И улика легко можетъ найти довѣрчивую публику. У нея заранѣе составилось предубѣжденіе именно въ этомъ смыслѣ. Иначе она не покрывала бы воплями ярости и не грозила бы варварской расправой въ отвѣтъ на торжественныя клятвы великаго писателя въ своемъ рыцарскомъ исканіи одной лишь

справедливости. Она *не вѣритъ* ему, потому что онъ ничѣмъ не заслужилъ ея довѣрія. Онъ для нея чужакъ и буржуа. Послѣ его смерти она не дастъ ни сантима на его монументъ, при жизни у нея нѣтъ побужденій щадить его достоинство гражданина и человѣка, потому что оно никогда не было связано съ ея достоинствомъ и ея прогрессомъ.

И Золя не исключеніе, не какой-либо рѣдкостный образчикъ литературнаго скопчества. Онъ, напротивъ, образцовый представитель французской литературы, все равно, именуется ли она романтизмомъ, натурализмомъ или психологическимъ анализомъ.

II.

Въ двухъ сборникахъ критическихъ статей, при всей случайности содержанія, множество фактовъ, доказывающихъ нашу мысль. Даже одинъ изъ авторовъ—довольно любопытный фактъ—Ренэ Думикъ.

Критикъ изъ молодыхъ да ранній, достойный сотрудникъ Брюнетьера и Лемэтра въ классическомъ журналѣ. Правда, Брюнетьеръ прямой наслѣдникъ Буало и Лагарпа, а Лемэтръ—вольный казакъ не только школъ и направленій, а вообще идей и вкусовъ. Но у нихъ имѣется существенная общая черта: мѣщанскій характеръ чувствъ и настроеній и прирожденная ненависть къ живой прогрессивной идейности въ искусствѣ. По общественному смыслу это одна школа педантовъ и буржуа. У нея не пользуется кредитомъ ни одинъ писатель, сколько-нибудь *безпокойный* и въ особенности писатель-политикъ и моралистъ. Въ ней воспитывается и Думикъ, юный левитъ академической церкви, хотя онъ и возстаетъ противъ эротической маніи отечественной литературы.

По катехизису вѣры онъ безпощадный врагъ XVIII-го вѣка и революціи. Воюетъ онъ по правиламъ импрессіонисткой тактики, не обременяя сообразительности и даже вниманія своихъ читателей. Два-три эпизода, легкая передержка, небрежная подтасовка, нѣсколько восклицательныхъ знаковъ и многоточій и «этюдъ» готовъ. Гораздо печальнѣе другое свойство молодого таланта,—плохое знаніе предмета.

Думикъ, напримѣръ, терпѣть не можетъ г-жи Жоффренъ и у насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія защищать эту дѣйствительно мало почтенную даму. Но всякія чувства слѣдуетъ непремѣнно основывать на обстоятельномъ знакомствѣ съ вопросомъ, особенно если эти чувства отрицательныя. Критикъ, крайне недовольный г-жей Жоффрэнъ, огорчается тѣмъ, будто она единственная спаслась отъ популярнѣйшей во французской литературѣ сатиры на ученыхъ барынь. Огорченіе совершенно напрасно.

На г-жу Жоффрэнъ существуетъ нѣсколько сатиръ, и между ними много надѣлавшая шуму комедія одного изъ поклонниковъ Шекспира въ XVIII вѣкѣ, Рэтлиджа *Le Bureau d'esprit*. Кромѣ того, сказка, называющая въ самомъ заглавіи свою жертву по имени *Le café promis par M-me Geoffrin*. Пьеса до такой степени зло и прозрачно описывала салонъ г-жи Жоффрэнъ съ ея гостями, что энциклопедисты, по словамъ современниковъ, даже прибѣгли къ

защитѣ властей *). О комедіи Думикъ могъ узнать изъ какого угодно источника, прошлаго вѣка, даже изъ *Корреспонденціи* Гримма, или, еще лучше, изъ переписки Вольтера съ Даламберомъ. Но «докторъ», какъ его именуютъ французскіе журналы, повидимому, не доросъ или, вѣрнѣе, переросъ подобные пустяки. И онъ правъ.

У Думика изъ того же буржуазно-академическаго прихода есть образецъ, весьма извѣстный критикъ и историкъ литературы, Фаге. Этотъ враждуетъ съ Вольтеромъ и, конечно, вообще съ XVIII вѣкомъ, но опять, къ сожалѣнію, смутно представляетъ главнѣйшія явленія непріятной эпохи. Онъ пишетъ статью о *Франціи въ 89 году* и увѣряетъ своихъ читателей, будто въ *cahiers*, т. е. въ избирательскихъ инструкціяхъ депутатамъ генеральныхъ штатовъ нѣтъ отголосковъ ни Монтескьё, ни Руссо, ни другихъ философовъ **). Отважный авторъ просто не читалъ документовъ, о которыхъ рѣшается говорить. А редакція весьма распространеннаго журнала, очевидно, стоитъ на уровнѣ учености своего сотрудника. Такъ, въ современной Франціи пишутся бойкія разсужденія на историческія темы! И что̀ особенно любопытно, доблестями отличаются непремѣнно литераторы солиднаго образа мыслей въ литературѣ и въ политикѣ.

Думикъ не отстаетъ отъ старшихъ. По поводу вопроса о статуѣ Полю Верлэну онъ написалъ чрезвычайно энергическое обозрѣніе *Парижскихъ статуй*. Что Верлэнъ врядъ ли заслужилъ монументъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Да не съ этимъ поэтомъ и сражается Думикъ. Цѣль его несравненно серьезнѣе: ему захотѣлось наложить руку на всѣ преданія, связанныя съ новой демократической Франціей. Онъ на пространствѣ журнальнаго фельетона подвергъ уничтожающему пересмотру славу Этьенна Марселя, Доле и Дидро. Марсель въ XIV вѣкѣ пытался выполнить ту самую программу третьяго сословія, какая осуществилась лишь четыре съ половиной столѣтія позже. Доле боролся съ французскимъ правительствомъ, жестоко преслѣдовавшимъ ученую и философскую литературу возрожденія, и погибъ, наконецъ, на кострѣ. Думикъ присоединяется къ врагамъ Марселя и сочувствуетъ инквизиторамъ: оба простые бунтовщики и нарушители законовъ. Что касается Дидро, здѣсь процессъ еще проще. Дидро написалъ нѣсколько произведеній вольнаго содержанія. Они, конечно, важнѣе всей *Энциклопедіи*, художественной критики Дидро и прочихъ его сочиненій. Обо всемъ этомъ даже можно и не упоминать, а сразу покончить съ авторомъ *Монахини* смертнымъ приговоромъ за разрушеніе нравственности, хотя бы повѣсть и была написана какъ разъ въ обличеніе фальшивой, притворной нравственности.

Другой нашъ авторъ, Пелиссье, не принадлежитъ къ этой породѣ моралистовъ. Онъ рѣшается высказать совершенно еретическое, по нынѣшнимъ временамъ, мнѣніе: Вольтеръ въ высшей степени способствовалъ воспитанію общественной совѣсти и прогрессу соціальной нравственности. Пелиссье останавливается на старомъ, но въ наши дни затемненномъ вопросѣ: Вольтеръ боролся

*) Подробности объ этихъ произведеніяхъ въ нашей книгѣ *Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка*. М. 1895 г., стр. 399 etc.

**) *Revue Bleue*. 9 oct. 1897. Объ отраженіяхъ философіи XVIII в. въ *cahiers*, см. *О. с.*, стр. 15 etc.

съ извращеннымъ христіанствомъ, а не съ божественнымъ ученіемъ Іисуса Христа». Такъ выражался самъ Вольтеръ, по справедливому сужденію критика, болѣе христіанинъ, чѣмъ преслѣдовавшіе его іезуиты и ханжи. Пелиссье заканчиваетъ свою рѣчь воодушевленнымъ прославленіемъ гуманности и терпимости Вольтера... Въ новѣйшей французской публицистикѣ эти строки приходится привѣтствовать, какъ вѣтеръ съ юга-запада: до такой степени расплодились здѣсь Розенкранцы, Гильденштерны и даже Полоніи!

И Пелиссье безъ всякихъ противорѣчій и уклоненій въ сторону борется за литературу, полную живой гражданской мысли. «Поэзія должна быть дѣйствіемъ», это значитъ принимать живѣйшее участіе въ нуждахъ «темной толпы» и въ судьбахъ своей родины.

Кажется, ничего нѣтъ нагляднѣе и обязательнѣе этой истины. Трудно представить, сколько разъ она повторялась въ стихахъ и въ прозѣ, въ искусствѣ и въ критикѣ. И все-таки повтореніе ея приноситъ честь повторяющему и идеалъ остается, по прежнему, далекимъ и едва ли достижимымъ. До такой степени онъ противорѣчитъ сознанію и инстинктамъ современной французской литературы! Она, напримѣръ, по поводу ибсеновскихъ пьесъ изобрѣла особый терминъ—*идейный театръ*, *le théâtre à idées* и принялась обсуждать *новое* направленіе.

На посторонній взглядъ — совершенно непонятное открытіе. Что же можно представить болѣе идейнаго, какъ не драмы романтиковъ, Гюго, Виньи, Дюма? Или романтическая идейность не идетъ въ счетъ: она слишкомъ наивна и отвлеченна? Она подсказана чисто литературными задачами *школы*, а не глубокимъ познаніемъ жизни и серьезно-продуманнымъ планомъ преобразовать ее?

Выходитъ такъ. Французскими писателями искони управляла эстетика, внушала имъ самые отчаянные протесты и оригинальные порывы, производила настоящія революціи среди книжной и театральной публики. Но собственно дѣйствительность, правда жизни отъ всего этого шума и движенія выигрывала только косвенно, и выигрышъ обыкновенно былъ весьма сомнительной цѣнности и практичности.

Это—капитальный фактъ французской литературы. Она въ своемъ прогрессѣ шла не отъ опыта, а отъ теоріи, не отъ потребности въ глубокихъ общественныхъ преобразованіяхъ, а отъ разсудочныхъ эстетическихъ соображеній. Эта истина блистательно подтверждается художественными созданіями той или другой школы.

Они, какъ подлинныя дѣтища отвлеченій и теорій, менѣе всего соотвѣтствовали реальнымъ явленіямъ. Литературные герои возникали и развивались просто какъ драматизированныя формулы эстетики, а не какъ жизненные типы. Они служили боевыми и метательными снарядами въ войнѣ чисто-художественныхъ направленій, и понятно, чѣмъ эффектнѣе и крикливѣе былъ вымыселъ, тѣмъ храбрѣе выходилъ натискъ и громче побѣда. Авторъ выигрывалъ, но непремѣнно въ ущербъ естественности и простотѣ творчества.

Всѣ эти соображенія цѣликомъ относятся къ нашему вопросу, къ демократическимъ вдохновеніямъ французской литературы.

Они впервые заявили о себѣ въ XVIII вѣкѣ, потомъ разви-

лись въ романтизмѣ. Это одно непрерывное теченіе, временно прерванное наполеоновской реакціей. Въ чемъ же оно заключалось?

Противъ него стоялъ классицизмъ съ его обоготвореніемъ героевъ-принцевъ и высокородныхъ господъ, съ его чисто лакейскимъ презрѣніемъ къ *peuple stupide*, съ его восточнымъ раболѣпствомъ предъ тунеядным тупымъ меценатствомъ, съ его шутовской идеализаціей титуловъ и привилегій. Врагъ чрезвычайно сильный, взрощенный вѣками и успѣвшій отравить даже тѣхъ, кого онъ топталъ въ грязь и лишалъ человѣческаго ббраза. Всякое столкновеніе съ нимъ неминуемо превращается въ страстный горячій бой. Его рабское преклоненіе предъ кровью и породой, доходящее до самоотреченія, должно вызвать такой же стремительный отпоръ и направить сочувствія протестантовъ въ противоположную сторону.

Процессъ *мысли* выяснился немедленно, и именно мысли, а не *наблюденій*. Протестанты восклицали: вы говорите, народъ—это не люди, мужики—полузвѣри, лишенные человѣческаго смысла и сердца, ихъ міръ—сплошная темнота и жестокость. Нѣтъ! Какъ разъ наоборотъ. Безсердечны, глупы и пошлы—это ваши маркизы и виконты, а истинная мудрость и гуманность на лонѣ природы, подъ кровлями убогихъ хижинъ, на страдныхъ поляхъ земледѣльцевъ. Мы это вамъ покажемъ. Смотрите: вотъ—*Le paysan philosophe*, *La suivante généreuse*, *Socrate rustique*. Послушайте, какъ они дѣльно и краснорѣчиво разсуждаютъ объ естественныхъ правахъ человѣка, о феодальныхъ порядкахъ, какъ они доблестно и умно защищаютъ свое достоинство предъ знатными насильниками, какъ остроумно смѣются надъ пошлостями и глупостями высшаго общества, какъ мѣтко противопоставляютъ природу и здравый смыслъ кривлянью, жеманствамъ и привередничествамъ большихъ господъ и барынь! Это дѣйствительно цѣлая философія, своего рода сократовскіе монологи и діалоги. Какая-нибудь Нинетта или Матюрэнъ могутъ на весь міръ посрамить глупаго и развратнаго маркиза и поднять на смѣхъ весь дворъ французскаго короля.

Умилительная картина! Убѣждены ли вы, наконецъ, что именно въ народѣ непочатый уголъ всевозможныхъ добродѣтелей, нравственной красоты и силы?

Да, несомнѣнно, убѣждены, но только при одномъ условіи: если вы раньше готовы были вѣрить подобнымъ же упражненіямъ классиковъ, т. е. васъ не возмущалъ тоскующій и мечтающій галантный Неронъ, еще болѣе свѣтскій кавалеръ Александръ Македонскій, безукоризненный Донъ-Кихотъ въ лицѣ какого-нибудь повелителя гунновъ или лонгобардовъ, образцовый смѣшной маркизъ съ именемъ Ахиллеса или Ореста. Если вы съ наивно-вѣрующимъ сердцемъ допускали всѣ эти чудеса, вы искренне будете поражены диссертаціями «деревенскихъ Сократовъ» и «благородныхъ служанокъ». Но горе вамъ, если вы не могли принимать въ серьезъ галантерейной лавочки Расиновъ и Корнелей, вы найдете мало народнаго и деревенскаго въ новой демократической литературѣ.

Вы, конечно, не усомнитесь въ томъ, чтобы крестьяне не могли отдавать себѣ яснаго отчета въ феодальныхъ неправдахъ и въ вопіющихъ порокахъ своихъ господъ. Вы безусловно вѣрите Вольтеру, что философія XVIII вѣка—просто «здравый смыслъ»,

и главнѣйшія идеи этой философіи относительно личной и общественной нравственности вполнѣ доступны разумѣнію народа. Но дѣло не въ здравомъ смыслѣ и не въ философіи, а въ краснорѣчіи и философствованіи. Когда впослѣдствіи крестьянскія инструкціи и челобитныя въ генеральные штаты станутъ разсуждать объ отвлеченныхъ вопросахъ, вы поймете, что форма и подробное развитіе мысли не дѣло народа, а тѣхъ, кто бралъ на себя трудъ «здравый смыслъ» крестьянъ представить въ изящной литературно-обработанной рѣчи.

Но демократическіе драматурги требуютъ отъ васъ не такой ограниченной вѣры. Они желаютъ вызвать у васъ настроенія салонныхъ жеманницъ и ихъ кавалеровъ, съ дѣтски-очарованными очами слѣдившихъ за сценическими эволюціями чудо-Нероновъ и Аттилъ. Они внушаютъ вамъ, что во французскихъ деревняхъ держатъ гражданскія рѣчи по всѣмъ правиламъ логики и стилистики. Вѣрятъ ли сами храбрые друзья народа въ эти чудеса? Трудно сказать.

Достовѣрно одно: этого именно вопроса не задаютъ себѣ творцы деревенскихъ Сократовъ. Они на полѣ сраженія, предъ ними строй ливрейныхъ піитъ и барскихъ потѣшниковъ. Время ли здѣсь разсуждать о естественности и реализмѣ? Да и годенъ ли еще для воинственныхъ цѣлей подлинный мужикъ? Можно даже навѣрное сказать: при извѣстныхъ обстоятельствахъ совершенно негоденъ, именно когда общество органически неспособно понимать и цѣнить естественную красоту и скромную будничную добродѣтель.

И такъ, да будетъ сынъ народа философъ и герой!

Какой практическій результатъ можно вывести изъ этого недосягаемо-выспренняго символа? Если народъ такъ мудръ и такъ могуществен, пусть живетъ какъ ему угодно. Если у него имѣются нужды, если его удручаютъ разныя нестроенія быта, пусть самъ справляется съ ними. Другимъ впору оберечь себя отъ такого богатыря...

Приблизительно такъ должны были разсуждать законодатели революціи, менѣе всего законодательствовавшіе въ пользу народа. Отмѣна привилегій и уничтоженіе феодализма одинаково интересовали и буржуа и народъ: первыхъ еще больше съ чисто политической точки зрѣнія. Но дальше дороги бѣдняка и богача расходились въ разныя стороны. И законодатели третьяго сословія полагаютъ основы тому экономическому законодательству, какое оставалось развить Наполеону.

Блага революціи поступили въ пользу буржуазіи, а силы ея немедленно пришлось направить противъ театральныхъ философовъ и героевъ. Уже съ осени 89 года приходится изобрѣтать военные законы противъ толпы, грозить ей экзекуціями, запрещать сходки и рабочія ассоціаціи, оберегать неприкосновенность и свободу взаимныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, народную нужду лѣчить благотворительностью и уголовными карами...

Такъ отвѣтила жизнь на литературу!

Матюрэны и Бастіэны, подвизавшіеся на сценѣ въ качествѣ нравственныхъ и общественныхъ преобразователей, въ дѣйствительности попадали подъ пули демократическаго маркиза Лафайэта или за бродяжество размѣщались по тюрьмамъ, а то и по га-

лерамъ. И какой длинный и тягостный путь предстоялъ народу, чтобы на самомъ дѣлѣ пріобрѣсти себѣ право и возможность краснорѣчиво разсуждать о человѣческихъ правахъ и о законахъ природы! Мѣсто феодаловъ съ пергаментами и грамотами заняли еще болѣе грозные и несравненно сильнѣйшіе и опытнѣйшіе сеньеры съ акціями и банковыми билетами. Истинно демократическая борьба только начиналась.

На помощь демократіи опять явилась литература. Романтики облеклись въ тоги трибуновъ и повели блестящія рѣчи за униженныхъ и оскорбленныхъ. Они поспѣшили выставить образцоваго героя-плебея и однимъ его лицезрѣніемъ повергнуть въ столбнякъ надменныхъ аристократовъ и наглыхъ мѣщанъ.

Герой дѣйствительно великолѣпенъ. Викторъ Гюго истинно геніальный поэтъ-ораторъ съ темпераментомъ бойца-коновода и воображеніемъ естественнаго человѣка въ классическомъ смыслѣ слова. И ужъ онъ постарался взбѣсить разжирѣвшихъ буржуа и осовѣлыхъ филистеровъ!

Какая головокружительная галлерея лицъ и костюмовъ! Одинъ портретъ и одинъ нарядъ стоитъ сотни пестрыхъ высокородныхъ шутовъ стараго времени. Тамъ мушки, ленты, чулки, пряжки—здѣсь плащъ бандита, мундиръ испанскаго гранда и здѣсь же ливрея лакея. Тамъ умильные влажные взоры, сюсюкающій галантный лепетъ, женственные театральные жесты, здѣсь молнія въ очахъ, громъ на устахъ, и каждое движеніе руки или неиспытанныя міромъ объятія, или неслыханный смертными подвигъ. Вообще небо или адъ, средины нѣтъ, нѣтъ, слѣдовательно, и земли, слишкомъ темной и презрѣнной для такихъ полубоговъ и подвиговъ.

Какая удивительная карьера у этихъ существъ нездѣшняго міра! Быть просто бѣднякомъ и несчастнымъ, какая банальность! Нѣтъ. Надо непремѣнно явиться въ среду буржуа олицетвореннымъ отрицаніемъ не только буржуазныхъ порядковъ, а вообще обыкновеннаго хода человѣческой жизни. Подкидышъ, незаконный сынъ,—этого еще мало. Надо быть лакеемъ по соціальному положенію и божествомъ по уму и талантамъ. Но и это не все. Надо полюбить королеву и вызвать у нея взаимность: вотъ тогда достойно будетъ представленъ народъ и блистательно защищена демократія!

И этой высокой цѣли возможно достигнуть единственнымъ путемъ: показать это воплощеніе могучей народной стихіи въ припадкѣ жгучей любовной страсти. Чѣмъ безумнѣе герой влюбленъ, чѣмъ больше блеска и треска въ его объясненіяхъ съ владычицей сердца, чѣмъ смертоноснѣе его объятія и мрачнѣе месть сопернику, тѣмъ больше славы и чести демократическому принципу. У него «подъ костюмомъ лакея страсти короля»—говорится о демократическомъ героѣ и онъ весь въ этихъ словахъ. Удалите со сцены совершенно безличное существо женскаго пола, и вы на повалъ убьете и небо, и адъ, переполняющіе драму. Герою рѣшительно нечего будетъ дѣлать и не о чемъ говорить: останется выхватить свой кинжалъ бандита и прикончить свое безцѣльное существованіе, конечно съ надлежащимъ монологомъ.

Надо думать, и французскій народъ въ такомъ же положеніи. Онъ только и помышляетъ, какъ бы настроить побольше хитроумныхъ любовныхъ интригъ, феерическихъ сценъ и фейервероч-

ныхъ рѣчей. Онъ только и знаетъ два психическихъ состоянія— или сверкаетъ глазами, или погружается въ ангельское созерцаніе (les yeux s'allument; absorbé dans une contemplation angélique). А всѣ его идеалы сводятся къ тому, какъ бы подцѣпить гдѣ-нибудь «звѣзду» и поразить ее своей *фатальной*, *мрачной* красотой.

Вообще удивительный народъ! Даже самые подлинные герои прежнихъ поэтовъ ведутъ себя болѣе или менѣе на общечеловѣческій маверъ и не полагаютъ своего честолюбія въ томъ, чтобы пугать обыкновенныхъ смертныхъ неестественными звуками голоса и сверхъестественными гримасами физіономіи. А романтическій «незаконный сынъ» только и знаетъ, что дѣлаетъ глаза «неподвижными и мрачными», сатанински рычитъ, скрежещетъ зубами, издаетъ внезапные вопли ярости...

И изъ за чего все это бѣснованіе? Какая катастрофа готовится міру и какое новое небо осіяетъ нашу землю? Ничего подобнаго: просто Антони овладѣетъ Аделью, а Дидье будетъ счастливъ съ *Машей* Делормъ, какъ въ старое время русскіе читатели называли героиню Гюго.

Вы скажете, спектакль послѣ этого не стоилъ освѣщенія и такой громадной бутафоріи. Авторы рѣшительно не согласятся. Какъ! А *mystéres funèbres*, а *une âme de malheur faite avec des tenèbres*! *). «Зловѣщія тайны», «злополучная душа созданная изъ мрака» это не шутка. И любить-то такую душу одинъ ужасъ. Сколько надо краснорѣчія и времени, чтобы достойно описать послѣдствія этой роковой страсти! И герои обязаны это сдѣлать, предупредить слабое созданіе женскаго пола. А это уже усложняетъ дѣло. Да и одно ли это? Мало ли можетъ встрѣтиться сюрпризовъ и затрудненій тамъ, гдѣ героя бьетъ перемежающаяся лихорадка и мучитъ особая форма умопомѣшательства, psychopathia heroica, вѣроятно, не поддающаяся излѣченію.

Авторы, по крайней мѣрѣ, ни за что не согласились бы лѣчить своихъ героевъ. Это значило бы оставить народъ беззащитнымъ и отречься отъ демократическаго принципа. Авторы, можетъ быть, разсуждали бы совершенно резонно, но что отвѣтилъ бы самъ заинтересованный народъ на наше предложеніе ввести въ человѣческія границы всѣхъ этихъ бандитовъ и демоновъ и лишить ихъ права всуе произносить имя народа?

Намъ думается, онъ встрѣтилъ бы это предложеніе сочувствено, если только онъ вообще относился и относится серьезно къ своимъ романтическимъ трибунамъ.

А между тѣмъ, даже и такой вопросъ далеко не праздный.

Искусство классиковъ никогда не было народнымъ, и еще въ прошломъ вѣкѣ даже парижская публика отказывалась смотрѣть пьесы Расина и Корнеля. А искусство Гюго народно? Мы хотимъ сказать, романтизмъ съ его героями: Дидье, Эрнани, Рюи-Блазомъ, Антони дѣйствительно служитъ интересамъ народа, выражаетъ его психологію, знакомитъ насъ съ его жизненными стремленіями?

Въ отвѣтѣ не можетъ быть ни сомнѣній, ни колебаній. Сами

---

*) Характеристика Эрнани:

Agent aveugle et sourd de mystères funèbres
Une âme de malheur faite avec des tenèbres!

факты не говорятъ, а *кричатъ* за себя. Создавать Рюи-Блаза значило работать не на пользу народа, для котораго Рюи-Блазъ сказка и небылица, а вести чисто-литературную кружковую полемику. Живописать мрачную фатальность на почвѣ эротической маніи значило издѣваться надъ трудовой и многострадальной, большей частью удручающе-прозаической жизнью народа.

Поэты не вѣдали, что̀ творили, и въ этой безсознательности заключается истинно роковой недугъ французской литературы. Романтики сойдутъ со сцены, явятся новыя направленія—болѣе благоразумныя и зрѣлыя. Но новое вино будетъ влито въ старые мѣха, и немедленно пріобрѣтетъ старый вкусъ и ароматъ.

III.

Рѣчь о романтизмѣ удалила насъ отъ нашихъ критиковъ, и они врядъ ли согласились бы съ нашими выводами. Если Брюнетьера и Лемэтра до сихъ поръ услаждаютъ классики, развѣ мыслимо коснуться еще болѣе яркой національной славы, каковы романтики? Но по части современной литературы и Думикъ, и и Пелиссье достаточно поучительны. Нѣкоторыя характеристики, напримѣръ, Гонкуровъ у Думика и Бурже у Пелиссье можно принять безъ возраженій. Но насъ занимаютъ не столько личные взгляды .французскихъ критиковъ, сколько факты, безусловно установленные.

Мы знаемъ, одинъ изъ критиковъ сѣтовалъ на подавляющее господство вопросовъ любви во французской литературѣ. Сѣтованья не новы. Еще Вольтера возмущала *l'amour insipide*, взявшая въ плѣнъ французскую драму. Мы видѣли, и романтики только путемъ той же любви умѣли дѣлать свою политику. Но никто, ни при Вольтерѣ, ни при Гюго не доходилъ до такой нелѣпой смѣхотворности въ національномъ пристрастіи, какъ современный романистъ Поль Бурже.

Это, пожалуй, тоже кандидатъ на монументъ и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, «толпа» окажется еще равнодушнѣе въ данномъ случаѣ, чѣмъ во всѣхъ другихъ. И даже, пожалуй, немного найдется смѣльчаковъ оплакивать столь печальную участь еще одного «просвѣтителя» толпы. Болѣе тунеядной сорной травы на современной нивѣ французскаго искусства нельзя и представить, развѣ только совершенно невмѣняемые декаденты и стихоплеты могутъ поспорить за первенство съ удивительнымъ философомъ и романистомъ. Впрочемъ, тѣ въ общемъ безвредны, Бурже положительно вреденъ, какъ весьма тонкій растлѣвающій нравственный недугъ. Къ счастью, даже французская критика, чрезвычайно снисходительная къ установившимся знаменитостямъ, относительно Бурже единодушна и именно на немъ время отъ времени изощряетъ неподражаемую остроту и едва уловимую, но часто смертоносную ядовитость національнаго esprit.

Этой критикой Бурже давно превращенъ въ комическій персонажъ, но ничто ему не мѣшаетъ быть знаменитостью и имѣть обширную и благодарную публику.

Дѣло объясняется просто.

Представьте знатнаго барина или, еще лучше, барыню. Она совершенно праздна, умственно ограниченна, хотя достаточно

тактична и воспитанна, обладаетъ прекраснымъ физическимъ здоровьемъ и умерла бы отъ истомы и скуки, если бы на свѣтѣ не водилось множества «общественныхъ животныхъ» противоположнаго пола, но съ тождественной психологіей.

Развлеченіе устраивается, можно сказать, по исторической программѣ, съ нѣкоторыми чисто внѣшними варіаціями. Что дѣлала какая-нибудь Орфиза въ XVII вѣкѣ, то же продолжаетъ m-me la duchesse или просто Сусанна Морэнъ въ концѣ XIX-го. Это чисто физіологическое явленіе и естествоиспытатель могъ бы разъ на всегда увѣковѣчить его въ естественно-научномъ описаніи съ такой же точностью, съ какою у Дарвина составлена вторая часть *Происхожденія человѣка.* Еще, пожалуй, романическія исторіи нѣкоторыхъ птицъ вышли бы гораздо любопытнѣе и *психологически* содержательнѣе, чѣмъ эскапада m-me la duchesse.

Но въ какой ужасъ пришла бы наша героиня, услышавъ подобное разсужденіе! *Она* и птица, *онъ* и «шилохвостый селезень»—возможно ли? Чѣмъ же тогда жить на свѣтѣ, куда дѣвать рефлексы своего полнокровнаго организма и игру вѣчно томящагося воображенія? Нѣтъ. Все это должно быть «чрезвычайно интересно», «загадочно» и «сложно». Тутъ вопросъ тонкаго свойства. M-me de Sauve любитъ одного и въ то же время отдается другому, кавалеру, одинаково замѣчательному немощью ума и силою мускуловъ.

Почему? Вамъ кажется, отвѣтъ ясенъ изъ факта и его подсказываетъ m-me de Sauve собственной своей особой. Какъ бы не такъ! Послушайте Бурже. Описавъ приключеніе, онъ восклицаетъ:

«Охъ! жестокая, жестокая загадка! Какъ съ этой божественной любовью въ сердцѣ могла она сдѣлать то, что̀ сдѣлала? Вѣдь это она и никто другая!.. Да, это была она... И все-таки нѣтъ! Невозможно, чтобы любовница Гюбера сдѣлала это... Какъ? Это? Охъ! жестокая, жестокая загадка!..»

Вамъ смѣшно или въ лучшемъ случаѣ жалко за писателя, впадающаго въ столь очевидную пошлость. Но спросите, что думаетъ объ этомъ сама m-me de Sauve? На нее-то именно и направленъ весь паѳосъ, и совершенно цѣлесообразно: m-me de Sauve несказанно будетъ благодарна, что писатель, самъ *писатель*! открылъ въ ея contact des deux épidermes «жестокую, жестокую загадку».

И посмотрите, какова разгадка. Если бы со всего Парижа собрать всѣхъ милыхъ грѣшницъ со всѣми ихъ сезонными и постоянными рыцарями, имъ не придумать бы болѣе интереснаго и серьезнаго, скажемъ прямо, *научнаго* объясненія ихъ многочастныхъ и многообразныхъ экскурсій въ область блаженства.

«Человѣческая душа—темный лѣсъ», торжественно провозглашаетъ Бурже.—Это очень старо, но вотъ новость: у каждаго человѣка нѣсколько *я*, два, по крайней мѣрѣ. Практически это значитъ: у каждаго два аппетита, двѣ любви, двѣ вѣрности и т. д. Примѣните это къ дамѣ, и получится слѣдующій *естественный* законъ, неизбѣжно осуществляемый вовсе не развратными, а самыми идеальными женщинами: m-me de Tillières «живетъ двумя мужчинами, Пуанномъ и Казалемъ, каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ одно изъ ея двухъ *я*».

Но вѣдь возможно же, что потребности дамы не могутъ удовлетвориться жизнью по двумъ направленіямъ: какъ же тогда слѣдуетъ думать по правиламъ психологіи?

Да все такъ же: три увлеченія—значитъ три *я*.

Вотъ, напримѣръ, m-me Moraine. «Въ ней заключается женщина, желающая наслаждаться роскошью, женщина, желающая наслажденій любви, женщина, жаждующая уваженія... это существо очень сложное!..»

Un animal très compliqué! Несчастный французскій языкъ: онъ говоритъ двусмыслицы, совершенно непосредственно, по бѣдности выраженій и устраиваетъ засады выбивающемуся изъ силъ психологу.

Теперь сообразите, что̀ за прелесть эта теорія для житейскаго обихода свѣтскаго общества. У одной дамы всѣ *я* могутъ дѣйствовать единовременно, у другой—поочередно. Послѣднее свойство удобнѣе, потому что количество объектовъ дѣйствія неограниченно. Нельзя же сразу напасть на свое настоящее *я*: самопознаніе такая недосягаемая мудрость. И вотъ какъ разсуждаетъ нашъ философъ:

«Мы тратимъ всю свою энергію и преслѣдуемъ цѣль, отъ которой, воображаемъ мы, зависитъ наше счастье. Цѣль достигнута и мы видимъ, что мы не поняли настоящихъ, тайныхъ стремленій нашей чувствительности».

Это называется все понять и все простить, или, другими словами, изобрѣтать мораль по плечу нужныхъ людей.

Бурже именно такъ и поступаетъ. Его роль салоннаго приживальщика была бы не полна. если бы онъ только оправдывалъ и объяснялъ, а не поучалъ и не руководилъ. Извѣстно, во французскомъ «свѣтѣ» роли коммиссіонера по любовнымъ дѣламъ и «директора совѣсти» искони сливались въ одну и требовали одного лица. Въ старину это былъ аббатъ, особая порода *l'abbé mondain*, при случаѣ вступавшій и въ третье emploi, на безрыбьи превращавшійся въ рыбу. Поль Бурже достойный продолжатель традицій: мы говоримъ, конечно, только о двухъ первыхъ роляхъ. Онъ—*моралистъ*. Вы будете изумлены. Какая же возможна мораль при только что изложенной философіи? За что̀ же подвергать порицанію грѣшника, разъ у него для всякаго грѣха спеціальное дѣйствующее лицо, вавязанное ему самой природой?

Но мораль Бурже вовсе не карательная, а утѣшительная. Вообразите, m-me Moraine доживетъ до такихъ лѣтъ, что всѣ ея *я* утратятъ всякій интересъ даже для самыхъ снисходительныхъ цѣнителей ея богато одаренной личности, что̀ ей остается?

Религія и церковь. Католичество такъ изящно и аристократично, даже больше: Шатобріанъ съумѣлъ извлечь изъ него весьма многое, что̀ должно вызывать вѣчные трогательные отголоски въ многогрѣшномъ женскомъ сердцѣ. Въ немъ много граціи и чувствительности, злые языки въ шатобріановскомъ католичествѣ *чувствительность* предлагали подмѣнить другимъ болѣе земнымъ и откровеннымъ словомъ: здѣсь всегда найдется уютъ даже тремъ безнадежно-изношеннымъ женскимъ *я*.

И Бурже становится въ позу подвижника св. Пропаганды и принимается наигрывать на струнахъ дамскихъ сердецъ сладкіе гимны о тайнахъ, о благодати, о молитвахъ и созерцаніяхъ...

Милый, милый Бурже! — восклицаютъ прозелитки въ благо-

дарность за его «жестокая, жестокая загадка!» Въ противный и гадкій демократическій вѣкъ нашелся *un petit abbé*—такой услужливый и забавный. Бѣдный, съ какимъ онъ упоеніемъ описываетъ чулки, галстуки, ботинки своихъ героевъ и героинь, съ какой трогательной наивностью плебея, принятаго въ аристократическомъ салонѣ, онъ придаетъ глубокій смыслъ всевозможнымъ пустякамъ, какихъ настоящіе свѣтскіе люди и не замѣчаютъ вовсе. Съ какимъ солиднымъ видомъ онъ умѣетъ заключить въ самую внушительную формулу всякую банальность, нужную для его «анализа»: недаромъ онъ считается послѣдователемъ Тэна! Отъ этого именно философа онъ заимствовалъ дивную теорію множественности личностей въ одной личности: достойный ученикъ достойнаго учителя! Но онъ превзошелъ наставника. Тотъ обожалъ салоны, но являлся въ нихъ рѣдко, подавленный книжными «анализами» и «классификаціями». Ученикъ, напротивъ: анализируетъ и классифицируетъ на лету, на мѣстѣ дѣйствія. Онъ вынюхиваетъ авантюры и исторіи повсюду, въ Парижѣ, въ Италіи, даже въ Америкѣ. Ведетъ эту операцію чрезвычайно искусно: напримѣръ, послѣ поѣздки въ Америку онъ съумѣлъ увеличить сбытъ своихъ произведеній въ этой странѣ. Онъ неутомимъ въ изобрѣтеніи все новыхъ психологическихъ и аналитическихъ украшеній чувственному тунеядству и эпикурейскому фантазерству международной золотой богемы.

У него все, что̀ требуется въ приличномъ храмѣ современныхъ языческихъ божествъ, отъ цѣлаго кодекса прелюбодѣйнаго плутовства до алтаря вѣры и молитвы. Драгоцѣнный человѣкъ! Тысячи «животныхъ» любили и измѣняли, не подозрѣвая, что они «существа» и даже чрезвычайно «сложныя» и что они работаютъ въ интересахъ психологіи и философскаго анализа!

Да, драгоцѣнный, но и столь же жалкій и презрѣнный. И онъ выросъ и прославился среди той самой демократіи, которая, говорятъ, царствуетъ и управляетъ въ современной Франціи. Что̀ общаго между нею и этимъ ея незаконнымъ сыномъ?

Но даже современная французская литература не безъ добрыхъ людей. Мы упоминали Коппе: вотъ это, повидимому, истинный другъ народа. Вдохновляется онъ преимущественно мелкотой: рабочими, мелкими рантье, бѣдной учащейся молодежью, крестьянами. Подлинный демократъ и между нимъ и Бурже, повидимому, цѣлая пропасть.

Съ политикой Коппе мы знакомы: это политика «Лизетты» Беранже. Оставимъ ее. Можетъ быть, поклоняясь даже «своему императору», поэтъ способенъ понимать народъ и изображать его вѣрными чертами.

Въ отвѣтъ, предъ нами герой поэмы *le Coupable*... Какъ ново и въ то же время какъ старо и архивно! Вѣдь это ничто иное, какъ *L'Honnête criminel*—*честный преступникъ* все того же мечтательнаго XVIII-го вѣка. Онъ совершилъ преступленіе невольно, въ припадкѣ безумія, послѣ невыносимыхъ лишеній. Развѣ онъ виноватъ? Конечно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что у него вообще необыкновенно романическая судьба.

Онъ, конечно, дитя любви, брошенный и забытый. Его отецъ, когда-то студентъ, теперь прокуроръ. И ему приходится говорить обвинительную рѣчь противъ сына-убійцы. Представьте картину!

Доброе старое время, какъ оно живуче съ его американскими дядюшками, мелодраматическими благородными жертвами и «исчадіями ада»! Коппе могъ бы многое поразсказать объ обморокахъ своихъ древнихъ бабушекъ и горячихъ слезахъ неземныхъ и безсмертныхъ дѣвъ. Онъ мастеръ на чувствительныя вещи: отецъ-прокуроръ даетъ грандіозный спектакль, публично исповѣдуется въ своемъ грѣхѣ и разъ навсегда посрамляетъ французскихъ критиковъ, издѣвавшихся надъ Раскольниковымъ и Никитой за ихъ всенародное покаяніе.

Что значитъ знакомство съ русской литературой: французская нація начинаетъ усваивать новую чисто-русскую черту и французская демократія устами своихъ литературныхъ представителей скоро должна заявить притязанія даже на «всечеловѣка».

По крайней мѣрѣ, Коппе готовъ на все для демократіи. Онъ не выноситъ буржуазіи. Она, по его представленію, заражена всѣми нравственными недугами, это сплошь фарисеи и лицемѣры, эгоисты и лжецы. Народъ,—полная противоположность. Всѣ добродѣтели его неотъемлемая собственность. Рабочій и буржуа—это ангелъ и аггелъ. И въ доказательство, новый романъ.

Гризетка, изобиженная жестокимъ буржуа, находитъ любовь и счастье въ лицѣ сына народа, сначала бѣднаго скульптора, но потомъ дошедшаго до высшихъ степеней французскаго благополучія и славы, до ордена почетнаго легіона и званія члена института. Вотъ какой блестящій путь совершаютъ бравыя дѣти народа!

Съ какимъ замираніемъ сердца народъ долженъ читать эти страницы *своей* жизни! Онъ вѣдь отражается здѣсь, какъ въ самомъ вѣрномъ зеркалѣ: онъ—небрежно одѣтый, художественно вдохновенный, съ длинными волосами и неограниченными надеждами. Таковъ вѣдь скульпторъ, спасшій жертву буржуазнаго темперамента! Не меньше похожъ народъ и на честнаго преступника, попавшаго вмѣсто каторги въ объятія прокурора. Все такъ естественно и жизненно. Демократіи незачѣмъ волноваться презрѣнными вопросами, носящими совсѣмъ не поэтическія и не романтическія названія: подоходный налогъ, заработная плата, безработица, эксплуатація... У него ужъ есть печальники и защитники: въ лицѣ ихъ не умрутъ болѣе поэты бѣдныхъ, но благородныхъ отцовъ и безродныхъ, но пламенныхъ дѣтей.

Таковъ новѣйшій французскій *литературный* демократизмъ. Картина дополняется весьма краснорѣчивыми практическими данными. Съ каждыми выборами въ парламентъ все ярче обнаруживается политическій индифферентизмъ французскихъ «intellectuels», т. е. литераторовъ и ученыхъ. Въ послѣдней палатѣ они считались единицами, въ нынѣшней не больше. И печать объясняетъ этотъ фактъ въ сущности весьма печальнымъ соображеніемъ; парламентскій строй постепенно вырабатываетъ спеціалистовъ, профессіональныхъ дѣльцовъ и устраняетъ людей высшей интеллигенціи и непоколебимыхъ принциповъ. Вина здѣсь, конечно, не въ парламентскомъ строѣ: равнодушіе къ общественной дѣятельности обнаружилось среди французскихъ «интеллигентовъ» съ самаго развитія демократіи. Начиная съ Сентъ-Бёва и кончая Ренаномъ и Тэномъ, въ этой средѣ, парламентъ и политика неизмѣнно представлялись или пустяками, или своего рода нравствен-

ной язвой. Это преднамѣренный абсентеизмъ, независимый ни отъ какихъ разочарованій и опытовъ.

То же явленіе продолжается до послѣднихъ дней и, мы видимъ, оно соотвѣтствуетъ общему духу французскаго литературнаго генія. Онъ всегда стоялъ далеко отъ пониманія дѣйствительной народной жизни и психологіи, менѣе всего обнаруживалъ наклонность и способность идти на встрѣчу народнымъ стремленіямъ и нуждамъ. Мало этого. Политическій строй государства и могущественные запросы времени не въ силахъ поколебать вѣковой почвы, и о французскихъ даже первостепенныхъ талантахъ можно повторить мѣткія слова императора Александра I о Бурбонахъ: *Не исправились и неисправимы.*

По крайней мѣрѣ, наше время не говоритъ даже о ближайшемъ исправленіи. Золя приходится выпивать горькую чашу обидъ и презрѣнія, но современнымъ французскимъ писателямъ, повидимому, и на умъ не приходитъ простая мысль: не Золя подвергается оскорбленіямъ, а прежде всего писатель, *великій* писатель, озаренный всемірной славой и не съумѣвшій заслугами своего таланта и достоинствомъ своихъ трудовъ удержать въ границахъ хотя бы даже и законное негодованіе своихъ соотечественниковъ. Какой безпощадный урокъ! И въ его общечеловѣческомъ глубокомъ культурномъ смыслѣ заключается, по нашему мнѣнію, высшій интересъ современныхъ французскихъ событій.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Conditions de la Femme dans le temps present», par Madame C. Coignet (Avant. Courrière 21 rue Gazan. Paris). (Современное положеніе женщины). Авторъ брошюры извѣстенъ своими статьями о женскомъ движеніи и теперь вновь обсуждаетъ значеніе и цѣли этого движенія. Возставая противъ многихъ соціальныхъ воззрѣній, которыя авторъ называетъ «экстравагантными», онъ говоритъ,—необходимо, чтобы мужчины и женщины имѣли побольше точекъ соприкосновенія въ сферѣ высшихъ интересовъ, и только тогда они лучше поймутъ другъ друга и всегда въ жизни будутъ дѣйствовать рука объ руку.

(La Science Sociale).

«Famine experiences in India» by Pandita Ramabai (Dyer Brothers). (Голодный годъ въ Индіи). Индійская писательница Пандита Рамабаи, одна изъ піонершъ женскаго движенія въ Индіи, описываетъ въ этой книгѣ страшное бѣдствіе, посѣтившее Индію въ прошломъ году, и мѣры борьбы съ нимъ. Пандита Рамабаи пріютила въ своемъ убѣжищѣ, устроенномъ ею для маленькихъ вдовъ, около 300 этихъ несчастныхъ маленькихъ страдалицъ, буквально погибавшихъ отъ голода. Описывая тѣ тяжелыя картины, которыя ей пришлось видѣть въ Индіи, Пандита вспоминаетъ годы своего дѣтства, когда такой же страшный голодъ посѣтилъ Индію, и ея отецъ и мать погибли во время этого бѣдствія.

(Literary World).

«Aux Indes» par Georges Noblemaire. (Hachette). (Въ Индіи). Очень живо написанные очерки Индіи, которую авторъ посѣтилъ въ качествѣ просвѣщеннаго и наблюдательнаго туриста. Книга изобилуетъ интересными сценами и описаніями и очень мѣткими замѣчаніями о народѣ и туземцахъ Индіи, высшей администраціи и англоиндійскомъ войскѣ. Конечно, авторъ не преминулъ побывать въ джунгляхъ, поохотиться на тигровъ и присутствовать на различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, которыя онъ описываетъ съ большимъ мастерствомъ. (Revue des deux Mondes).

«The Awakening of a Nation; Mexico of To-day» by Charles F. Lummis. (Harper and Brothers). (Пробужденіе націи; современная Мексика). «Въ то время, какъ мы, т. е. Соединенные Штаты,—говоритъ авторъ,—заканчивали свое матеріальное развитіе, она, т. е. Мексика, совершала настоящія чудеса въ области политическаго и соціальнаго развитія». Такое сужденіе авторъ высказываетъ на основаніи долговременнаго пребыванія въ Мексикѣ и основательнаго знакомства съ ея учрежденіями. Европейская читающая публика знакома очень мало съ Мексикой и ея современною исторіей, поэтому книга, которая прекрасно обрисовываетъ постепенный ростъ націи и достигнутые ею успѣхи, заслуживаетъ должнаго вниманія читателей, интересующихся народною жизнью и ея проявленіями. (Daily News).

«Dreamers of the Ghetto» by J. Zangwill (Heinemann). (Мечтатели Гетто). Эта книга произвела въ Англіи большое впечатлѣніе. Авторъ стремится изобразить душу еврейскаго народа сквозь призму вѣковъ и опредѣлить тѣ причины, которыя содѣйствовали развитію стойкости и сплоченности еврейскаго народа. Онъ видитъ эти причины въ приверженности евреевъ къ религіознымъ обрядностямъ, въ строгомъ заточеніи въ Гетто, которое на самомъ дѣлѣ прекратилось только въ началѣ этого столѣтія, и, наконецъ, въ тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ постоянно подвергались евреи. Самая интересная часть книги, безспорно, та, въ которой авторъ говоритъ о людяхъ, возмутившихся противъ буквы Моисеева закона и безсмысленныхъ формальностей культа. Такіе типы представляютъ очень большое разнообразіе. Среди нихъ мы встрѣчаемъ Генриха Гейне, философа Спинозу, Фердинанда Лассаля, Мендельсона и др. Произведеніе автора носитъ скорѣе историческій и біографическій характеръ и беллетристическая сторона отступаетъ на второй планъ, но, благодаря живости красокъ и широтѣ замысла автора, очерки его читаются съ величайшимъ интересомъ и производятъ глубокое впечатлѣніе. (Literary World).

«The Story of Hawai» by J. Owen (Harper and Brothers). (Исторія Гаваи). Въ послѣднее время много было толковъ о гавайскихъ островахъ и объ ихъ присоединеніи къ Соединеннымъ Штатамъ, такъ что интересъ къ этимъ островамъ усилился, свѣдѣнія же о нихъ въ литературѣ довольно скудныя. Названная книга даетъ прекрасное и увлекательное описаніе этихъ острововъ, природы и населенія, происхожденіе котораго до сихъ поръ еще недостаточно выяснено. (Literary World).

«Il militarismo» Dieci conferenze di Guglielmo Ferrero. Milano 1898. (Милитаризмъ). Извѣстный итальянскій соціологъ Ферреро издалъ въ этой книгѣ десять пуб-

личныхъ лекцій о милитаризмѣ, прочитанныхъ имъ въ Миланѣ, Туринѣ и Венеціи. Ферреро—убѣжденный сторонникъ мира и считаетъ, что «въ прошломъ война была прародительницей всѣхъ человѣческихъ пороковъ, а въ настоящемъ она совершенно не у мѣста среди цивилизованныхъ народовъ Европы. Война никогда не культивировала никакихъ возвышенныхъ качествъ въ человѣчествѣ и теперь милитаризмъ оказываетъ свое пагубное вліяніе на свободное развитіе человѣческаго духа. Ферреро подробно изслѣдуетъ различныя фазы развитія милитаризма и его проявленіе въ различныхъ странахъ.

(Revue des Revues).

«*Korea and her Neighbours*» *by M-rs Bishop. With Maps and Illustrations. Two Vols* (*John Murray*). (*Корея и ея сосѣди*). Эта книга вполнѣ оправдываетъ репутацію автора, какъ одного изъ просвѣщенныхъ и наблюдательныхъ путешественниковъ, обладающихъ, кромѣ того, способностью талантливо и живо описывать свои впечатлѣнія. Мистриссъ Бишопъ четыре раза посѣтила Корею и въ первый разъ въ 1894 году и хорошо изучила эту страну, путешествіе по которой, судя по ея описаніямъ, далеко не изъ пріятныхъ, такъ какъ корейцы не имѣютъ никакого понятія о чистотѣ и какихъ бы то ни было удобствахъ.

(Bookseller).

«*Procès de femmes*» *par J. Munier-Jolain.* (*Судебные процессы женщинъ*). Въ газетахъ XVIII вѣка не было отдѣла судебной хроники, но тѣмъ не менѣе въ нихъ все-таки попадались отчеты о сенсаціонныхъ процессахъ, волновавшихъ общество. Авторъ этой книги собралъ и издалъ наиболѣе интересные и выдающіеся изъ этихъ процессовъ, героями которыхъ были женщины и которые могутъ характеризовать нравы данной эпохи. (Journal des Débats).

«*The Chances of Death and other Studies in Evolution*» *by Karl Pearson* (*Arnold*). (*Шансы смерти и др. очерки эволюціи*). Меланхолическое названіе этой книги, заключающей въ себѣ цѣлый рядъ очерковъ, разсматривающихъ различные виды эволюціи, не даетъ должнаго понятія о ея содержаніи. Кромѣ различныхъ шансовъ смерти, которые встрѣчаются человѣку на каждомъ шагу съ момента его рожденія, значенія наслѣдственности въ этомъ отношеніи и разныхъ случайностей, авторъ обсуждаетъ въ своей книгѣ еще и такіе вопросы эволюціи, которые касаются главнымъ образомъ развитія жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ. Затѣмъ авторъ посвящаетъ главу естественному подбору и его различнымъ проявленіямъ, а въ остальныхъ главахъ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, критически разбираетъ рѣчь лорда Салисбюри, произнесенную имъ въ Британской ассоціаціи, теологію Бальфура, теорію Венжамена Кидда и др. Между прочимъ, авторъ помѣщаетъ и рядъ отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ женскому труду, средневѣковымъ процессамъ вѣдьмъ, германскимъ мистеріямъ, первобытному браку и даже рулеткѣ въ Монтекарло, разсматривая ее съ научной точки зрѣнія. Несмотря на такую необыкновенную смѣсь самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые авторъ изучаетъ съ точки зрѣнія эволюціи, читатель можетъ найти въ ней связующую мысль, что, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ талантливостью изложенія увеличиваетъ интересъ книги.

(Daily News).

«*Between Sun and Sand; a Tale of an african Desert. By William Charles Scully* (*Methaen and C°*). (*Между солнцемъ и пескомъ*). Авторъ изучилъ ужасную страну бушменовъ, лежащую къ югу отъ Оранжевой рѣки и составляющую сѣверныя границы капской колоніи. Разсказъ его прекрасно обрисовываетъ жизнь въ пустынѣ и тяжелыя лишенія, съ которыми приходится бороться обитателямъ этой мѣстности, вѣчно страдающей отъ недостатка воды. (Literary World).

«*A Concise History of Religion*» *In three volumes. By F. J. Gould.* (*Сокращенная исторія религіи*). Авторъ поставилъ себѣ задачей представить въ сжатомъ видѣ очеркъ исторіи религіи и дать въ сокращенномъ изложеніи массу фактовъ и свѣдѣній изъ этой важной области. Свою трудную задачу авторъ выполнилъ въ совершенствѣ и дѣйствительно врядъ ли найдется другое произведеніе, которое заключало бы столько интересныхъ научныхъ свѣдѣній въ такомъ сравнительно небольшомъ объемѣ. Въ первой части авторъ говоритъ о предразсудкахъ и суевѣріяхъ дикихъ и первобытныхъ племенъ и обрисовываетъ въ главныхъ чертахъ религіи Америки, Финляндіи, Китая, Египта, Аравіи, Халдеи, Сиріи, Индіи, Японіи, Персіи, кельтовъ, грековъ и римлянъ. Во второй части онъ разбираетъ всю литературу и изслѣдуетъ происхожденіе ея отдѣльныхъ частей. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ о раннихъ условіяхъ христіанства. Въ третьей части авторъ изучаетъ важнѣйшія историческія проблемы, обрисовываетъ въ общихъ чертахъ развитіе христіанскаго движенія и анализируетъ съ раціоналистической точки зрѣнія литературу новаго завѣта.

(The Ethical World).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

лія помочь имъ, вывести ихъ съ пути случайныхъ благодѣяній на вѣрный путь независимости и самопомощи—они встрѣтили подозрительностью и враждебно! Хорошо же! Онъ больше не будетъ тратить своихъ силъ на этихъ рабовъ. Онъ прибережетъ ихъ для лучшихъ людей!

Когда Вибель уѣхалъ, Томасъ Галль принялъ бразды правленія надъ рабочими твердой и холодной рукой. Онъ сдѣлался имъ мало доступенъ; помимо служебныхъ обязанностей, онъ не желалъ имѣть съ ними дѣла. Онъ щепетильно исполнялъ всѣ свои обязанности и требовалъ отъ подчиненныхъ того же. Никогда онъ не уступалъ какимъ бы то ни было просьбамъ и сталъ строгъ, гораздо строже инженера Вибеля.

Рабочіе вздохнули, но примирились съ этимъ гораздо охотнѣе, чѣмъ съ его затѣями самопомощи. По крайней мѣрѣ, въ его образѣ дѣйствія не было ничего для нихъ непонятнаго. Однако, самъ онъ втайнѣ постоянно терзался сомнѣніями. Ясно было, что его дѣятельность оказывалась въ противорѣчіи съ его убѣжденіями. Къ этому принуждали его обстоятельства и простая добросовѣстность—онъ не могъ покинуть должности ранѣе окончанія года.

Время шло и сомнѣній у Томаса Галля становилось все меньше и меньше. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что не стоило раздумывать о дѣлѣ, котораго онъ не могъ измѣнить до окончанія срока своего контракта. Въ дѣйствительности, всѣ его помыслы были отвлечены совсѣмъ въ другомъ направленіи. Новыя, неожиданныя чувства всецѣло поглотили его и понемногу затмили все, для чего онъ до сихъ поръ жилъ.

Была ужа настоящая полярная зима. Ртуть замерзла въ градусникахъ. Но морозъ въ этихъ странахъ никого не пугалъ и, повидимому, оказывалъ на дѣятельность людей то же вліяніе, что въ другихъ странахъ тепло.

Всюду появились жизнь и движеніе. Въ лѣсахъ рубили и очищали отъ сучьевъ деревья; по дорогамъ со всѣхъ сторонъ подвозились къ заводамъ бревна. Черезъ замерзшія болота и озера проложено было множество новыхъ зимнихъ дорогъ, и на всѣхъ этихъ дорогахъ встрѣчались люди и возы.

Дни были очень коротки. Но по ночамъ стало часто сверкать сѣверное сіяніе, то бѣлое, то зеленоватое, то совсѣмъ красное. Плотно слежавшійся и промерзшій снѣгъ сверкалъ всею своею поверхностью, точно былъ усыпанъ алмазами и рубинами. Деревья казались изваянными изъ бѣлаго мрамора и тоже были усыпаны брилліантами.

На впечатлительнаго Томаса Галля все это произвело впечатлѣніе, точно онъ присутствовалъ при исполненіи чудной феерія, точно самая его жизнь превратилась въ сказку и при этомъ странномъ свѣтѣ сѣвернаго сіянія съ нимъ могли случиться самыя невѣроятныя вещи такъ же просто и естественно, какъ преображалась и сверкала вся эта удивительная страна.

Въ его конторѣ, какъ и на всемъ заводѣ, день и ночь горѣли электрическія лампы. При ихъ свѣтѣ приходилось работать днемъ, и все было одинаково, когда онъ являлся на заводѣ и ночью.

Свои обязанности онъ исполнялъ хорошо, но безъ интереса къ дѣлу, почти машинально, какъ разыгрываютъ на роялѣ хорошо заученную пьесу, которая, однако, исполнителя уже не увлекаетъ. Ему уже не нужно было бороться за существованіе; не представлялось случая и бороться за идею. И дѣйствительность окружающей жизни точно выдохлась для него, тогда какъ природная мечтательность въ столь благопріятныхъ условіяхъ стала быстро развиваться. Странныя картины сѣверной природы и непонятные люди этихъ мѣстъ, подѣйствовали бы и на менѣе мечтательнаго человѣка; а тутъ еще обязанности не требовали отъ него ни малѣйшаго умственнаго напряженія и бездѣятельность ума способствовала работѣ воображенія.

Въ жизни своей Томасъ Галль не имѣлъ еще случая бороться со страстями. Въ ранней молодости всѣ его чувства были поглощены любовью къ матери, а вся энергія ушла на борьбу за существованіе. Потомъ его душевныя силы уходили на борьбу за идею и по

прежнему не было времени, а пожалуй, и случая, отдаться другимъ чувствамъ. Но теперь годами скопленная въ немъ энергія чувственныхъ потребностей предъявила свои права, и здѣсь, въ странѣ полночи, кровь стала кипѣть въ немъ, какъ никогда не кипѣла въ болѣе теплыхъ странахъ. Это дало совсѣмъ особенное направленіе его мечтамъ.

Здѣсь была только женщина, которая одна могла овладѣть его воображеніемъ, которая уже съ перваго раза, несмотря на его враждебное предубѣжденіе, поразила его своей красотой. Вдобавокъ эта женщина сильно напоминала другую, которую онъ считалъ лучшей женщиной въ мірѣ и влеченію къ которой въ немъ не дали превратиться въ страстное чувство только во-время принятыми мѣрами. Объ этой женщинѣ онъ любилъ мечтать, воображая, что ненавидитъ ее, ненавидитъ въ ней все ея сословіе, но позволяя себѣ любоваться ея красотой. Онъ представлялъ ее себѣ сверхъестественнымъ, дивно прекраснымъ, но губительнымъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ той королевы полночи, которая ему однажды приснилась и которую онъ постоянно теперь вспоминалъ. Онъ придалъ въ своихъ мечтахъ этой загадочной королевѣ черты лица Гедвиги, и любилъ представлять ее себѣ озаренной сѣвернымъ сіяніемъ, среди искрящихся снѣговъ. Ему казалось иногда, что она протягиваетъ къ нему руки, и въ рукахъ у нея не красный цвѣтокъ, какъ было во снѣ, а само сѣверное сіяніе...

Она была женой другого. Такъ что же такое? Здѣсь, въ этой сказочной странѣ это ровно ничего не значило. Въ рукахъ самой королевы полночи всякія житейскія препятствія должны были растаять, какъ снѣжинки...

Томасъ Галль жилъ въ мірѣ сказокъ и дожидался своего счастія. Какимъ образомъ онъ достигнетъ этого счастія, онъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ. Онъ даже вовсе не заботился понравиться ей или дать ей хоть нѣкоторое понятіе о своихъ мечтахъ. Это вовсе не требовалось. Онъ твердо вѣрилъ, что его судьба такъ или иначе уже прочно, навсегда, прикована къ ея судьбѣ, что только поэтому случай и забросилъ его сюда; онъ допускалъ, что погибнетъ, познавъ счастіе ея любви—на то она была враждебнымъ человѣчеству сверхъестественнымъ существомъ; но ни ускорить, ни измѣнить предопредѣленныхъ ему событій не въ его власти.

Эти мечты превратились у него постепенно какъ бы въ пунктъ помѣшательства, съ которымъ онъ носился въ одиночествѣ. При встрѣчахъ съ госпожей Хегреусъ иллюзія въ немъ на короткое время разсѣявалась, такъ какъ онъ съ душевной болью убѣждался всякій разъ, что ничѣмъ его мечты не оправдывались. Онъ даже замѣчалъ въ ней нѣчто другое, глубоко его огорчавшее: она съ каждымъ разомъ становилась къ нему холоднѣе... Было ли это отъ высокомѣрія или отъ пренебреженія къ человѣку, не оправдавшему ея ожиданій? Во всякомъ случаѣ, онъ не добивался свиданій съ нею и охотнѣе оставался въ своемъ заколдованномъ мірѣ мечты. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ всесильнымъ властителемъ надъ нею, какъ и надъ всѣмъ остальнымъ.

XIII.

Въ сотнѣ саженей выше лѣсопильнаго завода былъ большой водопадъ, сила котораго и давала жизнь всему заводу. Въ этомъ мѣстѣ вся многоводная рѣка бурнымъ потокомъ неслась между отвѣсными скалами черезъ тѣснину. Посрединѣ возвышался утесъ, раздѣлявшій рѣку на два рукава, и тотчасъ же за утесомъ былъ обрывъ, съ котораго вода падала почти отвѣсно, образуя водопадъ въ сто футовъ вышиною. Утесъ назывался медвѣжьимъ. Разсказывали, что однажды огромный медвѣдь попытался переплыть рѣку выше водопада, но не совладалъ съ теченіемъ и былъ увлеченъ. Однако, надъ самымъ обрывомъ онъ успѣлъ ухватиться своими могучими лапами за выступъ утеса и благодаря своей страшной силѣ выбрался на островокъ. Тамъ, на утесѣ, среди грохотавшаго водопада, онъ стоялъ и растерянно поглядывалъ: то на пѣнившуюся воду, то на далекіе берега и подъ конецъ зарычалъ, покры-

вая своимъ зычнымъ голосомъ даже грохоть водопада и точно призывая людей на помощь. Но люди были заняты своими дѣлами и только толпа дѣтей робко приблизилась къ берегу взглянуть на звѣря. И вотъ дѣти и медвѣдь поглядывали другъ на дружку черезъ потокъ: дѣти сначала со страхомъ, но постепенно осмѣливаясь; медвѣдь налитыми кровью глазами все болѣе и болѣе безпомощно. Видя, что медвѣдю оттуда съ утеса не выбраться, ребятишки совсѣмъ перестали бояться и стали кидать въ медвѣдя камнями. Тогда онъ, вдругъ собралъ всѣ свои силы и сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону дѣтей. Онъ попалъ въ воду, но съ размаху его отнесло дальше и онъ даже схватился за уступъ прибрежной скалы. Однако, удержаться за скользкую гладкую скалу было невозможно: онъ сорвался, снова очутился въ потокѣ и въ слѣдующее мгновеніе, вертясь въ водѣ, какъ щепка, былъ увлеченъ въ водопадъ. Его трупъ всплылъ потомъ въ тихой заводи у деревушки, которая стояла тамъ, гдѣ теперь былъ заводъ. Оттого утесъ, а по немъ и все мѣстечко называется Бьерне, т. е. «островъ медвѣдя».

Такъ гласитъ преданіе. Но къ этому разсказчики обыкновенно добавляютъ, понижая голосъ, что «онъ», т. е. лѣсной духъ, этого не проститъ. Извѣстно, что медвѣдь его любимецъ, и дѣти, у которыхъ хватило жестокости бросать камни въ погибавшаго медвѣдя, «его» глубоко оскорбили. Въ наказаніе, потомокъ того мальчика, который первый бросилъ камень, сдѣлается однажды владѣльцемъ всей этой мѣстности и завода, но когда жизнь въ счастіи станетъ ему особенно дорога, погибнетъ на томъ же мѣстѣ въ водопадѣ, гдѣ погибъ медвѣдь.

Кто былъ тотъ мальчикъ и кто были его потомки никто уже не зналъ, потому что случилось все это очень давно. Но преданіе держалось въ народѣ крѣпко и часто вспоминалось мужиками вечеромъ у камелька, когда рѣчь заходила о сверхъестественномъ. И всѣ вѣрили предсказанію. Всякій разъ, когда въ Бьерне перемѣнялся владѣлецъ, въ хуторахъ дѣлались догадки: ужъ не тотъ-ли это, которому суждено искупить проступокъ своего предка.

Однажды, въ послѣобѣденное время въ февралѣ, Томасъ Галль стоялъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ у конторки, провѣряя разсчетныя книжки рабочихъ, когда вдругъ на дворѣ послышались какіе-то крики. Онъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ лѣсничаго, который вбѣжалъ на заводскій дворъ блѣдный, безъ шапки, держа скинутыя съ ногъ лыжи въ рукѣ.

— Помогите, помогите!—кричалъ онъ прерывающимся голасомъ, но такъ пронзительно, что слышно было сквозь двойныя рамы.—Помогите!.. Хозяинъ упалъ въ рѣку!..

Въ слѣдующее мгновеніе Томасъ Галль уже стоялъ на дворѣ въ толпѣ рабочихъ, окружавшихъ дрожавшаго отъ перепуга лѣсничаго. Тотъ разсказывалъ, какъ это случилось.

— Мы возвращались съ егермейстеромъ съ охоты... на лыжахъ... прямо лѣсомъ. Мы хотѣли перейти черезъ рѣку выше водопада, гдѣ стоитъ ледъ. Егермейстеръ шелъ впереди... Ну, видно онъ ошибся мѣстомъ и спустился съ горы не тамъ, гдѣ слѣдовало, а потомъ уже не могъ удержаться. Я видѣлъ, какъ онъ мелькнулъ на кручѣ, у самаго медвѣжьяго острова... онъ всѣми силами удерживался палкой, но неся съ горы такъ быстро, что палка сломалась... Еще разъ я его увидѣлъ уже у самой стремнины, на береговомъ льду... онъ бросился навзничь и цѣплялся за ледъ руками и ногами, но его все несло, несло впередъ... Я слышалъ, какъ онъ звалъ на помощь... О, Господи, Боже мой!..

Онъ закончилъ свой разсказъ стономъ.

Столпившіеся вокругъ него люди смотрѣли молча, съ испуганными глазами.

Томасъ Галль первый опомнился. Онъ тотчасъ же собралъ рабочихъ и повелъ ихъ разыскивать тѣло погибшаго; о спасеніи нечего было и думать. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безплодной работы, увидѣли всплывшее тѣло на томъ же мѣстѣ ниже водопада, гдѣ когда-то выплыло тѣло медвѣдя. Томасъ Галль съ нѣсколькими рабочими направились къ тѣлу въ лодкѣ...

*

Какая-то женщина уже успѣла сообщить о несчастіи въ господскій домъ. Когда лодка вернулась къ пристани, на мосткѣ стояла госпожа Гедвига, укутанная въ шубу, которую на нее успѣла накинуть тетя Виви, но съ непокрытой головой. Она была блѣдна, какъ окружавшій ее снѣгъ; темные волосы, разметанные вѣтромъ, падали ей на лобъ неровными прядями. Она не плакала, даже когда склонилась надъ тѣломъ мужа. Но она дрожала всѣмъ тѣломъ и зашаталась, точно была готова упасть. Но не упала, и пошла къ дому, не оглядываясь. Рабочіе положили тѣло егермейстера на носилки и понесли вслѣдъ за нею. Шли прямикомъ, черезъ лѣсъ, большой аллеей; справа и слѣва стѣной стояли сильно заметанныя снѣгомъ старыя ели... При свѣтѣ фонарей тѣло внесли черезъ парадный входъ со стороны сада.

Новость уже распространилась. На господскомъ дворѣ толпился народъ. Старыя женщины многозначительно покачивали головою и говорили шепотомъ:

— Стало быть, это былъ *онъ*!.. тотъ, которому было назначено поплатиться за медвѣдя. Не даромъ поговаривали, что его дѣдъ былъ изъ здѣшнихъ...

Прошло три дня и длинная процессія съ гробомъ на печальной колесницѣ потянулась между лѣсами и снѣгами. За дрогами слѣдовали десятки саней, обитыхъ чернымъ сукномъ. Въ первыхъ саняхъ сидѣла вдова возлѣ престарѣлаго пробста.

До кладбища было далеко; часа два тянулась процессія. Но вотъ и церковь, а возлѣ нея кладбище... При печальномъ перезвонѣ колоколовъ гробъ опустили въ могилу. Короткій зимній день уже кончался. Было почти темно, когда священникъ въ послѣдній разъ провозгласилъ вѣчную память усопшему, и могила была засыпана.

Гости разъѣхались прямо съ кладбища. Госпожа Гедвига и тетя Виви поѣхали домой въ сопровожденіи Томаса Галля.

Дорогой не было произнесено ни слова. Тѣмъ свободнѣе ему было размышлять. Итакъ, она случилась... счастливая случайность для него! И онъ могъ радоваться случаю, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, потому что его вины тутъ не было! Онъ чувствовалъ теперь благосклонность къ памяти покойнаго; объ отдавалъ полную справедливость его хорошимъ качествамъ. Какъ бы тамъ ни было, а покойный былъ хорошій, разумный человѣкъ, и дѣльный хозяинъ, даромъ, что большой баринъ. Судьба удалила его, убрала съ дороги... Нѣтъ, нѣтъ! Объ этомъ думать еще не слѣдовало. Можно было только тихонько радоваться въ самой глубинѣ души и довѣрчивѣе отдаваться судьбѣ, въ которой обстоятельства сцѣпляются такъ странно... Но меньше всего слѣдовало теперь давать волю своему воображенію и думать о любви! Получитъ ли онъ когда-нибудь ее—объ этомъ задумываться теперь было бы низко. Она во всякомъ случаѣ въ несчастіи, и ея печаль должна внушать уваженіе...

Когда сани остановились у господскаго дома, онъ помогъ дамамъ выйти. Гедвига даже не взглянула на него, не поблагодарила, и молча направилась въ комнаты.

Онъ подумалъ, что, можетъ, еще нуженъ ей, и послѣдовалъ за дамами.

Въ передней при свѣтѣ лампы онъ увидѣлъ ея лицо. Она была блѣдна и печальна; глаза были окаймлены темными кругами; взглядъ былъ безжизненъ. Въ движеніяхъ уже не было прежней граціи: она казалась усталой и разбитой.

Пока лакей въ траурной ливреѣ помогалъ ей освобождаться отъ мѣховыхъ вещей, Томасъ Галль молча стоялъ въ сторонѣ. Онъ не могъ оторвать взгляда отъ ея лица, и ему было невыразимо жаль ея. Онъ точно ласкалъ и утѣшалъ ее взглядомъ, полнымъ невыразимой нѣжности.

Она оглянулась и встрѣтила его взглядъ.

— Какъ, вы здѣсь?—проговорила она съ испугомъ.

Онъ смутился, точно былъ уличенъ въ неблаговидномъ поступкѣ.

— Я хотѣлъ только спросить, не могу ли еще въ чемъ-нибудь быть вамъ полезенъ?—проговорилъ онъ неровнымъ голосомъ.

— Не знаю... я ничего теперь не понимаю!—сказала она и направилась къ дверямъ залы.

Лакей раскрылъ передъ нею двери, но она отшатнулась въ ужасѣ.

— Тамъ темно! Отчего тамъ темно?—вскричала она, содрогаясь.—Освѣтите же скорѣе эту комнату! Зажгите лампы во всѣхъ комнатахъ.

Лакей торопливо повернулъ регуляторъ, и гостиная освѣтилась.

— Не уходите, тетя! — обратилась Гедвига къ тетѣ Виви, замѣтивъ, что та хочетъ уйти къ себѣ.—Побудьте со мною! Если бы вы знали, какъ мнѣ жутко наединѣ...

Она вдругъ подняла руки къ головѣ и заплакала навзрыдъ. Освѣщенная на порогѣ гостиной съ двухъ сторонъ, она ярко вырисовывалась, какъ на картинѣ, и въ такомъ видѣ запечатлѣлась въ его душѣ.

— Прощайте!—пробормотала она, не оборачиваясь, и скрылась за портьерой.

Въ этотъ вечеръ, и во всю эту ночь, онъ видѣлъ ее передъ собою, слышалъ ея рыданія, и ея «прощайте», сказанное надломленнымъ голосомъ сквозь слезы. И онъ нигдѣ не могъ найти успокоенія: онъ чувствовалъ себя точно въ чемъ-то виноватымъ. Онъ пытался безпристрастно обсуждать свои дѣйствія, и передъ судомъ разума онъ дѣйствительно оказывался безупреченъ; но все-таки чувство недовольства собою не проходило и не давало ему покоя.

Какъ нарочно, работъ не было. Госпожа Гедвига распорядилась остановить заводъ, чтобы дать рабочимъ возможность проводить тѣло покойнаго хозяина до могилы, а потомъ помянуть его за тризной, устроенной на ея счетъ во всѣхъ избахъ. Томасъ Галль не зналъ, чѣмъ разсѣяться и бродилъ по селенію, какъ тѣнь. Изъ всѣхъ оконъ лился свѣтъ. Вездѣ виднѣлись рабочіе и ихъ семьи за столомъ. Всюду вырисовывались за окнами спокойныя, серьезныя лица. Только въ его душѣ было мрачно и смутно, только онъ бродилъ, не находя себѣ мѣста, съ искаженнымъ отъ внутреннихъ терзаній лицомъ.

Она сказала: прощайте! Да, да: прощай, Томасъ Галль! Прощайте всѣ мечты и радости! Низменныя твои желанія стали между тобою и ею. Развѣ не плотскую любовь и радость она прочла въ твоихъ глазахъ на пути съ кладбища? Развѣ ты не мечталъ объ обладаніи ею, когда ея мужъ былъ еще живъ, и не пожелалъ того же, когда онъ только что былъ опущенъ въ могилу? Ты поступилъ низко, отдаваясь такимъ помысламъ, и не примириться тебѣ теперь ни съ нею, ни со своею совѣстью.

Можетъ быть, она хотѣла сказать: Прощайте! Наши пути расходятся теперь навсегда. Вы осквернили ваше чувство низменными желаніями, и оно всегда будетъ мнѣ оскорбительно.

Такъ онъ терзался размышленіями о себѣ. Но по временамъ его охватывалъ порывъ менѣе себялюбивыхъ чувствъ. Онъ вспоминалъ, что она страдаетъ, страдаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше любила мужа. Можетъ быть, и она теперь терзается укорами чуткой совѣсти? При этой мысли слезы подступали къ его глазамъ. Онъ забывалъ о себѣ; ему хотѣлось только утѣшить, успокоить ее. И онъ начиналъ смиренно мечтать о возможности пожертвовать ей всю свою жизнь, всѣ свои помыслы, чтобы издали, незамѣтно служить ей. Пусть она даже не подозрѣваетъ, что она для него. Пусть топчетъ его ногами, какъ онъ топчетъ этотъ снѣгъ. Онъ благоговѣйно сохранитъ ея слѣды вплоть до того дня, когда придетъ для нея новая весна, а онъ исчезнетъ съ земли, какъ исчезнетъ снѣгъ!

Онъ бродилъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, гдѣ онъ бродитъ. Поздно ночью онъ очутился передъ ея окнами. Полная луна ярко и холодно освѣщала мѣстность.

Острая, чисто физическая боль чувствовалась у него въ груди.

Но вотъ усиліемъ воли онъ попытался сбросить съ себя настроеніе, которое его угнетало, и тотчасъ же ему стало легче: грудь перестала ныть, мысли начали проясняться. Съ какой стати онъ терзался только изъ за того, что ни при какихъ условіяхъ не могъ перестать ее любить? Въ чемъ тутъ

преступленіе? Это зависѣло не отъ него, а въ поступкахъ своихъ онъ ничѣмъ не проявилъ своихъ чувствъ! И почему отчаяваться, что даже издали любить ее—было счастьемъ? Не вѣкъ же она будетъ скорбѣть по мужѣ, котораго даже никогда не любила. Жизнь потребуетъ жизни и помимо ея воли отодвинетъ отъ нея холодную могилу мужа...

Совсѣмъ новыя мысли зароились теперь въ его мозгу. Онъ представлялъ себѣ Гедвигу оправившуюся отъ удара, опять спокойной, опять жизнерадостной. Опять ея лицо освѣщено милой, привѣтливой улыбкой. Опять изъ подъ ея длинныхъ рѣсницъ сверкаетъ взглядъ, не жгучій, но отъ котораго вся кровь въ немъ все-таки загорается, какъ отъ огня.

Успокоенный, довольный тѣмъ, что разогналъ, наконецъ, свои преувеличенныя сомнѣнія, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дому, желая лучше разсмотрѣть ея окна. Но вдругъ онъ замеръ на мѣстѣ, потомъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ... Въ сторонѣ онъ увидѣлъ нѣчто невозможное: гигантскій скелетъ, пошевелившійся при лунномъ свѣтѣ и скалившій на него неровные зубы.

Очутившись снова подъ деревьями, онъ остановился. Его ноги подкашивались отъ ужаса, и мысли кружились, какъ въ водоворотѣ... Но онъ овладѣлъ собою, и черезъ минуту ему стало стыдно своего страха. Очевидно, что-то почудилось! Однако, ему стоило большого усилія заставить себя снова взглянуть въ томъ направленіи, гдѣ было видѣніе. Ничего тамъ не было... Тогда онъ опять направился къ дому, пристально озираясь по сторонамъ. Скоро дѣло выяснилось: въ сторонѣ снова мелькнуло то, что онъ принялъ за скелетъ; это было уродливо искривленное дерево, между оголенными сучьями котораго налипъ полосками снѣгъ.

Послѣ испытаннаго потрясенія онъ чувствовалъ теперь только разбитость во всемъ тѣлѣ. Всякая мечтательность исчезла. Онъ сознавалъ только, что попусту мерзнетъ цѣлую ночь въ лѣсу и что въ его поступкахъ не было ни малѣйшаго смысла.

Онъ плотнѣе укутался въ шубу, равнодушно отвернулся отъ дома и вялой поступью побрелъ домой.

XIV.

Наступило время такой горячей дѣятельности, что Томасу Галль не оставалось досуга на бредни, и онъ опять сталъ прежнимъ человѣкомъ. Послѣ смерти егермейстера ему поручено было вдовой главное управленіе заводами, а кромѣ того, до пріѣзда новаго начальника рабочихъ, онъ долженъ былъ исполнять и прежнія свои обязанности. Это было не легко, всѣ его мысли скованы были сложными дѣлами, запускать которыя ему не позволяла природная честность.

Гедвигу онъ видѣлъ рѣдко. Она всецѣло довѣрилась ему и въ дѣла не вмѣшивалась, а въ частной жизни своей оставалась въ уединеніи съ тетей Виви. У покойнаго егемейстора не было близкихъ родственниковъ, а у нея была сестра Сигна, которая какъ разъ въ это время была задержана въ столицѣ рожденіемъ сына. Поэтому никто не пріѣхалъ въ эту глушь утѣшать вдову, и она была точно отрѣзана отъ всего міра.

Когда ему приходилось обращаться къ Гедвигѣ въ важныхъ дѣлахъ, она неизмѣнно отвѣчала ему: «Вы лучше меня понимаете эти дѣла. Поступайте, какъ находите нужнымъ». Такое довѣріе онъ находилъ не только для себя чрезвычайно лестнымъ, но и вполнѣ разумнымъ.

Чтобы оправдать довѣріе владѣтельницы заводовъ, онъ работалъ не разгибая спины и дѣйствительно повелъ дѣла хорошо.

Между тѣмъ дни все удлиннялись, и солнце съ каждымъ днемъ пригрѣвало землю сильнѣе. Одна ледяная глыба за другой обрушивались въ водопадъ и разбивались въ мелкія дребезги, которыя затѣмъ стремительно неслись мимо завода черезъ открытую плотину. Пришелъ день, когда снизу на рѣкѣ послышался протяжный свистокъ, и черезъ часъ одинъ изъ зимовавшихъ на рѣкѣ пароходовъ стоялъ у заводской пристани, готовясь забрать кладь и пассажировъ къ первому рейсу. По теле-

графу получено было извѣстіе, что море свободно отъ льда.

Съ этимъ пароходомъ и Гедвига должна была отправиться въ путешествіе, которое ей посовѣтовалъ лѣчившій ее врачъ.

Томасъ Галль давно уже зналъ о предположенномъ путешествіи хозяйки, и находилъ это вполнѣ естественнымъ. Но теперь, когда приблизилось время ея отъѣзда, онъ внезапно палъ духомъ и въ немъ проснулись прежнія сомнѣнія. Вдобавокъ, когда онъ явился проститься со своей довѣрительницей, она только холодно поблагодарила его за труды и заботы о ея дѣлахъ. Эта холодность оскорбила его, какъ незаслуженная обида. Неужели онъ всей своей преданностью не заслужилъ хоть привѣтливаго слова? Простое «спасибо» она вѣдь расточала всякому, кто оказывалъ ей малѣйшую услугу. Стало быть, онъ былъ для нея не болѣе, чѣмъ всякій встрѣчный?..

Съ горечью въ душѣ проводилъ онъ ее на пароходъ и эта горечь только усилилась, когда она протянула ему на прощаніе руку, затянутую въ перчатку. Рука была точно безжизненная и ни одно движеніе не выдавало, что подъ черной перчаткой была плоть и кровь.

Когда пароходъ отчаливалъ, она сидѣла на палубѣ возлѣ тети Виви. Обѣ были въ полномъ траурѣ; длинная вуаль на Гедвигѣ была откинута. Ея блѣдное лицо точно увяло; щеки замѣтно впали; взглядъ былъ усталый и равнодушный. Такой она осталась въ памяти Томаса Галля надолго. И горечь, нестерпимая горечь окончательно залила его сердце.

Въ тотъ день дѣла шли на заводѣ наудачу, рабочимъ нельзя было пожаловаться на слишкомъ строгій надзоръ. Управляющій не показывался. Только что прибывшій на заводъ молодой инженеръ Вестлингъ могъ спрашивать о своихъ обязанностяхъ у кого хотѣлъ.

Томасъ Галль весь день пролежалъ въ лѣсу подъ старой сосной и пережидалъ, пока горе въ его душѣ настолько притупится, что онъ будетъ въ состояніи владѣть своимъ разсудкомъ. Теперь ему предстояло ужиться съ пустотой, которую оставляли по себѣ всѣ надежды на счастіе, и съ мыслью, что женщина, которую онъ такъ горячо любилъ, была къ нему болѣе чѣмъ равнодушна.

Впрочемъ, на чемъ онъ строилъ свои воздушные зàмки, когда воображалъ, что можетъ ждать ея любви? Ни на чемъ! Онъ былъ для нея ничтожествомъ. Она видѣла въ немъ только слугу, которому довѣрила ключи отъ своего дома, когда уѣхала; она уполномочила его управлять своими дѣлами только потому, что надо было кого нибудь уполномочить, а его честность была всѣми признана... Можетъ быть, она даже замѣтила его чувства къ ней и была этимъ довольна, какъ бываетъ довольна хозяйка привязанностью лакея или дворовой собаки...

Отъ негодованія кровь жгучей волной приливала ему къ вискамъ. Однако вѣдь бывало же, что ея взглядъ выражалъ нѣчто другое, нѣчто болѣе глубокое и болѣе теплое, чѣмъ простая благосклонность къ хорошему слугѣ! Да, да — бывало, если только ему не казалось это... Просто, она не посмѣла отдаться зарождавшемуся чувству. Мелочная, какъ всѣ женщины, безсильная и нерѣшительная въ добрѣ и злѣ, невольница наружныхъ условностей, она отвергла свое чувство, чтобы не уронить себя.

Ему доставляло наслажденіе раздумывать о ея недостаткахъ, какъ дикарю, который бросаетъ своего идола въ грязь и въ неистовствѣ топчетъ кумиръ, только потому, что его молитвы остались не услышаны.

По натурѣ онъ былъ горячій поклонникъ женщины. О любви у него были крайне преувеличенныя представленія, дѣлавшія изъ нея цѣлый культъ. Вотъ почему всѣ проявленія чувства принимали у него такія болѣзненныя формы, и чувство то уносило его за облака, далеко отъ дѣйствительной жизни, то роняло въ грязь.

Съ этого дня Томасъ Галль вообразилъ себя женоненавистникомъ. Онъ сталъ съ наслажденіемъ читать сочиненія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, о которыхъ недавно еще говорилъ съ презрѣніемъ, которые въ женщинѣ видѣли

низшее существо, олицетвореніе всѣхъ дурныхъ инстинктовъ человѣка, Цирцею, заманивающую человѣка, только чтобы превратить его потомъ въ звѣря.

Томасъ Галль съ увлеченіемъ отдался своему новому настроенію. Ненависть къ женщинѣ вытѣснила въ немъ его старую ненависть къ высшимъ сословіямъ, и онъ ухитрился даже убѣдить себя, что въ сущности, это одно и то же. Мечтательности въ немъ не оставалось и тѣни. Онъ серьезно обрадовался, прочитавъ, что одинъ естествоиспытатель нашелъ зародышъ человѣческаго хвоста, присущій однако только женщинамъ; у мужчинъ такого зародыша не оказывалось. Этотъ «женскій хвостъ» вносилъ комическую сторону въ его размышленія о женщинахъ и вызывалъ въ немъ злорадство. Когда его начинала грызть тоска, онъ всегда ободрялъ себя, вспоминая о хвостѣ. Онъ убѣждалъ себя, что серьезно страдать изъ за женщины мужчинѣ, какъ существу высшаго порядка, неестественно и глупо.

Увѣривъ себя, что онъ совершенно исцѣлился отъ своего болѣзненнаго увлеченія женщиной, онъ сталъ размышлять о томъ, что совсѣмъ забросилъ свою дѣятельность, какъ представитель рабочей партіи, и тотчасъ же въ немъ проснулась прежняя энергія. Теперь вѣдь онъ былъ полномочный человѣкъ на заводѣ и могъ дѣлать все, что находилъ нужнымъ. Теперь слѣдовало показать людямъ, что можно вполнѣ совмѣстить интересы заводчика съ интересами рабочихъ и такимъ образомъ явить примѣръ общаго благополучія.

Однако, когда онъ сталъ обдумывать, съ чего слѣдовало начать, дѣло оказывалось въ высшей степени сложнымъ. При томъ онъ боялся злоупотребить довѣріемъ Гедвиги. И вотъ, всѣ его теоріи оказывались несостоятельными только потому, что приходилось ихъ обсуждать съ двухъ точекъ зрѣнія.

И онъ отложилъ преобразованія на неопредѣленное время и усердно занялся чтеніемъ соотвѣтственныхъ книгъ, которыхъ оказалось очень много въ библіотекѣ покойнаго егермейстера, а на заводѣ все пошло по прежнему.

Онъ ввелъ только нѣкоторыя поправки въ порядкахъ разсчета съ рабочими и въ распредѣленіи пенсій и пособій. Поправки эти несомнѣнно клонились къ выгодѣ рабочихъ и всегда считались ими желательными. Но теперь эти измѣненія приняты были холодно просто потому, что онъ былъ не популяренъ и что бы онъ ни затѣвалъ, вызывало подозрительность.

Это огорчило его и снова охладило къ дѣлу. Въ сущности, онъ всегда предпочиталъ размышлять о рабочихъ, какъ о цѣломъ сословіи, какъ о понятіи отвлеченномъ; когда же ему приходилось имѣть дѣло съ толпой, его всегда отталкивали присущіе имъ недостатки, и онъ начиналъ думать, что имѣетъ дѣло съ исключеніями, съ особенно неудачными представителями сословія. Теперь же его раздражала еще и непонятная несправедливость къ нему рабочихъ, которые съ перваго дня его появленія на заводѣ относились къ нему недовѣрчиво, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался полномочнымъ управляющимъ всѣми дѣлами госпожи Хегреусъ, начали выказывать ему явную ненависть.

Между тѣмъ молодой инженеръ Вестлингъ, имъ же приглашенный по рекомендаціи Густава Кеслера и человѣкъ его же партіи, сразу овладѣлъ сердцами рабочихъ. Этотъ молодой человѣкъ поступалъ точь-въ-точь, какъ поступалъ вначалѣ Томасъ Галль: онъ собиралъ рабочихъ на сходки, читалъ имъ популярныя лекціи по рабочему вопросу и предлагалъ тѣ самыя мѣры самопомощи, которыя однажды предлагалъ Томасъ Галль, не успѣвъ однако убѣдить ихъ. Вестлинга же они слушали охотно и всякое его предложеніе принимали съ восторгомъ. Все это объяснялось очень просто: покойнаго егермейстера рабочіе любили за его справедливость къ нимъ и уважали, какъ крупнаго собственника; но теперь, когда во главѣ дѣла стоялъ наемный управляющій, безъ авторитета хозяина да еще не популярный, рабочіе находили вполнѣ естественнымъ не довѣрять ему, а потому и принимали предложенія инженера Вестлинга.

Инженеръ Вестлингъ съ перваго дня

пришелся Томасу Галлю не по душѣ, а когда они познакомились ближе, взаимная антипатія между ними только усилилась. Въ такой глуши два человѣка одной спеціальности и одной партіи должны были бы находить много точекъ сближенія. Но этого не было, и оба только до поры до времени сдерживались въ проявленіяхъ взаимнаго недружелюбія. Инженеръ Вестлингъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ и, полагая положеніе не популярнаго управляющаго непрочнымъ, надѣялся вытѣснить его и занять его мѣсто. Съ своей стороны, Томасъ Галль подумывалъ объ увольненіи своего новаго помощника. Оба это сознавали и держали себя на сторожѣ.

Когда прибыла жена инженера Вестлинга, Томасъ Галль очистилъ имъ свою квартиру, а самъ переселился въ господскій домъ, гдѣ занялъ небольшой флигелекъ. Внѣ службы они почти не встрѣчались.

Лѣто проходило такое же странное, какъ странна была зима, какъ странно было все въ этомъ полярномъ краѣ. Зима была сплошной ночью съ проблесками сѣренькихъ сумерекъ вмѣсто дней; теперь лѣто было непрерывнымъ днемъ съ такими же коротенькими сумерками вмѣсто ночей.

Любопытно было наблюдать баснословную силу растительности. Пользуясь день и ночь солнечнымъ свѣтомъ, растенія проявляли изумительную энергію: въ нѣсколько недѣль всходили, колосились и созрѣвали посѣвы ячменя; травы и кусты поднимались, какъ по волшебству; было что-то лихорадочное во всей природѣ, и все совершалось наспѣхъ, точно въ перегонку. Но Томасъ Галль успѣлъ еще зимою представить себя полярное лѣто въ воображеніи, и дѣйствительность уступала мечтѣ въ яркости красокъ. При томъ въ сѣверномъ лѣтѣ не оказывалось нѣги и умиротворяющей красоты. У людей, какъ и въ природѣ, все дѣлалось съ лихорадочной поспѣшностью, съ величайшимъ напряженіемъ силъ, въ попыхахъ; было что-то тревожное въ общей торопливости, точно въ большомъ городѣ, гдѣ всѣ спѣшатъ и все движется.

Томасу Галлю лѣтомъ, какъ и зимою, приходилось работать изо всѣхъ силъ, чтобы успѣть выполнить все, что должно было быть окончено до зимы, къ тому же надо было слѣдить за всякой мелочью, такъ какъ полагаться на недовольныхъ подчиненныхъ было невозможно. Цѣлыя горы издѣлій фабрики и необозримые штапеля напиленнаго за зиму лѣса надо было отправить моремъ, пока оно было открыто; все надо было сосчитать, измѣрить, взвѣсить, заклеймить, и обо всемъ надо было писать, писать безъ конца. А инженеръ Вестлингъ все еще только присматривался къ дѣлу, надоѣдалъ вопросами и больше мѣшалъ, чѣмъ помогалъ.

Измученный работой, Томасъ Галль не видѣлъ никакой прелести въ этомъ вѣчномъ солнечномъ свѣтѣ, тревожившемъ короткіе часы отдыха. Въ мечтахъ все это было поэтичнѣе. Въ мечтахъ, напримѣръ, не было комаровъ и мошекъ, а въ дѣйствительности отъ нихъ нигдѣ нельзя было укрыться. И онъ начиналъ сожалѣть о зимѣ, съ ея болѣе спокойными работами, съ ея свѣжими морозами, съ ея потемками.

Съ Густавомъ Кеслеромъ онъ изрѣдка обмѣнивался письмами. Въ началѣ лѣта онъ откровенно описалъ другу свои отношенія къ рабочимъ и къ инженеру Вестлингу. Отвѣтъ полученъ былъ только въ августѣ. Кеслеръ видимо уклонялся отъ серьезнаго обсужденія дѣла: онъ только шутя и вскользь подтрунивалъ надъ плачевнымъ положеніемъ Томаса Галля, котораго, дескать, судьба заставляетъ быть защитникомъ капиталистовъ, и тотчасъ же переходилъ къ своимъ семейнымъ дѣламъ. Онъ разсказывалъ разныя подробности о своемъ маленькомъ сынѣ, ужаснѣйшемъ крикунѣ, «которому, если судить по его теперешнимъ наклонностямъ, можно предсказать дѣятельность бурнаго оратора», и который названъ былъ въ его честь, Густавомъ. О Сигнѣ онъ сообщалъ, что она здоровѣе и дѣятельнѣе прежняго. О газетѣ не говорилъ ни слова. Въ коротенькой припискѣ онъ сообщалъ, что Гедвига и тетя Виви все еще на югѣ и что, надо полагать, онѣ останутся на зиму за границей.

Этимъ письмомъ Томасъ Галль остался

вообще недоволенъ, а приписка пробудила въ немъ всѣ горькія чувства, которыя въ продолженіи лѣта усыпляла кипучая дѣятельность. Теперь спѣшныя дѣла были окончены, и вмѣстѣ съ свободными часами явилась гнетущая тоска. Тщетно онъ старался опять излѣчиться испытаннымъ средствомъ, найденнымъ имъ весною въ озлобленіи противъ всѣхъ женщинъ. Но порывъ прошелъ; не оказывалось самаго озлобленія; и недавнія размышленія представлялись невыносимо пошлыми. Сколько онъ ни напоминалъ себѣ, что любовь, въ ея высокомъ значеніи, въ природѣ не существуетъ, и то, что существуетъ въ дѣйствительности, лишь чувственный инстинктъ—это уже не дѣйствовало: все его существо возставало противъ такого взгляда. Въ самой глубинѣ души онъ чувствовалъ что-то возвышенное и святое при всякомъ помыслѣ о Гедвигѣ, и не страсть, а что-то похожее на молитвенное увлеченіе, какъ бывало иногда въ дѣтствѣ, сопровождало тоску по ней. Онъ вспоминалъ холодность ея прощанія съ нимъ при отъѣздѣ, гордость при этомъ страдала по прежнему, но уже не было силъ думать о ней съ ожесточеніемъ.

XV.

Уже прошелъ октябрь, прошла и половина ноября, а море все еще не замерзало и пароходство не прекращалось.

Итакъ, еще Бьерне не было отрѣзано отъ остального міра, а слѣдовательно, можно было надѣяться...

Томасъ Галль ждалъ въ величайшемъ напряженіи. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что госпожа Гедвига не вернется въ этомъ году.

Въ сущности, не было никакихъ основаній надѣяться на ея возвращеніе; его надежда была неосновательна, какъ все, что онъ дѣлалъ, когда отдавался мечтамъ и порывамъ чувствъ. Впрочемъ, онъ самъ это сознавалъ. Но онъ всю душу свою вложилъ въ эту надежду, помѣшался на ней, а потому ему дѣла не было до разумныхъ основаній. Какъ ни дико было ожидать, что госпожа Гедвига и ея старая тетка предпримутъ опасное путешествіе моремъ въ такое время года, сколько это ни противорѣчило извѣстіямъ о нихъ, онъ ждалъ ихъ до окончанія навигаціи. Вѣроятно, онъ продолжалъ бы ждать, хотя бы море замерзло; но море, какъ нарочно, не замерзало и никто не могъ припомнить такой продолжительной и такой теплой осени въ этихъ широтахъ.

Но вотъ въ концѣ ноября получена была телеграмма: госпожа Гедвига извѣщала его о своемъ скоромъ возвращеніи и просила распорядиться о приведеніи ея дома въ порядокъ. Такимъ образомъ оправдывалась самая безразсудная изъ его надеждъ. Но онъ даже не удивился: онъ зналъ, что она вернется!

Получена была вторая телеграмма съ извѣщеніемъ о выѣздѣ госпожи Гедвиги изъ столицы. Она была на пароходѣ, рискнувшемъ сдѣлать послѣдній рейсъ. Но прежде, чѣмъ этотъ пароходъ достигъ Норланда, наступила зима: земля покрылась прочнымъ снѣгомъ, стали морозы.

Встревоженный Томасъ Галль поспѣшилъ въ приморскій городокъ навстрѣчу пароходу. Онъ ѣхалъ тѣми же мѣстами, какими проѣзжалъ, прибывъ въ прошломъ году сюда впервые. И видъ мѣстности, только что одѣвшейся въ свой зимній покровъ при незамерзшемъ еще морѣ былъ тотъ же самый. Но, казалось, десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: такъ много совершилось вокругъ него и въ немъ самомъ за этотъ годъ.

Въ городѣ онъ велѣлъ везти себя прямо къ пароходной конторѣ.

— Когда ожидаете пароходъ?—спросилъ онъ тревожно.

Ему ничего не могли отвѣтить. Плаванье вообще должно было обойтись не безъ затрудненій, а теперь, при сильномъ морозѣ и такой тихой погодѣ... Ему не могли поручиться, что пароходъ прибудетъ...

— У береговъ море уже замерзаетъ!—предупредили его.

Онъ поѣхалъ дальше, къ гостинницѣ. Обѣдалъ онъ съ лихорадочной поспѣшностью. О томъ, что пароходъ не дойдетъ, онъ не хотѣлъ и думать; онъ только опасался, что пароходъ придетъ, пока

онъ обѣдаетъ, и что онъ опоздаетъ встрѣтить госпожу Гедвигу на пристани.

Послѣ обѣда онъ поспѣшилъ на пристань. Тамъ было все тихо. Сколько глазъ хваталъ, заливъ разстилался передъ нимъ, какъ зеркало, подъ все утолщавшейся ледяной корой.

Пустяки, пароходъ пробьется!

Онъ шагалъ взадъ и впередъ по набережной. Проходили часы. И вдругъ его пылкое воображеніе стало работать въ новомъ направленіи. Его слѣпой увѣренности, что пароходъ во что бы то ни стало пробьется, какъ не бывало. Онъ уже представлялъ себѣ пароходъ затертымъ льдами и госпожу Гедвигу среди всякихъ опасностей. Въ воображеніи рисовались такіе ужасы, что волосы поднимались на немъ дыбомъ.

Нѣкоторое время онъ постоялъ на берегу, вперивъ напряженный взглядъ въ даль и стараясь высмотрѣть на горизонтѣ дымокъ, который возвѣстилъ бы о появленіи парохода, потомъ повернулся и тихо пошелъ къ своей гостинницѣ.

Уже смеркалось, и съ послѣдними проблесками дня исчезали его послѣднія надежды.

Не раздѣваясь, онъ бросился на кровать; ему хотѣлось на столько успокоиться, чтобы обдумать положеніе и сообразить, что дѣлать. Но у него точно начиналась лихорадка: въ вискахъ стучало, сердце усиленно билось, лежать не хотѣлось. Онъ поднялся и подошелъ къ окну.

Глубокій мракъ окутывалъ маленькій городокъ. Было не позже девяти часовъ вечера, а уже на улицахъ не было ни малѣйшаго движенія и городъ, казалось, уже спалъ.

Ему стало казаться, что онъ слышитъ крики о помощи. Вдругъ послышался звонъ... Онъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ отъ этого звука. Но били только башенные часы.

Не ясно сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ одѣлся, вышелъ на улицу, и направился прямо къ морю.

Улицы были пустынны. Еще пустыннѣе было за городомъ на берегу залива. Глубокая тишина царила надъ всѣмъ. Но вдругъ гдѣ-то вдали послышался протяжный свистокъ, хриплый и прерывистый, точно крикъ измученнаго человѣка о помощи. Онъ вздрогнулъ и опрометью побѣжалъ берегомъ туда, откуда послышался свистокъ: вѣдь это былъ пароходъ!

Онъ долго бѣжалъ и, наконецъ, увидѣлъ на льду какія-то тѣни. Слышались свистъ пилъ и удары лома: то рубили и распиливали ледъ.

— Идетъ пароходъ?—крикнулъ онъ работавшимъ на льду людямъ.

Никто не отвѣтилъ. Онъ взглянулъ влѣво и увидѣлъ вдали огоньки: красный и зеленый. Ясно что то были бортовые фонари парохода.

Тихая радость разлилась въ его душѣ. Не было даже вялости послѣ сильнаго потрясенія, какъ не было ни тревоги, ни потребности въ отдыхѣ.

Онъ спустился на ледъ къ рабочимъ.

— Сколько времени потребуется, чтобы прорубить ледъ до парохода?—спросилъ онъ.

— Раньше какъ къ полудню не управиться,—отвѣтили ему.

Томасъ Галль молча направился по льду къ пароходу.

— Берегитесь, господинъ,—крикнулъ ему одинъ изъ рабочихъ.—Дальше есть полыньи и трещины.

Онъ даже не оглянулся.

— Ну, ну! У этого, видно, невѣста на пароходѣ!—услышалъ онъ позади себя шутливое замѣчаніе рабочаго. Другіе засмѣялись.

Неторопливо, но не останавливаясь шелъ Томасъ Галль прямо къ зеленому огоньку. Онъ шелъ безъ опредѣленной цѣли: онъ просто чувствовалъ непреодолимую потребность быть ближе къ пароходу.

Вотъ огонекъ приблизился. Вотъ ужъ онъ превратился въ ясно обрисовавшійся круглый фонарь съ рефлекторомъ позади огня за зеленымъ стекломъ. На рефлекторѣ пошли точно темные круги и пятна. Очевидно, до парохода оставалось уже недалеко.

Томасъ Галль остановился и оглянулся назадъ. Сзади мракъ точно сомкнулся за нимъ въ сплошную черную стѣну. Не видно было ни города, ни пристаней, ни рабочихъ на льду. Не видно было даже

откуда онъ вышелъ, и если бы онъ пошелъ назадъ, то врядъ ли нашелъ бы теперь тотъ же путь, которымъ счастливо прошелъ такъ далеко.

Но ему и не хотѣлось идти назадъ. Онъ отлично сознавалъ грозившія ему опасности. Его воображеніе рисовало ему, какъ онъ незамѣтно приблизится въ потьмахъ къ какой-нибудь полыньи, какъ тонкій ледъ вдругъ обрушится подъ нимъ и онъ очутится подъ водой прежде, чѣмъ успѣетъ что-нибудь сообразить. При мысли объ этомъ мурашки пробѣгали по его спинѣ. Но онъ не могъ не идти впередъ! Его путь пролегалъ прямо къ зеленому фонарю, сколько бы смерть ни подстерегала его впереди.

Осторожно, но твердой стопой продолжалъ онъ подвигаться впередъ по тонкому льду, который слегка трещалъ подъ нимъ. Теперь уже выдѣлялся на горизонтѣ темный корпусъ парохода. Видны были освѣщенныя окна рубки. Слышенъ былъ шумъ борьбы чернаго чудовища со льдомъ. Вотъ загудѣлъ винтъ машины, пущенной полнымъ ходомъ; вотъ пароходъ съ трескомъ, грохотомъ и скрежетомъ врѣзался въ ледъ, пробивая себѣ путь грудью. Но вотъ опять все утихало: пароходъ застревалъ во льду, и машину останавливали, чтобы свайками сдвинуть судно назадъ.

Томасъ Галль опять остановился. Теперь пароходъ былъ уже въ какой-нибудь сотнѣ саженей. Онъ слышалъ, какъ ледъ трещалъ далеко отъ парохода: видно, длинныя трещины разбѣгались во всѣ стороны.

Его охватилъ ужасъ. Пароходъ, точно какое то чудовище, рвался прямо къ нему и неминуемо долженъ былъ потопить его. Онъ попытался уйти въ сторону; но черезъ минуту онъ снова оказывался на пути парохода, который все приближался. Вотъ уже ледъ задрожалъ подъ его ногами. Вотъ раздался точно пушечный выстрѣлъ: ледъ треснулъ, и трещина пробѣжала прямо возлѣ его ногъ. Томасъ Галль отскочилъ и одно мгновеніе хотѣлъ бѣжать. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ опомнился. Все равно, своей судьбы не миновать! Да и ясно было, что теперь оставалось только достичь парохода — другого спасенія не было.

Рѣшительными шагами онъ опять направился къ пароходу. Онъ былъ крайне впечатлителенъ и нервенъ, но онъ не былъ трусомъ. Теперь, когда опасность заставляла его подчиняться только разсудку, онъ быстро овладѣлъ собою и сдѣлался хладнокровенъ. И его даже охватило бодрое чувство отваги: тѣмъ лучше, если опасность велика! — тѣмъ отраднѣе было достичь цѣли!

Цѣли? Но какова была его цѣль? Имѣть удовольствіе нѣсколькими часами раньше ступить на палубу, подъ которой она, конечно, мирно спала въ своей каютѣ? Нѣтъ! Ему казалось, что это было не то. Не было времени обдумать, какимъ образомъ, но ему ясно чувствовалось, что счастье всей его жизни зависѣло отъ того, достигнетъ ли онъ теперь парохода, или нѣтъ.

Осторожно сталъ онъ приближаться къ пароходу. Судно уже поравнялось съ нимъ и онъ видѣлъ весь рядъ освѣщенныхъ оконъ сбоку. Цѣлыя четверть часа онъ приближался, искусно перепрыгивая черезъ трещины и перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, онъ очутился возлѣ самаго парохода какъ разъ, когда тотъ снова засѣлъ во льду и машина опять была остановлена.

— Киньте ко мнѣ сюда канатъ! — крикнулъ онъ.

Его услышали. На пароходѣ произошло движеніе. Вскорѣ что-то просвистало въ воздухѣ недалеко отъ него, и чалка упала возлѣ его ногъ. Онъ тотчасъ же схватилъ ее, притянулъ къ себѣ канатъ и сейчасъ же почувствовалъ, что его тянутъ вмѣстѣ съ канатомъ къ пароходу. Быстро переступая съ льдины на льдину, онъ очутился, наконецъ, у самаго судна, былъ вытянутъ вверхъ и почувствовалъ подъ ногами палубу.

— Этого пассажира откуда намъ Богъ послалъ?—спросилъ, очевидно, капитанъ.

— Я съ берега, — отвѣтилъ Томасъ Галль.—Скажите, госпожа Хегреусъ на пароходѣ?

— Да,—послышался голосъ сверху, съ капитанскаго мостика.

Онъ поднялъ голову. На мостикѣ,

ухватясь за перила и сильно склонившись впередъ, стояла сама Гедвига. Свѣтъ отъ фонаря на мачтѣ освѣщалъ ее, и видно было, съ какимъ напряженіемъ она всматривалась въ потемки; но на палубѣ было слишкомъ темно, и она не могла его разглядѣть.

Его первымъ побужденіемъ было броситься къ ней и заключить ее въ свои объятія. Но, къ счастью для него, онъ на что-то наткнулся и это задержало его, а въ слѣдующее мгновеніе онъ уже опомнился. Онъ сдержанно пошелъ къ лѣсенкѣ, взобрался на мостикъ и подошелъ къ ней.

Но ей не было времени опомниться. Она узнала его только на мостикѣ, при свѣтѣ фонаря. Увидѣвъ его, она вздрогнула, точно передъ нею появилось привидѣніе, и отшатнулась назадъ къ самой стѣнкѣ рубки штурвальнаго. Тамъ она остановилась, судорожно ухватившись одной рукой за мѣдную рѣшетку, прижимая другую руку къ груди.

— Вы? Вы... здѣсь?.. Какъ вы попали? — проговорила она, съ трудомъ справляясь со своимъ волненіемъ. Но это же волненіе придало ея голосу странный звукъ, въ которомъ Томасу Галлю послышалась ледяная холодность.

— Я пришелъ по льду, — сказалъ онъ, раскланиваясь съ холодной вѣжливостью.—Я прибылъ въ городъ, чтобы встрѣтить васъ...

Она овладѣла собою, слыша его спокойный голосъ. Напряженное выраженіе исчезло въ ея лицѣ, и она привѣтливо протянула Томасу Галлю руку. Она не видѣла причины скрывать радости, которую доставило ей появленіе Томаса на пароходѣ.

Они спустились въ рубку. Тамъ было мало свѣта: горѣла лишь одна лампочка. Въ полумракѣ, когда не приходится бояться за всякое движеніе своего лица и взгляда, люди бываютъ спокойнѣе и довѣрчивѣе; вотъ почему такъ полны волшебной силы задушевныя бесѣды лѣтней ночью безъ огня или у камелька, при свѣтѣ догорающихъ угольевъ.

Пароходъ снова пробивался во льдахъ. То и дѣло раздавался звонокъ, проведенный отъ капитанской рубки къ машинѣ и слышалась команда «впередъ» или «полный ходъ назадъ». А Гедвига и Томасъ Галль сидѣли рядомъ въ рубкѣ и разговаривали, не замѣчая, какъ пролетало время. Между ними не было произнесено ни единаго слова, котораго нельзя было бы сказать въ присутствіи постороннихъ; но оба они чувствовали, что въ этой бесѣдѣ о второстепенныхъ дѣлахъ они какъ бы отдавались другъ другу навсегда и краснорѣчиво объясняли взаимныя чувства. Въ душѣ обоихъ было какое-то многозначущее затишье; оба были преувеличенно спокойны; оба сознавали, что свершилось нѣчто для нихъ неизгладимое, но оба чувствовали, что малѣйшимъ проявленіемъ волненія они могли только затемнить нѣмое объясненіе, и оба владѣли собою.

Онъ разсказывалъ обо всемъ, что случилось въ Бьерне за время ея отсутствія. Дѣловыя сообщенія онъ пересыпалъ описаніями своихъ впечатлѣній сѣвернаго лѣта и своихъ поѣздокъ въ горы, изъ которыхъ сплавлялся лѣсъ. Она говорила о сестрѣ, о Густавѣ Кеслерѣ, о маленькой Тони, по прежнему влюбленной въ дядю Тома, о ихъ мальчикѣ, начинавшемъ уже ползать на коврахъ. Говоря объ ихъ счастливой семейной жизни, она понижала голосъ, который слегка дрожалъ.

Потомъ она разсказывала о видѣнномъ заграницей, о чужихъ странахъ, о городахъ, о солнцѣ, о цвѣтахъ — обо всемъ, что было такъ любопытно обитательницѣ холоднаго Норланда. Но, по ея словамъ, не всегда впечатлѣнія были отрадны.

— На скалѣ Тиберія, когда я поднялась полюбоваться моремъ,—это море, которое всегда изображается ярко синимъ, было сѣрое, какъ свинецъ. День былъ пасмурный, воздухъ тяжелый. Вѣроятно, это настроило меня печально, и я расплакалась... Это было уже въ октябрѣ. Все лѣто я провела подъ ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ и среди яркихъ, пестрыхъ красокъ. Теперь мнѣ вдругъ стало ясно, что я утомлена и свѣтомъ, и тепломъ, и красками. Сѣрое море напомнило мнѣ наше море. И меня потянуло назадъ, на сѣверъ, потянуло

такъ сильно, что я рѣшилась добраться домой хотя бы зимнимъ путемъ на саняхъ... И какъ я счастлива, что выполнила свое намѣреніе. Вы видите, я сплю на палубѣ даже по ночамъ: я не могу налюбоваться нашими льдами и нашимъ небомъ! Въ продолженіе всего этого плаванія я остаюсь въ этомъ легкомъ пальто, хотя теперь, говорятъ, градусовъ двадцать мороза, и мнѣ нравится ощущать морозъ, вдыхать въ себя морозный воздухъ.

— Вы бы все-таки поберегли себя,— замѣтилъ Томасъ Галль тревожно. — Послѣ южнаго тепла можно вѣдь сильно пострадать...

Она протестовала почти высокомѣрно.

— О нѣтъ! Я знаю свои силы! И кромѣ того, — она прижала руку къ груди,—я чувствую въ себѣ достаточно пыла, чтобы бороться съ морозомъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ восторгомъ, и въ глазахъ его загорѣлись огоньки. И въ немъ вѣдь было столько огня, что онъ едва справлялся съ этимъ пламенемъ. И вдругъ сердце его застучало, голова пошла кругомъ, и все его самообладаніе исчезло, какъ дымъ.

Онъ взялъ руку Гедвиги. Потомъ, когда ихъ взоры встрѣтились, согрѣтые тѣмъ же порывомъ чувства, онъ обвилъ ея станъ рукою и привлекъ ее къ себѣ.

Въ это время послышались шаги и раздался голосъ тети Виви.

— Гедвига! — звала она. — Гдѣ ты? Неужели ты уже встала?

Томасъ Галль отпрянулъ въ сторону и всталъ. Но тотчасъ же онъ устыдился своего испуга и взглянулъ на нее, желая еще разъ прочесть свое счастье въ ея взглядѣ. Она отвернулась смущенная, точно уличенная въ чемъ-то дурномъ... Онъ тотчасъ же остылъ, ему стало душно и холодно, точно какая-то ледяная рука сдавила ему горло и прижимала книзу...

О, онъ зналъ, что это означало! То была рука свѣта и свѣтскихъ условностей, разъединявшая ихъ опять! Она пугалась осужденія людей; она считала болѣе важной память мертваго, котораго никогда не любила, чѣмъ счастье свое и человѣка, котораго любила, которому только что отдавалась съ восторгомъ... Минуты очарованья прошли, какъ незамѣтно прошла эта ночь. На востокѣ уже свѣтало... На порогѣ рубки, точно олицетвореніе будничной жизни съ ея условностями, стояла тетя Виви въ мѣховомъ салопѣ и въ теплыхъ ботинкахъ.

— Съ добрымъ утромъ, Гедвига! Здравствуйте, инженеръ Галль!

Она привѣтствовала его любезно, даже ласково. Она, вѣроятно, уже знала о появленіи Томаса Галля на пароходѣ, такъ какъ не выказала ни малѣйшаго удивленія, точно было вполнѣ естественно, что онъ пришелъ имъ навстрѣчу, или точно было неумѣстно обсуждать необычайность его появленія.

Тотчасъ же и Гедвига настроилась «какъ подобало». Она привѣтствовала старушку столь же ласково, какъ и та. Не могло быть и рѣчи о томъ, что тетя появилась некстати.

Куда дѣвалось очарованіе ея взора? Только что ея лицо выражало могучее чувство. Теперь въ лицѣ не оставалось и тѣни чего-нибудь могучаго. Обычная и совершенно безцвѣтная улыбка, обычная условная любезность — все это было сѣро, какъ начинавшееся зимнее утро.

За глубокую скорбь, которая сжимала сердце впечатлительнаго Томаса Галля, онъ готовъ былъ возненавидѣть старую тетю Виви. Ему хотѣлось вывести ее вонъ изъ рубки, прогнать ее и замкнуть за нею дверь. Вмѣсто того, онъ долженъ былъ раскланяться съ нею, и скривить ротъ въ любезную улыбку, и держаться въ тѣни, чтобы не видно было выраженія его глазъ.

Старуха зябко куталась въ свой салопъ и жаловалась на холодъ. Изъ за мѣха видны были только ея умные глаза, окруженные многочисленными, но не глубокими морщинками.

— Такъ вотъ какъ! Вы уже за дѣловымъ разговоромъ!—говорила она, обращаясь къ обоимъ.—Можешь себѣ представить, Гедвига, какъ я удивилась, когда, проснувшись въ каютѣ, увидѣла, что тебя уже нѣтъ. Вѣдь и теперь еще рано... Ты давно встала?

— Да, мудрено спать среди всего

этого шума, — отвѣтила Гедвига уклончиво.

— А я выспалась отлично!

Старуха обернулась къ инженеру.

— Не можете ли хоть вы объяснить, когда мы пробьемся къ берегу?—спросила она.

— Полагаютъ, около полудня.

— Ну, это не Богъ вѣсть сколько...

Всѣ замолчали. Старушка видимо имѣла сказать Гедвигѣ что-то важное, но не знала, удобно ли было заговорить объ этомъ въ присутствіи гостя. Однако не вытерпѣла:

— Не пора ли пить кофе? — предложила она и въ глазахъ ея сверкнули настоящіе огоньки, — такъ ей хотѣлось горячаго кофе въ это холодное утро.

XVI.

Съ минуты появленія тети Виви Томасу Галлю уже не пришлось ни минуты оставаться съ Гедвигой наединѣ. Старуха всюду оказывалась между нимъ и молодою вдовою, неизмѣнно любезная, улыбающаяся, благожелательная, но неустранимая. Въ Бьерне она тотчасъ же приняла въ свои руки бразды правленія надъ господскимъ домомъ, и дѣла у нея было много. Тѣмъ не менѣе, кудабы ни направлялся Томасъ Галль, онъ встрѣчалъ ее на своемъ пути. Если же онъ шелъ къ хозяйкѣ, тетя Виви встрѣчалась ему на лѣстницѣ, какъ бы всецѣло занятая хлопотами по хозяйству; но когда онъ входилъ въ гостиную, она уже сидѣла тамъ улыбающаяся и любезная, перенесенная съ лѣстницы на гостиный диванъ точно по волшебству. День и ночь она была гдѣ-нибудь по близости Гедвиги, которую окружала величайшею заботливостью, но которую въ сущности стерегла, какъ тюремщица.

Томасъ Галль скоро возненавидѣлъ эту маленькую любезную старушку, какъ никогда не ненавидѣлъ злѣйшихъ своихъ враговъ, и началъ даже открыто высказывать ей свои чувства. Но это ни мало не поколебало ея, и она стала къ нему только еще любезнѣе.

Въ первые дни въ Бьерне онъ жестоко страдалъ отъ мукъ Тантала: онъ постоянно былъ вблизи Гедвиги, но, не могъ остаться съ нею наединѣ ни минуты. И это такъ волновало его, что онъ не могъ заниматься дѣлами и думать о чемъ-либо другомъ. Иногда ему начинало просто нездоровиться, такъ раздражали его постоянныя ухищренія тети Виви.

Потомъ острое чувство притупилось, и онъ сдѣлался разсудительнѣе. Стоило ли раздражаться и тосковать изъ за такихъ пустяковъ? Слѣдовало повести дѣло открыто, не обращая вниманія на старуху, такъ какъ чувства Гедвиги ему были извѣстны. Но оказывалось, что онъ самъ успѣлъ утратить значительную часть энергіи и точно самъ заразился робостью Гедвиги передъ окружающими ихъ людьми. Со дня на день онъ откладывалъ рѣшительное объясненіе и отъ этого становился только еще нерѣшительнѣе. Потомъ вернулись сомнѣнія: вѣдь, можетъ быть, сама Гедвига поощряла назойливость старухи, уклоняясь отъ объясненія! Въ концѣ концовъ, можетъ быть, даже не стоило торопиться съ объясненіемъ, которое могло только повести къ величайшему горю...

И вотъ однажды, раздумывая обо всемъ въ тиши своего уединеннаго флигелька, онъ вдругъ пришелъ къ заключенію, что совершенно не правъ относительно старушки и что ея вины тутъ положительно не было. Смѣшно было сваливать вину на бѣдную, зависимую старушку. Гедвига, одна Гедвига была виновата въ двуличности и въ недостойномъ отношеніи къ нему!

Мгновенно въ немъ совершился переворотъ: любовь была свергнута съ престола, и величайшее презрѣніе къ госпожѣ Гедвигѣ смѣнило эту любовь.

Какъ онъ могъ заблуждаться до такой степени? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ они были опять въ Бьерне ни однимъ взглядомъ, ни однимъ движеніемъ Гедвига не выказала, что помнитъ о случившемся между ними на пароходѣ. Для притворства, которое само по себѣ было бы отвратительно, этого было бы слишкомъ много! А онъ-то вооружался противъ старой тетки... Въ своемъ простодушіи онъ столько времени не могъ понять, что старуха просто-на-просто исполняла,

ной язвой. Это преднамѣренный абсентеизмъ, независимый ни отъ какихъ разочарованій и опытовъ.

То же явленіе продолжается до послѣднихъ дней и, мы видимъ, оно соотвѣтствуетъ общему духу французскаго литературнаго генія. Онъ всегда стоялъ далеко отъ пониманія дѣйствительной народной жизни и психологіи, менѣе всего обнаруживалъ наклонность и способность идти на встрѣчу народнымъ стремленіямъ и нуждамъ. Мало этого. Политическій строй государства и могущественные запросы времени не въ силахъ поколебать вѣковой почвы, и о французскихъ даже первостепенныхъ талантахъ можно повторить мѣткія слова императора Александра I о Бурбонахъ: *Не исправились и неисправимы.*

По крайней мѣрѣ, наше время не говоритъ даже о ближайшемъ исправленіи. Золя приходится выпивать горькую чашу обидъ и презрѣнія, но современнымъ французскимъ писателямъ, повидимому, и на умъ не приходитъ простая мысль: не Золя подвергается оскорбленіямъ, а прежде всего писатель, *великій* писатель, озаренный всемірной славой и не съумѣвшій заслугами своего таланта и достоинствомъ своихъ трудовъ удержать въ границахъ хотя бы даже и законное негодованіе своихъ соотечественниковъ. Какой безпощадный урокъ! И въ его общечеловѣческомъ глубокомъ культурномъ смыслѣ заключается, по нашему мнѣнію, высшій интересъ современныхъ французскихъ событій.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Conditions de la Femme dans le temps present», *par Madame C. Coignet* (*Avant. Courrière 21 rue Gazan. Paris*). (*Современное положеніе женщины*). Авторъ брошюры извѣстенъ своими статьями о женскомъ движеніи и теперь вновь обсуждаетъ значеніе и цѣли этого движенія. Возставая противъ многихъ соціальныхъ воззрѣній, которыя авторъ называетъ «экстравагантными», онъ говоритъ,—необходимо, чтобы мужчины и женщины имѣли побольше точекъ соприкосновенія въ сферѣ высшихъ интересовъ, и только тогда они лучше поймутъ другъ друга и всегда въ жизни будутъ дѣйствовать рука объ руку.

(La Science Sociale).

«Famine experiences in India» by Pandita Ramabai (*Dyer Brothers*). (*Голодный годъ въ Индіи*). Индійская писательница Пандита Рамабаи, одна изъ піонершъ женскаго движенія въ Индіи, описываетъ въ этой книгѣ страшное бѣдствіе, посѣтившее Индію въ прошломъ году, и мѣры борьбы съ нимъ. Пандита Рамабаи пріютила въ своемъ убѣжищѣ, устроенномъ ею для маленькихъ вдовъ, около 300 этихъ несчастныхъ маленькихъ страдалицъ, буквально погибавшихъ отъ голода. Описывая тѣ тяжелыя картины, которыя ей пришлось видѣть въ Индіи, Пандита вспоминаетъ годы своего дѣтства, когда такой же страшный голодъ посѣтилъ Индію, и ея отецъ и мать погибли во время этого бѣдствія.

(Literary World).

«Aux Indes» par Georges Noblemaire. (Hachette). (*Въ Индіи*). Очень живо написанные очерки Индіи, которую авторъ посѣтилъ въ качествѣ просвѣщеннаго и наблюдательнаго туриста. Книга изобилуетъ интересными сценами и описаніями и очень мѣткими замѣчаніями о народѣ и туземцахъ Индіи, высшей администраціи и англоиндійскомъ войскѣ. Конечно, авторъ не преминулъ побывать въ джунгляхъ, поохотиться на тигровъ и присутствовать на различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, которыя онъ описываетъ съ большимъ мастерствомъ. (Revue des deux Mondes).

«The Awakening of a Nation; Mexico of To-day» by Charles F. Lummis. (*Harper and Brothers*). (*Пробужденіе націи; современная Мексика*). «Въ то время, какъ мы, т. е. Соединенные Штаты,—говоритъ авторъ,—заканчивали свое матеріальное развитіе, она, т. е. Мексика, совершала настоящія чудеса въ области политическаго и соціальнаго развитія». Такое сужденіе авторъ высказываетъ на основаніи долговременнаго пребыванія въ Мексикѣ и основательнаго знакомства съ ея учрежденіями. Европейская читающая публика знакома очень мало съ Мексикой и ея современною исторіей, поэтому книга, которая прекрасно обрисовываетъ постепенный ростъ націи и достигнутые ею успѣхи, заслуживаетъ должнаго вниманія читателей, интересующихся народною жизнью и ея проявленіями. (Daily News).

«Dreamers of the Ghetto» by J. Zangwill (*Heinemann*). (*Мечтатели Гетто*). Эта книга произвела въ Англіи большое впечатлѣніе. Авторъ стремится изобразить душу еврейскаго народа сквозь призму вѣковъ и опредѣлить тѣ причины, которыя содѣйствовали развитію стойкости и сплоченности еврейскаго народа. Онъ видитъ эти причины въ приверженности евреевъ къ религіознымъ обрядностямъ, въ строгомъ заточеніи въ Гетто, которое на самомъ дѣлѣ прекратилось только въ началѣ этого столѣтія, и, наконецъ, въ тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ постоянно подвергались евреи. Самая интересная часть книги, безспорно, та, въ которой авторъ говоритъ о людяхъ, возмутившихся противъ буквы Моисеева закона и безсмысленныхъ формальностей культа. Такіе типы представляютъ очень большое разнообразіе. Среди нихъ мы встрѣчаемъ Генриха Гейне, философа Спинозу, Фердинанда Лассаля, Мендельсона и др. Произведеніе автора носитъ скорѣе историческій и біографическій характеръ и беллетристическая сторона отступаетъ на второй планъ, но, благодаря живости красокъ и широтѣ замысла автора, очерки его читаются съ величайшимъ интересомъ и производятъ глубокое впечатлѣніе. (Literary World).

«The Story of Hawai» by J. Owen (*Harper and Brothers*). (*Исторія Гаваи*). Въ послѣднее время много было толковъ о гавайскихъ островахъ и объ ихъ присоединеніи къ Соединеннымъ Штатамъ, такъ что интересъ къ этимъ островамъ усилился, свѣдѣнія же о нихъ въ литературѣ довольно скудныя. Названная книга даетъ прекрасное и увлекательное описаніе этихъ острововъ, природы и населенія, происхожденіе котораго до сихъ поръ еще недостаточно выяснено. (Literary World).

«Il militarismo» Dieci conferenze di Guglielmo Ferrero. Milano 1898. (*Милитаризмъ*). Извѣстный итальянскій соціологъ Ферреро издалъ въ этой книгѣ десять пуб-

личныхъ лекцій о милитаризмѣ, прочитанныхъ имъ въ Миланѣ, Туринѣ и Венеціи. Ферреро—убѣжденный сторонникъ мира и считаетъ, что «въ прошломъ война была прародительницей всѣхъ человѣческихъ пороковъ, а въ настоящемъ она совершенно не у мѣста среди цивилизованныхъ народовъ Европы. Война никогда не культивировала никакихъ возвышенныхъ качествъ въ человѣчествѣ и теперь милитаризмъ оказываетъ свое пагубное вліяніе на свободное развитіе человѣческаго духа. Ферреро подробно изслѣдуетъ различныя фазы развитія милитаризма и его проявленіе въ различныхъ странахъ.

(Revue des Revues).

«Korea and her Neighbours» by M-rs Bishop. With Maps and Illustrations. Two Vols (John Murray). (Корея и ея сосѣди). Эта книга вполнѣ оправдываетъ репутацію автора, какъ одного изъ просвѣщенныхъ и наблюдательныхъ путешественниковъ, обладающихъ, кромѣ того, способностью талантливо и живо описывать свои впечатлѣнія. Мистриссъ Бишопъ четыре раза посѣтила Корею и въ первый разъ въ 1894 году и хорошо изучила эту страну, путешествіе по которой, судя по ея описаніямъ, далеко не изъ пріятныхъ, такъ какъ корейцы не имѣютъ никакого понятія о чистотѣ и какихъ бы то ни было удобствахъ.

(Bookseller).

«Procès de femmes» par J. Munier-Jolain. (Судебные процессы женщинъ). Въ газетахъ XVIII вѣка не было отдѣла судебной хроники, но тѣмъ не менѣе въ нихъ все-таки попадались отчеты о сенсаціонныхъ процессахъ, волновавшихъ общество. Авторъ этой книги собралъ и издалъ наиболѣе интересные и выдающіеся изъ этихъ процессовъ, героями которыхъ были женщины и которые могутъ характеризовать нравы данной эпохи.

(Journal des Débats).

«The Chances of Death and other Studies in Evolution» by Karl Pearson (Arnold). (Шансы смерти и др. очерки эволюціи). Меланхолическое названіе этой книги, заключающей въ себѣ цѣлый рядъ очерковъ, разсматривающихъ различные виды эволюціи, не даетъ должнаго понятія о ея содержаніи. Кромѣ различныхъ шансовъ смерти, которые встрѣчаются человѣку на каждомъ шагу съ момента его рожденія, значенія наслѣдственности въ этомъ отношеніи и разныхъ случайностей, авторъ обсуждаетъ въ своей книгѣ еще и такіе вопросы эволюціи, которые касаются главнымъ образомъ развитія жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ. Затѣмъ авторъ посвящаетъ главу естественному подбору и его различнымъ проявленіямъ, а въ остальныхъ главахъ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, критически разбираетъ рѣчь лорда Салисбюри, произнесенную имъ въ Британской ассоціаціи, теологію Бальфура, теорію Венжамена Кидда и др. Между прочимъ, авторъ помѣщаетъ и рядъ отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ женскому труду, средневѣковымъ процессамъ вѣдьмъ, германскимъ мистеріямъ, первобытному браку и даже рулеткѣ въ Монтекарло, разсматривая ее съ научной точки зрѣнія. Несмотря на такую необыкновенную смѣсь самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые авторъ изучаетъ съ точки зрѣнія эволюціи, читатель можетъ найти въ ней связующую мысль, что, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ талантливостью изложенія увеличиваетъ интересъ книги.

(Daily News).

«Between Sun and Sand; a Tale of an african Desert. By William Charles Scully (Methaen and C°). (Между солнцемъ и пескомъ). Авторъ изучилъ ужасную страну бушменовъ, лежащую къ югу отъ Оранжевой рѣки и составляющую сѣверныя границы капской колоніи. Разсказъ его прекрасно обрисовываетъ жизнь въ пустынѣ и тяжелыя лишенія, съ которыми приходится бороться обитателямъ этой мѣстности, вѣчно страдающей отъ недостатка воды.

(Literary World).

«A Concise History of Religion» In three volumes. By F. J. Gould. (Сокращенная исторія религіи). Авторъ поставилъ себѣ задачей представить въ сжатомъ видѣ очеркъ исторіи религіи и дать въ сокращенномъ изложеніи массу фактовъ и свѣдѣній изъ этой важной области. Свою трудную задачу авторъ выполнилъ въ совершенствѣ и дѣйствительно врядъ ли найдется другое произведеніе, которое заключало бы столько интересныхъ научныхъ свѣдѣній въ такомъ сравнительно небольшомъ объемѣ. Въ первой части авторъ говоритъ о предразсудкахъ и суевѣріяхъ дикихъ и первобытныхъ племенъ и обрисовываетъ въ главныхъ чертахъ религіи Америки, Финляндіи, Китая, Египта, Аравіи, Халдеи, Сиріи, Индіи, Японіи, Персіи, кельтовъ, грековъ и римлянъ. Во второй части онъ разбираетъ всю литературу и изслѣдуетъ происхожденіе ея отдѣльныхъ частей. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ о раннихъ условіяхъ христіанства. Въ третьей части авторъ изучаетъ важнѣйшія историческія проблемы, обрисовываетъ въ общихъ чертахъ развитіе христіанскаго движенія и анализируетъ съ раціоналистической точки зрѣнія литературу новаго завѣта.

(The Ethical World).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

лія помочь имъ, вывести ихъ съ пути случайныхъ благодѣяній на вѣрный путь независимости и самопомощи—они встрѣтили подозрительностью и враждебно! Хорошо же! Онъ больше не будетъ тратить своихъ силъ на этихъ рабовъ. Онъ прибережетъ ихъ для лучшихъ людей!

Когда Вибель уѣхалъ, Томасъ Галль принялъ бразды правленія надъ рабочими твердой и холодной рукой. Онъ сдѣлался имъ мало доступенъ; помимо служебныхъ обязанностей, онъ не желалъ имѣть съ ними дѣла. Онъ щепетильно исполнялъ всѣ свои обязанности и требовалъ отъ подчиненныхъ того же. Никогда онъ не уступалъ какимъ бы то ни было просьбамъ и сталъ строгъ, гораздо строже инженера Вибеля.

Рабочіе вздохнули, но примирились съ этимъ гораздо охотнѣе, чѣмъ съ его затѣями самопомощи. По крайней мѣрѣ, въ его образѣ дѣйствія не было ничего для нихъ непонятнаго. Однако, самъ онъ втайнѣ постоянно терзался сомнѣніями. Ясно было, что его дѣятельность оказывалась въ противорѣчіи съ его убѣжденіями. Къ этому принуждали его обстоятельства и простая добросовѣстность—онъ не могъ покинуть должности ранѣе окончанія года.

Время шло и сомнѣній у Томаса Галля становилось все меньше и меньше. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что не стоило раздумывать о дѣлѣ, котораго онъ не могъ измѣнить до окончанія срока своего контракта. Въ дѣйствительности, всѣ его помыслы были отвлечены совсѣмъ въ другомъ направленіи. Новыя, неожиданныя чувства всецѣло поглотили его и понемногу затмили все, для чего онъ до сихъ поръ жилъ.

Была ужа настоящая полярная зима. Ртуть замерзла въ градусникахъ. Но морозъ въ этихъ странахъ никого не пугалъ и, повидимому, оказывалъ на дѣятельность людей то же вліяніе, что въ другихъ странахъ тепло.

Всюду появились жизнь и движеніе. Въ лѣсахъ рубили и очищали отъ сучьевъ деревья; по дорогамъ со всѣхъ сторонъ подвозились къ заводамъ бревна. Черезъ замерзшія болота и озера проложено было множество новыхъ зимнихъ дорогъ, и на всѣхъ этихъ дорогахъ встрѣчались люди и возы.

Дни были очень коротки. Но по ночамъ стало часто сверкать сѣверное сіяніе, то бѣлое, то зеленоватое, то совсѣмъ красное. Плотно слежавшійся и промерзшій снѣгъ сверкалъ всею своею поверхностью, точно былъ усыпанъ алмазами и рубинами. Деревья казались изваянными изъ бѣлаго мрамора и тоже были усыпаны бриллiантами.

На впечатлительнаго Томаса Галля все это произвело впечатлѣніе, точно онъ присутствовалъ при исполненіи чудной феерiи, точно самая его жизнь превратилась въ сказку и при этомъ странномъ свѣтѣ сѣвернаго сіянія съ нимъ могли случиться самыя невѣроятныя вещи такъ же просто и естественно, какъ преображалась и сверкала вся эта удивительная страна.

Въ его конторѣ, какъ и на всемъ заводѣ, день и ночь горѣли электрическія лампы. При ихъ свѣтѣ приходилось работать днемъ, и все было одинаково, когда онъ являлся на заводѣ и ночью.

Свои обязанности онъ исполнялъ хорошо, но безъ интереса къ дѣлу, почти машинально, какъ разыгрываютъ на роялѣ хорошо заученную пьесу, которая, однако, исполнителя уже не увлекаетъ. Ему уже не нужно было бороться за существованіе; не представлялось случая и бороться за идею. И дѣйствительность окружающей жизни точно выдохлась для него, тогда какъ природная мечтательность въ столь благопріятныхъ условіяхъ стала быстро развиваться. Странныя картины сѣверной природы и непонятные люди этихъ мѣстъ, подѣйствовали бы и на менѣе мечтательнаго человѣка; а тутъ еще обязанности не требовали отъ него ни малѣйшаго умственнаго напряженія и бездѣятельность ума способствовала работѣ воображенія.

Въ жизни своей Томасъ Галль не имѣлъ еще случая бороться со страстями. Въ ранней молодости всѣ его чувства были поглощены любовью къ матери, а вся энергія ушла на борьбу за существованіе. Потомъ его душевныя силы уходили на борьбу за идею и по

прежнему не было времени, а пожалуй, и случая, отдаться другимъ чувствамъ. Но теперь годами скопленная въ немъ энергія чувственныхъ потребностей предъявила свои права, и здѣсь, въ странѣ полночи, кровь стала кипѣть въ немъ, какъ никогда не кипѣла въ болѣе теплыхъ странахъ. Это дало совсѣмъ особенное направленіе его мечтамъ.

Здѣсь была только женщина, которая одна могла овладѣть его воображеніемъ, которая уже съ перваго раза, несмотря на его враждебное предубѣжденіе, поразила его своей красотой. Вдобавокъ эта женщина сильно напоминала другую, которую онъ считалъ лучшей женщиной въ мірѣ и влеченію къ которой въ немъ не дали превратиться въ страстное чувство только во-время принятыми мѣрами. Объ этой женщинѣ онъ любилъ мечтать, воображая, что ненавидитъ ее, ненавидитъ въ ней все ея сословіе, но позволяя себѣ любоваться ея красотой. Онъ представлялъ ее себѣ сверхъестественнымъ, дивно прекраснымъ, но губительнымъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ той королевы полночи, которая ему однажды приснилась и которую онъ постоянно теперь вспоминалъ. Онъ придалъ въ своихъ мечтахъ этой загадачной королевѣ черты лица Гедвиги, и любилъ представлять ее себѣ озаренной сѣвернымъ сіяніемъ, среди искрящихся снѣговъ. Ему казалось иногда, что она протягиваетъ къ нему руки, и въ рукахъ у нея не красный цвѣтокъ, какъ было во снѣ, а само сѣверное сіяніе...

Она была женой другого. Такъ что же такое? Здѣсь, въ этой сказочной странѣ это ровно ничего не значило. Въ рукахъ самой королевы полночи всякія житейскія препятствія должны были растаять, какъ снѣжинки...

Томасъ Галль жилъ въ мірѣ сказокъ и дожидался своего счастія. Какимъ образомъ онъ достигнетъ этого счастія, онъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ. Онъ даже вовсе не заботился понравиться ей или дать ей хоть нѣкоторое понятіе о своихъ мечтахъ. Это вовсе не требовалось. Онъ твердо вѣрилъ, что его судьба такъ или иначе уже прочно, навсегда, прикована къ ея судьбѣ, что только поэтому случай и забросилъ его сюда; онъ допускалъ, что погибнетъ, познавъ счастіе ея любви—на то она была враждебнымъ человѣчеству сверхъестественнымъ существомъ; но ни ускорить, ни измѣнить предопредѣленныхъ ему событій не въ его власти.

Эти мечты превратились у него постепенно какъ бы въ пунктъ помѣшательства, съ которымъ онъ носился въ одиночествѣ. При встрѣчахъ съ госпожей Хегреусъ иллюзія въ немъ на короткое время разсѣявалась, такъ какъ онъ съ душевной болью убѣждался всякій разъ, что ничѣмъ его мечты не оправдывались. Онъ даже замѣчалъ въ ней нѣчто другое, глубоко его огорчавшее: она съ каждымъ разомъ становилась къ нему холоднѣе... Было ли это отъ высокомѣрія или отъ пренебреженія къ человѣку, не оправдавшему ея ожиданій? Во всякомъ случаѣ, онъ не добивался свиданій съ нею и охотнѣе оставался въ своемъ заколдованномъ мірѣ мечты. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ всесильнымъ властителемъ надъ нею, какъ и надъ всѣмъ остальнымъ.

XIII.

Въ сотнѣ саженей выше лѣсопильнаго завода былъ большой водопадъ, сила котораго и давала жизнь всему заводу. Въ этомъ мѣстѣ вся многоводная рѣка бурнымъ потокомъ неслась между отвѣсными скалами черезъ тѣснину. Посрединѣ возвышался утесъ, раздѣлявшій рѣку на два рукава, и тотчасъ же за утесомъ былъ обрывъ, съ котораго вода падала почти отвѣсно, образуя водопадъ въ сто футовъ вышиною. Утесъ назывался медвѣжьимъ. Разсказывали, что однажды огромный медвѣдь попытался переплыть рѣку выше водопада, но не совладалъ съ теченіемъ и былъ увлеченъ. Однако, надъ самымъ обрывомъ онъ успѣлъ ухватиться своими могучими лапами за выступъ утеса и благодаря своей страшной силѣ выбрался на островокъ. Тамъ, на утесѣ, среди грохотавшаго водопада, онъ стоялъ и растерянно поглядывалъ: то на пѣнившуюся воду, то на далекіе берега и подъ конецъ зарычалъ, покры-

вая своимъ зычнымъ голосомъ даже грохотъ водопада и точно призывая людей на помощь. Но люди были заняты своими дѣлами и только толпа дѣтей робко приблизилась къ берегу взглянуть на звѣря. И вотъ дѣти и медвѣдь поглядывали другъ на дружку черезъ потокъ: дѣти сначала со страхомъ, но постепенно осмѣливаясь; медвѣдь налитыми кровью глазами все болѣе и болѣе безпомощно. Видя, что медвѣдю оттуда съ утеса не выбраться, ребятишки совсѣмъ перестали бояться и стали кидать въ медвѣдя камнями. Тогда онъ, вдругъ собралъ всѣ свои силы и сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону дѣтей. Онъ попалъ въ воду, но съ размаху его отнесло дальше и онъ даже схватился за уступъ прибрежной скалы. Однако, удержаться за скользкую гладкую скалу было невозможно: онъ сорвался, снова очутился въ потокѣ и въ слѣдующее мгновеніе, вертясь въ водѣ, какъ щепка, былъ увлеченъ въ водопадъ. Его трупъ всплылъ потомъ въ тихой заводи у деревушки, которая стояла тамъ, гдѣ теперь былъ заводъ. Оттого утесъ, а по немъ и все мѣстечко называется Бьерне, т. е. «островъ медвѣдя».

Такъ гласитъ преданіе. Но къ этому разсказчики обыкновенно добавляютъ, понижая голосъ, что «онъ», т. е. лѣсной духъ, этого не проститъ. Извѣстно, что медвѣдь его любимецъ, и дѣти, у которыхъ хватило жестокости бросать камни въ погибавшаго медвѣдя, «его» глубоко оскорбили. Въ наказаніе, потомокъ того мальчика, который первый бросилъ камень, сдѣлается однажды владѣльцемъ всей этой мѣстности и завода, но когда жизнь въ счастіи станетъ ему особенно дорога, погибнетъ на томъ же мѣстѣ въ водопадѣ, гдѣ погибъ медвѣдь.

Кто былъ тотъ мальчикъ и кто были его потомки никто уже не зналъ, потому что случилось все это очень давно. Но преданіе держалось въ народѣ крѣпко и часто вспоминалось мужиками вечеромъ у камелька, когда рѣчь заходила о сверхъестественномъ. И всѣ вѣрили предсказанію. Всякій разъ, когда въ Бьерне перемѣнялся владѣлецъ, въ хуторахъ дѣлались догадки: ужъ не тотъ-ли это, которому суждено искупить проступокъ своего предка.

Однажды, въ послѣобѣденное время въ февралѣ, Томасъ Галль стоялъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ у конторки, провѣряя разсчетныя книжки рабочихъ, когда вдругъ на дворѣ послышались какіе-то крики. Онъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ лѣсничаго, который вбѣжалъ на заводскій дворъ блѣдный, безъ шапки, держа скинутыя съ ногъ лыжи въ рукѣ.

— Помогите, помогите!—кричалъ онъ прерывающимся голасомъ, но такъ пронзительно, что слышно было сквозь двойныя рамы.—Помогите!.. Хозяинъ упалъ въ рѣку!..

Въ слѣдующее мгновеніе Томасъ Галль уже стоялъ на дворѣ въ толпѣ рабочихъ, окружавшихъ дрожавшаго отъ перепуга лѣсничаго. Тотъ разсказывалъ, какъ это случилось.

— Мы возвращались съ егермейстеромъ съ охоты... на лыжахъ... прямо лѣсомъ. Мы хотѣли перейти черезъ рѣку выше водопада, гдѣ стоитъ ледъ. Егермейстеръ шелъ впереди... Ну, видно онъ ошибся мѣстомъ и спустился съ горы не тамъ, гдѣ слѣдовало, а потомъ уже не могъ удержаться. Я видѣлъ, какъ онъ мелькнулъ на кручѣ, у самаго медвѣжьяго острова... онъ всѣми силами удерживался палкой, но несся съ горы такъ быстро, что палка сломалась... Еще разъ я его увидѣлъ уже у самой стремнины, на береговомъ льду... онъ бросился навзничь и цѣплялся за ледъ руками и ногами, но его все несло, несло впередъ... Я слышалъ, какъ онъ звалъ на помощь... О, Господи, Боже мой!..

Онъ закончилъ свой разсказъ стономъ.

Столпившіеся вокругъ него люди смотрѣли молча, съ испуганными глазами.

Томасъ Галль первый опомнился. Онъ тотчасъ же собралъ рабочихъ и повелъ ихъ разыскивать тѣло погибшаго; о спасеніи нечего было и думать. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безплодной работы, увидѣли всплывшее тѣло на томъ же мѣстѣ ниже водопада, гдѣ когда-то выплыло тѣло медвѣдя. Томасъ Галль съ нѣсколькими рабочими направились къ тѣлу въ лодкѣ...

*

Какая-то женщина уже успѣла сообщить о несчастіи въ господскій домъ. Когда лодка вернулась къ пристани, на мосткѣ стояла госпожа Гедвига, укутанная въ шубу, которую на нее успѣла накинуть тетя Виви, но съ непокрытой головой. Она была блѣдна, какъ окружавшій ее снѣгъ; темные волосы, разметанные вѣтромъ, падали ей на лобъ неровными прядями. Она не плакала, даже когда склонилась надъ тѣломъ мужа. Но она дрожала всѣмъ тѣломъ и зашаталась, точно была готова упасть. Но не упала, и пошла къ дому, не оглядываясь. Рабочіе положили тѣло егермейстера на носилки и понесли вслѣдъ за нею. Шли прямикомъ, черезъ лѣсъ, большой аллеей; справа и слѣва стѣной стояли сильно заметанныя снѣгомъ старыя ели... При свѣтѣ фонарей тѣло внесли черезъ парадный входъ со стороны сада.

Новость уже распространилась. На господскомъ дворѣ толпился народъ. Старыя женщины многозначительно покачивали головою и говорили шепотомъ:

— Стало быть, это былъ *онъ*!.. тотъ, которому было назначено поплатиться за медвѣдя. Не даромъ поговаривали, что его дѣдъ былъ изъ здѣшнихъ...

Прошло три дня и длинная процессія съ гробомъ на печальной колесницѣ потянулась между лѣсами и снѣгами. За дрогами слѣдовали десятки саней, обитыхъ чернымъ сукномъ. Въ первыхъ саняхъ сидѣла вдова возлѣ престарѣлаго пробста.

До кладбища было далеко; часа два тянулась процессія. Но вотъ и церковь, а возлѣ нея кладбище... При печальномъ перезвонѣ колоколовъ гробъ опустили въ могилу. Короткій зимній день уже кончался. Было почти темно, когда священникъ въ послѣдній разъ провозгласилъ вѣчную память усопшему, и могила была засыпана.

Гости разъѣхались прямо съ кладбища. Госпожа Гедвига и тетя Виви поѣхали домой въ сопровожденіи Томаса Галля.

Дорогой не было произнесено ни слова. Тѣмъ свободнѣе ему было размышлять. Итакъ, она случилась... счастливая случайность для него! И онъ могъ радоваться случаю, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, потому что его вины тутъ не было! Онъ чувствовалъ теперь благосклонность къ памяти покойнаго; онъ отдавалъ полную справедливость его хорошимъ качествамъ. Какъ бы тамъ ни было, а покойный былъ хорошій, разумный человѣкъ, и дѣльный хозяинъ, даромъ, что большой баринъ. Судьба удалила его, убрала съ дороги... Нѣтъ, нѣтъ! Объ этомъ думать еще не слѣдовало. Можно было только тихонько радоваться въ самой глубинѣ души и довѣрчивѣе отдаваться судьбѣ, въ которой обстоятельства сцѣпляются такъ странно... Но меньше всего слѣдовало теперь давать волю своему воображенію и думать о любви! Получитъ ли онъ когда-нибудь ее—объ этомъ задумываться теперь было бы низко. Она во всякомъ случаѣ въ несчастіи, и ея печаль должна внушать уваженіе...

Когда сани остановились у господскаго дома, онъ помогъ дамамъ выйти. Гедвига даже не взглянула на него, не поблагодарила, и молча направилась въ комнаты.

Онъ подумалъ, что, можетъ, еще нуженъ ей, и послѣдовалъ за дамами.

Въ передней при свѣтѣ лампы онъ увидѣлъ ея лицо. Она была блѣдна и печальна; глаза были окаймлены темными кругами; взглядъ былъ безжизненъ. Въ движеніяхъ уже не было прежней граціи: она казалась усталой и разбитой.

Пока лакей въ траурной ливреѣ помогалъ ей освобождаться отъ мѣховыхъ вещей, Томасъ Галль молча стоялъ въ сторонѣ. Онъ не могъ оторвать взгляда отъ ея лица, и ему было невыразимо жаль ея. Онъ точно ласкалъ и утѣшалъ ее взглядомъ, полнымъ невыразимой нѣжности.

Она оглянулась и встрѣтила его взглядъ.

— Какъ, вы здѣсь?—проговорила она съ испугомъ.

Онъ смутился, точно былъ уличенъ въ неблаговидномъ поступкѣ.

— Я хотѣлъ только спросить, не могу ли еще въ чемъ-нибудь быть вамъ полезенъ?—проговорилъ онъ неровнымъ голосомъ.

— Не знаю... я ничего теперь не понимаю!—сказала она и направилась къ дверямъ залы.

Лакей раскрылъ передъ нею двери, но она отшатнулась въ ужасѣ.

— Тамъ темно! Отчего тамъ темно?— вскричала она, содрогаясь.—Освѣтите же скорѣе эту комнату! Зажгите лампы во всѣхъ комнатахъ.

Лакей торопливо повернулъ регуляторъ, и гостиная освѣтилась.

— Не уходите, тетя! — обратилась Гедвига къ тетѣ Виви, замѣтивъ, что та хочетъ уйти къ себѣ.—Побудьте со мною! Если бы вы знали, какъ мнѣ жутко наединѣ...

Она вдругъ подняла руки къ головѣ и заплакала навзрыдъ. Освѣщенная на порогѣ гостиной съ двухъ сторонъ, она ярко вырисовывалась, какъ на картинѣ, и въ такомъ видѣ запечатлѣлась въ его душѣ.

— Прощайте!—пробормотала она, не оборачиваясь, и скрылась за портьерой.

Въ этотъ вечеръ, и во всю эту ночь, онъ видѣлъ ее передъ собою, слышалъ ея рыданія, и ея «прощайте», сказанное надломленнымъ голосомъ сквозь слезы. И онъ нигдѣ не могъ найти успокоенія: онъ чувствовалъ себя точно въ чемъ-то виноватымъ. Онъ пытался безпристрастно обсуждать свои дѣйствія, и передъ судомъ разума онъ дѣйствительно оказывался безупреченъ; но все-таки чувство недовольства собою не проходило и не давало ему покоя.

Какъ нарочно, работъ не было. Госпожа Гедвига распорядилась остановить заводъ, чтобы дать рабочимъ возможность проводить тѣло покойнаго хозяина до могилы, а потомъ помянуть его за тризной, устроенной на ея счетъ во всѣхъ избахъ. Томасъ Галль не зналъ, чѣмъ разсѣяться и бродилъ по селенію, какъ тѣнь. Изъ всѣхъ оконъ лился свѣтъ. Вездѣ виднѣлись рабочіе и ихъ семьи за столомъ. Всюду вырисовывались за окнами спокойныя, серьезныя лица. Только въ его душѣ было мрачно и смутно, только онъ бродилъ, не находя себѣ мѣста, съ искаженнымъ отъ внутреннихъ терзаній лицомъ.

Она сказала: прощайте! Да, да: прощай, Томасъ Галль! Прощайте всѣ мечты и радости! Низменныя твои желанія стали между тобою и ею. Развѣ не плотскую любовь и радость она прочла въ твоихъ глазахъ на пути съ кладбища? Развѣ ты не мечталъ объ обладаніи ею, когда ея мужъ былъ еще живъ, и не пожелалъ того же, когда онъ только что былъ опущенъ въ могилу? Ты поступилъ низко, отдаваясь такимъ помысламъ, и не примириться тебѣ теперь ни съ нею, ни со своею совѣстью.

Можетъ быть, она хотѣла сказать: Прощайте! Наши пути расходятся теперь навсегда. Вы осквернили ваше чувство низменными желаніями, и оно всегда будетъ мнѣ оскорбительно.

Такъ онъ терзался размышленіями о себѣ. Но по временамъ его охватывалъ порывъ менѣе себялюбивыхъ чувствъ. Онъ вспоминалъ, что она страдаетъ, страдаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше любила мужа. Можетъ быть, и она теперь терзается укорами чуткой совѣсти? При этой мысли слезы подступали къ его глазамъ. Онъ забывалъ о себѣ; ему хотѣлось только утѣшить, успокоить ее. И онъ начиналъ смиренно мечтать о возможности пожертвовать ей всю свою жизнь, всѣ свои помыслы, чтобы издали, незамѣтно служить ей. Пусть она даже не подозрѣваетъ, что она для него. Пусть топчетъ его ногами, какъ онъ топчетъ этотъ снѣгъ. Онъ благоговѣйно сохранитъ ея слѣды вплоть до того дня, когда придетъ для нея новая весна, а онъ исчезнетъ съ земли, какъ исчезнетъ снѣгъ!

Онъ бродилъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, гдѣ онъ бродитъ. Поздно ночью онъ очутился передъ ея окнами. Полная луна ярко и холодно освѣщала мѣстность.

Острая, чисто физическая боль чувствовалась у него въ груди.

Но вотъ усиліемъ воли онъ попытался сбросить съ себя настроеніе, которое его угнетало, и тотчасъ же ему стало легче: грудь перестала ныть, мысли начали проясняться. Съ какой стати онъ терзался только изъ за того, что ни при какихъ условіяхъ не могъ перестать ее любить? Въ чемъ тутъ

преступленіе? Это зависѣло не отъ него, а въ поступкахъ своихъ онъ ничѣмъ не проявилъ своихъ чувствъ! И почему отчаяваться, что даже издали любить ее—было счастьемъ? Не вѣкъ же она будетъ скорбѣть по мужѣ, котораго даже никогда не любила. Жизнь потребуетъ жизни и помимо ея воли отодвинетъ отъ нея холодную могилу мужа...

Совсѣмъ новыя мысли зароились теперь въ его мозгу. Онъ представлялъ себѣ Гедвигу оправившуюся отъ удара, опять спокойной, опять жизнерадостной. Опять ея лицо освѣщено милой, привѣтливой улыбкой. Опять изъ подъ ея длинныхъ рѣсницъ сверкаетъ взглядъ, не жгучій, но отъ котораго вся кровь въ немъ все-таки загорается, какъ отъ огня.

Успокоенный, довольный тѣмъ, что разогналъ, наконецъ, свои преувеличенныя сомнѣнія, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дому, желая лучше разсмотрѣть ея окна. Но вдругъ онъ замеръ на мѣстѣ, потомъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ... Въ сторонѣ онъ увидѣлъ нѣчто невозможное: гигантскій скелетъ, пошевелившійся при лунномъ свѣтѣ и скалившій на него неровные зубы.

Очутившись снова подъ деревьями, онъ остановился. Его ноги подкашивались отъ ужаса, и мысли кружились, какъ въ водоворотѣ... Но онъ овладѣлъ собою, и черезъ минуту ему стало стыдно своего страха. Очевидно, что-то почудилось! Однако, ему стоило большого усилія заставить себя снова взглянуть въ томъ направленіи, гдѣ было видѣніе. Ничего тамъ не было... Тогда онъ опять направился къ дому, пристально озираясь по сторонамъ. Скоро дѣло выяснилось: въ сторонѣ снова мелькнуло то, что онъ принялъ за скелетъ; это было уродливо искривленное дерево, между оголенными сучьями котораго налипъ полосками снѣгъ.

Послѣ испытаннаго потрясенія онъ чувствовалъ теперь только разбитость во всемъ тѣлѣ. Всякая мечтательность исчезла. Онъ сознавалъ только, что попусту мерзнетъ цѣлую ночь въ лѣсу и что въ его поступкахъ не было ни малѣйшаго смысла.

Онъ плотнѣе укутался въ шубу, равнодушно отвернулся отъ дома и вялой поступью побрелъ домой.

XIV.

Наступило время такой горячей дѣятельности, что Томасу Галль не оставалось досуга на бредни, и онъ опять сталъ прежнимъ человѣкомъ. Послѣ смерти егермейстера ему поручено было вдовой главное управленіе заводами, а кромѣ того, до пріѣзда новаго начальника рабочихъ, онъ долженъ былъ исполнять и прежнія свои обязанности. Это было не легко, всѣ его мысли скованы были сложными дѣлами, запускать которыя ему не позволяла природная честность.

Гедвигу онъ видѣлъ рѣдко. Она всецѣло довѣрилась ему и въ дѣла не вмѣшивалась, а въ частной жизни своей оставалась въ уединеніи съ тетей Виви. У покойнаго егемейстора не было близкихъ родственниковъ, а у нея была сестра Сигна, которая какъ разъ въ это время была задержана въ столицѣ рожденіемъ сына. Поэтому никто не пріѣхалъ въ эту глушь утѣшать вдову, и она была точно отрѣзана отъ всего міра.

Когда ему приходилось обращаться къ Гедвигѣ въ важныхъ дѣлахъ, она неизмѣнно отвѣчала ему: «Вы лучше меня понимаете эти дѣла. Поступайте, какъ находите нужнымъ». Такое довѣріе онъ находилъ не только для себя чрезвычайно лестнымъ, но и вполнѣ разумнымъ.

Чтобы оправдать довѣріе владѣтельницы заводовъ, онъ работалъ не разгибая спины и дѣйствительно повелъ дѣла хорошо.

Между тѣмъ дни все удлиннялись, и солнце съ каждымъ днемъ пригрѣвало землю сильнѣе. Одна ледяная глыба за другой обрушивались въ водопадъ и разбивались въ мелкія дребезги, которыя затѣмъ стремительно неслись мимо завода черезъ открытую плотину. Пришелъ день, когда снизу на рѣкѣ послышался протяжный свистокъ, и черезъ часъ одинъ изъ зимовавшихъ на рѣкѣ пароходовъ стоялъ у заводской пристани, готовясь забрать кладь и пассажировъ къ первому рейсу. По теле-

графу получено было извѣстіе, что море свободно отъ льда.

Съ этимъ пароходомъ и Гедвига должна была отправиться въ путешествіе, которое ей посовѣтовалъ лѣчившій ее врачъ.

Томасъ Галль давно уже зналъ о предположенномъ путешествіи хозяйки, и находилъ это вполнѣ естественнымъ. Но теперь, когда приблизилось время ея отъѣзда, онъ внезапно палъ духомъ и въ немъ проснулись прежнія сомнѣнія. Вдобавокъ, когда онъ явился проститься со своей довѣрительницей, она только холодно поблагодарила его за труды и заботы о ея дѣлахъ. Эта холодность оскорбила его, какъ незаслуженная обида. Неужели онъ всей своей преданностью не заслужилъ хоть привѣтливаго слова? Простое «спасибо» она вѣдь расточала всякому, кто оказывалъ ей малѣйшую услугу. Стало быть, онъ былъ для нея не болѣе, чѣмъ всякій встрѣчный?..

Съ горечью въ душѣ проводилъ онъ ее на пароходъ и эта горечь только усилилась, когда она протянула ему на прощаніе руку, затянутую въ перчатку. Рука была точно безжизненная и ни одно движеніе не выдавало, что подъ черной перчаткой была плоть и кровь.

Когда пароходъ отчаливалъ, она сидѣла на палубѣ возлѣ тети Виви. Обѣ были въ полномъ траурѣ; длинная вуаль на Гедвигѣ была откинута. Ея блѣдное лицо точно увяло; щеки замѣтно впали; взглядъ былъ усталый и равнодушный. Такой она осталась въ памяти Томаса Галля надолго. И горечь, нестерпимая горечь окончательно залила его сердце.

Въ тотъ день дѣла шли на заводѣ наудачу, рабочимъ нельзя было пожаловаться на слишкомъ строгій надзоръ. Управляющій не показывался. Только что прибывшій на заводъ молодой инженеръ Вестлингъ могъ спрашивать о своихъ обязанностяхъ у кого хотѣлъ.

Томасъ Галль весь день пролежалъ въ лѣсу подъ старой сосной и пережидалъ, пока горе въ его душѣ настолько притупится, что онъ будетъ въ состояніи владѣть своимъ разсудкомъ. Теперь ему предстояло ужиться съ пустотой, которую оставляли по себѣ всѣ надежды на счастіе, и съ мыслью, что женщина, которую онъ такъ горячо любилъ, была къ нему болѣе чѣмъ равнодушна.

Впрочемъ, на чемъ онъ строилъ свои воздушные замки, когда воображалъ, что можетъ ждать ея любви? Ни на чемъ! Онъ былъ для нея ничтожествомъ. Она видѣла въ немъ только слугу, которому довѣрила ключи отъ своего дома, когда уѣхала; она уполномочила его управлять своими дѣлами только потому, что надо было кого нибудь уполномочить, а его честность была всѣми признана... Можетъ быть, она даже замѣтила его чувства къ ней и была этимъ довольна, какъ бываетъ довольна хозяйка привязанностью лакея или дворовой собаки...

Отъ негодованія кровь жгучей волной приливала ему къ вискамъ. Однако вѣдь бывало же, что ея взглядъ выражалъ нѣчто другое, нѣчто болѣе глубокое и болѣе теплое, чѣмъ простая благосклонность къ хорошему слугѣ! Да, да — бывало, если только ему не казалось это... Просто, она не посмѣла отдаться зарождавшемуся чувству. Мелочная, какъ всѣ женщины, безсильная и нерѣшительная въ добрѣ и злѣ, невольница наружныхъ условностей, она отвергла свое чувство, чтобы не уронить себя.

Ему доставляло наслажденіе раздумывать о ея недостаткахъ, какъ дикарю, который бросаетъ своего идола въ грязь и въ неистовствѣ топчетъ кумиръ, только потому, что его молитвы остались не услышаны.

По натурѣ онъ былъ горячій поклонникъ женщины. О любви у него были крайне преувеличенныя представленія, дѣлавшія изъ нея цѣлый культъ. Вотъ почему всѣ проявленія чувства принимали у него такія болѣзненныя формы, и чувство то уносило его за облака, далеко отъ дѣйствительной жизни, то роняло въ грязь.

Съ этого дня Томасъ Галль вообразилъ себя женоненавистникомъ. Онъ сталъ съ наслажденіемъ читать сочиненія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, о которыхъ недавно еще говорилъ съ презрѣніемъ, которые въ женщинѣ видѣли

низшее существо, олицетвореніе всѣхъ дурныхъ инстинктовъ человѣка, Цирцею, заманивающую человѣка, только чтобы превратить его потомъ въ звѣря.

Томасъ Галль съ увлеченіемъ отдался своему новому настроенію. Ненависть къ женщинѣ вытѣснила въ немъ его старую ненависть къ высшимъ сословіямъ, и онъ ухитрился даже убѣдить себя, что въ сущности, это одно и то же. Мечтательности въ немъ не оставалось и тѣни. Онъ серьезно обрадовался, прочитавъ, что одинъ естествоиспытатель нашелъ зародышъ человѣческаго хвоста, присущій однако только женщинамъ; у мужчинъ такого зародыша не оказывалось. Этотъ «женскій хвостъ» вносилъ комическую сторону въ его размышленія о женщинахъ и вызывалъ въ немъ злорадство. Когда его начинала грызть тоска, онъ всегда ободрялъ себя, вспоминая о хвостѣ. Онъ убѣждалъ себя, что серьезно страдать изъ за женщины мужчинѣ, какъ существу высшаго порядка, неестественно и глупо.

Увѣривъ себя, что онъ совершенно исцѣлился отъ своего болѣзненнаго увлеченія женщиной, онъ сталъ размышлять о томъ, что совсѣмъ забросилъ свою дѣятельность, какъ представитель рабочей партіи, и тотчасъ же въ немъ проснулась прежняя энергія. Теперь вѣдь онъ былъ полномочный человѣкъ на заводѣ и могъ дѣлать все, что находилъ нужнымъ. Теперь слѣдовало показать людямъ, что можно вполнѣ совмѣстить интересы заводчика съ интересами рабочихъ и такимъ образомъ явить примѣръ общаго благополучія.

Однако, когда онъ сталъ обдумывать, съ чего слѣдовало начать, дѣло оказывалось въ высшей степени сложнымъ. При томъ онъ боялся злоупотребить довѣріемъ Гедвиги. И вотъ, всѣ его теоріи оказывались несостоятельными только потому, что приходилось ихъ обсуждать съ двухъ точекъ зрѣнія.

И онъ отложилъ преобразованія на неопредѣленное время и усердно занялся чтеніемъ соотвѣтственныхъ книгъ, которыхъ оказалось очень много въ библіотекѣ покойнаго егермейстера, а на заводѣ все пошло по прежнему.

Онъ ввелъ только нѣкоторыя поправки въ порядкахъ разсчета съ рабочими и въ распредѣленіи пенсій и пособій. Поправки эти несомнѣнно клонились къ выгодѣ рабочихъ и всегда считались ими желательными. Но теперь эти измѣненія приняты были холодно просто потому, что онъ былъ не популяренъ и что бы онъ ни затѣвалъ, вызывало подозрительность.

Это огорчило его и снова охладило къ дѣлу. Въ сущности, онъ всегда предпочиталъ размышлать о рабочихъ, какъ о цѣломъ сословіи, какъ о понятіи отвлеченномъ; когда же ему приходилось имѣть дѣло съ толпой, его всегда отталкивали присущіе имъ недостатки, и онъ начиналъ думать, что имѣетъ дѣло съ исключеніями, съ особенно неудачными представителями сословія. Теперь же его раздражала еще и непонятная несправедливость къ нему рабочихъ, которые съ перваго дня его появленія на заводѣ относились къ нему недовѣрчиво, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался полномочнымъ управляющимъ всѣми дѣлами госпожи Хегреусъ, начали высказывать ему явную ненависть.

Между тѣмъ молодой инженеръ Вестлингъ, имъ же приглашенный по рекомендаціи Густава Кеслера и человѣкъ его же партіи, сразу овладѣлъ сердцами рабочихъ. Этотъ молодой чоловѣкъ поступалъ точь-въ-точь, какъ поступалъ вначалѣ Томасъ Галль: онъ собиралъ рабочихъ на сходки, читалъ имъ популярныя лекціи по рабочему вопросу и предлагалъ тѣ самыя мѣры самопомощи, которыя однажды предлагалъ Томасъ Галль, не успѣвъ однако убѣдить ихъ. Вестлинга же они слушали охотно и всякое его предложеніе принимали съ восторгомъ. Все это объяснялось очень просто: покойнаго егермейстера рабочіе любили за его справедливость къ нимъ и уважали, какъ крупнаго собственника; но теперь, когда во главѣ дѣла стоялъ наемный управляющій, безъ авторитета хозяина да еще не популярный, рабочіе находили вполнѣ естественнымъ не довѣрять ему, а потому и принимали предложенія инженера Вестлинга.

Инженеръ Вестлингъ съ перваго дня

пришелся Томасу Галлю не по душѣ, а когда они познакомились ближе, взаимная антипатія между ними только усилилась. Въ такой глуши два человѣка одной спеціальности и одной партіи должны были бы находить много точекъ сближенія. Но этого не было, и оба только до поры до времени сдерживались въ проявленіяхъ взаимнаго недружелюбія. Инженеръ Вестлингъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ и, полагая положеніе не популярнаго управляющаго непрочнымъ, надѣялся вытѣснить его и занять его мѣсто. Съ своей стороны, Томасъ Галль подумывалъ объ увольненіи своего новаго помощника. Оба это сознавали и держали себя на сторожѣ.

Когда прибыла жена инженера Вестлинга, Томасъ Галль очистилъ имъ свою квартиру, а самъ переселился въ господскій домъ, гдѣ занялъ небольшой флигелекъ. Внѣ службы они почти не встрѣчались.

Лѣто проходило такое же странное, какъ странна была зима, какъ странно было все въ этомъ полярномъ краѣ. Зима была сплошной ночью съ проблесками сѣренькихъ сумерекъ вмѣсто дней; теперь лѣто было непрерывнымъ днемъ съ такими же коротенькими сумерками вмѣсто ночей.

Любопытно было наблюдать баснословную силу растительности. Пользуясь день и ночь солнечнымъ свѣтомъ, растенія проявляли изумительную энергію: въ нѣсколько недѣль всходили, колосились и созрѣвали посѣвы ячменя; травы и кусты поднимались, какъ по волшебству; было что-то лихорадочное во всей природѣ, и все совершалось наспѣхъ, точно въ перегонку. Но Томасъ Галль успѣлъ еще зимою представить себя полярное лѣто въ воображеніи, и дѣйствительность уступала мечтѣ въ яркости красокъ. При томъ въ сѣверномъ лѣтѣ не оказывалось нѣги и умиротворяющей красоты. У людей, какъ и въ природѣ, все дѣлалось съ лихорадочной поспѣшностью, съ величайшимъ напряженіемъ силъ, въ попыхахъ; было что-то тревожное въ общей торопливости, точно въ большомъ городѣ, гдѣ всѣ спѣшатъ и все движется.

Томасу Галлю лѣтомъ, какъ и зимою, приходилось работать изо всѣхъ силъ, чтобы успѣть выполнить все, что должно было быть окончено до зимы, къ тому же надо было слѣдить за всякой мелочью, такъ какъ полагаться на недовольныхъ подчиненныхъ было невозможно. Цѣлыя горы издѣлій фабрики и необозримые штапеля напиленнаго за зиму лѣса надо было отправить моремъ, пока оно было открыто; все надо было сосчитать, измѣрить, взвѣсить, заклеймить, и обо всемъ надо было писать, писать безъ конца. А инженеръ Вестлингъ все еще только присматривался къ дѣлу, надоѣдалъ вопросами и больше мѣшалъ, чѣмъ помогалъ.

Измученный работой, Томасъ Галль не видѣлъ никакой прелести въ этомъ вѣчномъ солнечномъ свѣтѣ, тревожившемъ короткіе часы отдыха. Въ мечтахъ все это было поэтичнѣе. Въ мечтахъ, напримѣръ, не было комаровъ и мошекъ, а въ дѣйствительности отъ нихъ нигдѣ нельзя было укрыться. И онъ начиналъ сожалѣть о зимѣ, съ ея болѣе спокойными работами, съ ея свѣжими морозами, съ ея потемками.

Съ Густавомъ Кеслеромъ онъ изрѣдка обмѣнивался письмами. Въ началѣ лѣта онъ откровенно описалъ другу свои отношенія къ рабочимъ и къ инженеру Вестлингу. Отвѣтъ полученъ былъ только въ августѣ. Кеслеръ видимо уклонялся отъ серьезнаго обсужденія дѣла: онъ только шутя и вскользь подтрунивалъ надъ плачевнымъ положеніемъ Томаса Галля, котораго, дескать, судьба заставляетъ быть защитникомъ капиталистовъ, и тотчасъ же переходилъ къ своимъ семейнымъ дѣламъ. Онъ разсказывалъ разныя подробности о своемъ маленькомъ сынѣ, ужаснѣйшемъ крикунѣ, «которому, если судить по его теперешнимъ наклонностямъ, можно предсказать дѣятельность бурнаго оратора», и который названъ былъ въ его честь, Густавомъ. О Сигнѣ онъ сообщалъ, что она здоровѣе и дѣятельнѣе прежняго. О газетѣ не говорилъ ни слова. Въ коротенькой припискѣ онъ сообщалъ, что Гедвига и тетя Виви все еще на югѣ и что, надо полагать, онѣ останутся на зиму за границей.

Этимъ письмомъ Томасъ Галль остался

вообще недоволенъ, а приписка пробудила въ немъ всѣ горькія чувства, которыя въ продолженіи лѣта усыпляла кипучая дѣятельность. Теперь спѣшныя дѣла были окончены, и вмѣстѣ съ свободными часами явилась гнетущая тоска. Тщетно онъ старался опять излѣчиться испытаннымъ средствомъ, найденнымъ имъ весною въ озлобленіи противъ всѣхъ женщинъ. Но порывъ прошелъ; не оказывалось самаго озлобленія; и недавнія размышленія представлялись невыносимо пошлыми. Сколько онъ ни напоминалъ себѣ, что любовь, въ ея высокомъ значеніи, въ природѣ не существуетъ, и то, что существуетъ въ дѣйствительности, лишь чувственный инстинктъ—это уже не дѣйствовало: все его существо возставало противъ такого взгляда. Въ самой глубинѣ души онъ чувствовалъ что-то возвышенное и святое при всякомъ помыслѣ о Гедвигѣ, и не страсть, а что-то похожее на молитвенное увлеченіе, какъ бывало иногда въ дѣтствѣ, сопровождало тоску по ней. Онъ вспоминалъ холодность ея прощанія съ нимъ при отъѣздѣ, гордость при этомъ страдала по прежнему, но уже не было силъ думать о ней съ ожесточеніемъ.

XV.

Уже прошелъ октябрь, прошла и половина ноября, а море все еще не замерзало и пароходство не прекращалось.

Итакъ, еще Бьерне не было отрѣзано отъ остального міра, а слѣдовательно, можно было надѣяться...

Томасъ Галль ждалъ въ величайшемъ напряженіи. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что госпожа Гедвига не вернется въ этомъ году.

Въ сущности, не было никакихъ основаній надѣяться на ея возвращеніе; его надежда была неосновательна, какъ все, что онъ дѣлалъ, когда отдавался мечтамъ и порывамъ чувствъ. Впрочемъ, онъ самъ это сознавалъ. Но онъ всю душу свою вложилъ въ эту надежду, помѣшался на ней, а потому ему дѣла не было до разумныхъ основаній. Какъ ни дико было ожидать, что госпожа Гедвига и ея старая тетка предпримутъ опасное путешествіе моремъ въ такое время года, сколько это ни противорѣчило извѣстіямъ о нихъ, онъ ждалъ ихъ до окончанія навигаціи. Вѣроятно, онъ продолжалъ бы ждать, хотя бы море замерзло; но море, какъ нарочно, не замерзало и никто не могъ припомнить такой продолжительной и такой теплой осени въ этихъ широтахъ.

Но вотъ въ концѣ ноября получена была телеграмма: госпожа Гедвига извѣщала его о своемъ скоромъ возвращеніи и просила распорядиться о приведеніи ея дома въ порядокъ. Такимъ образомъ оправдывалась самая безразсудная изъ его надеждъ. Но онъ даже не удивился: онъ зналъ, что она вернется!

Получена была вторая телеграмма съ извѣщеніемъ о выѣздѣ госпожи Гедвиги изъ столицы. Она была на пароходѣ, рискнувшемъ сдѣлать послѣдній рейсъ. Но прежде, чѣмъ этотъ пароходъ достигъ Норланда, наступила зима: земля покрылась прочнымъ снѣгомъ, стали морозы.

Встревоженный Томасъ Галль поспѣшилъ въ приморскій городокъ навстрѣчу пароходу. Онъ ѣхалъ тѣми же мѣстами, какими проѣзжалъ, прибывъ въ прошломъ году сюда впервые. И видъ мѣстности, только что одѣвшейся въ свой зимній покровъ при незамерзшемъ еще морѣ былъ тотъ же самый. Но, казалось, десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: такъ много совершилось вокругъ него и въ немъ самомъ за этотъ годъ.

Въ городѣ онъ велѣлъ везти себя прямо къ пароходной конторѣ.

— Когда ожидаете пароходъ?—спросилъ онъ тревожно.

Ему ничего не могли отвѣтить. Плаванье вообще должно было обойтись не безъ затрудненій, а теперь, при сильномъ морозѣ и такой тихой погодѣ... Ему не могли поручиться, что пароходъ прибудетъ...

— У береговъ море уже замерзаетъ!—предупредили его.

Онъ поѣхалъ дальше, къ гостинницѣ. Обѣдалъ онъ съ лихорадочной поспѣшностью. О томъ, что пароходъ не дойдетъ, онъ не хотѣлъ и думать; онъ только опасался, что пароходъ придетъ, пока

онъ обѣдаетъ, и что онъ опоздаетъ встрѣтить госпожу Гедвигу на пристани.

Послѣ обѣда онъ поспѣшилъ на пристань. Тамъ было все тихо. Сколько глазъ хваталъ, заливъ разстилался передъ нимъ, какъ зеркало, подъ все утолщавшейся ледяной корой.

Пустяки, пароходъ пробьется!

Онъ шагалъ взадъ и впередъ по набережной. Проходили часы. И вдругъ его пылкое воображеніе стало работать въ новомъ направленіи. Его слѣпой увѣренности, что пароходъ во что бы то ни стало пробьется, какъ не бывало. Онъ уже представлялъ себѣ пароходъ затертымъ льдами и госпожу Гедвигу среди всякихъ опасностей. Въ воображеніи рисовались такіе ужасы, что волосы поднимались на немъ дыбомъ.

Нѣкоторое время онъ постоялъ на берегу, вперивъ напряженный взглядъ въ даль и стараясь высмотрѣть на горизонтѣ дымокъ, который возвѣстилъ бы о появленіи парохода, потомъ повернулся и тихо пошелъ къ своей гостинницѣ.

Уже смеркалось, и съ послѣдними проблесками дня исчезали его послѣднія надежды.

Не раздѣваясь, онъ бросился на кровать; ему хотѣлось на столько успокоиться, чтобы обдумать положеніе и сообразить, что дѣлать. Но у него точно начиналась лихорадка: въ вискахъ стучало, сердце усиленно билось, лежать не хотѣлось. Онъ поднялся и подошелъ къ окну.

Глубокій мракъ окутывалъ маленькій городокъ. Было не позже девяти часовъ вечера, а уже на улицахъ не было ни малѣйшаго движенія и городъ, казалось, уже спалъ.

Ему стало казаться, что онъ слышитъ крики о помощи. Вдругъ послышался звонъ... Онъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ отъ этого звука. Но били только башенные часы.

Не ясно сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ одѣлся, вышелъ на улицу, и направился прямо къ морю.

Улицы были пустынны. Еще пустыннѣе было за городомъ на берегу залива. Глубокая тишина царила надъ всѣмъ. Но вдругъ гдѣ-то вдали послышался протяжный свистокъ, хриплый и прерывистый, точно крикъ измученнаго человѣка о помощи. Онъ вздрогнулъ и опрометью побѣжалъ берегомъ туда, откуда послышался свистокъ: вѣдь это былъ пароходъ!

Онъ долго бѣжалъ и, наконецъ, увидѣлъ на льду какія-то тѣни. Слышались свистъ пилъ и удары лома: то рубили и распиливали ледъ.

— Идетъ пароходъ?—крикнулъ онъ работавшимъ на льду людямъ.

Никто не отвѣтилъ. Онъ взглянулъ влѣво и увидѣлъ вдали огоньки: красный и зеленый. Ясно что то были бортовые фонари парохода.

Тихая радость разлилась въ его душѣ. Не было даже вялости послѣ сильнаго потрясенія, какъ не было ни тревоги, ни потребности въ отдыхѣ.

Онъ спустился на ледъ къ рабочимъ.

— Сколько времени потребуется, чтобы прорубить ледъ до парохода?—спросилъ онъ.

— Раньше какъ къ полудню не управиться,—отвѣтили ему.

Томасъ Галль молча направился по льду къ пароходу.

— Берегитесь, господинъ,—крикнулъ ему одинъ изъ рабочихъ.—Дальше есть полыньи и трещины.

Онъ даже не оглянулся.

— Ну, ну! У этого, видно, невѣста на пароходѣ!—услышалъ онъ позади себя шутливое замѣчаніе рабочаго. Другіе засмѣялись.

Неторопливо, но не останавливаясь шелъ Томасъ Галль прямо къ зеленому огоньку. Онъ шелъ безъ опредѣленной цѣли: онъ просто чувствовалъ непреодолимую потребность быть ближе къ пароходу.

Вотъ огонекъ приблизился. Вотъ ужъ онъ превратился въ ясно обрисовавшійся круглый фонарь съ рефлекторомъ позади огня за зеленымъ стекломъ. На рефлекторѣ пошли точно темные круги и пятна. Очевидно, до парохода оставалось уже недалеко.

Томасъ Галль остановился и оглянулся назадъ. Сзади мракъ точно сомкнулся за нимъ въ сплошную черную стѣну. Не видно было ни города, ни пристаней, ни рабочихъ на льду. Не видно было даже

откуда онъ вышелъ, и если бы онъ пошелъ назадъ, то врядъ ли нашелъ бы теперь тотъ же путь, которымъ счастливо прошелъ такъ далеко.

Но ему и не хотѣлось идти назадъ. Онъ отлично сознавалъ грозившія ему опасности. Его воображеніе рисовало ему, какъ онъ незамѣтно приблизится въ потьмахъ къ какой-нибудь полыньи, какъ тонкій ледъ вдругъ обрушится подъ нимъ и онъ очутится подъ водой прежде, чѣмъ успѣетъ что-нибудь сообразить. При мысли объ этомъ мурашки пробѣгали по его спинѣ. Но онъ не могъ не идти впередъ! Его путь пролегалъ прямо къ зеленому фонарю, сколько бы смерть ни подстерегала его впереди.

Осторожно, но твердой стопой продолжалъ онъ подвигаться впередъ по тонкому льду, который слегка трещалъ подъ нимъ. Теперь уже выдѣлялся на горизонтѣ темный корпусъ парохода. Видны были освѣщенныя окна рубки. Слышенъ былъ шумъ борьбы чернаго чудовища со льдомъ. Вотъ загудѣлъ винтъ машины, пущенной полнымъ ходомъ; вотъ пароходъ съ трескомъ, грохотомъ и скрежетомъ врѣзался въ ледъ, пробивая себѣ путь грудью. Но вотъ опять все утихало: пароходъ застревалъ во льду, и машину останавливали, чтобы свайками сдвинуть судно назадъ.

Томасъ Галль опять остановился. Теперь пароходъ былъ уже въ какой-нибудь сотнѣ саженей. Онъ слышалъ, какъ ледъ трещалъ далеко отъ парохода: видно, длинныя трещины разбѣгались во всѣ стороны.

Его охватилъ ужасъ. Пароходъ, точно какое то чудовище, рвался прямо къ нему и неминуемо долженъ былъ потопить его. Онъ попытался уйти въ сторону; но черезъ минуту онъ снова оказывался на пути парохода, который все приближался. Вотъ уже ледъ задрожалъ подъ его ногами. Вотъ раздался точно пушечный выстрѣлъ: ледъ треснулъ, и трещина пробѣжала прямо возлѣ его ногъ. Томасъ Галль отскочилъ и одно мгновеніе хотѣлъ бѣжать. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ опомнился. Все равно, своей судьбы не миновать! Да и ясно было, что теперь оставалось только достичь парохода — другого спасенія не было.

Рѣшительными шагами онъ опять направился къ пароходу. Онъ былъ крайне впечатлителенъ и нервенъ, но онъ не былъ трусомъ. Теперь, когда опасность заставляла его подчиняться только разсудку, онъ быстро овладѣлъ собою и сдѣлался хладнокровенъ. И его даже охватило бодрое чувство отваги: тѣмъ лучше, если опасность велика! — тѣмъ отраднѣе было достичь цѣли!

Цѣли? Но какова была его цѣль? Имѣть удовольствіе нѣсколькими часами раньше ступить на палубу, подъ которой она, конечно, мирно спала въ своей каютѣ? Нѣтъ! Ему казалось, что это было не то. Не было времени обдумать, какимъ образомъ, но ему ясно чувствовалось, что счастье всей его жизни зависѣло отъ того, достигнетъ ли онъ теперь парохода, или нѣтъ.

Осторожно сталъ онъ приближаться къ пароходу. Судно уже поравнялось съ нимъ и онъ видѣлъ весь рядъ освѣщенныхъ оконъ сбоку. Цѣлыя четверть часа онъ приближался, искусно перепрыгивая черезъ трещины и перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, онъ очутился возлѣ самаго парохода какъ разъ, когда тотъ снова засѣлъ во льду и машина опять была остановлена.

— Киньте ко мнѣ сюда канатъ! — крикнулъ онъ.

Его услышали. На пароходѣ произошло движеніе. Вскорѣ что-то просвистало въ воздухѣ недалеко отъ него, и чалка упала возлѣ его ногъ. Онъ тотчасъ же схватилъ ее, притянулъ къ себѣ канатъ и сейчасъ же почувствовалъ, что его тянутъ вмѣстѣ съ канатомъ къ пароходу. Быстро переступая съ льдины на льдину, онъ очутился, наконецъ, у самаго судна, былъ вытянутъ вверхъ и почувствовалъ подъ ногами палубу.

— Этого пассажира откуда намъ Богъ послалъ?—спросилъ, очевидно, капитанъ.

— Я съ берега, — отвѣтилъ Томасъ Галль.—Скажите, госпожа Хегреусъ на пароходѣ?

— Да,—послышался голосъ сверху, съ капитанскаго мостика.

Онъ поднялъ голову. На мостикѣ,

ухватясь за перила и сильно склонившись впередъ, стояла сама Гедвига. Свѣтъ отъ фонаря на мачтѣ освѣщалъ ее, и видно было, съ какимъ напряженіемъ она всматривалась въ потемки; но на палубѣ было слишкомъ темно, и она не могла его разглядѣть.

Его первымъ побужденіемъ было броситься къ ней и заключить ее въ свои объятія. Но, къ счастью для него, онъ на что-то наткнулся и это задержало его, а въ слѣдующее мгновеніе онъ уже опомнился. Онъ сдержанно пошелъ къ лѣсенкѣ, взобрался на мостикъ и подошелъ къ ней.

Но ей не было времени опомниться. Она узнала его только на мостикѣ, при свѣтѣ фонаря. Увидѣвъ его, она вздрогнула, точно передъ нею появилось привидѣніе, и отшатнулась назадъ къ самой стѣнкѣ рубки штурвальнаго. Тамъ она остановилась, судорожно ухватившись одной рукой за мѣдную рѣшетку, прижимая другую руку къ груди.

— Вы? Вы... здѣсь?.. Какъ вы попали? — проговорила она, съ трудомъ справляясь со своимъ волненіемъ. Но это же волненіе придало ея голосу странный звукъ, въ которомъ Томасу Галлю послышалась ледяная холодность.

— Я пришелъ по льду, — сказалъ онъ, раскланиваясь съ холодной вѣжливостью.—Я прибылъ въ городъ, чтобы встрѣтить васъ...

Она овладѣла собою, слыша его спокойный голосъ. Напряженное выраженіе исчезло въ ея лицѣ, и она привѣтливо протянула Томасу Галлю руку. Она не видѣла причины скрывать радости, которую доставило ей появленіе Томаса на пароходѣ.

Они спустились въ рубку. Тамъ было мало свѣта: горѣла лишь одна лампочка. Въ полумракѣ, когда не приходится бояться за всякое движеніе своего лица и взгляда, люди бываютъ спокойнѣе и довѣрчивѣе; вотъ почему такъ полны волшебной силы задушевныя бесѣды лѣтней ночью безъ огня или у камелька, при свѣтѣ догорающихъ угольевъ.

Пароходъ снова пробивался во льдахъ. То и дѣло раздавался звонокъ, проведенный отъ капитанской рубки къ машинѣ и слышалась команда «впередъ» или «полный ходъ назадъ». А Гедвига и Томасъ Галль сидѣли рядомъ въ рубкѣ и разговаривали, не замѣчая, какъ пролетало время. Между ними не было произнесено ни единаго слова, котораго нельзя было бы сказать въ присутствіи постороннихъ; но оба они чувствовали, что въ этой бесѣдѣ о второстепенныхъ дѣлахъ они какъ бы отдавались другъ другу навсегда и краснорѣчиво объясняли взаимныя чувства. Въ душѣ обоихъ было какое-то многозначущее затишье; оба были преувеличенно спокойны; оба сознавали, что свершилось нѣчто для нихъ неизгладимое, но оба чувствовали, что малѣйшимъ проявленіемъ волненія они могли только затемнить нѣмое объясненіе, и оба владѣли собою.

Онъ разсказывалъ обо всемъ, что случилось въ Бьерне за время ея отсутствія. Дѣловыя сообщенія онъ пересыпалъ описаніями своихъ впечатлѣній сѣвернаго лѣта и своихъ поѣздокъ въ горы, изъ которыхъ сплавлялся лѣсъ. Она говорила о сестрѣ, о Густавѣ Кеслерѣ, о маленькой Тони, по прежнему влюбленной въ дядю Тома, о ихъ мальчикѣ, начинавшемъ уже ползать на коврахъ. Говоря объ ихъ счастливой семейной жизни, она понижала голосъ, который слегка дрожалъ.

Потомъ она разсказывала о видѣнномъ заграницей, о чужихъ странахъ, о городахъ, о солнцѣ, о цвѣтахъ — обо всемъ, что было такъ любопытно обитательницѣ холоднаго Норланда. Но, по ея словамъ, не всегда впечатлѣнія были отрадны.

— На скалѣ Тиберія, когда я поднялась полюбоваться моремъ,—это море, которое всегда изображается ярко синимъ, было сѣрое, какъ свинецъ. День былъ пасмурный, воздухъ тяжелый. Вѣроятно, это настроило меня печально, и я расплакалась... Это было уже въ октябрѣ. Все лѣто я провела подъ ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ и среди яркихъ, пестрыхъ красокъ. Теперь мнѣ вдругъ стало ясно, что я утомлена и свѣтомъ, и тепломъ, и красками. Сѣрое море напомнило мнѣ наше море. И меня потянуло назадъ, на сѣверъ, потянуло

такъ сильно, что я рѣшилась добраться домой хотя бы зимнимъ путемъ на саняхъ... И какъ я счастлива, что выполнила свое намѣреніе. Вы видите, я сплю на палубѣ даже по ночамъ: я не могу налюбоваться нашими льдами и нашимъ небомъ! Въ продолженіе всего этого плаванія я остаюсь въ этомъ легкомъ пальто, хотя теперь, говорятъ, градусовъ двадцать мороза, и мнѣ нравится ощущать морозъ, вдыхать въ себя морозный воздухъ.

— Вы бы все-таки поберегли себя,— замѣтилъ Томасъ Галль тревожно. — Послѣ южнаго тепла можно вѣдь сильно пострадать...

Она протестовала почти высокомѣрно.

— О нѣтъ! Я знаю свои силы! И кромѣ того, — она прижала руку къ груди,—я чувствую въ себѣ достаточно пыла, чтобы бороться съ морозомъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ восторгомъ, и въ глазахъ его загорѣлись огоньки. И въ немъ вѣдь было столько огня, что онъ едва справлялся съ этимъ пламенемъ. И вдругъ сердце его застучало, голова пошла кругомъ, и все его самообладаніе исчезло, какъ дымъ.

Онъ взялъ руку Гедвиги. Потомъ, когда ихъ взоры встрѣтились, согрѣтые тѣмъ же порывомъ чувства, онъ обвилъ ея станъ рукою и привлекъ ее къ себѣ.

Въ это время послышались шаги и раздался голосъ тети Виви.

— Гедвига! — звала она. — Гдѣ ты? Неужели ты уже встала?

Томасъ Галль отпрянулъ въ сторону и всталъ. Но тотчасъ же онъ устыдился своего испуга и взглянулъ на нее, желая еще разъ прочесть свое счастье въ ея взглядѣ. Она отвернулась смущенная, точно уличенная въ чемъ-то дурномъ... Онъ тотчасъ же остылъ, ему стало душно и холодно, точно какая-то ледяная рука сдавила ему горло и прижимала книзу...

О, онъ зналъ, что это означало! То была рука свѣта и свѣтскихъ условностей, разъединявшая ихъ опять! Она пугалась осужденія людей; она считала болѣе важной память мертваго, котораго никогда не любила, чѣмъ счастье свое и человѣка, котораго любила, которому только что отдавалась съ восторгомъ... Минуты очарованья прошли, какъ незамѣтно прошла эта ночь. На востокѣ уже свѣтало... На порогѣ рубки, точно олицетвореніе будничной жизни съ ея условностями, стояла тетя Виви въ мѣховомъ салопѣ и въ теплыхъ ботинкахъ.

— Съ добрымъ утромъ, Гедвига! Здравствуйте, инженеръ Галль!

Она привѣтствовала его любезно, даже ласково. Она, вѣроятно, уже знала о появленіи Томаса Галля на пароходѣ, такъ какъ не выказала ни малѣйшаго удивленія, точно было вполнѣ естественно, что онъ пришелъ имъ навстрѣчу, или точно было неумѣстно обсуждать необычайность его появленія.

Тотчасъ же и Гедвига настроилась «какъ подобало». Она привѣтствовала старушку столь же ласково, какъ и та. Не могло быть и рѣчи о томъ, что тетя появилась некстати.

Куда дѣвалось очарованіе ея взора? Только что ея лицо выражало могучее чувство. Теперь въ лицѣ не оставалось и тѣни чего-нибудь могучаго. Обычная и совершенно безцвѣтная улыбка, обычная условная любезность — все это было сѣро, какъ начинавшееся зимнее утро.

За глубокую скорбь, которая сжимала сердце впечатлительнаго Томаса Галля, онъ готовъ былъ возненавидѣть старую тетю Виви. Ему хотѣлось вывести ее вонъ изъ рубки, прогнать ее и замкнуть за нею дверь. Вмѣсто того, онъ долженъ былъ раскланяться съ нею, и скривить ротъ въ любезную улыбку, и держаться въ тѣни, чтобы не видно было выраженія его глазъ.

Старуха зябко куталась въ свой салопъ и жаловалась на холодъ. Изъ за мѣха видны были только ея умные глаза, окруженные многочисленными, но не глубокими морщинками.

— Такъ вотъ какъ! Вы уже за дѣловымъ разговоромъ!—говорила она, обращаясь къ обоимъ.—Можешь себѣ представить, Гедвига, какъ я удивилась, когда, проснувшись въ каютѣ, увидѣла, что тебя уже нѣтъ. Вѣдь и теперь еще рано... Ты давно встала?

— Да, мудрено спать среди всего

этого шума, — отвѣтила Гедвига уклончиво.

— А я выспалась отлично!

Старуха обернулась къ инженеру.

— Не можете ли хоть вы объяснить, когда мы пробьемся къ берегу?—спросила она.

— Полагаютъ, около полудня.

— Ну, это не Богъ вѣсть сколько...

Всѣ замолчали. Старушка видимо имѣла сказать Гедвигѣ что-то важное, но не знала, удобно ли было заговорить объ этомъ въ присутствіи гостя. Однако не вытерпѣла:

— Не пора ли пить кофе? — предложила она и въ глазахъ ея сверкнули настоящіе огоньки, — такъ ей хотѣлось горячаго кофе въ это холодное утро.

XVI.

Съ минуты появленія тети Виви Томасу Галлю уже не пришлось ни минуты оставаться съ Гедвигой наединѣ. Старуха всюду оказывалась между нимъ и молодою вдовою, неизмѣнно любезная, улыбающаяся, благожелательная, но неустранимая. Въ Бьерне она тотчасъ же приняла въ свои руки бразды правленія надъ господскимъ домомъ, и дѣла у нея было много. Тѣмъ не менѣе, кудабы ни направлялся Томасъ Галль, онъ встрѣчалъ ее на своемъ пути. Если же онъ шелъ къ хозяйкѣ, тетя Виви встрѣчалась ему на лѣстницѣ, какъ бы всецѣло занятая хлопотами по хозяйству; но когда онъ входилъ въ гостиную, она уже сидѣла тамъ улыбающаяся и любезная, перенесенная съ лѣстницы на гостиный диванъ точно по волшебству. День и ночь она была гдѣ-нибудь по близости Гедвиги, которую окружала величайшею заботливостью, но которую въ сущности стерегла, какъ тюремщица.

Томасъ Галль скоро возненавидѣлъ эту маленькую любезную старушку, какъ никогда не ненавидѣлъ злѣйшихъ своихъ враговъ, и началъ даже открыто высказывать ей свои чувства. Но это ни мало не поколебало ея, и она стала къ нему только еще любезнѣе.

Въ первые дни въ Бьерне онъ жестоко страдалъ отъ мукъ Тантала: онъ постоянно былъ вблизи Гедвиги, но, не могъ остаться съ нею наединѣ ни минуты. И это такъ волновало его, что онъ не могъ заниматься дѣлами и думать о чемъ-либо другомъ. Иногда ему начинало просто нездоровиться, такъ раздражали его постоянныя ухищренія тети Виви.

Потомъ острое чувство притупилось, и онъ сдѣлался разсудительнѣе. Стоило ли раздражаться и тосковать изъ за такихъ пустяковъ? Слѣдовало повести дѣло открыто, не обращая вниманія на старуху, такъ какъ чувства Гедвиги ему были извѣстны. Но оказывалось, что онъ самъ успѣлъ утратить значительную часть энергіи и точно самъ заразился робостью Гедвиги передъ окружающими ихъ людьми. Со дня на день онъ откладывалъ рѣшительное объясненіе и отъ этого становился только еще нерѣшительнѣе. Потомъ вернулись сомнѣнія: вѣдь, можетъ быть, сама Гедвига поощряла назойливость старухи, уклоняясь отъ объясненія! Въ концѣ концовъ, можетъ быть, даже не стоило торопиться съ объясненіемъ, которое могло только повести къ величайшему горю...

И вотъ однажды, раздумывая обо всемъ въ тиши своего уединеннаго флигелька, онъ вдругъ пришелъ къ заключенію, что совершенно не правъ относительно старушки и что ея вины тутъ положительно не было. Смѣшно было сваливать вину на бѣдную, зависимую старушку. Гедвига, одна Гедвига была виновата въ двуличности и въ недостойномъ отношеніи къ нему!

Мгновенно въ немъ совершился переворотъ: любовь была свергнута съ престола, и величайшее презрѣніе къ госпожѣ Гедвигѣ смѣнило эту любовь.

Какъ онъ могъ заблуждаться до такой степени? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ они были опять въ Бьерне ни однимъ взглядомъ, ни однимъ движеніемъ Гедвига не выказала, что помнитъ о случившемся между ними на пароходѣ. Для притворства, которое само по себѣ было бы отвратительно, этого было бы слишкомъ много! А онъ-то вооружался противъ старой тетки... Въ своемъ простодушіи онъ столько времени не могъ понять, что старуха просто-на-просто исполняла,

что ей было приказано. Гедвига какой была, такой и осталась. На одно мгновеніе въ тиши уединенной пароходной рубки она позволила себѣ поддаться чувству; но, разумѣется, тотчасъ же раскаялась въ этомъ и теперь заглаживала свой промахъ. Что она поступила нечестно по отношенію къ человѣку, дѣйствительно ее полюбившему, и что въ ея поступкахъ было величайшее двуличіе, это, очевидно, ее не заботило... Но такъ это ей не пройдетъ! Можетъ быть, ей еще придется убѣдиться, что на такой игрѣ съ чувствами порядочнаго человѣка можно обжечься... и очень больно!

Теперь онъ хотѣлъ поговорить съ нею, и это безъ отлагательства! Послѣ обѣда она имѣла обыкновеніе проводить время въ маленькой гостиной... Тамъ онъ и поговоритъ съ нею!

Онъ уже видѣлъ себя передъ нею. Въ его лицѣ нѣтъ притворства и взглядъ выражаетъ все, что онъ намѣренъ ей сказать. Она съ тревогой поглядываетъ на него; старуха тоже чуетъ грозу и притихла надъ своимъ вязаніемъ... Но вотъ у нея спицы выпали изъ рукъ, когда до нея доносится его голосъ, сдержанный и спокойный:

«Гедвига, я хотѣлъ бы переговорить съ тобою наединѣ!»

Да, именно такъ онъ заговоритъ!

Онъ порывисто вскочилъ съ своего кресла и побѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ прямо къ маленькой гостиной...

Онъ засталъ госпожу Гедвигу въ спокойномъ креслѣ передъ каминомъ. Она читала. Тетя Виви сидѣла спиной къ дверямъ. Видно во взглядѣ Томаса Галля дѣйствительно было что-нибудь особенное, потому что, увидѣвъ его, Гедвига вздрогнула и уронила книгу на колѣни. Она уставилась на инженера взглядомъ, полнымъ страха и тревоги...

Мгновенно въ немъ угасъ гнѣвъ. Все его природное великодушіе, все нѣжное, и безкорыстное, и возвышенное, что было въ его душѣ мгновенно поднялось въ немъ на защиту женщины. Глубокое уныніе смѣнило въ немъ гнѣвный порывъ, и не карать, а молить о пощадѣ ему захотѣлось Гедвигу. Но тутъ была тетя Виви, успѣвшая обернуться и съ удивленіемъ поглядывавшая на него...

Онъ растерянно оглянулся въ комнатѣ, стараясь придумать что-нибудь, чтобы оправдать свое внезапное появленіе.

— Простите,—пробормоталъ онъ.— Утромъ я, кажется, забылъ здѣсь свой угломѣръ...

Тотчасъ же тетя Виви поднялась и начала хлопотливо помогать ему въ поискахъ угломѣра, который нигдѣ не оказывался. Если она не повѣрила насчетъ угломѣра, то роль свою она разыгрывала отлично: заглядывала во всѣ углы и волновалась очень естественно. Гедвига не тронулась съ мѣста. По ея лицу онъ видѣлъ, что она поняла все, что слѣдовало. Поэтому онъ вдругъ прервалъ свои поиски и удалился такъ же порывисто, какъ пришелъ.

Зато едва онъ остался снова одинъ, какъ гнѣвъ поднялся въ немъ сильнѣе прежняго. Всю ночь онъ неподвижно и безъ сна пролежалъ на своемъ диванѣ: въ немъ происходила такая буря, что онъ точно замеръ, и наружныхъ проявленій уже не было. Его любовь, какъ беззащитную жертву въ лѣсу, рвали на части злыя, холодныя чувства; его великодушіе было теперь жалкимъ посмѣшищемъ; оскорбленная гордость требовала мести... Ему было ненавистно все, чему онъ недавно поклонялся.

Полгода передъ тѣмъ, переживая такую же душевную бурю послѣ ея отъѣзда, онъ нашелъ злорадное утѣшеніе въ выходкахъ противъ женщины вообще; но теперь и вспоминать объ этомъ не было силъ. Теперь онъ не могъ даже отрицать, что продолжаетъ любить эту женщину, несмотря на гнѣвъ и презрѣніе, несмотря на муки и жажду мести, несмотря ни на что!

Наконецъ, напряженіе исчезло, явилось изнеможеніе; сжигавшій его огонь погасъ; мозгъ отяжелѣлъ, точно обуглившійся и залитый водою кусокъ дерева. Не оставалось уже силъ даже для страданія.

Нѣкоторое время онъ продолжалъ лежать безъ единой мысли въ головѣ, ощущая только гадливое равнодушіе къ себѣ и ко всему. Потомъ онъ поднялся и по-

степенно вернулъ себѣ способность размышлять; но чувствъ уже точно не было. Передъ судомъ своего разсудка онъ вѣдь часто бывалъ жалкимъ, мечтательнымъ молокососомъ, а теперь онъ сознавалъ это лучше, чѣмъ когда-либо. Ничего на свѣтѣ не дается даромъ, сколько ни мечтай и ни терзайся; да и получить заслуженное частенько бываетъ мудрено... Надо силой брать, на что имѣешь право, или отступаться!

Что-то жесткое было въ немъ теперь. Никогда прежде въ немъ не бывало этой черты. Теперь его бы, пожалуй, и не удовлетворила простая побѣда надъ Гедвигой: ему нужно было ея униженіе передъ нимъ. Онъ продолжалъ думать, что любитъ ее; но думалъ объ этомъ холодно, трезво, точно о неправильно проигранной тяжбѣ, которую можно было еще возобновить и выиграть, если повести дѣло умно. Для начала надо относиться къ Гедвигѣ равнодушно; это разумнѣе всего да и лучше соотвѣтствуетъ теперешнимъ его чувствамъ. А потомъ видно будетъ!..

Такъ онъ и сталъ поступать. Вмѣсто того, чтобы по прежнему искать случая встрѣтиться съ нею наединѣ и точно издали молить ее о своемъ счастіи, онъ сталъ избѣгать ея. Когда же приходилось встрѣчаться съ нею, онъ началъ обращаться холодно, ограничиваясь дѣловыми объясненіями. Сначала это нисколько не огорчило ее; наоборотъ, она даже явно обрадовалась его сдержанности, стала относиться къ нему непринужденнѣе и повеселѣла. Но вскорѣ, замѣтивъ въ его отчужденіи что-то особенное, не похожее ни на сдержанность, ни на притворство, она встревожилась и въ ея взглядѣ стало все чаще и чаще появляться мучительное недоумѣніе. Онъ это отлично замѣтилъ, но ни малѣйшаго состраданія къ ней онъ не почувствовалъ; ея мученія даже доставили ему нѣкоторое удовольствіе.

Вскорѣ онъ понялъ, что она не въ силахъ бороться съ сомнѣніями и что теперь она сама готова сдѣлать первый шагъ. Но спѣшить онъ не видѣлъ надобности, потому что самъ оставался безстрастенъ и не хотѣлъ испортить всего новымъ промахомъ. Почемъ знать? Можетъ быть, опять она поддастся чувству лишь на мгновеніе, а потомъ снова испугается и пойдетъ вспять.

Теперь она стала часто принимать его наединѣ, и не разъ онъ встрѣчалъ ея вопрошающій взглядъ, какъ бы требовавшій отъ него объясненія. Были дни, когда и къ нему возвращалось страстное чувство, побуждавшее его бросить всѣ разсчеты и нѣжно привлечь ее въ свои объятія. Но что-то удерживало его, и всякій разъ, преодолѣвая порывъ чувства, онъ уходилъ отъ нея, по прежнему, холодный и недоступный. Она провожала его долгимъ печальнымъ взглядомъ, въ которомъ было столько же тоски, какъ и недоумѣнія.

Такъ наступили святки. Немного оставалось и до окончанія годового траура по егермейстеру. Томасъ Галль началъ подозрѣвать, что съ трауромъ исчезнутъ всякія препятствія къ его браку съ Гедвигой. Но это не разсѣяло въ немъ горечи. Ему было ненавистно все, что было въ ея глазахъ важнѣе ея чувства къ нему; а память о покойномъ егермейстерѣ, изъ-за которой онъ столько выстрадалъ, была ему особенно ненавистна. Нѣтъ, онъ не позволитъ свѣтскимъ условностямъ располагать его судьбою и указывать ему время, когда онъ вправѣ взять свое счастіе! Этого не допускаетъ его поруганная гордость. Онъ самъ назначитъ время, когда возьметъ ее или вовсе не возьметъ, сколько бы она ни недоумѣвала.

Жесткое настроеніе не покидало Томаса Галля, и всѣ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, испытывали это на себѣ. Онъ сталъ сухъ въ своемъ обращеніи и сдѣлался еще взыскательнѣе прежняго. Недовольство подчиненныхъ усилилось. Рабочіе роптали. Но онъ остался къ этому равнодушенъ. Въ его мозгу никогда не могло ужиться больше одной идеи и теперь онъ не понималъ даже претензій рабочихъ. Какое имъ было дѣло до его чувствъ? Они должны были исполнять свои обязанности, какъ онъ исполнялъ свои, а больше имъ и дѣлить было нечего.

Зато на счетъ его непопулярности

возрастала популярность инженера Вестлинга, и стали доходить слухи, что тотъ открыто подговариваетъ рабочихъ требовать увольненія придирчиваго начальника. Томасъ Галль и этимъ не обезпокоился: онъ сталъ только еще круче обращаться съ подчиненными, желая имъ показать, что не боится ихъ угрозъ, такъ какъ требуетъ только того же, что всегда выполнялъ самъ, то-есть, точнаго исполненія принятыхъ на себя обязанностей.

Наступилъ день открытаго возмущенія. Полагая дѣло достаточно подготовленнымъ и вызывая предлогъ для открытаго разрыва, инженеръ Вестлингъ самовольно ввелъ новый порядокъ въ распредѣленіи работъ, а когда Томасъ Галль отказался утвердить этотъ порядокъ и потребовалъ возвращенія къ старому, Вестлингъ объявилъ, что этого не сдѣлаетъ.

Сразу дѣло приняло грозный оборотъ. Они стояли одинъ противъ другого, одинаково неуступчивые, одинаково озлобленные; ихъ глаза горѣли, руки сжимались въ кулаки... Томасъ Галль первый опомнился.

— Ну-съ, я вижу только, что мы не можемъ служить вмѣстѣ,—сказалъ онъ, овладѣвая собою. — Вы можете считать себя уволеннымъ.

— По контракту, вы должны меня предупредить за три мѣсяца до увольненія, — замѣтилъ Вестлингъ, тоже внезапно успокоиваясь.

— Можете получить неустойку и ѣхать хоть сейчасъ.

— Благодарю васъ! Я предпочитаю остаться мои три мѣсяца полностью. И я позабочусь, чтобы за это время вы пожалѣли о своихъ выходкахъ.

Вестлингъ былъ блѣденъ отъ злобы и въ его свѣтлыхъ глазахъ было что-то страшное. Но Томасъ Галль отнесся къ угрозѣ съ презрѣніемъ и больше уже не выходилъ изъ своего ледяного спокойствія. Внутренно онъ не былъ спокоенъ: онъ отлично понималъ, что рабочіе такъ или иначе вступятся за своего любимца. Но показывать, что онъ этого боялся, ему не было никакой охоты.

Надо было принять быстрыя предупредительныя мѣры. Какъ разъ находился въ городѣ молодой инженеръ, котораго Томасъ Галль зналъ, и который былъ не прочь принять должность начальника рабочихъ. Лучше всего было на слѣдующій же день съѣздить въ городъ и привезти этого инженера.

На бѣду, слѣдующій день былъ канунъ Рождества.

Сочельникъ! Вѣдь это былъ день общаго примиренія... Въ господскомъ домѣ предполагалось устроить большую ёлку и раздать при свѣтѣ ея свѣчей подарки всѣмъ служащимъ... При этой мысли Томасу Галлю вдругъ сдѣлалось ужасно тяжело на сердцѣ. Неужели, хоть въ этотъ вечеръ, ему нельзя отложить всякую вражду и всякое зло? Неужели нельзя было хоть разъ въ году укрыться гдѣ-нибудь отъ этой непрерывной борьбы? Вѣдь, въ сущности, онъ былъ ужасно одинокъ, и никто не желалъ ему добра. Оттого эта вѣчная борьба со всѣми...

Гедвига?

Нѣтъ и съ нею вѣдь онъ боролся...

Горечь его возрасла, когда онъ подумалъ, сколько счастія могло принести ему нынѣшнее Рождество... А теперь предстояло только притворство... Съ ея стороны ухищренія, притворныя чувства, комедія! Съ его стороны—странная любовь, пропитанная негодованіемъ и жаждой мести...

Стало быть, пусть такъ и будетъ! Онъ поѣдетъ въ городъ—такъ будетъ даже лучше. По крайней мѣрѣ хоть не будетъ притворства... И кто знаетъ? можетъ быть, она пожалѣетъ, что его нѣтъ возлѣ нея въ такой вечеръ... можетъ быть, это и вернетъ ихъ къ простымъ, человѣческимъ отношеніямъ.

Эта мысль укрѣпила его въ принятомъ рѣшеніи.

Въ тотъ же вечеръ онъ явился предупредить хозяйку, что на слѣдующее утро долженъ уѣхать въ городъ. Онъ сообщилъ это спокойно, даже небрежно, какъ нѣчто, не имѣющее значенія. Онъ не хотѣлъ посвящать ее въ свои опасенія на счетъ настроенія рабочихъ; что же касалось инженера Вестлинга, то она давно уже знала о недовольствѣ имъ Томаса Галля и предоставила поступать по собственному усмотрѣнію.

— Вы останетесь въ городѣ и на праздникахъ? — спросила она печально.

Вовсе не таково было его намѣреніе. Но, увидѣвъ въ ея лицѣ выраженіе печали, онъ не устоялъ противъ соблазна усилить въ ней это чувство.

— Да, вѣроятно, останусь!—сказалъ онъ дѣловымъ тономъ.

— У васъ... неотложныя дѣла?

Она сдѣлала этотъ вопросъ слегка дрожащимъ голосомъ. Кружевная косынка на ея груди быстро поднималась и опускалась; губы вздрагивали.

— Я отставилъ инженера Вестлинга, — не перемѣняя тона, началъ свое объясненіе Томасъ Галль.—Теперь я принужденъ поскорѣе найти ему замѣстителя, чтобы предупредить безпорядокъ. И признаюсь, я уѣзжаю охотно: мнѣ давно уже пора подышать инымъ воздухомъ...

— Неужели здѣшній воздухъ вамъ вреденъ, инженеръ Галль?—спросила тетя Виви, кинувъ ему укоризненный взглядъ, но тотчасъ же опять склоняясь надъ работой.

Онъ обернулся къ ней и отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой:

— Повидимому, такъ! Я сдѣлался раздражителенъ и неспокоенъ.

— А мы-то надѣялись провести праздники въ вашемъ обществѣ! — тихо замѣтила Гедвига.—Мы здѣсь такъ одиноки...

— Въ самомъ дѣлѣ, мы ужасно одиноки! — вмѣшалась старуха, точно въ первый разъ узнала о ихъ одиночествѣ.— Положимъ... у насъ есть прислуга... и сторожъ, конечно... Но все-таки, что это значитъ, если случится что-нибудь?

— Будемъ надѣяться, ничего не случится! — возразилъ онъ съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ.—Впрочемъ, не хотите ли, чтобы инженеръ Вестлингъ занялъ мои комнаты, пока я въ отлучкѣ? Онъ такъ желаетъ хоть въ чемъ-нибудь вытѣснить и замѣнить меня, что навѣрное согласится съ радостью.

— Но вѣдь онъ женатъ! — необдуманно возразила старуха.—Я хочу сказать, не можетъ же онъ переѣхать въ ваши двѣ комнатки съ женой, и съ ребенкомъ, и со всѣмъ ихъ хозяйствомъ?..

Томасъ Галль засмѣялся.

— Да этого, полагаю, онъ не сдѣлаетъ!—сказалъ онъ.—Но онъ, вѣроятно, охотно примирится съ маленькими временными лишеніями въ надеждѣ показать госпожѣ Хегреусъ, насколько онъ лучше меня, и завоевать себѣ мое мѣсто въ Бьерне. И знаете, это не такъ-то безразсудно. Рабочіе были бы въ восхищеніи—у нихъ онъ большой любимецъ— а когда ему уже не надо будетъ интриговать противъ начальника, онъ, вѣроятно, поведетъ дѣло не хуже другого...

Дамы промолчали, и Томасъ Галль ушелъ.

Послѣ обѣда не успѣлъ онъ заняться укладкой своихъ вещей, какъ къ нему постучались. Дверь тихо открылась и на порогѣ появилась Гедвига.

Онъ сдѣлалъ ей шагъ навстрѣчу и остановился, не находя ни слова, настолько его удивило ея появленіе. Во всей ея фигурѣ было что-то робкое и жалкое. Она смотрѣла на него взглядомъ просительницы. Ея глаза были влажны. Она неровно дышала и видимо была крайне смущена своей выходкой, но все-таки вошла и заперла за собою дверь.

— Вы... дѣйствительно... ѣдете? — спросила она неровнымъ голосомъ.

— Да.

— Но... если бы я стала просить васъ... остаться?

Онъ поколебался. Въ ея влажныхъ глазахъ была несомнѣнная любовь; въ ея поступкѣ была несомнѣнная искренность... Кровь готова была хлынуть къ его сердцу и разомъ смыть всѣ эти новыя, навѣянныя чувства, которымъ онъ повиновался послѣднее время. Но вѣдь это уже бывало! И всякій разъ оно приводило лишь къ новымъ страданіямъ и новымъ униженіямъ!

Онъ остался холоденъ, и даже брови его сдвинулись.

— Въ такомъ случаѣ, я былъ бы принужденъ пожалѣть, что не могу исполнить всѣ ваши прихоти! — сказалъ онъ сухо.

— Вы называете прихотями то, что имѣетъ для меня такое глубокое значеніе!—вскричала она горестно.—Почему вы не хотите понимать меня?

*

— Потому что я человѣкъ и у меня есть человѣческое достоинство!—вырвалось у него рѣзко.

Онъ тотчасъ же пожалѣлъ объ этихъ словахъ. На нее они подѣйствовали, какъ незаслуженное оскорбленіе. Она сразу выпрямилась, въ глазахъ ея исчезла всякая робость и во всей фигурѣ появилось выраженіе гордой неприступности.

— Мы, женщины, тоже имѣемъ свое достоинство! — сказала она и повернулась, чтобы выйти.

Онъ послѣдовалъ за нею и, не зная, что сказать, проговорилъ нерѣшительно:

— Вамъ больше нечего мнѣ сказать?

Она обернулась.

— Какъ же, какъ же... у меня было къ вамъ дѣло!—сказала она.—Я хотѣла вамъ нѣчто довѣрить.

— Что?

— Свое женское достоинство, которымъ вы пренебрегаете!

Сказавъ это, она тотчасъ же вышла, даже не взглянувъ на него.

Онъ остался среди комнаты и долго смотрѣлъ на замкнувшую за нею дверь.

Такъ! Теперь все было кончено. Онъ самъ своими руками разрушилъ все, чего такъ долго добивался! Однимъ ласковымъ словомъ онъ могъ удержать ее, но не удержалъ; однимъ искреннимъ движеніемъ онъ могъ взять ее, но не взялъ. Теперь, вѣроятно, онъ самъ уничтожилъ всякую возможность сближенія...

Ему было жаль и ея, и себя, но онъ не раскаявался. Наоборотъ, ему казалось, что только теперь онъ занялъ положеніе, въ которомъ могъ думать о Гедвигѣ, не унижаясь и не впадая въ противорѣчія. Если же именно это и разъединяло ихъ, стало быть, союзъ ихъ былъ невозможенъ—вотъ и все. Уже по тому, что теперь онъ могъ думать о ней, какъ бывало прежде, безъ раздраженія и злобы, а только съ величайшей нѣжностью, показывало, что онъ поступилъ какъ должно.

Онъ сдѣлался очень печаленъ. Но печаль не имѣла въ себѣ ничего горькаго, какъ бывали прежнія страданія. Она даже была ему дорога.

Болѣе чѣмъ когда-либо онъ стоялъ на томъ, что долженъ уѣхать... пока еще временно... а затѣмъ... Что будетъ затѣмъ, это онъ еще обдумаетъ!

XVII.

На утро Томасъ Галль уѣхалъ въ городъ.

Десять дней, которые онъ провелъ затѣмъ въ городѣ, показались ему тюремнымъ заключеніемъ. Повидавшись съ инженеромъ и тотчасъ же отправивъ его въ Бьерне, онъ окончилъ единственное дѣло, которое имѣлъ въ городѣ, и затѣмъ ему дѣлать было нечего. Знакомыхъ навѣстить ему не хотѣлось; искать развлеченій—и подавно. Цѣлые дни онъ лежалъ въ своемъ гостиничномъ номерѣ, раздумывая о Гедвигѣ, и съ каждымъ днемъ его думы становились безотраднѣе.

Потомъ, когда эти десять дней миновали и онъ вернулся въ Бьерне, ему стало еще безотраднѣе. Принятъ онъ былъ вѣжливо и церемонно, точно совсѣмъ чужой человѣкъ. И самъ онъ не могъ поступать, какъ прежде. Все измѣнилось, точно прошло не десять дней, а цѣлые годы. Тети Виви нельзя было даже узнать, настолько измѣняла ее непривѣтливость, смѣнившая прежнюю суетливую любезность; да и Гедвига была неузнаваема: она похудѣла, и въ глазахъ ея исчезла всякая живость, но она была любезна и внимательна, даже слишкомъ любезна и внимательна, какъ въ первые дни ихъ знакомства...

Глубокая скорбь придавила его. Стало быть, дѣйствительно, все было погублено? Стоила ли его гордость счастія двухъ людей? Да и куда дѣвалась эта гордость теперь, когда изъ-за нея все рушилось? Теперь онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему и думать не хотѣлось о своемъ собственномъ достоинствѣ! Но вѣдь мольбами и смиреніемъ нельзя вернуть любви! Стало быть, и молить никого ни о чемъ не стоило.

Ему всюду казалось холодно. Онъ вспоминалъ недавнее время, когда сердился на старую тетю Виви и терзался всякими сомнѣніями: то было завидное время въ сравненіи съ теперешнимъ! Тогда нужны были Гедвигѣ попеченія своей охранительницы... Теперь ей этого не требовалось...

Миноваль и трауръ, а охлажденіе Гедвиги только усилилось. Въ день годовщины смерти своего мужа, она заперлась въ своей комнатѣ, а затѣмъ стала церемоннѣе и недоступнѣе прежняго.

Впрочемъ, Томасъ Галль уже не впадалъ въ отчаяніе и не терзался отъ всякаго новаго доказательства своего несчастія. Болѣзнь становится хронической, когда тѣло человѣка настолько къ ней привыкаетъ, что перестаетъ бороться; то же самое бываетъ съ страданіями нравственными, когда душа выбьется изъ силъ въ борьбѣ съ ними. Его горе сдѣлалось неотступнымъ, но потеряло свою остроту, и онъ привыкъ къ нерадостнымъ мыслямъ. Это уже не мѣшало ему ни въ дѣлахъ, ни въ работѣ и мало проявлялось наружно, какъ хроническая боль. Всѣ находили даже, что онъ опять сталъ спокоенъ и гораздо ровнѣе въ своемъ обращеніи съ людьми.

Отъѣздъ инженера Вестлинга былъ назначенъ въ ближайшій понедѣльникъ. Томасъ Галль зналъ, что въ послѣднее время этотъ господинъ неоднократно собиралъ у себя самыхъ вліятельныхъ вожаковъ изъ рабочихъ и, очевидно, готовилъ что-то на прощаніе. Въ субботу новый начальникъ рабочихъ даже сообщилъ, что между ними замѣтно сильное движеніе и что откуда-то имъ доставлено большое количество водки. Можно было ожидать безпорядковъ, и Томасу Галлю лучше было не являться въ контору вечеромъ, когда предполагалась обычная недѣльная выплата заработковъ.

Томасъ Галль не послушался этого совѣта и въ обычное время явился въ контору. Изъ окна онъ видѣлъ, что получавшіе свои заработанныя деньги рабочіе не уходили домой, а оставались на заводскомъ дворѣ.

Когда Томасъ Галль вышелъ изъ конторы, толпа загородила ему дорогу. Но онъ пошелъ прямо на толпу спокойнымъ, ровнымъ шагомъ, и люди передъ нимъ разступились.

Полчаса позже онъ услышалъ изъ своей квартиры шумъ на большой аллеѣ: то приближалась къ господскому дому толпа рабочихъ. Онъ вышелъ на главный подъѣздъ, чтобы встрѣтить толпу и остановился на террасѣ.

— Что вамъ надо? — спросилъ онъ, когда толпа приблизилась.

— Хотимъ говорить съ хозяйкой! — раздались отдѣльные голоса.

— Госпожа Хегреусъ не станетъ съ вами говорить иначе, какъ черезъ меня.

— А мы хотимъ ее, а не тебя! — крикнулъ одинъ изъ передовыхъ въ толпѣ.

Томасъ Галль оглядѣлъ толпу. Онъ чувствовалъ, что сотни глазъ смотрятъ на него и что во взглядахъ должна быть злоба и угроза.

Ну что же, онъ поговоритъ съ ними! Приходилось ему не разъ возбуждать толпу; можетъ быть, онъ съумѣетъ тѣми же средствами убѣжденія успокоить эту. Во всякомъ случаѣ, это его долгъ!

Онъ возвысилъ голосъ и строго, но спокойно сказалъ:

— Я приказываю вамъ разойтись! Слышите?

Его прервали громкіе крики негодованія и злобы.

— Чего онъ тутъ стоитъ и морочитъ насъ? — кричалъ одинъ, повидимому, предводитель.

— Не съ тобой, а съ хозяйкой мы хотимъ говорить! — кричалъ другой.

Томасъ Галль разсердился.

Онъ быстро сошелъ съ лѣстницы, прямо подошелъ къ главному вожаку и, схвативъ его за грудь, крикнулъ:

— Пошелъ домой!

— Не пойду...

Вожакъ былъ великанъ ростомъ; Томасъ Галль приходился ему всего по плечо.

— Я вашъ начальникъ. Такъ ли? — кричалъ Томасъ Галль. — Такъ ко мнѣ и обращайтесь, а отсюда уходите прочь!

Но вотъ выступилъ впередъ человѣкъ, которому захотѣлось нанести первый ударъ. Онъ остановился передъ управляющимъ и поднялъ руку, намѣреваясь ударить инженера по лицу. Но въ это время онъ увидѣлъ передъ собою госпожу Хегреусъ, и рука его опустилась.

Гедвига уже нѣкоторое время стояла на крыльцѣ, но ея не замѣчали. Теперь она поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы.

Передъ нею рабочіе почтительно разступились. Многіе сняли шапки.

— Мы просимъ, чтобы намъ оставили инженера Вестлинга, сударыня! — обратился къ ней вожакъ, медленнымъ движеніемъ руки снимая шапку.

Гедвига посмотрѣла на него безстрашно. Лицо ея, какъ всегда, было спокойно. Только по колебаніямъ груди можно было замѣтить ея волненіе; но оно не отражалось даже на ея голосѣ.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ,—отвѣтила она равнодушно.—Инженеръ Галль вашъ начальникъ. Его вы можете просить и ему должны повиноваться.

Великанъ растерянно поглядѣлъ вокругъ себя, потомъ вдругъ палъ духомъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь. Тотчасъ же и другіе тоже начали расходиться.

Площадка передъ господскимъ домомъ опустѣла.

Томасъ Галль долго еще стоялъ у крыльца, провожая глазами удалявшихся рабочихъ и съ горечью соображая, что этой бури онъ не могъ побороть безъ содѣйствія женщины!

Когда онъ обернулся, ея уже не было на террасѣ. Онъ былъ радъ этому. Она ему оказала крупную услугу, очень можетъ быть, спасла ему жизнь... Но что было въ этомъ хорошаго? Она опять являлась передъ нимъ во всеоружіи своего богатства и виднаго общественнаго положенія, а вѣдь только это и разъединяло ихъ. Онъ бѣденъ, онъ невоспитанъ, онъ такой незначительный человѣкъ... Никогда имъ не сойтись! Никогда ей не забыть его ничтожество, а ему не примириться съ ея богатствомъ! Безумно было отдавать ей свою любовь: она существо другого міра...

А вѣдь все-таки... все-таки она побывала въ его объятіяхъ...

Что же, это должно было остаться въ его воспоминаніяхъ, какъ красивая мечта! Да и было ли это? Не вообразилъ ли онъ все сначала до конца, какъ въ бреду? Теперь онъ былъ такъ утомленъ, что ему было не по силамъ все опредѣленное, даже въ воспоминаніяхъ. Его душа, измученная страстными порывами, требовала отдыха, успокоенія въ неопредѣленныхъ сумеркахъ, среди которыхъ все сѣро, неясно и безразлично.

Онъ такъ и не поблагодарилъ Гедвиги, хотя допускалъ въ душѣ, что она спасла ему жизнь, а рабочихъ отъ большой бѣды. Не стоило!..

Въ понедѣльникъ состоялся, наконецъ, отъѣздъ инженера Вестлинга изъ Бьерне. Рабочіе уже не нарушали порядка; на заводѣ все шло обычнымъ ходомъ, какъ всегда. Томасъ Галль замѣтилъ только, что всѣ точно избѣгали встрѣчаться съ нимъ взглядомъ и отворачивались отъ него. Это его мучило. Онъ сердился на этихъ людей за ихъ несправедливости къ нему, но не могъ примириться съ ихъ презрѣніемъ, потому что на ихъ сторонѣ были всѣ его природныя чувства и склонности.

Ну, насильно милъ не будешь! А жить со всѣми въ постоянной враждѣ было ему не по силамъ! Стало быть, теперь пора было покончить съ этимъ и удалиться прочь отсюда. Ему нуженъ былъ только покой; онъ весь былъ разбитъ и измученъ... Да и слѣдовало это сдѣлать для другихъ! Никому онъ здѣсь не нуженъ, ни рабочимъ, ни хозяйкѣ... Богъ съ ними! Да и придетъ день, когда Гедвига отдастъ другому чувство, котораго онъ не съумѣлъ въ ней возбудить. Къ тому времени хорошо было бы быть далеко, очень далеко отсюда.

Онъ прождалъ еще недѣлю, чтобы не поступить необдуманно. Когда за это время его намѣреніе только укрѣпилось, онъ приступилъ къ дѣлу: прежде всего надо было заявить о своемъ рѣшеніи хозяйкѣ.

Поднимаясь по лѣстницѣ къ ея комнатамъ, онъ почувствовалъ сильное сердцебіеніе. Ну, это вѣдь было понятно...

Въ это утреннее время онъ не имѣлъ обыкновенія являться къ хозяйкѣ. Онъ нарочно выбралъ неурочное время, чтобы показать, что является по чисто личному дѣлу. Онъ даже позвонилъ, хотя дверь была не заперта, и послалъ лакея доложить о себѣ.

Тотъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Спросите барыню, можетъ ли она меня принять,—пояснилъ инженеръ.

Лакей ушелъ и черезъ минуту вернулся сказать, что барыня въ гостиной и проситъ войти.

Томасъ Галль медленно направился къ гостиной черезъ залу.

Гедвига что то писала у маленькаго столика. Увидѣвъ входившаго инженера, она отложила перо и обернула къ нему улыбающееся лицо.

— Вы съ настоящимъ визитомъ ко мнѣ?—сказала она шутливо. — Я какъ разъ пишу сестрѣ... Поклониться отъ васъ?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Въ этотъ день она была особенно хороша: цвѣтъ лица былъ опять свѣжій; въ глазахъ была живость. Она даже казалась веселой и довольной, какъ до несчастій.

Можетъ быть, и ей надоѣла борьба противъ собственныхъ чувствъ и только въ угоду свѣту? Во всякомъ случаѣ она отнеслась къ Томасу Галлю совсѣмъ не такъ, какъ во все послѣднее время: въ ней было что-то непринужденное, сердечное, и она поглядывала на него такимъ взглядомъ, точно хотѣла сказать: Не довольно ли мы сдѣлали себѣ зла? Не махнуть ли рукой на все постороннее и не отдаться ли счастію просто, по человѣчески?

А что онъ пришелъ ей сказать? Что онъ уѣзжаетъ! Что имъ надо разстаться! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ долженъ еще подумать... онъ ни за что не рѣшится это сказать...

Между тѣмъ она заговорила, продолжая улыбаться.

— Сколько могу припомнить, это вашъ первый визитъ лично ко мнѣ!—сказала она.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ, не понимая, что она хочетъ сказать.

— Конечно! Вы бывали по дѣламъ и по приглашенію... Но зайти ко мнѣ просто, по собственному желанію и безъ всякаго предлога, вамъ никогда не приходило прежде въ голову. Можетъ быть, и теперь... Но такъ какъ вы велѣли о себѣ доложить, я принимаю ваше посѣщеніе лично себѣ. Согласны?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ любовью; сердце его сжалось отъ страданія. Но его точно толкала какая-то посторонняя сила, и онъ проговорилъ какъ разъ то, что только что рѣшился не говорить.

— Видите-ли... и теперь у меня есть къ вамъ дѣло... неотложное дѣло!—началъ онъ.

— И теперь? Ну, дѣлать нечего!.. Говорите, въ чемъ оно заключается?—спросила она весело.

Ея веселость мучила его. Самъ онъ едва стоялъ на ногахъ, такъ у него кружилась отъ горя голова.

— Я пришелъ отказаться отъ своего мѣста!—пробормоталъ онъ тихо.

Она поблѣднѣла; лобъ ея сморщился отъ усилія понять его слова.

— Отказаться?.. Что вы хотите сказать?—спросила она въ недоумѣніи.

— Я не ужился съ здѣшними рабочими. Я много думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что долженъ уѣхать. Вообще, я не съумѣлъ себя здѣсь поставить, какъ слѣдовало, и оттого надѣлалъ только зло... неумышленно, но все-таки зло... при томъ во многихъ отношеніяхъ...

Она искренно силилась понять, что онъ говорилъ, но не понимала ни слова. Вдругъ она поднялась, схватилась рукою за лифъ, точно онъ давилъ ее, и спросила прерывистымъ голосомъ:

— Вы... вы хотите сказать, что бросаете меня... и дѣло... и все здѣсь?..

— Я убѣдился, что это необходимо. Найти мнѣ преемника, полагаю, будетъ не трудно.

— Когда... вы предполагаете уѣхать?

— Какъ только будетъ возможно: полагаю, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Разумѣется, я не уѣду до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ сюда новый управляющій... Можетъ быть, вы согласитесь написать инженеру Вибелю, котораго вѣдь вы хорошо знаете?

По выраженію ея лица нельзя было замѣтить, разслышала ли она его слова. Водворилось тягостное молчаніе. Ему казалось, что воздухъ въ комнатѣ постепенно исчезаетъ. Голова кружилась по прежнему; ничего онъ не могъ сообразить.

«Теперь надо идти! Теперь надо идти!»—твердилъ онъ себѣ. Только эти

три слова, равномѣрно, какъ постукиванье толчеи.

«Теперь надо идти!»

Онъ неловко поклонился и медленно, точно во снѣ, направился къ дверямъ.

Въ прихожей онъ остановился, чтобы собраться съ мыслями и передохнуть. Онъ все еще задыхался и у него было такое впечатлѣніе, точно онъ что-то забылъ, что-то спуталъ... Въ то же время ему казалось, что онъ не имѣетъ права оставаться здѣсь и точно подслушивать. Если бы кто-нибудь вошелъ, онъ смутился бы, какъ воръ, пойманный съ поличнымъ.

Но подслушивать было нечего: позади него, въ гостиной царила мертвая тишина; только изъ столовой доносилось позвякиванье посудой и серебромъ: тамъ, видно, накрывали къ завтраку. Онъ стоялъ и прислушивался.

Вдругъ онъ разслышалъ что-то, похожее на подавленный въ отдаленіи стонъ. Тотчасъ же, не обдумывая, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ открылъ только что запертую за собою дверь и вернулся въ гостиную... Тамъ никого уже не было. Нѣкоторое время онъ простоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ передъ Гедвигой, и пристально озирался по сторонамъ. Все было тихо, и онъ уже хотѣлъ снова уйти, когда снова разслышалъ изъ сосѣдней комнаты звукъ, котораго испугался въ прихожей. Это былъ протяжный, заглушенный стонъ, какой вырывается у человѣка, когда онъ изо всѣхъ силъ борется съ рыданіями и корчится отъ душевной боли...

Его зрачки расширились, сердце стало стучать рѣдкими, сильными ударами. И вдругъ горячее, сильное чувство поднялось въ немъ, какъ приливъ, смыло все, что оставалось въ немъ горечи, уязвленной гордости, нерѣшительности и недовѣрія вмѣстѣ съ разсудочной трусостью. Это могучее чувство сразу вернуло ему и силы, и энергію. Теперь это уже не былъ мечтатель: это былъ сильный человѣкъ, который зналъ, что надо было дѣлать, когда дѣло шло о счастіи двухъ жизней.

Твердыми, быстрыми шагами онъ прошелъ черезъ гостиную. Въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ уже въ маленькомъ будуарѣ, гдѣ она лежала на кушеткѣ, зарывъ лицо въ подушку, и вся содрогалась отъ мучительныхъ рыданій. Онъ склонился къ ней, обвилъ ее рукою, опустился рядомъ съ нею на колѣни и привлекъ ее къ себѣ.

— Гедвига!

Она обернулась, но не могла говорить. Слезы катились изъ ея потемнѣвшихъ глазъ. Онъ заглянулъ въ эти прекрасные глаза и видѣлъ, какъ въ нихъ опять загорѣлись жизнь и радость.

— Гедвига!

Какъ смѣлъ онъ сомнѣваться въ ея любви! Развѣ онъ не видѣлъ, какъ она боролась съ этимъ чувствомъ, какъ оно устояло въ борьбѣ, и какъ она не въ силахъ была даже сожалѣть о своемъ пораженіи!

— Ты? Ты? Ты вернулся?— вырвалось теперь у нея, и снова она разразилась слезами.

Онъ прижималъ ее къ своей груди, но не утѣшалъ: онъ чувствовалъ, что теперь это были у нея хорошія, отрадныя слезы, отъ переполненнаго сердца. Она заливала слезами все, что оставалось позади тяжелаго и мучительнаго, какъ бы лишь для того, чтобы не оставалось ни одной невыплаканной слезинки ко времени наступавшаго счастія.

Онъ цѣловалъ и ласкалъ ее. Онъ чувствовалъ, какъ она вздрагивала отъ плача, и только крѣпче прижималъ ее къ груди.

Но вотъ она подняла голову. Слезы еще катились изъ ея глазъ, но она улыбалась.

— Прости меня!—пробормотала она.— Это только отъ радости!

И снова она спрятала лицо у него на груди.

Онъ проводилъ ласкающей рукой по ея темнымъ волосамъ.

— Королева полночныхъ странъ въ моихъ мечтахъ! Моя единственная любовь!—шепталъ онъ.

Она опять подняла голову.

— И это правда? Это на яву?—спросила она.

Онъ отвѣчалъ только поцѣлуями. Но ей и не нужно было словъ.

ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА.

МОРИЦА ФАРМАНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ И ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. АГАФОНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Воздухъ и его составъ. — Цвѣтъ атмосферы. — Ея предѣлы.

Съ самаго момента образованія земли, окружавшая ее, въ началѣ чрезвычайно обширная, густая и тяжелая атмосфера, мало-по-малу, по мѣрѣ охлажденія нашей планеты, очищалась отъ постороннихъ элементовъ, уменьшалась въ плотности и толщинѣ.

Въ первые періоды жизни, особенно до появленія крупныхъ млекопитающихъ, земля, еще сама горячая и нагрѣваемая огромнымъ солнцемъ, имѣла температуру, близкую къ точкѣ кипѣнія воды. Вода на ея поверхности почти мгновенно испарялась, и водяные пары, поднявшись на извѣстную высоту, сгущались вслѣдствіе охлажденія и падали оттуда цѣлыми потоками дождя. Это былъ періодъ образованія, когда жизнь только еще зарождалась на землѣ, или, вѣрнѣе, подъ водою, въ глубинахъ моря, укрывшись тамъ отъ грозныхъ стихій, бушевавшихъ на его поверхности.

Медленно, изъ вѣка въ вѣкъ, совершалась колоссальная работа: земля охлаждалась, солнце уплотнялось и атмосфера, уступая часть своего состава водѣ, почвѣ и растеніямъ, съуживала свои предѣлы и постепенно подготовляла такимъ образомъ условія, необходимыя для жизни различныхъ организмовъ.

Изученіе этой воздушной оболочки земли мы и избрали предметомъ нашего труда. Безъ воздуха ничто не могло бы жить не только на поверхности земли, но и въ глубинѣ океана. Такъ, опытъ показалъ, что, если помѣстить живыхъ рыбъ въ сосудъ съ водою подъ колоколъ пневматической машины и выкачать оттуда воздухъ, то по истеченіи болѣе или менѣе краткаго промежутка времени, смотря по количеству взятой воды, рыбы обнаруживаютъ явные признаки удушенія.

Прежде всего нужно указать на то, что занимаемое людьми положеніе весьма неудобно для изученія атмосферы и, особенно, для наблюденія и пониманія явленій, происходящихъ на ея поверхности. Мы находимся на днѣ воздушнаго океана и въ совершенно такихъ же условіяхъ, въ какихъ очутились бы, если бы, спустившись на дно моря, вздумали оттуда изучать его волны и совершающіяся на его поверхности явленія.

Въ атмосферѣ берутъ начало всевозможныя явленія: безъ нея не могли бы существовать ни растенія, ни животныя. Въ самомъ дѣлѣ, все живое дышитъ или нуждается въ воздухѣ для своего питанія: животнымъ нуженъ кислородъ, растеніямъ, кромѣ него еще и углекислота. Растенія поглощаютъ изъ воздуха углекислоту при дневномъ свѣтѣ и выдѣляютъ ее ночью. Этимъ свойствомъ растеній очищать воздухъ отъ углекислоты и пользуются въ большихъ городахъ, гдѣ, вслѣдствіе

*

многочисленности населенія, въ воздухѣ скопляется очень много углекислоты,—разводятъ сады и усаживаютъ деревьями улицы.

Человѣкъ при каждомъ вдыханіи вводитъ въ свои легкія около трехъ литровъ воздуха, причемъ на поддержаніе жизни идетъ кислородъ, углекислота же выдѣляется съ выдыханіемъ въ окружающій воздухъ. Ясно, что въ городахъ, гдѣ на весьма ограниченномъ пространствѣ живутъ иногда милліоны людей, изъ которыхъ каждый дѣлаетъ отъ 10 до 15 дыханій въ минуту, въ воздухѣ можетъ скопиться значительное количество углекислоты.

Но, кромѣ жизненныхъ явленій, мы наблюдаемъ въ атмосферѣ дождь, снѣгъ, облака, смерчи, сѣверное сіяніе, миражи, молніи.

Кто не любовался зрѣлищемъ заходящаго солнца и бѣловатымъ сіяніемъ погасающихъ сумерекъ! Но, не будь атмосферы, намъ бы не пришлось увидѣть ни одного изъ этихъ чудныхъ явленій. День внезапно смѣнялся бы ночью и, наоборотъ, ночь слѣдовала бы мгновенно за днемъ, предъ нами чередовались бы эти явленія, точь-въ-точь, такъ же, какъ мы можемъ наблюдать ихъ теперь на лунѣ.

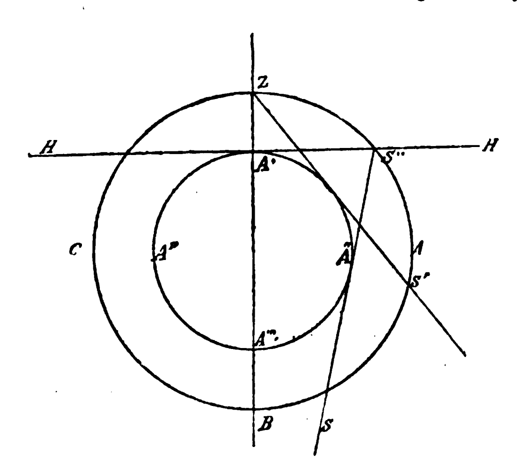


Рис. 1. Объясненіе появленія зари.

Верхніе слои земной атмосферы, начиная съ извѣстной высоты, освѣщаются еще лучами солнца нѣкоторое время послѣ его захода, равно какъ и до его восхода, отчего и происходятъ вечернія сумерки и утренняя заря.

При восходѣ солнца освѣщеніе верхнихъ слоевъ атмосферы становится видимымъ, начиная съ горизонта данной мѣстности, и распространятся постепенно, доходя до 90° и, наконецъ, до 180°. Черт. I уяснитъ намъ это явленіе.

Пусть $ZABC$ будетъ высшимъ предѣломъ атмосферы.

$A'A''A'''A''''$—земная поверхность.

HH'—горизонтъ данной мѣстности A.

Отъ точки A атмосфера видима до точки S'' и, слѣдовательно, какъ только лучи солнца коснутся въ этомъ пунктѣ ея высшихъ слоевъ, на горизонтѣ появится заря. По мѣрѣ того, какъ солнце приближается къ H—H', освѣщенная часть атмосферы увеличивается; наконецъ, послѣднее появляется на горизонтѣ и начинается его восходъ. Когда солнце находится въ точкѣ S' происходитъ закатъ. По теоріи вы-

ходитъ, что ночь наступаетъ только тогда, когда свѣтило находится уже на разстояніи болѣе чѣмъ на 18° ниже горизонта.

Хотя это явленіе происходитъ въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца въ Парижѣ, но его никто не замѣчаетъ,—такъ оно замаскировано различными посторонними причинами—главнымъ образомъ нечистотой воздуха этого громаднаго города, а также и ночнымъ освѣщеніемъ его улицъ. Но лѣтомъ, въ деревнѣ, легко можно наблюдать бѣловатое сумеречное мерцаніе атмосферы, окаймленное дугою, движущейся съ сѣверо-запада на сѣверъ и затѣмъ на востокъ.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ воздухъ считали однороднымъ газомъ и относили къ простымъ тѣламъ, не имѣющимъ вѣса. Галилей первый показалъ, что воздухъ вѣсомое тѣло, взвѣшивая извѣстный объемъ его при обыкновенномъ давленіи и такой же объемъ сильно сжатаго воздуха. Эти работы Галилея относится къ 1640 г., а одному изъ учениковъ Галилея — Торичелли принадлежитъ великая заслуга открытія барометра и окончательнаго установленія того факта, что воздухъ—вѣсомое тѣло. Толчкомъ къ открытію Торичелли явился капризъ герцога Тосканскаго. Герцогъ хотѣлъ устроить фонтанъ на одной изъ террасъ своего дворца съ помощью воздушнаго насоса, какіе тогда употреблялись съ этою цѣлью. Но высота отъ основанія до верхней части террасы была болѣе 32 футовъ, а потому всѣ усилія поднять на такую высоту воду, какъ этого хотѣлъ герцогъ, потерпѣли полную неудачу. Пытливый умъ Торичелли не былъ удовлетворенъ обычнымъ въ то время объясненіемъ: «природа не терпитъ пустоты» и, размышляя надъ этимъ, поразившимъ его, явленіемъ, пришелъ къ открытію барометра.

Если вода можетъ подняться только 32 фута надъ поверхностью, разсуждалъ онъ, то это показываетъ, что существуетъ сила, уравновѣшивающая ее, и сила эта должна быть равна вѣсу колонны воды, высотою въ 32 фута. Единственной силой, могущей уравновѣшивать въ данномъ случаѣ давленіе воды, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія атмосферное давленіе.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, Торичелли взялъ самую тяжелую изъ жидкостей—ртуть, плотность которой въ $13^1/_2$ разъ превосходитъ плотность воды. Такая жидкость, разсуждалъ итальянскій ученый, должна подняться уже на высоту въ $13^1/_2$ разъ меньшую, чѣмъ вода. Торичелли наполнилъ стеклянную трубку въ метръ длиною, запаянную съ одного конца, ртутью и, зажавъ пальцемъ открытый конецъ трубки, опрокинулъ въ сосудъ со ртутью. Можно себѣ представить его радость, когда, какъ это онъ уже и предвидѣлъ, ртуть въ трубкѣ, немного опустившись, остановилась около 76 сантим. надъ уровнемъ ртути въ сосудѣ. Сдѣлавъ такое открытіе, онъ почувствовалъ желаніе выбѣжать на улицу и закричать «Эврика!» — какъ это нѣкогда сдѣлалъ знаменитый греческій ученый. Такъ былъ изобрѣтенъ барометръ въ 1642 году. Четыре года спустя, *Паскаль*, при помощи своего зятя *Флорина Перье*, произвелъ рядъ опытовъ, убѣдившихъ всѣхъ, что барометръ дѣйствительно показываетъ намъ тяжесть воздуха. Для этихъ опытовъ сначала служила башня св. Іакова, при чемъ найденная разница въ показаніяхъ барометра у подножія и наверху этой башни равнялась приблизительно 5^{mm},24 ртутнаго столба. Затѣмъ такія же барометрическія измѣренія были произведены позднѣе, 19 сент. 1648 г., у подножія и наверху цѣпи Пюи-де-Домъ.

Это были первые опыты, относившіеся къ изученію окружающей насъ атмосферы.

Но прошло еще полтораста лѣтъ, прежде чѣмъ сталъ извѣстенъ составъ воздуха.

Честь этого открытія принадлежитъ французу, знаменитому ученому *Лавуазье*, творцу современной химіи. Лавуазье нагрѣвалъ ртуть, почти до кипѣнія, въ стеклянной колбѣ съ длиннымъ изогнутымъ въ видѣ буквы *S* горломъ, свободный конецъ котораго подходилъ подъ стеклянный, опрокинутый надъ ртутью, колоколъ. Послѣдній имѣлъ правильныя дѣленія на равныя по объему части и былъ наполненъ до $^3/_4$ своей вмѣстимости воздухомъ. Послѣ двѣнадцатидневнаго непрерывнаго нагрѣванія почти $^1/_6$ часть этого воздуха исчезла, а на поверхности ртути появилось множество красноватыхъ чешуекъ. Газъ, оставшійся въ колоколѣ, оказался негоднымъ для дыханія: это былъ *азотъ* (греческое слово, значитъ «неподдерживаетъ дыханія»). Красныя чешуйки, тщательно собранныя и сильно нагрѣтыя въ колбѣ, распались на жидкую ртуть и газъ, который, по выраженію Лавуазье, обладалъ свойствомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ воздухъ, поддерживать жизненныя отправленія какъ человѣка и животныхъ, такъ и растеній. Газъ этотъ не что иное, какъ *кислородъ*.

Составъ воздуха былъ найденъ. Оставалось опредѣлить точныя отношенія этихъ двухъ газовъ въ атмосферѣ и поискать, не входятъ ли сюда еще и другіе газы въ значительно меньшемъ количествѣ. Послѣднія изслѣдованія состава атмосферы вблизи земной поверхности дали слѣдующіе результаты (приводимъ, конечно, среднія цифры):

Кислорода — 20,8	по объему.
Азота — 79,2	
Углекислоты (въ среднемъ) 3,5 десятитысячныхъ.	
Водяныхъ паровъ 6 — 9 тысячныхъ.	

Кромѣ этого, въ воздухѣ находятъ: небольшое количество озона, перекиси водорода амміака, сѣрной и азотной кислотъ водорода, различныхъ углеводоровъ, обыкновеннаго спирта, а также пыль и микроорганизмы. На какой бы высотѣ мы ни взяли воздухъ, начиная отъ уровня моря до 6.000 метровъ высоты, составъ его всегда, приблизительно, тотъ же самый, наибольшимъ колебаніямъ подвержено количество водяныхъ паровъ.

Недавно два англійскихъ ученыхъ *Рамзей* и *лордъ Рамей* открыли въ воздухѣ газъ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ; они назвали его *аргонъ*, т. е. недѣятельный, такъ какъ газъ этотъ неспособенъ соединяться съ другими веществами. Аргонъ составляетъ $^1/_{100}$ часть воздуха, онъ тяжелѣе азота и кислорода—плотность его по отношенію къ водороду равняется 19,9.

Хотя водяные пары находятся въ атмосферѣ въ очень маломъ, сравнительно, количествѣ, все же ихъ значеніе настолько огромно, что, не будь ихъ въ воздухѣ, мы не могли бы существовать. Въ самомъ дѣлѣ, хотя пары воды составляютъ по вѣсу всеготолько $^1/_{50}$ часть (отъ $^1/_6$ до $2^1/_2{}^0/_0$) всей атмосферы, они одни поглощаютъ въ 90 разъ больше теплоты, чѣмъ вся остальная часть воздуха. Если бы водяные пары исчезли изъ атмосферы только въ продолженіи одной ночи, то вся земля покрылась бы льдами. Только чрезвычайной сухостью воздуха мы можемъ объяснить то замѣчательное явленіе, что въ самомъ центрѣ Сахары, гдѣ «огненная почва и вѣтеръ обдаетъ пламенемъ», ночью замерзаетъ вода.

Всѣ называютъ небо голубымъ и такимъ оно кажется всѣмъ, но многія ли знаютъ причину этого явленія?

Хотя воздухъ представляетъ собою одно изъ самыхъ прозрачныхъ тѣлъ, но его прозрачность не абсолютна. Каждая его частица все же поглощаетъ и отражаетъ часть солнечныхъ лучей и такъ какъ это отраженіе гораздо болѣе замѣтно для синихъ лучей, то цвѣтъ неба и зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. По мѣрѣ поднятія на воздушномъ шарѣ или при восхожденіи на высокія горы мы замѣчаемъ, что воздухъ становится все рѣже и рѣже и небо принимаетъ все болѣе и болѣе темный оттѣнокъ. Оттѣнокъ этотъ привлекалъ вниманіе всѣхъ аэронавтовъ, всякій разъ какъ, поднимаясь на воздушномъ шарѣ, они переходили во вторую (принимая въ разсчетъ вѣсъ), половину атмосферы.

Окружающая землю атмосфера не всегда простиралась въ высоту до тѣхъ же предѣловъ, какъ теперь; въ періодъ образованія нашей планеты она занимала гораздо болѣе обширное пространство. Въ настоящее время мы еще не знаемъ точно ея высоты; путемъ различныхъ соображеній мы можемъ получить только приблизительныя числа. Вотъ примѣръ такого приблизительнаго вычисленія. Центробѣжная сила увеличивается съ квадратомъ скорости вращенія. На экваторѣ сила эта равна 289-й части вѣса каждаго тѣла. Если бы земля вращалась въ 17 разъ скорѣе ($17 \times 17 = 239$), предметы не имѣли бы никакого вѣса на экваторѣ и частицы воздуха разсѣялись бы. Принимая въ разсчетъ такое уменьшеніе силы притяженія съ возрастаніемъ центробѣжной силы, *Фламмаріонъ*, слѣдуя Лапласу, вычислилъ, что на разстояніи $6^1/_2$ земныхъ радіусовъ, т. е. 42.300 кил., отъ поверхности земли тѣла не имѣютъ вѣса, если допустить при этомъ, что они совершаютъ свой полный оборотъ въ кругѣ земли въ 24 часа. Значитъ, послѣднія частицы воздуха не могутъ быть удалены отъ земли болѣе, чѣмъ на 42.300 килом.; это—максимальный, теоретическій предѣлъ, до котораго можетъ простираться атмосфера. Но противъ вычисленія Фламмаріона можно возразить, что на такой высотѣ воздухъ, если только онъ тамъ существуетъ, можетъ не слѣдовать за вращеніемъ земли съ тою же скоростю, какъ и вблизи отъ нея. Въ пользу этого возраженія говорятъ нѣкоторыя наблюденія надъ свѣтящимися облаками; послѣднія же находятся еще сравнительно не не очень высоко — не болѣе 200 кил., и весьма возможно, что на разстояніи въ десять, въ сто разъ большемъ, замедленіе скорости вращенія воздуха можетъ быть очень значительнымъ.

Что касается *минимума* высоты атмосферы, то онъ былъ вычисленъ *Гей-Люссакомъ* на основаніи уменьшенія давленія, наблюдаемаго при поднятіяхъ на воздушныхъ шарахъ, ровно какъ и при всхожденіи на высокія горныя вершин. По его вычисленіямъ минимумъ этотъ равенъ 47.000 метровъ. Таковы крайніе предѣлы атмосферы, найденные путемъ вычисленій, но существуютъ и другіе способы для опредѣленія ея высоты.

Для опредѣленія приблизительной высоты атмосферы могутъ служить сумеречное сіяніе, падающія звѣзды, а также сѣверное сіяніе.

Если бы атмосфера простиралась на безконечное разстояніи отъ земли, намъ было бы совершенно неизвѣстно явленіе ночи, точно такъ же какъ, если бы не существовало воздуха, мы не имѣли бы никакого представленіи о вечерней и утренней зарѣ.

Вычисленіе высоты атмосферы на основаніи наблюденій надъ сумерками весьма просто. При этомъ условлено считать границей атмосферы тотъ слой воздуха, который, вслѣдствіе своей разрѣжен-

ности, не можетъ уже замѣтно для насъ отражать солнечные лучи. Главная трудность состоитъ въ точномъ опредѣленіи момента, когда кончаются сумерки. Такъ, напр., для даннаго пункта *B* ночь начнется съ того момента, когда солнечные лучи не будутъ болѣе освѣщать атмосферы въ высшей ея точкѣ, лежащей на горизонтѣ данной мѣстности, именно въ *C* (черт. 2). Но вся видимая съ пункта *B* часть атмосферы не будетъ освѣщена солнцемъ, когда послѣднее опустится, приблизительно, на 18° ниже горизонта.

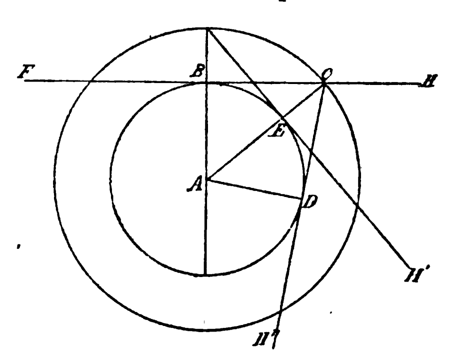


Рис. 2. Вычисленіе высоты атмосферы.

Такъ какъ уголъ ABC — прямой и AB = земному радіусу, то всѣ части треугольника и, стало быть, и AC, извѣстны. Вычитая изъ AC—AE, получимъ EC—высоту атмосферы. На нашемъ чертежѣ относительные размѣры атмосферы, конечно, сильно преувеличены по отношенію къ размѣрамъ земли.

Различные ученые даютъ на основаніи вычисленій подобнаго рода не совсѣмъ одинаковыя числа; такъ:

Кеплеръ	70—75	верстъ.
Шмидтъ	54	»
Араго	56	»
Берманъ	60	»
Вильдъ	70—75	»

Наблюденія въ тропическихъ странахъ, гдѣ тотчасъ послѣ заката солнца на восточной части небосклона появляется тѣнь, отбрасываемая землею, и основанныя на опредѣленіи времени, когда эта тѣнь исчезнетъ подъ горизонтомъ, даютъ болѣе значительныя числа. Такъ, по этому способу *Бравэ* опредѣлилъ высоту атмосферы въ 115 килом., а *Ліэ* въ Ріо-Жайнеро нашелъ ее равной 300 километр.

Способъ, основанный на наблюденіи «падающихъ звѣздъ», сводится къ тому же принципу, какъ и опредѣленіе параллакса и, слѣдовательно, разстоянія отъ земли луны. «Падающія звѣзды»—это космическія тѣла весьма небольшихъ размѣровъ, которыя носятся въ міровомъ пространствѣ нерѣдко цѣлыми тучами. Когда такая «звѣзда» попадаетъ въ земную атмосферу, то вслѣдствіе тренія о частицы воздуха накаляется и начинаетъ свѣтиться. Отсюда ясно, что моментъ, когда загорается «падающая звѣзда», и есть моментъ, когда она достигаетъ предѣла нашей атмосферы, или, точнѣе, такого слоя послѣдней, который достаточно плотенъ для того, чтобы твердое тѣло при треніи о частицы этого воздуха могло бы раскалиться. Параллаксъ луны, какъ извѣстно, опредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Два наблюдателя, находящіеся на противоположныхъ пунктахъ земного діаметра, замѣчаютъ, что луна проектируется для нихъ въ двухъ различныхъ пунктахъ неба, отстоящихъ другъ отъ друга приблизительно на 2°, откуда слѣдуетъ, что разстояніе земли отъ луны равно приблизительно, 30 земнымъ діаметрамъ. Точно также, если два наблюдателя, опредѣляя, каждый для себя, мѣсто появленія падающей звѣзды, находятъ, положимъ, разницу между этими двумя пунктами въ 10°, то отсюда можно вычислить высоту на которой была замѣчена падающая звѣзда, а, слѣдовательно, и высоту атмосферы.

Третьимъ способомъ опредѣленія высоты атмосферы—съ помощью наблюденія сѣвернаго сіянія часто пользовался Норденшильдъ; онъ нашелъ высоту атмосферы равной отъ 100 до 250 километровъ.

Существуетъ еще способъ для опредѣленія толщины нашего атмосфернаго слоя, основанный на наблюденіи лунныхъ затменій. Когда тѣнь земли падаетъ на поверхность нашего спутника, можно замѣтить, что она окружена легкою полутѣнью, шириною около 2′. Полутѣнь эта отброшена, конечно, атмосферой земли. Такъ какъ тѣнь отъ самой земли въ данномъ случаѣ имѣетъ въ діаметрѣ 69′, то отсюда можно заключить, что 2′ равняются, приблизительно, 35-й части земного діаметра или 360 километрамъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что послѣднія частицы крайне разрѣженнаго воздуха, находящіяся на границѣ нашей атмосферы, могутъ не давать столь ясной полутѣни, чтобы мы могли ее замѣтить и, слѣдовательно, принять въ разсчетъ при измѣреніи вышеупомянутой полутѣни.

Сопоставимъ же данныя, полученныя различными способами при опредѣленіи высоты воздушнаго океана, находящагося надъ нами; мы получимъ слѣдующую таблицу:

Максимальный теоретическій предѣлъ.	42.360	километр.
Наблюденія сумеречнаго сіянія.....	60—330	»
Тѣнь земли.....................	360	»
Сѣверное сіяніе..................	100—250	»
Падающія звѣзды................	100—400	»
Минимальный теоретическій предѣлъ.	47	километр.

Таковы способы опредѣленія высоты атмосферы. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться вполнѣ точнымъ, какъ это, впрочемъ, ясно видно изъ полученныхъ результатовъ. Однако, весьма вѣроятно, что послѣднія частицы атмосфернаго воздуха, способныя нагрѣть до свѣченія метеоры или отражать солнечные лучи, простираются не далѣе 500—600 километровъ.

Но воздуха, способнаго поддерживать дыханіе, нѣтъ уже на значительно меньшей высотѣ. Какъ опасно подниматься въ область того леденящаго холода, который царитъ, начиная съ высоты 7.000—8.000 метр. надъ уровнемъ моря, показываетъ роковой случай съ *Сивелемъ* и *Кроссэ-Спинелли*, происшедшій на воздушномъ шарѣ «Зенитъ». Какъ извѣстно, эти отважные піонеры науки умерли отъ недостатка воздуха на высотѣ 8,800 метровъ, а *Тиссандье*, сопровождавшій ихъ, остался въ живыхъ, только, благодаря какому-то чуду. *Глэшеръ*, въ Англіи, не смотря на пріобрѣтенную имъ привычку переносить пребываніе въ высокихъ областяхъ атмосферы, на высотѣ 8,800 метровъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя только тогда, когда шаръ спустился до 8.000 м., причемъ, по его вычисленіямъ, шаръ за это время поднялся до баснословной высоты въ 11,000 м., т. е. на два километра выше, чѣмъ самая высокая земная гора.

три слова, равномѣрно, какъ постукиванье толчеи.

«Теперь надо идти!»

Онъ неловко поклонился и медленно, точно во снѣ, направился къ дверямъ.

Въ прихожей онъ остановился, чтобы собраться съ мыслями и передохнуть. Онъ все еще задыхался и у него было такое впечатлѣніе, точно онъ что-то забылъ, что-то спуталъ... Въ то же время ему казалось, что онъ не имѣетъ права оставаться здѣсь и точно подслушивать. Если бы кто-нибудь вошелъ, онъ смутился бы, какъ воръ, пойманный съ поличнымъ.

Но подслушивать было нечего: позади него, въ гостиной царила мертвая тишина; только изъ столовой доносилось позвякиванье посудой и серебромъ: тамъ, видно, накрывали къ завтраку. Онъ стоялъ и прислушивался.

Вдругъ онъ разслышалъ что-то, похожее на подавленный въ отдаленіи стонъ. Тотчасъ же, не обдумывая, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ открылъ только что запертую за собою дверь и вернулся въ гостиную... Тамъ никого уже не было. Нѣкоторое время онъ простоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ передъ Гедвигой, и пристально озирался по сторонамъ. Все было тихо, и онъ уже хотѣлъ снова уйти, когда снова разслышалъ изъ сосѣдней комнаты звукъ, котораго испугался въ прихожей. Это былъ протяжный, заглушенный стонъ, какой вырывается у человѣка, когда онъ изо всѣхъ силъ борется съ рыданіями и корчится отъ душевной боли...

Его зрачки расширились, сердце стало стучать рѣдкими, сильными ударами. И вдругъ горячее, сильное чувство поднялось въ немъ, какъ приливъ, смыло все, что оставалось въ немъ горечи, уязвленной гордости, нерѣшительности и недовѣрія вмѣстѣ съ разсудочной трусостью. Это могучее чувство сразу вернуло ему и силы, и энергію. Теперь это уже не былъ мечтатель: это былъ сильный человѣкъ, который зналъ, что надо было дѣлать, когда дѣло шло о счастіи двухъ жизней.

Твердыми, быстрыми шагами онъ прошелъ черезъ гостиную. Въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ уже въ маленькомъ будуарѣ, гдѣ она лежала на кушеткѣ, зарывъ лицо въ подушку, и вся содрогалась отъ мучительныхъ рыданій. Онъ склонился къ ней, обвилъ ее рукою, опустился рядомъ съ нею на колѣни и привлекъ ее къ себѣ.

— Гедвига!

Она обернулась, но не могла говорить. Слезы катились изъ ея потемнѣвшихъ глазъ. Онъ заглянулъ въ эти прекрасные глаза и видѣлъ, какъ въ нихъ опять загорѣлись жизнь и радость.

— Гедвига!

Какъ смѣлъ онъ сомнѣваться въ ея любви! Развѣ онъ не видѣлъ, какъ она боролась съ этимъ чувствомъ, какъ оно устояло въ борьбѣ, и какъ она не въ силахъ была даже сожалѣть о своемъ пораженіи!

— Ты? Ты? Ты вернулся?— вырвалось теперь у нея, и снова она разразилась слезами.

Онъ прижималъ ее къ своей груди, но не утѣшалъ: онъ чувствовалъ, что теперь это были у нея хорошія, отрадныя слезы, отъ переполненнаго сердца. Она заливала слезами все, что оставалось позади тяжелаго и мучительнаго, какъ бы лишь для того, чтобы не оставалось ни одной невыплаканной слезинки ко времени наступавшаго счастія.

Онъ цѣловалъ и ласкалъ ее. Онъ чувствовалъ, какъ она вздрагивала отъ плача, и только крѣпче прижималъ ее къ груди.

Но вотъ она подняла голову. Слезы еще катились изъ ея глазъ, но она улыбалась.

— Прости меня!—пробормотала она.— Это только отъ радости!

И снова она спрятала лицо у него на груди.

Онъ проводилъ ласкающей рукой по ея темнымъ волосамъ.

— Королева полночныхъ странъ въ моихъ мечтахъ! Моя единственная любовь!—шепталъ онъ.

Она опять подняла голову.

— И это правда? Это на яву?—спросила она.

Онъ отвѣчалъ только поцѣлуями. Но ей и не нужно было словъ.

ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА.

МОРИЦА ФАРМАНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ И ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. АГАФОНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Эти примѣры показываютъ, что еще далеко то время, когда мы будемъ въ состояніи достигнуть крайнихъ слоевъ нашей атмосферы, что для болѣе точнаго опредѣленія высоты этихъ послѣднихъ мы все еще должны искать новыхъ методовъ вычисленія и наблюденій. Кромѣ того, несомнѣнно, что высота атмосферы измѣнялась и постоянно измѣняется еще и до сихъ поръ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ колебаній въ составѣ, которымъ подвергается воздухъ и тѣхъ приливовъ и отливовъ, которые должны въ немъ происходить, аналогично подобнымъ же явленіямъ на морѣ. Правда, барометръ, кромѣ легкихъ суточныхъ колебаній различныхъ для разныхъ странъ, не обнаруживаетъ существованія такихъ приливовъ и отливовъ. Но если мы опустимъ манометръ на дно океана на глубину 8,500 метровъ, то его колебанія при измѣненіи уровня до 10 метровъ были бы еще слабѣе, чѣмъ колебанія барометра. Въ самомъ дѣлѣ принимая въ среднемъ для суточныхъ колебаній барометра 2 мм., получимъ отношеніе $2:760=\frac{1}{380}$, тогда какъ, въ первомъ случаѣ, въ океанѣ, на глубинѣ 8.500 метровъ давленіе было бы равно 800 атмосферамъ и, при колебаніи морского уровня въ 10 метровъ, мы имѣли бы отношеніе $\frac{1}{800}$, т. е., приблизительно, вдвое меньше.

Впрочемъ, вопросъ о приливахъ и отливахъ, какъ морскихъ такъ и атмосферныхъ, еще вопросъ очень спорный. Такъ, недавно, одинъ очень извѣстный инженеръ, *Тюрпэнъ*, доказывалъ, что приливы и отливы не зависятъ отъ соединеннаго дѣйствія солнечнаго и луннаго притяженія.

Приливы и отливы, по мнѣнію г. Тюрпэна,—являются слѣдствіемъ электромагнитной индукціи. Послѣдняя производится взаимодѣйствіемъ постоянно перемѣщающихся, подъ двумя различными углами, двухъ солнечныхъ токовъ, земного и луннаго.

Глава II.

Метеорологическіе инструменты: барометръ, барографъ, термометръ, термографъ, гиргометръ, психрометръ, флюгеръ, анэмометръ, плювіометръ, испаритель.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію явленій, которыя происходятъ въ средѣ волнующагося воздушнаго океана, во время его бурь или въ жаркіе лѣтніе дни, укажемъ вкратцѣ на тѣ способы, которыми мы обладаемъ для измѣренія интенсивности, періодичности и продолжительности атмосферныхъ явленій.

Инструменты, придуманные для этой цѣли, весьма, даже слишкомъ многочисленны; они бываютъ всякихъ родовъ, всякихъ размѣровъ, отъ простого флюгера до самаго сложнаго анэмометра и, что̀ самое непріятное, они приспособлены къ мѣрамъ, различнымъ у разныхъ націй и въ различные эпохи.

До послѣдняго времени для полученія достаточно точныхъ среднихъ метеорологическихъ данныхъ, приходилось дѣлать постоянныя наблюденія, сначала въ двухчасовые, и, наконецъ, въ часовые промежутки времени.

Но относительно недавно стали приготовлять метеорологическіе инструменты, автоматически отмѣчающіе измѣненія вѣтра, температуры, дождей, электричества и т. п., на цилиндрѣ, который вращается при посредствѣ часового механизма.

Мы ограничимся описаніемъ трехъ главныхъ изъ этихъ инструментовъ: *барометра*, *термометра* и *гигрометра*, изготовляемыхъ париж

ской фирмой *Ришаръ*; на остальныхъ, каковы, напр., *психрометръ*, *испаритель*, *актинометръ*, *плювіометръ* и *анэмометръ*, тоже весьма важныхъ, но менѣе доступныхъ публикѣ, остановимся только вкратцѣ.

Самопишущій *барометръ*, или *барографъ Ришара*, (см. рис. 3) состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1) Изъ анероиднаго барометра, состоящаго изъ нѣсколькихъ, наставленныхъ другъ на друга и соединенныхъ своими центральными частями анероидныхъ коробокъ; 2) цилиндра съ часовымъ механизмомъ и 3) нѣсколькихъ рычаговъ и пера. Цилиндръ дѣлаетъ полный оборотъ въ теченіе недѣли. Перо, прикрѣпленное къ длинному стальному стержню, слегка прижимается къ цилиндру и увеличиваетъ значительно едва замѣтныя движенія стѣнокъ анэроида. Длина стального стержня разсчитана такъ, что измѣненіе уровня ртутнаго столба на одинъ миллиметръ соотвѣтствуетъ также одному миллиметру кривой, которая наносится на бумагу, покрытую правильными дѣленіями и обернутую вокругъ цилиндра *).

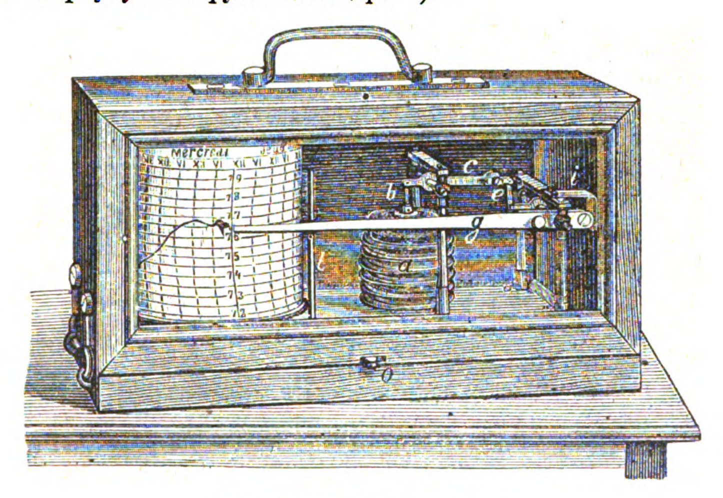


Рис. 3. Барографъ Ришара.

Барометры этой системы очень удобны и облегчаютъ значительно трудъ метеоролога. Они автоматически и непрерывно, днемъ и ночью, отмѣчаютъ измѣненія въ состояніи атмосферы, тогда какъ прежде для полученія болѣе или менѣе точной кривой, метеорологъ долженъ былъ самъ каждый часъ дѣлать наблюденія. Для точности и неизмѣнности показаній барометровъ системы Ришара слѣдуетъ имѣть ртутный барометръ, провѣренный въ какой-нибудь спеціальной обсерваторіи. Болѣе точные барографы, чувствительность которыхъ увеличена въ 10, въ 25 разъ, называются *статоскопами*. Анероидныя коробки статоскопа приводятся въ сообщеніе съ окружающимъ воздухомъ при посредствѣ особаго крана. Въ Англіи для записи измѣненій барометра пользуются послѣдовательнымъ фотографированіемъ ртутнаго столба барометра; такіе инструменты называются *фотобарографъ*.

Зная высоту данной мѣстности, легко сдѣлать необходимую поправку, чтобы получить истинную барометрическую величину, приведенную къ уровню моря. Для невысокихъ мѣстностей высота въ $10^1/_2$ метр. со-

*) Мы имѣемъ въ виду самую распространенную модель этого инструмента; но Ришаръ изготовляетъ свои инструменты всевозможныхъ размѣровъ.

отвѣтствуетъ одному миллиметру разницы въ показаніяхъ барометра. Что касается ошибокъ, зависящихъ отъ температуры, то таблицы, издаваемыя нѣкоторыми обсерваторіями, позволяютъ дѣлать весьма точныя поправки.

Изъ барометровъ, не записывающихъ своихъ колебаній, въ публикѣ встрѣчаются чаще всего, благодаря ихъ умѣренной цѣнѣ, *металлическіе барометры—анероиды* и *ртутные*.

Первые не отличаются особенной точностью, но ихъ форма удобнѣе и болѣе подходитъ къ украшенію салоновъ. Ртутные барометры, напротивъ, очень точны.

Ртутный барометръ состоитъ изъ стеклянной трубки 80—90 сант. длиною, одинъ конецъ которой запаянъ. Трубку наполняютъ очищенной ртутью и, закрывъ пальцемъ открытый ея конецъ, опрокидываютъ въ чашку со ртутью; затѣмъ, отнявъ палецъ, устанавливаетъ ее въ вертикальномъ положеніи. Ртуть, наполнявшая до этого момента всю трубку, опускается, пока уровень ея не установится, приблизительно, на 760 мм. высоты отъ уровня ртути въ чашкѣ.

На нѣкоторыхъ метеорологическихъ станціяхъ (въ Парижѣ, въ Гамбургѣ, въ Кью въ Англіи) устроены гигантскіе барометры, въ которыхъ ртуть замѣщена минеральнымъ масломъ или глицериномъ; чувствительность этихъ барометровъ, конечно, разъ въ 10, иногда 15 превосходитъ чувствительность обыкновенныхъ ртутныхъ.

Между дѣтскими игрушками также встрѣчаются такъ-называемые барометры. Они состоятъ, обыкновенно изъ фигурки, вырѣзанной изъ особой бумаги, цвѣтъ которой измѣняется отъ состояній влажности температуры и электрическаго напряженія воздуха. Ихъ слѣдовало бы вѣрнѣе называть гигрометрами, такъ какъ они болѣе всего чувствительны къ влажности воздуха.

Перейдемъ теперь къ *термометру* и *гигрометру*. Записывающія части этихъ инструментовъ состоятъ, какъ всегда, изъ цилиндра, совершающаго полный оборотъ въ теченіе недѣли. Чувствительная къ атмосфернымъ измѣненіямъ часть поглощается не внутри, а внѣ ящика аппарата. Обыкновенный термометръ, который состоитъ изъ трубки, наполненной спиртомъ, ртутью или другою какой-нибудь жидкостью и прикрѣпленной къ раздѣленной на градусы пластинкѣ, въ термографѣ Ришара замѣщенъ сплюснутой, наполненной спиртомъ, латунной трубкой *а*; верхній конецъ ея закрѣпленъ неподвижно, а нижній — свободный, при посредствѣ рычага (такого же, какъ въ барометрѣ), сообщаетъ свои движенія тонкому стальному стержню, снабженному на своемъ концѣ перомъ. Послѣднее слегка прижимается къ цилиндру, покрытому бумагой, раздѣленной линіями, соотвѣтствующими термометрической шкалѣ.

Термометры, также какъ барометры, бываютъ различныхъ родовъ. Самый распространенный изъ нихъ—это соединеніе ртутнаго и спиртового термометровъ, показывающихъ минимумъ и максимумъ суточной температуры; онъ состоитъ, собственно, изъ двухъ помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ термометровъ, *максимальнаго* и *минимальнаго*. Верхній—*максимальный* содержитъ внутри трубки надъ столбомъ ртути подвижной показатель изъ стали. Всякій разъ, какъ ртуть расширяется, она толкаетъ впереди себя этотъ показатель, а при ея сокращеніи послѣдній остается на мѣстѣ, такъ какъ онъ не смачивается ртутью.

Нижній термометръ *минималный—спиртный* и содержитъ показатель изъ эмали, смачивающейся спиртомъ. Понижаясь, спиртъ увлекаетъ

за собою показатель, при увеличеніи же температуры спиртъ свободно проходитъ между стѣнкою трубки и показателемъ, не увлекая его за собою. Чтобы перемѣстить показатель на его прежнее мѣсто, слѣдуетъ только встряхнуть извѣстнымъ образомъ приборъ.

Существуютъ, какъ извѣстно, три термометрическихъ шкалы: *Цельзія*, *Реомюра и Фаренгейта*. Слѣдующая таблица даетъ двѣ главныя точки дѣленія (точка таянія льда и точка кипѣнія воды) по этимъ шкаламъ и ихъ взаимное отношеніе.

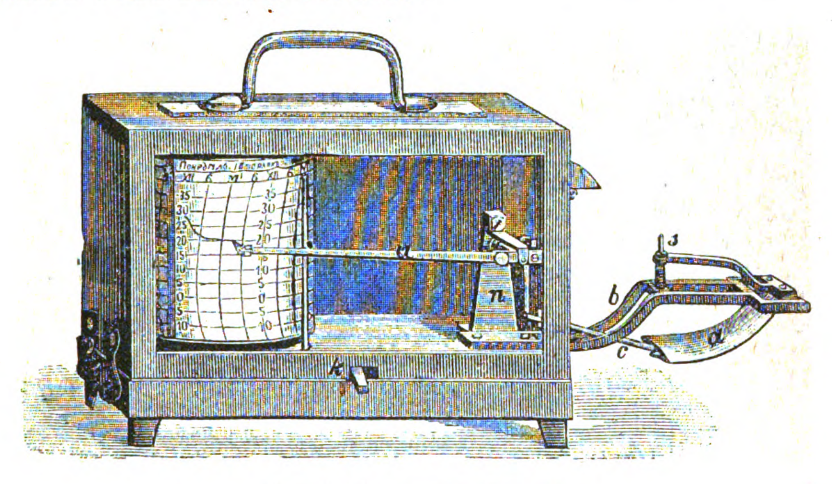


Рис. 4. Термографъ Ришара.

	По Цельсію.	Реомюру.	Фаренгейту.
Точка таянія льда. .	0°	0°	32°
» кипѣнія воды.	100°	80°	212°
Отношеніе	1	0,80	1,82

Ртутные термометры повѣряются по *водородному* термометру; водородные термометры, вслѣдствіе громадной своей цѣнности, имѣются въ весьма немногихъ центрахъ Европы; наиболѣе точные находятся въ международномъ бюро мѣръ и вѣсовъ въ Севрѣ (около Парижа) и въ Петербургской Палатѣ мѣръ и вѣсовъ. Но въ послѣднее время, благодаря усовершенствованію техники стекляннаго производства, въ Парижѣ приготовляются изъ особаго «твердаго стекла» такъ называемые *нормальные* ртутные термометры, которые отличаются замѣчательной точностью и устойчивостью своего «нуля»; на нихъ можно отсчитывать температуру съ точностью до тысячной доли градуса; но все же и эти *нормальные* ртутные термометры не могутъ сравниться по точности съ термометрами водородными.

Автоматически записывающій *гигрометръ* устроенъ по типу такого же термометра. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ натянутыхъ волосъ или роговыхъ волоконъ, которые удлинняются или укорачиваются въ зависимости отъ большей или меньшей влажности воздуха. Приборъ этотъ очень скоро утрачиваетъ свою точность въ силу того, что рогъ или волосъ, подвергаясь нѣсколько разъ подрядъ укорачиванію или удлинненію, не возвращается уже болѣе къ своей первоначальной длинѣ, хотя бы сухость воздуха снова стала бы совершенно той же, какъ и въ началѣ. Для контроля надъ нимъ и исправленія пользуются *психрометромъ*. Къ какой нибудь дощечкѣ прикрѣпляютъ два обыкно-

венныхъ термометра. Резервуаръ одного изъ нихъ постоянно увлажняется съ помощью покрывающаго его куска тонкаго тюля, на который медленно, но непрерывно стекаетъ вода изъ небольшого сосуда. Показаніями этого инструмента, при томъ весьма неточными, можно пользоваться только, когда температура близка къ точкѣ таянія льда. Изъ разницы температуръ смачиваемаго и сухого термометровъ, можно опредѣлить степень влажности воздуха, пользуясь при этомъ особыми таблицами, которыя публикуются почти всюду и особенно въ метеорологическихъ ежегодныхъ отчетахъ. Допустимъ, напр., что сухой термометръ показываетъ +20°, а влажный +17°. Въ гигрометрической таблицѣ находимъ, что при +17° влажнаго термометра и при разницѣ въ 3° между обоими термометрами, гигрометрическое состояніе воздуха равно 72. Число это выражаетъ отношеніе упругости водяныхъ паровъ въ воздухѣ въ данный моментъ въ упругости пара, при той же температурѣ, но въ воздухѣ насыщенномъ водяными парами. На рис. 5 представленъ *вращательный психрометръ*; онъ состоитъ изъ двухъ термометровъ резервуаръ, одно изъ нихъ обертывается батистомъ, смачиваемомъ чистою водою. Зубчатымъ колесомъ (см. рис.) термометры приводятся во вращательное движеніе и принимаютъ наклонъ, изображенный на рисункѣ; черезъ три минуты вращеніе прекращаютъ и быстро отсчитываютъ показанія обоихъ термометровъ, сухой даетъ температуру, а оба вмѣстѣ—данныя для вычисленія влажности.

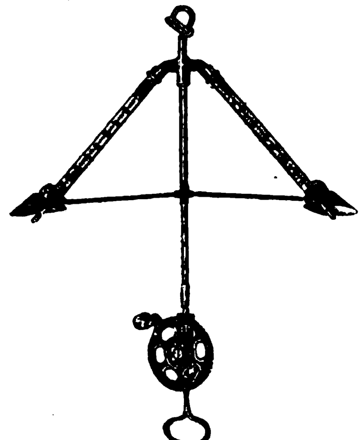


Рис. 5. Вращательный психрометръ.

Въ числѣ другихъ инструментовъ мы можемъ еще упомянуть *флюгеръ*, *анэмометръ*, *дождемѣръ* (*плювіометръ*) и *испарители*. *Флюгера* указываютъ направленіе вѣтра. Всѣ, вѣроятно, знакомы съ флюгарками, устанавливаемыми на крышахъ домовъ; онѣ тоже указываютъ, откуда дуетъ вѣтеръ, но, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ, такія флюгарки крайне неустойчивы и потому на ихъ показанія полагаться нельзя. Для метеорологическихъ наблюденій устраиваютъ особые флюгера, болѣе сложные и большихъ размѣровъ. Мы опишемъ здѣсь вкратцѣ флюгеръ, употребляющихся на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ *). Желѣзная

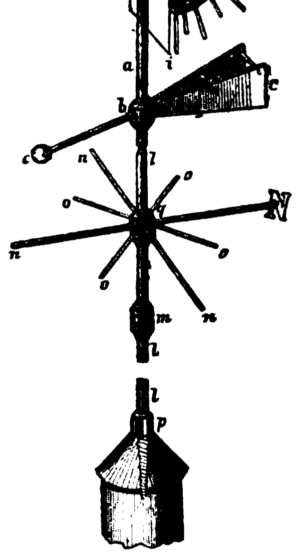


Рис. 6. Флюгеръ съ вѣтромѣромъ, употребляющійся на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ.

---

*) Описаніе приборовъ составлены по *Д. Лачинову «Основы метеорологіи и климатологіи»* и по *И. Броунову* «Практическое значеніе *сельскохозяйственныхъ наблюденій*» В. Агафоновъ.

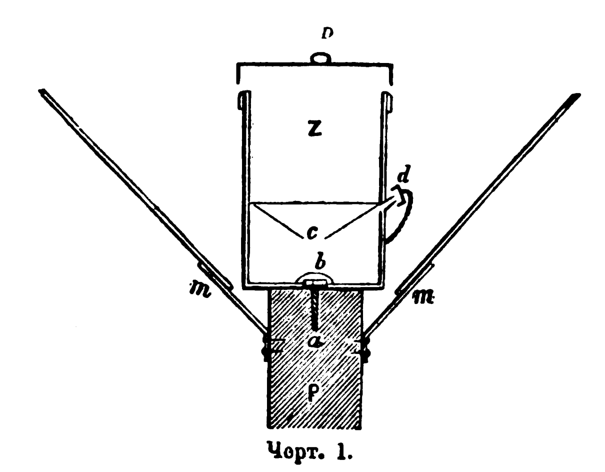
трубка *a* оканчивается вверху коническою стальною шляпкою, вращающеюся вокругъ стальной шпильки, идущей внутри трубки до самой шляпки. На нижнемъ концѣ трубки надѣто массивное кольцо *b*, къ которому прикрѣпленъ флюгеръ *c*, состоящій изъ 2-хъ желѣзныхъ пластинокъ, поставленныхъ другъ къ другу подъ угломъ въ 20°, а съ другой стороны ввинченъ желѣзный брусокъ съ противовѣсомъ *e*. На самомъ верху трубки прикрѣпленъ *указатель силы* вѣтра, состоящій изъ дуги *g* съ нѣсколькими штифтами—дѣленіями и изъ желѣзной доски *ii*, свободно качающейся въ рамѣ *ff*. Ниже флюгера къ стержню прикрѣпленъ неподвижный крестъ *nn*, обозначающій страны свѣта. Флюгеръ долженъ быть установленъ такимъ образомъ, чтобы вѣтеръ имѣлъ къ нему доступъ со всѣхъ сторонъ,—на открытомъ мѣстѣ: на мачтѣ, на конькѣ крыши, на концѣ вертикальнаго шеста возвышающагося сажени на $1^1/_2$ надъ крышей; кромѣ того, при установкѣ флюгера должно быть обращено вниманіе, чтобы онъ былъ выше всѣхъ сосѣднихъ предметовъ, такъ какъ высокія зданія, не говоря уже о горахъ, оказываютъ огромное вліяніе на направленіе вѣтра. Какъ видно изъ описанія этого флюгера, въ немъ преслѣдуются двѣ цѣли — опредѣлить *направленіе* и *силу* вѣтра, слѣдовательно, флюгеръ соединенъ здѣсь съ *анемометромъ* (или *вѣтромѣромъ*). На дугѣ *указателя g*, какъ видно на рисункѣ, расположены поочередно короткіе и длинные штифты, всего 8. Для перевода отсчетовъ по штифтамъ на скорость вѣтра служитъ слѣдующая таблица:

Показанія штифта, около котораго колеблется указатель.	Соотвѣтственная скорость вѣтра, выраженная числомъ метровъ въ секунду.
Около 2	2
» 3	4
» 4	6
» 5	8
» 6	10
Между 6 и 7	12
около 7	14
между 7 и 8	16
около 8	20

Существуетъ много гораздо болѣе сложныхъ флюгеровъ и анемометровъ, но останавливаться здѣсь на описаніи ихъ мы не имѣемъ возможности.

Обыкновенный *плювіометръ* или *дождемѣръ* — самый простой изъ метеорологическихъ инструментовъ. Какъ видно изъ самаго названія, приборъ этотъ служитъ для опредѣленія выпадающаго дождя: условились количество это выражать толщиною (въ миллиметрахъ) слоя воды, который могъ бы образоваться отъ даннаго количества выпавшей влаги, еслибъ она распредѣлялась по горизонтальной неводопроницаемой поверхности. Одинъ *метръ* воды, вылитый на *1 квадр. метръ* такой поверхности, образуетъ слой воды толщиною въ 1 миллиметръ. Въ простѣйшей своей формѣ дождемѣръ можетъ состоять только изъ цилиндрическаго градуированнаго сосуда, закрытаго плотно прилегающею крышкой въ видѣ воронки съ очень небольшимъ отверстіемъ, чтобы не было быстраго испаренія воды. Послѣ каждаго дождя, вода, скопившаяся въ такомъ плювіометрѣ, поднимается до извѣстныхъ дѣленій въ придѣланной къ нему и сообщающейся съ его резервуаромъ стеклянной трубкѣ, что и позволяетъ опредѣлить ея количество. Эти

наблюденія слѣдуетъ дѣлать каждый день, чтобы избѣжать ошибки, которая можетъ произойти отъ испаренія воды. На рис. 7 представленъ дождемѣръ, употребляющійся на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ. Въ цинковый цилиндрическій сосудъ Z, высотой въ 40 сантим., впаяна воронка, въ центрѣ которой сдѣлано нѣсколько небольшихъ отверстій; дождемѣръ прикрѣпленъ къ столбу P и защищенъ отъ вліянія вѣтра воронкообразная цинковая защита (въ разрѣзѣ въ видѣ линій), прикрѣпленная къ столбу при помощи пластинокъ m—m.



Черт. 1.

Рис. 7. Дождемѣръ русскихъ метеорологическихъ станцій.

Но, конечно, на метеорологическихъ станціяхъ употребляются и еще болѣе сложные *дождемѣры* и за послѣднее время появились приборы, автоматически отмѣчающіе какъ время выпаденія, такъ и количество дождя; такіе дождемѣры называются *омбрографами* или *дождеписцами*.

Другой, тоже полезный и крайне простой инструментъ — *испаритель*. Весь приборъ, въ простѣйшемъ своемъ видѣ, состоитъ изъ стеклянной градуированной пробирки, наполненной водой. Если въ теченіе 24 часовъ вода, наполнявшая пробирку, положимъ, до высоты 10 сантиметровъ, опустилась на уровень 8 сант., то это показываетъ, что суточное испареніе равно 20 мм. Но для странъ, гдѣ, какъ, напр., въ Россіи, температура часто падаетъ ниже 0, удобнѣе испарители, основанные не на объемномъ, а на *вѣсовомъ* измѣреніи испарившейся воды. Также какъ дождемѣры и испарители могутъ быть самопишущими. Для защиты отъ постороннихъ вліяній метеорологическіе приборы помѣщаются въ особыя *будки*. На рис. 8-мъ представлена деревянная *нормальная будка*, принятая на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ; высота ея около 10 футъ и крышка ея двойная. Для еще лучшей охраны приборовъ употребляютъ такъ-называемую *психрометрическую клѣтку* (см. рис. 9); она состоитъ изъ внутренняго и внѣшняго цилиндровъ съ широкими сквозными прорѣзами. Предъ наблюденіемъ поворачиваютъ внѣшній цилиндръ, открывая, такимъ образомъ, приборы, послѣ же наблюденія поворачиваютъ его въ другую сторону, закрывая ихъ.

Считаемъ возможнымъ указать здѣсь на одинъ приборъ, не имѣющій научнаго значенія, но дающій довольно удовлетворительныя предсказанія погоды.

Адмиралъ *Фицъ-Руа* при своихъ морскихъ путешествіяхъ относился съ большимъ довѣріемъ къ указаніямъ этого прибора; онъ состоитъ изъ стеклянной трубки, закрытой или открытой, и содержавшей слѣдующую смѣсь:

2 части камфоры.
1 часть калійной селитры.
1 » нашатыря.

Смѣсь эта растворялась сначала въ спиртѣ, а потомъ часть ея осаждалась прибавленіемъ дестиллированной воды. Приборъ этотъ былъ придуманъ итальянцемъ *Малакреди*. Способъ его употребленія заключается въ слѣдующемъ:

1) Если осадокъ остается на днѣ и жидкость, сохраняетъ свою прозрачность, то погода устанавливается къ лучшему.

Рис. 8. Нормальная будка.

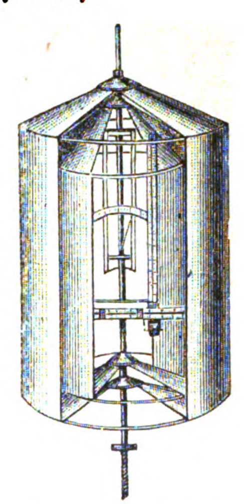


Рис. 9. Психрометрическая клѣтка.

2) Предъ дождемъ осадокъ медленно поднимается вверхъ и въ жидкости, въ общемъ, прозрачной, замѣтно движеніе нѣсколькихъ твердыхъ частицъ.

3) Предъ бурей или сильнымъ вѣтромъ часть осадка поднимается на поверхность жидкости и частицы его располагаются въ видѣ пера. Такія измѣненія происходятъ за 24 часа до измѣненія въ погодѣ.

4) Зимою осадокъ поднимается обыкновенно передъ снѣгомъ или морозомъ. Онъ становится бѣлымъ и содержитъ маленькія движущіяся звѣздочки.

5) Лѣтомъ предъ теплой и сухой погодой осадокъ находится очень низко.

Желая убѣдиться въ точности показаній этого прибора, я *) сдѣлалъ съ помощью его рядъ наблюденій. Слѣдующая таблица заключаетъ результаты, которыя были получены мною при этихъ наблюденіяхъ, продолжавшихся съ 11 мая по 28 іюля 1895 года:

*) Авторъ (Фарманъ).

	Точныя показанія.	Посредственныя.	Неудовлетворительныя.
Май	27	14	3
Іюнь	32	19	7
Іюль	27	16	8
Итогъ	86	49	18

Наблюденія дѣлались въ среднемъ два раза въ день—въ 9 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера.

Такимъ образомъ получаемъ слѣдующія отношенія.

Точныхъ показаній	0,562
Посредственныхъ	0,320
Неудовлетворительныхъ	0,118
Всего	1.000

Я не могу рѣшить, не совпали ли случайно мои наблюденія въ теченіе этихъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ съ особенно благопріятными для показаній прибора, обстоятельствами, но нельзя отрицать. что за это время онъ возвѣщалъ погоду съ извѣстною точностью. Мнѣ кажется также, что его предсказанія погоды были бы еще точнѣе, если при наблюденіи принимать въ разсчетъ состояніе не всей жидкости, образующей столбъ въ 15 сант. высотою, а его нижнюю часть. Можно ограничиться только 5 сант. этой части, раздѣливъ ее на 10 равныхъ дѣленій, причемъ 0 соотвѣтствовалъ бы хорошей погодѣ, а 10—бурѣ. Температура, повидимому, оказываетъ большое вліяніе на показанія этого прибора.

Мы описали главнѣйшіе инструменты, употребляемые при изученіи атмосферы. Описаніе ихъ составляетъ весьма неблагодарную задачу: какимъ бы краткимъ мы его ни сдѣлали, оно покажется читателю непремѣнно и длиннымъ, и скучнымъ. Но знакомство съ нимъ необходимо. Если бы намъ вздумалось изучать атмосферу безъ этихъ инструментовъ, мы походили бы вполнѣ на тѣхъ, кто захотѣлъ бы писать безъ помощи пера или читать съ закрытыми глазами.

Глава III.

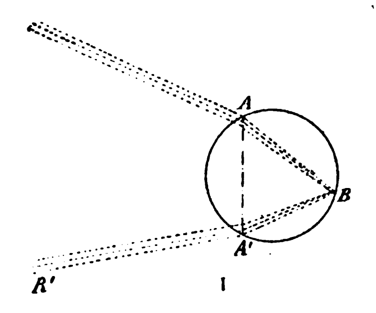
Оптическія явленія въ атмосферѣ: радуга, корона и свѣтлыя кольца (гало), ложное солнце, миражъ, свѣтовые столбы, привидѣніе Брокена, деформація солнца и луны.

Мы приступаемъ теперь къ изученію самой атмосферы, т. е. къ явленіямъ, которыя въ ней происходятъ. Размышляя о ея подвижности, постоянной измѣнчивости, нельзя не признать, что мы находимся въ крайне невыгодныхъ условіяхъ для открытія ея законовъ и уясненія ея явленій, и потребовались весь геній и настойчивость человѣчества, чтобы метеорологія заняла, наконецъ, мѣсто среди точныхъ наукъ.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ находится на днѣ воздушаго океана, и отсюда онъ долженъ научиться предсказывать явленія, которыя здѣсь происходятъ, отсюда ему приходится также открывать причины тѣхъ зрѣлищъ, которыя атмосфера доставляетъ его взорамъ, каковы: облака, свѣтлыя кольца, короны вокругъ свѣтилъ, молнія, сѣверное сіяніе, миражи и пр.

Самое простое изъ оптическихъ явленій, которое всякій видалъ и не могъ имъ не любоваться,—это, безъ сомнѣнія, *радуга*. Она появляется всякій разъ, когда наблюдатель находится между солнцемъ и полосою дождя, служащаго для перваго экраномъ. Явленіе это особенно часто происходитъ весною во время ливней, когда, по народному въ нѣкоторыхъ странахъ выраженію, «чортъ бьетъ свою жену и выдаетъ замужъ своихъ дочерей». Объясненіе явленія радуги весьма просто. Для появленія радуги необходимы только слѣдующія четыре условія: 1) капли дождя; 2) присутствіе солнца; 3) положеніе наблюдателя между солнцемъ и дождемъ и 4) солнце должно находиться ниже 41° надъ горизонтомъ, причемъ радуга составитъ касательную къ послѣднему.

Лучъ солнца, проникая въ каплю дождя, преломляется въ ней, и дойдя до противоположной стѣнки капля отражается этой поверхностью и выходитъ наружу уже въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ вошелъ. Такъ какъ синій, желтый и другіе простые лучи имѣютъ не одинаковый показатель преломленія, то лучъ бѣлаго свѣта по выходѣ изъ капли будетъ уже разложенъ на составлявшіе его цвѣтные лучи—появится радуга. Этимъ объясняется, почему радуга имѣетъ всѣ цвѣта солнечнаго спектра. Капля воды дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ какъ призма. Чѣмъ больше капли, тѣмъ ярче цвѣта радуги. Капельки воды въ туманахъ слишкомъ малы, чтобы они могли служить для образованія радуги.



Разница въ показателяхъ преломленія фіолетовыхъ и красныхъ лучей (въ водѣ) равняется, приблизительно, 2° (точнѣе 1°50′), что и соотвѣтствуетъ ширинѣ радуги. Часто наблюдается вторая радуга большихъ размѣровъ, но всегда болѣе блѣдная, чѣмъ первая.

Рис. 10 (I) поясняетъ то, что мы сказали выше.

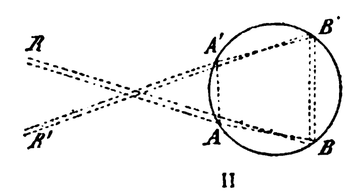


Рис. 10. Объясненіе явленія радуги. I) Простая радуга. II) Двойная радуга.

Лучъ *R* входитъ въ каплю въ точкѣ *A*, преломляется и отражается въ ней, а затѣмъ выходитъ изъ нея въ точкѣ *A* и слѣдуетъ по направленію *AR*′.

Явленіе двойной радуги легко понять, вглядѣвшись въ рис. 7 (II), гдѣ показано двойное отраженіе луча *RA*.

Иногда наблюдали радугу, которая на первый взглядъ казалась совершенно неправильной, но при болѣе внимательномъ наблюденіи оказывалось, что такая радуга, обыкновенно, происходитъ вслѣдствіе отраженія солнца какою-нибудь плоской поверхностью, напр., поверхностью озера, рѣки или даже моря, когда оно не очень взволновано.

Кромѣ этихъ неправильныхъ радугъ часто случалось видѣть одновременно вмѣсто 2, 3, 4 и даже 5 концентрическихъ радугъ. Наводя солнечный лучъ на струю фонтана, удавалось произвести цѣлыхъ 17 радугъ. Всѣ эти радуги происходятъ вслѣдствіе цѣлаго ряда преломленій и отраженій.

Луна также можетъ дать начало образованію радуги, но гораздо менѣе яркой, кажущейся иногда даже совсѣмъ бѣлой. Наблюдаемыя съ поверхности земли, эти радуги рѣдко достигаютъ большихъ размѣ-

ровъ, чѣмъ 130°; съ воздушнаго шара или съ вершины горы онѣ представляются часто въ видѣ почти полныхъ круговъ. Мнѣ случилось, весною 1895 года, послѣ сильнаго ливня, наблюдать такое явленіе съ высоты башни Эйфеля, высота которой всего только 300 метровъ.

Нѣсколько рѣже, чѣмъ радуга, наблюдается *корона* вокругъ солнца, луны и даже вокругъ такихъ блестящихъ планетъ и звѣздъ, какъ Венера, Юпитеръ, Сиріусъ. Явленіе это наблюдается гораздо чаще, чѣмъ *свѣтлыя кольца* (гало); оно происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда солнце или луна заслонены перистыми облаками (cirrus et pallio-cirrus) и когда въ атмосферѣ находится большое количество паровъ воды. Короны зависятъ не отъ преломленія свѣта, а отъ его диффракціи (и въ этомъ состоитъ ихъ различіе отъ *свѣтлыхъ колецъ*). Онѣ бываютъ часто бѣлаго или розоваго цвѣта и заключены въ зеленоватый и синій круги; ихъ діаметръ значительно меньше діаметра *свѣтлыхъ колецъ* и бываетъ, обыкновенно, не болѣе 4 или 5°.

Любопытное, хотя и очень рѣдкое явленіе состоитъ въ томъ, что корона и свѣтлое кольцо образуютъ одновременно два концентрическихъ круга на большемъ растояніи одинъ отъ другого.

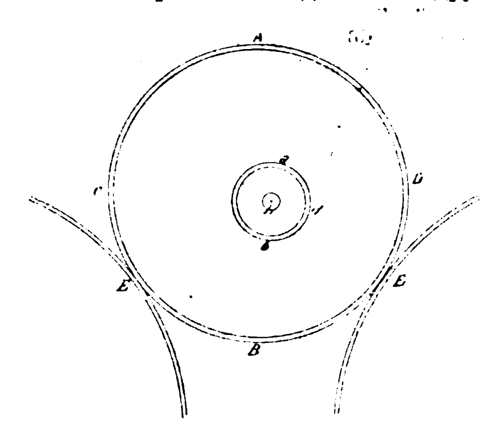


Рис. 11. Свѣтлое кольцо (гало), наблюдавшееся г. Фарманомъ около Кайо-сюръ-меръ.

Такъ, 27 сент. 1893 г., мнѣ случилось на берегу моря наблюдать слѣдующее явленіе:

L = луна.

abcd = корона изъ блѣдныхъ цвѣтовъ радуги.

A.B.C.D. Бѣлое свѣтлое кольцо (гало).

E,E' Два касательныхъ къ нему круга болѣе блѣдныхъ, чѣмъ само кольцо, но такого же, какъ и оно, бѣлаго цвѣта.

Небо было покрыто тонкимъ слоемъ перистыхъ облаковъ.

Настоящее *свѣтлое кольцо (гало)* происходитъ вслѣдствіе отклоненія солнечныхъ лучей при ихъ прохожденіи чрезъ призмы льдинокъ, изъ которыхъ состоятъ перистыя облака. *Маріоттъ* для объясненія образованія, свѣтлыхъ колецъ допускалъ, что извѣстное количество такихъ призмъ, находясь въ вертикальномъ положеніи, производятъ минимумъ отклоненія и образуютъ такимъ образомъ свѣтлое кольцо. Часто замѣчаютъ въ двухъ противоположныхъ точкахъ послѣдняго касательные къ нему круги. *Юнгъ* объясняетъ ихъ обратнымъ расположеніемъ нѣкоторыхъ ледяныхъ призмъ, т. е. лежащихъ не перпендикулярно, а горизонтально.

Отклоненіе лучей при прохожденіи кристалловъ льда, находящихся въ высокихъ слояхъ атмосферы, равняется для краснаго цвѣта 21°,37′, для желтаго 21°,48′, для зеленаго 21°,57, для синяго 22°,10′ и для фіолетоваго 22°,40′, что составляетъ разницу—maximum въ 1°,03′.

Свѣтлыя кольца (*гало*) имѣютъ чаще всего въ діаметрѣ 22°. Иногда наблюдается второй почти вдвое большій кругъ. *Фламмаріонъ* даетъ такое объясненіе этого явленія: «Второе свѣтлое кольцо происходитъ вслѣдствіе преломленія свѣта при его прохожденіи чрезъ двугранные углы въ 90°, образуемые боковыми сторонами призмъ съ ихъ основаніемъ, точно также, какъ обыкновенное *свѣтлое кольцо* образуется углами призмъ въ 60°. Какъ и это послѣднее, оно состоитъ изъ ряда слѣдующихъ одинъ за другимъ колецъ. Но вслѣдствіе наложенія одного цвѣта на другой, подобно тому, какъ это происходитъ для свѣтлаго кольца въ 22°, мы видимъ только красное кольцо внутри его и желтое въ срединѣ. Внѣшнія кольца кажутся, напротивъ, бѣлыми и ихъ цвѣтъ незамѣтно сливается съ общимъ освѣщеніемъ атмосферы». Кольцо это имѣетъ около 45° въ діаметрѣ».

Въ точкѣ касанія свѣтлыхъ круговъ и колецъ часто показывается второе довольно яркое солнце, называемое *парагеліемъ*.

Нерѣдко также образуется третій свѣтлый кругъ въ самой верхней, если можно такъ выразиться, точкѣ свѣтлаго кольца, т. е. въ точкѣ, наиболѣе приближенной къ зениту. Благодаря такому положенію оно получило названіе «*циркумзенитнаго круга*».

Для полноты явленія недостаетъ еще горизонтальнаго круга, который, проходилъ бы чрезъ солнце. Всѣ эти круги и парагеліи обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ комбинаціямъ въ положеніяхъ призмъ льда и нерѣдко ихъ чрезвычайно трудно объяснить, допуская даже, что общепринятая теорія этихъ явленій вполнѣ вѣрна.

Явленіе *свѣтлыхъ колецъ* рѣдко наблюдается въ своей полной формѣ. Однако *Ловицу* пасчастливилось наблюдать одно изъ такихъ зрѣлищъ, въ С.-Петербургѣ, 29 іюня 1790 года, отъ 7½ ч. до 12½ ч. утра.

Свѣтлое кольцо наблюдаютъ также иногда вокругъ нѣкоторыхъ планетъ, въ особенности вокругъ Венеры, когда это прекрасное свѣтило достигаетъ максимума своего блеска. 17-го сентября 1894 года *Вимонтъ* наблюдалъ простымъ глазомъ это интереснѣйшее явленіе. Венера была окружена свѣтлымъ кольцомъ, имѣющимъ полградуса въ діаметрѣ; небо вокругъ нея до самаго свѣтлаго кольца было блѣдно-желтаго цвѣта, а самое кольцо слегка краснаго.

Многимъ наблюдателямъ случалось видѣть свѣтлыя кольца необычайной формы, то въ видѣ многочисленныхъ дугъ, то въ видѣ крестовъ, производимыхъ взаимнымъ пересѣченіемъ большихъ свѣтлыхъ круговъ, видимыхъ только въ незначительной своей части.

При объясненіи явленія *свѣтлыхъ колецъ* наталкиваешься иногда на необычныя трудности. Подъ вліяніемъ вѣтра призмы льда должны были бы, казалось, располагаться всѣ одинаковымъ образомъ, но по существующей теоріи необходимо допустить, что онѣ расположены въ извѣстной части неба вертикально, нѣсколькими градусами далѣе горизонтально и, въ иныхъ случаяхъ, наклонно. Хотя общепринятая теорія кажется одной изъ наиболѣе вѣроятныхъ, я убѣжденъ однако, что если бы наблюдатель изучилъ вполнѣ всѣ вопросы, относящіеся къ этой области явленій, онъ получилъ бы массу новыхъ идей и нашелъ бы, что многія явленія все еще остаются безъ объясненія или объясняются весьма неудовлетворительно.

Тиссандье, 27-го марта 1875 г., во время продолжительнаго полета на воздушномъ шарѣ *Зенитъ*, имѣлъ случай наблюдать одно изъ только что описанныхъ явленій.

Кресты часто были наблюдаемы жителями горныхъ странъ и считались всегда дурнымъ предзнаменованіемъ. Появленіе на небѣ такого креста Вимперу и его проводникамъ 14 іюля 1866 года послѣ катастрофы на горѣ Сервенѣ упрочило еще болѣе это вѣрованіе, и безъ того прочно укоренившееся въ воззрѣніяхъ жителей Швейцарскихъ Альпъ.

Такъ называемое *ложное солнце*—явленіе, происходящее вслѣдствіе отраженія солнечнаго диска на слоѣ облаковъ, наблюдается чрезвычайно рѣдко и только съ воздушнаго шара или съ горныхъ вершинъ. Только очень немногимъ изъ аэронавтовъ удавалось созерцать это интересное зрѣлище.

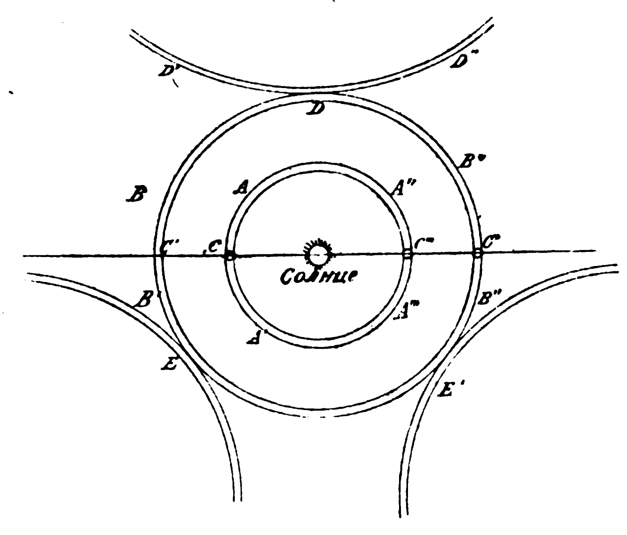


Рис. 12.

Чтобы покончить съ описаніемъ этихъ явленій, приводимъ рис., 12 резюмирующій данныя, касающіяся свѣтлыхъ колецъ и ихъ составныхъ частей.

$AA'A''A'''$—обыкновенное свѣтлое кольцо (гало), имѣющее въ діаметрѣ 22°.

$BB'B''B'''$—кольцо въ діаметрѣ 47°.

$C, C'C''C'''$—Горизонтальное кольцо.

$C'C'''$—парагеліи.

$DD'D''$—циркумзенитальная дуга.

EE'—касательные круги.

Въ числѣ другихъ свѣтовыхъ явленій, наблюдающихся въ атмосферѣ, *миражъ*, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ. Миражи нерѣдко были причиною роковыхъ заблужденій для многихъ путешественниковъ и даже для французскихъ войскъ во время ихъ пребыванія въ Африкѣ.

Послѣ продолжительныхъ дневныхъ переходовъ, подъ сводами все время прозрачнаго, чистаго неба, среди сожженной знойными лучами солнца равнины, путникъ вдругъ замѣчаетъ въ заманчивой близости озера или пальмы и радуется, предвкушая наслажденіе освѣжить свое

усталое тѣло и запастись водою. Въ немъ воскресаетъ энергія, силы его удваиваются по мѣрѣ того, какъ ему кажется, что онъ уже близокъ къ этому озеру, къ этой столь желанной водѣ. Но мало-по-малу видѣніе становится все менѣе яснымъ, очертанія видимыхъ предметовъ расплываются и несчастный путникъ видитъ предъ собою уцѣлѣвшими отъ роскошнаго видѣнія только нѣсколько пальмъ, растущихъ на клочкѣ менѣе изсушенной, чѣмъ остальная, почвы. Можно представить себѣ то разочарованіе, вѣрнѣе, отчаяніе, которое овладѣваетъ неопытнымъ путникомъ, когда казавшійся близкимъ оазисъ исчезаетъ, какъ фантастическое видѣніе.

Монжъ, сопровождавшій Наполеона въ его походѣ въ Египетъ, первый далъ объясненіе этого явленія.

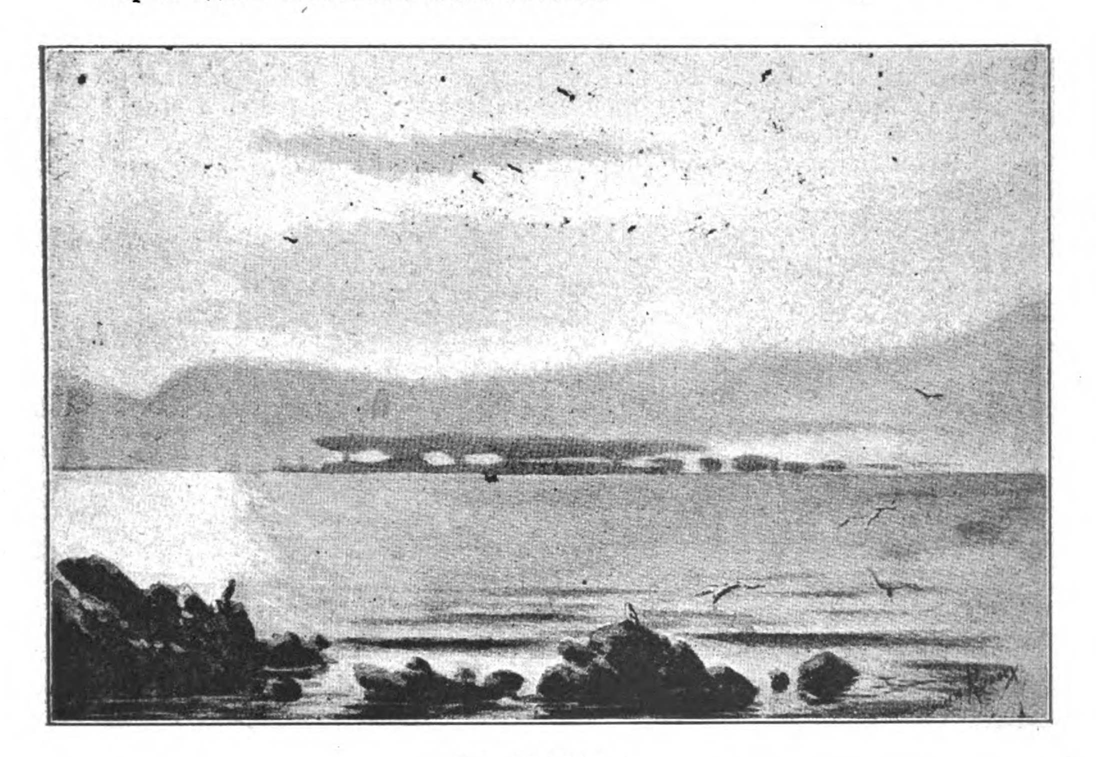


Рис. 13. Миражъ.

Когда почва сильно нагрѣвается солнечными лучами, слои воздуха на ея поверхности становятся болѣе легкими. Плотность воздуха прогрессивно увеличивается, начиная отъ самой почвы до извѣстной высоты, гдѣ она уже слѣдуетъ обыкновеннымъ законамъ.

Допустимъ, что лучи свѣта идутъ отъ какого-нибудь высокаго предмета, напр., пальмоваго дерева. Они должны пройти чрезъ слои воздуха все менѣе и менѣе плотные, а стало быть, и менѣе преломляющіе. Вслѣдствіе этого лучи все болѣе уклоняются отъ вертикали и, наконецъ, встрѣчаютъ слой воздуха подъ такимъ угломъ, который составляетъ предѣлъ преломленія и за которымъ слѣдуетъ ихъ полное внутреннее отраженіе. Лучи отражаются при этомъ совершенно такъ же, какъ, если бы они встрѣтили на своемъ пути водную поверхность, почему они и даютъ ложное изображеніе этой послѣдней.

Такой миражъ наблюдается чаще всего, но бываютъ миражи въ верхней части атмосферы, слои которой на извѣстной высотѣ могутъ иногда отражать, какъ зеркало, предметы, находящіеся подъ ними на почвѣ. Такой *миражъ* (*марево*) довольно часто наблюдается въ полярныхъ странахъ. Однако, его удалось видѣть нѣсколькимъ парижанамъ, случайно находившимся на набержной Сены между 3 и 4 ч. утра 14-го декабря 1869 гола. Небо было ясно и только тонкій слой перистыхъ облаковъ слегка заслонялъ звѣзды. Надъ головами зрителей на небесномъ сводѣ явились ясныя очертанія мостовъ, береговъ Сены, огней газовыхъ рожковъ, терявшихся въ безконечной дали, словно цѣлый рядъ вновь появившихся звѣздъ. Монументы мрачными массивами обрисовывались на небѣ и придавали зрѣлищу феерическій характеръ (Фламмаріонъ).

Точно также г. *Тиссандье* во время своего перваго воздушнаго путешествія изъ Калэ ясно видѣлъ надъ собою море и корабли, которые на немъ находились. Подобныхъ наблюденій было сдѣлано много, но мы не будемъ ихъ перечислять.

Здѣсь кстати напомнить читателю законы, относящіеся къ преломленію свѣта.

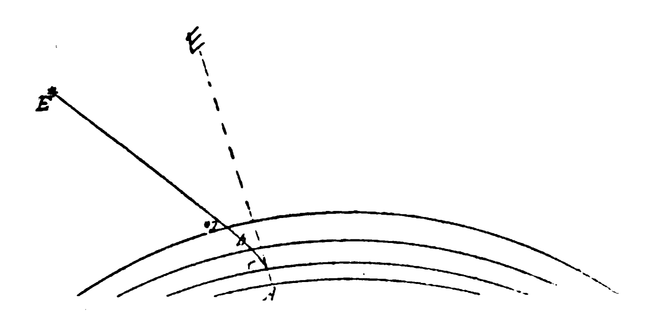


Рис. 14.

1-й законъ. Для одной и той же среды существуетъ постоянное отношеніе между синусомъ угла паденія и синусомъ угла преломленія свѣтовыхъ лучей.

2-й законъ. Падающій и преломленный лучъ находятся въ одной плоскости, перпендикулярной къ поверхности преломляющей среды.

Посмотримъ, что происходитъ предъ наблюдателемъ, когда онъ находится на поверхности земли.

Преломленіе, испытываемое свѣтовыми лучами, исходящими отъ какого-нибудь свѣтила, составляетъ причину, почему эти тѣла намъ кажутся выше надъ горизонтомъ, чѣмъ въ дѣйствительности, и почему мы видимъ, напр., солнце раньше его восхода и нѣсколько времени спустя послѣ его захожденія.

Рисунокъ 14-й въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, показываетъ намъ, какъ происходитъ это явленіе. Атмосфера состоитъ изъ слоевъ, постепенно увеличивающихся или уменьшающихся въ своей плотности, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ихъ сверху или снизу, и свѣтовые лучи при своемъ прохожденіи чрезъ эти слои описываютъ вслѣдствіе ряда послѣдовательныхъ преломленій кривую, обращенную своей вогнутой стороною къ поверхности земли. Но такъ какъ мы видимъ тѣла всегда какъ бы находящимися по прямой линіи доходящихъ до

насъ лучей, то наблюдатель увидитъ звѣзду E въ точкѣ E', по прямой, составляющей продолженіе наиболѣе преломленной части луча въ послѣднемъ ближайшемъ къ намъ слоѣ атмосферы.

Но, кромѣ этихъ, давно извѣстныхъ и объясненныхъ явленій, существуетъ цѣлая категорія такихъ, которымъ мы не можемъ дать сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія.

Въ 1692 году *Кассини* первый далъ научное описаніе явленія, которое онъ назвалъ «свѣтовымъ видѣніемъ» и которое въ настоящее время носитъ названіе «*свѣтового столба*». Оно состоитъ въ томъ, что, вертикально надъ горизонтомъ, исходя отъ солнца или отъ луны, появляется конусообразный или цилиндрическій столбъ свѣта. *Амедей*

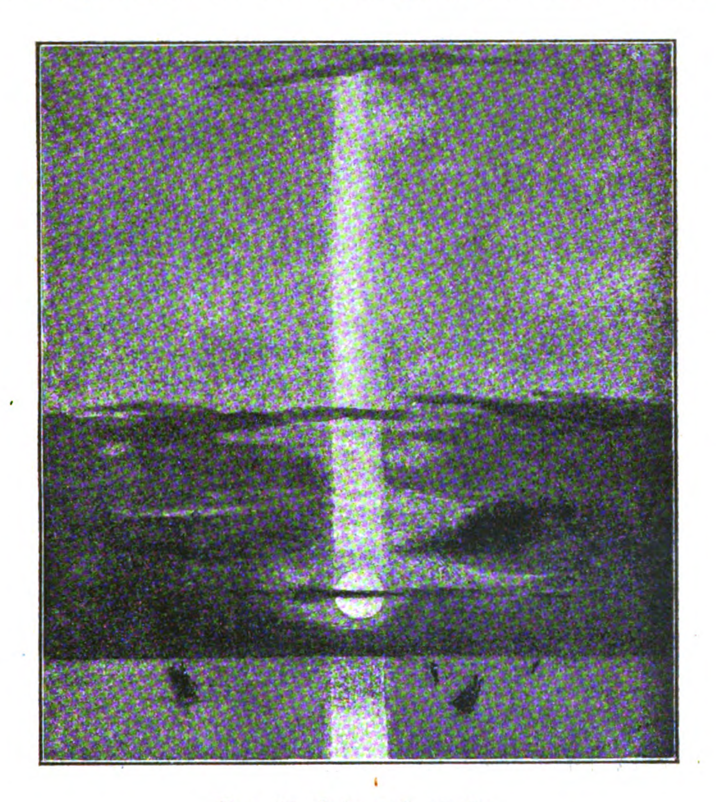


Рис. 15. Свѣтовой столбъ.

Гильмэнъ наблюдалъ такое явленіе 12-го и 14-го іюля 1876 года въ Орсеи (Orsay). Свѣтящаяся колонна исходила, очевидно, изъ части атмосферы, находящейся выше облаковъ, такъ какъ послѣднія отчасти заслоняли ее.

Подобный же свѣтящійся столбъ *Муро* наблюдалъ около луны; причемъ, вскорѣ послѣ восхода луны онъ увидѣлъ другой столбъ, исходившій отъ нижней части ея диска; столбъ этотъ составлялъ какъ бы продолженіе перваго. Небо въ это время, равно какъ и въ случаѣ, наблюдавшемся раньше, было кое-гдѣ покрыто перистыми облаками, что заставляетъ думать, что происхожденіе «свѣтовыхъ столбовъ» слѣдуетъ также искать въ снѣговыхъ облакахъ, находящихся на огромной высотѣ. Явленіе это обязано своимъ происхожденіемъ,

безъ сомнѣнія, особому виду отраженія, возможному только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ число наблюденій этого рода весьма незначительно. Свѣтящіеся столбы появлялись во всѣхъ наблюденныхъ до сихъ поръ случаяхъ только при восходѣ и, въ особенности, при закатѣ луны или солнца.

Водяные пары атмосферы также являются причиной одного крайне рѣдкаго и любопытнаго оптическаго явленія. Такъ, напр., когда воз-

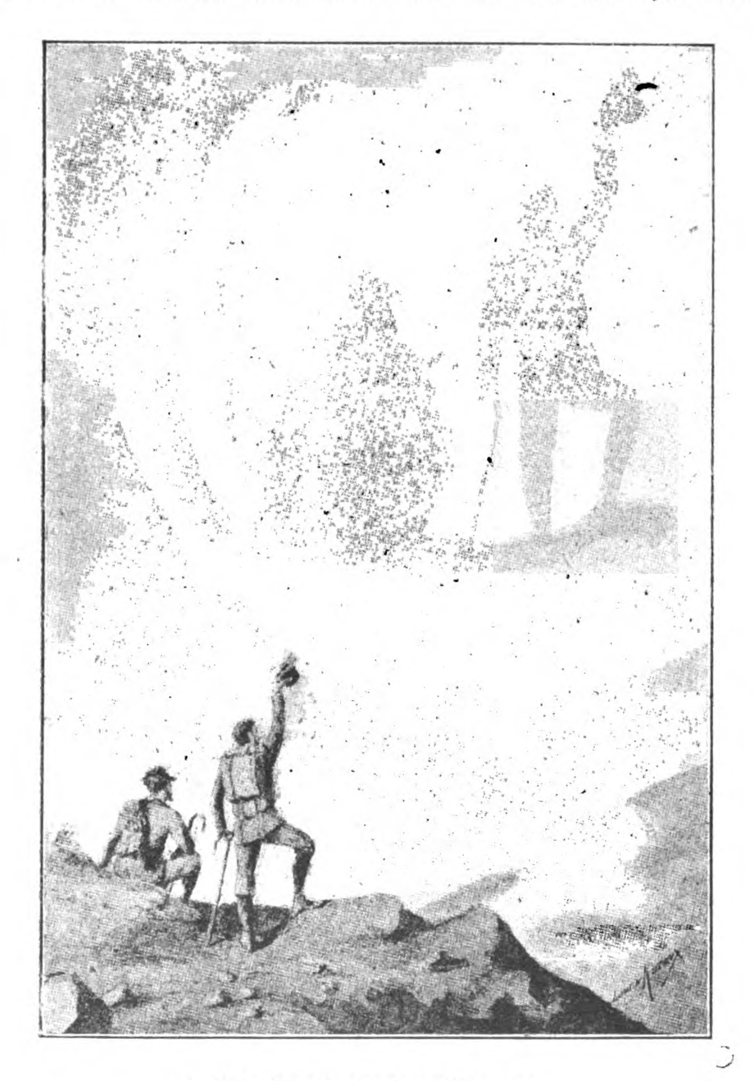


Рис. 16. Привидѣніе Брокэна.

душный шаръ находится между солнцемъ и дождевымъ облакомъ, то почти всегда можно наблюдать, что его тѣнь, ложащаяся на облако, окружается свѣтлымъ цвѣтнымъ ореоломъ. Во время моего воздушнаго путешествія 23 іюля 1895 года я самъ наблюдалъ такого рода зрѣлище. Шаръ отбрасываетъ отъ себя густую, сѣрую тѣнь, вокругъ которой концентрическими кругами располагаются различные цвѣта радуги.

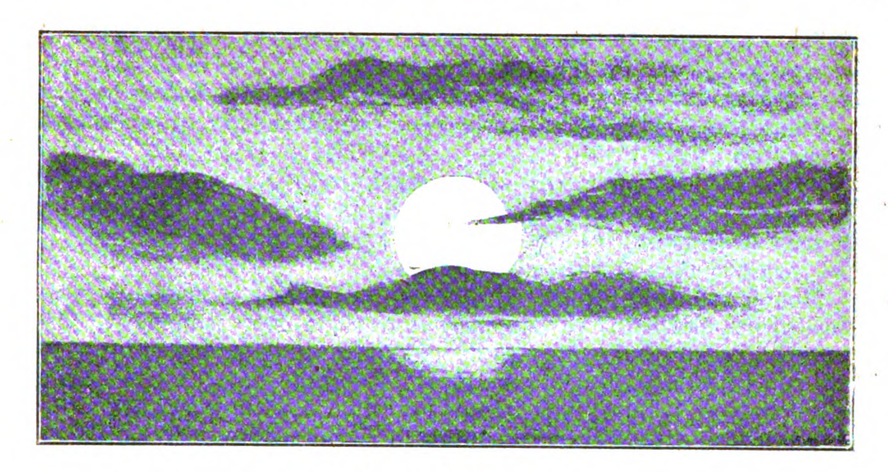


Рис. 17. Деформація солнечнаго диска.

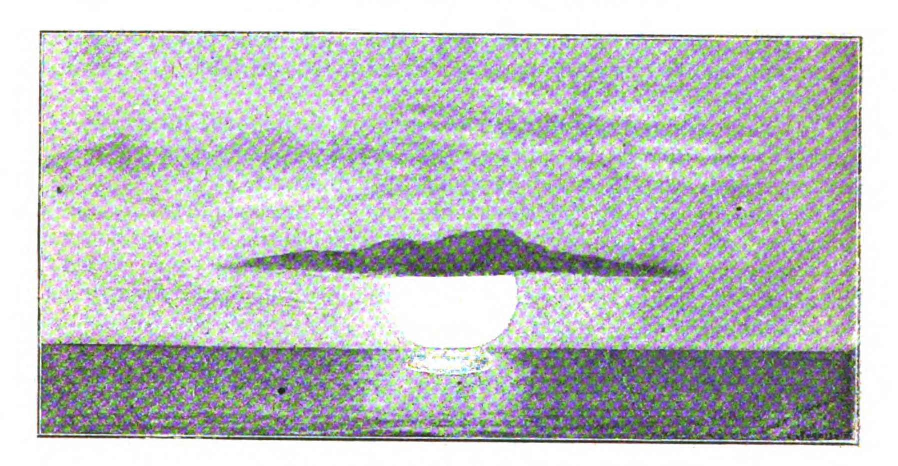


Рис. 18. Деформація солнечнаго диска.

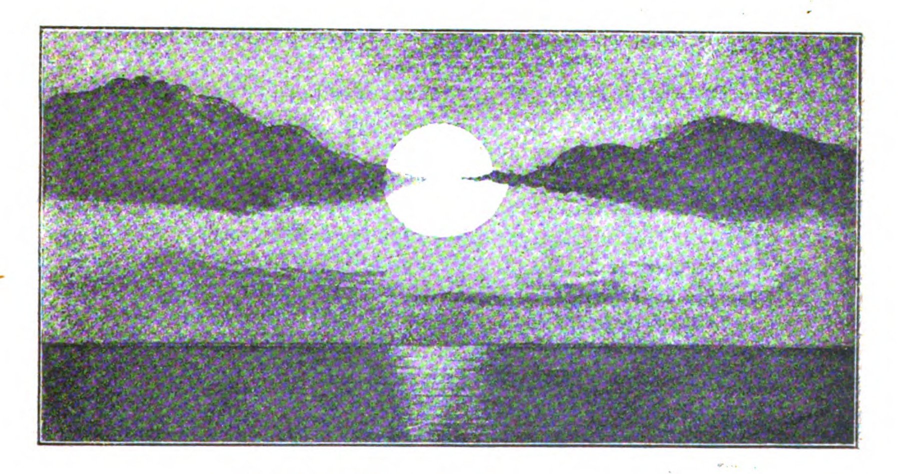


Рис. 19. Деформація солнечнаго диска.

Подобныя же явленія много разъ наблюдались въ горахъ. Въ этихъ случаяхъ тѣнь, исходящая отъ туристовъ и отъ находящихся вблизи нихъ предметовъ, ложится въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ на поверхность облака и окружается, обыкновенно, довольно блѣдной радугой,

Гора Брокэнъ, въ Швейцаріи, знаменита тѣмъ, что на ней часто наблюдаютъ явленія этого рода. Французъ Стробонъ, артистъ, отправившійся на Брокэнъ съ спеціальной цѣлью полюбоваться этимъ зрѣлищемъ, даетъ намъ слѣдующее описаніе:

«Мой проводникъ, обнаруживавшій съ нѣкотораго времени признаки безпокойства, озираясь то направо, то налѣво, вдругъ привелъ меня на одно возвышеніе, откуда я имѣлъ рѣдкое счастье созерцать въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній чудное явленіе миража, называемое «привидѣніемъ Брокэна». Впечатлѣніе было поразительно. Густой туманъ, исходившій, казалось, изъ облаковъ, вдругъ, подобно огромному пологу, поднялся съ западной стороны горы; появилась радуга; потомъ обозначились какія-то неопредѣленныя формы. Первой обрисовалась въ гигантскихъ размѣрахъ большая башня отеля, потомъ, болѣе слабо и менѣе правильно, оба наши силуэта. Всѣ эти тѣни быстро двигались и были окружены цвѣтами радуги, служившей рамкой для этой волшебной картины».

Подобныя наблюденія были сдѣланы въ большомъ числѣ во всѣхъ странахъ міра, но мы не считаемъ ни необходимымъ, ни заслуживающимъ интереса упоминать о каждомъ изъ нихъ.

Невольно приходишь въ изумленіе предъ чрезмѣрнымъ обиліемъ и разнообразіемъ оптическихъ явленій въ атмосферѣ. Мы не упоминали еще о другихъ, мало извѣстныхъ явленіяхъ, которыя, при всемъ ихъ взаимномъ сходствѣ, не тождественны и можетъ быть принадлежатъ къ совершенно различнымъ категоріямъ. Къ тому же, большинство изъ нихъ объяснено крайне неудовлетворительно и относящіяся къ нимъ гипотезы оставляютъ желать многаго, какъ со стороны правдоподобія, такъ и точности.

На берегу моря дискъ луны или солнца нерѣдко кажется искаженнымъ, неправильнымъ. Неправильность формы этихъ свѣтилъ можно раздѣлить на двѣ, отличныя одна отъ другой, категоріи: однѣ происходятъ до того момента, когда свѣтило достигнетъ горизонта, другія въ то самое время, когда оно скрывается за этимъ послѣднимъ. (См. рис. 17, 18, 19).

Близъ Кайо-сюръ-Мэръ (Cayeux-sur-Mer), я наблюдалъ нѣсколько такихъ явленій, принадлежащихъ къ первой категоріи.

Наблюденія второй категоріи весьма многочисленны, но всѣ они, или почти всѣ, отличаются значительно одно отъ другого.

Деформація свѣтилъ, какъ и другія описанныя выше оптическія явленія, требуетъ болѣе научнаго объясненія. Многочисленность наблюденныхъ уже случаевъ сама по себѣ показываетъ, что и порождающія ихъ причины должны быть также весьма многочисленны.

Сказаннаго въ настоящей главѣ вполнѣ достаточно, чтобы дать понятіе о необычайномъ разнообразіи явленій, происходящихъ въ окружающемъ насъ воздушномъ океанѣ. Но, какъ мы увидимъ дальше, молніи, сѣверныя сіянія и многія другія явленія могутъ изумить насъ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ привидѣніе Брокэна или ореолъ, окружающій тѣнь аэронавтовъ.

Но не слѣдуетъ никогда опускать руки и отчаяваться, хотя бы

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.